

дн

Сборник
СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

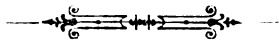
ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

Зане

ТИФЛИСЬ.

Типографіи: Канц. Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ
и К. Козловскаго.

1908.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе Л. Лопатинскаго	I—III.

Отдѣль первый.

Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ по Р. Хр. о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ. Н. А. Караулова.	1—130
Болгары на Кавказѣ. Н. А. Караулова	131—150
Гагры. А. Г. Передельскаго.	152—190
Трухменская степь и трухмены. А. А. Володина.	1—98
Кавказскія легенды объ Эльбрусь. С. В. Фарфоровскаго.	99—107
Изъ поѣздокъ по Карсской области. В. И. Днѣвникова	108—254.

Отдѣль второй.

Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Наурской, Терской области. П. А. Вострикова	1—63
Абхазскія пословицы, загадки и скороговорки. Д. О. Гуля	1—34
Нѣкоторыя своеобразныя и малопонятныя слова, вошедшія въ говоръ населенія станицъ Сѣвернаго Кавказа; пословицы и поговорки съ примѣчаніями, объясняющими значеніе нѣкоторыхъ словъ. Л. К. Розенберга.	37—48

732190

Изъ трухменской народной поэзіи. *А. А. Володина.* 49— 57.

Отдѣль третій.

Замѣтки о кавказскихъ языкахъ *Ф. Борка. А. М.*

Дирра. 1— 28

Суффинсы русскаго языка, образовавшіеся подь
вліяніемъ кавказскихъ языковъ. *Л. Г. Лопатинскаго*

. 29— 42

Слова велинорусскаго нарѣчія, записанныя въ стан.

Михайловской, Кубанской области. В. А. Во-

дарскаго. 43— 49.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отдѣль I открывається статьей *Н. А. Караулова* „Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ по Р. Хр. о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ“, которая служитъ продолженіемъ статей, напечатанныхъ въ XXIX, XXXI и XXXII выпускахъ Сборника. Настоящая статья сопровождается подробнымъ комментариемъ, съ объясненіемъ географической номенклатуры; къ ней же приложена составленная уважаемымъ авторомъ карта Кавказа, которая можетъ служить пособіемъ и при чтеніи помѣщенныхъ раньше географовъ. Обращаю вниманіе на описаніе Ибн-Хаукалемъ страны хазаръ, государственнаго ихъ устройства и обычаевъ (стр. 107—118). По Ибн-Хаукалю, языкъ хазаръ не похожъ на турецкій, и съ нимъ не сходенъ ни одинъ изъ языковъ извѣстныхъ народовъ (стр. 113). Стало-быть, потомковъ историческихъ хазаръ слѣдуетъ искать въ тѣхъ же ущельяхъ Кавказскихъ горъ, въ которыхъ сохранились авары и аланы. Интересно, что Мас'уди насчитываетъ въ горахъ Кабхъ (Кавказскихъ) большое племя, 4ѣмъ Стравонъ—72 (стр. 40), а Ибн-Хаукаль говоритъ даже о 360 народахъ (стр. 97). Мас'уди сообщаетъ о нападеніи русовъ на мѣстности, прилегающія къ Хазарскому (Каспійскому) морю, и о высадкѣ ихъ у нефтеннаго побережья, извѣстнаго подъ именемъ Баку (стр. 48). О Тифлисѣ Ал-Мукадасій и Мас'уди упоминаютъ вскользь. Болѣе подробно описываетъ теперешнюю столицу Закавказья Ибн-Хаукаль (стр. 89), но онъ не знаетъ грузинъ. О грузинахъ, или хазранахъ упоминаетъ только Мас'уди (стр. 56), который знаетъ также царство Самсаха—Самцхе (стр. 57) и говоритъ о томъ, что Кура беретъ начало въ царствѣ

джурджинъ—грузинъ (стр. 60). Подробно описаны у Ибн-Хаукаля Берда'а—Барда (стр. 87) и Баб-уль-Абвабъ—Дербентъ (стр. 88).

Въ статьѣ того же автора „**Болнары на Кавказѣ**“ сообщается этнографическій очеркъ этого тюркскаго народца, живущаго въ тѣсныхъ ущельяхъ центральной части Кавказскихъ горъ между соплеменными ему карачаевцами и иранцами-осетинами.

Въ статьѣ *А. Г. Передельскаго* „**Гагры**“ описывается съ точки зрѣнія врача-практика этотъ благоустроенный курортъ, недавно возникшій какъ бы по мановенію волшебнаго жезла на берегу Чернаго моря и имѣющій, какъ санитарная станція, несомнѣнно блестящую будущность.

Статья *А. Володина* „**Трухменская степь и трухмены**“ даетъ обстоятельное и всестороннее описаніе этого небольшого народа тюркскаго происхожденія, затеряннаго въ степяхъ Ставропольской губерніи. Къ статьѣ приложена составленная самимъ авторомъ карта.

Въ статьѣ *С. Фарфоровскаго* „**Кавказскія легенды объ Эльбрусь**“, рядомъ съ народными преданіями, изображена въ яркихъ штрихахъ и природа этой горы-великана.

Въ статьѣ *В. И. Дьячкина* „**Изъ поѣздокъ по Карсской области**“ описывается этотъ отдаленный край Закавказья, который авторъ, въ роли піонера по насажденію школьнаго образованія, извѣздилъ по всѣмъ направленіямъ.

*
* *

Во II отдѣлѣ помѣщено нѣсколько статей этнографическаго содержанія.

„**Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Наурской, Терской области**“, записанныя и положенныя на ноты *П. Востриковымъ*, служатъ продолженіемъ пѣсенъ, собранныхъ В. Пятирублевымъ и напечатанныхъ въ XV вып., отд. I, стр. 145—226.

„**Абхазскія пословицы, загадки и скороговорки**“, записанныя *Д. О. Гулией*, сопровождаются цѣнными замѣтками *С. А. Алферова*. Нѣкоторыя пословицы, отличающіяся оригинальностью, не имѣютъ среди другихъ народовъ своихъ параллелей.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена статья *Л. К. Розенберга* „**Нѣкоторыя своеобразныя и малопонятныя слова, вошедшія въ говоръ населенія станицъ Сѣвернаго Кавказа; пословицы и поговорки съ примѣчаніями, объясняющими значеніе нѣкоторыхъ словъ**“.

Здѣсь же помѣщена статья *А. Володина* „**Изъ тухменской народной поэзіи**“, составляющая одно цѣлое со статьей того же автора, помѣщенной въ I отдѣлѣ.

*
* *

Въ отдѣлѣ III помѣщены „**Замѣтки о кавказскихъ языкахъ Ф. Борна**“, переведенныя съ нѣмецкаго языка *А. М. Дирромъ*, нашимъ неутомимымъ сотрудникомъ. Эти замѣтки представляютъ для занимающихся кавказской лингвистикой большой интересъ.

Моя статья „**Суффиксы русскаго языка, образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ**“, составляетъ продолженіе статьи, напечатанной въ XXXI выпускѣ Сборника.

Наконецъ помѣщены „**Слова великорусскаго нарѣчія, записанныя въ стан. Михайловской, Кубанской области**“ *В. А. Водарскимъ*, сотрудникомъ новаго изданія Академическаго словаря русскаго языка.

Л. Лопатинскій.

20 января 1908 г.

Тифлисъ.

О П Е Ч А Т К И :

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>		<i>Слѣдуетъ читать.</i>
	<i>Сверху. Снизу.</i>			

Отдѣлъ I.

(Ст. Болвары).

137	11	—	строють	строятъ
138	15	—	серебрянными	серебряными
139	15	—	брѣются	бреются

Отдѣлъ II.

7	15	—	веселится	веселиться
27	—	2	№ 8	№ 31
37	—	4	не по комъ	ни по комъ
45	10	—	къ 59 пропущено: (напѣвъ № 45)	
„	12	—	къ 60 пропущено: (напѣвъ № 46)	
46	7	—	пропущено: (напѣвъ № 47)	
49	—	11	напечатана	напечатано
50	13	—	пропущено послѣ	сл. текста: стр.
„	„	—	109	119
59	—	14	блестала	блистала

ОТДѢЛЪ І.

Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ по Р. Хр. о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ.

VII. Ал-Мукаддасій.

(Писалъ въ 985 году по Р. Хр.).

Шемс-уд-дин-abu-'Абдулла-Мухаммед-ибн-Ахмед-ибн-аби-Бекр-ал-Бенна ал-Бешарій ал-Мукаддасій (іерусалимецъ) родился въ Іерусалимѣ въ 336 году гижры (23 іюля 947—10 іюля 948 г. по Р. Хр.). Его отецъ, а также его дѣдъ были архитекторы, почему ал-Мукаддасія нерѣдко называли Ибн-ал-Бенна (сынъ архитектора).

Онъ получилъ прекрасное образованіе и обладалъ солидными познаніями въ торговыхъ дѣлахъ. Достигнувъ сорокалѣтняго возраста послѣ многихъ и долгихъ путешествій онъ рѣшился составить описаніе мусульманскихъ странъ и особенностей ихъ жителей. Сочиненіе это озаглавлено: „Ахсану-т-текасим фи ма'рифати-л-акалим (лучшее изъ дѣлений для познаній климатовъ)“.

Отъ сочиненій другихъ географовъ оно отличается тѣмъ, что авторъ даетъ множество свѣдѣній о климатѣ, произведеніяхъ, торговлѣ, мѣрахъ и вѣсахъ, обычаяхъ и особенностяхъ каждой страны.

Издано оно подъ заглавіемъ: *Descriptio imperii moslemici auctore... al-Mokaddasi ed. M. I. de Goeje, Lugd. Batav. 1877.* (III томъ *Bibliothecae Geographorum arabicorum*).

Страницы III-го тома изданія de Goeje указаны на поляхъ перевода.

При переводѣ мы пользовались основнымъ текстомъ ал-Мукаддасія, установленнымъ De Goeje, указывая лишь

на наиболее заслуживающіе вниманія варианты другихъ списковъ автора.

Буквы латинскаго алфавита за скобкой относятся къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, касающимся текста, а цифры относятся къ объясненіямъ и примѣчаніямъ, помѣщеннымъ отдѣльно послѣ перевода.

ИЗЪ КНИГИ:

Лучшее изъ дѣлений для познанія климатовъ.

О моряхъ и рѣкахъ ар-Рихаба. 1)

23.2 Что касается до рѣкъ ар-Расса, аль-Мелика и аль-Курры 2), то онѣ идутъ отъ земель Рума 3), а затѣмъ впадаютъ въ море Хазарское 4).

46.16 Нѣкоторые говорятъ: скала Мусы въ Шарванѣ, море—озеро Табаристанское и селеніе Баджарванъ, а юноша былъ убитъ въ селеніи Хазаранъ 5).

51.6 Города при Итилѣ: Булгаръ, Семендеръ, Суваръ, Бегандъ, Кайшва, Байдау, Хамлиджъ и Беленджеръ 6).

При Берда'а города: Тифлисъ, Кал'а, Хунанъ, Шамвуръ, Джанза, Бердиджъ, Шамахія, Шарванъ, Баку, Шабиранъ, Баб-уль-Абвabъ, Абхазъ, Кабала, Шавви, Малазвердъ и Тебла 7).

Города при Дабилѣ: Бадлисъ, Хилать, Арджишъ, Беркери, Хувей, Саламасъ, Урмія, Дахарраванъ, Мерага, Агаръ, Мерандъ, Сенджанъ, и Каликала 8).

При Ардабилѣ города: Русбѣ, Тебризь, Джабраванъ, Меаниджъ, Серать, Варсанъ, Муванъ, Мемадъ и Берзэндъ 9).

355.5 Что касается до Хазаръ, то это обширная область за моремъ, пустынная, дикая; въ ней много мелкаго скота, меду и много іудеевъ.

На отдаленной границѣ ихъ находится стѣна Яджуджъ

и Маджуджъ ¹⁰⁾. Область эта граничитъ съ землями Рума; въ ней двѣ рѣки, на которыхъ большая часть ихъ городовъ; рѣки впадаютъ въ море.

На границахъ ея близъ Джурджана гора Бинкишла; столица области Итиль, а города ея Булгарь, Семендерь, Суварь, Бегандъ, Кайшва, Хамлиджъ, Беленджеръ и Байдау.

.....

360.16 Итиль—большой главный городъ на рѣкѣ, называемой Итиль и текущей въ море. Имя свое рѣка получила отъ города, лежащаго на берегу ея со стороны Джурджана ¹¹⁾. Въ немъ лѣса и много мусульманъ, а царь его іудей, и у него обычаи и судьи изъ мусульманъ, іудевъ, христіанъ

361. и язычниковъ. Я слышалъ, что Ма'мунъ ¹²⁾ ходилъ походомъ на нихъ изъ Джурджана, овладѣлъ ихъ царемъ и призвалъ его къ исламу. Потомъ я слышалъ, что войско изъ Рума, называемое русами, сдѣлало на нихъ набѣгъ и овладѣло ихъ страной.

Вокругъ этого города построена стѣна а), дома его разбросаны, онъ величиною съ Джурджанъ или больше. Жилищами имъ служатъ палатки изъ дерева и войлока и шатры, за исключеніемъ немногихъ жилищъ, построенныхъ изъ глины, а замокъ правителя изъ обожженного кирпича. Въ городѣ четверо воротъ; одни изъ нихъ обращены къ рѣкѣ и къ нимъ переправляются на судахъ, а другіе обращены къ степи; степь эта дикая, сухая безъ растительности и плодовъ; хлѣбъ у хазаръ пшеничный, а приправой къ нему служитъ рыба.

Булгарь, расположенъ по обѣ стороны рѣки. Жилища въ немъ изъ дерева и камыша; ночь тамъ короткая; соборная мечеть выстроена на площади со времени принятія ими ислама и превращенія ихъ въ бойцовъ за вѣру. Го-

а) С даетъ: «Іудеи играли тамъ главную роль и нѣкоторые изъ нихъ приняли исламъ; надъ городомъ укрѣпленіе».

родъ лежитъ на рѣкѣ Итиль и ближе къ озеру (мору), чѣмъ столица ¹³).

Суварь—на этой же рѣкѣ. Жилищами въ немъ служатъ шатры; у суварцевъ обильные посѣвы и громадныя хлѣба ¹⁴).

Хазарь—на другой рѣкѣ Хазарь со стороны ар-Рихабъ; городъ лежитъ на одномъ берегу рѣки ¹⁵). Это самый обширный и самый здоровый изъ упомянутыхъ нами городовъ. Жители его раньше переѣхали къ берегу моря, а теперь возвратились къ нему снова. Они приняли исламъ, тогда какъ раньше были іудеями.

Семендеръ—большой приморскій городъ, лежащій между рѣкой Хазарь и Баб-уль-Абвабомъ; домами его служатъ палатки. Большая часть жителей его христіане, люди кроткіе и любящіе чужестранцевъ, но занимаются разбоемъ. Городъ этотъ обширнѣе Хазара; въ немъ много садовъ, виноградныхъ лозъ и деревьевъ; жилища семендерцевъ изъ дерева, переплетеннаго камышомъ; крыши у нихъ остроконечныя, и у нихъ много мечетей ¹⁶).

373.7

Область ар-Рихабъ

Такъ какъ эта область велика и прекрасна, въ ней много плодовъ и винограду, города ея изъ самыхъ здоровыхъ мѣстъ страны, какъ напримѣръ: Муканъ, Хилать и Тебризь, который близокъ къ Ирану, цѣны въ ней дешевыя; по ней текутъ рѣки, а въ горахъ ея есть медъ и на равнинахъ ея работы; въ долинахъ ея мелкій скотъ; въ то же время нѣтъ у нея общаго имени, объединяющаго въ одну область города ея; руководствуясь всѣмъ этимъ мы назвали ее ар-Рихабъ.

Въ этой странѣ исламъ пользуется расположеніемъ, а со стороны Рума мусульмане терпятъ притѣсненія; вывозятся изъ нея выработанныя сукна и восхитительныя шну-

ры; есть въ ней червяки—кирмизь ¹⁷⁾, описаніе котораго я не могу сдѣлать; цѣна ягненка 2 диргема ¹⁸⁾, а хлѣба— на даникъ ¹⁹⁾ даютъ двѣ булки; плоды безъ счету и безъ вѣсу. Она съ сильной пограничной областью и край прекрасный.

Люди Расса ²⁰⁾ оказались подъ Хувайрисомъ и Харисомъ; въ этой области доля Таифа ²¹⁾ и подобіе райскихъ садовъ; они служатъ славой для ислама и мѣсто-пребываніемъ для бойцовъ за вѣру. Въ ней полезные товары, большіе города, водообильныя рѣки, прекрасныя села, удивительныя особенности; плоды ея вкусны; въ ней живутъ люди правовѣрные, признающіе преданія, люди краснорѣчивые и почтенные.

У нихъ встрѣчается манна, марена, жасминъ, касбувія ²²⁾, море, озера; тамъ же Ал-Бабъ и рибаты ²³⁾, крѣпостцы для борьбы съ невѣрными; тамъ мусульманская религія и всякое добро, но только они большіе фанатики каждый въ своемъ ученіи; при томъ они тяжелы нѣсколько, въ языкѣ ихъ замѣтна искусственность, и они отличаются хвастовствомъ; дороги туда трудны; въ странѣ этой преобладаютъ христіане.

Вотъ какова фигура и изображеніе этой страны.

Эту область мы раздѣлили на три округа.

Первый изъ нихъ близъ моря—Арранъ, затѣмъ Арменія и Азербейджанъ.

Что касается Аррана, то онъ составляетъ около трети всей области наподобіе полуострова между моремъ и рѣкою Ар-Рассъ, а рѣка Меликъ раздѣляетъ область вдоль. Столица его Берда'а, а города: Тифлисъ, Кал'а, Хунанъ, Шамкуръ, Джанза, Бердиджъ, Шемахія, Шарванъ, Баку, Шабаранъ, Баб-ул-Абвабъ, Абхазъ, Кабала, Шавки, Малазкердъ и Тебла.

Что касается до Арменіи, то это значительный округъ;

границы ея опредѣлили Арминій-ибн-Кензар-ибн-Яфис-ибн-Нухъ ²⁴), изъ нея вывозятъ покрывала и шерстяныя подстилки, знаменитыя и обладающія особыми свойствами.

Столица ея Дабиль, а города: Бадлисъ, Хилать, Арджипшъ, Беркери, Хувей, Саламасъ, Урмія, Дахарраканъ, Мерага, Агаръ, Мерандъ, Санджанъ, Каликала, Кандарія, Кал'а Юнисъ и Наваринъ.

375 Что касается Азербейджана, то границы этого округа отвелъ Адзарбаз-ибн-Беюрасиф-ибн-Асуд-ибн-Сам-ибн-Нухъ ²⁵)—да будетъ надъ нимъ спасеніе! Столица его, это же и областной городъ,—Ардабиль. Около него горы; протяженіе ихъ 140 фарсаховъ; онѣ богаты селами и пашнями; говорятъ, что въ нихъ 60 языковъ; въ Ардабиль масса продуктовъ доставляется оттуда; большая часть жилищъ обитателей подъ землею.

Города Азербейджана: Русбэ, Тебризь, Джабраванъ, Хунаджъ, Меяниджъ, Сератъ, Берви, Варсанъ, Муванъ, Мимадъ и Берзепдъ.

Если иные утверждаютъ, что Бадлисъ изъ области Авуръ и приводятъ, какъ доводъ, то, что городъ этотъ находился во владѣніи Бани-Хамадана, я отвѣчаю, что, такъ какъ его оспариваютъ двѣ области, то мы его приписали къ Арменіи, ибо нашли соотвѣтствующее ему имя Тифлисъ; а что касается управленія, то для этой главы это не доказательство: развѣ ты не видишь, что Сайфу Довла ²⁶) долго владѣлъ Каннасириномъ и Раккой, а никто не говоритъ, что Ракка принадлежитъ къ Сиріи.

Берда'а ²⁷) главный городъ, большой, квадратный, расположенъ на равнинѣ; при немъ громадное укрѣпленіе; рынки его подъ сѣнью частыхъ навѣсовъ; за рынкомъ соборная мечеть а); городъ этотъ—Багдадъ этой области;

а) С даетъ: «(мечеть) для собранія съ прекрасно сдѣланными гипсовыми колонами, а нѣсколько колоннъ изъ дерева раскрашены. Рѣка въ немъ

дома ихъ прекрасны изъ обожженного кирпича и гипса. Приятный, красивый и богатый плодами городъ! Часть колоннъ соборной мечети изъ гипса и кирпича, а часть изъ дерева.

Въ Берда'а есть рѣка, пересѣкающая городъ, а рѣка Кура въ двухъ фарсахъ отъ города. Рѣки близки отъ него. Берда'а городъ прекрасный, но окраины его уже развалились, число жителей его уменьшилось и крѣпость полуразрушена.

376 Тифлисъ укрѣпленіе близъ горъ; его пересѣкаетъ рѣка Кура; онъ раскинутъ на обоихъ берегахъ и соединенъ мостомъ. Стѣны выстроены изъ камня и обшиты деревомъ.

Кал'а городъ безъ укрѣпленія на равнинѣ близъ горы Лакзанъ.

Шамахія городъ въ предгорьѣ; постройки его каменные и гипсовыя; въ немъ проточныя воды, сады и приятныя для прогулокъ мѣста.

Шарванъ большой городъ на равнинѣ; постройки его каменные; соборная мечеть на площади; его пересѣкаетъ рѣка.

Мугканъ у самой границы; былъ раньше густо насе-

течетъ черезъ всѣ перекрестки на всѣ четыре стороны; въ немъ много хорошихъ людей и добровольныхъ борцовъ за вѣру; плоды превосходны и въ большомъ количествѣ; онъ Багдадъ Ар-Рихаба; всѣ дома его красивы; въ немъ просторъ и довольство; въ немъ постоянная дешевизна и отсутствіе нововведеній; Кура отъ него на разстояніи одного перегона ²⁹). Лежитъ онъ между двумя рѣками и блистающимъ озеромъ. Что за городъ изящный, чистый, превосходный, если бы не недостатокъ! Если угодно, то выслушай. Разрушились окраины его, какъ Байла'а, уменьшилось населеніе его; правители его низложены, забыты, отдалены и унижены. Законвѣднѣе у нихъ слабо; они послѣдователи школы Ханбала. Крѣпость его полуразрушена, и дороги испорчены.

Это описаніе центра Аррана—Берда'а; описаніе справедливаго чело-вѣка, за которымъ всѣ признаютъ благочестіе; это подарокъ, принадлежащій добродѣтельному шейху.

Сообщилъ я это риемованной прозой».

лень, а теперь уменьшилось его население; онъ лежитъ при дорогѣ.

Баку на морѣ; это единственная гавань области.

Шабаранъ, безъ укрѣпленій; большая часть въ немъ христіане; онъ на самой границѣ.

Кабала укрѣпленный городъ; рѣка находится внѣ городскихъ стѣнъ. Соборная мечеть въ отдаленіи на холмѣ.

Шакки на равнинѣ; большая часть жителей христіане, а соборная мечеть на площади мусульманъ.

Варсанъ ²⁹⁾ на цвѣтущей долинѣ; за площадью его рѣка и соборная мечеть.

Байлаканъ незначительный городъ; жители его прекрасны, и въ немъ варятъ отличные натифы ³⁰⁾.

Малазкердъ укрѣпленный; въ немъ много каедръ проповѣдниковъ; тамъ громадное количество садовъ и соборная мечеть на краю площади.

Въ Тебла въ рукахъ мусульманъ 500 домовъ, а большая часть жителей христіане; мѣстность эта цвѣтущая.

Абхазъ цвѣтущая мѣстность, какъ и города этой мѣстности.

Карья Юнисъ (Кал'а Юнисъ)—городъ ад-Диранія (владѣтеля этой области); въ немъ мусульмане.

Баб-ул-Аббабъ на Хазарскомъ морѣ укрѣпленный стѣной со стороны хазаръ; въ стѣнѣ трое воротъ: ворота большія, ворота маленькія и еще одни ворота близъ моря закрытыя; онѣ никогда не отворяются. И много есть воротъ со стороны моря и со стороны исламскихъ земель. Стѣна тянется отъ горъ въ море, а на стѣнѣ башни; въ городѣ мечеть; охраняютъ его часовые; соборная мечеть посреди площади; въ городѣ есть источники; постройки жителей изъ камня; дома ихъ изъ дерева; есть у нихъ и проточная вода.

377 Дабиль значительный городъ; въ немъ неприступная

крѣпость и большія богатства; имя его древнее; сузна его знамениты; рѣка въ немъ многоводна; окружаютъ его сады; городъ имѣетъ предмѣстья; крѣпость его надежна; площади его крестообразны; пашни его восхитительны; соборная мечеть на громадномъ холмѣ, а рядомъ съ мечетью церковь; курды наблюдаютъ за городомъ; при городѣ есть цитадель; постройки жителей его изъ глины и камня; у города много воротъ, какъ Баб-Кейдаръ, Баб-Тифлисъ и Баб-Ани. При всѣхъ его достоинствахъ преобладаютъ въ немъ христіане; теперь уже уменьшилось его населеніе, и крѣпость его разрушилась.

Бадлисъ въ глубокой долинѣ, по которой текутъ двѣ рѣки, соединяющіяся въ городѣ; городъ раздѣленъ рѣкой на двѣ части; въ немъ каменная цитадель, подобная Тсавру ³¹).

Ахлатъ городъ на равнинѣ; въ немъ прекрасные сады; вокругъ него земляное укрѣпленіе; соборная мечеть на площади; въ немъ есть рѣка.

Саламасъ пріятная мѣстность; вокругъ него укрѣпленіе изъ земли и камня; въ немъ многоводная рѣка; соборная мечеть на краю площади; и владѣютъ имъ курды.

Урмія укрѣплена цитаделью; мѣстность воздѣланная; мечеть соборная въ шелковыхъ торговыхъ рядахъ; при городѣ укрѣпленіе и рѣка.

Мерага прекрасная мѣстность; при ней укрѣпленіе и цитадель; у города есть предмѣстья, и укрѣпленія города земляныя.

Мерандъ укрѣпленіе, окруженное садами; у него населенныя предмѣстья, а соборная мечеть на рынкѣ.

Кандарія—городъ, основанный курдами; въ немъ изящная соборная мечеть а).

Наваринъ укрѣпленъ; при немъ цитадель, а при во-

а) С добавляетъ: «У него есть предмѣстья и укрѣпленія его изъ земли».

ротахъ мечети источникъ воды; много въ немъ садовъ и мѣстность это здоровая.

Кал'а Юнисъ и столица ад-Диранія—городъ, въ которомъ живутъ мусульмане.

378 Ардабиль—столица Азербейджана и областной городъ; при немъ недоступная крѣпость. Онъ меньше Дабиля; площади его крестообразны; соборная мечеть на перекрестьѣ, на холмѣ, позади укрѣпленія; предмѣстья его населены; большая часть построекъ изъ глины; въ городѣ много балконовъ, плодовъ и нечистотъ. Въ городѣ есть проточныя воды; въ немъ же находятся постоянныя войска; масса продуктовъ, прекрасныя бани, но жители его скупы, необщительны, и мало въ немъ ученыхъ. Городъ грязный, вонючій—одно изъ отхожихъ мѣстъ всего свѣта; жители коварны и невнимательны; не смотрятъ на послѣдствія своихъ поступковъ и не поддаются увѣщеванію. Они приверженцы разныхъ ученій. Нѣтъ у нихъ ни проповѣдниковъ порядочныхъ ни законовѣдовъ; нѣтъ у нихъ проповѣдника факиха ³²⁾ и нѣтъ сановника важнаго; нѣтъ помощниковъ судій порядочныхъ; нѣтъ умнаго врача.

Тебризъ! Кто тебя научилъ, что такое Тебризъ? ³³⁾ это чистое золото могущественной алхиміи; городъ защищенъ укрѣпленіемъ; стоитъ выше города спасенія ³⁴⁾, и прославляются въ немъ мусульмане; текутъ посреди него рѣвки и раскачиваются по области его лѣса. Не спрашивай о дешевизнѣ цѣнѣ и обиліи плодовъ; соборная мечеть среди города, и прелесть его безгранична.

Муканъ—городъ окруженный двумя рѣками и прекрасными фруктовыми садами; сады же и на площадяхъ его; онъ и Тебризъ сплошныя сады и для Рихаба въ исламскихъ земляхъ два предмета гордости.

Расположены они между Ардабилемъ и Джиланомъ.

Отъ нихъ до Берда'а 8 дней пути. Это городъ пріят-

ный, съ прекрасными пашнями; двѣ рѣки текутъ по немъ; лица жителей его какъ жемчугъ и коралль; вмѣстѣ съ тѣмъ они щедры и милостивы.

Берзэндъ незначительный торговый городъ Армянъ и эмпорій этой области, прекрасной и приносящей доходъ.

Міанэ незначителенъ, лежитъ на равнинѣ; богатъ продуктами.

Зенджанъ у самой границы уже въ развалинахъ; здѣсь есть рѣка и лежитъ большая дорога.

Всѣ города этой области прекрасны, богаты продуктами и руднивами; въ нихъ дешевизна при изобиліи плодовъ и рязнаго мяса; мѣстность благоденствующая и пріятная.

Общій обзоръ состоянія этой области.

Это область холодная, обильная снѣгомъ и дождемъ; въ ней всего меньше заразныхъ болѣзней; жители ея вялы и не сообщительны; они отличаются большими бородами; языкъ ихъ не красивъ. Въ Арменіи говорятъ по-армянски, а въ Арранѣ по-аррански; когда они говорятъ по-персидски, то ихъ можно понимать, а ихъ персидскій языкъ все въ чемъ напоминаетъ хурасанскій.

379 Ученія ихъ правильны, но тѣ, которые придерживаются ученія людей хадиса ³⁵), ханбалиты, а большая часть въ Дабилѣ ханифиты—да помилуетъ ихъ Господь! и встрѣчаются они въ нѣкоторыхъ городахъ, не преобладая надъ прочими.

Былъ я однажды на засѣданіи Абу-Амра ал-Хувейи, учившаго преданіямъ. Онъ сказалъ: „Задавайте вопросы“. Со мной былъ товарищъ, и мы предложили одинъ вопросъ изъ главы „О дареніи общедоступнаго“ ³⁶) и сначала разсуждали объ этомъ; затѣмъ мы ослабѣли и началъ разсуждать молодой человекъ, тамъ находившійся. Онъ превосходно

разсуждалъ; по окончаніи его разсужденія я сказалъ: „Боже! Какъ ты необыкновенно разсуждаешь!“ И я указалъ ему на то, что часто буду ходить къ нему для поученія. Онъ отвѣтилъ: „Я не одного съ вами толка“. Я сказалъ: „Какъ такъ? Вѣдь люди моего толка не сумѣютъ сказать больше, чѣмъ ты сказалъ. Только этотъ вопросъ для насъ труденъ“. Онъ отвѣтилъ: „То, что я сообщилъ, я передаю со словъ Хаким-абу-Наср-ибн-Сахла, главнаго ученаго хурасанскаго, потому что я часто съ нимъ обсуждалъ подобныя вопросы“.

Что же касается до науки философско-догматической, то они не стоятъ за нее, ею не занимаются и не обнаруживаютъ шіитскихъ наклонностей. Въ Дабилѣ было общечитіе суфійское, и у нихъ было знаніе суфизма при большой бѣдности.

Присутствовалъ я однажды на собраніи Абу а). ал-Ардабиля; ему не давали покою люди, стоявшіе и сидѣвшіе у него, съ различными вопросами о взаимныхъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему: „Что скажешь ты,—да помилуетъ тебя Господь! по поводу человѣка, у котораго было сердце, съ которымъ онъ дружилъ, и потерялъ онъ его; гдѣ онъ его поищетъ?“

Онъ сказалъ: „Пусть вновь обратится къ тому способу, при помощи котораго раньше пріобрѣталъ его: пусть укрѣпится имъ“.

Я сказалъ: „Онъ уже лишенъ возможности воспользоваться этимъ способомъ“.

Онъ отвѣтилъ: „Онъ пусть попроситъ хозяина такого способа, чтобы тотъ далъ ему его опять“.

Я сказалъ на это: „Для него не осталось ни малѣйшаго вниманія хозяина способа, чтобы онъ рѣшился просить его“.

а) Въ спискѣ В пропускъ, а въ сп. С всего нѣтъ.

На это онъ отвѣтилъ: „Пусть постучить въ двери, пока не отворить ему, и пусть взываетъ во мракѣ ночи о помощи, пока тотъ не смилуется надъ нимъ“ ³⁷⁾.

Рѣки и Озера.

Извѣстныхъ рѣкъ въ этой области три: Рассъ, Меликъ и Кура. Вода послѣдней изъ нихъ самая мягкая; выходитъ она со стороны горъ въ предѣлахъ Джанзы и Шамбура по близости отъ Тифлиса, а потомъ попадаетъ въ земли кяфировъ.

За ней по вкусу и мягкости воды слѣдуетъ рѣка Рассъ, протекающая по предѣламъ Аррана; течетъ она изъ Арменіи, пока не достигаетъ Варсана, затѣмъ достигаетъ задней части Мукана и впадаетъ въ море.

Что касается до рѣки Меликъ, то истоки ея изъ земель Рума, а за ней округъ Арранъ а). Течетъ она, пока не впадаетъ въ море.

Соприкасается съ этой областью только одно море Хазарь.

Въ области этой два озера. Одно изъ нихъ въ Урминъ длиною около четырехъ дней пути верховаго животнаго, но пересѣкается подъ парусами въ одни сутки, а другое въ Арменіи, извѣстное подъ именемъ Арджиджъ ³⁸⁾.

Торговля.

Вывозится изъ Берда'а масса шелку, а изъ Баб-ул-Аббаба полотняныя одежды, рабы, шафранъ и превосходные мулы. Изъ Дабилы вывозятъ сукна, ковры, подушки, покрывала и знаменитые шнуры. Изъ Берда'а вывозятъ покрывала и попадаютъ тамъ превосходные мулы; устраивается въ Берда'а въ воскресные дни рынокъ, называемый

а) С опускаетъ.

„Кюркію“, на который собираются жители этой области и других округов, такъ что нѣкоторые изъ нихъ говорятъ: „Суббота, день Кюркію, понедѣльникъ“³⁹). Продають на этомъ рынокѣ шелкъ и одежды.

Нѣтъ ничего подобнаго выдѣлывающимся у нихъ шкурамъ и коврамъ, кошенили, покрываламъ, краскѣ, плоду, называемому „зукаль“⁴⁰), касбуви и рыбѣ „тиррихъ“⁴¹). У нихъ есть фиги и каштанъ, крайне хорошаго качества.

Диковинки.

Ал-Бабъ—укрѣпленіе, лежащее совершенно такъ же, какъ мы уже описали при Сурѣ и Акѣ; оно замкнуто цѣпью; построено оно изъ камня, а бока его одѣланы свинцомъ⁴²).

Въ Тифлисѣ бани, подобныя упомянутымъ нами банямъ въ Табаріи; онѣ не отапливаются⁴³).

Гора Харисъ возвышается надъ исламскими землями; никто не въ состояніи подняться на нее. Говорятъ, что она съ Хувайрисомъ изъ числа горъ Таифа⁴⁴). На рѣкѣ Рассъ было 1000 городовъ и въ настоящее время они подъ этими горами.

Въ соборной мечети Ардабиля находится большой камень; если молотомъ ударить по нему, то ударъ не оставляетъ никакого слѣда. Камень этотъ упалъ съ неба на нѣкоторомъ разстояніи отъ города, а потомъ былъ перевезенъ въ соборную мечеть. Я слыхалъ отъ Зариф-ал-Хадима слѣдующее: „Въ то время, когда мы проѣзжали мимо Ардабиля, вдругъ что-то стало спускаться съ неба, какъ громадный щитъ, пока не упало на землю; а затѣмъ вдругъ на землѣ оказался камень. Можетъ статься, то и былъ этотъ камень“. Камень этотъ какъ бы полировальный инструментъ красильщиковъ и тонкій съ двухъ краевъ а).

а) По списку С: «имѣющій форму лимона».

На разстояніи одного перехода отъ Мукана большой замокъ по имени ал-Хасрә; въ немъ дома и дворцы, много золота и изображенія птицъ и звѣрей. Многіе цари затѣвали противъ него недоброе, но не могли преодолѣть его крутизну.

Въ трехъ фарсахъ отъ Дабиля монастырь ⁴⁵⁾ изъ бѣлыхъ тесаныхъ камней наподобіе конической шапки на восьми колоннахъ; въ немъ находятся изображенія Дѣвы Маріи внутри между полотнами дверей; въ какія двери ты ни войдешь и видишь изображеніе Дѣвы Маріи.

По близости этого монастыря находится черная скала; изъ ея основанія выступаетъ елей, излѣчивающій болѣзни.

Тамъ же встрѣчается кирмизъ (кошениль). Это червякъ, появляющійся въ землѣ; приходятъ къ нему женщины, тщательно собираютъ его въ мѣдные сосуды и помѣщаютъ ихъ въ хлѣбныя печи.

Въ волостяхъ Ардабиля пахутъ на восьми быкахъ и съ четырьмя вожами; для каждаго двухъ быковъ одинъ жогакъ. Я спросилъ у нихъ: „не по причинѣ ли твердости грунта они поступаютъ такъ?“ Они отвѣтили: „Нѣтъ, но это изъ-за снѣга“ ⁴⁶⁾.

М ѣ р ы .

Маннъ Ардабиля=1200 единицамъ; ритль Хувей—300, и маннъ ихъ 600 единицъ. Такимъ же образомъ въ Урміи, а затѣмъ прочіе ритли багдадскіе. Кефизъ Мераги и мудъ ея равенъ 10 маннамъ, а кейладжъ= $\frac{1}{8}$ кефиза ⁴⁷⁾.

О б ы ч а и .

Правители въ Тебризѣ прикладываютъ печать золотомъ.

На озерѣ Урміи обитатели горы ⁴⁸⁾ привязываютъ дѣтей за ноги цѣпями и веревками, чтобы дѣти не скатились въ озеро.

Въ Урміи на крутую гору по Мосульской дорогѣ вслѣдствіе крутизны горы люди ѣздятъ, сидя на шеяхъ мужчинъ, точно такъ же, какъ ѣздятъ на верховыхъ животныхъ.

Разстоянія.

Что касается разстояній, то отъ Берда'а до Юнана, до Берзенджа, до Джанза и до Калькатусъ по одному переходу.

Отъ Юнана до Байлакана одинъ переходъ; потомъ до Варсана одинъ переходъ; до Балхаба одинъ переходъ, до Берзенда одинъ переходъ, а затѣмъ до Ардабиля два перехода.

Отъ Берзенджа до Шемахи 2 перехода; до Шарвана 3 перехода; до Абхаза 2 перехода; далѣе до Джасар-Самура 2 перехода и затѣмъ до Баб-уль-Абваба 3 перехода.

Изъ Джанза въ Шамкуръ одинъ переходъ; затѣмъ въ Хунанъ 3 перехода; до Кал'а-ибн-Кандаманъ одинъ переходъ и затѣмъ до Тифлиса 2 перехода.

Отъ Калькатусъ до Метриса 2 перехода; отсюда до Думиса 2 перехода; до Киль-вей ⁴⁹⁾ 2 перехода, а затѣмъ попадаешь въ армянскую страну въ Дубиль.

Отъ Дубиля до Нашава 4 перехода; до Хувей три дня пути; до Саламаса 2 перехода; затѣмъ до Урміи одинъ переходъ; далѣе въ Харраканъ 2 перехода, отсюда до Мераги столько же, и, наконецъ, до Ардабиля 40 фарсаховъ.

Изъ Мераги въ Кандарія 2 перехода, затѣмъ въ Карья 3 перехода; далѣе до замка ал-Хасан-ибн-Али одинъ переходъ, а затѣмъ въ Шахразуръ 30 фарсаховъ.

Изъ Мераги въ Наваринъ одинъ переходъ, затѣмъ въ Мерандъ. а).

Изъ Хувей и въ Кал'а Юнисъ 6 переходовъ; затѣмъ

а) Не хватаетъ текста въ рукописяхъ.

до Карья-ал-‘Асабіятъ одинъ переходъ; далѣе до.....а); потомъ до Тифлиса одинъ переходъ; затѣмъ до Тебла, затѣмъ въ Шавки, потомъ въ Лакзанъ 2 перехода, далѣе до Ал-Баба 3 перехода.

Изъ Мераги въ Харраканъ 2 перехода; затѣмъ въ Тебризъ одинъ переходъ и, наконецъ, въ Мерандъ одинъ переходъ.

Изъ Ардабиля въ Биръ одинъ переходъ; затѣмъ въ Сератъ одинъ переходъ; затѣмъ въ Кур-сере ⁵⁰⁾ одинъ переходъ, наконецъ въ Мерагу столько же.

Изъ Мераги въ Хере-рудъ одинъ переходъ; далѣе до Муса-Абадъ одинъ переходъ; затѣмъ до Берзэ два бериды ⁵¹⁾; затѣмъ до Тифлиса ⁵²⁾ одинъ беридъ; далѣе до Джабравана одинъ переходъ; затѣмъ до Нариза два бериды; затѣмъ до Урміи одинъ переходъ

Изъ Меранда въ Нашава два тяжелыхъ перехода, а оттуда въ Дубиль столько же.

Изъ Мераги въ Ам-ул-Хаситъ одинъ переходъ, далѣе до Берзе одинъ переходъ; потомъ до Байлавана ⁵³⁾ одинъ переходъ; затѣмъ до Сисара одинъ переходъ; затѣмъ до Телл-Вана одинъ переходъ; далѣе до Джариба одинъ переходъ; затѣмъ до Дейнавера одинъ переходъ.

Отъ Ардабиля до Меяниджа 2 перехода; или же до Кантара-Сабидрудъ ⁵⁴⁾, и отъ Кантара до Серата одинъ переходъ; далѣе до Нувей одинъ переходъ и, наконецъ, до Зенджана одинъ переходъ.

Отъ Меяниджа до Хунаджа одинъ переходъ; далѣе до Кур-сере одинъ переходъ; затѣмъ до Мераги одинъ переходъ; оттуда до Харракана или до Урміи по два перехода; потомъ до Саламаса столько же; затѣмъ до Хувей одинъ переходъ; оттуда до Беркери 5 переходовъ; затѣмъ до Арджиша 2 перехода; затѣмъ до Ахлата или до Бадлиса по 3 перехода; изъ Бадлиса въ Амидъ или Міафарикинъ ⁵⁵⁾ по 4 перехода.

Изъ Мераги въ Дейнаверъ 60 фарсаховъ.

Изъ Ардабиля въ Тебризъ а), потомъ до Беркуй а), потомъ до Малазкерда 3 дня, затѣмъ до Арзана ⁵⁶⁾ 6 дней и до Амида 4 дня пути.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ «Лучшему изъ дѣлений для познанія климатовъ», ал-Мукаддасія.

1) Наименованіе «ар-Рихабъ» ал-Мукаддасій даетъ тремъ округамъ: Аррану, Арменіи и Азербейджану, не имѣющимъ общаго имени въ административномъ отношеніи. «Ар-Рихабъ» значитъ «лѣсистый», «виноградоносный». Описывая ниже свойства и особенности этихъ трехъ округовъ, ал-Мукаддасій отмѣчаетъ ихъ общую черту—это цвѣтущее состояніе городовъ и сель, обиліе садовъ и всевозможныхъ даровъ природы, почему и объединяетъ ихъ въ своемъ описаніи подъ общимъ именемъ «ар-Рихабъ». Описаніе свое авторъ даетъ риемованной прозой и поэтому формой изложенія взялъ отрывочныя фразы. Тутъ замѣтно подражаніе изложенію Корана, тоже написаннаго риемованной прозой. Иной разъ у ал-Мукаддасія встрѣчаются даже риторическія фигуры, употреблявшіяся Мухаммедомъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ, напримеръ, въ описаніи Тебриза.

2) Это три главныя рѣки этой мѣстности. Ар-Рассъ—Араксъ. Мы уже упоминали, что арабы всѣ наименованія мѣстностей и городовъ старались приурочивать къ формамъ арабскихъ словъ: такъ и въ данномъ случаѣ они видѣли въ словѣ «Араксъ» членъ «аль» и словъ «Рассъ».

Именемъ: «аль-Меликъ» Мукаддасій называетъ рѣку Куру до впаденія въ нее Алазани, а именемъ: «аль-Кура»—рѣку Алазань и рѣку Куру отъ сліянія ея съ Алазанью до моря, что видно изъ дальнѣйшаго описанія рѣкъ у этого автора.

3) Румъ называли арабы пограничную съ ними Византійскую имперію.

4) Море Хазарское теперь Каспійское.

а) Не хватаетъ текста въ рукописяхъ.

⁵⁾ Относительно скалы и моря мы привели отрывокъ изъ Корана въ примѣчаніи 23 къ Ибн-аль-Факиху. Что же касается убитаго юноши, то о немъ упоминается дальше въ той же XVIII главѣ Корана.

«Ст. 73. Они отправились дальше и шли, покуда не встрѣтили юношу. Незвѣстный (Хедръ) убилъ его.—Это что? Ты убилъ невиннаго человѣка, который не убивалъ никого! Ты сдѣлалъ презрѣнное дѣло».

«Ст. 74. Не говорилъ ли я тебѣ, что, у тебя не хватитъ терпѣнія оставаться со мной».

При разставаніи съ Моисеемъ незвѣстный сказалъ:

«Ст. 80. Мы хотѣли, чтобы Богъ далъ имъ наоборотъ сына болѣе добродѣтельнаго и болѣе достойнаго».

⁶⁾ Булгарь—городъ Булгарь на Итилѣ недалеко отъ слиянія Болги съ Камой.

Суварь—на мѣстѣ нынѣшняго Сарая.

Семендеръ—на берегу моря на мѣстѣ нынѣшняго Петровска..

Байдау—на рѣкѣ Танабисъ (Донъ). Это извѣстная въ русской исторіи Бѣлая Вѣжа. Байдау въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: «бѣлая».

Беленджеръ—по свидѣтельству Масуди—бывшая столица хазарскаго царства. По свидѣтельству другихъ географовъ это одинъ изъ большихъ городовъ хазарь, и мѣстоположеніе его точно не указано. Извѣстно только, что онъ находился къ сѣверу отъ Бабуль-Аббаба (Дербента) и на берегахъ рѣки, на которой расположенъ городъ, былъ убитъ въ сраженіи съ хазарами мусульманскій военачальникъ Сальман-ибн-Рабія. Кромѣ того, городъ этотъ стоялъ, видимо, въ сторонѣ отъ дороги изъ Бабуль-Аббаба въ Хамлиджъ, столицу хазарь. Основываясь на томъ, что въ IX и X вѣкахъ по Р. Хр. на Сѣверномъ Кавказѣ существовалъ хазарскій городъ Маджары на р. Удонъ (Адемъ, Удумъ),—нынѣшняя рѣка Кума, и такой большой городъ арабскіе географы обойти молчаніемъ не могли, между тѣмъ какъ ни у одного изъ нихъ не упоминается наименованія *Маджаръ*, а Беленджеръ упоминаютъ почти всѣ, мы считаемъ, что Маджары и есть упоминаемый у арабскихъ географовъ Беленджеръ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что существовали Большіе Маджары и Малые Маджары, а такъ какъ наименованія городовъ по большей части арабы узнавали

отъ персовъ, раньше ихъ имѣвшихъ сношенія съ этими странами и даже во времена арабскаго владычества державшихъ плаваніе по Хазарскому морю въ своихъ рукахъ, то и наименованіе этого города персы передали арабамъ. Великіе или Большіе Маджары по-персидски значить: *Булендмаджаръ*, откуда легко получается имя *Беленджеръ*. Кромѣ того, Беленджеръ, какъ столица хазаръ, не могъ находиться слишкомъ близко къ Кавказскимъ горамъ, а непременно долженъ быть расположенъ на плоскости. Маджары—древнее городище Ставропольской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Кумы. Въ настоящее время на его мѣстѣ находится селеніе Бургонмаджары.

Путешественники XVIII столѣтія (Герберъ, Гюльденштедтъ, Палласъ и др.) видѣли на мѣстѣ городища многочисленныя кирпичныя зданія, изъ которыхъ нѣкоторыя были, повидимому, мечетями, большинство же представляло собою обширныя надмогильныя мавзолеи. При водвореніи русскихъ на Кумѣ въ 1780-хъ годахъ почти всѣ эти памятники были разрушены окрестными поселенцами, употребившими кирпичи на постройку себѣ жилищъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій господствовало мнѣніе, основанное на простомъ созвучіи названій, что Маджары были жилищемъ венгровъ (мадьяръ), но надо не забывать, что городъ этотъ принадлежалъ хазарамъ, а венгры ведутъ свое происхожденіе не отъ хазаръ. Потомки же хазаръ—это караимы, живущіе въ Крыму и до настоящаго времени исповѣдующіе іудейство.

«Дербенд-Наме (исторія г. Дербента)» называетъ Маджары хазарскимъ городомъ и говоритъ, что въ началѣ II вѣка хиджры (VIII в. по Р. Хр.) Большіе и Малые Маджары были значительные города. О нихъ, какъ о городахъ, упоминаютъ Абул-Газиханъ (1282 г.) и Абулфеда въ своей географіи (1321 г.). Русскія лѣтописи повѣствуютъ, что останки вел. князя Михаила Ярославича, замученнаго въ 1319 году ханомъ Золотой Орды Узбекомъ, были привезены въ Модчары, городъ торговый, въ которомъ жили многіе русскіе купцы и имѣлась православная церковь. Въ *Книгѣ Большому Чертежу*, составленной въ XVI столѣтіи, городъ Маджары уже не упоминается, а говорится только о находящемся на правой сторонѣ Кумы Можаровомъ юртѣ, состоящемъ изъ 7 мечетей.

Хамлиджъ—столица хазарскаго царства на правомъ, самомъ

широкомъ, рукавъ р. Итиль (Волга). Онъ былъ расположенъ на обоихъ берегахъ рукава, при чемъ одна часть его называлось Сарашень, а другая Хабнела; дворецъ царя находился на островѣ между этими частями города (См. карту).

7) Эти города см. на картѣ.

Тифлисъ—носитъ теперь то же самое названіе.

Калга—по другимъ авторамъ Кал'а-ибн-Кандаманъ—крѣпость при слияніи р. Храма съ р. Курой.

Хунавъ,—иначе Кал'а-г-Турабъ, на холмѣ Ах-Тоура немного ниже р. Акстафы на правомъ берегу р. Куры.

Шамкуръ, теперь Шамхоръ, на р. Курѣ. Назывался Муте-ваккилей послѣ раззоренія его сіявардійцами.

Джавза—Елизаветполь.

Шамахія—теперь Шемаха. Въ примѣчаніяхъ къ ал-Истахрію (Ист. прим. 42) нами допущена ошибка въ опредѣленіи мѣста нахождения Шамахи и Шарвана. Шарванъ, или Шарваншахъ, находился недалеко отъ моря къ юго-востоку отъ нынѣшней Кубы. Въ настоящее время тамъ есть селеніе, носящее названіе: Шарваншахи (см. карту).

Шабиравъ,—нынѣ урочище Шабранъ,—къ сѣверо-востоку отъ Шарвана, недалеко отъ морского берега.

Баб-уль-Абвабъ—Дербентъ.

Баку—городъ того же имени на Аншеронскомъ полуостровѣ.

Абхазъ лежалъ по близости отъ Кубы, или же на мѣстѣ самой Кубы.

Кабала—см. Карту въ горахъ близъ верховья р. Алазани.

Шакки—Нуха.

Табла—Телавъ.

8) Каликала—близъ горы Кара-кала. По всей вѣроятности теперь Хнысь.

Остальные города Арменіи и доннынѣ носятъ тѣ же имена. См. карту.

9) Города Азербейджана см. карту и Ал-Истахрій прим.

10) Яджуджъ и Маджуджъ (библейскіе Гогъ и Магогъ)—общее названіе варварскихъ народовъ у мусульманъ. По словамъ Корана (XVIII сура, ст. 93—99) стѣну эту построилъ Александръ Македонскій для огражденія мусульманскихъ странъ отъ нашествія народа Яджуджъ и Маджуджъ. Передъ концомъ свѣта стѣна эта

разрушится и народы Яджудж и Маджудж наводняют весь міръ. Дѣло идетъ, повидимому, о китайской стѣнѣ и китайцахъ.

¹¹⁾ Джурджанъ — по персидскимъ источникамъ, Гюргянъ, известная по греческимъ источникамъ Гирканія, находилась въ юго-восточномъ углу Хазарскаго (Каспійскаго) моря.

¹²⁾ Ма'мунъ — халифъ изъ династїи Аббасидовъ (813—833 по Р. Хр.). Халифы Аббасиды воцарились въ арабскомъ халифатѣ послѣ Омейядовъ: основатель династїи Абуль-Аббасъ Соффахъ (Кровопроливецъ) (750—754 г.); сравниваемый по образу дѣйствій съ Людовикомъ XI, гениальный устроитель государства и финансовъ Мансуръ (754—975); до расточительности щедрый и потому популярный въ литературѣ отецъ Гарун - ар - Рашида, Мехдїй (775—785); свирѣпый Хадїй (785—786); прославленный покровитель поэтовъ и литераторовъ Гарун-ар-Рашидъ (786—809), который былъ свидѣтелемъ высшаго блеска халифата, хотя самъ былъ плохимъ правителемъ, вовсе не похожимъ на тотъ идеальный образъ, какой придала ему «1001 ночь»; Аминъ (809—813); другъ ученыхъ и свободолобивыхъ философовъ, персъ по матери, Ма'мунъ (813—833); продолжатели его либеральныхъ воззрѣній — Му'тасимъ (833—842) и Васикъ (842—847). При этихъ халифахъ арабскій халифатъ достигъ своего полного расцвѣта и величія, а при послѣдующихъ халифахъ этой же династїи онъ все болѣе и болѣе падалъ и разлагался, пока аббасиды не были свергнуты монголами въ 1258 году въ лицѣ послѣдняго халифа изъ этой династїи Му'тасима.

¹³⁾ Повидимому авторъ здѣсь смѣшалъ города хазаръ и, очевидно, даетъ о нихъ свѣдѣнія, основанныя на слухахъ, такъ какъ его свѣдѣнія о мѣстѣ расположенія городовъ Итиль и Булгаръ противорѣчатъ всѣмъ другимъ авторамъ. Итиль по другимъ авторамъ расположенъ въ низовьяхъ рѣки Итиль, а Булгаръ почти у самаго слиянія Волги (Итиль) съ Камой.

¹⁴⁾ Суваръ — повидимому Сарай, расположенный на восточномъ рукавѣ р. Волги (см. карту)

¹⁵⁾ Какой городъ разумѣетъ авторъ подъ именемъ «Хазаръ», трудно сказать. Возможно, что тутъ рѣчь идетъ о Хамлиджѣ, одна изъ частей котораго называлась Хазаранъ.

¹⁶⁾ Семендеръ (см. карту) находился на мѣстѣ нынѣшняго Петровска. Жилища изъ дерева, переплетеннаго камыномъ, — это

турлучныя постройки, употребляемыя на Сѣверномъ Кавказѣ и до настоящаго времени. Городъ занималъ весьма удобное положеніе, гдѣ узкая полоса земли между горами и моремъ кончается и переходитъ въ широкую равнину, тянущуюся къ Сулаку и Тереку.

¹⁷⁾ Кирмизъ—кошениль, изъ которой въ Закавказьѣ приготавливаютъ краску карминъ, употребляемую для окраски шерсти.

¹⁸⁾ Диргемъ—одной двадцатой части динара, а динаръ на наши деньги=3 рублямъ; слѣдовательно диргемъ=15 коп.

¹⁹⁾ Даникъ, какъ вѣсовая единица=2 каратамъ, т. е. 8 грамамъ или 12 долямъ. Монета *даникъ*= $\frac{1}{4}$, диргема, т. е. около 4 копейки.

²⁰⁾ Харисъ—Большой Араратъ и Хувайрисъ—Малый Араратъ. Люди Расса (т. е. обитавшіе по р. ар-Рассъ)—это племя Адасъ, или Адъ, отличавшееся беззаконіями. Господь неоднократно посылалъ къ нимъ пророковъ, между прочимъ, упоминаемаго въ Коранѣ Гуда, съ увѣщаніями, но все это успѣха не имѣло. Послѣ этого всѣ города Ада были разрушены и поглощены землей, а надъ этими городами Господь воздвигъ горы Харисъ и Хувайрисъ. Повидимому это преданіе основано на переворотахъ, происходившихъ во время изверженія Арарата, когда тотъ былъ еще дѣйствующимъ вулканомъ.

²¹⁾ Таифъ—земной рай.

²²⁾ *Касбувія*, или ушубъ—осетръ.

²³⁾ Рибать—крѣпостца съ небольшимъ гарнизономъ, построенная въ пограничной мѣстности (сугуръ) для борьбы съ невѣрными. Ср. *ропаты* (стар.) въ былинахъ. Ропатью назывался у русскихъ молитвенный домъ иновѣрцевъ; впервые упоминается въ лѣтописи подъ 986 годомъ. Преимущественно подъ *ропатью* разумѣлись мусульманскія мечети и нѣмецкія кирпичи (Энцикл. сл. Брокгауза т. 53).

²⁴⁾ Арминій, сынъ Кензара, внукъ Іафета, правнукъ Ноя.

²⁵⁾ Азарбазъ, сынъ Беюрасифа, внукъ Асуда, правнукъ Сима, праправнукъ Ноя. О городахъ Варсанъ, Берзендъ и Балхабъ см. ниже прим. 29.

²⁶⁾ Сайфуд-Доула—«мечъ государства»—хамданіецъ.

Хамданійцы (929—1022)—шиитская эмирская династія, владѣвшая въ X вѣкѣ областями Мосуда и (съ 944) Алеппо. Родоначальникъ—бедуинскій шейхъ Хамданъ, игравшій еще съ 873

года значительную политическую роль въ Мосулѣ, возлѣ котораго жило его племя; сыновья его получили отъ багдадскихъ халифовъ намѣстничество надъ Мосуломъ и другими сосѣдними городами. а два внука сдѣлались почти независимыми владѣтелями: Хасанъ Насыру-д-Доула (929—967; ум. 969) остался эмиромъ въ Мосулѣ, а его братъ Аліѣ Сайфуд-Доула (944—967), о которомъ и идетъ въ данномъ мѣстѣ рѣчь, сдѣлался эмиромъ области Алеппо, отвоевавъ этотъ городъ (944—977) отъ египетскихъ эмировъ Ихшидовъ. Какъ шитъ, Сайфъ предпочелъ принести верховную присягу не багдадскимъ халифамъ—аббасидамъ, а ихъ африканскимъ соперникамъ фатимидамъ. Ему пришлось выдерживать упорныя и истощительныя войны съ византійцами (Никифоръ Фока), напавшими со стороны Малой Азіи и Арменіи, но дворъ его былъ средоточіемъ умственной и литературной жизни всѣхъ арабовъ. По смерти обоихъ братьевъ политическое значеніе хамданійцевъ падаетъ и къ концу X вѣка ихъ сѣв.-сирійскія владѣнія отходятъ къ фатимидамъ, а сѣв.-месопотамскія владѣнія къ буидамъ.

27) Берда'а—теперь Барда селеніе съ почтовой станціей на Евлахо-Шушинскомъ трактѣ. До настоящаго времени сохранились еще слѣды этого нѣкогда громаднaго города: устои каменнаго моста, башня съ арабскими письменами, къ сожалѣнію, приходящая въ разрушеніе, стѣны и пр. Быть-можетъ, подробное и тщательное изслѣдованіе этой мѣстности могло бы дать значительный матерьялъ объ этомъ городѣ. Ибн-Сипаги говоритъ: «Названъ (этотъ городъ) такъ по имени Берда'а-ибн-Арран-ибн-Яфис-ибн-Нухъ». Беладзори говоритъ, что городъ Берда'а основанъ Кубадомъ.

28) Беридъ—перегонъ почтовыхъ лошадей въ 2—4 фарсаха. Фарсахъ = $5\frac{2}{5}$ версты.

29) Варсанъ—крайній городъ Азербейджана въ примѣчаніи къ Истахрію ошибочно показанъ на лѣвомъ берегу р. Аракса при впаденіи въ него р. Кара-су (см. Истахрій прим. 59). Точно также ошибочно опредѣлено мѣстонахожденіе г.г. Берзенда и Балхаба. Позднѣйшими изслѣдованіями удалось намъ опредѣлить эти города довольно точно.

Варсанъ лежалъ на правомъ берегу р. Ар-Расса ниже впаденія въ него р. Кара-су на мѣстѣ развалинъ крѣпости Алтанъ.

Балхабъ лежалъ при слияніи рѣкъ Адынабазарчай и Сарыкамышъ.

Берзеньдъ къ юго-западу отъ него на мѣстѣ селенія, носящаго и донныѣ имя Берзеньдъ.

Байлаканъ—на лѣвомъ берегу р. Аракса на мѣстѣ Карадонлы. Всѣ эти города см. на прилагаемой картѣ.

³⁰⁾ Патифъ—сладости: варенье, леденецъ, орѣхи въ меду и пр.

³¹⁾ Тсавръ—гора близъ Мекки.

³²⁾ Факихъ—человѣкъ, знающій и понимающій законы.

³³⁾ Мы уже упоминали въ прим. 1, что Мукадасій даетъ свои описанія риёмованной прозой, подражая Корану. Въ данномъ мѣстѣ онъ даже употребляетъ риторическую фигуру, къ которой иногда въ своихъ проповѣдяхъ прибѣгалъ Мухаммедъ, желая про-извести возможно сильное впечатлѣнiе на своихъ слушателей (Кор. LXIX, 1—2; С1,1).

³⁴⁾ «Городъ спасенiя» —описательное наименованiе города Багдада.

³⁵⁾ Люди хадиса — сунниты, принимающiе въ основу мусульманскаго права, кромѣ Корана, и преданiя о жизни и дѣянiяхъ Мухаммеда. Кромѣ того, одною изъ основъ мусульманскаго права служить *фетва*—рѣшенiя законовѣдovъ. Въ этомъ отношенiи авторитетомъ пользуются, само собою разумѣется, четыре первые халифа, сподвижники Мухаммеда. При Омейядахъ юридическiй авторитетъ халифовъ сталъ падать, и въ результатѣ изученiе права стало самостоятельной наукой.

Уже во 2-мъ вѣкѣ хиджры появились школы въ Басрѣ и Куфѣ, а въ 3-мъ вѣкѣ мы видимъ различныя направленiя въ правовѣдѣнiи, называемыя *мазабъ*, на которыя дѣлится весь мусульманскiй мiръ. Въ настоящее время изученiе права настолько упало, что самостоятельная разработка Корана и Суннета является дѣломъ даже богопротивнымъ и позднѣйшiе законовѣды не идутъ далѣе пошолненiя и разъясненiя прежныхъ законовѣдovъ.

Основныхъ мазабовъ четыре, и послѣдователи ихъ называются по именамъ основателей: ханифиты, маликиты, шафиты и ханбалиты. Имена имамовъ, пользующихся авторитетомъ (иджтигадъ), слѣдующiя: Номан-ибн-Сабитъ Абу-Ханифа († 150 г.), Малик-ибн-Анасъ († 179 г.), Мухаммедъ-ибн-Идрисъ аш-Шафiи († 204 г.) и Абу-Абдуллахъ-Ахмед-ибн-Ханбаль († 241 г.).

³⁶⁾ «О даренiи общедоступнаго»—названiе одной изъ главъ юридическихъ книгъ.

37) Это намекъ на отношеніе къ Богу. Восточные философы очень любятъ говорить и спорить образно; такъ, и въ данномъ случаѣ они подъ видомъ разговора о другѣ ведутъ рѣчь объ отношеніи человѣка къ Богу.

38) Море хазарь—Каспійское море; изъ озеръ одно озеро Урмія, а другое Хилать (теперь Ванъ).

Объ озерѣ Гокча всѣ арабскіе географы умалчиваютъ, какъ бы игнорируя его существованіе. Дѣло въ томъ, что географы эти описываютъ всѣ тѣ мѣста, мимо которыхъ пролегли торговые пути въ разныя страны, а мимо озера Гокчи ни одного такого пути не лежало, почему оно и оставалось неизвѣстнымъ. Мы на картѣ сохранили за нимъ древне-армянское наименованіе Севанкъ, что значить: Черный монастырь. Названіе свое озеро получило отъ расположеннаго въ сѣверо-западной части его монастыря.

39) Объ этомъ говорятъ и другіе авторы. См. Истахрій примѣчанія 28.

40) Зукаль—кизиль.

41) Тиррихъ—греческій *Τύρριχ*—мелкая жирная рыба, довольно вкусная. Употребляется въ копченомъ видѣ.

42) О постройкѣ Баб-уль-Абваба Хосроемъ Ануширваномъ см. Ибн-ал-Факихъ стр. 288 и прим. 25 и Кудама стр. 256 и далѣе.

43) Бани при горячихъ сѣрныхъ источникахъ въ Тифлисѣ существуютъ и въ настоящее время.

44) Таифъ—земной рай.

45) Рѣчь идетъ объ Эчміадзинскомъ монастырѣ.

46) Очевидно, что авторъ задалъ вопросъ, не требующій поясненія потому, что причина такой пахоты была очевидна, а надъ нимъ подшутили, отвѣтивъ такимъ образомъ.

47) Кефизъ, муддъ и кейладжъ—мѣры сыпучихъ тѣлъ; обыкновенный муддъ или кефизъ=2 ритлямъ, а ритль немного менѣе одного фунта.

48) На островѣ Кабудзанъ, лежащемъ въ южной части озера Урмія. Разсказъ о такомъ обычѣ тоже изъ области анекдотовъ.

49) Киль-вей—по другимъ авторамъ Киль-Куй. Путь черезъ упомянутые здѣсь армянскіе города лежалъ по ущельямъ рѣкъ черезъ горы (см. карту).

50) Биръ—у другихъ авторовъ Ниръ, а Кур-сере—Куль-сере съ огромнымъ рынкомъ.

⁵¹⁾ Беридь—перегонъ см. выше прим. 28.

⁵²⁾ Тифлисъ—небольшое селеніе къ югу отъ озера Урміи, но не городъ Аррана.

⁵³⁾ Байлаканъ—находился тамъ же, гдѣ и Тифлисъ—селеніе къ югу отъ озера Урміи.

⁵⁴⁾ Кантара-Сабидрудъ—«каменный мостъ на р. Сабидрудъ (Сефид-рудъ)».

⁵⁵⁾ Міяфарикинъ—городъ въ верховьяхъ р. Тигра.

⁵⁶⁾ Арзанъ—округъ съ городомъ того же имени не слѣдуетъ смѣшивать съ Арзан-Румомъ (Эрзерумъ). См. карту.

VIII. Мас'уди.

(† въ 956 году по Р. Хр.).

Абу-ль-Хасанъ 'Али аль-Мас'уди, арабскій путешественникъ и географъ, жилъ въ первой половинѣ X вѣка по Р. Хр. Родомъ онъ изъ Сѣверной Аравіи и родился въ концѣ IX вѣка. Съ юныхъ лѣтъ началъ онъ путешествовать и посѣтилъ большую часть мусульманскаго міра; очень вѣроятно, что онъ былъ въ дальней Индіи и Китаѣ; несомнѣнно ознакомился онъ съ Каспійскимъ моремъ и прилегающими къ нему странами, равно какъ и съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря. Одно время жилъ въ Палестинѣ и пограничныхъ сирійскихъ областяхъ, потомъ въ Басрѣ, наконецъ въ Египтѣ, гдѣ и умеръ въ 956 году.

Отъ его главнаго сочиненія, повидимому, громаднаго: „*Мир'ат-уз-Земан* (Зеркало времени)“ сохранилось только нѣсколько отдѣльныхъ томовъ. Другое его сочиненіе: „*Муруджу ль-Джазб ва Ме'адину-ль-Джаугер* (Луга золота и рудники драгоценныхъ камней)“, представляющее изъ себя историко-географическую компиляцію дошло до насъ цѣликомъ. Здѣсь увлекательно описаны страны, которыя видѣлъ Мас'уди, и сообщена ихъ исторія, съ характерными анекдотами. Третье его сочиненіе: „*Китабу-ль-Тенбих ва-ль-Ишраф* (Книга сообщеній и знаній)“ сохранилось въ двухъ плохихъ рукописяхъ.

Кремеръ сравниваетъ Мас'уди съ Геродотомъ, Катрмеръ изумляется его разносторонней эрудиціи и трудности задачъ, которыя онъ разрѣшалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ углублялся не только въ арабскую исторію, но и въ исторію грековъ, римлянъ и народовъ Востока, древнихъ и новыхъ. Ему были извѣстны религіозные догматы іудеевъ,

христіанъ, еретиковъ—мусульманъ, гебровъ, идолопоклонниковъ.

„*Муруджу-ль-Джаиб*“ издано въ Парижѣ въ 1861—1877 г.г. въ „Collection d'ouvrages orientaux, publiée par la Société asiatique“ въ девяти томахъ, а „*Китабу-ль-Тенбих*“ въ „Bibliotheca Geographorum arabicorum ed. M. I. de-Goeje. Pars octava. Lugd. Batav. 1894“.

При настоящей работѣ мы пользовались этими двумя изданіями, и на поляхъ перевода обозначены страницы VIII тома изд. de-Goeje и I и II томовъ изд. Société asiatique 1861—1877 г.г.

Буквы латинскаго алфавита за скобкой относятся къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, а цифры за скобкой относятся къ объясненіямъ и примѣчаніямъ реальнымъ, помѣщеннымъ отдѣльно послѣ перевода.

Изъ: „Книги сообщеній и знаній“.

60.6 *Описаніе третьяго моря или моря Хазарскаго* ¹⁾.

Море ал-Хазари—море хазаръ, Баб-уль-Абваба ²⁾, Арменіи, Азербейджана, Мувана, Джиля, Дейлима, Абаскуна ³⁾, служащаго портомъ Джурджана; оно же море Табаристана, Хуварезма и прочихъ странъ, населенныхъ ино-племенниками ⁴⁾, живущими вокругъ этого моря.

Длина его 800 миль, а ширина 600 миль и даже болѣе того по мнѣнію нѣкоторыхъ. Оно имѣетъ по внѣшнему виду форму кишки ⁵⁾.

Нѣкоторые называютъ его моремъ Хорасанскимъ потому, что оно омываетъ земли Хуварезма въ предѣлахъ Хорасана. Въ степяхъ, лежащихъ по его берегамъ, живетъ много кочевниковъ турокъ-гуззовъ ⁶⁾.

На этомъ же морѣ лежитъ мѣсто Баку; въ немъ находятся нефтяныя источники въ царствѣ Шарвана по сосѣдству съ Баб-уль-Абвабомъ. Тамъ добываютъ бѣлую нефть ⁷⁾. Тамъ же находятся вулканы ⁸⁾, т. е. источники огня, бьющіе изъ земли. Противъ источниковъ нефтяныхъ лежатъ острова ⁹⁾, на которыхъ бьютъ сильныя фонтаны огня, видимыя ночью на очень далекое пространство.

Въ книгѣ „Лука золота и рудники драгоценныхъ камней“ мы дали описаніе всѣхъ вулкановъ а), находящихся въ обитаемой части земли, какъ напримѣръ: вулканъ Сициліи, упомянутый выше; вулканъ Вара-Бехуть въ странѣ аш-Шихра и Хадрамаута; вулканы моря Хазарскаго и Баб-уль-Абваба; вулканъ Асукъ въ странѣ Хиндиджанъ между Фарсомъ и Ахвазомъ, видимый ночью на разстояніи болѣе 40 фарсаховъ, особенно извѣстный благодаря массѣ путе-

а) Мас'уди «Лука золота», т. III ст. 68 и далѣе. Изд. 1864 г.

шественниковъ, проходящихъ эту область; вулканъ Арбуджанъ а) по сосѣдству съ ас-Сираваномъ въ странѣ Масабадзанъ, извѣстный подъ именемъ „горячихъ источниковъ Тауманъ“ б)—мѣстности, расположенной по сосѣдству съ Менджиланомъ с); этотъ послѣдній виденъ въ 40 фарсахъ отъ Багдада по дорогѣ изъ Банданиджина въ Абраз-ар-Рузъ. Затѣмъ большой вулканъ, находящійся въ царствѣ Магараджи, царя острововъ Забиджъ ¹⁰⁾ и прочихъ острововъ на Китайскомъ морѣ, между которыми острова Калахъ и Сарбузахъ ¹¹⁾. Они титулуютъ всѣхъ, кто у нихъ царемъ, „магараджа“ ¹²⁾. Это государство имѣетъ многочисленное население и безчисленное войско. Никто не можетъ въ два года на самомъ быстромъ суднѣ объѣхать эти острова, которые всѣ заселены. Царь этотъ владѣетъ всѣми разновидностями благовонныхъ веществъ и приностей, какими не владѣетъ ни одинъ другой царь. Эти земли производятъ камфору ¹³⁾, алоэ ¹⁴⁾, гвоздику ¹⁵⁾, сандалъ ¹⁶⁾, мускатный орѣхъ ¹⁷⁾, кардамонъ ¹⁸⁾, кубебу ¹⁹⁾ и прочее.

Что касается до вулкана, то онъ расположенъ въ горахъ, находящихся на окраинахъ одного изъ острововъ; днемъ онъ кажется чернымъ вслѣдствіе яркости солнечнаго свѣта, а ночью краснымъ; пламя его достигаетъ облаковъ, настолько оно высоко и настолько оно поднимается въ воздухъ ²⁰⁾. Изъ этого кратера исходитъ шумъ, подобный наиболѣе сильнымъ раскатамъ грома. Иногда изъ него слышится удивительный и ужасный звукъ, слышимый на очень далекое разстояніе—онъ предупреждаетъ о смерти одного изъ царей государства; а иной разъ звукъ этотъ

а) Чтеніе сомнительное. Кудама (244 стр.) даетъ: Арбуджанъ; «Луга золота»: Эривджанъ; Якутъ I, 23 и IV, 398) даетъ: Арьюджанъ, но оговариваетъ неправильность чтенія. Якутъ (I, 60): Адзиваханъ.

б) «Луга золота»: «Науманъ».

с) Сомнительное чтеніе. Оба списка не имѣютъ въ словѣ буквенныхъ точекъ.

бываетъ гораздо тише—онъ предупреждаетъ о смерти кого-нибудь изъ старѣйшинъ ихъ. Они распознаютъ благодаря давнему обычаю и опыту, восходящему въ отдаленныя времена, какой звукъ означаетъ смерть царя и какой смерть иного человѣка. Но въ дѣйствительности эти предвѣщанія одинаковы.

По сосѣдству съ горами, гдѣ находится вулканъ, ле-
62 жить островъ, на которомъ постоянно слышны какъ-бы звуки лиры, сериная²¹⁾, барабановъ и прочихъ веселыхъ музыкальныхъ инструментовъ и какъ бы танцы и хлопанье въ ладоши; и они на столько ясно слышны, что можно различить звуки каждаго инструмента. Мореплаватели Си-рафа и Умана²²⁾, а также прїѣзжавшіе и изъ иныхъ земель, полагаютъ, что этотъ островъ служитъ мѣстомъ пребыванія Деджаля²³⁾, и это предположеніе весьма распространено²⁴⁾.

Упоминали мы и о другихъ вулканахъ.

Между рѣками, самыми громадными и наиболѣе извѣстными, впадающими въ это море, нужно поименовать:

Иртышъ черный и Иртышъ бѣлый²⁵⁾; обѣ эти рѣки огромны, и каждая изъ нихъ длиною превосходитъ Тигръ и Эвфратъ. Между устьями этихъ двухъ рѣкъ около десяти дней пути. На этихъ рѣкахъ турецкія племена Гуззовъ и Каймаковъ располагаются на лѣтнія и зимнія кочевья²⁶⁾.

Рѣка Кура, протекающая по странѣ Тифлисъ и черезъ городъ Сугдабилъ въ землѣ Джурзанъ²⁷⁾, а затѣмъ черезъ область Берда'а.

Она соединяется съ рѣкою ар-Рассъ, проходящею у Варсана, и онѣ обѣ впадаютъ вмѣстѣ въ море²⁸⁾.

Рѣка Исбид-рудъ, вытекающая изъ области Сисаръ, и Шахи-рудъ. Обѣ онѣ протекаютъ по областямъ Адербейджана и Дейлема²⁹⁾.

Рѣка Хазаръ³⁰⁾, проходящая черезъ городъ Итиль,

ныишнюю столицу хазарскаго царства. До этого времени былъ столицей ихъ городъ Беленджеръ ³¹⁾.

Эта рѣка принимаетъ въ себя рѣку Буртась ³²⁾. Буртась—большое турецкое племя, находящееся между хазарами и Хуварезмомъ, но его слѣдуетъ отнести къ хазарамъ. По этой рѣкѣ плаваютъ большія торговыя суда съ 63 продуктами страны Хуварезмъ и другихъ земель.

Изъ страны Буртась вывозятъ шкуры черныхъ лисицъ, представляющія самыя лучшіе и самыя цѣнныя мѣха. Изъ нихъ существуетъ нѣсколько видовъ: бурые и бѣлые, не уступающіе въ цѣнности собольему и песцовому. Худшій сортъ мѣха—такъ называемый арабскій. Черные лисьи мѣха не встрѣчаются нигдѣ въ мірѣ кромѣ этой страны (Буртась) и сосѣднихъ съ нею странъ. Неарабскіе цари стараются перецеголять другъ-друга роскошью шубъ изъ этихъ мѣховъ и дѣлаютъ изъ нихъ шапки и шубы, такъ что черные мѣха цѣнятся очень дорого. Вывозятъ ихъ въ Бабуль-Абвabъ, Берда'а и въ прочія страны Хорасана. Часто вывозятъ ихъ въ сѣверныя страны славянскихъ земель, такъ какъ буртасы находятся близко отъ сѣвера ³³⁾; а затѣмъ везутъ ихъ въ земли Франціи и Испаніи. Оттуда вывозятъ черные и красные лисьи мѣха въ Магрибъ ³⁴⁾, такъ что иные полагаютъ, будто мѣха эти идутъ изъ Андалузіи ³⁵⁾ и изъ областей, сосѣднихъ съ франками и славянами. Природное свойство этихъ мѣховъ—тепло и сухость; и тепло чрезмѣрное, какъ то доказываетъ горечь мяса животнаго. Ихъ шерсть имѣетъ болѣе тепла, чѣмъ мѣха какаго-либо другого животнаго; по своимъ качествамъ она подобна огню, благодаря преобладанію въ ея составѣ тепла и сухости. Мѣхъ этотъ представляетъ прекрасную одежду для людей нѣжнаго сложенія и для стариковъ.

Ал-Мехди, во время пребыванія своего въ Реѣ, пожелалъ испытать, какой мѣхъ наиболѣе тепелъ. Онъ взялъ

много стеклянныхъ сосудовъ, наполнилъ ихъ водой и обернулъ ихъ мѣхами разнаго сорта. Это происходило въ годъ, когда холодъ былъ силенъ и снѣгъ въ изобиліи. На утро онъ приказалъ принести сосуды. Онъ ихъ нашелъ замерзшими за исключеніемъ того, который былъ обернутъ мѣхомъ черной лисицы. Такимъ образомъ онъ узналъ, что этотъ мѣхъ наиболѣе теплый и наиболѣе сухой.

64 Другая рѣка хазарь по имени Аумъ а); она гораздо болѣе Тигра и Эвфрата ³⁶).

Большая рѣка по имени Курь-рудъ ³⁷), что означаетъ „рѣка волка“. Она принимаетъ въ себя воды, стекающіи съ горъ Кабкъ ³⁸), и впадаетъ въ море недалеко отъ Бабуль-Аббаба. Большой мостъ пересѣкаетъ ее у самаго устья, — замѣчательное сооруженіе, подобное мосту Санджа. Мостъ Санджа — одно изъ чудесъ свѣта. Онъ расположенъ въ области Сумейсать въ Сугурѣ на границахъ Джазиры.

Санджа, рѣка давшая свое имя мосту, притокъ Эвфрата.

66.17 *Описаніе четвертаго моря, оно же Бонтусъ* ³⁹).

Четвертое море, или море Бонтусъ, оно же море болгарь, руссовъ и другихъ племень, которыя живутъ къ сѣверу по сосѣдству съ городомъ Лазикой за Константинополемъ. Длина его 1300 миль, а ширина его 300 миль. Оно соединяется съ озеромъ Майотисъ ⁴⁰), длина котораго 300 миль и ширина 100 миль. Озеро это находится на окраинѣ населенной земли по направленію къ сѣверу и часть его доходить до сѣвернаго полюса.

Не далеко отъ него находится городъ, за которымъ уже нѣтъ поселеній, по имени Тулія. Отъ него течетъ Константинопольскій проливъ, изливающійся въ Румское

а) Списокъ L даетъ: «Адемъ».

море ⁴¹⁾). Длина этого пролива около 350 миль, о чем мы будем говорить далѣе въ этой книгѣ. Теченіе воды, которая переливается изъ одного моря въ другое, тамъ очень замѣтно въ сѣуженныхъ мѣстахъ и вода его холодна. Нѣкоторые считаютъ это море и это озеро за одно море.

Это море соединяется также въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ моремъ Баб-уль-Абваба при посредствѣ канала и большихъ потоковъ воды. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе нѣкоторыхъ авторовъ, описавшихъ моря и обитаемую землю и соединившихъ вмѣстѣ море Бонтусъ, озеро Майотисъ и море Хазарское ⁴²⁾).

Переходя къ исторической части своего сочиненія Мас'уди прежде всего даетъ описаніе семи древнихъ націй. Между прочимъ онъ говоритъ:

77.19 Предѣлы территорій персидской націи обнимаютъ области Джибаль, т. е. область Махатъ ⁴³⁾ и другія, Азербейджанъ до Арменіи, территорію Аррана и Байлакана до Дербенда, который называется также Баб-уль-Абвабъ.

Перечисляя мѣста, обитаемыя Курдами, авторъ говоритъ:

89.6 Они жили разсѣянно въ Азербейджанѣ и въ Арменіи, въ Арранѣ, Байлаканѣ и Баб-уль-Абвабѣ.

352.19 Му'тасимъ послалъ ал-Афшина съ прочими полководцами и военачальниками на войну противъ Бабека Хурремита въ Азербейджанъ въ 220 году ⁴⁴⁾. Они одержали побѣду и Бабекъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ Рамаданѣ или, по словамъ другихъ, въ Шеввалѣ 222 года. Его привезли въ Сурра мен-Ра, гдѣ онъ былъ казненъ въ мѣсяцѣ Сафаръ 223 года. Жертвы Бабека въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ боролся съ войсками Ма'муна и Му'тасима, доходятъ по самому умѣренному счету до 500000 человѣкъ. И еще это счисленіе оста-

вляеть въ сторонѣ значительное число людей. Бабекъ под-
нялъ возстаніе въ 200 или 201 году въ халифатѣ Ма'муна
въ горахъ Бадзана въ Азербейджанѣ во главѣ Джавида-
нійцевъ, учениковъ Джавидана, сына Шахрика Хурремита,
учителя Бабека, и во главѣ другихъ племенъ.

381.13 Абу-ль-Касимъ Юсуф-ибн-аби-Саджъ выступилъ изъ
Васита ему на встрѣчу ⁴⁵⁾. Султанъ ⁴⁶⁾ приказалъ ему
оставить управленіе провинціями, которыми онъ завѣды-
валъ, Азербейджаномъ, Арменіей, Арраномъ, Байлаканомъ
и другими, съ цѣлью послать его для сформированія арміи
въ Васитѣ съ приказомъ не медля итти на Бахрайнъ ⁴⁷⁾.

Изъ книги:

„Луга золота и рудники драгоценныхъ камней“.

Т. I

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

260.5 *Море Нитасъ* ⁴⁸⁾, *море Майотисъ* ⁴⁹⁾ и *Константинополь-
скій проливъ*.

Море Нитасъ простирается отъ страны Лазики ⁵⁰⁾ до
Константинополя; длина его 1100 миль и ширина его въ
основаніи 300 миль. Оно принимаетъ въ себя воды вели-
кой рѣки, извѣстной подъ именемъ Танабисъ ⁵¹⁾, о кото-
рой мы уже говорили. Рѣка эта истоки свои имѣетъ въ
сѣверныхъ областяхъ. Берега ея населены многочисленными
потомками Іафета, сына Ноя.

Выходитъ Танабисъ изъ большого озера, расположен-
наго къ сѣверу и образованнаго многочисленными источни-
261 ками и рѣками, стекающими съ горъ. Длина теченія его
по поверхности земли около 300 фарсаховъ по воздѣлан-

нымъ мѣстностямъ, принадлежащимъ потомству Іафета. Затѣмъ онъ проходитъ море Майотисъ, какъ то полагають люди, свѣдущіе въ этомъ вопросѣ, а затѣмъ наконецъ впадаетъ въ море Нитасъ ⁵²). Танабисъ рѣка значительная, и въ ней находятъ различнаго рода минералы, травы и благовонныя растенія, о чемъ упоминали многіе древніе философы. Есть люди, считающіе море Майотисъ озеромъ и дающіе ему длины только 300 миль при ширинѣ 100 миль.

262-8

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

*Описаніе моря Баб-уль-Абваба, Хазаръ и Джурджанъ ⁵³)
и собраніе свѣдѣній о классификаціи востъ морей.*

Море иноземцевъ, на которомъ лежать города ихъ и жилища, заселено людьми со всѣхъ сторонъ и называется ово моремъ Баб-уль-Абваба, Хазаръ, Джиля, Дейлема, Джурджана и Табаристана ⁵⁴). У этого моря живутъ нѣкоторыя племена турокъ и оно съ одной стороны доходитъ до Хуварезма Хорасанскаго. Длина его 800 миль при ширинѣ 600 миль и оно имѣетъ овальную форму по направленію его длины.

Мы дадимъ ниже въ этой книгѣ подробное описаніе племенъ, живущихъ вокругъ этихъ морей. Это море, которое нами названо „моремъ иноземцевъ“. содержитъ въ себѣ такъ называемыхъ „гинанинъ“, а въ единственномъ числѣ „тиннинъ“ ⁵⁵).

272-9) Море Нитасъ и море Майотисъ должны быть однимъ и тѣмъ же моремъ, хотя суша заключаетъ ихъ въ опредѣленные мѣста и между ними существуетъ проливъ, со-
273) единяющій одно съ другимъ. Наименованіе болѣе широкой части его и болѣе снабженной водою Майотисомъ, а болѣе узкой мелководной Нитасомъ, не мѣшаетъ соединять имя

Майотисъ съ Нитасъ, и; если мы употребляемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги наименованіе Майотисъ или Нитасъ, то мы желаемъ разумѣть подъ этимъ равнымъ образомъ, какъ обширную часть, такъ и узкую ⁵⁶).

Многіе заблуждаются, полагая, что море Хазарское соединяется съ моремъ Майотисъ. Между купцами, проникшими въ земли хазаръ и переплывавшими оттуда черезъ Майотисъ или Нитасъ по направленію въ землямъ руссовъ и бургазъ ⁵⁷), ни одного я не видѣлъ, который утверждалъ бы, что море Хазаръ соединяется съ однимъ изъ этихъ морей, или даже съ какимъ-нибудь ихъ притокомъ или проливомъ. Они соединяются только съ рѣкою Хазаръ, а объ этомъ мы сообщимъ, когда будетъ итти рѣчь о горахъ Кабкъ, о городѣ Баб-уль-Абвабъ, о царствѣ Хазаръ и о томъ, какъ 274 кимъ способомъ руссы послѣ трехсотого года со своими кораблями проникли въ Хазарское море ⁵⁸). Равнымъ образомъ я знаю, что большая часть авторовъ древнихъ и среднихъ вѣковъ, занимавшихся описаніемъ морей, утверждаетъ, что каналъ Константинополя, выходящій изъ моря Майотисъ, соединяется съ моремъ Хазаръ. Но я не знаю, какъ это возможно и на чемъ основываютъ они свое мнѣніе, есть ли это результатъ собственнаго опыта или результатъ вывода и аналогіи. Развѣ только, что они смѣшиваютъ руссовъ и сосѣдніе съ ними народы, живущіе при морѣ Майотисъ, съ хазарами.

Я самъ плавалъ по морю изъ Абаскуна, джурджанской гавани, въ земли Табаристана и другія страны и не пропускалъ ни одного изъ встрѣчавшихся мнѣ купцовъ, мало-мальски знающихъ, и капитановъ кораблей, чтобы не распросить ихъ относительно этого, и всѣ сообщили мнѣ, что нѣтъ возможности попасть въ эти мѣста моря иначе, какъ по Хазарскому морю, и тѣмъ путемъ, какимъ проникли сюда суда руссовъ ⁵⁹).

275 Жители Азербейджана, Аррана, Байлакана, области Берда'а и другихъ городовъ, а также вмѣстѣ съ ними жители Дейлема, Джибалия и Табаристава бѣжали отъ этихъ береговъ, такъ какъ никогда они не видѣли въ прошедшія времена, чтобы врагъ явился къ нимъ съ этой стороны, и не было извѣстно ничего подобнаго въ миновавшія древніи времена. То, что мы сообщили, извѣстно въ поименованныхъ нами городахъ, областяхъ и земляхъ, и никто не отрицаетъ этого вслѣдствіе большого распространенія среди нихъ свѣдѣній объ этомъ.

Случилось это въ дни Ибн-аби-Саджа ⁶⁰).

Т. II

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

- 1 *Описаніе горъ Кабхъ а), свѣдѣнія о племенахъ аллановъ, разнаго рода турокъ, хазаръ и борборовъ ⁶¹), описаніе Баб-валь-Абваба и сосѣднихъ съ этими мѣстами царей и племенъ.*

Горы Кабхъ представляютъ изъ себя громадную горную цѣпь, содержащую въ себѣ на своемъ громадномъ протяженіи значительное число царствъ и племенъ. Въ этихъ горахъ считаютъ 72 племена, и у каждаго племени свой царь и свой языкъ, несходный съ другими нарѣчіями. Въ этихъ горахъ есть ущелья и долины. Между прочимъ городъ Баб-валь-Абвабъ построенъ при выходѣ изъ одного такого ущелья; основанъ онъ Хосроемъ Ануширваномъ. Устроилъ онъ его между ущельемъ и моремъ.

Ануширванъ сдѣлалъ эту стѣну выступающей на одну милю отъ береговъ въ море, а съ другой стороны протянулъ ее до вершинъ горъ Кабхъ и сдѣлалъ ее спускающеюся въ ущелья горъ, продолжая ее до тѣхъ поръ, пока не до-

а) Въ другихъ рукописяхъ: «Фатхъ», «Канджъ», а по инымъ: «Кайтахъ». Другіе авторы даютъ: «Кабкъ».

велъ до укрѣпленія по имени Табарсеранъ ⁶²). На каждахъ трехъ миляхъ этой стѣны, а то и больше или меньше, сообразно съ дорогами, соотвѣтственно которымъ онъ поставилъ ворота, онъ сдѣлалъ желѣзные ворота и поселилъ тамъ съ внутренней части каждахъ воротъ народъ, обязанный охранять эти ворота и сосѣднюю часть стѣны. Все это служило для защиты отъ нападеній народовъ, примыкающихъ къ горамъ Кабхъ, каковы хазары, алланы, турки, сериры и иные племена кяфировъ.

Чтобы побывать на вершинахъ Кабха и пройти эти горы вдоль и поперекъ, нужно около двухъ мѣсяцевъ и даже болѣе. Племена, разбросанныя вкругъ Кабха, одинъ только Господь, — Великій и Могущественный! можетъ счесть.

Одно изъ ущелій этихъ горъ находится у Хазарскаго моря и Баб-валь-Аббаба, какъ мы только что упомянули; а другое у моря Майотисъ, упомянутого выше на предшествовавшихъ страницахъ этой книги. Въ это море выходитъ Константинопольскій проливъ и на этомъ же морѣ Трабизундъ. Это городъ на берегу этого моря; въ немъ ежегодно бываютъ базары, привлекающіе большое число торговцевъ изъ мусульманъ, румцевъ, армянъ и другихъ, а равнымъ образомъ и изъ страны Кешъ ⁶³).

Покончивъ съ постройкой города, называемаго Баб-валь-Аббабомъ, и стѣны, идущей въ водѣ и по сушѣ и достигающей горъ, онъ ⁶⁴) поселилъ народы съ ихъ царями, назначилъ каждому санъ и титулъ и отвелъ границы, какъ то сдѣлалъ Ардашир-ибн-Бабекъ, когда установилъ въ порядкѣ царей Хорасана.

Изъ установленныхъ Ануширваномъ царей въ нѣкоторыхъ этихъ мѣстахъ и странахъ, примыкающихъ къ землямъ исламскимъ со стороны области Берда'а, есть царь, именуемый „Шарванъ“, и царство, получившее свое имя

отъ него ⁶⁵); онъ титуловался Шарваншахомъ, и съ тѣхъ поръ титулуютъ именемъ Шарванъ всѣхъ его преемниковъ. Въ настоящее время въ 332 году ⁶⁶) царство его имѣетъ пространство на мѣсяць пути, такъ какъ онъ захватилъ мѣстности, не предназначенныя ему Анушарваномъ, и присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Въ это вышеуказанное время царь тамъ—Богъ лучше знаетъ!—мусульманинъ, зовутъ его Мухаммед-ибн-Язидъ, безспорно потомокъ Бахрам-Джура, равно какъ и Сахиб-ас-Сериръ потомокъ 5 Бахрам-Джура ⁶⁷). Такимъ же образомъ владѣтель Хорасана въ настоящее время изъ потомковъ Исмаил-ибн-Ахмеда, нисба ⁶⁸) котораго несомнѣнно восходитъ до Бахрам-Джура. Мухаммед-ибн-Язидъ Шарванъ захватилъ городъ Бабваль-Абвабъ послѣ смерти своего свойственника по имени 'Абдулла-ибн-Хишамъ, потомка одного изъ ансаровъ ⁶⁹), въ роду котораго было владѣніе Бабваль-Абвабомъ. Родъ ихъ утвердился въ этихъ мѣстахъ уже съ тѣхъ временъ, когда Маслама-ибн-Абдимеликъ и другіе мусульманскіе эмиры наводнили эти земли въ первыя времена ислама.

По сосѣдству съ этимъ царствомъ есть другое, также прилегающее къ горамъ Кабхъ; его называютъ Лайранъ ⁷⁰), и царь его носитъ титулъ „Лайран-шаха“. Въ настоящее время этимъ царствомъ уже владѣетъ Шарванъ, точно такъ же, какъ и царствомъ Муванія ⁷¹).

Оплотомъ царства Шарванъ служитъ царство лакзовъ ⁷²), многочисленнаго племени, живущаго на вершинахъ этихъ горъ. Среди нихъ есть кяфиры и не подчиненные 6 власти Шарвана по имени Дуданійцы. Они язычники и независимы; у нихъ странные обычаи при бракосочетаніи и при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ.

Въ этихъ горахъ есть долины, ущелья и лощины, населенныя народами, не имѣющими между собой сношеній по причинѣ суровости мѣстности, недоступныя горы кото-

рой теряются въ облакахъ, и благодаря густымъ и непроходимымъ лѣсамъ и бурнымъ потокамъ, низвергающимся съ высотъ и громадныхъ утесовъ.

Первый Шарванъ овладѣлъ въ горахъ нѣсколькими царствами, которыя Ануширванъ предназначилъ другимъ своимъ здѣшнимъ ставленникамъ. Затѣмъ Мухаммед-ибн-Язидъ присоединилъ ихъ къ своему царству. Таковы царства Хурасан-шаха и Задан-шаха ⁷³). Мы скажемъ ниже, какимъ образомъ Мухаммедъ овладѣлъ страной Шарванъ; вѣдь онъ и его отецъ до того владѣли Лайраномъ рѣше, чѣмъ другими царствами.

7 По сосѣдству съ Шарваномъ въ горахъ Кабхъ царь Табарсерана, который въ настоящее время мусульманинъ; онъ сынъ сестры Абд-уль-Мелика, бывшего эмира Баб-валь-Абваба. Подвластное ему племя ближе всѣхъ находится къ городу Баб-валь-Абвабъ.

Жители Баб-валь-Абваба терпятъ непріятности отъ сосѣдства царства, называемаго Джиданъ, подвластнаго хазарамъ, столицей котораго служитъ городъ по имени Семендеръ ⁷⁴), лежащій на разстояніи восьми дней пути отъ Баба. Теперь онъ еще населенъ хазарскимъ племенемъ, однако съ той поры, какъ онъ былъ завоеванъ въ первыя времена ислама Сулейман-ибн-Рабія аль-Багалійцемъ, престолъ царства былъ перенесенъ въ Итиль на семь дней пути далѣе ⁷⁵). Въ Итилѣ живутъ въ настоящее время цари хазарскіе; этотъ городъ раздѣленъ громадной рѣкой на три части. Рѣка эта течетъ изъ возвышенныхъ мѣстъ страны турокъ, и отдѣляется отъ нея близъ земель болгаръ рукавъ, впадающій въ море Майотисъ ⁷⁶). Итиль построенъ на двухъ берегахъ рѣки, среди которой находится островъ, а на немъ дворецъ царя. Замокъ царя находится на одномъ изъ краевъ острова, соединеннаго тонкимъ мостомъ съ однимъ изъ береговъ рѣки. Населеніе

состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ, іудеевъ и язычниковъ.

Царь, его свита и все племя собственно хазарь исповѣдуютъ іудейство, сдѣлавшееся главенствующей религіей въ этомъ царствѣ уже со временъ халифата Гарун-ар-Рашида ⁷⁷). Много іудеевъ пріютилось у хазарь и бѣжало туда изъ разныхъ мусульманскихъ городовъ и изъ царства Румъ, такъ какъ въ наши дни, въ 332 году, Арманъ, царь румскій, обращалъ іудеевъ, бывшихъ въ его царствѣ, въ христіанство ⁷⁸).

Ниже мы будемъ говорить въ этомъ сочиненіи о царяхъ Рума, о ихъ мѣропріятіяхъ, и объ этомъ царѣ особенно, а также о тѣхъ, кто раздѣлилъ съ нимъ заботы царствованія въ вышеупомянутое время.

9 Большое число іудеевъ бѣжало изъ земли Румъ въ землю хазарь, о чемъ мы писали. Подробное описаніе обращенія хазарскаго царя въ іудейство мы представлять не будемъ, такъ какъ это уже описано нами въ прежнихъ сочиненіяхъ.

Что касается до язычниковъ въ этомъ царствѣ, то среди нихъ славяне и руссы, и живутъ они въ одной изъ двухъ частей города; они сжигаютъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ лошадьми, оружіемъ и украшениями. Когда умретъ мужчина, то его жена сжигается живою вмѣстѣ съ нимъ; а если жена умретъ первою, то мужъ не подвергается той же участи. Когда кто-нибудь умретъ холостымъ, его женятъ послѣ кончины. Женщины страстно желаютъ быть сожженными со своими мужьями, чтобы войти за ними въ рай. Этотъ обычай существуетъ и въ Индіи, какъ мы упоминали объ этомъ въ началѣ книги, съ тою только разницею, что въ Индіи женщина сжигается съ мужемъ не иначе, какъ по своему согласію.

10 Большую часть населенія въ царствѣ хазарь соста-

вляють мусульмане, такъ какъ изъ нихъ составлено войско царя; они называются Ларисія и родомъ приблизительно изъ Хуварезма. Въ давнія времена, вскорѣ послѣ появленія ислама, случилась въ ихъ государствѣ война и чума, они и пріютились въ царствѣ хазарь; это люди храбрые и на смѣлость ихъ царь хазарь возлагаетъ всю надежду при своихъ войнахъ. Они остались въ его государствѣ подъ условіемъ, что религія ихъ будетъ объявлена свободной, они могутъ строить мечети, громко призывать къ молитвѣ и визирь ⁷⁹⁾ долженъ выбираться изъ ихъ числа. Въ настоящее время визирь изъ ихъ числа, и это Ахмед-ибн-Куваи. Когда царь ведетъ войну съ мусульманами, то они держатся въ его лагерѣ отдѣльно и не сражаются со своими единовѣрцами, но сражаются вмѣстѣ съ царемъ противъ прочихъ кяфирскихъ народовъ. Въ настоящее время изъ нихъ 7000 составляютъ конную гвардію царя; они 11 вооружены латами, касками и вольчугами; среди нихъ есть вооруженные копьями, а также снабженные оружіемъ на подобіе мусульманскаго вооруженія. У нихъ есть и судьи мусульмане. Въ столицѣ хазарскаго царства существуетъ обычай, по которому у нихъ полагается семь судей: два для мусульманъ; два для хазарь, руководствующіея книгою Тора ⁸⁰⁾; два для христіанъ, постанавляющіе рѣшеніе согласно съ Евангеліемъ, и одинъ для славянъ, руссовъ и прочихъ язычниковъ, судящій по языческимъ законамъ, т. е. на основаніи сужденій разсудка. Когда произойдетъ важный случай, который судьи ихъ неумѣютъ разсудить, они обращаются къ судьямъ мусульманскимъ, представляютъ дѣло на ихъ разсмотрѣніе и подчиняются ихъ рѣшенію, составленному согласно съ законоположеніями ислама.

Изъ всѣхъ царей этихъ восточныхъ земель одинъ только царь хазарскій можетъ имѣть у себя на жалованіи войска. Всѣ мусульмане этого государства извѣстны подѣ

12 именемъ народа Ларисіа. Руссы и славяне, язычники, какъ мы говорили, служатъ въ войскѣ царя или его рабами. Кромѣ Ларисіа въ этомъ государствѣ существуютъ мусульмане купцы и ремесленники, переселившіеся сюда по причинѣ справедливости и безопасности, пребывающихъ въ этомъ государствѣ. У нихъ есть соборная мечеть и минаретъ выше царскаго дворца; есть у нихъ и другія мечети со школами, гдѣ учатъ читать Коранъ. Если бы мусульмане и находящіеся тамъ христіане соединились, то царь ничего не былъ бы въ состояніи съ ними сдѣлать.

Мы не говорили о царѣ хазарь, — мы разумѣемъ подъ этимъ „хаканъ“, — а именно, въ царствѣ Хазарь есть еще хаканъ и по обычаю ихъ онъ долженъ находиться въ вѣдѣніи другого царя и пребывать во дворцѣ, въ которомъ тотъ живетъ. Хаканъ, заключенный во дворцѣ, не ѣздитъ верхомъ и не показывается ни знатнымъ, ни черни. Не выходя изъ жилища съ его гаремомъ, онъ не управляетъ, не касается и не распоряжается дѣлами государства ни въ какомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе царство хазарь пребываетъ въ рукахъ царя, покуда хаканъ при немъ въ столицѣ его царства и съ нимъ въ его дворцѣ⁸¹). Но когда бываетъ въ землѣ хазарь засуха, или какое-нибудь несчастье поражаетъ страну, или несутъ они неудачи въ войнѣ при торжествѣ вражескаго племени или застаютъ ихъ въ располхъ какое-либо событіе, то чернь и знать спѣшитъ къ царю и заявляетъ ему: „Мы приписываемъ свое несчастье этому хакану и его существованіе намъ приноситъ несчастье. Убей его или же отдай его намъ — мы его убьемъ!“ Иногда онъ выдаетъ его и они его убиваютъ, иногда онъ беретъ на себя его убіеніе, а иногда, сжалившись надъ нимъ, защищаетъ его, говоря, что нѣтъ грѣха, въ которомъ бы тотъ былъ виновенъ, и нѣтъ преступленія, которое бы онъ совершилъ. Я не знаю, восходитъ ли обычай

выбирать хакана до давнихъ временъ или онъ новѣйшаго происхожденія, но то обстоятельство, что хаканъ обыкновенно всегда выбирается изъ одной наиболѣе знатной фамиліи, доказываетъ, что царское достоинство прежде принадлежало этой фамиліи—Богъ лучше знаетъ!

18.7 Руссы обширное племя имѣющее много отдѣловъ. Самый многочисленный родъ ихъ, называемый Людза'анэ,⁸²⁾ занимается торговлей съ Испаніей, Румомъ, Константинополемъ и хазарами.

Послѣ 300-го года ⁸³⁾ приблизительно пятьсотъ кораблей руссовъ, содержащихъ каждый по сто человекъ, вошли въ каналъ моря Нитасъ, который соединяется съ моремъ Хазарь. Тамъ занимали посты воины царя хазарскаго въ сильныхъ укрѣпленіяхъ, защищая проходъ отъ идущихъ изъ моря Нитасъ и отъ тѣхъ, кто шель изъ внутреннихъ земель, гдѣ дорога, ведущая водою изъ моря Хазарь въ море Нитасъ. Надо замѣтить, что турецкое племя гуззы приходитъ на зимовку въ эти области. Часто случается, что потокъ, соединяющій рѣку Хазарь и каналъ моря Нитасъ, совершенно замерзаетъ, а вода небольшая, и гуззы переѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ по льду, слишкомъ крѣпкому, чтобы подломиться подъ ихъ ногами, и проникаютъ въ земли хазарь. Часто, когда они разбивали постъ, на обязанности котораго лежало отражать ихъ, царь хазарь выступалъ противъ нихъ, чтобы помѣшать имъ переправиться черезъ этотъ ледъ и защитить свое государство. Лѣтомъ для турокъ нѣтъ переправы черезъ этотъ потокъ.

По прибытіи судовъ руссовъ къ посту хазарь, защищавшему входъ въ каналъ, они послали къ царю хазарь спросить 20 у него позволенія пройти черезъ его государство и войти въ великую рѣку Хазарь съ тѣмъ, чтобы спуститься къ морю Хазарскому,—оно же море Джурджана, Табаристана и другихъ не арабскихъ племенъ, о которыхъ мы упоминали,—подъ

условіемъ вручить ему половину добычи изъ того, что они захватятъ у народовъ, живущихъ при этомъ морѣ. Царь далъ благопріятный отвѣтъ на ихъ просьбу, и они вошли въ каналъ, откуда проникли въ рукавъ рѣки, по которому поднялись до самой рѣки Хазарь,⁸⁴⁾ а по ней спустились до города Итиль, прошли его и достигли устья рѣки и мѣста впаденія ея въ море Хазарское. Отъ устья до города Итиль рѣка эта огромная и многоводная.

Суда руссовъ разсѣялись по этому морю. Отряды ихъ устремились на Джиль, Дейлемъ и область Табаристанъ. они атаковали Абаскунъ, лежащій на джурджанскомъ побережьи, и нефтеносную область и приблизились къ Азербейджану; 21 дѣло въ томъ, что отъ Ардабиля, округа Азербейджана, до этого моря около трехъ дней пути. Руссы пролили массу крови, увели въ рабство женщинъ и дѣтей и повсюду несли съ собою грабежъ, разрушеніе и пожары. Раздавались вопли вокругъ этого моря среди народовъ, такъ какъ они съ давнихъ временъ не ожидали прихода врага на нихъ со стороны моря, и попадались на немъ только суда купцовъ и рыболововъ. Все время у руссовъ продолжалась война съ Джилемъ и Дейлемомъ и съ однимъ изъ военачальниковъ Ибн-аби-Саджа. Они достигли нефтеноснаго побережья въ царствѣ Шарванъ, извѣстнаго подъ именемъ Баку. При возвращеніи своемъ руссы высадились съ побережья морского на острова недалеко отъ нефтеносной мѣстности всего въ нѣсколькихъ миляхъ; тогда былъ царемъ Шарвана Али-ибн-ал-Хайтсамъ; онъ вооружилъ войско, которое сѣло на барки и мелкія торговыя суда, и направился къ островамъ. Руссы 22 напали на нихъ, и тысячи мусульманъ были убиты и по-топлены.

Руссы оставались на этомъ морѣ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы описали, такъ что никто не могъ проѣхать по этому морю изъ страны въ страну. Люди, приготовившись

къ защитѣ отъ нихъ, опасались ихъ, а вѣдь все море вокругъ было населено народами. Послѣ того какъ руссы достаточно нагнали и имъ надоѣлъ такой образъ дѣйствій, они отъправились къ устью рѣки и мѣсту ея впаденія, а затѣмъ послали къ царю хазарь посольство и препроводили къ нему богатство и добычу согласно уговора съ ними. Царь этотъ не имѣлъ кораблей и подданные его не имѣли обыкновенія плавать, а въ такомъ случаѣ мусульмане рисковали подвергнуться большой опасности; однако Ларисія и прочіе мусульмане, жившіе въ этихъ странахъ, узнавъ объ ихъ дѣлахъ, сказали царю хазарь: „Дай намъ свести счеты съ этимъ народомъ; вѣдь онъ разграбилъ земли нашихъ братьевъ мусульманъ, пролилъ ихъ кровь и поработилъ ихъ женъ и дѣтей“. Царь не могъ препятствовать имъ, но послалъ сообщить руссамъ, что мусульмане намѣрены идти войной на нихъ.

23 Мусульмане собрались и двинулись въ походъ на встрѣчу руссамъ, спускаясь внизъ по теченію. Когда они завидѣли другъ-друга, руссы сошли съ своихъ кораблей. Мусульманъ было около 15000 конныхъ и вооруженныхъ; съ ними же были и христіане, жившіе въ городѣ Итиль. Битва между ними длилась три дня, и помогъ Господь мусульманамъ противъ враговъ. Мусульмане приняли ихъ въ мечи, и часть была убита, а часть утонула. Спаслось бѣгствомъ около 5000 человекъ. Они прошли по другому руслу рѣки на своихъ корабляхъ въ тѣхъ мѣстахъ, что граничатъ съ бургасами⁸⁵). Они оставили суда и высадились на сушу, но часть ихъ была убита бургасами, а часть достигла болгаръ, попала въ руки мусульманъ и была ими избита. Можно считать, что изъ нихъ убито мусульманами на берегу рѣки Хазарь около 30000 человекъ. Послѣ этого года руссы не возобновляли своей попытки.

24 Мы рассказали эту исторію для опроверженія того

мѣнѣя, что море Хазарское соединяется съ моремъ Майотисъ, а затѣмъ черезъ это море и море Нитасъ съ Константинопольскимъ проливомъ ⁸⁶). Если бы это предположеніе было правильнымъ, то руссы не преминули бы пройти этимъ моремъ, когда оно принадлежало имъ, какъ мы это упоминали. Люди, живущіе по сосѣдству съ этимъ моремъ, единогласно утверждаютъ, что у моря иноземцевъ нѣтъ пролива, соединяющаго его съ другимъ какимъ-нибудь моремъ, и въ дѣйствительности это море замкнутое и кругомъ извѣстное ⁸⁷). Разказанное нами происшествіе съ караблями руссовъ извѣстно во всѣхъ племенахъ этой страны, равно какъ извѣстно и время его; было это послѣ 300 года, но точная дата событія ускользнула изъ моей памяти. Быть можетъ, утверждающіе, что море Хазаръ соединяется съ Константинопольскимъ проливомъ, разумѣютъ подъ именемъ моря Хазарскаго море Майотисъ и море Нитасъ, которое также именуется моремъ болгаръ и руссовъ ⁸⁸). Богъ лучше знаетъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ!

Хазарское море омываетъ берега Табаристана, и тамъ же находится городъ по имени ал-Хуммъ; это гавань близъ побережья и между нею и Амуломъ часть пути ⁸⁹). На джурджанскомъ берегу, омываемомъ Хазарскимъ моремъ, лежитъ городъ по имени ас-Секунъ ⁹⁰), отстоящій отъ Джурджана на три дня пути. На этомъ же морѣ лежитъ Джиль и Дейлемъ. Между этими областями и городомъ Итиль постоянно ходятъ торговныя суда, а затѣмъ они отправляются въ Хазарское море. Изъ этихъ же мѣстъ, которыя поименованы, ходятъ суда по берегу въ Баку, гдѣ находятся источники бѣлой и другихъ сортовъ нефти. И нѣтъ на свѣтѣ — Богъ хорошо знаетъ! —нигдѣ бѣлой нефти, кромѣ этого мѣста, а оно является побережьемъ Шарванскаго царства.

Въ этихъ нефтеносныхъ земляхъ находится вулканъ, или источникъ огня, непрерывно извергающій изъ себя все время пламя вверхъ. Противъ этого берега въ морѣ лежатъ острова; на одномъ изъ нихъ на разстояніи трехъ 26 дней пути отъ материка находится огромный вулканъ. Въ определенное время года онъ реветъ, огни его увеличиваются, поднимаясь къ небу какъ самыя высокія горы, и онъ выбрасываетъ огня больше, чѣмъ это море, такъ что его видно на разстояніи почти ста фарсаховъ отъ берега ⁹¹). Этотъ вулканъ можно сравнить съ вулканомъ Бурканъ ⁹²), находящимся въ Сициліи въ землѣ Франковъ и лежащимъ не далеко отъ Африки, что въ Магрибѣ.

39.3 Возвратимся теперь къ описанію Баб-уль-Аббаба, племени, живущихъ по сосѣдству со стѣной, и къ описанію Кабха.

Мы сказали уже, что изъ всѣхъ царствъ, находящихся въ этихъ странахъ, самое могущественное царство Джиданъ. Царь этой страны мусульманинъ и считаетъ себя принадлежащимъ къ арабскому семейству Кахтанъ. Зовутъ его Салифанъ и живетъ онъ въ настоящее время, именно въ 332 году. Во всемъ царствѣ этомъ нѣтъ мусульманъ кромѣ него, его дѣтей и его семьи. Мнѣ кажется, что имя его общее для всѣхъ царей въ этой области. Между царствомъ Джиданъ и Баб-уль-Аббабомъ существуютъ мусульмане арабскаго происхожденія, говорящіе правильно только по арабски; живутъ они въ густыхъ лѣсахъ, въ чащахъ и ущельяхъ; громадныя рѣки протекаютъ по ихъ селеніямъ. 40 Они поселились и живутъ въ этихъ мѣстахъ съ того времени, когда завоевали эти земли пришедшіе сюда бедуины. Они живутъ по сосѣдству съ царствомъ Джиданъ, но все-таки сохранили свою независимость благодаря лѣсамъ и рѣкамъ, представляющимъ естественный оплотъ. Они находятся отъ Баб-уль-Аббаба приблизительно въ трехъ миляхъ, и жители Баб-уль-Аббаба имъ всегда помогаютъ ⁹³).

Рядомъ съ Джиданомъ по сосѣдству съ Кабхомъ и Сериромъ находится царь, по имени Берзбанъ, мусульманинъ. Царство его извѣстно подъ именемъ ал-Керджъ, и жители его всѣ вооружены дубинами. Всякій царь, управляющій этимъ царствомъ называется Берзбанъ ⁹⁴).

За царствомъ Берзбана слѣдуетъ царство Гумикъ; жители его христіане. Они не подчинены царю и у нихъ нѣсколько вождей. Они въ мирѣ съ царствомъ аллановъ ⁹⁵).

За Гумикомъ слѣдуетъ по направленію къ горамъ и Сериру царство по имени *Зерекеранъ* ⁹⁶), персидское слово, означающее: „кольчужные мастера“, такъ какъ мно-
41 гіе изъ жителей этого государства мастера кольчугъ, стремянъ, удиль, мечей и другихъ желѣзныхъ вещей. Исповѣдуютъ они различныя религіи: мусульманскую, христіанскую и іудейскую. Страна ихъ недоступна, и, благодаря ея недоступности, они защищены отъ сосѣднихъ съ ними племенъ.

За этой областью слѣдуютъ сериры, царь которыхъ носить титулъ „Филан-шахъ“. Онъ исповѣдуетъ христіанскую религію. Выше въ этой книгѣ мы замѣтили, что онъ происходитъ отъ Бахрам-Джура. Называется онъ Сахиб-ас-Сериръ ⁹⁷) вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства. Когда Ездеджердъ, послѣдній царь изъ династіи Сассанидовъ, обратился въ бѣгство передъ арабами ⁹⁸), то послалъ передъ собою съ потомкомъ Бахрам-Джура свой золотой тронъ, богатства и имущество съ тѣмъ, чтобы тотъ ихъ отвезъ въ эту страну, для сохраненія ихъ тамъ въ безопасности до его возвращенія. Ездеджердъ прошелъ въ Хорасанъ и былъ тамъ убитъ въ халифатъ Осман-ибн-‘Аффана ⁹⁹), да будетъ имъ доволенъ Господь! какъ мы упоминали въ этой
42 книгѣ. Довѣренный Ездежерда поселился въ Сериръ и былъ возведенъ на престолъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи наслѣдственнымъ въ его фамиліи, а самъ онъ названъ былъ

Сахиб-ас-Сериръ. Столица этого царства называется Хумрадъжъ ¹⁰⁰); царство это содержитъ въ себѣ 1200 поселеній, изъ которыхъ царь беретъ себѣ въ рабы, кого угодно. Страна это недоступна и укрѣплена своей недоступностью; находится она въ одномъ изъ ущелій горъ Кабхъ. Царь усердно и съ успѣхомъ воюетъ съ хазарами, такъ какъ этотъ народъ живетъ на равнинѣ, а самъ онъ въ горахъ.

43 Царство аллановъ граничитъ съ царствомъ Сериръ. Цари его носятъ титулъ *Керкандаджъ* подобно тому, какъ цари Серира носятъ титулъ *Филан-шахъ*. Столица страны называется Ма'асъ, что значитъ: „благочестіе“ ¹⁰²). Въ этой странѣ находятся еще крѣпости и уголья, расположенныя внѣ этого города, куда царь время отъ времени переѣзжаетъ. Въ настоящее время между царемъ аллановъ и Сахиб-ас-Сериромъ заключенъ договоръ и они взаимно отдали другъ за друга своихъ сестеръ. Послѣ провозглашенія ислама въ царствованіе династїи Аббасидовъ цари аллановъ приняли христіанство, а до того они были язычниками, но послѣ 320 года они отвратились отъ христіанства и изгнали бывшихъ прежде епископовъ и священниковъ, присланныхъ къ нимъ царемъ румскимъ.

Между царствамъ аллановъ и горами Кабхъ есть крѣпость и мостъ, перекинутый черезъ громадную рѣку. Эта крѣпость называется: „крѣпость Алланъ“ ¹⁰²). Она построена нѣкогда древнимъ персидскимъ царемъ Исбендіаромъ, сыномъ Гистаспа. Тамъ помѣщалась стража, на обязанности которой лежало защищать отъ аллановъ дорогу къ горамъ Кабхъ. Для эгихъ народовъ не было иной дороги, какъ черезъ мостъ, надъ которымъ господствовалъ замокъ. Замокъ былъ построенъ на недосягаемой скалѣ и не было средства захватить его, и даже пройти къ нему безъ позволенія находящихся въ немъ. Среди этого укрѣпленія на самой вершинѣ скалы бьетъ источникъ прѣсной воды,

44 такъ что эта крѣпость одна изъ крѣпостей, знаменитыхъ въ цѣломъ свѣтѣ по своей неприступности. Персы упоминали въ своихъ стихотвореніяхъ о томъ, какъ построилъ ее Исбендіаръ, сынъ Гистаспа.

Исбендіаръ велъ многочисленныя войны на востокѣ съ разными народами, проникъ до крайнихъ предѣловъ земель турокъ и разрушилъ городъ Суфръ¹⁰³); онъ былъ недоступенъ для атакъ по своему значительному мѣстоположенію и крѣпость его обратилась у персовъ въ поговорку. Все, что существуетъ изъ построекъ Исбендіара и что мы описали, въ подробности изложено въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Китаб-уль-бенкешъ“, переведенной на арабскій языкъ Ибн-аль-Мукаффою¹⁰⁴).

Когда Маслама-ибн-Абдилмелик-ибн-Мерванъ пришелъ въ эту область и покорилъ жителей ея, то помѣстилъ въ этомъ укрѣпленіи арабскій гарнизонъ, до настоящаго времени защищающій это мѣсто. Имъ часто доставляли пищу сушей изъ пограничной мѣстности Тифлисъ, отстоящей отъ крѣпости на разстояніи пятидневнаго пути по владѣніямъ кяфировъ¹⁰⁵). Хотя бы одинъ человѣкъ былъ въ этой крѣпости, онъ отразилъ бы всѣхъ царей кяфирскихъ, если бы они проѣхали у этого моста, благодаря воздушной позиціи, командующей разомъ надъ дорогой, мостомъ и долиной.

Царь аллановъ выставляетъ 30000 всадниковъ. Это царь могущественный, сильный и пользующійся большимъ вліяніемъ, чѣмъ остальные цари. Царство его представляетъ непрерывной рядъ поселеній настолько смежныхъ, что если кричатъ пѣтухи, то имъ отеликаются другіе во всемъ царствѣ, благодаря смежности и, такъ сказать, переплетенію хуторовъ.

По сосѣдству съ алланами между Кабхомъ и Румскимъ моремъ находится племя по имени Кѣшакъ¹⁰⁶); это племя благоустроенное и подчиненное религіи маговъ. Изъ

описанныхъ нами племенъ нѣтъ ни одного въ этихъ странахъ народа, въ которомъ можно было бы встрѣтить типъ съ болѣе свѣтлой кожей и свѣтлымъ цвѣтомъ лица и болѣе красивыхъ мужчинъ и женщинъ. Ни у одного народа нѣтъ стана болѣе стройнаго, талии болѣе тонкой, бедеръ и таза болѣе выдающихся и формъ болѣе красивыхъ, чѣмъ 46 у этого народа. Женщины ихъ славятся мягкостью своего обращенія. Онѣ носятъ бѣлыя одежды, румскую парчу, пурпуръ и иные виды шелковыхъ матерій, затканыхъ золотомъ. Въ ихъ странѣ выдѣлываютъ полотняную матерію, называемую „тала“, которая гораздо нѣжнее, чѣмъ „дибаки“, и гораздо продолжительнѣе въ работѣ; цѣна одежды изъ этой матеріи доходитъ до десяти динаровъ. Вывозятъ такую матерію также изъ странъ сосѣднихъ съ ними народовъ, тѣмъ не менѣе выдающаяся по своимъ качествамъ та, которая вывозится отъ этихъ людей. Алланы могуществомъ превосходятъ этотъ народъ, и тотъ не былъ бы въ состояніи сохранить свою независимость передъ алланами, если бы не имѣлъ укрѣпленій, построенныхъ на берегу моря. Относительно этого моря получается разногласіе и, по словамъ однихъ, это море Румское, а по словамъ другихъ, море Нитасъ. Единственно только извѣстно, что они 47 имѣютъ сношеніе съ Трабизундо на каравлахъ, и тѣ въ свою очередь снаряжаются раньше у нихъ. Что же касается ихъ слабости по отношенію къ алланамъ, то она отъ того, что они не имѣютъ общаго царя. Извѣстно, что если народы, говорящіе ихъ языкомъ, сплотятся, то алланы, ни другой какой народъ не будутъ въ состояніи ничего предпринять противъ нихъ. Имя ихъ персидское и означаетъ: „заносчивость, хвастливость“. И дѣйствительно у персовъ слово *кеш* примѣняется къ человѣку гордому и надменному.

64.11 Вернемся теперь къ описанію горъ Кабхъ, стѣны и

65 Баб-валь-Абваба, а также народовъ этой области, большую часть которой мы уже описали. Рядомъ со странюю аллановъ живутъ абхазы ¹⁰⁷), исповѣдующіе христіанскую религію, и въ наше время у нихъ есть царь. Царь аллановъ сильнѣе ихъ и область ихъ простирается до горъ Кабхъ.

Около Абхазъ находится царство Джурія, населенное большимъ племенемъ христіанскаго вѣроисповѣданія; зовутъ ихъ „хазранъ“ ¹⁰⁸). Царь, управляющій ими въ настоящее время, называется *Таб'и* и живетъ въ мѣстѣ называемомъ Месджид-дзиль-Карнайнь ¹⁰⁹).

Абхазы и хазраны платятъ хараджъ ¹¹⁰) владѣтелю пограничной области Тифлисъ со временъ завоеванія этого города мусульманами и утвержденія ихъ въ этомъ городѣ въ царствованіе халифа Мутеваккиля ¹¹¹). Въ Тифлисъ былъ человекъ, по имени Исхак-ибн-Исмаиль; при содѣйствіи бывшихъ съ нимъ мусульманъ онъ сумѣлъ подчинить себѣ окружающія его племена, и они подчинились ему и примирились съ уплатой въ его пользу поземельной по-
66 дати; ему были подвластны всѣ здѣшнія племена, пока Мутеваккиль не прислалъ Буга ¹¹²); тотъ расположился лагеремъ около Тифлиса и осаждалъ его, пока не завоевалъ его мечемъ. Онъ убилъ Исхака, властвовавшего надъ всей страной. Подробный разсказъ о происшествіяхъ этихъ былъ бы очень длиненъ, да и онъ извѣстенъ въ народѣ этой области и среди прочихъ лицъ, знающихъ исторію. Я полагаю, что этотъ Исхакъ былъ Курейшитъ изъ колѣна Омейядовъ, или принятый въ ихъ среду вольноотпущенникъ.

Съ этого времени до нынѣшнихъ дней мусульмане Тифлиса лишились всякаго уваженія, сосѣднія государства болѣе имъ не подчинялись, отъ нихъ отдѣлилось много деревень тифлисскихъ и сношенія между Тифлисомъ и землями ислама перешли отъ него къ этимъ племенамъ вайфировъ, окружавшихъ Тифлисъ со всѣхъ сторонъ; а населеніе

его оставалось воинственнымъ и энергичнымъ, хотя и было окружено, какъ мы упомянули, опасными сосѣдями.

Затѣмъ рядомъ съ царствомъ Хазранъ находится царство, называемое Самсаха ¹¹⁸) населеніе котораго христіане, смѣшанные съ язычниками; у нихъ нѣтъ царя.

По сосѣдству съ Самсаха между Тифлисомъ и Алланскимъ укрѣпленіемъ, о которомъ мы уже упоминали, находится царство по имени Санарія, а царя ихъ зовутъ Курискусъ ¹¹⁴). Этотъ народъ исповѣдуетъ христіанство. Всѣ христіане, сколько ихъ есть, считаютъ, что происходятъ отъ арабовъ, нисходя отъ Низар-ибн-Ма'ад-ибн-Мудара, а затѣмъ колѣно 'Укайля основалось съ давнихъ временъ здѣсь въ этихъ странахъ, гдѣ они пользуются громаднымъ уваженіемъ. Я видѣлъ въ странѣ Марибъ въ земляхъ Емена 'Укайлитовъ, союзныхъ съ Масхиджитами, характеръ которыхъ похожъ на характеръ однофамильцевъ ихъ въ Кабхъ; они богаты лошадьми и обладаютъ могуществомъ. Во всемъ Еменѣ нѣтъ потомковъ Низар-ибн-Ма'ада, кромѣ этого колѣна 'Укайлитовъ ¹¹⁵). Мы раньше упомянули о потомкахъ Анмар-ибн-Низар-ибн-Ма'ада и о томъ, какъ они вошли въ Емень, согласно преданіямъ о томъ, что было съ Джерир-ибн-Абдулла-ал-Баджили и пророкомъ, да помилуетъ его Господь и да спасетъ! и вообще, что было съ племенемъ Баджили. Санарійцы считаютъ, что они нѣкогда отдѣлились отъ этихъ Марибскихъ 'Укайлитовъ, которыхъ мы только что поименовали.

Не далеко отъ царства Санарія находятся шекины ¹¹⁶), племя христіанскаго вѣроисповѣданія, среди которыхъ живетъ большое число мусульманъ, занимающихся торговлей и разными ремеслами. Царь шекиновъ во время составленія этой нашей книги Адернерсэ-ибн-Хамамъ, какъ его называютъ.

За ними слѣдуетъ царство Вилахъ ¹¹⁷); столица его

населена мусульманами, тогда какъ деревни и села вокругъ нея населены христіанами. Царь ихъ въ настоящее время называется Апбаса Кривой. Это царство—убѣжище разбойниковъ, воровъ и бродягъ.

69 Оно соприкасается съ царствомъ Муканія ¹¹⁸), о которомъ мы уже говорили, и которое покорилъ Шарваншахъ и присоединилъ къ своему царству. Не слѣдуетъ это царство, именуемое Муканіей, смѣшивать со страной того же имени, лежащей на берегу Хазарскаго моря.

Мухаммед-ибн-Язидъ, внѣшній Шарваншахъ, унаследовалъ отъ своихъ предковъ царство Лайраншахъ; царство Шарваншахъ принадлежало тогда Али-ибн-Хайтсаму. По смерти Али Мухаммедъ убилъ своихъ дядей, овладѣлъ Шарваншахомъ, какъ мы выше упомянули, и захватилъ указаннаго царства. Въ числѣ крѣпостей земли не упоминается лучше укрѣпленной крѣпости, чѣмъ крѣпость „Кал'а Тсіяр“ ¹¹⁹) въ горахъ Кабхъ, принадлежащая Мухаммеду, за исключеніемъ крѣпости, по имени Дикданъ, въ Персіи недалеко отъ Сираха на персидскомъ берегу въ мѣстности, называемой Зидбадъ, области Абдулла-ибн-Амара.

70.3 Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе города Баб-уль-Абвабъ, стѣны, Кабха и его народовъ, живущихъ въ этихъ горныхъ областяхъ.

70.5 Если бы Господь, Могущественный и Великій, по своей рѣдкой мудрости, всемогуществу и милосердію къ своимъ слугамъ не оказалъ содѣйствія царямъ Персіи въ постройкѣ города Баб-уль-Абваба, въ возведеніи стѣны, упомянутой нами и тянущейся одновременно по сушѣ, въ морѣ и на горахъ ¹²⁰), въ постройкѣ различныхъ укрѣпленій и въ основаніи нѣсколькихъ колоній, подчиненныхъ правильно установленнымъ правителямъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что цари хазаръ, аллановъ, Серира, турокъ и поименованныхъ выше народностей устремились бы въ области

Берда'а, Ар-Рана, Байлакана, Адербейджана, Абхаза, Каз-
73 вина, Хамадана, Динавера, Нихавенда и другихъ перечи-
сленныхъ нами странъ, которыя черезъ Куфу и Басру
даютъ доступъ въ Иракъ.

Хорошо, что Господь противопоставилъ имъ то, о чемъ
мы упомянули, при отсутствіи иного противодѣйствія бла-
годаря слабости и изнѣженности ислама въ настоящее
время, чему причиной вліяніе Рума на мусульманъ, при
отвыканіи отъ обычая творить хаджъ ¹²¹), при отсутствіи
джигада ¹²²), при прекращеніи единенія, когда дороги мало
безопасны и когда теперь различные вожди мусульманскихъ
странъ отдѣляются и объявляютъ себя независимыми въ
своёмъ управленіи, подражая въ этомъ поведенію сатраповъ
послѣ смерти Александра ¹²³) вплоть до царствованія Ар-
дашир-ибн-Бабек-ибн-Сасана ¹²⁴), учредившаго единеніе въ
государствѣ, положившаго конецъ внутреннему раздробленію
и вернувшаго безопасность людямъ и воздѣлываніе землѣ.
Такое положеніе вещей продолжалось до того момента, ко-
гда Мухаммедъ получилъ отъ Бога назначеніе разсѣять до
гла невѣріе и уничтожить ложныя ученія народовъ. Съ той
поры, какъ религія пророка восторжествовала, до настоя-
щаго момента, именно до 332 года, когда въ халифатъ
74 Абу-Исхак-Ибрагим-аль-Муттаки-Билляха ¹²⁵) колонны исла-
ма поколебались и онъ сотрясся въ своёмъ основаніи. Гос-
подь одинъ помощникъ намъ во всякомъ случаѣ.

Много разказовъ объ удивительной постройкѣ Баб-уль-
Абваба, такъ, наприимѣръ, описаніе великолѣпныхъ работъ
города изъ камня, возведеннаго въ мѣстѣ, по имени Мас-
катъ ¹²⁶), Хосрой-ибн-Кубадз-ибн-Фейрузомъ, отцомъ Кесра-
Ануширвана, или стѣны того же царя, выстроенной имъ
въ Шарванѣ и названной „Сур-ат-Тинъ“ ¹²⁷), каменной
стѣны, называемой „Бармаки“, или другой стѣны, прости-
рающейся до Берда'а. Мы не будемъ вдаваться въ подроб-

ности, такъ какъ это описано нами въ предыдущихъ сочиненіяхъ.

Рѣка Кура беретъ начало въ странѣ Хазранъ въ царствѣ Джурджинъ¹²⁸), и, протекая по предѣламъ Абхазъ,
75 достигаетъ пограничнаго города Тифлиса, который раздѣленъ на двѣ части; она проходитъ по области Сіавурдія¹²⁹), армянскаго племени, храбраго и могущественнаго, какъ мы сообщили въ ихъ исторіи; они дали свое имя сѣвирамъ, называемымъ сіавурдійскими, которыми пользуются Сіябихе и другіе изъ войскъ не арабскихъ. Кура продолжаетъ свой путь, пока не достигаетъ трехъ миль до Берда'а, и проходитъ у Бердиджа¹³⁰), одного изъ ея округовъ; достигнувъ Санарэ¹³¹), она принимаетъ въ себя ар-Рассъ, выходящій изъ сосѣдства съ Трабизундэ и достигающій Куры. Соединившись обѣ рѣки впадаютъ въ Хазарское море.

Ар-Рассъ проходитъ черезъ область Баддзанъ, отечество Бабека Хурремита въ Адербейдженѣ, затѣмъ протекаетъ у горы, по имени „Джебаль-аби-Муса“¹³²), составляющей часть страны Арранъ и населенной однимъ изъ основавшихся здѣсь племенъ. Пройди Варсанъ, онъ достигаетъ, какъ мы сказали, Санарэ, гдѣ впадаетъ въ Куру.
76 Мы уже описали теченіе этихъ двухъ рѣкъ.

Затѣмъ идетъ рѣка, по имени Исбид-рудъ, — слово, означающее: „бѣлая рѣка“, сообразно съ перестановкой у двухъ языковъ, персидскаго и арабскаго. Исбид-рудъ течетъ по Дейлему, а вытекаетъ изъ замка Салларъ, названнаго такъ по сыну Асвара Дейлемита, царя этой страны, который въ данное время, когда пишется эта книга, владѣетъ и Адербейджаномъ. Эта рѣка затѣмъ течетъ изъ Дейлема въ страну Джиль, называемую также Джиланъ, увеличиваясь тамъ съ присоединеніемъ въ ней рѣки Шахи-рудъ, что значить: „царь рѣкъ“; названіе это дано благодаря ясности, чистотѣ и прозрачности ея. Обѣ рѣки по-

слѣ соединенія впадаютъ въ море Джиль, называемое также моремъ Дейлема, моремъ Хазаръ и прочихъ народовъ, живущихъ на его берегахъ и перечисленныхъ нами.

На этихъ рѣкахъ поселилась большая часть племенъ Дейлема и Джилана, которые отправились туда и на далекое пространство дѣлали набѣги¹³³).

ПРИМѢЧАНІЯ

къ «Книгѣ сообщеній и знаній» и къ сочиненію: «Луга золота и рудники драгоцѣнныхъ камней», Мас'уди.

1) Море Хазарское, оно же Дейлемское, Джурджанское, Табаристанское и пр.—Каспійское море, на берегахъ котораго лежатъ всѣ поименованныя земли. Вообще моря и озера у арабскихъ географовъ носятъ названія по мѣстностямъ, омываемымъ ихъ водами.

2) Баб-уль-Абвабъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: «Ворота воротъ»; это нынѣшній Дербентъ. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ примѣчаніяхъ къ ал-Истахрію 29 и 30. См. карту.

3) Абаскунъ — нѣкогда значительный островъ въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря. На полуостровѣ того же имени находилась гавань Джурджана, области нынѣшняго Астерабада.

„Абускунъ, городъ на берегу моря, въ областяхъ *Табаристана*“.
Ибн-Синаги.

Въ «Лубб-ат-теварихъ — (Лучшіе отрывки изъ исторіи)» говорится: «Султанъ Кутб-эд-динъ б. Такаш-ханъ, преслѣдуемый монголами, отправился изъ Казвина въ Гилянъ; въ Мазандеранѣ монголы гнали за нимъ въ Гилянъ. Оттуда онъ ушелъ въ Мазандеранъ и удался въ Мазандеранѣ на островъ *Абескунъ*, гдѣ онъ и умеръ». Въ «Джигон-нума, стр. 340—341, *Абескунъ* названъ портомъ Табаристана и Джурджана; тамъ же сказано, что рѣка Джурджанъ беретъ начало въ горахъ Мазандеранскихъ и передъ Абескуномъ впадаетъ въ море.

О мѣстности, гдѣ вѣроятно лежалъ Абаскунъ, шла рѣчь и въ новѣйшее время. Въ 1819 году Ермоловъ поручилъ майору Пономареву и гвардейскаго генеральнаго штаба капитану Муравьеву

прискаты на восточномъ берегу Каспійскаго моря пристань, гдѣ бы суда могли укрываться отъ вѣтра и можно было учредить магазины для склада товаровъ и построить для прикрытія ихъ крѣпость. Они нашли два такихъ пункта: одинъ—на Серебряномъ Бугрѣ, близъ впаденія рѣки Гюргана (Джурджана) въ Каспійское море (слѣдовательно тамъ, гдѣ лежалъ Абаскунъ), а другой въ Балханскомъ заливѣ у Красноводска. Первый обращалъ на себя вниманіе по близости его къ Астерабаду—всего часа 3 или 4 вѣзды—по находженію тамъ прѣсной воды и не въ дальнемъ разстояніи оттуда годнаго для построекъ лѣса и рыбныхъ ловель; но за то рейдъ былъ совершенно открытъ, такъ что въ зимнее время судамъ невозможно стоять тамъ безъ видимой опасности; почти на двѣ версты отъ берега простирается отмель, не позволяющая подходить къ нему близко даже гребнымъ судамъ. См. Бламберга въ Зап. Импер. Геогр. Общ. кн. IV, стр. 100—101. (Дорнъ. Каспій, стр. 103).

*) Все населеніе земного шара арабы дѣлили на арабовъ—‘араб (чисто говорящій по арабски)—и не арабовъ—‘аджам (не чисто говорящій). Такъ какъ берега Каспійскаго моря были заселены не арабскими племенами, то оно и называется нерѣдко «бахр ‘аджами»—море иноземцевъ.

*) Въ текстъ употреблено выраженіе, وهو مسرانی الشكل, что значить «короткая кишка» (анат.). Въ сочиненіи Мас’уди «Луга золота» употреблено слово, دَوْرٌ, что значить «протянутый», «оваль». Арабская миля=1 вер. 435 саж. слѣдовательно длина Хазарскаго моря по Мас’уди=1506 вер., а ширина=1122 верстамъ. Въ настоящее время точно вычисленная длина его 1175 версть, а наибольшая ширина его южной части 450 версть. Съ одной стороны трудность и даже невозможность точнаго исчисленія протяженія Хазарскаго моря для арабскихъ географовъ и другихъ мореплавателей, измѣрившихъ разстояніа временемъ въ пути, легко заставляла ихъ впадать при этомъ въ ошибки, а съ другой стороны большую часть подобныхъ данныхъ арабскіе географы записывали по слухамъ и за достовѣрность этихъ данныхъ трудно ручаться. Однако древніе писатели, какъ Геродотъ и Птоломей, свидѣтельствуютъ, что Гирканское (Джурджанское) море имѣетъ большее протяженіе съ востока на западъ. Возможно допустить, что море Каспійское простиралось на востокъ далѣ своихъ нынѣшнихъ береговъ и нынѣшніе солончаки Закаспійской области къ востоку отъ залива

Аджи дарья (Кара-бугазъ) были покрыты водой, хотя мы склонны считать показанное протяженіе въ 600 миль ошибкой мореплавателей. Истахрій на своихъ картахъ показываетъ Каспійское (Хазарское) море совершенно круглымъ и возможно, что Мас'уди въ противобъ ему отмѣчаетъ, что море овальное въ формѣ кишки.

6) Хуварезмъ, Хуарезмъ или Хорезмъ область между Хазарскимъ и Аральскимъ моремъ. Захватывала она и низовья Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи. Область эта входила въ составъ Хорасана охватывающаго нынѣшнюю Закаспійскую область. Хорасміи—народъ, населявшій въ древности страну Хорасмію, по теченію Аму и Сыръ-Дарьи, по всей вѣроятности на мѣстѣ нынѣшней Хивы и западнѣе. Страна, по свидѣтельству древнихъ историковъ, славилась плодородіемъ, а народъ могуществомъ. По словамъ царя Хорасміи Фаросшана, явившагося къ Александру Македонскому съ изъявленіемъ покорности, власть хорасміевъ простиралась до береговъ Чернаго моря. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей хорасміи принадлежали къ арійскому племени и исповѣдывали маздеизмъ или парсизмъ. Маздеисты, послѣдователи Агурамазды (Ормузда), поклонялись добру согласно ученію Зороастра (Зардушта). Подробныя свѣдѣнія объ этой религіи см. Энциклопедическій словарь Брокгауза т. 44, гдѣ указана вся литература по этому вопросу.

Гуззы,—по мнѣнію Риттера, одно изъ наименованій уйгуровъ въ настоящее время въ Туфанской области въ восточномъ Туркестанѣ. Находятся съ половины XVII вѣка подъ владычествомъ Китайцевъ, называющихъ ихъ «Kiu-szu». Наименованіе напоминаетъ Кюй-гя, имя династіи государей Гаочана (Турфана) которые управляли этой страной съ 497 по 640 года Іакинфъ Вичурингъ, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, считаетъ ихъ монголами (хуннами), но въ настоящее время они говорятъ на тюркскомъ языкѣ, да и географы арабскіе утверждаютъ, что они турки.

7) Бѣлая нефть—добывается въ Баку и въ настоящее время.

8) Въ текстѣ употреблено слово, *كوه* что означаетъ: «крѣпость, цитадель». Кратеръ вулкана своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаетъ цитадель, почему Мас'уди словомъ *атамат* называетъ вулканъ.

9) Сравнительно въ недавнее время острова, лежащіе противъ Баку, не считались нефтеносными, но послѣднее время тамъ добывается нефть въ значительномъ количествѣ.

¹⁰⁾ Забиджъ—островъ Ява. Упомянутый выше Хадрамаутъ—на южномъ побережьи Аравійскаго полуострова.

¹¹⁾ По примѣчанію «Чудеса Индіи» (стр. 255—264) Калахъ весьма вѣроятно расположенъ на полуостровѣ Малакка. Валькенаръ весьма правдоподобно указываетъ на сходство Калахъ съ провинціей Кедахъ по чтенію, а Кедахъ находится на полуостровѣ Малакка.

Сарбузахъ («Чудеса Индіи» стр. 247 и далѣе) долженъ находится на мѣстѣ города Палембанга на островѣ Суматра, гдѣ жилища построены на сваяхъ.

Острова Калахъ и Сарбузахъ повидимому полуостровъ Малакка и островъ Суматра.

¹²⁾ «Магараджа» санскритское слово, означающее въ переводѣ на русскій языкъ: «великій царь».

¹³⁾ Камфора—вещество бѣлаго цвѣта, отлагающееся въ древесинѣ и корѣ камфорнаго дерева. Здѣсь рѣчь идетъ о *борнеолѣ*—продуктѣ *Dryobalanops aromatica* (samphora), огромнаго растенія, произрастающаго на Борнео и Суматрѣ. Эта камфора отлагается въ трещинахъ старыхъ стволовъ деревьевъ въ кристаллическомъ видѣ: она очень похожа на обыкновенную камфору, но тверже и менѣе летуча, не возгоняется въ сосудахъ, въ которыхъ сохраняется; обладаетъ перечнокамфорнымъ запахомъ и жгучимъ вкусомъ; возгоняется въ листочкахъ, плавится при 206—207° и кипитъ при 212°. При окисленіи даетъ обыкновенную камфору. Употребляется въ медицинѣ, отъ моли, въ пиротехникѣ и для полученія целуллоида. Дерево камфорное употребляется на востокѣ для различныхъ подѣлокъ.

¹⁴⁾ Алоэ—родъ растеній изъ семейства лилейныхъ, это многолѣтнія, низменные, почти безстебельныя травы съ пучкомъ низовыхъ листьевъ и короткой цвѣтоножкой. Иногда растутъ въ формѣ кустарниковъ, а иногда даже и въ формѣ деревьевъ, достигая 20 м. высоты. Листья мясисты и сочны; сокъ содержится въ призматическихъ тонкостѣнныхъ сумочкахъ мякоти и будучи высушенъ служитъ для приготовленія медикаментовъ. Въ сухомъ видѣ онъ представляетъ непрозрачную темную зеленовато-коричневую массу съ непріятнымъ запахомъ и горькимъ вкусомъ.

¹⁵⁾ Гвоздичное дерево (*Caruophyllus aromaticus*) растетъ на островахъ Индійскаго океана. Это вѣчнозеленый кустарникъ изъ

семейства миртовых. Даетъ три продукта: *гвоздику*—сушенныя нераспустившіяся цвѣточныя почки (бутоны), которыя послѣ сбора обвариваютъ кипяткомъ, сушатъ, слегка коптятъ и досушиваютъ окончательно на воздухѣ; онѣ очень пахучи и богаты эфирнымъ гвоздичнымъ масломъ. *Гвоздичныя головки*—не зрѣлые плоды мѣнѣе пахучіе, чѣмъ почки, и *гвоздичныя корешки*. Употребляется какъ пряность и для приготовленія гвоздичнаго масла.

16) Сандальное дерево (*santalum album* и *Pterocarpus santalinus*) растетъ на Цейлонѣ, Зондскихъ островахъ и въ южной Азій, корнями присасываясь къ корнямъ другихъ растений. Плодъ его—черный орѣшекъ, а древесина обладаетъ красящими и благовонными свойствами. Древесина употребляется для окраски шерсти и бумаги.

17) Мускатное дерево (*Myristica fragrans*)—дерево изъ семейства *Myristiceae* растетъ на Зондскихъ и Антильскихъ островахъ. Даетъ *мускатный орѣхъ* (сѣмя) до 2 дюймовъ длиною и *мускатный цвѣтъ* (оболочка сѣмени), содержащіе мускатное масло, добываемое прессовкой. Орѣхи и цвѣты употребляются въ медицинѣ и парфюмеріи, а также и какъ пряность.

18) Кардамонъ—плодовая коробочка видовъ *Amomum*, семейства имбирныхъ. Встрѣчается въ болотистыхъ мѣстностяхъ Ост-Индіи, Суматры и Молукскихъ острововъ. Сѣмена ихъ употребляются какъ пряность для приправы къ кушаньямъ, въ медицинѣ же какъ средство укрѣпляющее желудокъ.

19) Кубеба—цѣпляющееся древесное растеніе, до 6 м. высоко, изъ семейства перечныхъ (*Piper cubeba*); высушенныя неспѣлыя ягоды этого растенія, разводимаго на островахъ Явѣ и Принца Валлійскаго, величиною съ перечное зерно пріятнаго запаха и горькаго вкуса. Употребляется какъ приправа къ кушаньямъ на Востока и теперь.

20) Очевидно вулканъ Кракатау на о. Суматра.

21) Серинай—и до нынѣ существующій у азіатскихъ народовъ музыкальный инструментъ. Это деревянная дудка со звукомъ, похожимъ на звукъ гобоя, съ подобнымъ гобойному пищикомъ. На Кавказѣ существуетъ этотъ инструментъ двухъ видовъ: *серинэ*—двойной, поменьше съ болѣе мягкимъ звукомъ, и *зурна* съ болѣе рѣзкимъ звукомъ и больше по величинѣ.

22) Сирафъ и Уманъ (Оманъ) прибрежныя области на Аравійскомъ полуостровѣ.

²³⁾ Дедджалъ — лгунъ, обманщикъ — переносный смыслъ: діаволь, антихристъ.

²⁴⁾ Объ этомъ говорить и Ибн-Хордадбѣ (стр. 48), называя этотъ островъ именемъ *Братаиль*.

²⁵⁾ Эти рѣки упомянуты въ сочиненіи этого же автора: «Луга золота» (т. I стр. 213) подъ именами Арахта чернаго и Арахта бѣлаго. Тамъ же сказано, что каймаки и гуриты (Гуззиты) живутъ на ихъ берегахъ. Довольно трудно установить тожество между этими именами, но въ виду послѣдняго обстоятельства М. J. De Goeje признаетъ конъектуру S. de-Sacy, который предлагаетъ понимать подъ этимъ рѣки Яикъ и Эмбу. Имя Иртышъ на самомъ дѣлѣ принадлежитъ двумъ рѣкамъ сѣверной Азіи. Мас'уди, очевидно, смѣшалъ ихъ съ предыдущими рѣками.

Съ другой стороны можно предполагать, что Яикъ и Эмба носили наименованіе *Иртышъ*, такъ какъ у насъ нѣтъ основанія обвинять въ заблужденіи такого серьезнаго и свѣдущаго географа, какъ Мас'уди. Наоборотъ онъ относился къ своимъ изслѣдованіямъ весьма серьезно и зналъ свое дѣло пожалуй лучше очень многихъ, стараясь все тщательно провѣрить самъ.

²⁶⁾ О гузахъ см. выше примѣчаніе 6, а каймаки это вѣроятно уйгур-калмаки, монгольское племя, кочевавшее въ Уральскихъ и Волжскихъ степяхъ. Калмаками тюрки называли всѣхъ вообще монголовъ. Потомки каймаковъ существуютъ въ предѣлахъ Россіи и до настоящаго времени подъ именемъ калмыковъ.

²⁷⁾ Джурзанъ—Грузія (см. карту).

²⁸⁾ Ар-Расъ—Аракъ. Мѣсто сліянія рѣкъ Аракса и Куры носило у арабовъ названіе *Муджтама'* или *Меджма'-аль-назрайнъ*, что значитъ: «соединеніе двухъ рѣкъ». Судя по мѣстности и согласно указаній нѣкоторыхъ географовъ обѣ эти рѣки непосредственно послѣ сліянія расходились вновь и впадали въ море отдѣльно. Слѣды стараго русла Аракса существуютъ и въ настоящее время, образуя рядъ солонцеватыхъ озеръ (см. карту).

²⁹⁾ Исбид-рудъ (Сафид-рудъ)—пограничная рѣка Азербейджана.

³⁰⁾ Рѣка Хазаръ, она же Итиль, теперь Волга.

³¹⁾ Беленджеръ, бывшая столица хазаръ, лежалъ на рѣкѣ Кумъ (Аумъ, Удумъ) на мѣстѣ городища Маджары въ нынѣшней Ставропольской губерніи. Подробности см. примѣчаніе 6 къ Ал-Мукадасію.

22) Буртасъ—большое племя, жившее по среднему течению рѣки Итиль. Рѣка Буртасъ—вѣроятно Кама или Самара.

23) Въ списокѣ Р стоятъ два слова: *الجزى العسرى*, которые Сасу считаетъ за искаженное слово: *الكيرخز (аль-хырхыз)*—киргизы, но мы болѣе склонны думать, что рѣчь здѣсь идетъ о сѣверныхъ славянскихъ земляхъ, хотя Истархи (стр. 222) опредѣляетъ начало р. Итиль по близости «Хырхыза», и есть возможность толковать это мѣсто вышеупомянутымъ образомъ.

24) Магрибъ—Сѣверная Африка.

25) Андалузія—Испанія.

26) Рѣка Аумъ, по списку L: Адемъ, повидимому соответствуетъ греческому: Удонъ—теперь Кума. Возможно, что и у арабовъ рѣка эта называлась: Удунъ (Удумъ).

27) Въ текстѣ стоитъ Кизиль, но видимо это описка и должно стоять «Кури-рудъ», что въ переводѣ на русскій языкъ значить дѣйствительно: «рѣка волка». Правый рукавъ Терека и въ настоящее время носить названіе: Бирючекъ. Это очевидно Терекъ, такъ какъ ни одна рѣка на Кавказѣ не забираетъ въ себя воды столькихъ рѣкъ, а въ Терекъ впадаютъ всѣ воды стекающія съ Кавказскаго хребта по сѣверному его склону отъ горы Эльбруса до самаго моря. Существуетъ у терскихъ казаковъ преданіе, что у устья Терека дѣйствительно былъ громадный мостъ, по одну сторону котораго жили казаки, а по другую туземцы, и на этомъ мосту устраивали базарь. Опредѣлить мѣстоположеніе этого моста въ настоящее время очень трудно, такъ какъ всѣ остатки его должны были быть снесены водой и занесены пескомъ, но можно предполагать, что онъ находился у нынѣшняго города Кизляра, такъ какъ тутъ проходитъ старинный трактъ изъ Петровска въ Астрахань и въ дельтѣ Терека именно и должна была дорога отойти отъ берега моря изъ-за заболоченныхъ низовьевъ этой рѣки. Принимая во вниманіе чрезвычайную живучесть дорогъ вообще, мы можемъ признать, что путь изъ Семендера тутъ и проходилъ.

28) Кабкъ, Кабхъ, Кайсакъ—это наименованіе Кавказскаго хребта.

29) Море Вонтусъ, или Бонтось,—Понть Эвксинскій (Черное море).

30) Бухайратъ Майотисъ (Маутушь по Ибн-Русте)—это море Азовское, у грековъ извѣстное подъ именемъ Maeotis.

⁴¹⁾ Румское море—это Средиземное море, а Константинопольскій проливъ—это Мраморное море со своими проливами.

⁴²⁾ Объ этомъ проливѣ или каналѣ, соединявшемъ Черное и Каспійское море, будетъ сказано ниже.

⁴³⁾ Махатъ. арабы называли Мидію.

⁴⁴⁾ Ханъ Бабекъ произвелъ возстаніе въ 200 году хиджры (828 г. по Р. Хр.) въ Азербейджанѣ и Арранѣ противъ халифа Ма'муна. Велъ борьбу онъ и съ преемникомъ его Мутасимомъ, который въ 220 году хиджры (887 г. по Р. Хр.) отправилъ противъ него большое войско подъ начальствомъ ал-Афшина. Этотъ послѣдній благодаря своимъ стратегическимъ способностямъ, несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное ему мятежниками разбилъ ихъ на голову и разсыпалъ ихъ, а предводителя ихъ Бабека взял въ плѣнъ. Возстаніе было подавлено съ плѣненіемъ вожда повстанцевъ Бабека. Оплотомъ Афшина былъ г. Берзандъ, а главной ставкой Бабека былъ г. Баззъ. Афшинъ, утвердившись въ Берзандѣ, сталъ тѣснить Бабека къ горамъ Баззанъ (горы двухъ Баззовъ), постепенно занимая позиціи на линіи Садараспа, затѣмъ на линіи Захаркаша и, наконецъ, на линіи Ду-ар-Руда, послѣ чего взялъ г. Баззъ. Одинъ Баззъ по всей вѣроятности находился на нынѣшней русско-персидской границѣ на мѣстѣ селенія Али-абатъ, а другой несомнѣнно теперь называется Алвады (см. карту). Городъ Баззъ былъ послѣ взятія разрушенъ Афшиномъ до основанія.

⁴⁵⁾ Это было въ 314 году хиджры. Абу-Тагир-Сулейман-ибн-Хасан-ибн-Бахрамъ аль-Дженнаби аль-Кермати возсталъ въ 312 году хиджры. Объ былъ правителемъ области Бахраинъ.

⁴⁶⁾ Султаномъ названъ халифъ Муктадир-Билляхъ (295—320 года хиджры).

⁴⁷⁾ Юсуф-ибн-аби-с-Саджъ—одинъ изъ выдающихся полководцевъ халифа Муктадир-Билляха, — посланный имъ противъ возставшаго Абу-Тагира, былъ убитъ послѣднимъ въ 315 г. хиджры у города Куфы.

⁴⁸⁾ Море Нитась, оно же Бонтусъ (Бунтусъ)—Черное море.

⁴⁹⁾ Море Майотись Азовское море.

⁵⁰⁾ Лазика, —нынѣшній Лазистанъ, санджакъ Трапезондскаго вилайета въ Азіатской турціи, — мѣстность, населенная лазами между р. Чорохомъ въ его низовьяхъ и берегомъ Чернаго моря.

⁵¹⁾ Танабисъ (Танаисъ)—рѣка Донъ.

⁵²⁾ Арабы считали устьемъ Танабиса нынѣшній Керченскій проливъ, считая, что Танабисъ только проходилъ черезъ озеро Майтусъ (Майотисъ).

⁵³⁾ Море Баб-уль-Абваба, Хазарь и Джурджана (Гирканія у грековъ)—Каспійское море.

⁵⁴⁾ Области, лежавшія по берегамъ Хазарскаго моря.

⁵⁵⁾ По понятіямъ арабовъ «тиннинъ»—драконъ, чудовище. Въ арабской литературѣ существуютъ весьма разнообразныя объясненія, что изъ себя представляетъ «тиннинъ». Одни считаютъ его за темную силу, образующуюся въ водахъ и вырывающуюся изъ моря, и сравниваютъ его съ вихремъ; другіе считаютъ его водянымъ пресмыкающимся, третьи — земноводнымъ чудовищемъ. Персы считаютъ его семиголовымъ и называютъ: «эждего». На самомъ же дѣлѣ это ни что иное, какъ *тюлень*, что объясняется вполне созвучіемъ наименованій. И дѣйствительно Каспійское море весьма богато тюленями.

⁵⁶⁾ Въ этомъ мѣстѣ Мас'уди самъ себя противорѣчитъ, называя болѣе широкую часть Майотисъ, а болѣе узкую—Нитасъ. Въ другихъ мѣстахъ вездѣ онъ называетъ ихъ наоборотъ, что вполне соответствуетъ дѣйствительному ихъ наименованію, такъ какъ у грековъ Меотійскимъ называлось Азовское море. Возможно, что это ошибка переписчика, перепутавшаго эти наименованія, или же вовсе несогласнаго съ этимъ и сдѣлавшаго отъ себя вставку, что бываетъ нерѣдко.

⁵⁷⁾ Бургазъ, Бургоръ — Болгаръ, такое разногласіе въ письмѣ этого имени по ошибкѣ переписчика.

⁵⁸⁾ Послѣ 300-го года хиджры, т. е. въ 912 г. по Р. Хр.

⁵⁹⁾ Подробное описаніе пути руссовъ въ 912—914 году по Р. Хр. во время ихъ похода на Закавказье слѣдуетъ у Мас'уди ниже.

⁶⁰⁾ Въ первой половинѣ IV вѣка хиджры.

⁶¹⁾ См. примѣчаніе 57.

⁶²⁾ Въ нынѣшнемъ Табарсеранскомъ округѣ Дагестанской области.

⁶³⁾ Кешкъ, или Кешакъ—черкесы, косоги, занимавшіе сѣверную часть нынѣшней Черноморской губерніи и западную часть Кубанской области по лѣвому берегу рѣки Кубани. Еще во времена Юстиніана I они приняли христіанскую религію, державшуюся среди

нихъ до XVIII вѣка, хотя они, будучи христіанами, придерживались языческихъ обычаевъ. Государственный строй черкесовъ аристократическій.

⁶⁴⁾ Хосрой Ануширванъ. См. Истахрій примѣчаніе 34.

⁶⁵⁾ Царство Шарванъ находилось на западномъ берегу Хазарскаго моря къ югу отъ р. Самуръ (см. карту).

⁶⁶⁾ 944 годъ по Р. Хр.

⁶⁷⁾ Бахрам-Джуръ (Гуръ), или Бахрам-Джубинъ въ 590 г. по Р. Хр. возмущился противъ Ормузда, персидскаго царя изъ династіи Сассанидовъ, и убилъ его, но Маврикій византійскій подавилъ возстаніе и возвратилъ престолъ Хосрою, сыну Ормузда.

⁶⁸⁾ Нисба—родословная линія при перечисленіи предковъ. Арабы много занимались своимъ родословіемъ и цѣнили далеко восходящую нисбу не менѣе, чѣмъ европейскіе дворяне свои родословныя.

⁶⁹⁾ Ансары—пособники Мухаммеда, т. е. жители города Медины, принявшіе исламъ и оказавшіе поддержку его ученію.

⁷⁰⁾ По другимъ авторамъ: Лиранъ (см. карту).

⁷¹⁾ Не должно смѣшивать съ приморской областью Муканъ. Царство Муканія (по грузинскимъ источникамъ Моваканія) лежало по лѣвому берегу р. Куры ниже впаденія въ нее рѣки Алазани.

⁷²⁾ Лакзы, или лаки, см. примѣчаніе 40 къ Истахрію.

⁷³⁾ Въ горахъ, но мѣстоположеніе ихъ опредѣлить трудно.

⁷⁴⁾ По другимъ авторамъ Семендеръ лежалъ въ 4 дняхъ пути отъ Баб-уль-Абваба. Городъ этотъ, богатый садами и виноградниками, находился на мѣстѣ нынѣшняго Петровска, а царство Джиданъ простиралось по берегу Хазарскаго моря отъ рѣки Курк-рудъ (Терекъ) до стѣны Баб-уль-Абваба (см. карту).

⁷⁵⁾ Сулейман-ибн-Рабія аль-Багалиецъ, по другимъ авторамъ Сальман-ибн-Рабія, одинъ изъ военачальниковъ халифа Осман-ибн-Аффана (644—657 г. по Р. Хр.), завоевавшій для своего халифа много странъ, былъ убитъ вмѣстѣ со своими воинами (около 4000) въ битвѣ съ хазарами.

⁷⁶⁾ Рукавъ Волги, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ Сарпы. Водная система, соединявшая р. Итиль съ озеромъ Майотисъ, состояла изъ рукава рѣки Итиль (Сарпа), представляющаго изъ себя въ настоящее время рядъ озеръ, хазарскаго канала, соединявшаго Сарпу съ верховьями нынѣшней рѣки Саль, и самой рѣки Саль. У канала находились посты хазарскаго войска,

охранявшіе этотъ каналъ и не пропускавшіе черезъ него никого безъ разрѣшенія хазарскаго царя. Русло рѣки Итиль было значительно выше, а поэтому въ рукавъ ея поступало въ половодье очень много воды, устремлявшейся черезъ хазарскій каналъ въ р. Саль, благодаря чему въ это время вся система была очень удобна для судоходства. Зимой же эта система замерзала и судоходства не было, а напротивъ гуззійскія войска свободно переправлялись черезъ нее, о чемъ и упоминаетъ Мас'уди немного ниже въ этомъ же сочиненіи. См. карту.

⁷⁷⁾ Гарун-ар-Рашидъ (справедливый)—3-й халифъ изъ династїи Аббасидовъ. Подробности о немъ см. Ибн-ал-Факихъ, примѣчаніе 9.

⁷⁸⁾ Романъ I Лакапинъ—византійскій Императоръ (919 - 943 г. по Р. Хр.) армянскаго происхожденія. Во время малолѣтства императора Константина VII смѣнилось нѣсколько регентствъ, принесшихъ византійской имперїи только несчастья. Наконецъ Романъ, командовавшій въ это время византійскимъ флотомъ захватилъ власть въ свои руки. Въ 919 году отъ сдѣлался великимъ гетеріархомъ (командиромъ, наемной иностранной гвардіи), а въ декабрь того же года былъ возведенъ въ санъ Кесаря. Много сдѣлалъ въ защиту и обезпеченіе низшихъ классовъ населенія, велъ очень удачныя войны, а съ сосѣдями умѣлъ всегда ладить, извлекая большія выгоды для своего государства. Былъ свергнутъ своими же сыновьями и умеръ въ монастырѣ въ 948 г. по Р. Хр.

⁷⁹⁾ Визирь—титулъ высшихъ государственныхъ сановниковъ на мусульманскомъ востокѣ, главнымъ же образомъ перваго министра, на которомъ поκειται все бремя правленія.

⁸⁰⁾ *Тора*—Пятикнижье іудеевъ. Учрежденіе національныхъ судей (прообразъ нашихъ смѣшанныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время въ Терской области) наиболѣе подходит по своимъ результатамъ къ типу совершенныхъ судебныхъ учреждений.

⁸¹⁾ О *хаканѣ* хазарскомъ см. Истахрія и Ибн-Русте. Ср. въ Тибетѣ положеніе Далай-Ламы, именемъ котораго управляютъ его приближенные. Родившійся въ моментъ смерти стараго Далай-Ламы мальчикъ заступаетъ его мѣсто. Безъ Далай-Ламы власти нѣтъ; это напоминаетъ хаканство съ тою разницею, что хаканъ избирался изъ взрослыхъ молодыхъ людей, являясь, какъ видно изъ описанія арабовъ, символомъ власти, но не правившій самостоятельно.

⁸²⁾ Людза'анэ — по предположенію С. Barbier de Meynard'a— это литовцы. Мы же полагаемъ, что объясненіе этого имени гораздо проще. На вопросъ араба: «кто ты?» славянинъ отвѣчалъ: «Людинъ», да и своихъ спутниковъ называлъ «людинами» что принялъ арабъ за имя народа. Ср.: чеченцы называютъ себя «начхо», что значитъ: народъ.

⁸³⁾ Въ 912—914 г. по Р Хр. см. «Каспій» Дорна. Изданіе Импер. Акад. Наукъ. СПб. 1875.

⁸⁴⁾ До р. Итиль (Волга). Здѣсь Мас'уди описываетъ путь изъ земли руссовъ къ морю Хазарскому. Они отправились изъ р. Дона вверхъ по Салу до хазарскаго канала, получивъ разрѣшеніе хазарскаго царя прошли по каналу, а затѣмъ поднялись по Сарпѣ до рѣки Итиль, по которой спустились до моря.

⁸⁵⁾ Получивъ отпоръ отъ мусульманъ въ главномъ рукавѣ р. Итиль, руссы, естественно, отправились искать новаго пути и попали въ восточный рукавъ рѣки, благодаря чему вошли въ главное русло Итиля значительно выше соединительной водной системы, а, боясь спускаться обратно, принуждены были идти вверхъ по р. Итиль, гдѣ и были окончательно разбиты буртасами и болгарами.

⁸⁶⁾ Здѣсь опять Мас'уди называетъ большую часть Нитасъ, а меньшую (Азовское море)—Майотисъ, именую ихъ правильно.

⁸⁷⁾ Въ настоящее время существуетъ предположеніе, что Черное море соединилось нѣкогда съ Каспійскимъ посредствомъ Маныча. Какъ видно изъ Мас'уди и въ его времена было подобное предположеніе, и онъ вполне основательно говоритъ, что, если бы это соединеніе морей существовало, то руссамъ не было бы надобности возвращаться по Итилю, такъ какъ море Хазаръ было въ ихъ рукахъ и, будь на то возможность, они прошли бы по Манычу. Мас'уди категорически утверждаетъ, что подобнаго соединенія не было.

⁸⁸⁾ Т. е. Черное море.

⁸⁹⁾ На южномъ берегу Хазарскаго моря, гдѣ лежитъ городъ Амულъ.

⁹⁰⁾ Ас-Секунъ, онъ же Абаскунъ. См. примѣч. 3.

⁹¹⁾ Огненный фонтанъ былъ вѣроятно на одномъ изъ острововъ лежащихъ противъ Баку, хотя это можетъ быть уже исчезнувшій островъ.

⁹²⁾ Этна на о. Сициліи.

⁹³⁾ Ср. Истахрія стр. 190 о поселенных тамъ людяхъ изъ Мосула, Діяр-Рабія и Сиріи.

⁹⁴⁾ Берзбанъ, правильнѣе Мерзубанъ, титулъ правителя пограничной области.

⁹⁵⁾ Гумикъ—это Гумукъ, или Кумукъ, нынѣшній казикумукскій округъ Дагестанской области.

⁹⁶⁾ У другихъ авторовъ Зеригеранъ—персидское названіе, означающее: золотыхъ дѣлъ мастера. Клапротъ замѣчаетъ (*Magasin asiatique* стр. 284), что эти самые народы носятъ названіе Зергеранъ. У Акаткіева (Исторія Дагестана) упоминается народъ именуемый *زرهكران* и обитающій въ Дагестанской области. *Зерехеранъ* значить: «кольчужные мастера», и вообще оружейные мастера, что вполне согласуется съ Мас'уди.

⁹⁷⁾ Сахиб-ас-Сериръ—«владѣтель трона»—имя властителя этой мѣстности (см. карту).

⁹⁸⁾ Въ началѣ VII вѣка по Р. Хр.

⁹⁹⁾ Объ Осман-ибн-Аффанѣ см. Ибн-ал-Факихъ примѣч. 41. Царствовалъ отъ 23—35 года хиджры.

¹⁰⁰⁾ Гимры, при сліяніи Андійскаго и Аварскаго Кой-су.

¹⁰¹⁾ Въ настоящее время трудно опредѣлить мѣстоположеніе этого города. По всей вѣроятности, судя по разстояніямъ до этого города отъ Серира и отъ этого города до Баб-Алланъ (Даріаль) можно предполагать, что онъ находился на чеченской плоскости въ нынѣшней Терской области. Разстоянія эти даетъ Ибн-Русте, но имени города не упоминаетъ. Кромѣ того во Владикавказскомъ округѣ Терской области къ западу отъ г. Владикавказа близъ сел. Кадгаронъ есть слѣды городища и старая кладбища. Съ другой стороны возможно, что рѣчь у этихъ авторовъ идетъ о разныхъ городахъ, такъ какъ царь Аллановъ не жилъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а переезжалъ въ разные города своего царства. Во всякомъ случаѣ мы затрудняемся точно обозначить мѣстоположеніе алланскихъ городовъ.

¹⁰²⁾ «Крѣпость Алланъ»—Баб-Алланъ—въ переводѣ на персидскій языкъ «Дари-Алланъ»—ничто иное, какъ Дарьялъ, башня котораго и до настоящаго времени существуетъ въ ущельи р. Террека. Тѣмъ болѣе есть основаніе считать «Баб-Алланъ» Дарьяломъ, что ниже Мас'уди указываетъ разстояніе отъ Тифлиса до крѣпости

въ пять дней пути, то есть около 175 версть, а до Дарьялла отъ Тифлиса считается 170 версть.

¹⁰⁸⁾ «Суфръ» — Мѣдный городъ. См. Шах-наме, Изд. М. Mohl т. IV стр. 524, гдѣ этотъ городъ названъ *روین دژ* а стѣны его *آهین باره*.

¹⁰⁹⁾ Ибн-ал-Мукаффа, писатель. Подробности о немъ см. Ибн-ал-Факихъ примѣчаніе 1.

¹⁰⁶⁾ «Кяфиры» — безбожники, невѣрные. На Кавказѣ *ялурь*. Здѣсь дорога шла черезъ Санарію и Кесфаръ (хевсурь).

¹⁰⁶⁾ Кешакъ — черкесы (см. примѣчаніе 63 и карту).

¹⁰⁷⁾ Абхазія, по берегу Чернаго моря, въ нынѣшней Кутаисской губерніи. Не должно смѣшивать съ царствомъ Абхаз-шаха на берегу Каспійскаго моря. Абхазцы по мнѣнію нѣкоторыхъ принадлежать къ племени черкесъ, но проф. Чубиковъ утверждаетъ, что абхазскій языкъ вполне самостоятеленъ. Въ VI вѣкѣ они приняли христіанство, въ 786 году первый изъ правителей абхазскихъ принялъ титулъ царя, а въ 985 году Абхазія слилась съ Гуріей.

¹⁰³⁾ Джурія — Гурія. Арабы при транскрипціи именъ вмѣсто *г* писали *дж*, такъ какъ *г* у нихъ нѣтъ, между тѣмъ *дж* они произносятъ настолько мягко, что у египетскихъ арабовъ оно звучитъ почти чисто *г*. Хазранъ — грузины.

¹⁰⁹⁾ Въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: Мечеть Дзуль-Карнайна. Дзуль-Карнайиъ — имя Александра Македонскаго. Значитъ это: владѣтель двухъ роговъ, и прозванъ онъ былъ такъ за то, что обладать, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, обоими краями земли.

Имя царя Хазранъ «Таб'и» повидимому означаетъ: тавады (князь).

¹¹⁰⁾ О хараджѣ см. Ибн-ал-Факихъ примѣчаніе 4.

¹¹¹⁾ Мутеваккиль (846—861 г. по Р. Хр.) — халифъ Аббасидъ, отличавшійся крайнимъ распутствомъ и жестокостью. Правовѣрные историки восхваляютъ его за то, что онъ (въ 851 году) запретилъ мутезилизмъ, ставшій при Ма'мунѣ государственной религіей халифата, и ревностно преслѣдовалъ еретиковъ. Онъ возстановилъ притѣснительныя предписанія противъ инородцевъ, срылъ христіанскія церкви въ Багдадѣ, разрушилъ шиитскую мошью у гробницы Хусейна въ Кербалѣ и воспретилъ паломничество туда; вообще шиитовъ онъ преслѣдовалъ наравнѣ съ мутезилитами. Съ его времени занятія философій стали въ государствѣ тайными. Съ тюркской гвардіей, получившей въ халифатѣ большую силу еще при Му'тасимѣ, Муте-

ваккиль вступилъ въ борьбу и быть убитъ. Послѣ его смерти хаосъ неупорядочно ворвался въ халифатъ. Мутезилиты—«отдѣлившіеся»—рационалистическая секта ислама (II вѣкъ хиджры).

¹¹²⁾ Буга, вольноотпущенникъ халифа Му'тасим-Билляха, бывшій военачальникъ при халифѣ Мутеваккилѣ. Буга—по грузинскимъ источникамъ—опустошивъ Арменію, пришелъ и осадилъ Тифлисъ. возмущившійся противъ арабовъ. Онъ убилъ тифлискаго эмира Саака, разрушилъ и сжегъ городъ и опустошилъ окрестности его. Противъ него выступилъ царь Абхазіи Тевдосе, противъ котораго Буга послалъ Зирака и Баграта, царя Грузіи (826—878). Дѣло это происходило въ 851 году по Р. Хр. Тевдосе проигралъ сраженіе и бѣжалъ. Послѣ того Буга занялъ нынѣшній Душетскій уѣздъ, гдѣ находится извѣстный арабскимъ географамъ Базалитъ, но горцы, воспользовавшись выпавшимъ снѣгомъ, вступили съ нимъ въ бой и одержали надъ нимъ побѣду, хотя нанесли Буга незначительный уронъ въ виду многочисленности его арміи. Послѣ того Буга перезимовавъ въ Берда'а, отправился къ Баб-уль-Абвабу и вывелъ оттуда 300 хазарскихъ семействъ, которыхъ поселилъ въ Шамкурѣ. Завоеванія Буга прекратилъ Мутеваккиль (по грузинскимъ источникамъ Амир-Мумли), вызвавъ его обратно къ себѣ послѣ того, какъ узналъ, что Буга имѣетъ какія то сношенія съ хазарами.

¹¹³⁾ Самсаха (область Самцхе) съ крѣпостью Баб-Самсахи (теперь развалины крѣпости Дзамисцихе на правомъ берегу р. Куры противъ Сурама) лежала на р. Курѣ отъ Ахалциха до Сурама. Одно время уже въ XIV вѣкѣ область эта была самостоятельнымъ княжествомъ.

¹¹⁴⁾ Царство Санарія (отъ нынѣшняго Поссанаура на Арагвѣ до Саниаре на Алазани) находилось къ сѣверу отъ Тифлиса. Названіе этого царства повидимому имѣетъ связь съ рѣкой Іорой. Выше Санаріи жилъ въ горахъ народъ Кесфаръ (хевсуры).

¹¹⁵⁾ Укаилиты и Масхиджиты—арабскія племена.

¹¹⁶⁾ Шекины или шеккины, — обитатели города Шакки и его окрестностей. Упоминаемый здѣсь царь шеккиновъ Адернерсе-ибн-Хамамъ—это грузинскій царь Адарнасе II (881—928 г. п. Р. Хр.)

¹¹⁷⁾ Келахъ—повидимому Кахетія по р. Алазани.

¹¹⁸⁾ Муканія—при впаденіи Алазани въ р. Куру. У грузинъ называлась Моваканія.

¹¹⁹⁾ «Кал'а-Тсіяръ» въ верховьяхъ Самура, По грузинскимъ источникамъ «Тцахури», теперь же носить имя: Цахуръ.

¹²⁰⁾ Стѣна Хосроя I Ануширвана. См. карту и планъ стѣны, составленный по сохранившимся ея развалинамъ.

¹²¹⁾ *Хадджъ*—хождение на поклонение святымъ мѣстамъ въ въ Мекку. Каждый мусульманинъ обязанъ хоть разъ въ жизни совершить хадджъ. Посѣщение святыхъ мѣстъ имѣеть дѣйствительную силу въ мѣсяцѣ Дзуль-Хиддже, и тогда паломникъ получаетъ титулъ *хадджи* и право носить чалму. Благодаря распространению ислама по всѣмъ частямъ свѣта паломничество такого рода стало весьма затруднительнымъ, а потому титулъ *хадджи* теперь относительно довольно рѣдокъ.

¹²²⁾ О *джиадъ*—войнѣ за вѣру—см. Ибн-ал-Факихъ примѣчаніе 20.

¹²³⁾ Послѣ смерти Александра Македонскаго сатрапы его перессорились и монархія распалась.

¹²⁴⁾ Ардашир-ибн-Бабек-ибн-Сассанъ—армянскій царь Арташесъ, жившій въ I вѣкѣ по Р. Хр. Онъ обстроилъ бывшій въ развалинахъ древній армянскій городъ Артаксата и далъ ему свое имя. Развалины этого города называется и до нынѣ: Ардаширъ. Лежалъ онъ въ 25 верстахъ къ ЮЮВ отъ Эривани въ 25 верст. Одно время онъ былъ столицей армянскаго царства. Говорять, что въ немъ было до 49000 домовъ и 210000 жителей. Въ 370 году персы его окончательно раззорили, а жителей увели въ плѣнъ.

¹²⁵⁾ Абу-Исхак-Ибрагим-аль-Муттаки-Билляхъ—халифъ изъ династїи Аббасидовъ (940—944 г. по Р. Хр.) во времена упадка халифата. Въ это время аббасидскіе халифы утерали окончательно свою самостоятельность и были игрушкой въ рукахъ турецкихъ военачальниковъ, нося титулъ халифа, но не пользуясь никакимъ вліяніемъ въ мусульманскомъ мірѣ.

¹²⁶⁾ Маскатъ—прибрежная область при устьѣ Самура, съ одной стороны граничившая съ областью Баб-уль-Абваба, а съ другой съ Шабираномъ.

¹²⁷⁾ «Сур-ат-Тинъ»—«Длинный рогъ». Такъ называлась стѣна въ царствѣ Шарвана, построеная для огражденія Закавказья отъ хазарь. До настоящаго времени еще сохранились ея слѣды въ видѣ ряда холмовъ, а къ горамъ ряда крѣпостей у р. Гильгин-чай близъ

селенія Дивичи въ Бакинской губерніи. Протяженіе ея около 10 верстъ и она носитъ названіе: «Искяндар-самты».

¹²⁸⁾ Джурджинъ — грузины, но въ дѣйствительности рѣка Кура беретъ начало въ Курдистанѣ.

¹²⁹⁾ Сіявурдія — теперь Шулаверы. Область эта была по правому берегу р. Храма, притока Куры.

¹³⁰⁾ Бердиджъ — округъ города Берда'а.

¹³¹⁾ Санарэ — теперь Сенгеръ лежалъ при слияніи рѣкъ Ар-Расса и Куры между этими рѣками.

¹³²⁾ Въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: гора отца Моисея: трудно сказать, какую гору называетъ такъ авторъ.

¹³³⁾ Этимъ и заканчиваетъ Мас'уди свои описанія земель и народовъ Кавказскаго края.

При описаніи Хазарскаго моря однако Мас'уди опускаетъ одну изъ его достопримѣчательностей, а именно, водоворотъ «Дегон-ширь» (см. карту). Объ этомъ водоворотѣ упоминаетъ Ибн-ал-Факихъ, описывая постройку стѣны Баб-уль-Абваба, и водоворотъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, что намъ удалось установить. Дѣло въ томъ, что прѣсныя воды рѣки Волги, какъ болѣе легкія, на далекое пространство идутъ въ море, долго не смѣшиваясь съ морской соленой и тяжелой водой. Направленіе водъ Волги зависитъ отъ вѣтра и, когда дуетъ «норд-ость», то теченіе Волги направляется прямо на о. Чечень (у арабовъ о. Бабъ), а тутъ ему на перерѣзъ идутъ воды Терека и сталкиваясь, они образуютъ водоворотъ.

Прибрежные жители рыболовы не рискуютъ въ половодье, когда это явленіе болѣе сильно, да еще въ «норд-ость», попадать въ этотъ водоворотъ, а стараются его огибать, удлиняя нерѣдко свой путь въ значительной степени. Кромѣ того мореходы замѣчаютъ, что въ самую тихую погоду на большихъ судахъ по пути изъ Петровска въ Астрахань здѣсь сильно качаетъ, и называютъ это явленіе «мертвой зыбью», подъ каковымъ названіемъ онъ извѣстно и у прибрежныхъ жителей.

Что же касается названія водоворота: «Дегон-ширь (Львиный зѣвъ)», то оно произошло отъ той каменной статуи, которую видѣлъ Ануширванъ на небольшомъ островкѣ въ сферѣ водоворота (см. Ибн-ал-Факихъ, стр. 290), служившей талисманомъ этого водоворота. На картѣ водоворотъ показанъ спиральной стрѣлкой.

Пройдя водоворотъ теченіе соединенныхъ водъ р. р. Волги и Терека направляется къ заливу Аджи-дарья (Кара-бугазъ), куда и были вынесены суда Хосроя Ануширвана.

Кромѣ того намъ удалось опредѣлить мѣстоположеніе крѣпости Баб-Суръ (Баб-Сулъ). Она сохранилась и до настоящаго времени по теченію рѣки Асы при выходѣ рѣки изъ Цоринской котловины. Укрѣпленіе представляетъ изъ себя стѣну, перегораживающую ущелье; дорога проходитъ черезъ ворота и надъ воротами башня. Царство Суръ ни что иное, какъ Цори во Владикавказскомъ окр. Терской обл. (ср. также ниже по теченію р. Асы ингушскій аулъ Сур-хойхи).

IX. Ибн-Хаукаль.

(Пис. въ 977—978 г. г. по Р. Хр.).

Абу-л-Касим-ибн-Хаукаль жилъ въ X вѣкѣ по Р. Хр. Ал-Истахрій, находя карты своего изданія неудовлетворительными, поручилъ ихъ исправить Ибн-Хаукалю, который начиная съ 331 г. хиджры (942—643 г. г. по Р. Хр.) много путешествовалъ и рѣшилъ передѣлать снова „Китабу-месалиъ (Книгу путей)“, положивъ въ основаніе трудъ ал-Истахрія и дополнивъ его свѣдѣніями, добытыми имъ самимъ во время путешествій. Это новое изданіе было закончено въ 367 году хиджры (19 августа 977—8 августа 976 г. по Р. Хр.). Текстъ Ибн-Хаукаля изданъ de-Goeje; онъ составляетъ II часть „Bibliotheca Geographorum arabicorum. Lugd. Batav. 1873“.

Цифры на поляхъ предлагаемаго перевода соотвѣтственно указываютъ страницы II тома изд. de-Goeje, цифры за скобкой указываютъ реальныя комментарія къ переводу, а буквы латинскаго алфавита за скобкой относятся къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, касающимся текста.

Значеніе литеръ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ: L=кодексъ лейденскій; B=кодексъ болонскій; P=парижскіе отрывки, и J=Истахрій.

Весьма многіе комментаріи, приданные нами къ переводу Ал-Истахрія, всецѣло относятся до перевода Ибн-Хаукаля, а поэтому мы будемъ ограничиваться ссылками на этого автора, исключая мѣстъ, не поясненныхъ въ примѣчаніяхъ къ ал-Истахрію.

Изъ „Книги путей и царствъ“.

Арменія, Арранъ и Азербейджанъ.

Въ настоящее время мы обратимся на западъ къ границамъ Румскаго государства и опишемъ области у его восточныхъ границъ въ крайнихъ предѣлахъ ислама. Страны, съ которыхъ мы начинаемъ, Арменія, Арранъ и Азербейджанъ; эти страны, мы признали за одну область и, дѣйствительно, управляетъ ими только одинъ царь, чему былъ свидѣтелемъ при моей жизни я, да и тѣ, кто мнѣ предшествовалъ¹⁾. Таковыми были правители: Ибн-аби-Саджъ его слуга Муфлихъ, Дайсем-ибн-Садлуя, Мерзабан-ибн-Мухаммедъ, называемый Ас-Салларомъ²⁾.

237 Мѣстности, окружающія ихъ: съ востока—Джибаль и Дейлемъ, а также западная часть Хазарскаго моря; съ запада—предѣлы Армена³⁾ и аллановъ⁴⁾ и часть территории Джазиры⁵⁾; съ сѣвера—алланы и горы Кабкъ⁶⁾, а съ юга—предѣлы Ирака⁷⁾ и (восточная) часть Джазиры а).

Самый значительный округъ и самый большой городъ Азербейджана въ настоящее время Ардабилъ; въ немъ лагерь войскъ и дворецъ правителей и область этого города равна тридцати фарсахамъ въ квадратъ⁸⁾. Большая часть построекъ его изъ глины и обожженаго кирпича. Вокругъ него была замѣчательная стѣна б); ее разрушилъ Ас-Салларъ Мерзабан-ибн-Мухаммед-ибн-Мусафиръ, когда въ 331 году⁹⁾ мстилъ жителямъ его за приемъ къ себѣ Дайсем-

а) Въ рукописи далѣе слѣдуетъ: «и такова карта ихъ: Арменія, Арранъ, Азербейджанъ, Джибаль, Дейлемъ, море Хазарское».

б) Р даетъ: «вокругъ него длинная стѣна».

ибн-Садлуія; совершилъ онъ это надъ ними согласно оговоркѣ заключеннаго съ ними договора, на основаніи которой счелъ себя въ правѣ разрушить стѣну.

Разрушилъ онъ ее руками купцовъ и правителей Ардабила. И вотъ явились люди, знатные по положенію, богатые по средствамъ, въ тѣхъ платьяхъ, въ которыхъ они ходили въ церковь а), шелковыхъ, раздушенныхъ и тому подобныхъ, брали заступъ и разрушали стѣну, а соответствующія имъ по положенію лица купческаго сословія выносили прочь оставшуюся послѣ разрушенія глину и камни въ чашахъ и своей нижней и верхней одеждѣ. Они обязаны были выносить и перетаскивать это только въ самыхъ лучшихъ и блестящихъ одеждахъ, сдѣланныхъ изъ матерій мервской и тенайра ¹⁰⁾, пока не была скрыта вся стѣна и не сгладилса слѣдъ ея; затѣмъ онъ сдѣлалъ ихъ нищими, отобравъ ихъ имущества и поусердствовалъ чрезмѣрно во взысканіяхъ съ нихъ; онъ разсылалъ ихъ послѣ этого по разнымъ странамъ; онъ расселилъ и разбросалъ ихъ по разнымъ областямъ. Дѣло въ томъ, что они, вслѣдствіе разнообразія своего безчинства, мятежности и разбойничьихъ наклонностей, дошли до такого состоянія, что пренебрегли верховной властью, привязались къ дьяволу и предались бунту и смутѣ: имущество путешественниковъ среди нихъ разграблялось и кровь ихъ безнаказанно проливалась!

238 Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ испытанныхъ, что, напримѣръ, приходитъ онъ къ мяснику и проситъ дать ему выбранный имъ кусокъ баранины, и рассказчикъ беретъ его вмѣстѣ съ другимъ товаромъ, который ему даетъ торговецъ, а этотъ отрываетъ кусокъ отъ плаща покупателя и владетъ на мясо, другой кусокъ отрываетъ

а) De Goeje, находя это мѣсто извращеннымъ, предлагаетъ понимать такъ: «онъ присутствовалъ въ одеждѣ, которую обыкновенно надѣвалъ побѣдитель во время празднованія побѣды».

оть рукава его и третій отъ его платка съ дерзостью, грубостью, нахальствомъ и издѣвательствомъ.

Господь даровалъ побѣду надъ ними, послѣ того какъ долго терпѣлъ ихъ и кротко поступалъ съ ними. И страна эта похожа въ настоящее время на пустыню сравнительно съ тѣмъ густымъ населеніемъ и массой товаровъ у странствующихъ торговцевъ, которыми она отличалась прежде.

Городъ этотъ цвѣтущій и цѣны въ немъ дешевыя; при немъ огромныя волости и округа. Около него гора, по имени Сабаланъ ¹¹⁾; подъемъ и спускъ ея около трехъ фарсаховъ а), гора огромная, высоко вздымающаяся и виляющая надъ городомъ съ западной стороны его; не таетъ на ней снѣгъ ни лѣтомъ, ни зимой. Городъ этотъ прекрасный, протекають тамъ черезъ него рѣки, въ немъ колодцы, и почти всегда хлѣбъ въ немъ, благодаря изобилію, продается пятьдесятъ лепешекъ за диргемъ ¹²⁾, а мяса даютъ на диргемъ полтора мана ¹³⁾. Медъ, топленое масло, крупа, орѣхи, изюмъ и всѣ съѣдобныя вещи дешевы, отдають ихъ почти даромъ. Многія мѣстности, которыя славятся дешевизной, уступаютъ ему въ возможности пожить прекрасно и въ изобиліи всего, что пожелаешь.

За Ардабилемъ по величинѣ слѣдуетъ Мерага; въ давнія времена она служила лагеремъ войскъ и столицей; въ ней было казначейство и правительственныя учрежденія страны.

Абу-Касим-ибн-Девдад-ибн-ад-Девдасть перемѣнилъ ее на Ардабиль.

Мерага городъ очень здоровый, обильный садами, рѣками, водой, прекрасными плодами, продуктами и доходами много рода. При немъ много волостей и пашень, и онъ бо-

а) Р даетъ: «подъемъ ея два фарсаха».

339 гато одаренъ всёмъ а), описаніе чего мы представили. Въ одномъ изъ поселеній его произрастаетъ дыня, называемая *аздагрий*¹⁴⁾, продолговатая, спаружи сѣрозеленая, а внутри красная; сладостью своей сердцевины она превосходитъ медь и сходна съ извѣстной хорасанской дыней. Вокругъ Мераги была стѣна, разрушенная Ибн-аби-Саджемъ приблизительно въ то время, когда Ас-салларъ разрушилъ стѣну Ардабила.

За Мерагой по величинѣ слѣдуетъ Урмія; это также городъ здоровый, богатый виноградниками, текущими по городу источниками, плантаціями и волостями; онъ также богато одаренъ всевозможными доходами и предметами торговли б). Между нимъ и между Мерагой лежитъ озеро Кабудзанъ¹⁵⁾; Мерага къ востоку отъ него, а Урмія — къ западу. Въ послѣдней обширныя волости и плодородныя мѣстности.

По сосѣдству съ Урміей лежитъ городъ Ушну; это также городъ, одаренный деревьями, зеленью, продуктами, фруктами, плодами и виноградомъ и* отличающійся изобиліемъ во всёхъ отношеніяхъ; какъ онъ, такъ и степь, лежащая вокругъ него, принадлежитъ курдамъ племени Геднаць¹⁶⁾. Тамъ они проводятъ лѣто и туда же стремятся, а въ городѣ совершаютъ куплю-продажу; въ немъ бойкіе¹⁷⁾.

а) Р послѣ слова *имѣть* иначе: «что имѣютъ въ себѣ большіе города; къ этому надо прибавить знатность многихъ мужей, массу богатыхъ и ученыхъ шейховъ; вокругъ него стѣна».

«Гербрыз городъ красивый съ населеніемъ, скученнымъ до тѣсноты; въ немъ масса богатствъ, громадныя рынки, храмы, торговля, и онъ теперь столица Адербейджана и наиболѣе населенный городъ».

«Хувей городъ посредственный, не особенно населенный, богатый, цветущій, съ массой садовъ, а вокругъ него стѣна изъ обожженаго кирпича. Жители его болѣе мягки характеромъ, чѣмъ жители Тебриза».

«Саламась городъ также посредственный и густо населенный, въ немъ много жителей и плодовъ, и вокругъ него стѣна, построенная изъ камня».

«Урмія и т. д.».

б) Р добавляетъ: «обширными и плодоносными садами».

рынки и разнообразныя статьи доходовъ; вывозится изъ него а) виноградъ, мелкій вьючный скоть, медъ, миндаль, орѣхи, и то, что принадлежитъ къ этому роду б) въ Моссулъ ¹⁸⁾ и области земли Джазиры, какъ-то Хадиса и другія.

Что касается Меяниджа, Хунаджа, Дахарракана, Хувей, Саламаса, Меранда, Тебриза, Берзенда, Варсана, Мукана, Байлавана и Джабравана, то это города незначительные, сходные по величинѣ и красивые, какъ Агаръ и Варзаванъ ¹⁹⁾; всѣ они заросли деревьями, усѣяны хлѣбами и финиковыми деревьями, и ни одна мѣстность ничуть не ниже другой изъ нихъ въ отношеніи рѣкъ, садовъ с) и населенныхъ областей, напротивъ вся эта мѣстность засѣяна всякимъ добромъ и полна всякаго благословенія божія, плоды ихъ идутъ за безцѣновъ, а яства ихъ почти даромъ.

240

Дахарраванъ и Тебризъ съ окрестностями ихъ до самой Ашну-Адзрія были извѣстны подъ именемъ владѣній Бен-ар-Рудайни ²⁰⁾, такъ какъ это имъ было даровано какъ надѣль и во владѣніе съ давнихъ поръ — и * могущество не переставало подвергаться безрезультатному противодѣйствію d), а когда погибли у нихъ правители и испортились времена, сосѣди набросились на эти земли, и поглотила ихъ смута; и овладѣваетъ этой мѣстностью тотъ, кто одержитъ въ борьбѣ перевѣсъ; Рудайни были изъ арабовъ. Судьба покончила съ ними, времена ихъ протекли, слѣды изгладились и сохранилось мало извѣстій о нихъ e).

а) Р это мѣсто отъ * даетъ такъ: «и проточными ручьями, а доходы поступаютъ отъ самой Мераги (?) и отъ курдовъ, живущихъ вокругъ нея; вывозится изъ нея и изъ ея области и т. д.»

б) Р добавляетъ: «изъ разновидностей товаровъ».

с) Р добавляетъ: «и пахучихъ травъ».

д) * Это мѣсто повидимому испорчено.

е) Въмѣсто вышеприведеннаго Р даетъ: «Что же касается Давина ²¹⁾, то это городъ значительной, богатый продуктами, садами, плодами и посьвами; вокругъ него стѣна изъ глины; въ немъ источники и текущіе ручьи. Жители его по большей части сѣютъ рисъ и хлопокъ. Въ настоящее время

Что касается до города Берда'а, то онъ *Умму-р-Ранъ*²³⁾ и лучшая часть этихъ странъ. Городъ весьма большой, онъ около фарсаха въ длину и поменьше этого въ ширину; онъ въ блестящемъ положеніи и прекрасномъ состояніи, что выражается въ здоровымъ климатѣ, плодородіи и обиліи посѣвовъ, плодовъ, деревьевъ и рѣкъ. Въ мѣстахъ, лежащихъ между Иравомъ и Табаристаномъ, послѣ Рея и Испгани нѣтъ города больше него по величинѣ и болѣе плодороднаго и лучшаго, чѣмъ онъ, по мѣстоположенію и доходности для казны а). На разстояніи фарсаха отъ него находится мѣсто, называемое *Андарабъ*²⁴⁾; между Керне и Ласубомъ прекраснѣйшее мѣсто, а окрестности его болѣе, чѣмъ на день пути въ ширину и длину, сплошь покрыты садами и воздѣланы, пріятны, благодаря мѣстамъ прогулокъ и садамъ, и тамъ масса плодовъ, весьма значительное количество продуктовъ, громадное количество товаровъ и солидные источники доходовъ; торговые пункты²⁵⁾ отъ него одинаково близки. Въ прежнее время эти мѣста были болѣе цвѣтущи и въ лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь. Имѣется въ немъ волоцкій орѣхъ и „шахибаллутъ“²⁶⁾, стоящій выше шахибаллута сирійскаго по величинѣ, пріятности, вкусу и обилію плодовъ. Тамъ же произрастаетъ „зукаль“²⁷⁾, по

241

дѣла его населенія разстроены благодаря сосѣдству ихъ съ курдами²⁸⁾, такъ какъ эти послѣдніе разграбили городъ, сожгли его и во всякое время при первой возможности дѣлають на жителей города нападенія; въ настоящее время жители построили въ центрѣ города соборную мечеть и обнесли ее кирпичной стѣной; вокругъ мечети ровъ и источникъ воды; въ ней они ютятся, когда застаютъ ихъ въ расплохъ войско курджей. Между этимъ городомъ и рѣкою Рассомъ два фарсаха.

а) Р добавляетъ: «въ отношеніи рынковъ, каравансараевъ, бань, гостинныхъ дворовъ, имуществъ и товаровъ. Дѣла ихъ ухудшились благодаря сосѣдству курджей».

«Городъ Джанза красивый богатый и населенный. Это поселеніе заполненное людьми до тѣсноты, и жители ея щедры, мягкаго нрава, благорасположенные, ласковые и любящіе иностранцевъ и ученыхъ».

величинѣ съ „губейра“, онъ имѣеть финиковую косточку, сладокъ на вкусъ, когда созрѣеть, и горекъ, пока не созрѣль.

Въ Берда'а фиги привозятся изъ Ласуба и считаются лучшими изъ этого рода плодовъ. Выдѣлываются въ Берда'а разнообразныя вещи изъ шелку; дѣло въ томъ, что туговья деревья ихъ общедоступны; у нихъ нѣтъ владѣльцевъ и ихъ не продаютъ и не покупаютъ, и отправляется шелку въ Персію и Хузистанъ очень много. Берда'а отъ рѣки Куры приблизительно въ 3 фарсахъ, а въ Куръ рыба, извѣстная подъ именемъ „сермахи“²⁸⁾; есть она также въ рѣкѣ Рассъ въ Варсанѣ и другихъ мѣстахъ; она вывозится благодаря своей пріятности и вкусу въ Ардабилъ, Иракъ и Рей. Въ рѣкахъ Куръ и Рассъ есть рыба „аз-зераки“ и „ишуба“²⁹⁾.

Одни изъ воротъ Берда'а извѣстны подъ именемъ воротъ „курдскихъ“; возлѣ нихъ помѣщается рынокъ „кюркій“³⁰⁾; величина его фарсахъ. Собираются на него люди всякое воскресенье и постоянно посѣщаютъ его изъ всевозможныхъ мѣстностей, такъ что онъ по величинѣ едва не приближается въ рынку Кур-сере³¹⁾ Имя рынка взяло перевѣсъ надъ именемъ дня, потому что онъ постоянно отърывается въ этотъ день и потому что они говорятъ: „день кюркій“, такъ что, дѣйствительно, многіе изъ нихъ считая дни недѣли, говорятъ: „суббота, кюркій, понедѣльникъ“, и т. д., разумѣя подъ „кюркій“ — воскресенье. У нихъ прекрасная соборная мечеть, а въ ней въ дни Омейядовъ находилось казно-хранилище страны подобно тому, какъ это въ Египтѣ и другихъ странахъ; рынки въ предметяхъ города; въ немъ много рынковъ, каравансараевъ и бань, не смотря на постигшій его разгромъ во времена войнъ руссовъ³²⁾ и отъ времени до времени повторявшіеся въ немъ разгромы до нашихъ дней, случавшіеся съ нимъ

благодаря притѣсненію правительства и управленію людей безумныхъ.

Баб-уль-Абвабъ ³³⁾ городъ на Хазарскомъ морѣ и въ срединѣ города гавань для судовъ. Въ этой гавани, тянущейся изъ моря, отъ моря до города есть сооруженіе, * имѣющее форму двухъ стѣнъ съ обѣихъ сторонъ; по нему проходятъ суда отъ того мѣста, гдѣ фарватеръ сдѣланъ **242** извилистымъ. Въ устьѣ фарватера протянута цѣпь, подобно цѣпи въ Тирѣ и Бейрутѣ ³⁴⁾, а на пей запоры, находящіяся въ вѣдѣніи того, кто наблюдаетъ за состояніемъ моря; судно не входитъ и не выходитъ иначе какъ съ разрѣшенія. Эти двѣ стѣны сдѣланы изъ камня и свинцу а). Море Хазарское, оно же и Табаристанское.

Городъ этотъ богаче Ардабиля въ отношеніи посѣвовъ, но плоды его малочисленны, если не считать того, что ввозится къ нимъ изъ другихъ округовъ. Вокругъ этого города выведена стѣпа изъ камня, кирпича и глины; городъ служитъ портомъ моря хазарь, Серира и прочихъ странъ Табаристана и Джурджана ³⁵⁾, земель кяфировъ и Дейлема. Вывозится изъ него полотноное полное верхнее платье, и нѣтъ въ Арранѣ, Арменіи и Азербейджанѣ полотняныхъ одеждъ нигдѣ кромѣ, какъ тутъ. Въ немъ произрастаетъ въ изобиліи шафранъ и встрѣчается въ немъ много рабовъ изъ разныхъ странъ кяфировъ, прилегающихъ къ нимъ.

Тифлисъ — городъ меньше Баб-уль-Абваба по величи-

а) Р отъ * вмѣсто этого даетъ:

«... подобно стѣнѣ между (краями), сдѣланными надъ водой этой гавани съ наружной стороны ея; вода гавани изъ Хазарскаго моря. Въ этой стѣнѣ находятся висящія надъ водой ворота; они сдѣланы крѣпко и створы ихъ на сводахъ, а своды выведены надъ самой водой и вода доходитъ до самыхъ створъ. Для судовъ извилистый входъ со стороны воротъ; у устья пролива, въ который входятъ суда, протянута цѣпь, а на ней запоры, находящіяся въ вѣдѣніи наблюдающаго за состояніемъ воды. Судно не входитъ и не выходитъ иначе, какъ съ разрѣшенія завѣдующаго запорами. Стѣна изъ камня и свинцу».

нѣ³⁶); вокругъ него двѣ стѣны изъ глины и въ нихъ трос воротъ; это городъ плодородный, укрѣпленный, богатый продуктами, дешевый въ отношеніи цѣнъ, и благосостояніемъ своимъ онъ превосходитъ прочія богатя государства и плодородныя страны. Мнѣ говорилъ покупавшій однажды медь, что купилъ онъ его болѣе 20 ритлей за диргемъ. Городъ этотъ представляетъ изъ себя значительную пограничную область, изобилующую со всѣхъ сторонъ врагами; въ немъ находятся бани въ родѣ бань въ Тиверіадѣ³⁷); вода ихъ кипитъ безъ помощи огня. Городъ лежитъ на рѣкѣ Куръ.

243 * Въ Тифлисѣ пловучія мельницы, на которыхъ мелютъ пшеницу и зерновой хлѣбъ, какъ мелютъ въ Моссулѣ а) и Раква на пловучихъ мельницахъ среди Тигра и Евфрата. Среди жителей Тифлиса безопасность и радушіе господствуетъ для иностранцевъ и они питаютъ дружеское расположеніе ко всякому, пришедшему къ нимъ случайно, у кого хоть маломальская смѣтливость или отношеніе къ предметамъ образованія.

Они держатся мнѣнній приверженцевъ сунны согласно старымъ ученіямъ; они много занимаются науками о преданіяхъ и уважаютъ тѣхъ, кто занимается этой наукой. Я встрѣтилъ даже многихъ, въ томъ числѣ лицъ вполне надежныхъ, изъ такихъ, которые бывали у нихъ въ городѣ

а) Р отъ * вмѣсто этого даетъ такъ:

«Въ немъ на пловучихъ мельницахъ мелютъ пшеницу, какъ мелютъ мельницы Моссула; въ настоящее время онъ въ рукахъ куриджей; захватили они его 10 Ахира 500 года³⁸) и царь Куриджа со своими кифрами заботится о жителяхъ его и охраняетъ его окраины отъ всякихъ неприятностей; мусульманскія мѣста совершенія религиозныхъ обрядовъ сохранились, какъ быля; соборныя мечети охраняются отъ всякаго оскверненія; царь украшаетъ ихъ восковыми свѣчами, лампадами и всѣмъ необходимымъ для нихъ; азанъ³⁹) во всякой мечети ихъ произносится громко и рѣшительно никто не пытается причинить имъ вредъ. Теперь смѣшались между собой мусульмане и куриджи, и изъ среды послѣднихъ есть мусульмане».

пробыли тамъ годъ или болѣе, единогласно утверждавшихъ, что ни одинъ изъ нихъ никоимъ образомъ не проводилъ ночи дома и не былъ въ состояніи это сдѣлать.

Я самъ убѣдился въ стремленіи ихъ къ такому обращенію съ иностранцами и въ страстномъ желаніи этого. Дѣло въ томъ, что я прибылъ къ нимъ и поклялся не ѣсть тамъ ни у одного пищи, предпочитая самому распоряжаться собой и заняться исключительно тѣми своими дѣлами, которыя наиболѣе имѣли для меня значенія. А они устроили засѣданіе для обсужденія этой клятвы во дворцѣ ихъ эмира, гдѣ присутствовалъ и кадій. Прежде всего онъ обратился къ мнѣ и сказалъ: „Да подтвердитъ тебя Господы Пищевые продукты въ нашемъ городѣ такъ дешевы, что мы не имѣемъ основанія принуждать тебя не тратиться на нихъ. Ты купишь ихъ столько, сколько тебѣ, по милости божьей, привычно, за малую сумму, не достигающую даже той минимальной суммы, на которую тебѣ разрѣшено бы было покупать ⁴⁰). Но мы надѣемся на награду (божью) за то, что мы тебѣ услуживаемъ, и ты не имѣешь права нарушать нашъ обычай и измѣнять нашъ образъ дѣйствій, такъ какъ мы помнимъ, что всегда наши шейхи въ этомъ слыслѣ бесѣдовали другъ съ другомъ и согласно утверждали, что не дозволено какому-нибудь путешественнику, когда нѣтъ у него слугъ, проводить хотя бы одну ночь въ своемъ домѣ. О Боже! Развѣ тогда только, когда ихъ такъ много, что благодаря этому они могутъ сами занимать другъ друга. И даже тогда имъ рѣдко предоставляютъ дѣлать то, что они сами желаютъ. Ты обязательно долженъ быть или такимъ, кто ищетъ извлечь пользу изъ науки, когда ее найдетъ у ея владѣльцевъ, или такимъ, у котораго можно искать пользы и къ умственному достоянію котораго чувствуютъ стремленіе, или же такимъ, который не ищетъ науки, если найдетъ ее у недостойныхъ ея, и у котораго

нѣтъ ничего такого, въ чему стоило бы стремиться. И если ты представляешься въ одномъ изъ этихъ двухъ послѣднихъ видовъ, то лучше бы было тебѣ уѣхать отъ насъ и избавить насъ отъ лицедрѣнія тебя, такъ какъ ты былъ бы тягостенъ для нашихъ сердець. Клятвы, произнесенныя мусульманами, обязываютъ меня или замѣнить твою клятву выкупомъ сегодня же, или же замѣнить выкупомъ наши клятвы относительно тебя. Сыновъ мой! Ступай къ дверямъ его
244 и закологи ихъ, по приказанію эмира, крѣпкой доской и припечатай ихъ моею печатью; поручи сосѣдямъ стеречь двери и не позволяй ему—да укрѣпить его Господь!—входить въ домъ раньше нашего рѣшенія и безъ нашего усмотрѣнія. И миръ съ тобой!”

И разлучили меня съ моимъ багажемъ и имуществомъ и я провелъ одну ночь у вадія и одну ночь у ихъ эмира. А весь товаръ мой тѣмъ временемъ былъ проданъ и было куплено все, что имъ казалось желательнымъ въ моихъ интересахъ, такъ что всѣ мои нужды были удовлетворены. Завѣдывалъ же всѣмъ этимъ Абу-Бекр-аль-Каннадъ, и сказалъ онъ мнѣ разъ вечеромъ: „Желалъ бы ты вернуться въ Джурджанъ?“ Я сказалъ: „Если бы могъ найти для этого средство или какой-нибудь способъ!“ Онъ сказалъ: „Не беспокойся!“ и рассказалъ мнѣ, какъ обстоитъ дѣло. Я былъ пораженъ изумленіемъ, а онъ сказалъ: „Что съ тобою? Я вижу тебя, а ты какъ будто меня не видишь“. Я сказалъ: „О, какъ чудесно! Это похоже на рассказъ о Яхья-бну-Халидѣ и Ибрагим-ибн-Исхаѣ Моссулійцѣ. Онъ сказалъ: „Какъ такъ?“ Я отвѣтилъ: „Какъ ты слышалъ“. Тогда онъ сказалъ: „Беру Бога въ свидѣтели, я, поистинѣ, не разъ сомнѣвался въ достовѣрности этого рассказа, но поступокъ этихъ людей и то, что они имѣли возможность такъ поступать, показалъ мнѣ, что этотъ рассказъ истина безъ примѣси лжи и правда безъ обмана, такъ какъ для нихъ не-

было и нѣтъ никакихъ затрудненій при подобномъ образѣ дѣйствій, какъ не было ихъ и у Бармекидовъ ⁴¹⁾, благодаря безусловной власти, которой они пользовались, и большому ихъ богатству“.

Въ Арранѣ нѣтъ городовъ, превосходящихъ величиной Берда‘а, Бабъ и Тифлисъ. А что касается Байлакана, Варсана, Бердиджа, Берзенджа, Шемахин, Шарвана, Абхаза, Шабираана, Кабала, Шакжп, Джанзы, Шамкура и Хунана ⁴²⁾, то это области незначительныя, города красивые, сходные по величинѣ, плодородные и съ обширными угодьями.

Дабиль—городъ больше Ардабиля; это самая значительная мѣстность и округъ во внутренней Арменіи. Онъ же столица Арменіи и въ немъ дворець правителей области Арменіи, какъ дворець правителей Аррана въ Берда‘а и Азербейджана въ Ардабилѣ. Вокругъ города стѣна; христіанъ въ немъ много, и соборная мечеть города рядомъ съ храмомъ, какъ мечеть Химса, смежная съ церковью и находящаяся рядомъ съ ней.

Выдѣлываютъ въ Дабилѣ пуховыя и шерстяныя ткани для ковровъ, подушекъ, сидѣній, шнуровъ и иного рода армянскихъ произведеній, окрашенныхъ кирмизомъ ⁴³⁾. Кирмизъ—красная краска; ею красятъ пуховыя и шерстяныя вещи. Образуется эта краска изъ червяка, который прядетъ вокругъ себя, подобно шелковичному червю, когда тотъ завиваетъ вокругъ себя коконъ. Въ Дабилѣ выдѣлывается много шелковыхъ одеждъ. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то имъ много подобнаго въ землѣ Румъ, хотя эти болѣе цѣнны. А что касается до произведеній, называемыхъ „армянскими тканями“, то это „буттъ“ ⁴⁴⁾, сидѣнія, ковры, покрывала, коврики и подушки; нѣтъ имъ подобныхъ среди предметовъ земли изъ конца въ конецъ и во всѣхъ направленіяхъ.

Быль городъ въ давнія времена нѣ рукахъ Санбат-

ибн-Ушута ⁴⁵⁾, царя Армена, и его предковъ, и городъ находился во власти знатныхъ изъ числа его жителей. Отнявъ его Абу-Касим-Юсуф-ибн-Аби-Саджъ у нихъ и отстранилъ ихъ отъ владѣнія, а въ ихъ рукахъ были документы старыхъ временъ, которыми обезпечивалось ихъ оставленіе въ томъ же положеніи и наложеніе на нихъ подушной подати сообразно установленному въ договорѣ. Омейяды и Аббасиды ⁴⁶⁾ утверждали ихъ на мѣстахъ ихъ жительства, получали съ нихъ обычную подать, а онъ притѣснилъ ихъ и напалъ на нихъ. Но самъ онъ послѣ нихъ не уцѣлѣлъ и не поднималось высоко его знамя.

Большая часть Арменіи населена христіанами. Они платятъ правительству нѣчто въ родѣ хараджа ⁴⁷⁾ каждый годъ и находятся какъ будто бы подъ охраной договоромъ съ мусульманами, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Сосѣдніе съ ними правители нападаютъ на нихъ, уводятъ ихъ въ плѣнъ и обижаютъ ихъ, а въ то же время они находятся подъ нѣкоторымъ покровительствомъ мусульманъ и рабы изъ нихъ не продаются въ Багдадѣ. Я помню самъ, что было это такъ до 325 года, и никто не разрѣшалъ этого (продажи въ рабство), потому что они находились нѣкоторымъ образомъ подъ защитой мусульманъ, не имѣя формальнаго договора съ ними.

Существуетъ двѣ Арменіи: одна изъ нихъ внутренняя, а другая внѣшняя. Во внѣшней Арменіи есть города мусульманъ, находящіеся во владѣніи послѣднихъ, и они постоянно находятся подъ управленіемъ мусульманъ. Неоднократно съ армянами относительно Арменіи заключался договоръ (мусульмане защищаютъ, а армяне платятъ дань), и нѣкоторая часть ея принадлежала царямъ мусульманскимъ; таковы города: Арджишъ, Хилать, Маназкердъ и Каликала ⁴⁸⁾.

Наружняя ея границы: съ востока до Берда'а, съ запада до Джазиръ, съ юга до Азербейджана, а съ сѣвера

до земель государства Румъ со стороны Каликала. Каликала была среди Румскаго государства значительной пограничной областью для жителей Адербейджана, Джибала, Рея и сосѣднихъ съ ними. Раньше было сказано, что существуетъ двѣ Арменіи: внутренняя—Дабиль, Нашава ⁴⁹⁾, Каликала; а внѣшняя—Беркери, Хилать, Арджишъ, Вастанъ, Аз-заванъ ⁵⁰⁾ и находящіяся между ними крѣпости, округа и области.

Исходный пунктъ въ земли Рума у нихъ называется Тарабезундѣ ⁵¹⁾; это городъ, въ которомъ собираются купцы изъ исламскихъ земель и отправляются оттуда въ земли **246** Рума для торговли; къ нему выходитъ проливъ, идущій отъ Константинополя къ морю Мухитъ ⁵²⁾.

Румскій царь получаетъ съ правителя, живущаго въ Тарабезундѣ, въ настоящее время громадные богатства, въ прежнее время бывшія гораздо меньше. Большая часть парчи, шелковыхъ тканей, румскаго полотна, суконъ и румскихъ одеждъ въ исламскія земли идетъ черезъ Тарабезундѣ.

Между городами Нашава, Беркери, Хилать, Малазкердъ (Маназкердъ), Бадлисъ, Каликала, Арзанъ ⁵³⁾, Міяфаривинъ и Сираджъ нѣтъ особеннаго различія и величина ихъ одинакова. Ни одинъ изъ нихъ не походитъ величиною и великолѣпіемъ на Дабиль. Они всѣ вмѣстѣ плодородны, богаты продуктами и воздѣланы. Въ настоящее время ихъ постигла та же самая участь, которая постигла всѣ другія страны, благодаря слабости правительства и превратности судьбы.

Большая часть знатковъ границъ земель считаютъ Міяфаривинъ въ предѣлахъ Арменіи, а нѣкоторые считаютъ его изъ области Джазиры; онъ находится въ двухъ переходахъ отъ восточнаго берега Тигра, почему и считаютъ его въ Арменіи ⁵⁴⁾.

Въ этихъ городахъ и въ областяхъ, лежащихъ между

ними, есть товары, предметы ввоза, разные сорта необходимых животных, овец и матерій, ввозимыхъ въ разныя страны, извѣстныхъ у нихъ и пользующихся славой, какъ армянскіе шнуры, приготовляемые въ Саламасѣ и продаваемые отъ одного до десяти динаровъ за штуку, и ничего подобнаго нѣтъ въ прочихъ земляхъ. Вышеупомянутыя армянскія матеріи выдѣлываются въ Дабилѣ; въ Мерандѣ, Тебризѣ, Дабилѣ и областяхъ Арменіи изготовляются армянскія сидѣнія и ковры, извѣстные подъ именемъ армянскихъ „мехфуръ“⁵⁵⁾; не много подобнаго имъ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ выдѣлка тканей имѣетъ сходство съ армянской выдѣлкой. Точно также въ Арменіи выдѣлываются: платья, узорчатая покрывала и шали, выдѣлываемыя въ Міяфарикинѣ и разныхъ мѣстахъ Арменіи.

Изъ судоходныхъ рѣкъ этой страны—рѣка Кура; это рѣка большая, какъ Забъ, выходящій въ земляхъ Тигра, и какъ Джайханъ и Барада въ земляхъ пограничной страны⁵⁶⁾.

Затѣмъ рѣка Ар-Рассъ; обѣ эти рѣки сходны по количеству и обилію воды.

247 Рѣка Сабидрудъ, протекающая между Ардабилемъ и Зенджаномъ—рѣка слишвомъ незначительная, чтобы по ней плавали суда.

Вода рѣки Куры прѣсная, удобоваримая и легкая; выходитъ она со стороны горъ Кабхъ, протекаетъ по предѣламъ Джанза и Шамкура, приходя со стороны Тифлиса; прежде, чѣмъ проходитъ черезъ него, она протекаетъ мимо крѣпостей въ земляхъ въфировъ. Она впадаетъ въ море Хазаръ и Табаристана у области Берда'а.

Вода рѣки ар-Расса также прѣсная, пріятная и мягкая. Выходитъ онъ изъ странъ внутренней Арменіи а), пока не достигаетъ Баб-Варсана, затѣмъ течетъ далѣе, и на-

а) Р говоритъ: «изъ горъ Каликала».

конецъ, впадаетъ а) въ море Табаристана и Хазарь. Этотъ Рассъ, о народѣ котораго упоминаетъ Господь—да будетъ Онъ превознесенъ!—и говоритъ о томъ, что сдѣлано съ ними. Если тотъ, кто тамъ утвердился, изслѣдуетъ его и пройдетъ по его берегамъ отъ города Варсана, поднимаясь вверхъ и опускаясь внизъ, то увидитъ на немъ слѣды уже разрушившихся и провалившихся городовъ, частью развалившихся; развалились и опрокинулись они въ оправданіе словъ Господа Всевышняго: „Мы уничтожили Ада и Темуду и людей Расса и между ними много другихъ поколѣній. Каждому изъ этихъ народовъ мы предлагали притчи для предостереженія и истребляли ихъ совершенно“. (Кор. XXV сура, 40—41 стихи).

Озеро, находящееся въ Азербейджанѣ, называется Кабудзанъ; вода его соленая, въ немъ нѣтъ рыбъ и животныхъ; на немъ большое число судовъ, совершающихъ рейсы между Урміей и Мерагой и округами Тебриза и Дахарракана съ торговою цѣлью; вокругъ озера со всѣхъ его сторонъ поселенія, окруженныя селами и волостями. Между этимъ озеромъ и Мерагой съ восточной его стороны 5 фарсаховъ, а между нимъ и Урміей съ западной стороны его 248 2 фарсаха; между первыми поселками Дахарракана и побережьемъ этого озера 4 фарсаха. Длина озера съ сѣвера на югъ около четырехъ дней пути верхомъ ⁵⁵⁾, а ширина—около двадцати фарсаховъ по направленію отъ Мераги къ Урміи. На немъ зимою бываютъ большія волны б) и случаются суровыя несчастія. Посреди озера находятся обитаемыя горы, населенныя семьями судовладѣльцевъ, не смотря на то, что тамъ вода северная и въ маломъ количествѣ, а жизнь безъ красоты и удобствъ с).

а) Р имѣетъ: «впадаетъ часть его въ Куру, а часть въ озеро Табаристанъ и Хазарь».

б) L добавляетъ: «при путешествіи».

с) Р даетъ такъ: «не смотря на недостатокъ воды и суровую жизнь, и у нихъ козы, которыя поддерживаютъ ихъ жалкую жизнь».

На югъ отъ Беркери, Хилата и Арджиша лежитъ озеро ⁵⁸⁾, тянущееся съ востока на западъ, длиною десять съ небольшимъ фарсаховъ. Изъ него вылавливается небольшая, почти въ пядень, рыбка, называемая „тиррихъ“ ⁵⁹⁾; ее солятъ и вывозятъ въ Джазиру, Моссулъ, Ракку, Харранъ, Алеппо и прочія пограничныя мѣстности а). Въ окрестностяхъ его добывается натровая соль ⁶⁰⁾, вывозимая въ Иракъ и Джазиру для хлѣбопековъ. Близъ этого же озера находятся копи мышьяка, вывозимаго въ прочія земли; добывается здѣсь красный и желтый мышьякъ ⁶¹⁾.

Изъ озера Кабудзанъ, оно же озеро Урмїя, вывозится мѣдная охра ⁶²⁾ въ Иракъ, Сирїю и Египетъ. Выручаютъ за этотъ продуктъ большой барышъ.

Изъ Завазана и областей Арменїи и Аррана выводятъ превосходныхъ муловъ, отличающихся породистостью, здоровыхъ, крѣпкихъ и выносливыхъ, въ Хорасанъ, Иракъ, Сирїю и другія страны, о которыхъ упоминать нѣтъ необходимости, благодаря ихъ извѣстности. Завазанъ округъ и крѣпость съ плантаціями; большая часть его гориста, и въ немъ также находятся знаменитыя красивыя курдскія лошади, похожія на хорасанскихъ.

Горы его тянутся отъ Хариса и Хувайриса ⁶³⁾ до цѣпей Агара и Варзакана б), затѣмъ тянутся на сѣверъ къ Тифлису, гдѣ съ ними соединяется хребетъ Кабкъ. Хребетъ этотъ огромный; говорятъ что на немъ 360 языковъ; я раньше отрицалъ это, пока не видѣлъ самъ много городовъ, и въ каждомъ городѣ есть свой языкъ помимо азербейджанскаго и персидскаго.

Горы Кабкъ тянутся до горъ Сїя-Кухъ, лежащихъ за землями хазаръ въ земляхъ гуззовъ, направляясь на во-

а) Р добавляетъ: «На этомъ озерѣ укрѣпленіе, называемое Ахтемазъ» (Джиг. Нума: «Ахтемаръ»).

б) Р добавляетъ: «и такимъ образомъ къ горѣ Сабаланъ».

стокъ за озерою Хуварезмскимъ ⁶⁴⁾ къ горамъ Хуварезма и горамъ Ферганскимъ. Такимъ образомъ всѣ горы земного шара стоятъ въ связи другъ съ другомъ, составляя вѣтвь горной цѣпи, выходящей изъ горъ Китая, и направляясь приблизительно по прямой линіи къ землямъ Судана, составляющаго часть Мегриба, что у моря Мухить ⁶⁵⁾.

Въ областяхъ Варсана, Берда'а и Баб-уль-Аббаба, а также на островахъ, лежащихъ на морѣ Хазаръ, растеть марена, вывозимая по морю Хазарскому въ Джурджанъ, а оттуда сухимъ путемъ въ Индійскія земли. Эта марена растеть во всемъ Арранѣ отъ предѣловъ Баб-уль-Аббаба до Тифлиса и въ близости рѣки ар-Рассъ до областей Джурзана; это послѣднее царство подъ властью правителя Азербейджана, лежитъ въ горахъ, простирающихся къ горамъ Тарма, смежнымъ на западѣ Хазарскаго моря съ горами Рея, Табаристана и Джурджана до Нишабура.

Въ упомянутыхъ выше горахъ (Кабхъ) существуютъ цари и владѣтели, живущіе среди большихъ стадъ, имѣній, прекрасныхъ крѣпостей, коней и челяди вмѣстѣ съ принадлежащими имъ на правахъ собственности родами и областями съ волостями и обработанными мѣстностями, приносящими имъ обильный доходъ. Въ этихъ странахъ, горахъ, городахъ и земельныхъ участкахъ, о которыхъ я упомянулъ, дешевизна и плодородіе; тамъ есть пастбища, скотъ, масса стадъ, продуетовъ и съѣстныхъ припасовъ; громадное количество лѣсовъ, рѣкъ, плодовъ свѣжихъ и сушеныхъ, деревьевъ, такъ что, если рассказать кому-либо, кто не видалъ этого самъ, то онъ не повѣритъ, чтобы было всего такъ много.

Тамъ есть цари областей, владѣнія которыхъ огромны, положеніе ихъ прекрасно; они наслаждаются землями, богатствами, ароматами, одеждами и имѣютъ красивыхъ слугъ; тамъ есть горячіе кони и цѣнные мулы, и всякаго

250 иного рода приплодь, а кромѣ того они имѣютъ рабынь-пѣвиць, поваровъ, поварихъ; имѣютъ обильные доходы, употребляютъ широко золото и серебро для драгоценныхъ сосудовъ, подносовъ, чашъ, кружекъ и жбановъ, искусно выдѣланныхъ изъ известняка и драгоценныхъ металловъ, а равнымъ образомъ подобная этому дорогая стеклянная посуда, цвѣтной хрусталь и всякія драгоценности.

На этихъ царяхъ лежатъ постоянные налоги и повинности, доставляемые ими ежегодно царю Азербейджана. Налоги платятся равно, не уменьшаясь и не задерживаясь, и владѣтели этихъ странъ, состоящіе царями окраинъ, находятся въ подчиненіи у царя Азербейджана, Арменіи и обоихъ Аррановъ.

Изъ этихъ послѣднихъ Ибн-аби-Саджъ довольствовался малымъ и бралъ то, что получалъ отъ нихъ въ видѣ подарка; но досталась эта страна Мерзабан-ибн-Мухаммед-ибн-Мусафигу, по прозванію Ас-Салларъ, и онъ приказалъ для этой страны изготовить росписи, въ которыхъ было бы назначено уплачивать налоги, установленные правителями; что же касается до налоговъ чрезвычайныхъ и недоимокъ, то объ условіяхъ уплаты ихъ допустилъ онъ особые переговоры.

Въ настоящее время наиболѣе выдающіеся у нихъ цари слѣдующіе:

Шарван-шахъ Мухаммед-ибн-Ахмедъ Аздіецъ; затѣмъ послѣ него царь Абхаза, а у того царство, простирающееся до нѣкоторыхъ отроговъ горъ Кабъъ, и область, принадлежащая ему, называется Абхаз-шахъ; сосѣдній съ нимъ царь Санаріи, называемый Санхарибъ⁶⁶); онъ христіанинъ по своей религіи, какъ и царь Ибн-Дейранія, властвующій надъ Завазаномъ, Ваномъ и Вастаномъ. Я опишу въ подробности всѣ эти владѣнія съ лежащими на нихъ повинностями и обязательными для нихъ налогами, когда при-

ступлю къ описанію доходовъ Азербейджана, Арменіи и обоихъ Аррановъ и закончу описаніе разстояній и общихъ условій ихъ.

Что касается до языка жителей Азербейджана и большинства жителей Арменіи, то это персидскій и арабскій, но мало кто говоритъ по-арабски, а кромѣ того говорящіе по-персидски не понимаютъ по-арабски. Чисто по-арабски говорятъ купцы, владѣльцы помѣстій, а для многихъ группъ населенія въ окраинахъ Арменіи и прилежащихъ странъ существуютъ другіе языки, какъ армянскій—для жителей Дабилы и области его, а жители Берда'а говорятъ по-аррански.

У нихъ находится извѣстная знаменитая гора, по имени Кабкъ, и ее окружаютъ различные многочисленные языки, на которыхъ говорятъ кяфиры; я слышалъ, какъ рассказывалъ одинъ человекъ, что, дѣйствительно, доставляемый для торговли товаръ⁶⁷⁾.

Монета Азербейджана, Аррана и Арменіи золото и серебро. Большая часть изъ жителей ихъ люди здоровые, безпорочные и стремящіеся къ изысканію средствъ къ жизни; они терпѣливы въ перенесеніи падающихъ въ настоящее время на ихъ голову бѣдствій и несчастій. Многіе изъ нихъ держатся ученія людей хадиса и ученія антропоморфистовъ⁶⁸⁾, и многіе изъ секты Батинія⁶⁹⁾. Во всемъ Арранѣ, Арменіи и Азербейджанѣ нѣтъ никого, кто бы стоялъ за *Келямъ*⁷⁰⁾ и за обсужденіе вопросовъ къ нему относящихся; у нихъ врачи опытные, прекрасные и богатые медицинскими познаніями. Они держатся того мнѣнія, что логика—это невѣріе, а діалектика есть занятіе, пресѣвжающее возможность исполнять обязанности мусульманина, и отвращаетъ отъ большей части знаній, годныхъ при управленіи.

Описаніе дорогъ и разстояній въ этой странѣ.

Путь изъ Берда'а въ Ардабиль: отъ Берда'а до Юнана—7 фарсаховъ; отъ Юнана до города Байлаканъ—7 фарсаховъ; отъ Байлакана,—а это городъ здоровый, богатый источниками, лѣсами, садами и плодами; онъ лежитъ на рукавахъ рѣки, а на нихъ ихъ мельницы,—7 фарсаховъ до Варсана, города больше Байлакана, обширнѣе и гуще населеннаго; онъ въ большемъ количествѣ снабженъ рынками и товарами, и въ немъ есть все, что бываетъ въ большихъ городахъ; вокругъ него стѣна, и въ немъ есть особый кварталъ для городскихъ рынковъ. Отъ Варсана до Балхаба—7 фарсаховъ. Балхабъ станція и населенная мѣстность; въ немъ при дорогѣ постоянны дворы и каравансарай, гдѣ останавливаются путники. Отъ Балхаба до Берзенда,—города, близкаго по своему состоянію къ Байлакану,—7 фарсаховъ; отъ Берзенда до Ардабиля—15 фарсаховъ между селами и станціями по правой и по лѣвой сторонѣ дороги.

Путь изъ Берда'а въ Баб-уль-Абвѣбъ: отъ Берда'а до Берзенджа, значительнаго торговаго города на рѣкѣ Курѣ, 18 фарсаховъ; изъ Берзенджа, перейдя въ бродъ Куру, до Шамахи 14 фарсаховъ; отъ Шамахи до Шарвана 3 дня пути; отъ Шарвана до Абхаза 2 дня пути, и отъ Абхаза до Джасар-Самура ⁷¹⁾ 12 фарсаховъ; отъ Джасар-Самура до Баб-уль-Аббаба 20 фарсаховъ.

Путь изъ Берда'а въ Тифлисъ: отъ Берда'а до Джанзы, значительнаго города,—9 фарсаховъ; отъ Джанзы до Шамкура—10 фарсаховъ; отъ Шамкура до города Хунана—11 фарсаховъ; отъ Хунана до Кал'а-ибн-Кандаманъ—10 фарсаховъ; отъ Кал'а до Тифлиса—12 фарсаховъ; всего 52 фарсаха.

Путь изъ Берда'а въ Дабиль: отъ Берда'а до Кальца-

252 туса—9 фарсаховъ; отъ Калькатуса до Метриса—13 фарсаховъ, а отсюда до Давмиса—12 фарсаховъ; отъ Давмиса до Кайлаквина ⁷²⁾—16 фарсаховъ; отъ Кайлаквина до Сисаджана—16 фарсаховъ; Сисаджанъ—городъ пріятный, средней величины; отъ Сисаджана до Дабилы—16 фарсаховъ.

Путь отъ Берзенджа ⁷³⁾ въ Дабиль идетъ въ армянскихъ земляхъ; всѣ эти села, соприкасающіяся съ нимъ, и города—владѣнія Санбата, сына Ушута Армянскаго, и отняты были у него Юсуф-ибн-Дивдадомъ несправедливо и противъ воли Господа и посла его—да помилуетъ его Господь и да спасетъ!

Путь изъ Ардабиля въ Зенджанъ: отъ Ардабиля до Кантара-Сабидрудъ ⁷⁴⁾ одинъ переходъ; отъ Сабидруда до Серата одинъ день пути; отъ Серата до Нувей одинъ день, и отъ Нувей до Зенджана два перехода.

Путь изъ Ардабиля въ Мерагу: отъ Ардабиля до Кур-Сере ⁷⁵⁾—27 фарсаховъ; Кур-Сере огромный замокъ съ громаднымъ укрѣпленіемъ. Ему принадлежатъ большія и обширныя области и волости, и въ немъ рынки въ назначенное время года въ началѣ каждаго новолунія. Я самъ его видѣлъ въ давнее время и еще юношей бывалъ въ немъ. Тамъ бываютъ разные народы, а съ ними предметы потребленія и товары, какъ-то: шелкъ, сакать, бербехаръ ⁷⁶⁾, ароматы, уксусъ, издѣлія шорниковъ и мѣдниковъ, золото, серебро, кони, мулы, ослы, рогатый и мелкій скотъ. Если бы кто сказалъ, что земля и страна эта гораздо обширнѣе земли Мавкифъ ⁷⁷⁾, равно какъ и то, что содержащееся въ этой области и заключающееся въ ея долинахъ и на ея возвышенностяхъ и горахъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ я былъ въ состояніи перечислить, имѣя въ виду всякіе разнородные вышеупомянутые предметы, все-таки я не принялъ бы этого безъ особаго подтвержденія и провѣрки, хотя земля Мавкифъ тянется только на три фарсаха до

Арафата съ его возвышенностями, гдѣ останавливаются еменцы, египтяне, иракцы, мегрибцы, сирійцы и хурасанцы вмѣстѣ съ тѣми, кто присоединяется къ нимъ изъ сосѣднихъ земель.

Я слышалъ отъ Абу-Мухаммеда Абдуррахман-ибн-ас-Сайра, а ему говорилъ секретарь его Абуль-Фатх-ибн-Мехди: „Абу-Исхакъ Маджарданіецъ продалъ свой скотъ, отправившись туда, и не доставилъ къ намъ нашего скота, порученнаго ему“. Абу-Мухаммедъ спросилъ: „Сколько онъ продалъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „200000 головъ“. Я просилъ Абу-Мухаммеда подтвердить это нѣсколько разъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Уразумѣлъ ли ты? Онъ удалился, по милости божьей, изъ этого мѣста, лишеннаго рынка, съ 1000000 овецъ“. Я сказалъ: „Съ 1000000 овецъ?“— „Да, отвѣтилъ Абу-Мухаммедъ: и Шоайб-ибн-Мехралъ со столькими же“. Послѣ этого я слышалъ отъ него объ этомъ рынкѣ и объ этомъ мѣстѣ рассказы, которые неудобно помѣщать въ этой книгѣ; а того, что я упомянулъ, вполне достаточно для доказательства этого рынка и товаровъ, которые бывають на немъ. Отъ Кур-Сере до Мераги—12 фарсаховъ.

Городъ Серать между Кур-Сере и Ардабилемъ. Это городъ пріятный, богатый продуктами, садами, источниками, плодами, посѣвами и мельницами; въ немъ красивые рынки и чистые каравансарай; были въ немъ землевладѣльцы, знатные, изъ главенствующаго класса, но погибли и исчезли. Я зналъ ихъ старѣйшинъ. Благородство въ немъ распространено и положеніе ихъ прочно—и да помилуетъ Господь насъ и ихъ!

Отъ Ардабиля до Меяниджа 20 фарсаховъ; это городъ значительный самъ по себѣ, благопріятный и удобный для обитателей; онъ богатъ, отличается дешевизной и изобилуетъ жизненными припасами. Путь идетъ изъ Меяниджа въ Хунаджъ, также городъ; въ немъ таможня для предме-

товъ вывоза изъ Азербейджана въ страны Рей, и пошлины налагаются на рабовъ, животныхъ и всевозможные предметы торговли, на рогатый и мелкій скотъ. Я узналъ, что пошлины даютъ доходъ отъ 100000 до 1000000 диргемовъ въ годъ. Во всѣхъ краяхъ земли нѣтъ ничего ему подобнаго.

Путь изъ Ардабиля въ Амидь, область ас-Сугурь ⁷⁸⁾ и Джазиру: отъ Ардабиля до Мераги около 40 фарсаховъ; отъ Мераги до Урмии по озеру около 20 фарсаховъ, а берегомъ озера около 30 фарсаховъ; отъ Урмии до Саламаса—2 перехода; отъ Саламаса до Хувей—9 фарсаховъ; отъ Хувей до Беркери—30 фарсаховъ; отъ Беркери до Арджиша два дня пути; отъ Арджиша до Хилата 3 дня; **254** отъ Хилата до Бадлиса 3 дня; отъ Бадлиса къ Арзану до Мияфарикина 4 дня; отъ Мияфарикина до Амиды—2 дня пути; отъ Амиды до Харрана два дня; отъ Харрана идетъ дорога, по которой отправляются дѣлающіе набѣги и ведущіе священную войну изъ Мераги черезъ Шимшатъ и Сумейсатъ ⁷⁹⁾ въ Малатію, путь 4 дня.

Путь изъ Мераги въ Дабиль: черезъ Урмию и Саламасъ въ Хувей—53 фарсаха; изъ Хувей въ Нашаву—5 дней, и изъ Нашавы въ Дабиль 4 перехода.

Изъ Мераги въ Динаверъ 60 фарсаховъ, и на пути нѣтъ городовъ съ мечетями.

И это все описаніе разстояній этой страны и дорогъ ея.

Что же касается до настоящаго положенія этой страны, о которомъ я самъ разузналъ, и въ какомъ положеніи она была, то подати и налоги, лежащіе на областныхъ владѣтеляхъ, объясняютъ ея положеніе и указываютъ на справедливость того, что было описано, хотя они иной разъ то уменьшаются, то увеличиваются.

Среднее и наиболѣе близкое къ истинѣ взиманіе налоговъ было въ 344 году. Завѣдывалъ взиманіемъ податей

255

по договору Абу-Касим-Али-ибн-Джа'фаръ, завѣдывавшій финансами Абу-Касим-Юсуф-ибн-аби-Саджа, а послѣ него финансами ас-Саллара, именно Мерзабан-ибн-Мухаммедъ-ибн-Мусафира. Онъ (финансистъ) условился съ Мухаммед-ибн-Ахмедомъ, владѣтелемъ Шарван-шаха и царемъ его, внести 1000000 диргемовъ, и въ это условіе вошелъ Асхасъ, властитель Шавви, по имени Абу-Абду-ль-Меликъ. Далѣе заключилъ онъ условіе съ Санхарибомъ, по имени Ибн-Суваре, владѣвшимъ территоріей Раб', внести 300000 диргемовъ и дары, а властитель Джурзана Васгаян-ибн-Муса долженъ былъ дать 200000 диргемовъ; Абу-Касима Вейдзурійца, правителя Вейдзура, онъ обязалъ на 50000 динаровъ и дары; Абу-ль-Хайджа-ибн-Раввада обязалъ доставить отъ страны его въ Агаръ и Варзаканъ 50000 динаровъ и дары; Абу-Касимъ Хайзаніецъ сообразно съ областью его вмѣстѣ съ недомками долженъ былъ дать 4000000 диргемовъ. Тотъ пожелалъ уменьшить сумму и сталъ надѣяться съ просьбами, а поэтому было прибавлено ему въ видѣ наказанія за его поступокъ 300000 диргемовъ и 100 парчевыхъ румскихъ одеждъ. Онъ (финансистъ) принудилъ Бану-д-Дейранія уплатить количество, бывшее раньше ихъ ежегоднымъ налогомъ въ 100000 диргемовъ, но простилъ имъ налогъ за четыре года за выдачу Дайсем-ибн-Садлуія, просившаго у нихъ защиты. Онъ обязалъ Бану-Санбатъ платить съ ихъ области во внутренней Арменіи 2000000 диргемовъ и скинулъ съ нихъ 200000 диргемовъ. Онъ взыскалъ съ Санхарива, владѣтеля Хаджина, 100000 диргемовъ, лошадей и дары на 50000 диргемовъ. И такимъ образомъ вся условленная подать въ видѣ людей, звонкой монеты, хозяйственныхъ принадлежностей, даровыхъ муловъ и выючныхъ животныхъ и украшеній доходила до 10.000,000 диргемовъ ⁸⁹).

Хараджъ странъ Арменіи, Азербейджана, обоихъ Ар-

рановъ и мѣстностей, лежащихъ вокругъ нихъ, имуще-
ственный и земельный, составляетъ 50000 динаровъ.

Хазарское море.

276 Что касается до Хазарскаго моря, то съ востока въ нему прилегають часть Дейлема, Табаристанъ, Джурджанъ и часть пустыни, лежащей между Джурджаномъ и Хуварезмомъ; съ запада—Арранъ, предѣлы Серира, земли хазаръ и часть Гуззійской пустыни; съ сѣвера Гуззійская пустыня со стороны Сія-Кухъ, а съ юга Джиль, Дейлемъ и сосѣднія съ ними страны ⁸¹⁾.

Вотъ карта моря Хазарскаго.

У этого моря нѣтъ никакой связи ни съ однимъ изъ морей, находящихся на поверхности земли, ни въ видѣ протоковъ, ни путемъ смѣшенія черезъ проливы, развѣ только, что втекаетъ въ него рѣка руссовъ, называемая Итиль, а эта послѣдняя соединяется съ протокомъ, простирающимся отъ нея за константинопольской землей до моря океанъ ⁸²⁾. Если бы человекъ пошелъ вокругъ этого моря, то непременно вернулся бы къ тому мѣсту, съ котораго началъ путешествіе, и не помѣшало бы ему никакое препятствіе и ничто не явилось бы ему на пути преградой, кромѣ рѣкъ, текущихъ къ морю и впадающихъ въ него.

277 Это море соленое а), нѣтъ у него ни прилива, ни отлива; дно его темное въ противоположность морю Кальзумскому ⁸³⁾ и прочимъ морямъ; и, дѣйствительно, дно его грязное, иного цвѣта и вонючее, а море Персидское во многихъ мѣстахъ ясное благодаря чистотѣ бѣлыхъ камней, находящихся подъ его водой. Не извлекаютъ изъ этого моря ничего, кромѣ рыбъ, да плаваютъ съ торговыми цѣлями б) изъ земель мусульманскихъ въ земли хазаръ, а оно (море)

а) L даетъ: «спокойное» вмѣсто «соленое».

б) P и J даютъ: «купцы».

въ тѣхъ мѣстахъ, что между Арраномъ, Джилямъ, Табаристаномъ и Джурджаномъ.

На немъ нѣтъ обитаемыхъ острововъ, на которыхъ были бы поселенія, какъ на прочихъ островахъ, населенныхъ и имѣющихъ воды и города. Острова этого моря покрыты деревьями и источниками, но никто тамъ не жилъ въ исламское время. Изъ нихъ Сія-Кухъ ⁸⁴); островъ этотъ великъ, на немъ есть источники, рѣки, лѣса, камышовыя болота и дикіе звѣри. За нимъ слѣдуетъ островъ, лежащій противъ Куры, по имени Бабъ ⁸⁵); онъ также великъ и на немъ марена, и приходятъ къ нему со стороны Берда'а, какъ къ мареннымъ пастбищамъ. Къ нему идутъ съ охотой и перевозятъ на него скотъ изъ страны Берда'а и прочихъ близкихъ мѣстъ; тамъ скотъ пускаютъ на свободу, пока не потучнѣетъ.

..... ⁸⁶)

Отъ Абаскуна по лѣвому берегу моря тянутся до земель хазаръ смежныя населенныя мѣстности, за исключеніемъ небольшого пространства между Баб-уль-Абвабомъ и хазарами. Такимъ образомъ, когда ты начнешь съ Абаскуна и пройдеши черезъ территоріи Джурджана, Табаристана, Дейлема и Джиля, а затѣмъ войдешь въ предѣлы Аррава, и когда пройдеши Муканъ до предѣловъ Баб-уль-Абба въ два дня пути отъ земель Шарваншаха и его области, то будешь итти до области Семендеръ 4 дня, а это также **178** населенная мѣстность, а отъ Семендера до Итиля 7 дней по степи.

Самый узкій проливъ у этого моря со стороны Сія-Кухъ опасенъ для судовъ; когда захватить ихъ здѣсь вѣтеръ, то они разбиваются. Если здѣсь разобьется корабль, то ничего не удастся собрать, потому что турки сейчасъ же завладѣваютъ имъ.

Что касается Хазаръ, то это имя страны, а столица

ся Итиль; равнымъ образомъ Итиль имя рѣки, которая течетъ изъ страны руссовъ и болгаръ и впадаетъ въ море Хазарское.

Итиль имѣетъ двѣ части: часть на западной сторонѣ этой рѣки, называемая Итиль, и это ббольшая изъ нихъ, а другая часть на востокъ отъ рѣки; царь живетъ въ западной части; западная часть называется Итиль, а восточная Хазаранъ. На ихъ языкѣ царь называется „Бекъ“, а также называютъ его „Бакъ“. Величина обѣихъ частей въ длину около фарсаха, и ихъ окружаетъ стѣна, но только въ обѣихъ частяхъ строенія разбросаны. Жилища хазаръ похожи на палатки, но изъ дерева и войлока, кромѣ нѣкоторыхъ зданій, построенныхъ изъ глины. У нихъ есть рынки и бани, и среди жителей много мусульманъ. Говорятъ, что изъ нихъ болѣе 10000 мусульманъ, и у нихъ около тридцати мечетей. Дворецъ царя на берегу Итиля ⁸⁷⁾—я разумѣю рѣку—и дворецъ этотъ изъ обожженаго кирпича. Ни у одного человѣка нѣтъ постройки изъ обожженаго кирпича, кромѣ царя; и не позволяетъ царь никому строиться изъ кирпича, кромѣ себя. Въ стѣнѣ этого города четверо воротъ, одни изъ нихъ къ рѣкѣ, а другіе обращены къ степи, что за этимъ городомъ.

Царь ихъ іудей, и говорятъ, что свита его состоитъ приблизительно изъ 4000 человѣкъ. Хазары мусульмане, христіане и іудеи, и среди нихъ есть идолопоклонники. Самый малочисленный классъ іудеевъ, а самый большой классъ мусульманъ. Все-таки царь и приближенные его іудеи, а большая часть обычаевъ ихъ—обычай язычниковъ; они кланяются въ землю другъ-другу для выраженія почтенія при встрѣчѣ. Суды свои они производятъ по древнимъ обычаямъ, противорѣчащимъ религіямъ христіанской, мусульманской и іудейской.

У царя постоянного войска 12000 человѣкъ, и если

умреть изъ ихъ числа одинъ кто-нибудь, то ставятъ на его мѣсто другого. У нихъ нѣтъ опредѣленнаго жалованья и нѣтъ извѣстнаго содержанія, но они получаютъ маленькія суммы, достающіяся имъ черезъ долгій промежутокъ и съ теченіемъ времени, когда бываетъ у нихъ опасность или возникаетъ какое-нибудь дѣло, изъ-за котораго ихъ собираютъ. Источникомъ доходовъ этого царя служитъ взиманіе пошлинъ съ товаровъ, согласно съ ихъ традиціями, на всякой дорогѣ, идущей въ страну. У нихъ заключено условіе съ жителями предмѣстій и окрестностей, чтобы тѣ доставляли имъ всякаго рода необходимый провіантъ, напитки и прочее.

При царѣ 7 судей изъ іудеевъ, христіанъ, мусульманъ и язычников⁸⁸). Когда случается у людей тяжба, то рѣшаютъ ее эти судьи; нуждающійся не является къ самому царю, но приходитъ къ этимъ судьямъ. Въ день судбища между этими судьями и между царемъ посредникъ; судьи входятъ въ сношеніе съ царемъ при его посредствѣ и, такимъ образомъ, доставляютъ ему свѣдѣнія, что у нихъ есть, а тотъ пересылаетъ имъ свой приказъ при этомъ, какъ имъ поступить относительно даннаго вопроса.

Иногда случаются въ судахъ ихъ факты, похожіе на небылицы. Одинъ изъ этихъ фактовъ сообщилъ Му'тадыдъ, когда въ его присутствіи объ нихъ упомянули. Му'тадыдъ сказалъ: „Пророкъ божій—да помилуетъ его Господь и да спасетъ!—сказалъ: Богъ—Велико имя Его!—не назначаетъ ни одного человѣка начальникомъ надъ народомъ безъ того, чтобы не укрѣпить его извѣстнаго рода разумомъ, хотя бы онъ былъ кяфиръ. Интереснымъ примѣромъ служитъ слѣдующій разговоръ: жилъ нѣкій человѣкъ, и у него былъ усыновленный имъ юноша. Юноша былъ грамотный и развитой. Былъ у этого человѣка собственный сынъ, котораго отправилъ человѣкъ этотъ въ путешествіе на чужбину. Чело-

вѣкъ этотъ называлъ среди купцовъ изъ своихъ близкихъ и сосѣдей этого юношу-раба сыномъ и наединѣ считалъ его наравнѣ съ братьями и ровесниками его. Человѣкъ этотъ умеръ, а (настоящій) сынъ оставался на чужбинѣ. И написалъ сынъ рабу, чтобы тотъ прислалъ къ нему товары, бывшіе у отца его, такъ какъ отецъ заключилъ съ нимъ договоръ объ этомъ. Тотъ отказался и отвѣтилъ: „Прошу тебя пріѣхать, чтобы я получилъ имущество, находящееся съ тобою, такъ какъ имущество все принадлежитъ мнѣ“. Затѣмъ случилось такъ, что сынъ поторопился поѣхать домой, и затѣяли они тяжбу относительно этого и представляли доказательства для яснаго засвидѣтельствованія своихъ правъ. Когда случалось, что доказательства одного изъ нихъ можно считать достаточно вѣскими, другой представлялъ

280 возраженія, уничтожавшія доказательства перваго. Тяжба на такомъ основаніи затянулась, и процессъ ихъ продолжался цѣлый годъ. Когда у нихъ доходитъ дѣло до такого положенія, и слухи о немъ распространяются по прочимъ государствамъ вѣфировъ, рѣшаетъ дѣло это самъ царь помимо другихъ людей такъ, какъ разсудить объ этомъ. По прошествіи года царь устроилъ засѣданіе въ присутствіи всѣхъ жителей государства; былъ повторенъ искъ ихъ весь и ихъ возраженія во всей полнотѣ. Ни у одного изъ нихъ царь не видѣлъ правъ надъ другимъ на основаніи данныхъ. Тогда царь сказалъ сыну: „Знаешь ли ты могилу отца своего по правдѣ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Я знаю, но не увѣренъ въ своемъ знаніи, такъ какъ я не видѣлъ своими глазами его погребенія“. Царь сказалъ юношѣ-рабу, претенденту на наслѣдство: „А ты знаешь могилу отца твоего?“ Тотъ отвѣтилъ: „Да! Я завѣдывалъ похоронами его“. Царь на это сказалъ: „А ну-ка, принеси мнѣ изъ могилы его истлѣвшія кости, если вы ихъ найдете“. Тотъ пошелъ въ могилѣ и вырылъ изъ нея нѣсколько истлѣвшихъ костей

его и принесть ихъ къ царю. Тотъ приказалъ, чтобы вскрылъ себѣ вену юноша претендентъ; тотъ вскрылъ, а затѣмъ кровь его была пролита на кость; кровь стекала направо и налѣво, не повисала на кости и не останавливалась на ней. Была вскрыта вена сыну и пущена кровь его на эту кость; кровь впиталась въ кость и повисла на ней. Царь наказалъ юношу-раба, побилъ его, а имущество и его самого отдалъ сыну“.

[Въ списокъ Р эта исторія разсказана нѣсколько иначе:

Былъ нѣвій человекъ изъ жителей Хазарана, а у него былъ сынъ. Этотъ разъѣзжалъ повсюду и былъ искусенъ въ торговлѣ; послалъ его отецъ къ болгарамъ и постоянно снабжалъ его товарами. Послѣ ухода сына этотъ человекъ усыновилъ бывшаго у него раба, почтилъ его, обучилъ его, и онъ оказался очень расторопнымъ во всѣхъ торговыхъ операціяхъ, на которыя тотъ его употреблялъ, пока не усыновилъ его за предупредительное повиновеніе ему. Отсутствіе сына и пребываніе юноши у отца продолжалось до тѣхъ поръ, пока не умеръ этотъ человекъ. Сынъ снаряжалъ товарами караваны по прежнему, не зная о смерти отца, а юноша пускалъ въ оборотъ то, что къ нему приходило и не возвращалъ сыну взаимнѣ доставляемыхъ ему товаровъ. Сынъ написалъ юношѣ, чтобы тотъ прислалъ ему товары согласно уговору, но этотъ послалъ ему въ отвѣтъ, требованіе дать отчетъ въ томъ, что находится въ его рукахъ изъ имущества отца его. Случилось съ сыномъ то, что заставило его поспѣшить явиться домой. Они затѣяли тяжбу по этому поводу и представили доказательства. Когда становилась ясна правда одного изъ нихъ, являлся другой съ такимъ возраженіемъ, которое тормозило все дѣло. Продолжался у нихъ разладъ, и тянулась тяжба и споръ. Затѣмъ они обратились къ царю, но царь не видѣлъ ни у одного изъ нихъ правъ надъ другимъ, благодаря доста-

точности доказательствъ съ обѣихъ сторонъ. Царь спросилъ сына: „Знаешь ли ты могилу отца твоего навѣрное?“ Тотъ отвѣтилъ: „Знаю, но не былъ очевидцемъ его похоронъ такъ, чтобы установить ее безошибочно“. Затѣмъ царь сказалъ юношѣ претенденту: „Знаешь ли ты могилу отца твоего?— „Да!“ отвѣтилъ тотъ: „я завѣдывалъ его похоронами“. На это царь сказалъ: „А ну-ка, принеси мнѣ его кости, если вы ихъ найдете“. Юноша отправился къ могилѣ, вырылъ нѣсколько истлѣвшихъ костей того человѣка и принесъ ихъ къ царю. Царь сказалъ юношѣ, претендовавшему на то, что онъ сынъ этого человѣка: „Вскрой себѣ вену!“ Тотъ вскрылъ, а затѣмъ пустилъ кровь на эту кость; кровь стекла съ нея и не повисла на ней. Вскрылъ себѣ вену сынъ и также пустилъ кровь на кость. Кровь впиталась въ кость и повисла на ней. Вслѣдствіе этого царь наказалъ юношу, побилъ его и отдалъ его и его имущество (истинному) сыну].

281 При этомъ городѣ нѣтъ селъ, а есть только у нихъ разбросанныя пашни; дѣломъ всѣ горожане выходятъ къ своимъ посѣвамъ; посѣвы ихъ находятся близко и въ отдаленіи на 20 фарсаховъ. Они приѣзжаютъ на повозкахъ къ рѣкѣ или къ мѣсту вблизи города и переправляютъ то, что соберутъ у рѣки, на судахъ, а изъ близкихъ къ городу мѣстъ на повозкахъ. Главную часть ихъ пищи составляетъ рисъ и рыба, а то, что вывозится изъ ихъ страны, а именно: медъ, воскъ и шерсть, они сами получаютъ изъ странъ руссовъ и болгаръ; то же самое можно сказать и о шкурахъ бобра, вывозимыхъ во всѣ страны и встрѣчающихся только въ рѣкахъ сѣвера, находящихся въ земляхъ руссовъ, болгаръ и Куяба ⁸⁹). Шкуры бобра, что въ Андалузій ⁹⁰), отчасти изъ рѣкъ, находящихся въ славянской странѣ и входящихъ въ каналъ, на которомъ лежатъ земли славянскія, а описаніе этого канала было выше.

Большая часть этихъ шкуръ, даже почти всѣ онѣ, встрѣчаются въ странахъ руссовъ, а нѣкоторая часть шкуръ высокоаго достоинства идетъ изъ страны Яджуджъ и Маджуджъ⁹¹⁾, благодаря сосѣдству руссовъ съ Яджуджемъ и Маджуджемъ и торговлѣ ихъ съ послѣдними. Продавали руссы въ Болгаріи этотъ товаръ, прежде чѣмъ разгромили ее въ 356 году⁹²⁾, и проникла нѣкоторая часть этихъ до Хуварезма благодаря тому, что хуварезміицы неоднократно входили къ болгарамъ и славянамъ, и они дѣлаютъ на нихъ набѣги, грабятъ и берутъ жителей въ плѣнъ. Та часть руссійскихъ товаровъ, что шла въ Хазаранъ не переставала быть въ такомъ же положеніи.

Хазаранъ—часть города, называемаго Итиль. Эта часть восточная и въ ней преимущественно живутъ купцы и мусульмане и находятся товары, а часть западная предназначена исключительно для царя, его свиты и войска.

Языкъ чистыхъ хазаръ не похожъ на языкъ турецкій, и съ нимъ не сходенъ ни одинъ изъ языковъ извѣстныхъ народовъ.

Рѣка Итиль—восточный ея край⁹³⁾ выходитъ изъ страны Хирхизъ⁹⁴⁾—протекаетъ по землямъ, лежащимъ между баймаками и гуззами, и служитъ естественной границей между ними. Далѣе она течетъ на западъ за болгарами, затѣмъ поворачиваетъ назадъ на востокъ, такъ что протекаетъ черезъ Русь, а затѣмъ черезъ Болгарію; потомъ течетъ черезъ Буртасъ, пока не впадаетъ въ Хазарское море. Говорятъ, что отъ этой рѣки расходится болѣе 70 рукавовъ, а главное русло продолжаетъ течь по хазарской землѣ до впаденія въ море; говорятъ также, что, когда эти воды всей своей массой соединятся въ одно русло, то превзойдутъ Джайхунъ значительной массой воды и распространеніемъ по поверхности земли. Отъ многоводности ея происходитъ то, что воды достигаютъ моря, размывая постепенно и ввергая

въ воду многочисленныя мѣста, и врѣзываются въ него (море) на пространство двухъ дней пути, и на столько преодолеваютъ морскую воду, что зимою замерзаютъ благодаря своей мягкости и прѣсности, и цвѣтъ ихъ отличается отъ цвѣта морской воды ⁹⁵).

У хазаръ есть также городъ по имени Семендеръ ⁹⁶); находится онъ между хазарами и Баб-уль-Абвабомъ. Въ немъ много садовъ, и говорятъ, что они содержатъ около 40000 лозъ. Я спрашивалъ объ этомъ въ Джурджанѣ въ 358 году одного, который недавно тамъ былъ, и онъ мнѣ сказалъ, что, если тамъ еще есть виноградный вустъ или садъ, то все, что въ немъ есть, представляетъ милостыню для бѣдныхъ, развѣ только, что Господь заставитъ черепохъ вновь развиться. Все это погибло вмѣстѣ со страной, а она весьма изобиловала лозами и виноградомъ. Ее населяли мусульмане и другіе, и въ городѣ у нихъ были мечети, у христіанъ храмы, а у іудеевъ синагоги.

Затѣмъ пришли руссы ⁹⁷), разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людямъ хазарскимъ, болгарскимъ и буртасскимъ на рѣкѣ Итиль. Руссы овладѣли этой страной, а жители Итиля искали убѣжища на островѣ Баб-уль-Абваба и укрѣпились на немъ, а нѣкоторые изъ нихъ въ страхѣ поселились на островѣ Сія-Кухъ.

Живутъ хазары въ шатрахъ, а постройки ихъ изъ переплетенныхъ прутьевъ ⁹⁸) съ островочными крышами; царь ихъ (семендерцевъ) изъ іудеевъ въ родствѣ съ царемъ хазаръ. Между городомъ и предѣлами Серира 2 фарсаха. Между Семендеромъ и Сахиб-ас-Сериромъ перемиріе.

Народъ Серира (трона) христіане ⁹⁹). Говорятъ, что этотъ тронъ принадлежалъ нѣкому персидскому царю и сдѣланъ изъ золота. По прекращеніи династіи ихъ царей тронъ былъ привезенъ въ это мѣсто со всѣми царскими сокровищами, а привезшій былъ изъ рода Бахрама. Царь

у нихъ и до нынѣшнихъ дней называется по имени этого трона. Говорятъ, что тронъ этотъ былъ сдѣланъ для одного
283 изъ хосроевъ ¹⁰⁰) въ нѣсколько лѣтъ. Между жителями Серира и мусульманами миръ.

Я не знаю, чтобы было въ области хазаръ другое сборное мѣсто, кромѣ Семендера.

Буртасы ¹⁰¹) племя сосѣднее съ хазарами, и въ промежуткѣ между ними и хазарами нѣтъ никакого иного народа. Буртасы имя страны точно такъ же, какъ Русь и Хазарь, а Сериръ имя царства, но не народа и не людей.

Хазары не походятъ на турокъ. Хазары черноволосы, и ихъ два класса. Одни называются карахазары и они смуглые, даже почти черные, подобно индѣйцамъ, а другіе составляютъ классъ бѣлый. Они видный народъ по красотѣ и совершенству, и встрѣчающіеся у насъ хазарскіе рабы изъ язычниковъ, разрѣшающихъ продажу своихъ дѣтей и захватывающихъ другъ-друга въ рабство. А что касается хазаръ іудеевъ и христіанъ, находящихся среди нихъ, то они, подобно мусульманамъ не допускаютъ рабства другъ-друга.

Въ самой странѣ Хазаръ кромѣ вѣля не добывается ничего такого, что вывозилось бы въ близкія и далекія области. Что же касается до рабовъ, меда, воску, бобровыхъ шкуръ и шерсти, то это доставляется къ нимъ извнѣ.

Одѣяніе хазаръ и сосѣднихъ съ ними народовъ состоитъ изъ короткихъ верхнихъ одеждъ и мужскихъ туникъ. У себя они не готовятъ никакихъ одеждъ, и это все ввозится къ нимъ исключительно изъ странъ Джурджана, Табаристана, Азербейджана, Рума и сосѣднихъ съ ними областей.

Что касается управленія ими и правительства страны у нихъ, то оно принадлежитъ самому главному среди нихъ, называемому „Хаван-хазаръ“. Онъ еще важнѣе царя ха-

зарь, и этотъ послѣдній подчиненъ ему. Царь ставится хаканомъ и утверждаетъ имъ. Когда они желаютъ избрать царя послѣ смерти прежняго царя ихъ, то этотъ хаканъ его наставляеть и поучаетъ; онъ увѣдомляетъ его, въ чемъ состоятъ обязанности царя и что лежитъ на немъ, въ чемъ заключаются его преступленія и каковы наказанія его взятой имъ на себя обязанности въ случаѣ, если не сможетъ сдѣлать чего-либо или сдѣлаетъ не какъ должно и постановитъ неправильное и несправедливое рѣшеніе.

Иногда избранный на царство не соглашается принять
284 должность царя, услышавъ эти вещи, вслѣдствіе добросовѣстности своей или нежеланія царствовать, или же испугавшись того, что угрожаетъ отъ Бога, по словамъ его, въ случаѣ, если онъ не справится съ управленіемъ, и такимъ образомъ отказывается отъ управленія. Онъ оставляетъ управленіе, а должность принимаетъ другой, обладающій прекрасными качествами души и ума а). Когда приведутъ его, чтобы посадить на царство и привѣтствовать его въ этомъ санѣ, то хакан-хазарь душитъ его шелковымъ шнуркомъ; и когда онъ близокъ къ тому, чтобы испустить духъ, говорятъ ему: „Какъ долго желаешь царствовать?“ Онъ отвѣчаетъ: „столько-то и столько-то“ ¹⁰²). Послѣ этого ему необходимо умереть * раньше этого, иначе его убиваютъ по достиженіи этого срока б).

Хаканство является исключительно принадлежностью извѣстныхъ семей. У хакана власть среди хазаръ только номинальная и его только величаютъ, когда входятъ къ нему. Приходятъ къ нему только по необходимости. При

а) Р дастъ: „кто сознаетъ за собой способность управить ими“.

б) Р имѣетъ: „* Раньше этого времени, по предопредѣленію Господа—да будетъ Онъ превознесенъ!—а если останется дольше того, что назначилъ своимъ собственнымъ языкомъ, то убиваютъ его по достиженіи назначеннаго срока“.

входѣ къ нему входящій падаетъ передъ нимъ ницъ а) на землю, поклоняется ему и становится вдали, пока хаканъ не разрѣшитъ ему приблизиться. Когда постигаетъ ихъ тяжелое событіе или война, то они выводятъ хакана, и не взглянуть на него ни одинъ изъ турокъ и другихъ сосѣднихъ съ ними кяфировъ безъ того, чтобы не поклонился и не удалился. И никто не воюетъ съ нимъ изъ-за великаго почтенія къ нему ¹⁰³).

Когда онъ умретъ, и его похоронятъ, то не пробѣдетъ ни одинъ мимо могилы его безъ того, чтобы не спѣшиться передъ нею и не поклониться праху его; и путникъ сядетъ верхомъ не прежде, чѣмъ скроется изъ виду его могила.

Повиновеніе ихъ своему царю доходитъ до того, что, когда иной разъ бываетъ необходимо убіеніе одного изъ нихъ, а онъ бываетъ наиболѣе уважаемъ изъ нихъ передъ царемъ и занимаетъ весьма значительное мѣсто при немъ, и въ то же время царь не желаетъ его открытой вазни, то приказываетъ ему самому убить себя, а тотъ удаляется въ свой домъ и кончаетъ съ собой.

Я уже упоминалъ, что хаканство есть принадлежность извѣстныхъ семей, не имѣющихъ владѣній и богатства, но иногда бываютъ среди нихъ богатые. Когда достается кому-нибудь хаканство, то ему присягаютъ, не обращая вниманія на его имущественное положеніе. Мнѣ сообщилъ человѣкъ, которому я довѣряю, что онъ видѣлъ на одномъ изъ ихъ рынковъ юношу, продававшего хлѣбъ; и они говорили, что если хаканъ ихъ погибнетъ, то никъго нѣтъ болѣе достойнаго хаканства, чѣмъ онъ, развѣ только, что онъ мусульманинъ, а назначаются на хаканство только іудеи.

У хазаръ тронъ подъ золотымъ наметомъ готовится только для хакана; шатры хакана, когда разобьютъ

а) Р даетъ; „И поклоняются ему всѣ, даже царь, когда войдетъ къ нему; при входѣ къ нему царь падаетъ передъ нимъ ницъ и т. д.“

ихъ въ случаѣ необходимости въ дорогѣ, выше шатровъ царя, а жилище его въ городахъ выше царскаго жилища.

..... 104)

Описаніе разстояній между хазарами и ихъ областями.

Отъ Абаскуна до земель хазаръ по правому берегу около 300 фарсаховъ, а отъ Абаскуна по лѣвому берегу для путника, направляющагося въ хазарамъ, точно также около 300 фарсаховъ.

Отъ Абаскуна до Дигистана ¹⁰⁵⁾ 6 переходовъ, а переправиться черезъ это море при случайно благопріятномъ вѣтрѣ изъ Табаристана можно въ недѣлю. Что же касается пути отъ Абаскуна до царства Хазаръ, то онъ дальше, такъ какъ Абаскунъ находится въ углу моря.

Отъ Итиля до Семендера 8 дней пути, а отъ Семендера до Баб-уль-Абваба 4 дня пути.

Между царствомъ Серира и Баб-уль-Абвабомъ три дня пути ¹⁰⁶⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ «Книгѣ путей и царствъ» Ибн-Хаукаля.

1) Ибн-Хаукаль ссылается на свидѣтельство предшествовавшихъ ему историковъ и географовъ, а главнымъ образомъ на свидѣтельство ал-Истахрія, трудъ котораго онъ перерабатывалъ и дополнял. Переводъ ал-Истахрія данъ нами въ первомъ выпускѣ «Свѣдѣній арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ по Р. Хр. о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ»

2) Юсуф-ибн-аби-Саджъ—одинъ изъ выдающихся полководцевъ при халифѣ ал-Муктадир-Билляхъ, царствовавшемъ съ 908 по 932 г. по Р. Хр. Онъ былъ правителемъ этой области и на его долю выпало отражать нашествіе руссовъ въ 912—914 г., о которомъ дѣлаетъ довольно подробное сообщеніе Мас'уди.

Мерзабан-ибн-Мухаммедъ ас-Салларъ утвердился въ Азербей-

джанъ въ 941 г. и умеръ въ 957 г. по Р. Хр. Ему наслѣдовалъ сынъ его Джестан-ибн-Мерзабанъ.

*) Армень—Малая Арменія.

4) Алланы см. ад-Истахрій прим. 8.

5) Джазира см. ал-Истахрій примѣч. 9.

6) Кабкъ, или Кайсакъ,—Кавказскій хребетъ.

7) Иракъ см. ал-Истахрій примѣчаніе 11.

8) Ардабиль и до настоящаго времени существующій городъ въ Азербейджанѣ. Фарсахъ—мѣра длины у арабовъ равная тремъ арабскимъ милямъ или $5\frac{2}{3}$ версты. Слѣдовательно область этого города равнялась 168 верстамъ въ квадратѣ. Къ городу относились обыкновенно всѣ деревни и села, лежація въ окрестности его, поэтому арабскіе географы рѣдко останавливаются на мелкихъ селеніяхъ, рассматривая ихъ какъ область города.

9) 331 годъ хиджры соотвѣтствуетъ 942 году по Р. Хр.

10) Тенайяръ—родъ тяжелой шелковой ткани, цѣнившейся довольно дорого (б. м. «термалама»).

11) Сабаланъ, она же Саваланъ,—гора верстахъ въ 10 отъ Ардабиля къ с.-з. Высота ея надъ уровнемъ моря=15792 фута.

12) Диргемъ= $\frac{1}{20}$ части динара, а динаръ=на наши деньги 3 руб.; слѣдовательно диргемъ=15 коп.

13) Манъ=2 ритлямъ, а ритль вѣсомъ немного менѣе фунта. Надобно, впрочемъ, надо замѣтить, что манъ и ритль въ различныхъ мѣстностяхъ имѣли нѣсколько различныхъ вѣсъ.

14) Очевидно рѣчь идетъ о знаменитой и въ настоящее время по своему вкусу «эриванской» дынѣ.

15) На озерѣ Урмія лежитъ малонаселенный островъ, называвшійся «Кабудзанъ» и давшій свое имя озеру. Другіе авторы называютъ его озеромъ Урмія, какъ оно и теперь называется, а у ад-Истахрія оно носитъ названіе «озеро Шуратъ», что значитъ: «озеро схизматиковъ».

16) Городъ Ушну носитъ и теперь то же имя. Онъ находился въ мѣстности, населенной курдами племени Геднанъ, а теперь въ его окрестностяхъ живутъ курды племени Билбасъ.

17) Въ текстѣ употреблено слово «горячій». У насъ въ русскомъ языкѣ въ томъ же смыслѣ употребляется выраженіе: «кипучій».

18) Моссуль—городъ на Тигрѣ близъ развалинъ древней Ниневіи.

¹⁹⁾ Агарь—городъ Азербейджана между Ардабилемъ и Мерандомъ. Варзаканъ, повидимому, тоже городъ или округъ, не существующій въ настоящее время.

Изъ остальныхъ упоминаемыхъ здѣсь городовъ Меянджъ (Міане), Хунаджъ (Хуне), Дахарраканъ, Хувей (Хой), Саламась, Мерандъ, Тебризь и Берзендъ (теперь селеніе Берзендъ къ сѣверу отъ Ардабиля) до настоящаго времени носятъ тѣ же названія (см. карту).

Варсанъ—городъ съ крѣпостью лежалъ на правомъ берегу р. ар-Расса по его теченію ниже впаденія въ него р. Кара-су, въ 30 верстахъ, и теперь отъ него остались развалины.

Муканъ съ областью того же имени (Муганъ) на берегу моря Хазарь.

Байлаканъ (теперь не существуетъ) на лѣвомъ берегу рѣки ар-Рассъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Карадонны.

²⁰⁾ Владѣнія Бену-р-Рудайни, или просто Рудайнія (см. карту), занимала пространство къ востоку и югу отъ озера Урміи. Рудайни имя одного изъ арабскихъ племенъ.

²¹⁾ Давинъ, Дуинъ, Товинъ, онъ же Дабиль Арменіи. Онъ находился недалеко отъ нынѣшней Эривани, гдѣ и теперь еще существуютъ его развалины. Нѣкоторые авторы упоминаютъ, что недалеко отъ него находился извѣстный христіанскій монастырь (Эчміадзинъ).

²²⁾ Курджъ, или куридъ, повидимому искаженное: грузины (картвельцы).

²³⁾ Умму-р-Ранъ—въ буквальномъ переводѣ значитъ: «Мать Аррана». Этимъ понятіемъ арабы означали главную часть, главное мѣсто страны. Ср.: «Мать городовъ».

²⁴⁾ Андарабъ, персидское наименованіе, означающее: «между-рѣчье». Такъ называлась мѣстность къ югу отъ Берда'а до Яктана (теперь Акдамъ). Въ прежнее время цвѣтущаго состоянія всей этой страны она была покрыта садами и тузовыми лѣсами. Теперь отъ нея сохранились громадныя площади садовъ близъ Акдама, а въ остальныхъ мѣстахъ сохранились слѣды цѣлыхъ системъ оросительныхъ каналовъ.

²⁵⁾ Въ текстѣ стоитъ слово *مقاصد*—*макасыд*—мѣста, куда стремятся, слѣдуетъ думать, съ торговой цѣлью. И дѣйствительно, Берда'а является центральнымъ пунктомъ, отъ котораго идутъ пути ко всѣмъ

крупнымъ торговымъ пунктамъ, какъ Тифлисъ, Баб-уль-Абвабъ, Дабиль и Ардабиль (см. карту).

²⁶⁾ «Шахибаллугъ» — каштанъ.

²⁷⁾ «Зукаль» — кизиль, см. ал-Истахрій прим. 23.

²⁸⁾ «Сермахи» или «Сурмахи» — шама. См. ал-Истахрій прим. 26.

²⁹⁾ «Аз-зераки» и «ишубэ» см. зераканъ и ишубетъ, ал-Истахрій примѣчаніе 27.

³⁰⁾ «Кюркій» см. ал-Истархій примѣчаніе 28.

³¹⁾ У другихъ авторовъ рынокъ этотъ называется Куль-Сере и указывается, какъ наибольший и наиблагодѣйшій рынокъ по торговымъ оборотамъ. О немъ см. ниже.

³²⁾ Этотъ разгромъ Берда'а происходилъ въ 332 г. хиджры (944 г. по Р. Хр. въ княженіе Игоря). У весьма многихъ арабскихъ авторовъ мы встрѣчаемъ упоминаніе объ этомъ набѣгѣ руссовъ на Берда'а, а у нѣкоторыхъ современныхъ событію писателей мы находимъ довольно подробныя описанія этого. Повидимому сюда дошелъ одинъ изъ военачальниковъ Игоря во время его походовъ на Византію. Руссы пришли въ Берда'а въ значительномъ числѣ, разбивъ предварительно мусульманскія войска. Великодушные къ побѣжденнымъ руссы овладѣли городомъ и оставили жителей его въ покоѣ, но тѣ начали отравлять руссовъ, злоумышлять противъ нихъ, а при первомъ появленіи новыхъ мусульманскихъ войскъ явно приняли сторону пришедшихъ. Руссы ихъ уговаривали не вмѣшиваться, но тѣ продолжали и тѣмъ принудили руссовъ прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ. Они на возставшихъ наложили выкупъ и тѣхъ, кто его заплатить не пожелалъ, подвергли смерти. Руссы были разбиты, въ концѣ концовъ, Мерзабаномъ и ушли къ себѣ обратно.

³³⁾ Баб-уль-Абвабъ — Дербентъ. О немъ см. аль-Истахрій прим. 29 и 30.

³⁴⁾ Тиръ и Бейрутъ — гавани на Средиземномъ морѣ.

³⁵⁾ Джурджанъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, древняя Гирканія.

³⁶⁾ О Тифлисъ см. ал-Истахрій прим. 38.

³⁷⁾ Тиверіада — галилейскій городъ на юго-зап. берегу Галилейскаго озера; отъ него и самое озеро получило названіе Тиверіадскаго. По словамъ Іосифа Флавія, Тиверіада построена въ

17 г. по Р. Хр. Иродомъ Антипою, въ честь императора Тиверія, въ узкой равнинѣ въ самой красивой части Галилеи. Иродъ Антипа сдѣлалъ Тивериаду своею резиденціей, для чего построилъ здѣсь великолѣпный дворець, храмъ и амфитеатръ, а городъ окружилъ стѣною. Была и еще причина, почему правители Галилеи любили жить здѣсь: близь города былъ цѣлебный горный ручей, о которомъ у Ибн-Хаукаля и идетъ рѣчь.

³⁶⁾ Въ 500 году хиджры (1107 г. по Р. Хр.) Ибн-Хаукаль писалъ свою книгу въ 977 году, изъ чего можно видѣть, что это мѣсто приписано послѣ изданія сочиненія однимъ изъ переписчиковъ, желавшихъ ознакомить читателей съ положеніемъ города въ его время.

³⁹⁾ Азанъ—призывъ къ молитвѣ, объявляемый съ минарета мечети.

⁴⁰⁾ Слѣдуетъ полагать, что гостепріимные тифлисскіе ученые установили извѣстную минимальную сумму, какую они позволяли прїѣзжему гостю тратить произвольно. Всякіе другіе расходы хозяинъ бралъ на себя.

⁴¹⁾ Бармекиды или Бармакиды—потомки Бармака, врача и жреца изъ Балха въ Хорасанѣ, древнеперсидскій родъ, который, благодаря талантности и образованію нѣкоторыхъ своихъ членовъ, достигъ при дворѣ Аббасидовъ такого же положенія, какое занимали маіордомы при дворѣ Меровинговъ. Говорятъ, что жена Бармака была взята въ плѣнъ знаменитымъ полководцемъ Омейядовъ Кутейбой и возвращена мужу, когда забеременѣла сыномъ Халидомъ (около 794 г. по Р. Хр.), впоследствии, при первомъ Аббасидѣ, халифѣ Абдулла Абу-Аббас-ал-Сафа, ставшимъ великимъ визиремъ. Цѣль этого разсказа выставить высокое и благородное происхождение Бармекидовъ. При Альмансорѣ Халидъ былъ впервые назначенъ министромъ финансовъ, затѣмъ намѣстникомъ Моссула, онъ же руководилъ постройкой Багдада, а сынъ его Яхья, о которомъ разсказываетъ Ибн-Хаукаль, былъ въ то же время намѣстникомъ Азербейджана и Арменіи. Въ халифатъ Альмадиса Яхья занималъ тоже постъ государственнаго секретаря и воспитателя Гарунъ-ар-Рашида. Совѣтамъ и руководству Яхьи Гарунъ былъ обязанъ престоломъ, отъ котораго его хотѣлъ оттѣснить старшій братъ Гади. Въ виду этого халифъ изъ благодарности назначилъ Яхью визиремъ при своемъ вступленіи на престоль (786 г. по Р.

Хр.). Но вскорѣ Яхъя удалился отъ дѣлъ, и его мѣсто занимали попеременно его сыновья Фадль и Джа'фаръ, бывшіе одновременно воспитателями дѣтей Гаруна и въ теченіе многихъ лѣтъ намѣстниками Египта и Хорасана.

Остальные сыновья Яхьи тоже достигли богатства и высшихъ государственныхъ должностей. Между всѣми Бармекидами ближе всего къ халифу былъ Джа'фаръ. Его общество было такъ пріятно Гаруну, что онъ не хотѣлъ разлучаться съ нимъ даже въ вечерніе часы, которые халифъ проводилъ въ кругу своихъ женъ и рабынь въ танцахъ, музыкѣ, пѣсняхъ и веселыхъ пиршествахъ. Даже когда Гаруна посѣщала его любимая сестра Аббаза, Джа'фаръ долженъ былъ оставаться поблизости. Но послѣ того, какъ Джа'фаръ тайно обвинялся съ сестрою Гаруна, онъ возбудилъ подозрѣніе халифа и былъ казнень, а сестра похоронена заживо съ дѣтьми. Эта жестокость вызвала неудовольствіе населенія, и Гаруну пришлось перенести столицу изъ Багдада въ укрѣпленный городъ Ракку (на Евфратѣ).

Истребленіе Бармекидовъ старались потомъ оправдывать и другими ихъ проступками. При дворѣ халифа была, безъ сомнѣнія, партия, которая косо смотрѣла на силу и значеніе персидскаго рода; ихъ обвинили въ стремленіи щедростью и роскошью заслонить и даже устранить самаго халифа.

⁴²⁾ Объ этихъ городахъ см. примѣчаніе 19 къ настоящему автору. Бердиджъ находился въ округѣ Берда'а, но мѣстонахожденіе его неизвѣстно.

Шабиранъ лежалъ близъ берега Хазарскаго моря недалеко отъ Шарвана (см. карту). Теперь на его мѣстѣ лежитъ урочище Шабиранъ.

Кабала (см. карту) находился въ долинѣ р. Алазань въ одномъ изъ ущелій главнаго хребта.

Шаки — Нуха см. ал-Истахрій примѣч. 42.

⁴³⁾ Кирмизъ — кошениль, добывается въ Закавказьи.

⁴⁴⁾ Буттъ — большое полотнище шелку, надѣвавшееся на голову и ниспадавшее съ плечъ.

⁴⁵⁾ Сумбатъ I Мученикъ, сынъ Ашуда I Великаго (859—890 г. по Р. Хр.), перваго царя армянскаго, коронованнаго халифомъ Му'тамидомъ въ 885 г. по Р. Хр. Сумбатъ I царствовалъ отъ 891 г. до 914 г. по Р. Хр. Послѣ него вступилъ на престолъ сынъ его Ашудъ II.

⁴⁶⁾ Омейяды—см. примѣчаніе 6 къ Ибн-ал-Факиху, а Аббасиды примѣчанія къ Мас'уди.

⁴⁷⁾ О хараджѣ см. Ибн-ал-Факихъ примѣч. 4.

⁴⁸⁾ Города, лежавшіе около озера Ванъ. См. ал-Истахрій примѣчаніе 47.

Каликала городъ, лежавшій близъ горы Кара-Кала, въ верховьяхъ Евфрата.

⁴⁹⁾ Нашава, у другихъ авторовъ: Нахджаванъ,—Нахичеванъ на Араксѣ.

⁵⁰⁾ Аз-Завазанъ крѣпость и округъ, лежавшій къ востоку отъ оз. Хилать (Ванъ); въ настоящее время весьма трудно опредѣлить, гдѣ онъ находился. Б. м. Сейван-Кала.

⁵¹⁾ Тарабезундъ—Транезондъ, портъ на Черномъ морѣ. Теперь главный городъ Транезондскаго вилайета въ Турціи. Нѣкогда былъ самостоятельной имперіей.

⁵²⁾ Море Мухитъ—Атлантическій океанъ. Проливъ, о которомъ идетъ рѣчь у Ибн-Хаукаля, это Мраморное море съ его проливами.

⁵³⁾ Арзанъ округъ съ городомъ того же имени къ юго-западу отъ оз. Хилать (см. карту).

⁵⁴⁾ Дѣйствительно Міяфарикинъ (см. карту) лежитъ на лѣвомъ берегу р. Тигра, а граница Арменіи и Джазіры проходитъ по р. Тигру.

⁵⁵⁾ «Мехфуръ»—значить: «вырытый». Возможно, что рѣчь идетъ о *паласахъ*, грубоватой работы коврахъ, вырабатываемыхъ въ Арменіи.

⁵⁶⁾ Р. Забъ впадаетъ въ р. Тигръ, начинаясь близъ Саламаса на границѣ Арменіи и Азербейджана, а р.р. Джайханъ и Барада въ области Дамаска въ Сиріи.

⁵⁷⁾ Длина озера около 4 дней пути верхомъ, разумѣется по берегу его. Ал-Истахрій, описывая озеро Урмія, тоже опредѣляетъ длину его въ 4 дня пути, но при этомъ добавляетъ: «а при вѣтрѣ удается иногда проплыть его въ одну ночь».—День пути арабовъ равнялся 5—7 фарсахамъ т. е. 30—40 верстъ. Въ дѣйствительности длина озера Урмія по берегу около 140 верстъ.

⁵⁸⁾ Озеро Хилать, или Арджишъ (Ванъ).

⁵⁹⁾ Рыба «тиррихъ» см. ал-Истахрій прим. 54.

⁶⁰⁾ У арабовъ встрѣчалась натровая соль четырехъ видовъ:

майю — водяная; *джабалию* — горная; *арминию* — армянская, и *мисрийю* — египетская.

⁶¹⁾ Желтый мышьяк — *زرنيخ اصفر* — аврипигментъ или оперментъ — трехсѣрнистый мышьякъ; этотъ минераль попадаетъ въ кристалахъ или листоватыхъ кускахъ въ Венгрии, Перси, Китаѣ, а особенно въ Грузин. Употребляется въ живописи, какъ желтая краска.

Красный мышьякъ — *زرنيخ احمر* — сандаракъ, красный оперментъ.

⁶²⁾ Мѣдная охра — хризоколла, употребляемая для спаиванія металловъ.

⁶³⁾ Харисъ — большой Араратъ и Хувайрисъ — малый Араратъ.

⁶⁴⁾ Хуварезмское озеро — это Аральское озеро.

⁶⁵⁾ Мегрибъ (Магрибъ) — западная часть Африки, прилегающая къ Атлантическому океану.

⁶⁶⁾ Царство Санарія лежало въ верховьяхъ р. Алазани и р. Юры (см. карту).

⁶⁷⁾ Здѣсь, повидимому, часть текста выпущена при перепискѣ.

⁶⁸⁾ Антропоморфизмъ — представленіе божества съ человѣческими качествами.

⁶⁹⁾ Батинія — мусульманская секта, основное положеніе которой заключается въ томъ, что каждая внѣшняя вещь содержитъ въ себѣ внутреннюю идею и каждое мѣсто корана имѣетъ внутренній аллегорическій смыслъ.

⁷⁰⁾ Ученіе «Келямъ» представляетъ изъ себя схоластикодогматическую философію, основанную на метафизическихъ положеніяхъ.

⁷¹⁾ Джасар-Самуръ — плотина рѣки Самура. Плотина эта находилась въ дельтѣ р. Самуръ, этой небольшой, но, временами многоводной горной рѣки. Въ настоящее время дамба, по которой проложенъ желѣзнодорожный путь, находится въ томъ же мѣстѣ, гдѣ была плотина.

⁷²⁾ Кайлаквинъ, по другимъ авторамъ Киль-Куй, городъ Арменіи на пути изъ Сисаджана въ Берда'а въ горномъ ущельи (см. карту).

⁷³⁾ Здѣсь видимо по оплскѣ Берзенджъ стоитъ вмѣсто Берда'а, о которой идетъ рѣчь. Берзенджъ лежитъ на Курѣ ниже Берда'а по пути на Баб-уль-Абвабъ.

⁷⁴⁾ Кантара-Сабидрудъ — каменный мостъ на Сабидрудѣ. У

этого моста была станція каравановъ, идущихъ изъ Ардабиля на югъ въ Зенджанъ (теперь Зенганъ).

⁷⁵⁾ Кур-Сере, по другимъ авторамъ Куль-сере.

⁷⁶⁾ *Сакатъ*—тяжелая шелковая матерія, а *барбехаръ*—родъ дорогой индійской ткани.

⁷⁷⁾ Земля Мавкифъ—широкая долина у горы Арафатъ въ Меккѣ. Богомольцы, отправляющіеся на поклоненіе святымъ мѣстамъ, 9-го Дзуль-Хиддже, т. е. на третій день поклоненія, собираются въ этой долинѣ, и тутъ меккскій кади съ трехъ часовъ по полудни до заката солнца произноситъ проповѣдь. Этотъ моментъ поклоненія, считаемый однимъ изъ важныхъ моментовъ всей церемоніи, называется *ал-вукуф би Арафат*. Кади произноситъ проповѣдь сидя на верблюдѣ. Съ наступленіемъ темноты молящіеся въ безпорядкѣ направляются въ долину Мусдалифеть.

По преданію, однажды Мухаммедъ пришелъ на гору Арафатъ молиться, и тамъ лицо его испускало лучи.

⁷⁸⁾ Сугуръ—сосѣдняя съ Джазирой область, лежавшая къ западу отъ послѣдней, служила пограничной областью исламскихъ земель со стороны Рума.

⁷⁹⁾ Шимшатъ и Сумейсатъ, повидимому одно и тоже, т. е. эти два имени вмѣстѣ встрѣчаются только у Ибн-Хаукаля, а изъ другихъ авторовъ одни упоминаютъ Шимшатъ, другіе—Сумейсатъ. Шимшатъ область Арменіи, пограничная съ Румомъ, лежитъ на Евфратѣ.

⁸⁰⁾ Роспись доходовъ этихъ была составлена въ первой половинѣ X вѣка по Р. Хр. Считаая диргемъ въ 15 коп., мы имѣемъ, что подати странъ составляли 1500000 рублей на наши деньги, а хараджъ (земельный и имущественный) точно также равнялся 1500000 рублей. Слѣдовательно земли эти приносили мусульманскому правительству 3000000 рублей въ годъ доходу.

⁸¹⁾ Арабскіе географы нѣсколько ошибались въ опредѣленіи направленія странъ свѣта. Въ дѣйствительности направленіе это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе упомянутыхъ земель по отношенію къ Хазарскому морю было нѣсколько иное (см. карту).

⁸²⁾ Объ этомъ соединеніи рѣки Итиль съ Константинопольскимъ протокомъ подробно говоритъ Мас'уди въ своихъ сочиненіяхъ (см. этого автора и карту).

⁸³⁾ Море Кальзумское или Кульзумъ—Черное (Красное море),

а Персидскимъ моремъ назывался нынѣшній Персидскій заливъ и прилегающая къ нему часть Индійскаго океана.

⁸⁴⁾ Островъ Сія-Кухъ (Черная гора). Островъ этотъ лежалъ въ сѣверо-восточной части Хазарскаго моря. По всей вѣроятности это нынѣшній о. Тюлений (Колалы) или часть полуострова Мангшлакъ. Мѣстность на берегу моря противъ этого острова, покрытая горами, точно также называлась Сія-Кухъ.

⁸⁵⁾ Ибн-Хаукаль называетъ Маренный островъ въ устьѣ рѣки Куры островомъ Бабъ. Другіе авторы называютъ его островомъ р. Куры, а именемъ «Бабъ» — называютъ островъ Баб-уль-Абаба, лежавшій къ сѣверу отъ Баб-уль-Абаба, по всей вѣроятности нынѣшній о. Чечень (см. карту).

⁸⁶⁾ Здѣсь нами пропущено описаніе пути вокругъ Хазарскаго моря отъ Абаскуна по восточному берегу моря.

⁸⁷⁾ У другихъ авторовъ встрѣчаются указанія на то, что дворецъ царя находился на островѣ и былъ соединенъ съ одной изъ частей города мостомъ.

⁸⁸⁾ Изъ этихъ 7 судей было: 2 мусульманскихъ, 2 іудейскихъ, 2 христіанскихъ и 1 языческій. Каждый изъ нихъ разбиралъ дѣла своихъ единовѣрцевъ, но если у нихъ попадалось трудное дѣло, то судьи обращались къ мусульманскому шаріату, какъ наиболѣе совершенному въ то время законодательному кодексу. Когда же и шаріатъ былъ безсиленъ рѣшить дѣло, то, какъ мы читаемъ ниже, рѣшалъ дѣло царь по своему разумѣнію.

⁸⁹⁾ Славянская страна Куяба—это Кіевъ. Ибн-Хаукаль упоминаетъ о трехъ племенахъ руссовъ: «Самое близкое къ болгарамъ племя, царь котораго въ городѣ, по имени Куяба (Кіевъ), и онъ больше Волгарь (города); выше ихъ племя, называемое Салавія, и царь ихъ въ городѣ Сала (быть можетъ славяне ильменскіе), и племя по имени Арсанія, царь которыхъ пребываетъ въ Арса (Рязань)».

⁹⁰⁾ Андалузійей арабы называли Испанію.

⁹¹⁾ Яджуджъ и Маджуджъ (Гога и Магога)—общее названіе варварскихъ народовъ восточной Азіи, главнымъ же образомъ китайцевъ. Въ XVIII сурѣ Корана (93—99 стихи) рассказывается о постройкѣ Александромъ Македонскимъ стѣны изъ желѣза и мѣди въ тѣснинѣ между горъ, для огражденія цивилизованныхъ (по тѣмъ временамъ) народовъ отъ вторженія Яджуджа и Маджуджа. Передъ

концомъ свѣта стѣна эта, по опредѣленію Бога, разрушится, и народы Яджуджъ и Маджуджъ наводнятъ весь міръ. Въ данномъ мѣстѣ у Ибн-Хаукаля идетъ рѣчь о Сибири, богатой пушнымъ звѣремъ.

⁹²⁾ Въ 357 г. хиджры (968 г. по Р. Хр.) руссы въ княженіе Святослава ходили походомъ на волжскихъ болгаръ и разгромили ихъ столицу.

⁹³⁾ Выраженіе: «восточный ея край, берегъ» имѣетъ только списокъ 7, и немного оно не ясно, такъ какъ трудно опредѣлить, что хотѣлъ этимъ сказать авторъ.

⁹⁴⁾ Хирхизъ — киргизы.

⁹⁵⁾ Дѣйствительно теченіе рѣки и обиліе ея водъ настолько значительно, что и въ настоящее время прѣсная вода Волги при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ доходить до прибрежной полосы, лежащей выше р. Терека, такъ что жители тамошніе даже пьютъ волжскую воду. Это сильное теченіе, сталкиваясь съ теченіемъ Терека образуетъ водоворотъ, о которомъ упоминается у Ибн-ал-Факиха. Рыбаки и въ настоящее время избѣгаютъ попадать въ этотъ водоворотъ. См. карту.

⁹⁶⁾ Семендеръ, хазарскій городъ, лежалъ на мѣстѣ нынѣшняго Петровска на берегу Хазарскаго моря. Въ 969 году онъ былъ разгромленъ Святославомъ до тла.

⁹⁷⁾ Это произошло въ 969 году. Святославъ разгромилъ тогда восточную Болгарію, Итиль и Семендеръ, при чемъ жители Итиля бѣжали на о. Сія-Кухъ, а жители Семендера на о. Баб-уль-Абваба. До Баб-уль-Абваба Святославъ въ свой походъ не дошелъ.

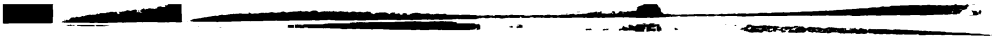
⁹⁸⁾ Хвольсонъ въ своихъ „извѣстіяхъ о хазарахъ изъ Иб-Да-ста“ (С.-Пб. 1869, стр. 62) выраженіе *من حسب قد نسجت* переводить „изъ сплоченныхъ досокъ“. Мы несогласны съ толкованіемъ Д. А. Хвольсона, такъ какъ, во-первыхъ *نسج* значить „ткачь“, а не „сплачивать“, а во-вторыхъ, на Кавказѣ въ этихъ мѣстахъ и до сихъ поръ постройки туземцевъ плетутся изъ хвороста, поэтому мы и переводимъ это мѣсто: „изъ переплетенныхъ прутьевъ“.

⁹⁹⁾ О Серирѣ см. ал-Истахрій примѣчаніе 84.

¹⁰⁰⁾ „Хосрой“ — общее имя персидскихъ царей Сассанидской династіи.

¹⁰¹⁾ О буртасахъ см. ал-Истахрій примѣч. 85.

¹⁰²⁾ Ал-Истахрій говоритъ, что такую церемонію продѣлывали

хазары съ хаканомъ при его избраніи. но мы считаемъ свѣдѣнія Ибн-Хаукаля болѣе достовѣрными, такъ какъ онъ провѣрялъ и исправлялъ труды ал-Истахрія, и его свѣдѣнія гораздо опредѣленнѣе и полнѣе.

¹⁰²⁾ Такое положеніе хакана, какъ верховнаго лица, нѣсколько походить на положеніе Далай-Ламы въ Тибетѣ.

¹⁰³⁾ Здѣсь мы выпускаемъ описаніе народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ хазаръ, каковы: Бургасъ, Болгаръ, Бусджиртъ и Русь.

¹⁰⁴⁾ Дигистантъ на восточномъ берегу Хазарскаго моря.

¹⁰⁵⁾ Этимъ и заканчиваемъ мы свѣдѣнія о Кавказѣ и прилегающихъ къ нему странахъ, имѣющіяся въ трудахъ арабскихъ географовъ IX—X вѣковъ по Р. Хр.

Пользуясь свѣдѣніями этихъ авторовъ и обильнымъ матеріаломъ по изслѣдованію Кавказа, намъ удалось составить довольно подробную карту съ указаніемъ путей, соединявшихъ населенныя мѣста этихъ странъ, которую мы и прилагаемъ къ нашему труду. Кромѣ того нами приложена карта стѣны Баб-уль-Абваба, составленная по сохранившимся въ горахъ развалинамъ этой стѣны.

Н. А. Кирзуловъ 1-ый.

ОПЕЧАТКИ

въ „Свѣдѣніяхъ арабскихъ географовъ IX и X вв. по Р. Хр.“:

<i>Стран:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
1	12	снизу познаній	познанія
7	9	„ Сайфу Довла	Сайфу-д-Доула
11	15	„ судій	судей
12	4	сверху Армянъ	армянъ
16	7	„ наподобіе	на подобіе
20	14	„ городъ Булгаръ	городъ болгаръ
24	2	снизу Мосула	Мосула
31	4	сверху Дейлима	Дейлема
51	7	„ небу	небу,
„	11	„ Франковъ	франковъ
56	9	„ въ мѣстѣ	въ мѣстѣ,
57	4	„ 118)	113)
63	7	„ низовья	низовья
„	8	„ Хорасана	Хорасана,
„	12	снизу года	года.
90	12	сверху къ мнѣ	ко мнѣ
97	9	снизу говорятъ	говорятъ,
99	3	сверху употребляютъ	употребляется у нихъ
102	10	„ его	Его
111	16	„ употреблялъ	употреблялъ
„	22	„ приходило	приходило,

Болкары на Кавказѣ¹⁾.

Этнографическій очеркъ.

I. Географическія и историческія данныя.

Въ Нальчикскомъ округѣ Терской области по ущельямъ рѣкъ Черека, Черека-тхяхо, Чегема и Баксана живетъ небольшой народъ, именующій себя „Болкаръ“ и „таулы“ (горный).

Народъ этотъ говоритъ на тюркскомъ языкѣ, много напоминающемъ кумыкскій языкъ.

Каждое изъ упомянутыхъ ущелій, идущихъ съ ЮЗ на СВ, представляетъ изъ себя длинный корридоръ, кое-гдѣ расширяющійся въ вогловину, иногда довольно значительныхъ размѣровъ (Болкарское общество); между собой ущелья эти сообщаются довольно рѣдкими и малодоступными въ иныхъ мѣстахъ перевалами. Имѣя только одинъ выходъ изъ каждаго ущелья на равнину, причемъ иногда даже совершенно недоступный въ половодье (Чегемское ущелье), народъ этотъ естественно имѣлъ мало общенія съ населяющей равнину Кабардой, еще не такъ давно враждовавшей съ болкарами.

Съ южнымъ Кавказомъ сообщеніе тоже возможно лишь лѣтомъ черезъ высокіе перевалы главнаго хребта.

¹⁾ Въ старой географической литературѣ (см. напр. у Pallas'a Voyage, I, 348—349) этотъ народъ называется *болкары* или *малкары*, а также *басцианы* или *мазианы*. Названіе «балкары» мы находимъ также въ Географическомъ Словарѣ Семенова и въ атласѣ Маркса, но сами они называютъ себя: болкаръ, а не балкаръ.

Болкары поселились главнымъ образомъ въ котловинахъ своихъ ущелій, составивъ изъ своихъ ауловъ группы, образовавшія общества.

По рѣкѣ Череку—Болкарское общество. Селенія его: Кашкатау, Чегеть, Куснарты, Мукушъ, Мухоль, Шаурдаты, Сауты, Фардыкъ, Чегеть, Кунюмъ, Ишванты, Турахабла и Тюти.

По р. Черекъ-тхяхо—Безинги и Хуламъ. Селенія Безинги: Тубенель и Шымы.

Селенія Хулама: Хуламъ, Дотуръ, Скуру, Джабой и Доутъ.

По р Чегему—Чегемское общество. Селенія: Булунгу, Орсундакъ, Содузляръ, Кымъ, Нумала, Чегемъ, Джунгу, Букмлы, Джора, Кокташъ, Гудургу, Бетыргу, Чижокъ-Кабакъ, Тызги.

По р. Баксанъ—Урусбиевское общество. Селенія: Кочкарташъ, Озрокова (Кысанты), Уллу-Камыкъ, Гиче-Камыкъ, Корхуджанъ, Эльджуртту, Джаныртала, Урусбиево, Мукунамъ, Кизиль-кѳза.

Число жителей обоого пола до 20000 человекъ.

Вѣроисповѣданіе: мусульмане сунниты.

По преданію болкары нѣкогда жили на равнинѣ въ сѣверно-кавказскихъ степяхъ, но затѣмъ, тѣснимые сильнымъ и многочисленнымъ племенемъ кабардинцевъ, принуждены были уйти въ горы вверхъ по теченію рѣкы Черекъ, Чегема и Баксана. Въ свою очередь болкары вытѣснили изъ этихъ ущелій маловоинственное племя осетинъ, заставивъ ихъ уйти въ сосѣднія ущелья къ югу на р. Урухъ. Помимо преданія доказательствомъ этого служить еще и то обстоятельство, что нѣсколько осетинскихъ селеній осталось къ сѣверу отъ болкаръ, будучи отрѣзаны отъ главной массы своего племени. Со стороны равнины у выходовъ своихъ ущелій болкары поставили башни и сѣ

успѣхомъ отражали всякую попытку кабардинцевъ проникнуть въ горы.

Судя по имени „Болкаръ“ можно предположить, что народъ этотъ представляетъ изъ себя осколокъ великаго болгарскаго народа, жившаго по Волгѣ и продвинувшагося по южной Россіи до Балканскаго полуострова.

Изолированность этого народа, благодаря замкнутости со всѣхъ сторонъ горами и враждѣ съ сосѣдями, сохранила во всей полнотѣ и чистотѣ ихъ языкъ, нравы и типъ, да и въ настоящее время по трудности доступа въ горы туда мало кто проникаетъ, а слѣдовательно и вліянія со стороны сосѣдей въ значительной степени быть не можетъ.

Необходимо отмѣтить только, что въ Болкарскомъ обществѣ по р. Черему въ языкѣ болкаръ замѣтно вліяніе осетинскаго говора съ характернымъ прицокиваніемъ и пришепетываніемъ, свойственнымъ осетинскому языку. Вліяніе это зависитъ отъ того, что здѣсь болкары непосредственно соприкасаются съ осетинами и имѣютъ съ ними сношеніе. Что же касается говора Безинги, Хулама, Чегема и Баксана, то онъ вполне сохранилъ всѣ свои особенности и отличительныя свойства.

Сосѣди Болкаръ: сванеты (ілзѣ), мингрельцы (марѣан) и абхазцы (кызыл-бек) за главнымъ хребтомъ, осетины (дігор)—къ югу, карачај (говорятъ языкомъ, родственнымъ болкарамъ)—къ сѣверу и кабардинцы (чѣркѣс)—къ востоку на равнинѣ.

Болкары заселяютъ свои ущелья сплошь и другихъ народностей между ними нѣтъ. Они часто воевали съ карачаевцами и кабардинцами, а также часто дѣлали набѣги за главный хребетъ въ Сванетію, откуда всегда привозили много добычи.

Къ посѣщающимъ ихъ иноземцамъ болкары относятся

съ большимъ радушіемъ и привѣтливостью, прилагая всевозможныя заботы къ тому, чтобы доставить наиболѣе удобства своимъ гостямъ.

Ни услугъ, ни добраго отношенія къ нимъ болгары не забываютъ, и вниманіе къ одному болгарцу вызываетъ отвѣтное вниманіе цѣлаго общества. Между собой они живутъ очень дружно.

Общественный строй этого народа аристократическій. Во главѣ стоятъ князья (таубіі), имъ подчиняются дворяне (џдѣп) и крестьяне (кулла).

Въ настоящее время у болгаръ крѣпостного права не существуетъ, но было время, когда существовало рабство съ куплей-продажей. Въ рабы обращались также плѣнные, приводимые изъ набѣговъ.

Тѣмъ не менѣе вліаніе таубіевъ на общественную жизнь до сихъ поръ весьма значительное и авторитетъ ихъ въ глазахъ народа высокъ, хотя очень многіе крестьяне живутъ вполне независимо и имѣютъ свое имущество. Бѣднѣйшіе изъ крестьянъ живутъ при таубіяхъ, работаютъ на нихъ и получаютъ за свою службу жилище и одежду. Преданность низшихъ классовъ высшимъ выдающаяся.

Земли принадлежатъ по большей части княжескимъ фамиліямъ, но есть и во владѣніи сельскихъ обществъ.

Свои земли князья отдаютъ въ аренду изъ $\frac{2}{5}$ дохода, будь то посѣвъ или покосъ; отдается въ аренду на тѣхъ же условіяхъ и скоть.

Княжескія фамиліи:

Болгарія: Абаевъ, Айдебуловъ, Мисаковъ, Шахановъ, Біевъ, Амирхановъ, Жаноковъ и Жанхотовъ.

Хуламъ: Шакмановъ.

Безинги: Суншевъ.

Чегемъ: Кучуковъ, Баресбіевъ и Болгароковъ (одного рода), и Келеметовъ.

Урусбій (Баксанъ): Урусбиевъ.

II. Антропологическія свѣдѣнія.

Болкары видный, красивый и рослый народъ. Тѣлосложеніе плотное. Люди отличаются крѣпкимъ и выносливымъ здоровьемъ. Работа на горномъ воздухѣ, охота, хожденіе по горамъ—это все закалило народъ и выработало въ немъ значительную физическую силу.

Ростъ мужчинъ выше-средній, и даже высокій, а женщинъ—средній. Преобладающій цвѣтъ волосъ темно-русый, почти черный. Глаза по преимуществу каріе. Населеніе отличается громкимъ высокаго тона голосомъ, острымъ зрѣніемъ и тонкимъ слухомъ. Говорятъ медленно. Походка ровная и спокойная. Почти всѣ ходятъ съ палками и любимая поза—стоять, опираясь на эту палку. Сидятъ на корточкахъ или на низкихъ скамейкахъ, опираясь локтями на колѣни.

Средняя таблица антропометрическихъ данныхъ на основаніи произведенныхъ измѣреній.

Возрастъ: отъ 25—30 лѣтъ.

Вѣроисповѣд: мусульманство.

Занятіе: скотоводство, хозяйство, охота.

Цвѣтъ лица: смуглый.

Глаза: каріе, встрѣчаются сѣрые.

Волоса: темно-русые, почти черные.

Тѣлосложеніе: плотное.

Общій видъ: здоровый.

Лобъ: высокій, прямой.

Скулы: слегка выдающіяся.

Носъ: большой съ горбиной.

Уши: среднія, слегка оттопыренные.

Губы: среднія.

Размѣръ рта: 5.2 сант.

Зубы: ровные, бѣлые съ легкой желтизной.

Икры (обхватъ): 36.1 сант.

Измѣренія черепа въ сантиметрахъ.

1. Передне-задній діаметръ.	18.36 ¹⁾
2. Діаметръ ширины	16.15 ²⁾
3. Діаметръ высоты.	15.00
4. Горизонтальный обхватъ.	56.77
5. Сагитальный обхватъ.	34.41
6. Вертикальный обхватъ	36.12
7. Высота лба	6.64
8. Наименьшая ширина лба.	11.23
9. Длина лица	19.22
10. Наибольшая ширина лица	12.20
11. Разстояніе между внѣшними углами глазъ. .	10.36
12. Разстояніе между внутренними углами глазъ.	3.14
13. Глазницы: а) продольный разрѣзь	3.66
б) поперечный разрѣзь	2.85
14. Длина носа	5.54
15. Ширина нижней челюсти.	10.24

Измѣреніе туловища и конечностей въ сант.

1. Ростъ	170.94
2. Высота наружн. слухов. отверстія отъ пола.	158.20
3. Высота акроміона отъ пола.	141.02
4. Длина плеча	34.86
5. Длина предплечья.	27.96
6. Длина средняго пальца	11.78
7. Длина бедра	40.10
8. Длина голени	39.36
9. Высота 7-го шейн. позвонка отъ пола .	146.20
10. Высота верхней ч. грудной кости отъ пола.	140.94
11. Высота копчиковой кости отъ пола	89.57

¹⁾ и ²⁾ Такимъ образомъ получается головной указатель 866, указывающей на рѣзкую брахицефалію этого народа.

12. Ширина плечъ	40.97
13. Обхватъ груди	91.00
14. Диаметръ таза	33.75
15. Обхватъ запястья	17.60
16. Обхватъ писти	22.00
17. Длина стопы	26.50

III. Жилище и его принадлежности.

Жилища болкаръ расположены селеніями и хуторами. Домъ (у) представляетъ изъ себя четырехугольную продолговатую постройку, сложенную изъ камней и иногда обмазанную глиной, съ плоской крышей. Дома строятъ также и изъ бревенъ или изъ жердей (турлукъ). Комнатъ бываетъ 1—3. Въ каждой комнатѣ 1—2 окна, теперь по преимуществу рамы со стеклами. По стѣнамъ стоятъ сундуки и лежатъ постели; у богатыхъ есть кровати. Убранство комнатъ простое. На стѣнахъ оружіе и конское снаряженіе. Кромѣ того въ комнатѣ устраивается очагъ съ прямой трубой, выдающейся надъ крышей и прикрываемой плетенымъ изъ прутьевъ кружкомъ. Теперь устраиваютъ и голландскія печи, а также кроютъ крыши желѣзомъ.

Тутъ же въ комнатѣ стоитъ круглый столъ на трехъ ножкахъ высотой до $\frac{3}{4}$ арш. и небольшія треногія скамейки до $\frac{1}{2}$ арш. высотой.

Посуда: котлы и котелки изъ красной мѣди въ формѣ усѣченного конуса, въ которыхъ жарятъ и варятъ. Мясо жареное и вареное для ѣды выкладываютъ прямо на столъ, и ѣдятъ пищу руками. Жидкую пищу пьютъ изъ чанавовъ, вырѣзанныхъ изъ древесныхъ напльвовъ въ формѣ овальной чашки съ кольцеобразной ручкой.

Посуда эта изготовляется мѣстными мастерами. Последнее время у болкаръ появились самовары, стаканы,

тарелки и даже вилки, которые подаютъ гостямъ, но сами они попрежнему управляютъ руками и ножемъ.

Для домашнихъ хозяйственныхъ орудій и оружія употребляется желѣзо и сталь, а утварь (котлы, кувшины для воды, кумганы) готовится изъ красной мѣди. При поѣздкахъ воду и айранъ возятъ въ возыхъ мѣхахъ (бурдюки).

Въ прежнее время были у болгаръ хорошіе оружейные мастера, но теперь они встрѣчаются очень рѣдко.

IV. Одежда.

Вся одежда готовится изъ мѣстной домашней ткани, хотя теперь, благодаря предприимчивымъ торговцамъ, въ Болгарію все болѣе и болѣе проникаетъ фабричный кра- сный товаръ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ шароваръ, рубахи и бешмета. Сверху надѣвается черкеска и подпоясывается ремненнымъ поясомъ съ серебрянными пряжками и кинжаломъ. Покрытой одежды обще-кавказской. Зимой и лѣтомъ на головѣ болгары носятъ овчиную папаху, а въ дурную погоду надѣваютъ башлыкъ и бурку. Лѣтомъ кромѣ того многіе носятъ мягкіе тонкаго войлока колпаки съ широкими полями, а зимой поверхъ черкески надѣваютъ шубу изъ выдѣланныхъ, квашеныхъ, но не дубленыхъ, шкуръ, безъ pokrышки.

Существуетъ у болгаръ способъ обработки кожъ посредствомъ желѣзнаго купороса, залежи котораго въ значительномъ количествѣ находятся въ ущельи р. Чегема. Кожы эти употребляются на конское снаряженіе.

На ноги обуваютъ два рода обуви: 1) чевяки — изъ козловой кожи, выдѣланной и крашеной въ черный цвѣтъ — съ подошвами изъ сыромятной кожи, и 2) чабыры — изъ хорошо промятой сыромятной кожи съ плетеной изъ ремешковъ подошвой. Последняго рода обувь употребляется для

хожденія по горамъ, такъ какъ не скользятъ по камнямъ, а цѣпляется своей подошвой.

Въ чабыры для мягкости кладутъ вмѣсто чулка особый родъ травы. Зимой болкары надѣваютъ на ноги еще теплые шерстяные чулки домашняго изготовленія.

Женскій костюмъ состоитъ изъ рубахи, широкихъ шароваръ до щиколокъ и бешмета, подпоясаннаго широкимъ поясомъ съ серебрянными украшениями. На ногахъ мягкія чевяки, а на головѣ платокъ. Груды дѣвушекъ съ 10 лѣтъ забинтовываются и не растутъ. Бинты, прочно зашитые, разрѣзаются женихомъ послѣ свадьбы, но груди на всю жизнь остаются слабыми, и млечныя желѣзы функционируютъ слабо. Последнее время у крестьянъ замѣчается пренебреженіе этимъ обычаемъ.

Мужчины стригутся и брѣются; женщины и дѣвушки носятъ косы.

У. Пища и питье.

Въ пищу болкары употребляютъ прѣсныя пшеничныя или ячменныя лепешки (ѣтмѣк), печенія въ горячей золѣ; мясо (ѣт) зимой ѣдятъ почти каждый день. Въ пищу идетъ баранина, говядина, конина и турятина, а кромѣ того, разнаго рода птица, молоко (сѹт), овечій, коровій и козій сыръ (бішлѣк), сало, масло (цаѹ), картофель (картѳ), кумысъ — рѣдко, айранъ (кислое молоко съ водой), кефир (бопы), пиво ячменное (сра), буза изъ проса (тѹ), яйца (цамурткѣ), соль (туз), перецъ, рѣдька, лукъ, чеснокъ и др.

Болкары ежедневно ѣдятъ хлѣбъ, сыръ, молоко и овощи, зимой мясо. Богатые люди ѣдятъ мясо круглый годъ.

Мясо употребляется жареное (курулѣан ѣт) и вареное (бішгѣан ѣт). При варкѣ мясо кладется прямо въ кипящую воду, а затѣмъ его ѣдятъ съ приправой, называемой „туз-лѹк“ (кислое молоко съ солью и тертымъ чеснокомъ).

Бульонъ мясной называется „шорпа“. Жарится мясо въ котелкахъ на маслѣ или на курдючномъ салѣ.

Соль употребляютъ исключительно каменную.

Въ день бываетъ два главныхъ момента ѣды: въ полдень—обѣдъ (ахсѹт) и вечеромъ—ужинъ (ушхуур), но кромѣ того ѣдятъ, когда приходитъ желаніе, и ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ. Бываетъ, что за ѣду принимаются до шести разъ въ день.

Порядокъ кушаній за обѣдомъ слѣдующій: вареное мясо, жареное мясо и шорпа. Между кушаньями пьютъ айранъ.

Самымъ почетнымъ кускомъ считается голова (баш) и лопатка (цаурѹн) барана. Ухо отъ головы отрѣзывается и дается младшему изъ присутствующихъ.

Въ пищу употребляются всѣ части животнаго.

Свинину и медвѣжатину не ѣдятъ.

Мясо, сало и сыръ коптятъ и солятъ, дѣлая заготовки въ прокъ.

Въ сыромъ видѣ употребляютъ овощи; картофель и кукурузу варятъ и жарятъ. Кромѣ того ѣдятъ ягоды и фрукты въ свѣжемъ и сухомъ видѣ.

Мѣстные плоды носятъ слѣдующія названія:

барбарисъ—тѹртѹ (морсъ изъ него—мурзаѹ),
костяника—дѣгнѣл,
малина—нанѣк,
брусника—шхѣлд,
яблоко—алмѣ,
груша—кѣртмѣ,
персикъ—шѣптѣл,
вишни—бѣлли,
орѣхъ—чартлаѹк,
шишки—кушхамыш.

Кромѣ того встрѣчается у нихъ корень, называемый

баш-пармак (пять пальцев); по формѣ онъ похожъ на растопыренные пальцы руки и употребляется для привлеченія любви.

Женщины за общимъ столомъ не присутствуютъ и ѣдятъ отдѣльно. Точно также въ присутствіи гостей младшіе члены семьи стоятъ около, но въ ѣдѣ участія не принимаютъ.

Куреніе табаку очень распространено, но пьянства нѣтъ.

При питьѣ употребляются по адресу хозяина слѣдующія выраженія:

Аллаһ ахшілік берсин! (Да подастъ Богъ добро).

Бу чыккан ۇ бај болсын! (Изъ этого дома да будетъ богатъ).

Саў бол! (Будь здоровъ).

VI. Бытъ и занятія.

Дикая и суровая природа не могла не повліять на бытъ и занятія болгаръ. Живутъ они осѣдло и главнымъ образомъ занимаются скотоводствомъ, коневодствомъ и овцеводствомъ. Обиліе дичи въ горахъ содѣйствовало развитію охоты, но среди болгаръ занимаются этимъ промысломъ отдѣльныя личности. Охотятся на туровъ, козъ, зайцевъ и разную птицу. Рыболовство развито слабо. Рыбу ловятъ удочками. Водится въ горныхъ рѣчкахъ преимущественно форель (чабак).

Для охоты пользуются ружьями новыхъ образцовъ, но употребляютъ и старыя кремневки.

Домашія животныя: волъ (огуз), корова (инак), лошадь (ат), мулъ (кадър), ишакъ (ишак)—мелкая порода осла, баранъ (кој), собака (ет) и кошка (кыштык).

Домашній скотъ ходитъ на пастбище самъ.

Недостатокъ земли, удобной для пахоты, суровость климата, не всегда позволяющая рассчитывать на удачный урожай, и отличная питательная низкорослая трава способство-

вали развитію скотоводства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Весьма многіе имѣютъ стада барановъ, доходящія до нѣсколькихъ тысячъ головъ. Подъ охраной пастуховъ и собакъ эти стада круглый годъ переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Для защиты стадъ отъ звѣря и болѣзней употребляютъ молитвы, преимущественно отрывки изъ Корана.

Скотъ лечатъ знахари (кан-устѣ) отъ разныхъ болѣзней кровопусканіемъ; главнымъ образомъ это средство употребляется отъ чахотки. Отъ укуса змѣй лечатъ заклинаніями, но ихъ рѣдко кто знаетъ.

Для увеличенія удоя молока читаютъ молитвы или вѣшаютъ на шею коровы старыя чабыры.

Выхлациваніемъ животныхъ занимаются нѣкоторые знающія лица; искусство это передается преимущественно отъ отца къ сыну, у кого легкая рука, и держится въ одной фамиліи. Надъ самками подобныхъ операций не производится.

При совершеніи операціи никакихъ заклинаній не произносится и обрядовъ никакихъ не совершается. Совершается она просто: жилку перекручиваютъ и обрываютъ, но не отрѣзываютъ.

Термины половыхъ сношеній людей и животныхъ одинаковы.

Обращеніе съ животными довольно безцеремонное, но хорошую лошадь хозяинъ подбодряетъ: ару-ару, тпрсѣ! а на злонравную и прикрикиваетъ: гауръ оурсѣз! На собакъ, чтобы отстали, кричатъ: ырр!

Коневодство стоитъ тоже довольно высоко. Сортъ болгарской лошади очень хорошій, она неприхотлива и вынослива, не невысокаго роста. Крѣпкое небольшое копыто очень цѣпко, и лошади эти незамѣнимы въ горахъ. Однако влеченіе къ кровнымъ производителямъ немного испортило уже эту породу.

Болкары передвигаются пѣшкомъ или верхомъ. Възять также на ишакахъ. Телѣгъ и аробъ нѣтъ въ виду неудобопроходимости дорогъ. Въ Болкаріи по Череку употребляются арбы, но довольно рѣдко.

Имущество свое бѣдный носить, а богатый возить во вьюкѣ. Нерѣдко тяжести носятъ женщины, но если женщина не въ силахъ, то болкарецъ тяжесть несетъ самъ.

Черезъ рѣки переправляются преимущественно вбродъ, но если это бываетъ трудно, то строятъ мосты безъ устоевъ, такъ какъ устои не выдержали бы половодья во время дождей.

Постройка мостовъ производится довольно просто: на обоихъ берегахъ кладутъ рядъ бревенъ, слегка нависающихъ съ берега надъ водой, на него кладутъ другой рядъ поперекъ, затѣмъ опять рядъ еще болѣе выдвинутый надъ водой, на него снова поперечный рядъ и т. д., пока не сойдутся концы бревенъ съ обоихъ береговъ. Послѣ того настилаютъ еще рядъ, усыпаютъ щебнемъ и землей, и мостъ готовъ. Такіе мосты, въ формѣ арки, очень крѣпки и долговѣчны. Въ горахъ и вдоль рѣки сообщеніе по тропамъ, нерѣдко идущимъ по узкимъ карнизамъ.

Мѣстность, весьма удобная для скотоводства, въ то же время является очень неудобной для земледѣлія. Малоодступность горныхъ лужаекъ, суровость климата и кратковременность лѣта даетъ мало надежды на удачный урожай, а поэтому земледѣліе развито очень слабо. Сѣютъ только яровыя хлѣба: ячмень, кукурузу, овесъ (зентха), пшеницу (будај) и картофель. Пашутъ самодѣльными плугами, сѣютъ, а затѣмъ пускаютъ на ниву воду, нерѣдко проведенную за нѣсколько верстъ. Орошеніе полей поставлено хорошо, и каждый хозяинъ внимательно слѣдитъ за своимъ полемъ, вовремя пуская и отводя воду. Ссоръ изъ-за воды между сосѣдями не бываетъ. Обыкновенно сѣютъ въ концѣ марта,

а снимають жатву черезъ четыре мѣсяца. Для сбереженія посѣвовъ никакихъ мѣръ не принимаютъ. Вредныхъ животныхъ убиваютъ водой, а противъ жучковъ средствъ у болгаръ нѣтъ.

Сжавъ хлѣба, ихъ связываютъ въ снопы (цук), а затѣмъ складываютъ въ копна (гѣбан). Работа возлагается преимущественно на женщинъ. При жнитвѣ стараются становиться спиной къ вѣтру. Хлѣбамъ вызрѣвать окончательно не даютъ, чтобы не сорить зерно при перевозкѣ. Плодоперемѣннаго хозяйства за неизмѣнимъ мѣста не примѣняютъ, но поля старательно удобряютъ.

Плугъ и серпъ (подобный русскому) издѣлія мѣстныхъ мастеровъ, а косы покупаютъ на равнинѣ. Прежде и косы были самодѣльные обоюдоострыя, такъ что ими косили, перемѣняя руку и проходя два раза по одному и тому же мѣсту.

Молотятъ быками по кругу, привязывая одинъ конецъ ремня, соединяющаго всѣхъ быковъ, къ колу, вбитому въ центръ тока. На быкахъ же и пашутъ. Огороды весьма рѣдки; сады устраиваютъ въ глубокихъ котловинахъ, защищенныхъ отъ вѣтровъ. Есть персики, вишни, но яблоки не вызрѣваютъ, а груши привозятъ въ сушеномъ видѣ изъ-за главнаго хребта.

Главныя занятія мужчинъ пасти скоть, ѣздить въ лѣсъ за дровами и охотиться. Лѣтомъ работаютъ на поляхъ, а зимой занимаются выдѣлкой посуды, земледѣльческихъ орудій и оружія.

Спеціально женскія занятія, кромѣ полевыхъ, шитье, пряжа, тканье, приготовленіе пищи и одежды и выдѣлка кожъ.

Денегъ своихъ у болгаръ нѣтъ. Торговля всегда была мѣновая. вмѣсто денегъ и теперь еще употребляютъ скоть, зерно и кожи. Въ настоящее время распространяются рус-

скія деньги: рубль (сом), 20 коп. (абаз) и 5 коп. (шај). Къ болкарамъ ввозятъ красный товаръ и разныя хозяйственныя вещи. Болкары продаютъ свои издѣлія, кожи и продукты своего хозяйства, а также и женскія рукотдѣлія.

Мѣра длины: *кары* (3 кары = 2 аршина). Вѣшаютъ, прикидывая на руку. Если сойдутся въ цѣнѣ, то берутъ. Теперь входятъ въ употребленіе русскія мѣры.

• Для сыпучихъ тѣлъ мѣра *сан* = 3 русскимъ мѣрамъ.

Шерсть одного барашка даетъ мѣру шерсти: *дун*.

Границы полей и лѣсовъ опредѣляются на глазъ.

Годъ — *цыл*, мѣсяць — *ај*, недѣля — *јак*, день — *вун*, часъ — *сазат*. Часы употребляютъ съ арабскими цифрами, но они рѣдко у кого есть. Обыкновенно опредѣляютъ время по солнцу и тѣни камней.

Лѣтосчисленіе мусульманское.

Система счисленія десятичная. На молитвѣ считаютъ по пальцамъ. Считаютъ и по парамъ, но преимущественно барановъ, для скорости.

Дѣти задаютъ другъ-другу загадки (ал-бер, букв: возьми-дай).

VII. Семейные нравы и обычаи.

У болварь довольно сильно развито чувство любви женщины къ женщинѣ, которая пользуется большимъ уваженіемъ, но при людяхъ ее ласкать и оказывать ей вниманіе не принято. Мужъ при чужихъ, по обычаю, какъ бы не замѣчаетъ своей жены, но наединѣ болкары очень внимательны къ женамъ.

Женщины болкарскія обыкновенно заняты домашними и полевыми работами, но у таубіевъ въ полевыхъ работахъ женщины не участвуютъ. Вообще болкарскія женщины весьма трудолюбивы и даже, отправляясь по дѣлу или въ гости въ сосѣднее селеніе, онѣ не выпускаютъ изъ рукъ пряжи.

За жену платятъ калымъ, причемъ сильно торгуются, хотя калымъ, за исключеніемъ спеціальныхъ подарковъ тестю и тещѣ, идетъ въ приданое женѣ. Цѣнность калыма различна по сословіямъ.

Цѣломудріемъ жены дорожатъ, а въ случаѣ измѣны мужъ прогоняетъ жену отъ себя, и она не пользуется уваженіемъ. Впрочемъ такихъ случаевъ почти и не бываетъ. Замужь берутъ преимущественно съ согласія родителей и невѣсты, но прежде согласія невѣсты не требовалось. Невѣсту похищаютъ даже при согласіи родителей. Отцу ея платятъ калымъ, а матери подносятъ подарокъ за покражу. О похищеніи сговариваются, но раньше происходили и насильственные похищенія, вызывавшія между семействами жениха и невѣсты сильную вражду.

У болкарь существуютъ и свахи. Сватанье заключается въ томъ, что женихъ присылаетъ уговариваться съ отцомъ невѣсты своихъ родственниковъ. Если сойдутся въ калымѣ, то дѣло считается улаженнымъ. Когда женихъ состоятельный и можетъ уплатить калымъ немедленно, то сватовство долго не затягивается; въ противномъ случаѣ иногда проходитъ до 2-хъ лѣтъ, пока женихъ соберется со средствами и приготовитъ требуемый калымъ

По уплатѣ калыма женихъ присылаетъ дружку со свитой за невѣстой, а самъ скрывается.

Дружко является въ домъ отца и беретъ невѣсту, причемъ отецъ невѣсты угощаетъ гостей; при выводѣ невѣсты за дверь родителямъ ея необходимо сдѣлать подарки. Присутствующія женщины стараются обрѣзать дружку полу черкески, но онъ долженъ не допустить этого. Дружко со свитой беретъ невѣсту къ себѣ въ сѣдло и везетъ къ жениху. Во время свадьбы дружко прислуживаетъ невѣстѣ.

По пути поютъ свадебную пѣсню съ припѣвомъ: „ва Ридада!“, въ которой восхваляются доблести и добродѣтели

кабардинской героини Редеди, побѣдившей въ единоборствѣ русскаго князя Мстислава Тмутораканскаго и бывшей образцовой женой и матерью.

По привозѣ невѣсты въ домъ жениха начинается свадьба, продолжающаяся иной разъ 2—3 недѣли въ зависимости отъ средствъ жениха; свадьба представляетъ изъ себя сплошной пиръ съ танцами подѣ звуки рожка (сабызъ) или скрипки (кобузъ) съ пристукиваньемъ небольшими дощечками въ тактъ.

Во время свадьбы невѣста одариваетъ свекра и свекровь своими рукодѣліями, лентами, тесьмами и мыломъ, а женихъ даритъ тестю лошадь и тецѣ кусокъ шелковой матеріи или платокъ, а то и попроще что-нибудь. Женихъ скрывается до поднесенія этихъ подарковъ, а послѣ этого ему разрѣшается обычаемъ показываться днемъ. Къ невѣстѣ онъ ходитъ ночью. На второй день свадьбы молодую одариваютъ родственники жениха преимущественно мелкимъ и крупнымъ скотомъ; придапаго, кромѣ калыма, хранящагося неприкосновеннымъ, не бываетъ, хотя родственники молодой одариваютъ ее скотомъ и домашней утварью.

Договоръ заключаетъ мулла, и скрѣпляется онъ подписью обѣихъ сторонъ. Такъ какъ невѣсту до привода въ домъ женихъ не видитъ, то ее могутъ и подмѣнить, но въ случаѣ такого обмана возникаетъ кровная вражда.

Лучшимъ и счастливѣйшимъ днемъ для совершенія свадьбы считается пятница. Свадьбы чаще устраиваютъ зимой.

По истеченіи года молодая ѣздитъ въ гости къ своимъ родителямъ и возвращается отъ нихъ опять съ подарками.

Если во время свадьбы идетъ дождь или снѣгъ, или вообще переменная погода, то надъ молодыми шутятъ, говоря, что кто-то изъ нихъ чугунъ лизалъ (чѣгѣн цалазан). Ночью въ комнату молодыхъ молодежь иногда опускаетъ въ

мѣшкѣ черезъ дымовую трубу къ крыши вмѣстѣ кошку и сабаку, производящихъ адскій гвалтъ, чѣмъ заставляютъ жениха откупаться. При подозрѣніи, что молодого испортилъ колдунъ, мулла пишетъ на бумажкѣ молитвы и вѣшаетъ ихъ ему на шею или, смывъ водой написанное, даетъ ему эту воду выпить. О предстоящемъ богатствѣ и будущемъ поѣтомствѣ молодыхъ гадаютъ по лопаткѣ барашка (цаурѹн). Въ случаѣ похищенія невѣсты безъ согласія родителей совершается сначала примиреніе черезъ третье лицо.

Дѣтей родители ласкаютъ и занимаются ихъ воспитаніемъ. Дѣти, въ свою очередь, относятся съ большимъ почетомъ къ родителямъ и всегда имъ подчиняются. Даже жениться безъ одобренія отца сынъ не можетъ. Старшинство соблюдается особенно внимательно. Старшему первый привѣтъ, лучше кусокъ и мягче постель.

Болкары очень любятъ поговорить и обмѣняться новостями. Всякое новое лицо собираетъ цѣлую толпу любопытныхъ. Ни одного путника не пропуститъ болкарецъ, чтобы не привѣтствовать и не спросить: „кажда барасын“ (куда идешь?).

Новости передаются съ коша на кошь со скоростью телеграфа. Въ разговорѣ болкары внимательны къ говорящему. Память развита хорошо.

Дружба крѣпка и долговѣчна.

Особенно высоко стоитъ гостепріимство.

У каждаго мало-мальски состоятельнаго болкарца есть особая кунацкая комната, куда можетъ заѣхать всякій проезжающій. Хозяинъ, получивъ извѣстіе, что прибылъ гость, идетъ къ нему самъ, слуги несутъ столъ съ угощеньемъ, готовятъ постели, а для услугъ назначается кто-либо изъ домашнихъ. Обѣдаетъ съ гостями самъ хозяинъ или присылаетъ старшаго сына. Между гостями тоже наблюдается

старшинство, но свой, хотя бы и старшій, считается ниже гостя. Гость одного считается гостемъ всей фамиліи.

Нищихъ среди болгаръ нѣтъ. Бѣдные живутъ въ работникахъ у богатыхъ, отъ которыхъ получаютъ жилище, пищу и одежду, а хозяинъ оказываетъ имъ всякое покровительство и заботу.

Къ оскорбленіямъ болгарцы очень чувствительны. Ложь и пустословіе у нихъ порицается.

Письмо употребляется арабское, но грамотныхъ не много.

Для мѣтки лошадей употребляется тавро (тамѣа), прикладываемое въ ляжкѣ лошади. При раздѣлѣ семьи тавро не измѣняется.

Среди болгаръ распространено искусство вырѣзывать изъ дерева. Синій, сѣрый и зеленый цвѣта они различаютъ слабо.

Таблицу тавръ мы прилагаемъ къ нашему очерку.

Н. А. Карауловъ 1-й.

Объясненія къ таблицѣ.

Тамги болгарскія:

Чегемъ:	№ 1 — тауби Баресбиевы.
	№ 2 — тауби Кучуковы.
	№ 3 — тауби Болкироковы.
	№ 4 уздени Мамашевы.
	№ 5 — тауби Келеметовы.
	№ 6 — уздени Ахматовы.
Хуламъ:	№ 7 тауби Шахмановы.
Везниги:	№ 8 — тауби Сушиевы.
Урусбій:	№ 9 — тауби Урусбиевы.
Болгарія:	№ 10 — тауби Абаевы.
	№ 11 — тауби Айдебуловы.
	№ 12 — тауби Мисиковы.
	№ 13 — тауби Шахановы.
	№ 14 тауби Биевы.
	№ 15 — тауби Амирхановы.
	№ 16 — тауби Жанхотовы.
	№ 17 — тауби Жанокковы.
	№ 18 — уздени Кудасевы.
	№ 19 — чанка Бекировы.
	№ 20 — чанка Тудуевы.

Позднѣйшія тамги:

Урусбій:	№ 21 — Озроковы.
Хуламъ:	№ 22 — Муллаевы.

Тамъ для рогатаго скота нѣтъ; овечь мѣтятъ на ушахъ, разръзая ихъ или вырѣзая прямо или полукругомъ часть, но фамильных мѣтокъ нѣтъ. Прочихъ своихъ издѣлій и имущества болгары не мѣтятъ.

ГАГРЫ.

Есть пять тому назадъ на Кавказскомъ берегу Чернаго моря со сказочной быстротой стали возникать и обстраиваться новый климатическій курортъ — Гагры, своимъ появленіемъ на свѣтъ и своимъ благоустройствомъ всецѣло обязанный мысли и неутомимой энергіи Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Мѣстечко Гагры находится въ Черноморской губерніи подъ $43^{\circ} 19' 30''$ сѣверной широты и $57^{\circ} 43' 20''$ восточной долготы (отъ 1-го меридіана ¹⁾).

Главный Кавказскій хребеть, удалившійся здѣсь отъ моря верстѣ на 40, отъ большого скалистаго горнаго узла, служащаго водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ Мзымты, Бзыби и Кубани и находящагося между перевалами Аишха и Ахбырць, отдаетъ крупный отрогъ, тянущійся въ направленіи къ юго-западу.

На пути своемъ этотъ хребеть отдаетъ отъ себя второстепенныя вѣтви, — сначала довольно значительный по величинѣ Ажгинскій хребеть съ вершиною Аипста (10'669 фут.), направляющійся къ сѣверо-западу въ Черноморскую губернію, параллельно Главному хребту; далѣе, отъ горнаго узла Хагъ (около 9'000 фут.) отходитъ въ томъ же направленіи хребеть Кацырха съ вершиною Ахахча (6'461 фут.); отъ узла Хагъ главный отрогъ поворачиваетъ нѣсколько на

¹⁾ Широта и долгота заимствована нами изъ таблицъ метеорологическихъ наблюденій, полученной нами отъ наблюдателя въ м. Гаграхъ Ю. Ф. Войтика.

югъ до горнаго узла Арабика съ вершиною того же имени (8 729 фут.), служащаго исходнымъ пунктомъ для двухъ уже менѣе значительныхъ хребтей—одинъ, хребетъ Мамздышха съ двумя вершинами того же имени ¹⁾ продолжается въ южномъ направленіи и, мало-по-малу понижаясь, оканчивается у мѣста выхода рѣки Бзыби на прибрежную равнину, верстахъ въ 12 отъ ея устья; другой же хребетъ, Люкицвоху, съ вершиною Ахудары, служащій водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ Жоэвары и Хошупсе, направляется къ юго-западу и отдаетъ отъ себя вѣтви,--къ западу Зырху и продолженіе его Цыгоху (по бывшей границѣ Черноморской губерніи и Сухумскаго округа), къ юго-западу Жоэварскій хребетъ, и нѣсколько между ними малыхъ хребтовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими, но глубокими ущельями рѣкъ: Анахомста, Чигиришъ, Охореско, Ахій-абаквара-эвара и другихъ. Отъ хребта Мамздышха отходитъ также нѣсколько овраговъ въ юго-западномъ направленіи: Гагринскій, Мамздышскій или Ново-Гагринскій и нѣсколько другихъ, болѣе мелкихъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга ущельями рѣчекъ Гагришъ, Цихерса и проч. Горные отроги между рѣчкой Жоэварой (отдѣляющей отроги хребта Люкицвоху отъ отроговъ Мамздышхи) и Бегерепстой („Холодной рѣчкой“, находящейся къ сѣверу отъ хребта Цыгоху въ Черноморской губерніи) доходятъ непосредственно до самаго моря и круто обрываются съ высоты около 1500—2500 фут. прямо въ море, не оставляя совершенно низменной береговой полосы и образуя такъ называемую „Гагринскую тѣснину“. У устья рѣчки Жоэвары хребетъ отходитъ нѣсколько дальше отъ моря (сажней на 60—100), и здѣсь, противъ Гагринскаго, Гагришскаго, Мамздышскаго хребтовъ образуется неширокая береговая полоса, постепенно расширяющаяся по направленію къ югу

¹⁾ 1-я или М. Мамздышха—6185 ф., 2-я или В. Мамздышха—6475 ф.

въ рѣкѣ Бзыби и доходящая здѣсь верстѣ до 8—10 и даже 12 въ ширину.

Почти все пространство, заключенное между отрогами горнаго узла Арабика въ размѣрѣ 13'000 десятинъ, принадлежитъ Гагринской климатической станціи. Самые же Гагры расположены отчасти на мѣстѣ бывшаго укрѣпленія на прибрежной равнинѣ, противъ ущелья рѣки Жюэквиры, отчасти по самому ущелью, а также по крутому склону къ морю Гагринскаго хребта, гдѣ въ настоящее время устроены двѣ гостиницы и разбиты участки, предназначенные для продажи частнымъ лицамъ. Здѣсь выстроено также нѣсколько дачъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Склонъ къ морю „Гагринской тѣснины“ также предназначенъ къ раздѣленію на участки для продажи частнымъ лицамъ. Далѣе на югъ, за рѣчку Гагрипшемъ, имѣются участки, на которыхъ уже выстроено нѣсколько дачъ какъ на прибрежной полосѣ земли, такъ и на склонѣ Гагрипскаго хребта къ морю. Въ 5 верстахъ отъ бывшаго укрѣпленія къ югу, за рѣчкой Цихервой, образовался цѣлый поселокъ подъ названіемъ „Новыя Гагры“, состоящій въ настоящее время изъ духановъ, нѣсколькихъ кофейнъ, постоялыхъ дворовъ, десятка лавокъ и нѣсколькихъ дачъ; дальше, за Новыми Гаграми, имѣется нѣсколько частныхъ участковъ; на одномъ изъ нихъ д-ромъ Шапшаломъ предположена постройка санаторіи на склонѣ горы, обращенномъ къ морю. Далѣе идутъ абхазскія поселенія, на 8-й же верстѣ начинается имѣніе Его Высочества Принца А. П. Ольденбургскаго „Отрадное“; здѣсь горы отходятъ уже на довольно значительное разстояніе отъ моря и не представляются уже такими высокими и крутыми, какъ около второго Гагринскаго укрѣпленія, а постепенно поднимаются, пересѣкаемые неглубокими и довольно широкими ущельями.

Въ „Отрадномъ“ устроена прекрасная молочная ферма,

и отсюда въ Гагры ежедневно доставляется пастеризованное молоко и многіе другіе необходимыя жизненные продукты. Дальше на югъ, за „Отряднымъ“, оканчивающимся на 10-й верстѣ, идутъ еще пока мало-культурные абхазскіе участки; далѣе — разрабатываемое теперь имѣніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича „Колхида“, а за нимъ, верстахъ въ 15 — 18 отъ Гагръ вполнѣ благоустроенныя имѣнія съ прекраснымъ плодовымъ хозяйствомъ Игунова и князя Иналъ-ыпа.

(О геологическомъ строеніи мѣстности довольно подробно говоритъ горный инженеръ М. В. Сергѣевъ¹⁾): „Весь горный пунктъ Арабика и всѣ склоны его въ петрографическомъ отношеніи являются довольно однообразными и состоятъ почти сплошь изъ известняковъ. Ближайшія къ морю возвышенности сложены почти сплошь изъ пластовъ известняковъ, съ большими или меньшими пропластками известково-глинистыхъ сланцевъ и рѣже песчаниковъ.

На высотѣ отъ 3'000 до 3'500 фут. надъ уровнемъ моря, на известнякахъ, лежатъ уже глинистые сланцы, согласно пластуются съ первыми. Какъ мощность сланцевъ, такъ и ихъ распространеніе не одинаковы и, вѣроятно, находятся въ зависимости отъ размывающаго дѣйствія воды. Въ однихъ мѣстахъ отъ указанной высоты сланцы тянутся вверхъ на большой площади, а въ другихъ мѣстахъ они сохранились только небольшими клочками. Собственно же весь пунктъ Арабика сложенъ только изъ кремнистыхъ известняковъ. Падая въ общемъ къ морю, т. е. на SW, пласты известняковъ и другихъ сопутствующихъ имъ породъ представляютъ на каждомъ шагѣ нарушеніе въ напластованіяхъ, вслѣдствіе чего стратиграфическія картины, особенно въ

¹⁾ Горн. инж. М. В. Сергѣевъ. Гагры. Условія распредѣленія прѣсныхъ водъ въ ближайшемъ къ климатической станціи районѣ. Отд. оттискъ изъ «Горнаго Журнала» 1904 г., стр. 3.

долинахъ рѣвъ и сухихъ овраговъ, являются часто очень живописными. Пласты известняковъ, толщиной отъ 3—4 в., достигаютъ нерѣдко 2 аршинъ и болѣе, сланцы же имѣютъ по большей части небольшую толщину пластовъ. Кромѣ того, всѣ породы здѣсь разбиты трещинами, идущими и по паденію пластовъ и по перпендикулярному въ нему направленію и достигающими иногда большихъ размѣровъ. По сложенію породы не одинаковой крѣпости, но всѣ разрушаются при дѣйствіи атмосферныхъ осадковъ и другихъ агентовъ. Только встрѣчающіеся здѣсь во многихъ мѣстахъ менѣе глинистые и даже мраморовидные известняки или болѣе кремнистая ихъ разновидность должны считаться прочной породой, могутъ итти какъ хорошей строительный матеріалъ и даже выдерживаютъ чистую и фигурную теску при разнаго рода подѣлкахъ. Подвергая обжигу менѣе глинистые известняки, получаютъ очень хорошаго качества известь и притомъ совершенно бѣлаго цвѣта, хотя известняки въ сыромъ видѣ имѣютъ самый разнообразный оттѣнокъ: земноватые, чаще сѣрые до черныхъ и красноватые. Весьма большое развитіе имѣютъ здѣсь смолистые известняки, содержащіе примѣсь смолистыхъ веществъ, которыя сообщаютъ породѣ темный и даже черный цвѣтъ, въ зависимости отъ количества смолы, запахъ которой явственно различается при треніи или ударѣ. Смола въ породѣ распределена по большей части по трещинамъ, спаямъ, въ пустотахъ и т. д., хотя попадаются куски породы, сплошь проникнутые ею. Кромѣ того, въ пустотахъ известняка находятъ иногда особый жидкій продуктъ перегонки смолы, называемый ихтиоломъ, который имѣетъ примѣненіе въ медицинѣ.... Въ палеонтологическомъ отношеніи известняки въ общемъ не богаты окаменѣlostями. Тѣмъ не менѣе, въ кремнистыхъ разновидностяхъ встрѣчены белемниты, въ смолистыхъ аммониты, а на спускѣ съ хребта Гагрипшъ, среди

железистыхъ глинъ, найдены окатанные образцы *Terebratula* и *Rhynchonella*; внѣшній видъ послѣднихъ образцовъ говоритъ за то, что они принесены сюда водой. Всѣ известняки относятся къ мѣловой системѣ“.

Что касается береговой полосы, то она состоитъ изъ довольно значительныхъ наслоеній красноватой глины, смытыхъ съ окружающихъ высотъ и покрытыхъ перегиномъ, перемежаемымъ въ отложенія песка и гравія, благодаря чему послѣ обильныхъ дождей на низменныхъ мѣстахъ образуются обширныя скопленія застойныхъ водъ, въ затѣненныхъ мѣстахъ не просыхающія во все лѣто и требующія для своей осушки довольно значительныхъ затратъ.

Благодаря указанному выше строенію горныхъ хребтовъ, атмосферные осадки въ большинствѣ быстро проникаютъ по трещинамъ въ глубину пластовъ, отъ чего скопляются значительныя подземныя воды, которыя мѣстами прорываются наружу, образуя глубокія и узкія ущелья, или же въ видѣ широкой рѣки выходятъ изъ-подъ скалы, прямо на берегу моря, какъ на примѣръ, такъ называемая „Подземная рѣчка“ — Репроа, на 2-й верстѣ отъ Гагръ по Адлеровскому шоссе. Большинство упомянутыхъ выше рѣчекъ: Анахомста, Чигирипшъ, Охореско, Ахій-абаквара-экваара, Жоэкваара, Гагриншъ, Цихерва и другія въ холодное и дождливое время года несутъ по своему руслу громадное количество воды, разрушая на пути своемъ все, что попадаетъ навстрѣчу; лѣтомъ же нѣкоторыя изъ нихъ почти совершенно пересыхаютъ, другія въ верхнемъ своемъ теченіи несутъ незначительное количество воды, а въ нижнемъ уходятъ подъ наэспійскій слой песка и крупной гальки и становятся совершенно невидимыми для глазъ.

Всѣ хребты горъ и ихъ склоны такъ же, какъ и ущелья и береговая равнина, покрыты здѣсь роскошною растительностью. Въ сѣверной части крутые склоны горъ,

постепенно, по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Бегерепстѣ, дѣлаются болѣе оглогими и покрыты самымъ разнообразнымъ лѣсомъ, при чемъ ближе къ морю преобладаетъ приморская сосна (*Pinus maritima*), перемежающаяся съ другими древесными породами: каштаномъ (*Castanea vesca*), дубомъ (*Quercus pedunculata*), грабомъ (*Carpinus betulus*), липой (*Tilia grandifolia*), орѣхомъ (*Juglans regia*), букомъ (*Fagus silvatica*), ясенемъ (*Fraxinus excelsior*), и кустарниковыми: вѣчно-зеленымъ лавромъ (*Laurus nobilis*), ежевикой (*Rubus fruticosus*), барбарисомъ (*Berberis vulgaris*), держи-деревомъ (*Palyurus aculeatus*), боярышникомъ (*Crataegus oxyacantha*), кизелемъ (*Cornus mas.*), облѣпихой (*Hippophaë rhamnoides*) и многими другими. Въ ущельяхъ рѣкѣ Жоэквары, Гагрипша и другихъ находятся громадныя заросли самшита (Кавказская пальма — *Buxus sempervirens*), смоквы (инжиръ — *Ficus carica*), рододендра (*Rhododendron ponticum*), лавровишни (*Prunus laurocerasus*), азалеи (*Azalea pontica*), дикаго жасмина (*Philadelphus coronarius*), а у самаго ручья пріютилась обыкновенная ива (*Salix alba*). Склоны Гагринскаго, Гагрипшскаго и другихъ хребтовъ къ морю покрыты тѣми же лиственными, что и склоны Гагринской тѣснины; *Pinus maritima* здѣсь уже не встрѣчается. Вся прибрежная, расширяющаяся по направленію къ рѣкѣ Бзыби, равнина покрыта почти дѣвственнымъ лѣсомъ изъ тѣхъ же лиственныхъ породъ (мѣстами этотъ лѣсъ немилосердно вырубался въ недавніе годы лѣсопромышленниками). Всѣ лѣса на равнинѣ, по склонамъ и ущельямъ густо перевиты разнообразными ліанами, между которыми преобладаетъ сарсапариль (*Smilax excelsa*), узловатая, извилистая ліана, съ колючими, изогнутыми шипами, нерѣдко достигающими до 100 футъ въ длину; каприфоль (*Lonicera carpitifolium*), самая красивая изъ ліанъ съ нѣжно-розовыми, душистыми цвѣтами; ломоносъ (*Clematis vitalba*), обвойникъ (*Periploca graeca*); здѣсь же масса плющей (Не-

dera helix и *Hed. colchica*), издающихъ свой одуряющій запахъ, вьющихся розъ (*Rosa argvensis*), дикаго винограда (*Vitis vinifera*), мѣстами попадаетъ хмель (*Humulus lupulus*). Выше на горахъ мы встрѣчаемъ громадныя экземпляры тиса (Кавказское красное дерево — *Taxus baccata*), а еще выше, на уровнѣ около 5'000—5'500 фут., переходимъ въ пихтовый лѣсъ, состоящій почти изъ одной пихты (*Abies Nordmanniana*), и вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ: азалей, рододендра, колючаго падуба (*Plex aquifolium*), кавказской черники (*Vaccinium arctostaphylos*), за которымъ приблизительно на высотѣ около 6'000 фут. начинаются альпійскія пастбища.

Травяная растительность въ здѣшнихъ лѣсахъ довольно скудная; мѣстами встрѣчаются разнаго рода папоротники; преобладающимъ является орлякъ (*Pteris aquilina*); но зато за пихтовымъ лѣсомъ, начиная съ высоты 6'000—6'500 фут., на альпійскихъ лугахъ мы встрѣчаемъ роскошную травяную растительность. Альпійская растительность этого района подробно описана извѣстнымъ ботаникомъ Н. Альбовымъ¹⁾, нѣсколько лѣтъ подрядъ совершавшимъ экскурсію сюда для изученія альпійской флоры и описанія новыхъ видовъ. Однако, чѣмъ выше подниматься на горы, тѣмъ растительность становится бѣднѣе и на вершинахъ горъ (около 7'500 ф.) встрѣчаются только низкорослыя кустарники: кавказскій рододендронъ (*Rhododendron caucasicum*), черная калина (*Viburnum lautata*), да, кромѣ нихъ, еще мхи да лишай.

Таковы въ общемъ черты естественной растительности Гагръ и ихъ ближайшихъ окрестностей.

Такимъ образомъ, на небольшомъ сравнительно про-

¹⁾ Н. Альбовъ. Путешествіе въ Черноморскихъ горахъ въ 1894 г. и Ботанико-географическія изслѣдованія въ западномъ Закавказьи въ 1894 г. Записки Кавк. отд. Русс. Геогр. Общ. кн. XVIII. Тифлисъ 1896 г.

странствѣ Гагринской климатической станціи мы встрѣчаемъ растительность всѣхъ поясовъ, начиная съ субтропическаго и кончая поясомъ альпійскихъ луговъ.

Мѣстная фауна менѣе разнообразна, чѣмъ флора, и во многихъ частяхъ своихъ еще недостаточно изучена. Изъ крупныхъ животныхъ здѣсь водятся: волки, медвѣди, дикіе кабаны, дикія козы, дикія кошки и въ изобиліи шакалы. Птицъ вообще мало. Царство пернатыхъ въ окрестностяхъ Гагръ въ настоящее время изучается спеціалистомъ. Изъ пресмыкающихся встрѣчаются гадюка и разнаго рода ящерицы. Подъ камнями и въ развалинахъ много скорпіоновъ, преимущественно черныхъ. Что касается летающихъ насѣкомыхъ, нападающихъ на человѣка, то они спеціально изучались лѣтомъ 1904 года членомъ малярійной экспедиціи, зоологомъ Императорской Академіи наукъ А. С. Скориковымъ; нами лѣтомъ 1904 года неоднократно были найдены разнаго рода мошки: *Simulia*, *Phlebotomus*, изъ комаровъ: *Culex pipiens* и въ небольшомъ количествѣ въ жилыхъ помѣщеніяхъ въ Гаграхъ и ихъ окрестностяхъ— *Anopheles clavigerens*, а въ лѣсу— *Anopheles bifurcatus*: въ прудахъ и другихъ водоемахъ нерѣдко находимы были личинки и куколки *Anopheles*. Оба послѣднихъ вида комаровъ по современному, существующему въ наукѣ, взгляду являются единственными достовѣрно извѣстными распространителями маляріи человѣка.

Но вообще нужно замѣтить, что количество комаровъ въ Гаграхъ лѣтомъ было ничтожно: ихъ приходилось съ трудомъ разыскивать; въ предшествующіе годы, по словамъ живущихъ тамъ съ основанія Гагръ, комаровъ было значительно больше, но съ осушеніемъ болотъ количество ихъ съ каждымъ годомъ уменьшается.

Перейдемъ теперь въ самымъ Гаграмъ, какъ населенному пункту и какъ климатической станціи. Мѣстность, гдѣ

расположена въ настоящее время климатическая станція, имѣетъ свою довольно длинную и интересную исторію, подробно описанную А. Н. Дьячковымъ-Тарасовымъ¹⁾; мы не будемъ касаться далекаго прошлаго Гагръ, извѣстность которыхъ восходитъ къ временамъ до Р. Х., но вкратцѣ изложимъ исторію ихъ со временъ занятія мѣстности русскими, такъ какъ это есть въ то же время исторія постепеннаго оздоровленія давно заброшеннаго и запущеннаго края, обладающаго прекрасными естественными условіями. Русскіе появились впервые здѣсь въ іюлѣ 1830 года, и на мѣстѣ развалинъ старинной церкви, крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, на самомъ берегу моря, противъ ущелья рѣки Жоэнвары, среди храбрыхъ, почти дикихъ тогда племенъ джигетовъ, убыховъ и абхазцевъ, было построено русское укрѣпленіе, вмѣщавшее въ себѣ небольшой гарнизонъ. „Для гагринскаго гарнизона началась истинно-тюремная жизнь на многіе годы. Гагры были отрѣзаны отъ всего міра, съ которымъ сообщались только разъ въ мѣсяцъ“²⁾. Вокругъ укрѣпленія росли дѣвственные субтропическіе лѣса. Въ 1835 году отъ Гагръ проложена была дорога до рѣки Бзыби и находившагося у ея устья Пицундскаго укрѣпленія. „Дорога, вступивъ въ лѣсъ, поросшіи густымъ папоротникомъ, переходила на дюну, рядомъ съ которой стлалась верстъ на пять заболоченная низина, поросшая тростникомъ, примсрскимъ камышомъ; за болотомъ дорога шла черезъ балки и по натуральному шоссе до р. Гагрипша³⁾. Не мудрено, что укрѣпленіе, окруженное болотами, страшно страдало отъ маляріи. Вотъ что пишетъ въ 1836 году объ этомъ укрѣпленіи писатель А. Бестужевъ

¹⁾ А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Гагры и ихъ окрестности (въ историко-географическомъ отношеніи). Записки Кавк. отд. Русскаго Геогр. Общ. кн. вып. I. Тифлисъ 1903 года.

²⁾ А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ.

³⁾ Тамъ же стр. 65.

(Марлинскій), самъ заболѣвшій здѣсь маляріей: „Есть на берегу Чернаго моря, въ Абхазіи, впадина между огромныхъ горъ. Туда не залетаетъ вѣтеръ; жаръ тамъ отъ раскаленныхъ скалъ нестерпимъ, и, въ довершенію удовольствія, ручей пересыхаетъ и обращается въ зловонную лужу. Въ этомъ ущельѣ построена крѣпостишка, въ которую враги бьютъ со всѣхъ сторонъ въ окошки, гдѣ лихорадка свирѣпствуетъ до того, что полтора комплекта въ годъ умираетъ изъ гарнизона, а остальные выходятъ оттуда, съ смертоносными обструкціями или водянкою. Тамъ стоитъ 5-й черноморскій баталіонъ, который не иначе можетъ сообщаться съ другими мѣстами, какъ моремъ и, не имѣя пяди земли для выгоновъ, круглый годъ питается гнилою соломиною. Однимъ словомъ имя Гагры, въ самой гибельной для русскихъ Грузіи, однозначущее со смертнымъ проговоромъ.... Миѣ опять хуже: лихорадки съ разными варіаціями возвращаются вновь и вновь“¹⁾. Въ 1841 году было расчищено отъ лѣса около двухъ верстъ по ущелью рѣчки Жоэквары и тамъ построена была башня, имѣвшая известное стратегическое значеніе; развалины этой башни существуютъ и понинѣ, и она носитъ почему-то названіе „башни Марлинскаго“, хотя выстроена 4 года спустя послѣ его смерти²⁾ Муравьевымъ. „Жизнь Гагринскаго гарнизона съ постройкою башни, съ уничтоженіемъ лѣса по ущелью и склонамъ горъ, съ приведеніемъ въ покорности джигетовъ сдѣлалась значительно гигиѣничнѣе: солдаты пользовались свободой и моціономъ, такъ что Филиппсонъ, вновь посѣтившій Гагры въ 1842 году, не нашелъ въ лазаретѣ уже *ни одного* больного“³⁾.

Въ 1854 году передъ Севастопольской кампаніей всѣ

¹⁾ Цитирую по А. Н. Дьячкову-Тарасову.

²⁾ Марлинскій былъ убитъ въ 1837 г. близъ Адлера.

³⁾ А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, *Op. cit.*, стр. 75.

гарнизоны изъ укрѣпленій на Черноморскомъ побережьѣ были сняты; гагринскій же гарнизонъ сначала оставленъ былъ на мѣстѣ, однако 20 апрѣля и онъ былъ снятъ; укрѣпленіе было взорвано. Вновь Гагры были заняты нашими войсками по окончаніи войны, 5 мая 1857 года; стѣны укрѣпленія были возобновлены, и въ Гаграхъ былъ открытъ военный лазаретъ, куда доставлялись больные почти со всего Черноморскаго побережья. Прибрежная равнина мало-по-малу очищалась отъ лѣса; болота уничтожались, и на ихъ мѣстѣ появились огороды и сѣнокосы; количество заболѣваній маляріею сократилось до минимума, и Гагры начинаютъ приобрѣтать на побережьѣ репутацію самаго здороваго мѣста. Вотъ что пишетъ о Гаграхъ въ 1864 году покойный изслѣдователь Кавказа относительно перемежающейся лихорадки, докторъ Н. Тороповъ¹⁾: „Горы здѣсь вездѣ подступили къ самому морю, такъ что оставили только узкую прибрежную полосу, еще недавно бывшую наглухо покрытою густымъ лѣсомъ, весьма болотистымъ, а теперь занятую одними сухими покосными лугами, принадлежащими укрѣпленію.... Тамъ, гдѣ эта прибрежная песчаная полоса, покрытая черномземомъ, представляетъ наибольшую ширину, именно только шаговъ 400, подъ отвѣсными высокими скалами сѣраго мѣлового известняка, находится чистенькое, каменное укрѣпленіе Гагры, въ которому открывается ущелье съ бѣгущею по скалистому дну его небольшою рѣчкою, доставляющею укрѣпленію хорошую воду, и съ небольшимъ, но миленькимъ садикомъ. Это ущелье составляетъ настоящую трещину въ мѣловой горѣ, отчего и пласты известняка здѣсь расположены совершенно соотвѣтственно на обоихъ откосахъ ущелья. Наверху высоты покрыты лѣсомъ. Внизу, по одну сторону укрѣпленія, тянутся баталіонные огороды,

¹⁾ Д-ръ Н. Тороповъ. Опытъ медицинской географіи Кавказа относительно перемежающихся лихорадокъ, Спб. 1864 г. стр. 164.

а по другую, за рѣчкой, видна небольшая рощица маслинъ ¹⁾ на сухомъ берегу. Очевидно, тутъ всѣ условія мѣстности въ пользу того, чтобы Гагры пользовались полнымъ здоровьемъ и почти не знали лихорадокъ. Такъ оно и есть. Гагры дѣйствительно пользуются извѣстностью мѣста, самаго здороваго на этомъ берегу.... Сюда въ лазаретъ, какъ въ здоровое мѣсто, привозится для пользованія куча больныхъ изъ Пицунды и даже изъ Сухума“. Въ 1866 г., по представленію бывшаго тогда кавказскаго окружного военно-медицинскаго инспектора Э. Р. Гольмлата, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, бывшаго Главнокомандующаго Кавказской арміей, въ Гаграхъ былъ открытъ военно-временный госпиталь спеціально для лѣченія малярійныхъ больныхъ, которыхъ посылали туда изъ разныхъ пунктовъ Сухумскаго военнаго отдѣла. Въ 1870 году бывшій главный врачъ Гагринскаго госпиталя, докторъ П. А. Корниевскій ²⁾ говоритъ въ своемъ очеркѣ: „На обширномъ черноморскомъ берегу, изъ всѣхъ его пунктовъ, однимъ изъ самыхъ благоприятныхъ въ климатическомъ отношеніи мѣстъ должны считаться Гагры“.... „Первое и самое важное отличіе климата Гагръ составляетъ слабая лихорадочность въ сравненіи съ сосѣдними, сильно лихорадочными мѣстностями, какъ постъ Адлеръ съ одной стороны и урочище Пицунды и г. Сухумъ съ другой. Слабая лихорадочность Гагръ зависитъ прежде всего отъ отсутствія по близости большихъ болотъ и отъ тѣхъ въ высшей степени благоприятныхъ природныхъ условій, въ которыхъ находятся Гагры“.... „Люди сильно изнуренные, ослабленные жестокими лихорадками, съ вкоре-

¹⁾ Рощица эта, существовавшая на мѣстѣ теперешнихъ казармъ роты Куринскаго полка, исчезла теперь безслѣдно.

²⁾ П. А. Корниевскій. Медико-топографическое описаніе мѣстечка Гагръ съ его окрестностями, Мед. Сбор. Кавк. Мед. общ. № 9. 1870 г.

нившимся лихорадочнымъ худосочиёмъ, въ Гаграхъ довольно скоро выздоравливаютъ“. Такъ медленно, шагъ за шагомъ, благодаря усиліямъ небольшого мѣстнаго гарнизона, шло постепенное оздоровленіе этого исключительнаго по своимъ естественнымъ условіямъ уголка Черноморскаго побережья. Въ 1867 году вокругъ Гагръ воцарились, наконецъ, миръ и спокойствіе; недалеко отъ укрѣпленія обосновался небольшой поселокъ, который сталъ служить торговымъ центромъ для окрестныхъ жителей, свозившихъ сюда на базаръ продукты своего нехитраго сельскаго хозяйства. „Въ началѣ 1872 г. Гагры имѣли очень уютный видъ: на берегу успѣлъ вырасти тополевыи бульваръ; госпитальныя постройки красиво бѣлѣли среди роскошной зелени. Собщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживали два раза въ мѣсяцъ военныя шкуны“¹⁾. На побережьѣ, неподалеку отъ Гагръ, стали возникать новыя поселенія, заселенныя отставными солдатами и молдаванами: Веселое, Пиленково, и тяготѣвшія также въ Гаграмъ, какъ торговому центру. Около рѣчки Бегерепсты земли начали покупаться частными лицами; въ югу отъ Гагръ появились лѣсопромышленники.

Однако, война 1877—78 годовъ положила предѣлъ развитію Гагръ.

Въ 1877 году, передъ послѣдней русско-турецкой войной, Абхазія была занята турками; абхазцы присоединились къ нимъ, и намъ не представлялось никакой возможности держаться въ Гаграхъ съ небольшимъ гарнизономъ, а потому укрѣпленіе было заранѣе нами оставлено. Турки безпрепятственно заняли гагринскій проходъ и брошенное укрѣпленіе. Однако, 7 августа укрѣпленіе было взято сочинскимъ отрядомъ полковника Шелковникова; 20 августа отрядъ этотъ, пройдя черезъ всю сѣверную часть Абхазіи, дошелъ до Сухума и соединился тамъ съ двумя другими отря-

¹⁾ А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. *Op. cit.*, стр. 83.

дами, дѣйствовавшими въ Абхазіи — ингурскимъ генераль-майора Алхазова и марухскимъ генераль-лейтенанта Бабыча. Въ сентябрѣ того же года Гагры были оставлены совсѣмъ, и укрѣпленіе больше уже не возобновлялось. Послѣ окончанія войны большинство абхазцевъ, населявшихъ Гагринское побережье, переселилось въ Турцію, другіе же отодвинулись дальше въ рѣкѣ Бзыби, и мѣстность опустѣла на долгіе годы, лишь изрѣдка въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія оживляясь проходившими партіями рабочихъ, строившихъ здѣсь знаменитое Анненковское береговое „голодное“ шоссе. А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, посѣтившій Гагры въ августѣ 1901 г., нашелъ здѣсь только лѣсныхъ объѣздивцовъ, жившихъ въ полоразрушенныхъ казармахъ. „Стѣны стараго укрѣпленія тонули въ густыхъ заросляхъ ежевики и различныхъ породъ ліанъ; старыя фіговыя деревья подымались изъ заросшаго рва и, изогнувшись стволомъ и вцѣпившись своими крѣпкими корнями въ цементъ стѣны, весело шевелили своими лапчатыми листьями. На каменной крышѣ древней церкви росла трава, кустарникъ и небольшія деревья; ежевика каскадами спускала свои вѣтви; по нимъ взбирались вверхъ ліана Smilax, Hedera colchica и граціозный Clematis.... Передняя приморская стѣна лежала въ развалинахъ, разрушенная гранзатами турецкихъ броненосцевъ.... Близъ воротъ, у старой приземистой башни, начиналась довольно хорошо сохранившаяся набережная; вдоль нея, покачивая высокими верхушками, крѣпко стояли старые тополи, выдавшіе турокъ. Аллея тянулась съ полверсты. Кое-гдѣ бѣлѣли остатки фундаментовъ, стѣны казармъ или лодочныхъ сараевъ. Между аллеей и подошвой хребта мѣстность была заболочена: дождевая вода, стекая съ крутыхъ склоновъ горъ, не достигала берега, слегка приподнятаго, благодаря песку, выбрасываемому моремъ. Шоссе окаймлялось высокой стѣной крапивы и бузины, за которой зеленѣлъ камышъ небольшого болотца....

Въ пяти верстахъ отъ укрѣпленія на югъ, у лѣсопилини сухумскаго купца Спанаки, по обѣ стороны шоссе ютилось нѣсколько „духановъ“, кофеенъ и лавченоекъ; сзади послѣднихъ, въ сараяхъ, близъ вытасненныхъ на берегъ кочермъ, обитало десятка два турокъ, рабочихъ Спанаки. Гагринская гора, нѣкогда очищенная отъ деревьевъ, уже успѣла вновь зарости довольно крупнымъ лѣсомъ. Въ Гаграхъ было тихо и пустынно¹⁾.

Но вотъ настало время возрожденія Гагръ къ лучшей жизни. 14-го октября 1901 года въ присутствіи Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго была совершена закладка Гагринской климатической станціи; съ тѣхъ поръ закипѣла работа по благоустройству этого чуднаго уголка Черноморскаго побережья Кавказа. Прибрежная равнина между рѣчками Жюэварой и Гагрипшемъ была очищена отъ лѣса, и на ней остались только посаженные въ прежнее время роскошные пирамидальные тополи; почва прибрежной полосы была разрыхлена и снова засыпана; застои водъ устранены посредствомъ дренажа и водосточныхъ канавъ, и на всей приморской равнинѣ разбитъ паркъ, засаженный экзотическими растеніями: всевозможныхъ видовъ пальмами, олеандрами, евкалиптовыми деревьями и т. п. По пути водосточныхъ канавъ устроено пять различной величины прудовъ, при чемъ по расчету вода должна была быть проточной изъ 1-го пруда²⁾ во 2-й, далѣе въ 3-й, 4-й и 5-й, откуда по водосточной канавѣ должна уходить въ море. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ не выполненъ до конца: пруды сдѣланы сравнительно глубокими, водоотводные же каналы имѣютъ дно менѣе глубокое, вслѣдствіе чего лѣтомъ, въ то время когда количество осад-

¹⁾ А. Н. Дьяковъ-Тарасовъ. *Op. cit.*, стр. 98.

²⁾ Нумерацію прудовъ мы начинаемъ отъ укрѣпленія по направленію къ р. Гагрипшу; въ этомъ направленіи идетъ и токъ воды въ прудахъ.

ковъ бываетъ незначительно, вода застаивается въ прудахъ, покрывается болотными растеніями и даетъ пріютъ яйцамъ, личинкамъ и куколкамъ разнаго рода камаровъ. (Многу лично и членами Малярійной экспедиціи не разъ были находимы въ этихъ прудахъ личинки *anopheles*). Только въ 4-мъ прудѣ, посрединѣ котораго имѣется фонтанъ и въ которомъ живутъ лебеди и аисты, вода болѣе чистая и имѣетъ почти постоянный стокъ въ 5-й прудъ; въ немъ рѣже были находимы личинки комаровъ; однако изъ 5-го пруда вода далеко не всегда направляется въ море, такъ какъ количество ея не всегда бываетъ настолько велико, чтобы подняться до уровня водоотводящаго канала.

9-го января 1903 года состоялось открытіе Гагринской климатической станціи, которая въ настоящее время является въ слѣдующемъ видѣ.

На нѣкоторомъ возвышеніи, на склонѣ Гагринскаго хребта, прямо противъ 4-го пруда, устроены двѣ вышеупомянутыя гостиницы — одна такъ называемая „временная“ съ рестораномъ при ней, другая — постоянная, еще неполнѣ законченная; выведенъ пока только одинъ ея корпусъ. Въ этихъ гостиницахъ и должно останавливаться большинство прѣзжающихъ сюда больныхъ. Противъ „временной“ гостиницы, почти на самомъ берегу 4-го пруда устроена эстрада для музыки; такимъ образомъ мѣсто около 4-го пруда должно являться центромъ для вечернихъ прогулокъ здѣшней публики. У устья рѣки Жооквары, на ея лѣвомъ берегу, на развалинахъ старыхъ крѣпостныхъ построекъ, расположилась, такъ сказать, административная часть Гагръ: здѣсь Управленіе климатической станціи и многочисленныя его отдѣлы; здѣсь же, во 2-мъ и 3-мъ этажахъ только-что отстроеннаго административнаго дома будутъ помѣщаться квартиры почти для всѣхъ служащихъ. Рядомъ съ этимъ домомъ громадный въ три этажа корпусъ; внизу помѣщаются мага-

зины, 2-ой же и 3-й этажи заняты „меблированными комнатами“; половина ихъ пока занята служащими на станціи, другая половина прїѣзжими менѣ состоятельными, которымъ не по карману жить въ дорогихъ гостиницахъ въ „Гагринскомъ нагорьѣ“. Въ „крѣпости“ же въ бывшемъ дворцѣ Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургскаго, на самомъ берегу моря, помѣщалось лѣтомъ 1904 г. лабораторія Мalariaйной экспедиціи Императорскаго Института экспериментальной медицины. У восточныхъ воротъ крѣпости, на развалинахъ старой „генуэзской“ башни, выстроенъ небольшой домикъ для служащихъ, а противъ него аптека химическая и бактериологическая лабораторія станціи. У сѣверныхъ воротъ, обращенныхъ къ Жоэнварскому ущелью, возобновлена древняя церковь¹⁾ во имя св. Ипатія; рядомъ съ нею прекрасное зданіе „Пріюта имени Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго“. Здѣсь же въ крѣпости, на развалинахъ, имѣется нѣсколько временныхъ построекъ, подлежащихъ сносу, въ которыхъ живутъ рабочіе. Къ востоку отъ крѣпости устроена пристань для причала фелюгъ²⁾, а противъ нея на самомъ берегу моря домъ для кордона пограничной стражи и фелюжниковъ, а ближе къ крѣпости небольшой корпусъ, въ которомъ помѣщаются магазины и кофейни. Почти прямо противъ пристани на крутомъ склонѣ горы, на небольшой площадкѣ надъ отвѣсной скалой, выстроенъ дворецъ Его Высочества Принца А. П. Ольденбургскаго и почти рядомъ съ нимъ у подошвы горы, у такъ называемаго „Глазного источника“, небольшой, но хорошенькій домикъ,

¹⁾ Постройку ея относятъ нѣкоторые археологи къ концу VI в., другіе къ VIII в. (А. В. Зеленинъ. Гагры. Историко-географическій очеркъ. Спб. 1902 г., стр. 32).

²⁾ Пароходы здѣсь не пристають къ пристани, а останавливаются на рейдѣ на небольшомъ разстояніи отъ берега; пассажиры и грузъ доставляются на берегъ на фелюгахъ (лодкахъ) и магунахъ.

служившій прежде гостиницей, теперь же отведенный подъ квартиру начальника климатической станціи. Къ западу отъ крѣпости на лѣвомъ же берегу р. Жоэнвары, ближе къ морю, помѣщается агентство Русс. общ. парох. и торг. и домъ для полицейскихъ стражниковъ; дальше къ ущелью „матеріальный складъ“, а у самаго выхода изъ ущелья „народная столовая“, „домъ для служащихъ“, противъ которыхъ устроенъ рынокъ; здѣсь же располагается привозный базаръ. Далѣе по ущелью устроено нѣсколько бараконъ для рабочихъ, которые здѣсь размѣщены очень недурно, коюшны, электрическая станція, техническая мастерская и т. п. хозяйственныя постройки станціи. Здѣсь же отведены участки для ремесленниковъ, которые отдаются имъ въ долгосрочную аренду. На правомъ берегу Жоэнвары у самаго выхода изъ ущелья, тотчасъ выше прекраснаго бетоннаго моста, стоитъ временная постройка, ночлежнаго пріюта; ниже моста, по направленію къ морю, временные бараки больницы, еще ближе къ морю—временные небольшіе бараки для рабочихъ, подлежащіе сносу въ недалекомъ будущемъ. Еще дальше на западъ, уже противъ Жоэнварскаго хребта, находится прекрасно устроенная, образцовая казарма для мѣстнаго гарнизона. Этимъ заканчивается населенная часть Гагринской прибрежной равнины, которая по направленію къ западу быстро суживается и замыкается скалистыми выступомъ къ морю. Здѣсь оставленъ еще одинъ сравнительно значительный участокъ для постройки постоянной больницы; на этомъ мѣстѣ раньше, въ періодъ закончившейся теперь строительной горячки въ Гаграхъ, былъ большой поселекъ изъ скученныхъ маленькихъ барачковъ для рабочихъ; поселокъ этотъ, носившій названіе „Трапезундъ“ и населенный преимущественно турками, теперь уже весь снесенъ. Отсюда къ сѣверу начинается „Гагринская тѣснина“.

Къ востоку отъ гостиниць, у самаго подножья хребта, расположенъ громадный участокъ, отведенный въ 1903 году подъ выставку растеніеводства въ Гаграхъ; постройки, оставшіеся отъ этой выставки, подлежатъ сносу; дальѣ на склонѣ хребта, на одинаковой высотѣ съ гостиницами, устроена шелководственная станція, а дальше отъ нея по направленію къ рѣчкѣ Гагрипшу—садоводство. Не доходя нѣсколькихъ сажней до этой рѣчки, въ концѣ прекрасно раздѣланной приморской „пальмовой“ аллеи парка устроено зданіе купальни съ ваннами, душами и иными приспособленіями для бальнеотерапіи; здѣсь же при этомъ зданіи площадки для солнечныхъ ваннъ. Дальѣ, за рѣчку Гагрипшемъ начинаются частныя дачныя участки.

Къ югу отъ Гагръ на разстояніи (по прямой линіи) не болѣе 8 верстъ на одномъ изъ отроговъ горы Мамздыши (6135 фут.), на границѣ съ пихтовымъ лѣсомъ, построена прекрасная, такъ называемая Альпійская гостиница, къ которой зигзагами по карнизу горъ ведетъ хорошее шоссе (19 верстъ); кругомъ открываются роскошныя виды; эта гостиница, устроенная на громадной высотѣ въ горномъ климатѣ, смягченномъ вліяніемъ моря, можетъ служить прекрасной санаторіей.

Всѣ зданія, жилия помѣщенія и хозяйственныя постройки, казармы, больница, такъ же какъ и парки, дороги — освѣщены электричествомъ. Для удаленія нечистотъ устроена сплавная канализація въ море посредствомъ закрытыхъ трубъ, имѣющихъ выходъ далеко отъ берега на достаточной глубинѣ; кухонныя и другіе хозяйственныя отбросы собираются въ особыя желѣзные ящики и на вагонеткахъ отвозятся въ опредѣленное мѣсто на берегу моря; здѣсь эти ящики забираются на магуну и опорожняются въ морѣ на большомъ разстояніи отъ берега. Вообще система ассе-

низации въ Гаграхъ довольно совершенна, благодаря чему здѣсь всюду образцовая чистота.

Кромѣ указанныхъ выше прудовъ, въ разныхъ мѣстахъ парка и народной столовой устроено нѣсколько фонтановъ и около нихъ водоемы. Нельзя не замѣтить, что эти водоемы служатъ также удобнымъ мѣстомъ для развитія комаровъ; такъ, большинство личинокъ, собранныхъ Маларійной экспедиціей, были взяты изъ водоема, устроеннаго близъ народной столовой, около фотографіи г. Юнава.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, болѣе или менѣе подробно топографію мѣстности и планъ расположенія Гагръ, обратимся теперь въ климатическимъ условіямъ этого уголка. Къ сожалѣнію, метеорологическія наблюденія ведутся въ Гаграхъ только съ 15 января 1903 года, и по независящимъ отъ насъ условіямъ у насъ и за этотъ періодъ времени нѣтъ достаточно полныхъ данныхъ¹⁾. Изъ всѣхъ климатическихъ явленій, по справедливому замѣчанію проф. А. Воейкова, температура воздуха самое важное для человѣка, почему я и начну обзоръ климата съ температуры.

Въ слѣдующей (1-й) таблицѣ нами приведены среднія температуры, максимум и минимум по мѣсяцамъ за 1903 и 1904 годы въ градусахъ Ц.

¹⁾ Таблицы метеорологическихъ наблюденій любезно были доставлены намъ бывш. завѣдующимъ технической частью въ Гаграхъ, г. Войтякомъ, а за послѣдніе три мѣсяца, г. Вигондомъ.

Таблица I.	1903 г.						1904 г.					
	7 ч. у.	1 ч. д.	9 ч. в.	Сред.	Max.	Min.	7 ч. у.	1 ч. д.	9 ч. в.	Сред.	Max.	Minim
Январь	3,0	4,8	3,8	3,5	—	—	2,9	7,3	3,9	4,7	12,6	2,1
Февраль	4,4	7,7	5,3	5,8	13,6	0,8	8,4	12,3	9,7	10,1	24,3	1,9
Мартъ	6,3	10,4	8,0	7,9	17,3	0,1	6,9	10,1	7,8	8,3	18,7	1,5
Апрѣль	14,0	16,8	14,9	15,2	28,5	7,0	10,1	13,8	10,1	11,4	21,8	2,3
Май	15,9	19,8	15,7	17,1	27,2	12,5	14,3	17,4	13,9	15,3	23,8	8,6
Июнь	21,4	25,9	20,6	22,6	24,4	17,7	19,4	22,4	18,8	20,2	29,2	13,5
Июль	23,6	27,7	22,6	24,6	32,5	16,8	22,9	27,5	22,8	24,4	31,6	17,0
Августъ	22,3	27,6	22,6	24,2	31,3	15,5	22,1	27,3	22,1	23,3	39,2	17,1
Сентябрь	17,3	23,5	17,8	19,5	30,7	11,6	18,7	24,1	19,7	20,8	30,9	12,2
Октябрь	14,4	20,2	15,0	16,6	29,5	7,6	15,6	21,5	16,9	18,0	34,5	8,9
Ноябрь	11,3	15,9	12,1	13,3	24,8	5,2	11,2	15,1	11,6	12,6	24,6	3,4
Декабрь	9,1	13,3	9,5	10,6	19,0	0,7	6,0	9,4	6,4	7,2	20,6	5,5

Средняя годовая температура въ 1903 году была 15,1; максимум 32,5 въ июль; минимум (въ январѣ неизвѣстенъ) — 0,8 въ февраль; въ 1904 году — максимум 39,2 въ августъ, минимум — 2,1; въ остальные мѣсяцы температура не спу- скались до 0.

Табл. II.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1903 г. . .	169,3	88,5	8,2	100,5	182,5	34,4	74,6	213,3	146,8	88,5	139,4	69,0	1315,0
1904 г. . .	49,5	165,9	143,5	74,8	104,5	20,0	около 80,0 50,0	44,5	117,2	58,5	140,0	261,0	приблиз. 1210,0 1230,0

Количество осадковъ за то же время представлено нами въ таблицѣ II. По сравненію съ другими мѣстами Черноморскаго побережья Кавказа (Сочи — 2072, Сухумъ —

1231, Поти 1641, Батумъ—2370) количество осадковъ въ Гаграхъ является менѣе значительнымъ и приближается къ таковому въ Сухумъ. Что касается въ частности лѣта 1904 года, то оно было слишкомъ сухое и вообще мало типичныя для побережья.

Число дней съ осадками показано въ табл. III.

Табл. III.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Юнь.	Юль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1903 г.	—	13	6	12	16	9	9	18	12	11	11	8	—
1904 г.	11	15	28	17	21	6	—	5	—	6	15	15	—

Максимальное количество осадковъ въ день—56,8 въ сентябрь 1903 года.

Въ таблицѣ IV нами показаны среднія величины атмосфернаго давленія, а также maximum и minimum показаній барометра за періодъ времени отъ февраля 1903 г. по мартъ 1904 г. Какъ видно изъ этой таблицы, давленіе

Табл. IV.	1903 г. Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Юнь.	Юль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Среднее	761,3	762,8	757,5	753,7	751,8	755,4	755,5	760,7	760,0	762,4	762,5
Maxim.	773,9	769,4	765,8	765,3	753,3	760,3	763,3	766,1	766,8	769,6	771,8
Minim.	753,5	752,6	750,5	748,0	747,4	749,2	746,6	752,3	749,3	753,3	753,8

	1904 г. Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Среднее	761,9	759,7	—	—	—	—	—	—	—	760,7	760,1	760,6
Maxim.	769,5	769,2	—	—	—	—	—	—	—	767,9	766,6	770,1
Minim.	758,2	748,9	—	—	—	—	—	—	—	753,6	747,7	752,7

болѣе или менѣе постоянное безъ значительныхъ колебаній; разница между средними показаніями барометра въ 7 ч. утра, въ 1 ч. дня и въ 9 ч. вечера ничтожна.

О числѣ ясныхъ и пасмурныхъ дней ¹⁾ даетъ извѣстное представленіе таблица V. Наибольшее число ясныхъ

Таблица V.		Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1903 г.	ясные дни .	—	2	8	5	4	3	10	7	8	15	6	8
	пасмурные .	—	16	8	10	9	3	11	8	5	7	14	14
1904 г.	ясные дни .	5	3	—	5	4	7	11	9	14	12	4	6
	пасмурные .	6	11	—	12	12	8	5	6	—	4	12	9

дней было въ октябрѣ 1903 г., наименьшее въ февралѣ; наибольшее количество пасмурныхъ дней—зимой, наименьшее—лѣтомъ и въ началѣ осени.

¹⁾ Ясными днями въ метеорологіи принято считать такіе, когда сумма облачности изъ троекратныхъ наблюденій на день—въ 7 ч. у., въ 1 ч. д. и въ 9 ч. в. не болѣе «5»; пасмурными, когда эта сумма не менѣе «25», при чемъ «0» означаетъ совершенно ясное небо, а «10» совершенно пасмурное.

Средняя облачность по троекратнымъ наблюдениамъ представлена въ таблицѣ VI.

Средняя облачность (приблизительно 5,4—5,5,) за все время наблюдений нужно признать весьма умеренной (Ялта,

Таблица VI.		Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1903 г.	7 ч. утра .	—	7,7	5,6	6,8	7,5	5,4	3,8	4,3	3,6	4,4	6,5	6,9
	1 ч. дня .	—	8,4	5,3	7,3	6,1	4,8	4,1	5,3	5,3	3,8	6,5	6,1
	9 ч. веч. .	—	6,5	4,2	4,1	4,8	4,4	3,9	5,6	4,2	3,5	5,5	5,7
1904 г.	7 ч. утра .	4,7	6,6	—	6,9	6,3	5,2	3,0	4,4	—	3,8	6,8	6,2
	1 ч. дня .	5,1	6,2	—	6,4	6,9	5,5	4,8	5,2	—	3,9	6,7	5,9
	9 ч. веч. .	4,8	5,9	—	5,9	6,1	4,1	4,0	2,6	—	3,7	5,3	5,6

гдѣ облачность признается почти наименьшею въ Россіи, имѣеть среднюю годовую облачность—4,5, другія климатическія станціи: Сочи—4,5, Сухумъ—5,4, Абастуманъ—5,1, Кисловодскъ и Боржомъ—5,6¹⁾. Наименьшая облачность—лѣтомъ и въ началѣ осени, наибольшая—зимой; по времени дня, самая меньшая облачность наблюдается по вечерамъ; въ 1 ч. дня—наибольшая; вообще колебанія облачности въ теченіе дня незначительны. Въ концѣ осени и зимою—наибольшая облачность бываетъ по утрамъ, днемъ—нѣсколько меньше, наименьшая—все же вечеромъ.

Относительно вѣтровъ намъ не удалось собрать болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, но въ общемъ можно сказать,

¹⁾ Проф. Ир. Скворцовъ. Климатическое лѣченіе вообще и наши климатолѣчебныя мѣста по берегамъ Чернаго моря. В.-Мед. Жур. 1890 г. № 10. Стр. 153.

И. З. Гопадзе. Очеркъ климатическихъ и топографическихъ условій Абастумана. В.-Мед. Жур. 1900 г. № 9, стр. 2755.

что преобладающими вѣтрами являются здѣсь западный, юго-западный и южные вѣтры. Лѣтомъ вѣтры эти дуютъ иногда съ довольно значительной силой, но продолжительными никогда не бываютъ. Такъ какъ всѣ три этихъ вѣтра дуютъ съ моря, то они никогда не бываютъ слишкомъ холодными. Съ сѣвера, сѣверо-востока и востока Гагры хорошо защищены горами, и потому холодныхъ вѣтровъ съ этихъ сторонъ тамъ не бываетъ. Изъ ущелій, правда, каждую ночь тянетъ довольно холодный вѣтеръ, и чѣмъ глубже и длиннѣе ущелье, тѣмъ сильнѣе вѣтеръ, но онъ не распространяется на части прибрежной равнины, лежащія противъ горныхъ хребтовъ. Поэтому здѣсь не представляется возможнымъ на основаніи наблюдений на одной только метеорологической станціи дѣлать заключеніе о климатѣ всего Гагринскаго побережья. Здѣсь каждый участокъ долженъ оцѣниваться особо. Мѣста, лежащія противъ хребтовъ, имѣютъ болѣе высокую температуру днемъ и вечеромъ, менѣе подвержены вѣтрамъ и здѣсь среди лѣта бываетъ иногда невыносимо душно, особенно въ виду довольно значительной влажности воздуха; мѣста эти весьма неудобны для жизни здѣсь среди лѣта, но зато бесспорно прекрасны для пребыванія тамъ осенью, зимой и весной. Наоборотъ, мѣста, расположенныя въ ущельяхъ и на береговой полосѣ противъ нихъ, имѣютъ температуру болѣе низкую днемъ и особенно вечеромъ, гораздо лучше обвѣваются вѣтромъ, днемъ съ моря, такъ какъ днемъ всегда бываетъ тяга по ущелью снизу вверхъ, — ночью же довольно холоднымъ вѣтромъ изъ ущелья; лѣтомъ здѣсь гораздо пріятнѣе, чѣмъ противъ хребта, такъ какъ вѣтры значительно умѣряютъ температуру и уменьшаютъ влажность воздуха, но зимой мѣста эти (при все-таки сравнительно высокой относительной влажности) являются довольно опасными въ смыслѣ простуды.

Въ Гаграхъ, какъ климатической станціи, распо-

женной въ такой мѣстности, гдѣ метеорологическія условія на разныхъ пунктахъ не одинаковы, должны тщательно изучаться всѣ климатическія условія, и постановка наблюдений должна быть, по возможности, болѣе идеальной. Одной метеорологической станціи въ Гаграхъ недостаточно. Давленіе воздуха можно наблюдать въ одномъ пунктѣ, хотя бы въ томъ, гдѣ въ настоящее время устроена метеорологическая станція, занимающая болѣе или менѣе центральное положеніе во всей мѣстности. Но для наблюдений надъ температурою, влажностью, вѣтрами необходимо устроить еще нѣсколько станцій, кромѣ центральной: одну противъ ущелья Жоэвары, другую гдѣ-нибудь въ наиболѣе удобномъ и центральномъ пунктѣ на склонѣ Гагринской тѣснины, третью — выше гостиницы, въ такъ называемомъ Гагринскомъ нагорьѣ, четвертую — вблизи ущелья р. Гагрипша, пятую — при Альпійской гостиницѣ. Далѣе, наблюденія въ три срока недостаточны для выводовъ о климатическихъ условіяхъ климатолѣчебной мѣстности: необходимы приборы съ автоматической записью результатовъ наблюдений (термографъ, барографъ, гигрографъ и анемографъ); недостаточно также только наблюдений надъ температурою, давленіемъ, облачностью, осадками, влажностью воздуха и направленіемъ и силою вѣтровъ: необходимы наблюденія надъ напряженіемъ солнечныхъ лучей (лучистой теплотой) въ особенности на склонахъ, наблюденія надъ продолжительностью солнечнаго сіянія; также весьма необходимы наблюденія надъ температурою морской воды въ тѣ же сроки какъ наблюденія надъ температурою воздуха, а, кромѣ того, въ часы купанья, а также въ часы близкіе къ *minimum* и *maximum* температуры воды, напр.: въ 7 час. ут., 10 час. ут., 1 час. дня, 5 ч. веч., 9 ч. вечера; для этого удобнѣе было бы имѣть термографъ для непрерывной записи наблюдений; далѣе, необходимы наблюденія надъ колебаніями солености и удѣль-

наго вѣса морской воды, надъ опредѣленіемъ силы приборъ его частоты, скорости паступательнаго движенія гребней волнъ и ихъ высоты.

На основаніи выше приведенныхъ краткихъ, отрывочныхъ метеорологическихъ данныхъ трудно, конечно, дѣлать какіе-либо выводы о климатѣ Гагръ, но принимая во вниманіе топографическія условія мѣстности, характеръ ея растительности и сравнивая ихъ съ таковыми же другихъ пунктовъ побережья, гдѣ метеорологическія наблюденія ведутся уже болѣе или менѣе продолжительное время, нельзя не прийти къ заключенію, что *Гагры должны быть отнесены къ числу мѣстностей съ приморскимъ влажно-теплымъ климатомъ, съ довольно значительной годовой температурой и довольно равномерной, не особенно высокой лѣтнею температурой, съ теплою зимою, ничтожнымъ количествомъ морозныхъ дней и почти полнымъ отсутствіемъ снѣга, продолжительной, ясной и теплой осенью.* Количество осадковъ, какъ мы видѣли выше, довольно значительное; процентъ влажности болѣе высвѣтъ лѣтомъ, значительно уменьшается осенью и зимой, — гораздо ниже таковаго же въ Батумѣ, Сухумѣ и Сочи; количество явныхъ дней довольно значительно особенно въ началѣ осени (больше чѣмъ въ Батумѣ, Сухумѣ и Сочи); число же пасмурныхъ дней меньше, нежели въ этихъ пунктахъ побережья; облачность сравнительно не велика; достаточно высокое, въ особенности зимой, съ незначительными колебаніями атмосферное давленіе. Такова въ общихъ чертахъ характеристика климата Гагринскаго побережья. Конечно, болѣе точная, детальная оцѣнка климатическихъ условій Гагръ — дѣло будущаго, когда накопится достаточно данныхъ не только изъ наблюденій на существующей уже метеорологической станціи, но и въ другихъ пунктахъ прибрежной равнины и горныхъ склоновъ, какіе нами были указаны выше.

Выше я сказалъ нѣсколько словъ о купальнѣ и ванномъ зданіи; на усовершенствованіе этого учрежденія въ Гаграхъ обращено должное вниманіе въ виду того, что морскія купанья являются здѣсь однимъ изъ важныхъ фizio-терапевтическихъ факторовъ. Температура морской воды лѣтомъ здѣсь достаточно высока (22—26° Ц.) и равномерна—многіе купаются здѣсь въ октябрѣ и даже ноябрѣ. Морской берегъ усыпанъ здѣсь довольно мелкими камнями; дно моря, начиная отъ берега, равномерно и довольно быстро углубляется; подводные камни, округленные вслѣдствіе частныхъ прибоевъ, имѣются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ скаль Гагринской тѣсины, гдѣ обычно никто не купается, въ виду отдаленности этого мѣста отъ Гагръ; въ другихъ же мѣстахъ подводныхъ камней нигдѣ нѣтъ: морское дно совершенно гладкое и усыпано вначалѣ такими же камнями, какъ и берегъ: нѣсколько дальше отъ берега камни болѣе крупныя, величиною въ ладонь, обычно плоскіе и хорошо округленные. Величина и сила прибой измѣняется въ зависимости какъ отъ вѣтра, такъ и отъ общаго состоянія погоды. Утромъ часто, а иногда и почти въ продолженіе цѣлаго дня море стоитъ обычно спокойное, и прибой совсѣмъ нѣтъ; обычно къ полудню появляется небольшой прибой, бывающій и къ вечеру, но нисколько не мѣшающій даже малымъ дѣтямъ купаться совершенно безопасно; во время вѣтра съ моря прибой увеличивается, на морѣ появляются бѣлые барашки, но и тогда рѣдко бываетъ настолько сильный прибой, чтобы не было возможности купаться взрослымъ: и только лишь въ тѣ періоды, когда нѣсколько дней подъ-рядъ стоитъ ненастная погода, прибой бываетъ опасенъ для не умѣющихъ хорошо плавать; но лѣтомъ и въ началѣ осени такіе періоды бываютъ очень рѣдки и кратковременны.

Мѣстами для купанья въ Гаграхъ служатъ: указанная

выше благоустроенная купальня при ванномъ зданіи въ концѣ пальмовой аллеи парка, куда отъ крѣпости мимо гостиницъ проведена конно-желѣзная дорога; вагонъ ходитъ каждые $1\frac{1}{2}$ часа въ періодъ времени отъ 8 до 12 ч. утра и отъ 3 до 6 час. вечера; кромѣ того, на сѣверо-западъ отъ казармы, у самаго выступа горнаго хребта, замыкающаго съ этой стороны гагринскую прибрежную равнину, имѣется бесплатная купальня, устроенная довольно примитивно; здѣсь купаются преимущественно служащіе, не располагающіе временемъ для поѣздки въ дальнюю купальню. Купанье на открытомъ берегу разрѣшается дальше на сѣверо-западъ, противъ скалъ Гагринской тѣсины, гдѣ обычно купаются рабочіе.

Жизненные продукты въ Гаграхъ получаютъ на рынкѣ, устроенномъ близъ крѣпости, у выхода изъ Жоэнварскаго ущелья; скотъ убивается на специально устроенной бойнѣ, находящейся подъ постояннымъ наблюденіемъ ветеринарнаго врача; всякаго рода продукты всегда имѣются въ достаточномъ количествѣ; молочные продукты доставляются изъ имѣнія Его Высочества „Отраднаго“; въ базарные дни, по воскресеньямъ, молочные продукты, овощи, фрукты, птица и т. п. доставляются на базаръ жителями недалекаго расположенныхъ селеній: Веселаго, Эстонскаго, Пиленкова и другихъ. Готовый столъ имѣется въ ресторанѣ при „временной“ гостиницѣ, въ народной столовой и въ такъ называемомъ „интеллигентномъ“ при ней отдѣленіи.

Питьевою водою Гагры пользуются изъ водопровода, проведеннаго верстъ за шесть изъ источника по ущелью рѣчки Гагрипша, находящагося на высотѣ нѣсколько болѣе 1000 фут. надъ уровнемъ моря. Источникъ этотъ, по опредѣленію горнаго инженера М. В. Сергѣева, нельзя считать жильнымъ или глубокаго происхожденія; это просто

верховой токъ воды. Количество воды въ немъ далеко непостоянно: весною притокъ его бываетъ до 300—400 тысячъ ведеръ въ сутки, лѣтомъ же по измѣреніи того же горнаго инженера притокъ былъ 9 іюля—47,000 ведеръ и 2 сентября—8,000 ведеръ въ сутки; въ половинѣ сентября источникъ этотъ едва сочился¹⁾. Лѣтомъ далеко нерѣдко въ водопроводѣ ощущается слишкѣмъ недостаточное количество воды, которое не можетъ удовлетворять потребности гагринцевъ даже теперь; съ увеличеніемъ же роста Гагръ, недостатокъ этотъ будетъ чувствоваться еще сильнѣе. Горнымъ инженеромъ М. В. Сергѣевымъ въ небольшомъ разстояніи отъ этого источника, всего на 25 саж. ниже его, найденъ еще одинъ довольно значительный источникъ глубокаго происхожденія съ болѣе постояннымъ притокомъ воды (лѣтомъ 47,000—34,500 вед. въ сутки)²⁾. Однако, безъ значительныхъ затратъ присоединить эту воду къ уже существующему водопроводу не представляется возможнымъ. Мы не имѣемъ подъ руками анализа³⁾ питьевой воды въ Гаграхъ, но въ общемъ ее можно охарактеризовать такъ: вода совершенно прозрачная (послѣ дождей слегка мутноватая), довольно пріятная на вкусъ, жестковата.

Жители Жоэнварскаго ущелья пользуются иногда для питья водой изъ рѣчки Жоэнвары, которая по внѣшнему виду и на вкусъ мало отличается отъ воды изъ водопровода; послѣ дождей Жоэнвара несетъ желтоватую, мутную воду. По Жоэнварскому ущелью на высотѣ 980 фут. надъ уровнемъ моря проложенъ тоже новый водопроводъ, тянуційся верстъ на 6 вверхъ по ущелью до Жоэнварскаго водопровода; водопроводъ этотъ будетъ подавать воду спеціально для нуждъ электрической станціи.

¹⁾ Горн. инж. М. В. Сергѣевъ, *op. cit.*, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

³⁾ Анализъ произведенъ Императорскимъ Институтомъ экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ.

Пути сообщенія Гагръ съ остальнымъ миромъ — береговое шоссе, идущее на сѣверо-западъ черезъ Адлеръ въ Сочи, Туапсе и Новороссійскъ, и на юго-востокъ черезъ Гудаутъ и Новый Афонъ къ Сухуму, или же на пароходѣ моремъ до Новороссійска и Батума. Что касается берегового шоссе, то въ предѣлахъ Гагринской климатической станціи оно содержится образцово, но чѣмъ дальше отъ Гагръ, тѣмъ оно хуже, особенно по пути къ Гудауту; почтового сообщенія по этому шоссе на югъ отъ Адлера нѣтъ, но здѣсь ходятъ частные дилижансы; переѣздъ по шоссе, изобилующемъ роскошными видами, пріятенъ въ хорошую погоду на небольшое разстояніе, но ѣхать напримѣръ до Новороссійска и утомительно, и долго, и дорого. Гораздо дешевле и съ большими удобствами — переѣздъ моремъ; въ Гагры заходятъ пароходы, идущіе изъ Новороссійска, 5 разъ въ недѣлю и столько же изъ Батума; но и морское путешествіе не всегда бываетъ удобно: многіе не переносятъ качки; кромѣ того, въ сильный прибой высадка на лодки затруднительна (пароходы останавливаются здѣсь на рейдѣ, на небольшомъ разстояніи отъ берега); случается же иногда, что въ сильный прибой пароходъ и вовсе не принимаетъ въ Гаграхъ ни грузовъ ни пассажировъ и проходитъ мимо Гагръ, равно какъ и другихъ малыхъ портовъ побережья, прямо въ Батумъ и Новороссійскъ. Нельзя не пожелать, чтобы давно ожидаемая черноморская береговая желѣзная дорога наконецъ осуществилась; дорога эта сразу оживила бы все наше побережье и дала бы рѣзкій толчокъ развитію здѣшнихъ курортовъ. Въ настоящее время разрабатывается вопросъ объ установленіи по береговому шоссе, впродъ до постройки дороги, правильнаго автомобильнаго сообщенія; вопросъ этотъ, кажется, разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Что касается жителей, то общее ихъ число въ Гаг-

рахъ не можетъ быть опредѣлено съ точностью: составъ населенія весьма подвиженъ; главную его массу составляютъ рабочіе, которые прибываютъ и убываютъ въ зависимости отъ количества работъ, ведущихся въ каждый данный моментъ въ Гаграхъ. Въ 1903 году общее число жителей колебалось отъ 3,000 до 3,400; лѣтомъ же 1904 года количество ихъ, въ виду сокращенія работъ на станціи, быстро стало убывать и къ августу уменьшилось едва ли не втрое. О естественномъ приростѣ населенія здѣсь, конечно, говорить не приходится, такъ какъ коренныхъ жителей здѣсь нѣтъ: большинство живетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, максимумъ 2—3 года.

Въ виду непостоянства состава населенія, цифры заболеваемости здѣсь не имѣютъ серіознаго значенія. Заболеваемость острыми заразными болѣзнями здѣсь ничтожна, да и то часто бываетъ, что болѣзнь завозится откуда-нибудь извнѣ, какъ напримѣръ, изъ Новороссійска, откуда прибываетъ большинство рабочихъ. Довольно крупный процентъ заболѣвшихъ даютъ хирургическіе больные съ различнаго рода пораненіями, что является вполне естественнымъ при работахъ въ горахъ, на отвѣсныхъ скалахъ, гдѣ то-и-дѣло приходится прибѣгать къ помощи пороха. Главная же масса заболѣваній падаетъ (особенно въ первые годы) на малярію. Въ первое время существованія климатической станціи, когда начались работы по осушенію прибрежной равнины и постройки первыхъ жилищъ и зданій для нуждъ станціи, велись громадныя земляныя работы, и рабочіе массами заболѣвали маляріей, чего и нужно было ожидать на первыхъ порахъ. Массовыя заболѣванія маляріей, бывшіе въ Гаграхъ въ первое время, объясняются очень легко: болотца, какъ сказано выше, существовали на низменности; во время земляныхъ работъ и разрыхленія почвы число водоемовъ, гдѣ застаивалась дождевая вода, увеличилось, и комары

(анорхеles въ частности) находили очень удобныя условія для своего развитія. Многіе рабочіе, собравшіеся сюда со всего Черноморскаго побережья, уже раньше страдали маляріей и такимъ образомъ, при существованіи здѣсь анорхеles, явились распространителями маляріи среди здоровыхъ. Но мало-по-малу, благодаря осушительнымъ работамъ, количество болотъ стало уменьшаться (теперь же ихъ на прибрежной равнинѣ въ районѣ климатической станціи со-всѣмъ нѣтъ), земляныя работы почти прекратились, а анорхеles находятъ пока подходящее мѣсто для своего развитія только лишь въ вышеупомянутыхъ прудахъ и водоемахъ около фонтановъ; количество анорхеles, такимъ образомъ, значительно уменьшилось; прежніе больные постепенно вылѣчивались, и число заболѣваній сократилось значительно. Для иллюстраціи ниже мы помѣщаемъ таблицу VII, которая показываетъ какъ общее число больныхъ, посѣтившихъ амбулаторію Гагринской климатической станціи, такъ и число больныхъ маляріею за періодъ времени съ 1 января 1903 г. по 15 сентября 1904 г. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ эти цифры входятъ не

Таблица VII.		Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1903 г.	Общ. число больныхъ .	234	233	227	261	235	334	515	738	745	923	510	378
	Число больн маляріею .	87	70	63	69	49	43	220	377	365	406	197	27
1904 г.	Общ. число больныхъ .	447	448	463	535	548	481	373	410	443	—	—	—
	Число больн маляріею .	71	68	77	121	101	53	70	133	76	—	—	—

только свѣжія заболѣванія маляріей: въ числѣ маляриковъ — масса рецедивистовъ. Необходимо замѣтить, что въ боль-

ницѣ въ рубрикѣ „малярія“ регистрируются не только свѣжіе случаи заболѣванной маляріей, но и повторные; къ сожалѣнію, простой народъ плохо лѣчится отъ маляріи; послѣ исчезновенія приступовъ они обычно прекращаютъ лѣчение и ускользаютъ отъ наблюденія врача; они появляются въ амбулаторію вновь по возобновеніи приступовъ, какъ это обычно бываетъ при недолѣченной маляріи. Ведя амбулаторію при Гагринской больницѣ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ (съ 12 іюля по 19 сентября 1904 года), я невольно обратилъ вниманіе на то, что главную массу малярійныхъ больныхъ даютъ не гагринцы, а жители ближайшихъ къ Гаграмъ деревень: Пиленкова, Веселаго, Эстонскаго ¹⁾, а также Бзыбской низменности, гдѣ никакихъ работъ по оздоровленію мѣстности не производилось, и гдѣ населеніе, какъ мы могли убѣдиться при поѣздѣ въ Пиленково, почти поголовно страдаетъ маляріей; въ каждомъ домѣ въ затемненныхъ углахъ, подъ кроватями, подъ столами, мы находили массы комаровъ вида *anopheles*; на Бзыбской болотистой низменности, покрытой лѣсомъ, условія для распространенія маляріи также весьма благоприятны. Такимъ образомъ цифры эти ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить истиннымъ показателемъ заболѣваемости маляріею въ Гаграхъ, но они все же довольно краснорѣчиво доказываютъ, что количество заболѣванной маляріею здѣсь стало неизмѣримо меньше, нежели въ первые годы существованія станціи.

Лѣтомъ 1904 года, по ходатайству Его Высочества Принца А. П. Ольденбургскаго, съ соизволенія Государя Императора, въ Гагры была командирована отъ Института экспериментальной медицины малярійная экспедиція, на обязанности которой было выясненіе степени распро-

¹⁾ Деревни эти расположены къ сѣверо-западу отъ Гагръ за Гагринской тѣсной по берегамъ р.р. Хошупсе и Псоу; топографическія условія ихъ въ смыслѣ маляріи весьма невыгодны.

страненія маляріи въ Гаграхъ, лѣченіе больныхъ, предупрежденіе заболѣваній у здоровыхъ, выясненіе способовъ борьбы съ маляріей и оздоровленія мѣстности, а также дальнѣйшая научная разработка вопроса о маляріи. Результаты работъ малярійной экспедиціи составятъ ея специальный отчетъ. Я не имѣю пока подъ руками цифровыхъ данныхъ, но въ общемъ могу сказать, что свѣжихъ заболѣваний лѣтомъ 1904 года экспедиціей зарегистрировано незначительное количество (подъ наблюденіемъ экспедиціи находилось все населеніе Гагръ почти поголовно). Кавказскимъ окружнымъ военно-медицинскимъ начальствомъ лѣтомъ того же 1904 года я былъ командированъ въ Гагры, при чемъ мнѣ поручены были въ Гагринскомъ гарнизонѣ научно-практическія наблюденія надъ вліяніемъ противомоскитной жидкости доктора медицины, тайн. совѣт. Я. И. Малинина, какъ средства борьбы съ маляріей, и изученіе мѣстности въ малярійномъ отношеніи. Результаты моихъ изслѣдованій по примѣненію противомоскитной жидкости и наблюденій надъ вліяніемъ этой жидкости на фізіологическіе процессы и общее состояніе здоровья, составили также специальный отчетъ, представленный мною Кавказскому окружному военно-медицинскому начальству. Здѣсь упомяну только вкратцѣ, что гарнизонъ въ 147 человекъ, почти поголовно страдавшій отъ маляріи въ 1903 году, далъ всего одинъ случай свѣжаго заболѣванія лѣтомъ 1904 года.

Усиленная заболѣваемость малярією гарнизона въ 1903 году вполне понятна; гарнизонъ былъ расположенъ лагеремъ на полугорѣ въ лѣсу, на склонѣ Гагринскаго хребта; тотчасъ ниже лагеря кругомъ велись обширныя земляныя работы по устройству въ Гаграхъ выставки растеніеводства; земляныя же работы, увеличивая количество застойныхъ водъ, въ жаркихъ мѣстностяхъ, гдѣ могутъ развиваться комары вида *anopheles*, обычно влекутъ за собою взрывы

малярии. Сокращению же заболѣваній въ 1904 году, помимо моихъ работъ по примѣненію противомоскитной жидкости, безусловно способствовали превращеніе теперь земляныхъ работъ и общее оздоровленіе мѣстности; кромѣ того, въ настоящее время гарнизонъ расположенъ въ казармѣ, въ весьма благопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ.

Теперь невольно возникаютъ вопросы: 1) слѣдуетъ ли считать Гагры мѣстностью опасной въ малярійномъ отношеніи; 2) возможно ли оздоровить мѣстность и 3) можно ли считать Гагры пунктомъ, пригоднымъ для климатическаго и бальнеологическаго лѣченія?

Изъ выясненія топографическихъ условій этого уголка явствуется, что мѣстность, на которой расположены Гагры, при проведеніи работъ съ цѣлью осушки болотъ и уничтоженія застойныхъ водъ, легко можетъ быть оздоровленной. Какъ выяснено современной наукой, малярійныя заболѣванія во всякой мѣстности могутъ проявляться только при наличіи двухъ условій: существованія въ данной мѣстности комаровъ вида *anopheles* и присутствія хотя бы одного больного маляріей, у котораго имѣются въ крови паразиты этой болѣзни. Такимъ образомъ, любая мѣстность при наличіи этихъ двухъ условій не можетъ быть гарантирована отъ малярии. Въ виду этого, первымъ и самымъ главнымъ условіемъ для оздоровленія мѣстности является лѣченіе уже существующихъ здѣсь малярійныхъ больныхъ. Но такъ какъ мы не можемъ гарантировать мѣстность отъ пріѣзда сюда новыхъ больныхъ съ паразитами малярии, то необходимо оградить какъ этихъ больныхъ, такъ и здоровыхъ отъ укусовъ ихъ комарами. Для этой цѣли существуетъ нѣсколько способовъ, но самый радикальный и наиболѣе подходящий для мѣстности, въ которой желательно устроить курортъ, — уничтоженіе и другого агента въ дѣлѣ распространенія малярійныхъ комаровъ. Сдѣлать это въ

мѣстности съ такими топографическими условіями, какъ въ Гаграхъ, конечно, при затратѣ извѣстныхъ средствъ, далеко не трудно. Да здѣсь, въ Гаграхъ, это уже сдѣлано больше, чѣмъ на половину. Выше мы видѣли, что болота на прибрежной равнинѣ всѣ уничтожены, устранены застои дождевыхъ водъ путемъ дренажа почвы, но сдѣлана была небольшая ошибка въ томъ, что допущены скопленія стоячей или малопроточной воды въ прудахъ и водоемахъ около фонтановъ. Такихъ скопленій водъ въ мѣстахъ, гдѣ въ силу климатическихъ условій возможно развитіе комаровъ, не должно быть допускаемо вовсе. Что касается фонтановъ, которые служатъ украшеніемъ парковъ, то они, конечно, могли бы существовать, но только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы вода въ водоемахъ каждую недѣлю спускалась совершенно и пустые водоемы подвергались бы дѣйствию солнечныхъ лучей въ теченіе по крайней мѣрѣ сутокъ. Все это въ настоящее время продѣлывается въ Гаграхъ педантично. Комары, такимъ образомъ, не могутъ имѣть мѣста для откладки яицъ, а отложенные уже яйца и выведшіяся изъ нихъ личинки погибаютъ.

Оздоровленная такимъ путемъ мѣстность, гдѣ расположены Гагры, при наличіи указанныхъ выше топографическихъ и климатическихъ условій, является прекраснымъ курортомъ для больныхъ, нуждающихся въ тепломъ климатѣ и лѣченіи морскими купаньями, солнечными и морскими ваннами и другими способами бальнеотерапіи.

Прошлое Гагръ показываетъ намъ, какъ легко достигнуть здѣсь оздоровленія мѣстности; въ послѣдніе три года въ Гаграхъ сдѣлано уже много въ этомъ направленіи, и можно надѣяться, что если работы по оздоровленію мѣстности и благоустройству курорта будутъ и дальше итти тѣмъ же путемъ, то не въ отдаленномъ будущемъ тамъ мы не увидимъ ни одного мѣстнаго малярийнаго больного.

По своему благоустройству Гагры и теперь являются однимъ изъ лучшихъ курортовъ Россіи (отсутствіе пыли, идеальная чистота въ гостиницахъ, электрическое освѣщеніе, отсутствіе какъ это бываетъ въ другихъ курортахъ, загрязненныхъ, сырыхъ частныхъ квартиръ и т. п.), и недалеко то время, когда благодаря энергичной волѣ Устроителя Гагры сдѣлаются дѣйствительно идеальнымъ по своему благоустройству курортомъ.

На основаніи всего этого я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Гагры нужно признать мѣстностью малярійной въ прошломъ.

2) Въ настоящее время, съ приведеніемъ работъ по оздоровленію мѣстности къ концу, заболѣваемость малярією значительно уменьшается.

3) *Anopheles* въ Гаграхъ лѣтомъ 1904 года наблюдалось ничтожное количество; разсадниками ихъ служатъ пока пруды въ паркѣ и водоемы около фонтановъ.

4) Если работы по оздоровленію мѣстности будутъ проводиться дальше въ такомъ же духѣ, можно надѣяться, что Гагры въ недалекомъ будущемъ будутъ оздоровлены совершенно и малярійныя заболѣванія будутъ носить здѣсь лишь спорадическій характеръ.

5) Необходимо тщательное лѣченіе всѣхъ существующихъ въ настоящее время больныхъ малярією и уничтоженіе разсадниковъ комаровъ — прудовъ и водоемовъ около фонтановъ.

6) Оздоровленные такимъ путемъ Гагры по своимъ топографическимъ и климатическимъ условіямъ могутъ имѣть большое значеніе какъ климатическій вполне благоустроенный курортъ, въ особенности для осени.

7) Гагринское нагорье является мѣстностью, наиболее пригодной для пребыванія тамъ въ концѣ лѣта, осенью и

зимую; участки противъ ущелій пригодны, главнымъ образомъ, для пребыванія лѣтомъ и въ началѣ осени.

8) Необходимо тщательное изученіе всѣхъ климатическихъ условій какъ Гагринской прибрежной равнины, такъ и склоновъ горъ, а также мѣстности у Альпійской гостиницы.

9) Для поднятія значенія Гагръ, какъ курорта, и привлеченія большого количества дачевладѣльцевъ, больныхъ и дачниковъ неотложно необходимо улучшеніе путей сообщенія посредствомъ постройки побережной желѣзной дороги.

10) Необходимо оздоровленіе ближайшихъ къ Гаграмъ деревень, служащихъ поставщиками жизненныхъ продуктовъ.

Младшій врачъ Пятигорскаго мѣстнаго лазарета

А. Г. Передельскій.

Трухменская степь и Трухмены.

Вмѣсто предисловія.

Авторъ настоящаго очерка былъ четыре года завѣдывающимъ училищемъ на Лѣтней Трухменской ставкѣ, которая составляетъ административный центръ всего Трухменскаго приставства.

Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, автору возможно было почти ежедневно наблюдать жизнь, нравы и обычаи трухменъ; часто ему приходилось слушать пѣніе ихъ пѣсенъ и т. п. Кромѣ того, авторомъ были посѣщены почти всѣ трухменскіе аулы и многія мѣстности трухменской степи, замѣчательныя въ томъ или иномъ отношеніи.

Плодомъ всего этого явился настоящій очеркъ.

Приложенныя при семъ пѣсни, сказки, пословицы и загадки авторъ собиралъ непосредственно у самихъ трухменъ. Переводъ пѣсенъ, загадокъ и пословицъ сдѣланъ природнымъ трухменомъ подъ наблюденіемъ автора. Статистическія и отчасти историческія свѣдѣнія взяты изъ архива канцеляріи управленія кочующими инородцами Ставропольской губерніи и Трухменскаго приставства.

I. Границы и географическое положеніе Трухменскихъ степей. Топографія и гидрографія мѣстности.

Трухменскія степи находятся въ восточной части Ставропольской губерніи. Съ востока онѣ граничатъ съ Астраханской губерніей, съ юга—частью съ Караногайскими степями Терской области и частью со степями Ачикулакскаго приставства Ставропольской губерніи; съ сѣвера, сѣверо-запада и юго-запада—землями сель Ставропольской губерніи.

Трухменскія степи находятся подъ $60^{\circ}30'59\frac{1}{3}''$ — $63^{\circ}25'42\frac{1}{7}''$ восточной долготы и $45^{\circ}56'35\frac{1}{3}''$ — $44^{\circ}35'49\frac{2}{3}''$ сѣверной широты. Вся мѣстность, занимаемая этими степями, имѣеть 822,965 десятинъ или 7901 кв. версту, составляя такимъ образомъ довольно значительную часть Ставропольской губерніи.

Сѣверо-западная и юго-западная части Трухменскихъ степей холмисты. Холмы эти составляютъ не что иное, какъ послѣднюю рябь той волны холмовъ, которые образуютъ такъ называемый „Ставропольскій отрогъ“ Кавказской горной системы, берущій свое начало отъ высотъ Ташлы-сырта, примыкающихъ къ сѣверной подошвѣ Эльбруса.

Холмы западныхъ частей Трухменской степи къ юго-востоку и къ р. Манычу, границѣ Астраханской губерніи, постепенно переходятъ въ совершенно новую, почти горизонтальную поверхность. Мѣстность, лежащая недалеко отъ низовьевъ р. Бумы, а также немного дальше къ сѣверу, характеризуется своимъ низменнымъ, даже отрицательнымъ положеніемъ относительно уровня океана.

Главныхъ плато въ Трухменскихъ степяхъ четыре*). Первое изъ нихъ въ западной части степи, далеко врѣзающееся между землями съ крестьянскимъ населеніемъ, имѣетъ свой центръ около селенія Казгулакскаго Ставроп. губ. и, спускаясь во всѣ четыре стороны, служить водораздѣломъ рѣкъ: Калауса, текущаго по лѣвую сторону отъ него, и Айгура, огибающаго его съ трехъ сторонъ, такъ что образуется замкнутый со всѣхъ сторонъ четырехугольникъ. Въ западной части плато это изрѣзано глубоководящею въ него балкою, сѣверные берега которой представляютъ отвѣсные уступы. Другое плато, восточнѣе предыдущаго, служитъ водораздѣломъ рѣкъ Айгура и Кучерли. Главное направленіе оно имѣетъ съ юга на сѣверъ, отдѣляя по нѣскольку небольшихъ балокъ: влѣво, впадающихъ въ Айгуръ, вправо—въ Кучерли. Съ восточнаго берега Кучерли идетъ довольно крутой подъемъ на возвышенность, тянущуюся параллельно всего берега балки Кучерли. Эта возвышенность постепенно спускается на востокъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, въ видѣ плато, изрѣзаннаго во всю длину его параллельными балками, между которыми наибольше замѣчательны: Кульниязъ, Эдильбай и друг.; всѣ онѣ составляютъ лѣвые притоки рѣки Чограя, впадающей въ р. Манычъ. Къ востоку отъ Чаграя мѣстность также сильно неровная: она состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ плато, большею частью имѣющихъ удлиненную форму и расположенныхъ параллельно отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Самое сѣверное изъ этихъ плато, Арзгирское, отведено въ надѣлъ селенію Арзгирскому; въ западной сторонѣ оно сильно изрѣ-

*) П. Кузьминъ: „Къ вопросу, насколько пригодны степи инородцевъ Ставропольской губерніи для устройства русскихъ поселеній“. Г. Тифлисъ. 1879 г.

зано перепутанными балочками. Остальные бугры отдѣляютъ отъ себя нѣсколько значительныхъ балокъ, имѣющихъ юго-восточное направленіе и впадающихъ въ р. Куму.

Протекающія въ Трухменской степи рѣчки, за исключеніемъ р. Кумы, являются типичными степными рѣчками. Наибольшее значеніе имѣютъ р.р. Кума и Калаусъ. Рѣка Кума протекаетъ около 68—70 верстъ въ южной части степи. Начиная съ Зимней Трухменской ставки р. Кума образуетъ изъ себя множество озерцовъ, рукавовъ и болотець. Берега р. Кумы покрыты огромными зарослями тростника. Руслó Кумы неглубоко; дно, большею частью, илистое вслѣдствіе того, что Кума несетъ лёссовый илъ, который и отлагается. Во время сильныхъ дождей р. Кума разливается на громадное пространство. Цвѣтъ кумской воды немного желтоватый, что зависитъ отъ находящагося въ ней лёссоваго ила; вкусъ воды совершенно прѣсный, несмотря на то что нѣкоторыя балки несутъ солоноватую воду. Интересная иллюминація устраивается иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по р. Кумѣ: осенью зажигаютъ сухой тростникъ, находящійся въ изобиліи по ея берегамъ. Высокое пламя яростно истребляетъ свою жертву — тростникъ; клубы густого дыма поднимаются кверху, и яркое зарево освѣщаетъ колеблющимся свѣтомъ окрестность. Ночью это зрѣлище, принимая какой-то фантастическій оттѣнокъ, бываетъ особенно красиво.

Для Трухменской степи р. Кума имѣетъ громадное значеніе: во-первыхъ, она разливами своими орошаетъ окрестность; во-вторыхъ, растущій по берегамъ тростникъ служитъ кормовымъ средствомъ для скота кочующихъ трухменъ, и, въ третьихъ, по р. Кумѣ водится безчисленное множество разной дичи: утокъ, гусей, лебедей, куликовъ, фазановъ и проч.; кромѣ того, водятся кабаны, сайгаки, лисы, зайцы и другія дикія животныя, охота на которыхъ можетъ доставить большой доходъ.

Рѣка Калаусъ вторая по своему значенію послѣ р. Кумы; рѣка протекаетъ около 50—55 вер. въ сѣверной части Трухменской степи и впадаетъ въ такъ называемый „Восточный Манычъ“, составляющій, по недавнимъ изслѣдованіямъ, собственно русло р. Калауса же. Калаусъ течетъ быстрѣе Кумы. Вода въ немъ непріятнаго вкуса, мутноватаго цвѣта, и несетъ мелкій песокъ и продукты измельченныхъ глинистыхъ остатковъ. Русло р. Калауса глинистое и, большею частью, совершенно отвѣсное. Берега Калауса покрыты зарослями тростника, но послѣдній не достигаетъ такого роскошнаго развитія, какъ на р. Кумѣ, гдѣ заросли эти являются настоящими джунглями. Въ сильные дожди Калаусъ, разливаясь, затопляетъ окрестность. Вслѣдствіе отвѣснаго строенія русла въ это время переѣхать рѣку вбродъ нѣтъ никакой возможности. Разливы Калауса для прилегающей къ нему мѣстности имѣютъ большое значеніе, такъ какъ способствуютъ образованію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поемныхъ луговъ (какъ напримѣръ около аула Шарахайсуна). Въ камышахъ по Калаусу водятся утки, гуси, а въ водѣ—множество раковъ.

Остальныя рѣчки, или, какъ въ степяхъ по маловодности ихъ называютъ, „балки“, для Трухменской степи имѣютъ малое значеніе, такъ какъ большая часть изъ нихъ лѣтомъ совершенно пересыхаетъ; только кое-гдѣ остаются небольшіе прудцы, заросшіе чахлымъ тростникомъ. Вода въ этихъ балкахъ соленая, противнаго вкуса; насыщенность солями послѣдней является настолько интенсивной, что даже скотъ отказывается пить ее. Изъ такихъ рѣчекъ—„балокъ“ обращаютъ на себя нѣкоторое вниманіе слѣдующія: Чограй, Ирбилю, Айгуръ и Кучерли.

Рѣчка Айгуръ или Айгыръ протекаетъ на сѣверо-западѣ Трухменской степи, образуя крутой поворотъ подъ острымъ угломъ верстъ десять ниже аула того же названія.

Лѣтомъ Айгуръ, большею частью, пересыхаетъ, и только кое-гдѣ остаются лужицы со стоячей гнилою водою, испаренія которой причиняютъ сильнѣйшую лихорадку. (Въ этомъ отношеніи самымъ неблагоприятнымъ мѣстомъ по Айгуру считается аулъ Айгуръ). Цвѣтъ воды Айгура прозрачный, вкусъ солоноватый. Айгуръ протекаетъ по Трухменской степи около 43 верстъ. Рѣчка Кучерли вытекаетъ изъ холмовъ, расположенныхъ около аула Куликовы-Копани; всего протяженія ея около 49 верстъ. У трухменъ существуетъ слѣдующее повѣрье, что будто р. Кучерли прежде не было. Поселился въ окрестностяхъ богатырь и осяю докопался до воды. Съ тѣхъ поръ и рѣка эта получила свое названіе отъ оси богатыря (ось по-трухменски „кучер“). Вода въ р. Кучерли солоноватая: она содержитъ въ себѣ много различныхъ солей.

Третья рѣчка Чограй протекаетъ около 60 верстъ. Она беретъ начало изъ холмовъ, расположенныхъ около села Арзгира, и впадаетъ въ Восточный Манычъ. Вкусъ воды въ Чограѣ соленый, но не въ такой степени, какъ у Айгура. Въ дожди Чограй разливается, особенно же сильно по близости Маныча.

Бромъ рѣкъ, въ Трухменской степи есть нѣсколько соленыхъ озеръ. Озера эти находятся въ мѣстности, расположенной къ востоку отъ села Арзгира между балками Чограй и Большимъ Темень-баемъ. Изъ соляныхъ озеръ самое замѣчательное Довсунъ, принадлежащее Терскому казачьему войску. Это озеро имѣетъ около 6 вер. длины и 2 $\frac{1}{2}$ —3 вер. ширины. Берега у него плоскіе, глинистые, покрытые солончаками съ бѣдною растительностью: Глубина озера въ срединѣ почти вездѣ одинакова и колеблется между 2—4 арш. Въ знойное лѣто озеро сильно мелѣетъ. Чѣмъ суше лѣто, тѣмъ богаче бываетъ добыча соли. Соль, добываемая изъ этого озера, низкаго качества и продается дешево: двухколесная арба соли стоитъ 50 коп., а четырехколесная—1

руб. Кромѣ этого озера, есть еще и другія соляныя озера, но послѣднія почти не эксплуатируются. Въ заключеніе этой главы необходимо сказать о колодцахъ въ Трухменской степи. Нужно много труда и расходовъ, чтобы вырыть въ степи колодецъ съ годною для питья водою, или „сладкою“, какъ принято называть въ Ставропольской губерніи. Иногда роютъ до 40—50 саж. вглубь и не находятъ воды. Если же окажется вода, да еще болѣе или менѣе прѣсная, то это является настоящимъ событіемъ для населенія. Самую лучшую воду въ Трухменскихъ степяхъ имѣетъ колодецъ аула Чурь, находящійся около 2¹/₂ верстъ отъ Лѣтней Трухменской ставки. Вода чурскаго колодца пріятнаго вкуса: она содержитъ въ себѣ весьма мало минеральныхъ примѣсей. Послѣ чурскаго колодца хорошую воду имѣетъ колодецъ аула Кучерли. Случается иногда наблюдать такое явленіе: два колодца на разстояніи какихъ-нибудь 50 саж. имѣютъ различную по составу воду: одинъ колодецъ, на примѣръ, имѣетъ горько-соленую воду, другой же совершенно прѣсную. Такія удивительныя явленія завясятъ, конечно, отъ геологическаго состава почвы.

II. Почва Трухменскихъ степей.

Трухменскія степи были дномъ моря. Это доказываютъ солончаки, часто встрѣчающіеся въ степяхъ, а также органическіе остатки, принадлежащіе къ фаунѣ исчезнувшаго моря. Въ Трухменскихъ степяхъ преобладаетъ суглинокъ, подъ которымъ на большей или меньшей глубинѣ залегаетъ желтая глина*); на возвышенностяхъ вездѣ глина. Въ юго-западной части степи находятся самыя лучшія земли изъ всей Трух-

*) П. Кузьминъ: „Къ вопросу, насколько пригодны степи инородцевъ Ставропольской губерніи для устройства русскихъ поселеній“. Г. Тифлисъ. 1879 г.

менской степи. Почва ея прекрасный суглинокъ съ богатымъ содержаніемъ органическихъ остатковъ. Большею частью, слой его глубокъ; но мѣстами обнажаются слои раковистаго известняка, въ которомъ можно иногда найти типичныя ядра *Cardium pseudocacillum* Abich, *Cardium semisulcatum* Rous, *Congeria simplex* Warb, что указываетъ на принадлежность этихъ пластовъ къ третичному періоду.

Чѣмъ ближе къ южной границѣ Трухменскихъ степей, Бараногайскому приставству, тѣмъ суглинокъ болѣе и болѣе содержитъ песку, такъ что за мечетью Нуръ-Мухомеда песокъ уже преобладаетъ надъ глиною. Въ сѣверо-западной части степей преобладаетъ желтая глина; здѣсь попадаются очень часто солончаки, такъ что почва эта мало пригодна для земледѣлія. Сѣверо-восточная часть степей имѣетъ легкія солонцоватыя почвы. Въ особенности солонцоватостью почвы отличаются мѣстности, лежащія ближе къ Восточному Маньчу, и мѣстность по балѣ Темень-бай. Въ этой мѣстности находится богатое солью озеро Довсунъ, о которомъ было сказано въ предыдущей главѣ, а также соляныя озера Малая и Большая Калмычки.

Плато, расположенное вправо отъ рѣки Калауса, покрыто богатой суглинистой почвою. По мѣрѣ пониженія этого плато слой плодороднаго суглинка становится все меньше и меньше. Здѣсь не особенно глубоко залегаютъ слои раковистаго известняка, выходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около аула Малый Барханчакъ наружу. Известнякъ этотъ принадлежитъ къ третичному періоду, такъ какъ содержитъ въ себѣ сарматскія окаменѣлости: *Marga*, *Tapes*, *Cardium* и др.

Мѣстность, расположенная около селенія Большой Барханчакъ, имѣетъ почву наносную (суглинисто-песчаную) съ примѣсью органическихъ остатковъ. Наносную почву имѣютъ также тѣ полосы земли, которыя лежатъ около рѣки Калауса

и Кумы. Почва около Балауса состоитъ изъ наносной сѣрой глины; почва эта сильно солонцовата и почти лишена растительности. Органическіе остатки, встрѣчающіеся въ этой наносной полсѣ, принадлежать или къ прѣсноводнымъ, или наземнымъ моллюскамъ (*Planorbis*, *Limneus*, *Succinea*, *Buliminus*, *Helix* и др.), или же къ не разложившимся стволамъ тростника.

Наносная почва около р. Кумы состоитъ изъ лессоваго ила, который песеть рѣка во время разливовъ.

III. Флора и фауна Трухменскихъ степей.

Флора Трухменскихъ степей носитъ типичный степной характеръ. Самыми распространенными травами на твердой, никогда непаханной, землѣ являются: ковыль (*Stipa capillata* et *Stipa pennata*), разные виды полыни (*Artemisia*), какъ на примѣръ: *Artemisia austriaca*, *Artemisia alba*. Довольно распространены также: костеръ (*Bromus secalinus* et *Bromus inermis* Leyss), матренка (*Verbascum nigrum* et *Verbascum Thapsus*). На мягкой землѣ, большею частью, произрастаетъ молочай (*Euphorbia Cyprarissias*). Перечисленные травы являются наиболѣе распространенными и, такъ сказать, составляютъ основаніе флоры Трухменскихъ степей.

Самыми первыми цвѣтами въ степи является гусятникъ (*Gagea lutea* Schult) со своими нѣжными желтыми цвѣточками и коротенькимъ стебелькомъ. Потомъ показываются желтые цвѣты одуванчика (*Taraxacum Dens-Leonis*); послѣ одуванчика появляются красивые цвѣты касатика (*Iris pumila*). Въ маѣ мѣсяцѣ (въ концѣ) цвѣтутъ уже всѣ травы.

Если дожди выпали во-время, что за прелесть представляютъ тогда степи! Степь тогда похожа на громадный зеленый коверъ, расшитый разноцвѣтными шелками.

Сдѣлаемъ же маленькую экскурсію по Трухменской степи въ періодъ мая—іюня мѣсяцевъ и рассмотримъ нѣко-

торыхъ представителей ея флоры. Мы выберемъ сначала „свободную“ Трухменскую степь, т. е. ту наибольшую часть Трухменскихъ степей, которая никогда не распаивалась, а служить только мѣстомъ кочевки для стадъ номада-трухмена.

Вотъ ровная, какъ ладонь, мѣстность. Ковыль покрылъ большую часть степи, плавно вѣя своимъ пушистымъ султаномъ; внизу ковыля ароматнымъ ковромъ стелется чоборъ (*Thymus Serpyllum*) со своимъ густымъ цвѣтениемъ; кое-гдѣ, между ковылемъ, выглядываютъ: тимоеевка (*Phleum pratense*), аржанецъ (*Phleum argenarium*), лисохвостъ луговой (*Alopecurus pratensis et agrestis*), лѣстница полевая (*Agrostis Spica venti*), золотой колосокъ (*Anthoxanthum odoratum*), дикое просо (*Milium effusum*), тонконогъ (*Festuca ovina*), трясушка (*Briza media*), луговикъ (*Aera caespitosa*), мятликъ (*Poa pratensis*), овсяница (*Festuca elatior*), ежа (*Dactylis glomerata*), костеръ (*Bromus secalinus, mollis et inermis Leyss*), пырей (*Triticum repens*). Рѣдко встрѣчающійся въ Трухменскихъ степяхъ тюльпанъ степной (*Tulipa silvestris*) иногда покажется въ сосѣдствѣ съ цвѣточками горицвѣта (*Adonis aestivalis et vernalis*) и дикаго мака (*Papaver Rhoeas*).

Пройдемте еще дальше степью. Вотъ четыре большихъ куста луговой герани (*Geranium pratense*) съ фиолетовыми цвѣтами; дальше донникъ (*Melilotus officinalis*) съ желтыми мягкими цвѣтами, которые такъ любятъ шпанскія мушкетеры (*Lytta vesicatoria*); а вотъ виднѣется съ золотистыми цвѣтами подмаренникъ (*Galium palustre*), обруженный коростовникомъ (*Scabiosa arvensis*) съ лиловыми цвѣтами и кустикомъ золотой розы (*Solidago Virga aurea*). Иногда между ковылемъ попадаетъ бѣлоцвѣтъ обыкновенный и бѣлоцвѣтъ запахучій (*Chrysanthemum Leucanthemum et inodorum*). Кое-гдѣ въ ковыльныхъ степяхъ встрѣтите лебеду (*Atriplex patula*), цикорій обыкновенный (*Cichorium Intybus*), дикую рябинку

(*Tanacetum vulgare*), козливую бороду (*Tragopogon pratensis*). Иногда встрѣчаются небольшія полянки, сплошь заросшія матренкой (*Verbascum Thapsus*), между которой стоит ястребинка зонтичная (*Hieracium pilosella*) въ сосѣдствѣ съ колокольчикомъ крутолистымъ (*Campanula rotundifolia*), лазуревые цвѣты котораго бываютъ покрыты бронзовками (*Cetonia aurata*).

Проидемте еще дальше. Вотъ большая поляна, заросшая мелкою чахлою травою; это солончакъ: или ничего не растетъ, или же растетъ разнаго рода сорная трава „курай“, какъ называютъ трухмены (*Salsola brachiata*, *Salsola Kali*, *Salsola foliosa*, *Centaurea ovina et Parviflora*, *Glycyrrhiza echinata*, *Euphorbia Cyprarissias*); кромѣ того, растетъ тощая мелкая полынь (*Artemisia austriaca*); послѣдняя составляетъ неизбежную спутницу солончаковой почвы. Нерѣдко встрѣчается на солончакъ чоборъ (*Thymus Serpyllum*), но онъ не имѣетъ такого сильнаго запаха, какъ чоборъ, растущій на хорошей, черноземной землѣ. Большая часть травъ, растущихъ на солончакахъ, имѣетъ солоноватый вкусъ и какой-то особый сѣроватый цвѣтъ. Во время сильныхъ жаровъ солончаковыя травы, скоро выгорая отъ солнца, принимаютъ грязно-желтый цвѣтъ; по цвѣту этому можно легко узнать солончакъ.

Въ ложбиннахъ, между холмами, а также иногда и широкою полосою между ковыльными степями попадаются полосы растительности, состоящей изъ разныхъ жесткихъ травъ, „бурьяна“, почему и мѣста такія называются „бурьянными“. Во время цвѣтенія травъ мѣста эти представляютъ волшебное зрѣлище по обилію цвѣтущихъ травъ и по разнообразію красокъ. Очень часто можно встрѣтить въ этихъ мѣстахъ герань луговую (*Geranium pratense*), нерѣдко высокіе кусты дикой рябинки (*Tanacetum vulgare*) и мальвъ (*Malva silvestris*) со своими блѣдно-желтыми цвѣтами, вид-

нбюющимися издали; иногда попадаетса солодковый корень (*Glycyrrhiza echinata*), ббъло-фиолетовые цвбты котораго рбзко выдбляются изъ окружающей растительности. Хорошаго развитія достигаетъ разнаго рода чертополохъ (*Carduus nutans, crispus et hamulosus*), а также растенія, извбстныя подб общимъ названіемъ татарника (*Oporogdon Acanthium, Echinops sphaerocephalus, Circaea lutetiana, Tragopogon floccosus, Cirsium acaule* и др.). Нербдко въ этой полосб можно встрбтить борщевикъ обыкновенный (*Heracleum Sphondylium*), золотую розу (*Solidago Virgaurea*), колокольчикъ развбспстый (*Campanula patula*), колокольчикъ полевой и колокольчикъ круглолистный (*Campanula glomerata et rotundifolia*), цикорій простой (*Cichorium Intybus*), козлиную бороду (*Tragopogon pratensis*), чистецъ (*Stachys recta et palustris*), двволу (*Scleranthus annuus*), бблену (*Hyosciamus niger*), мылянку (*Saponaria officinalis*), сумочникъ (*Capsella Bursa pastoris*) и дрему (*Lychnis flos cuculi*). Но всего болбе въ „бурьянныхъ“ мбстахъ встрбчается матренки (*Verbascum nigrum et Thapsus*); иногда даже невозможно пробхать отъ густыхъ зарослей этого растенія. Рбже, чбмъ въ ковыльныхъ степяхъ, встрбчаются слбдующія растенія: бблоцвбтъ (*Chrysanthemum Leucanthemum et inodorum*), степной тюльпанъ (*Tulipa silvestris*), чоборъ (*Thymus Serpyllum*).

Около дорогъ, пролегающихъ по „бурьяннымъ“ мбстамъ, можно встрбтить полевой макъ (*Paraver Rhoeas*), коростовникъ (*Scabiosa succisa*), *Melilotus alba*, *Galium verum*, *Geranium palustre*, *Tragopogon floccosus et major*, *Thymus Marchallianus et vulgaris*.

Растительность береговъ рбкъ имбеть другой характеръ, чбмъ вышеописанныя группы. Спуски къ берегамъ бывають обыкновенно покрыты матренкой (*Verbascum nigrum*) и баса-тивками (*Iris pseudacorus*). Далбе, къ рбкб, можно встрбтить дрему луговую. (*Viscaria vulgaris Moench*) съ бблыми цвб-

тами, мылянку (*Saponaria officinalis*), клеверъ ползучій (*Trifolium repens*), козлиную бороду (*Tragopogon pratensis*) и голубые цвѣты цикорія (*Cichorium Intybus*). Часто на этой полосѣ попадаются цѣлые островки, состоящіе изъ зарослей мышиного горошка и лугового (*Vicia Cracca et serium*), чины простой (*Lathyrus pratensis*), чины весенней (*Lathyrus tuberosus*) и повилики клеверной (*Cuscuta Epithimum*). Пріятное зрѣлище представляютъ эти вьющіяся растенія во время цвѣтенія по разнообразію красокъ: тутъ и фіолетовый цвѣтъ (мышиный горошекъ), и ярко-желтый (чина луговая). Иногда въ этихъ заросляхъ высоко поднимаются кусты мальвъ и дивой рябинки (*Tanacetum vulgare*), а также лютика (*Ranunculus Illiricus*).

Берега рѣчекъ, иногда почти отвѣсныя, бываютъ густо покрыты мать-мачехой (*Tussilago farfara*), которая при порывахъ вѣтра показываетъ то одну, то другую часть своихъ листьевъ. Между мать-мачехой часто встрѣчается вьюнь (*Convolvulus arvensis et serium*) со своими бѣло-розовыми цвѣтами въ формѣ бокальчика. Около самой воды можно встрѣтить съ незабудкой средней (*Myosotis palustris*) глухую крапиву (*Lamium album*), калужницу (*Caltha palustris*). Въ самой уже водѣ растутъ: тѣлорѣзь (*Stratiotes aloides*), осока (*Carex vesicaria*), болотная трава (*Calla palustris*), тростникъ (*Arundo Phragmites*), камышъ (*Scirpus lacustris*), палочникъ (*Typha angustifolia*). Тростникъ является самымъ распространеннымъ растеніемъ въ рѣчкахъ Трухменской степи. По Кумъ тростникъ достигаетъ около полутора сажень высоты и образуетъ громадныя заросли. Заросли эти по Кумъ совершенно иногда непроходимы и являются настоящими джунглями, ниѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около 8 верш. ширины. Кабаны, фазаны и другая дичь водится въ нихъ въ большомъ количествѣ.

Теперь нужно сказать о тѣхъ сорныхъ растеніяхъ, которыя любятъ селяться около жилищъ человѣка. Самыми

распространенными видами этих растений являются разные виды чертополоха (*Carduus nutans*, *crispus* и др.), а также татарникъ (*Onopordon Acanthium*), *Malva rotundifolia*, *Alhagi Camelogum*, вороняжка (*Solanum nigrum*). Эти травы также можно встрѣтить въ мѣстахъ, гдѣ были кочевья. Очень интересно то обстоятельство, что около жилищъ трухменъ и вообще въ Трухменской степи совсѣмъ почти нѣтъ жгучей крапивы (*Urtica dioica et urens*), которая такъ распространена около жилищъ въ пустыряхъ русскихъ сель средней полосы Россіи.

Изъ культурныхъ растений въ Трухменскихъ степяхъ воздѣлываются: пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, горчица (*Sinapis alba*), кукуруза и, кромѣ того, нѣкоторыми арендаторами въ маломъ количествѣ наиболѣе употребительныя овощи. Древесныя насажденія въ Трухменскихъ степяхъ находятся на Лѣтней и Зимней Трухменскихъ ставкахъ и въ маломъ количествѣ въ аулѣ Малый-Барханчагъ. Въ садахъ при Лѣтней и Зимней ставкахъ растутъ: вишни, черешни, сливы, груши, яблоня, алыча (*Prunus divaricata*), конскіе каштаны (*Aesculus Hippocastanum*), сирень (*Syringa vulgaris*), смородина, крыжовникъ, розы, малина, акація бѣлая (*Robinia Pseudoacacia*), карагачъ (*Ulmus campestris*), акація желтая (*Caragana arborescens*), тополь (*Populus alba et balsamifera*), ясень (*Fraxinus excelsior*), дубъ и вербы ракиты (*Salix cinerea*).

Обращаясь теперь къ описанію животнаго царства Трухменскихъ степей, нужно замѣтить, что южная часть степей, особенно же мѣстность, лежащая по р. Кумъ, богаче видами и количествомъ животныхъ остальныхъ частей степи. Причина этого кроется въ томъ, что мѣстность по р. Кумъ представляетъ совершенно дѣвственную степь съ богатой бе-

реговой растительностью; кромѣ того, и климать по р. Кумѣ, гораздо теплѣе остальныхъ частей степи.

Изъ крупныхъ животныхъ въ Трухменской степи по р. Кумѣ водятся кабаны (*Sus scrofa*), свободно разгуливая по зарослямъ камыша, такъ какъ трухмены считаютъ кабановъ нечистыми животными и потому не охотятся на нихъ. Въ „свободной“ Трухменской степи, особенно же въ мѣстности, граничащей съ Бараногайскимъ приставствомъ, Терской области, встрѣчаются изрѣдко сайгаки (*Antilope saiga*). Говорятъ, что прежде сайгаки встрѣчались громадными стадами очень часто. Трухмены увѣряютъ, что большая часть сайгаковъ по неизвѣстной причинѣ убѣжала въ смежную Бараногайскую степь. Кромѣ кабановъ и сайгаковъ, водятся лисы (*Canis vulpes*), волки (*Canis lupus*), зайцы (*Lepus*), хомяки (*Cricetus vulgaris*), земляные зайцы (*Alactaga jaculus*), ежи (*Erinaceus europaeus*), кроты (*Talpa europaea*), тушканчики (*Dipus bahlicus*), землеройки (*Sorex agerarius*), крысы и мыши (*Mus agrarius*). Интересно, что иногда мышей появляется такая масса, что получается настоящее нашествіе этихъ мелкихъ звѣрковъ. Авторъ настоящаго очерка былъ очевидцемъ такого нашествія мышей въ 1900 году, когда совершенно не было отъ нихъ проходу. Кошки уже совершенно не обращали на нихъ никакого вниманія. Для ловли мышей устраивались ведра съ придѣланными въ нихъ колесами. За ночь эти ведра оказывались полны мышей.

Что касается зайцевъ и волковъ, то ихъ сравнительно много въ степяхъ.

На зайцевъ трухмены охотятся по-двое, по-трое на лошадахъ. Зная, что при преслѣдованіи заяцъ иногда совершенно неожиданно для охотника бросается въ другую сторону отъ линіи бѣга, трухмены становятся другъ отъ друга на разстояніи 1—2 версты, образуя какъ бы вершины треугольника. Когда выбѣжитъ заяцъ, то ближайшій къ нему

трухмень гонится за нимъ на лошади; если же заяцъ „ломаеть“ ливію бѣга, а разгоряченная лошадь проскакиваетъ далѣе, то за зайцемъ начинаетъ скакать другой наѣздникъ. Охотясь такимъ образомъ, трухмены доводятъ зайца до того, что беззащитный звѣрекъ въ концѣ-концовъ отъ изнеможенія падаетъ на землю. Тогда трухмены берутъ его руками.

Изъ домашнихъ животныхъ въ Трухменскихъ степяхъ водятся самыя обыкновенныя: овцы, коровы, лошади, двухгорбые верблюды (*Camelus bactrianus*), козы и проч.

Птицъ въ Трухменскихъ степяхъ сравнительно порядочное количество. Зимними перватыми гостями являются: воробей (*Passer domesticus et montanus*), кузнечикъ (*Parus major*), жаворонокъ хохлатый (*Galeria cristata*). Съ приходомъ весны первыми прилетаютъ скворцы (*Sturnus vulgaris*), потомъ ласточки (*Hirundo rustica*). За этими прилетаютъ и другія птицы.

Въ солнечный ясный день въ степи можно видѣть купающихся въ горячемъ воздухѣ жаворонка (*Alauda arvensis*), красивую разноцвѣтную *Cogacias garrula* и важно ходячаго около дороги удода (*Upupa epops*), а вотъ вдали виднѣтся сѣрый журавль (*Grus cinerea*); словно бѣлые камни далеко-далеко около кургана пасутся дудаки (*Otis tarda*); иногда изъ густой травы фыркнетъ вверхъ сѣрая куропатка (*Perdix cinerea*), встрѣчающаяся вообще рѣдко въ степяхъ, такъ же, какъ перепелъ (*Coturnix communis*). По пыльной дорогѣ можно часто встрѣтить грачей (*Cogvus frugilegus*).

Много птицъ, особенно болотныхъ, водится въ кумскихъ заросляхъ тростника. Пробираясь черезъ тростникъ, вы иногда на полъ-выстрѣла спугиваете цѣлую стаю краковыхъ утокъ (*Anas Roschas*), спокойно плававшихъ въ тихомъ заливѣ; часто прилетаетъ бекасъ (*Scolopax gallinago*) со своимъ „дипъ-дипъ“; а вотъ, будто уснувшая, стоитъ сѣрая цапля (*Ardea cinerea*); иногда пролетаетъ изъ тростника въ степь и

обратно водяной пастушокъ (*Rallis aquaticus*) въ перегонку съ болотной курочкой (*Ortygometra perdicina*). Встрѣчается иногда пеликанъ (*Pelecanus crispus*), лебедь шипунъ (*Cygnus Olor*) и цѣлыя стаи чирковъ (*Anas circia*). Славная вообще охота на Бумѣ! Ягдташь всегда приносится полный дичи.

Кромѣ того, въ Бумскихъ заливахъ встрѣчается самая рѣдкая птица Трухменскихъ степей—фазанъ (*Phasianus colchicus*).

Изъ хищниковъ пернатого царства въ Трухменскихъ степяхъ встрѣчаются: лунь (*Circus cyaneus*), чеглокъ (*Falco subbuteo*), черный коршунъ (*Milvus ater*). На бурганахъ иногда встрѣчается отдыхающій царь-птицъ, орелъ (*Aquila imperialis*), считающійся въ Трухменскихъ степяхъ рѣдкимъ гостемъ съ Кавказскихъ горъ.

Въ сады при трухменскихъ ставкахъ прилетаютъ: со-рокопуть, сѣрый (*Lanius excubitor*), черный дроздъ (*Turdus merula*), козодой (*Caprimulgus europaicus*) и иногда соловей (*Erithacus philomela*).

Но что особенно много водится въ степи, такъ это ящерицы (*Lacerta viridis et agilis*). Проходя по степи въ жарвѣй день, то-и-дѣло видишь этихъ проворныхъ, увертливыхъ животныхъ.

Изъ другихъ пресмыкающихся въ Трухменскихъ степяхъ водятся: въ сырыхъ мѣстахъ, около рѣвъ, обыкновенный ужъ (*Tropidonotus natrix*), около Бумы полосатый ужъ (*Zamenis trabis*), мѣдянка простая и гладкая (*Anguis fragilis et Coronella laevis*), гадюка (*Pelias berus*) и желтопузь (*Pseudopus Pallasii*). Последний иногда достигаетъ до 1,25 метра длины. Трухмены очень боятся этого собственно безвреднаго пресмыкающагося и называютъ его, на своемъ языкѣ, дракономъ. Изъ другихъ пресмыкающихся водятся по рѣчкамъ черепахи (*Emys lutaria*), лягушки обыкновенныя и квакши (*Rana oxurhyncha et Hyla arborea*).

Что касается рыбъ, то только изъ рѣкъ Трухменской степи одна Кума отличается обиліемъ ихъ, въ остальныхъ же рѣчкахъ или совсѣмъ нѣтъ, или же очень мало рыбы. Въ р. Кумѣ водятся слѣдующія рыбы: щука обыкновенная (*Esox lucius*), окунь (*Perca fluviatilis*), пискаръ (*Cobitis barbata*), усачъ (*Barbus vulgaris*), карась (*Cyprinus carassius*) и сомъ обыкновенный (*Silurus glanis*).

Въ р.р. Кумѣ и Балаусѣ водится множество рѣчныхъ раковъ (*Astacus fluviatilis*). Авторъ сего очерка былъ очевидцемъ, какъ въ мѣстности около аула Шарахайсунъ (хуторъ Лизина) было поймано въ полчаса 139 раковъ.

Изъ представителей пауковъ въ Трухменскихъ степяхъ водится тарантулъ (*Lycosa rossica*). Интересно иногда видѣть, какъ самка-тарантулъ быстро бѣжитъ между стеблей ковыля, имѣя на спинѣ нѣсколько десятковъ молодыхъ тарантуловъ.

Въ заключеніе этой главы необходимо сказать о насѣкомыхъ, водящихся въ Трухменскихъ степяхъ. Вообще степь бѣдна насѣкомыми, въ особенности бабочками и жуками.

Автору, собиравшему насѣкомыхъ на Трухменской степи въ 1892 году, пришлось встрѣтить слѣдующихъ представителей бабочекъ: махаонъ (*Papilio Machaon*), капустница (*Pieris Brassicae*), боярышница (*Aporia crataegi*), совки (*Plusia gamma*, *Agrotis segetum*, *Agrotis exclamationis*, *Chagaeas graminis*, *Hydroecia nictilans*); изъ бражниковъ: молочай осый (*Deilephila euphorbiae*), мертвая голова (*Acherontia atropos*); кромѣ того, разные виды огневокъ и другихъ мелкихъ бабочекъ; изъ жуковъ: жужелица золотистая (*Carabus auratus*), плавунецъ (*Ditiscus latissimus*), майскій жукъ (*Melolontha vulgaris*), жужелица простая (*Carabus careaceus*), навозникъ (*Geotrope stercorarius*), могильщикъ погребальный (*Necrophorus vespillo*), черный мертвоедъ (*Silpha atrata*), божьи коровки (*Coccinellidae*), бронзовки (*Cetonia aurata*, *hitra et stictica*), шпанская муха (*Lytta vesicatoria*).

Изъ другихъ представителей насѣкомыхъ наибольшее значеніе имѣютъ для Трухменскихъ степей саранча (*Acridium migratorium et Coloptenus Italicus*), хлѣбный жукъ (*Anisoplia austriaca*) и комары (*Culicidae*). Саранча въ Трухменскихъ степяхъ появляется періодически. Изъ мѣръ, употребляемыхъ для истребленія саранчи, въ степяхъ въ большомъ ходу рытье канавъ. Саранча попадаетъ въ эти канавы, а народъ топчетъ ее ногами, бьетъ палками, сожигаетъ соломой и т. п. Для истребленія яицекъ саранчи, распахекъ осенью не производится.

Комары водятся въ Трухменскихъ степяхъ исключительно въ прикумскихъ заросляхъ. Здѣсь ихъ иногда появляется такая масса, что совершенно нельзя дышать. Особенно страдаютъ отъ комаровъ жители Зимней Трухменской ставки. Наиболѣе распространенъ комаръ обыкновенный (*Culex ripiens*), но встрѣчаются комары и другихъ видовъ.

IV. Климатъ Трухменскихъ степей.

Трухменскія степи принадлежатъ къ числу тѣхъ мѣстностей земного шара, климатъ которыхъ зимою находится подъ вліяніемъ сибирскаго антициклона, а лѣтомъ подъ вліяніемъ циклона южныхъ степей Россіи и отчасти Чернаго моря.

Вслѣдствіе этого господствующими вѣтрами въ Трухменскихъ степяхъ являются западные, юго-восточные и восточные. Юго-восточные вѣтры очень сухи и удушливы лѣтомъ, зимою же очень рѣзки, холодны. Въ холодное время года восточные и юго-восточные вѣтры обыкновенно дуютъ въ ноябрѣ и январѣ, а въ теплое—въ мартѣ, маѣ и иногда въ іюнѣ и іюлѣ. Лѣтомъ эти вѣтры иногда дуютъ въ продолженіе 2 недѣль и болѣе. Воздухъ становится раскаленнымъ, и вслѣдствіе пыли, носящейся цѣлыми тучами, чувствуется

какое-то отяжелѣніе членовъ; солнце въ это время кажется краснымъ кровавымъ шаромъ; растительность степей по большей части выгораетъ, и весь колоритъ мѣстности получаетъ грязно-желтый цвѣтъ пустыни. И ночью въ это время такъ же душно, какъ и днемъ. Это время самое опасное для воздѣлываемыхъ растений, такъ какъ въ одну недѣлю можетъ пропасть весь трудъ земледѣльца. Зимой эти вѣтры очень холодны и часто сопровождаются выпаденіемъ снѣга. Сильная снѣжная метель по-мѣстному называется „шурганомъ“. Не дай Богъ быть въ это время въ степи! Снѣгъ яростно подхватывается вѣтромъ, ледяными иголками рѣжетъ лицо ѣздока, а вѣтеръ пронизываетъ насквозь тѣло и дико завываетъ на степномъ раздолѣѣ; все кругомъ погружается въ бѣлый цвѣтъ, и нельзя различить, гдѣ кончается горизонтъ и начинается земля. „Шурганы“ приносятъ не мало убытковъ населенію степей: иногда замерзаютъ цѣлыя отары овецъ и табуны лошадей; случается, что замерзаютъ и люди.

Западные вѣтры въ противоположность описаннымъ вѣтрамъ приносятъ большею частью влагу, а зимою повышаютъ температуру. Эти вѣтры самые благопріятные для растительности. Къ сожалѣнію, они рѣдко посѣщаютъ Трухменскія степи.

Весна въ Трухменскихъ степяхъ начинается въ первыхъ числахъ марта мѣсяца. Такъ какъ снѣгу въ степяхъ выпадаетъ вообще мало, то подъ теплыми лучами солнца земля скоро высыхаетъ и покрывается яркою зеленью.

Первыми цвѣтами въ степи является гусятникъ (*Gagea lutea* Schult). Въ серединѣ мая мѣсяца цвѣтутъ уже многія травы. Если не спалить степныя травы юго-восточный сухой удушливый вѣтеръ, хороши бываютъ тогда степи! Степи тогда похожи на безпредѣльный зеленый океанъ, въ которомъ утопаетъ масса цвѣтовъ. Куда ни глянешь—все

степь, ровная степь! Развѣ только увидишь иногда кибитку номада-трухмена съ рѣзвющимися около нея полунагими ребятишками-трухменами, или же скачущаго далеко-далеко наѣздника-джигита. А высоко поднявшись надъ горизонтомъ, лаская землю, посылаетъ съ выси свои живительные лучи горячее солнце. Въ это время неподражаемо хороши бываютъ лунныя ночи! Высоко поднявшись на темносинемъ небѣ, свѣтитъ, словно электрическимъ свѣтомъ, мѣсяць; кругомъ безмолвная тишина и спокойствіе; въ воздухѣ разлитъ горькій запахъ степныхъ травъ. Чѣмъ дальше къ горизонту, тѣмъ степь кажется таинственнѣе. Словно въ сказочномъ храмѣ чувствуешь себя въ степи.

Хороши, хороши въ это время степи!

Но недолго продолжается такъ въ степяхъ. Начиная уже съ середины мая, солнце начинаетъ немилосердно жечь. Степи тогда словно раскаленная печь съ горячимъ удушливымъ воздухомъ. Если же подуетъ недѣли полторы юго-восточный сухой вѣтеръ, то всѣ степныя травы выгораютъ и мѣстность получаетъ грязно-желтоватый цвѣтъ, раздражающе дѣйствующій на органы зрѣнія. Изъ животнаго царства въ степи въ это время увидите только быстро бѣгающихъ ящерицъ да грѣющихся на солнцѣ полосатыхъ гадюкъ. Раскаленный воздухъ несетъ съ собою цѣлыя облака мелкой пыли, которая содѣйствуетъ еще болѣе тягостному настроенію. Лѣтніе жары доходятъ иногда до $+35^{\circ}+40^{\circ}\text{R.}$, и такая температура продолжается мѣсяца полтора. Въ это время въ степи можно часто наблюдать миражи (марева). Иногда кажется, что стада ходятъ надъ прозрачнымъ озеромъ и въ немъ отражаются. Малѣйшее дуновеніе вѣтерка—и миражъ пропадаетъ.

Зима въ противоположность лѣту бываетъ, болѣею частью, сырая съ рѣзкими колебаніями температуры. Холода рѣдко когда доходятъ до 20°R. и бываютъ кратковременны. Боль-

шею частью зимы въ Трухменскихъ степяхъ характеризуются тѣмъ, что температура не переходитъ выше 0°, и образуется непролазная грязь. Иногда же, въ видѣ исключенія, вся зима стоитъ холодная со степными буранами и вѣтрами. Такія зимы долго остаются въ памяти номадовъ-трухмень, такъ какъ приносятъ послѣднимъ громадныя убытки. Трухмены говорятъ, что прежде зимы были будто бы гораздо теплѣе, но съ приходомъ русскихъ стали свѣжнѣе и суровѣе. Сколько тутъ правды, сказать нельзя утвердительно.

Что касается атмосферныхъ осадковъ, то ими Трухменскія степи очень бѣдны, какъ вообще всѣ мѣстности, лежащія недалеко отъ Каспійскаго моря. Такъ въ 1899 году (по новому стилю) выпало приблизительно 370 мм. Случается, что по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ на небѣ ни облачка, и воздухъ, наполненный пылью, становится очень труднымъ для дыханія. Зимомъ и осенью воздухъ бываетъ, большею частью, очень сырой; случается, кромѣ того, что мелкій ненастный дождикъ мороситъ цѣлую недѣлю, превращая въ настоящія болота пролегающія по степи дороги. Снѣгу въ степяхъ выпадаетъ очень мало.

Въ заключеніе этой главы необходимо упомянуть о видахъ облаковъ, которыхъ чаще всего можно наблюдать въ Трухменскихъ степяхъ. Лѣтомъ небесный сводъ бываетъ, большею частью, покрытъ въ облачные дни кучевыми облаками. Зимомъ, въ пасмурные дни, можно видѣть слоистыя и дождевыя облака. Въ сухую погоду, при заходѣ солнца, нерѣдко быстро несутся въ недосыгаемой высотѣ перистыя облака при совершенно тихой внизу погодѣ. Изъ другихъ видовъ облаковъ можно часто наблюдать высокія слоистыя и грозовыя облака.

V. Памятники старины. Древніе обитатели степей. Историческія свѣдѣнія о трухменахъ и статистическія свѣдѣнія о всемъ населеніи Трухменскихъ степей.

Изъ памятниковъ старины въ Трухменскихъ степяхъ осталось множество кургановъ. Одни курганы у трухменъ называются „суба“, другіе „тобе“. Курганы перваго типа насыпаны трухменами и служатъ имъ, какъ кладбища; курганы же втораго типа оставлены древними обитателями Трухменскихъ степей. На „тобе“ трухмень-номадъ даже не сядетъ, такъ какъ считаетъ ихъ обиталищемъ злыхъ духовъ „джинновъ“ и оборотней „албасты“. Изъ кургановъ „суба“ въ Трухменскихъ степяхъ замѣчательны слѣдующія: „Базисуба“ (отъ аула Шарахалсуна 3—4 вер. на востокъ), „Полать-суба“ (около аула Кучерли), „Курбанъ-суба“ (около аула Озекъ-Суатъ), „Чанкай-суба“ (отъ Зимней ставки 7 верстъ), „Менгли-суба“ (около аула Шарахалсуны); изъ кургановъ „тобе“ замѣчательны: „Мовлянь-берды-тобе“ (въ 14—15 вер. отъ Лѣтней ставки на сѣверъ), „Шоданли-кара-тобе“ (18 вер. отъ села Арзгира въ р. Манычу), „Давлака-тобе“ (недалеко отъ аула Юсупъ).

Какой же народъ оставилъ „тобе“? Въ настоящее время на этотъ вопросъ съ точностью отвѣтить невозможно, такъ какъ ни одного „тобе“ не было разрыто и изслѣдовано. Но пользуясь ходящими о „тобе“ между трухменами разсказами, можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣрныя предположенія о древнихъ жителяхъ Трухменской степи. Разсказы у трухменъ о сокрытыхъ въ „тобе“ разныхъ предметахъ сложились не даромъ: были случайныя находки при тайныхъ разрытіяхъ „тобе“. Автору настоящаго очерка удалось узнать отъ трухменъ о вещахъ, находимыхъ въ „тобе“, слѣдующее. Иногда въ „тобе“ находятъ скелеты людей и лошадей и золотыя серьги, иногда же глиняныя горшки съ грубыми

рельефными украшеніями и сильно попорченныя отъ долгаго лежанія въ землѣ скелеты людей. Судя по всему этому, можно предположить, что курганы, въ которыхъ находятъ глиняную посуду, принадлежать болѣе древнимъ обитателямъ Трухменской степи, по всей вѣроятности, скиѣамъ, а прочія „тобе“ тѣмъ племенамъ желтой расы, которыя громадными полчищами вторглись въ предѣлы Россіи и которыя впоследствии стали извѣстны русскимъ подъ именемъ „татаръ“. Последнее предположеніе вполне основательно, если принять во вниманіе, что развалины города татарской орды, Маджара, находятся въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ отъ Трухменской степи. Въ настоящее время главное населеніе Трухменскихъ степей составляютъ трухмены, выходцы изъ Мангишлавскихъ степей. Что трухмены жили въ Закаспійской области, на это указываютъ ихъ пѣсни, преданія и сказки. Такъ Көръ-оглы въ одной пѣснѣ говоритъ: „Идите *текинскіе* беки, произведите врагамъ разрушеніе, про Көръ-оглы возвѣстите слухъ“.

Трухменамъ знакомы слѣдующія географическія названія: Мангишлакъ, Балханы, что доказываетъ, что трухмены когда-то кочевали въ этихъ мѣстахъ.

По преданію трухмень, переходъ ихъ въ русское подданство совершился при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ (1675—1682 г.). Трухмены помнятъ имя царя, разрѣшившаго имъ поселиться въ предѣлахъ своего царства. Поселившись въ предѣлахъ Россіи, трухмены долгое время кочевали вмѣстѣ съ калмыками и иногда даже управлялись калмыцкими ханами.

Въ 1771 году намѣстникъ калмыцкаго ханства, Убаша, съ большею частью калмыцкаго народа и владѣльцевъ бѣжалъ въ Китай; при этомъ онъ силою увлекъ и трухмень, несмотря на ихъ сопротивленіе. Однако же 340 кибитокъ, возвратившись, явились въ Астрахань, къ бывшему тогда

губернатору генералъ-поручику Бекешову, который приказалъ занять имъ мѣсто отъ Колпачьяго до Кумы*). Въ 1772 г. было Высочайше повелѣно: бывшихъ между калмыками трухменъ, издавна калмыками покоренныхъ и изъ отечества увлеченныхъ, причислить къ визлярскимъ ногаямъ**). Въ 1790 году къ переселившимся трухменамъ присоединились 64 кибитки трухменъ же Казакчиева рода и 80 семействъ киргизъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ изъ плѣна киргизъ-кайсаковъ и принявшихъ русское подданство.

Трухмены, выходцы изъ Мангишлака, въ это время раздѣлялись, какъ и теперь, на слѣдующіе роды: Чавдуровъ, Соинъ-Аджіевъ и Игдыровъ. Каждый родъ, кочуя вмѣстѣ, раздѣлялся на „кубы“. „Кубы“—это большія семьи, получившія названія отъ своего родоначальника. Чавдуровъ родъ раздѣлялся на слѣдующія кубы: Аладжабашъ, Калымъ, Себи, Чакчакъ, Эттъ, Соки; Соинъ-Аджіевъ на кубы: Суюндукъ, Яры, Абламынъ, Дурдакъ, Акберды; Игдыровъ родъ: Теберъ, Якши-Ходжа, Салыръ и Дузмишъ.

По малочисленности своей киргизы и казакчиевцы на кубы не раздѣлялись. Съ теченіемъ времени киргизы и казакчиевцы слились съ трухменами, выходцами изъ Мангишлака, и образовали одинъ народъ. До 1863 года трухмены жили на земляхъ калмыковъ Малодербетовскаго улуса, иногда даже управляясь калмыцкими князьямъ (нойонами). Многие трухмены брали женъ изъ калмычекъ, отчего первоначальный типъ трухменъ сильно измѣнился***). Калмыки повлияли и на характеръ трухменъ.

*) Акты Кавказской археографической комиссіи, томъ II, стр. 929.

***) Матеріалы для исторіи Кавказа съ 1772 г. по 1803 г. Буткова, часть 1-ая, стр. 311.

***) Что трухмены брали себѣ въ жены калмычекъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ интересная бумага, находящаяся въ архивѣ Трухменскаго припставства. Вотъ этотъ интересный документъ съ соблюденіемъ его ар-

Въ 1862 году трухмены ходатайствовали о надѣлѣ ихъ землею. Въ слѣдующемъ 1863 году Малодербетовскаго улуса были выворены въ Астраханскую губернію, а трухмены заняли ихъ землю и образовали пять поселенныхъ ауловъ.

Въ настоящее время трухмены раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Послѣднихъ къ 1-му января 1902 года числилось 2699 душъ мужскаго пола и 1985 женскаго. Поселенныхъ же трухменъ къ тому же числу было: 6622 душъ мужскаго пола и 4619 женскаго. Поселенные трухмены въ настоящее время живутъ въ 13-ти аулахъ, количество населенія которыхъ, а равно годъ основанія ихъ и число домовъ показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ. (Числа, показывающія количество населенія ауловъ и число домовъ, приведены за 1902 годъ къ 1-му января).

Названія ауловъ.	Годъ основанія	Число домовъ	Мужчинъ	Женщинъ.
Большой Барханчакъ	1863	204	595	402
Малый Барханчакъ	„ „	154	604	572
Кучерли	„ „	98	312	217

еографіи. „Г. Коллежскому Секретарю Белому. Кавказское областное Правленіе съ Повода отношенія Главнаго Калмыккаго Приставства пишетъ нынѣ ко мнѣ, что не рѣдко до сего магометанѣ *покупами, сманивами, и иногда усильно захватывали калмычекъ и вступали съ ними въ бракъ* съ обращеніемъ ихъ въ магометанскую вѣру, а нѣкоторые изъ калмыкъ самовольно отдѣляясь отъ своихъ улусовъ, проживаютъ между магометанами и обращаются въ вѣру сію, и чтобы для отвращенія таковыхъ безпорядковъ, сдѣлалъ я по Управленію своему строгое воспрещеніе...

Главный Приставъ Мензелинцевъ.

№ 1723-й. 1829 года 22-го Сентября.

Г. Кизляръ“.

Названія ауловъ.	Годъ основанія	Число домовъ	Мужчинъ	Женщинъ.
Куликовы Копани	1863	98	354	254
Озекъ-Суатъ	„ „	261	1349	862
Чуръ	1865	79	186	262
Маштакъ-Кулакъ	1869	129	380	267
Шарахалсунъ	„ „	248	777	581
Юсупъ-Кулакъ	1879	113	340	203
Едисанъ-гора	1884	77	187	120
Айгуръ	1890	149	349	217
Эдильбай	„ „	252	583	365
Башанша	„ „	209	606	392
Итого	—	2071	6622	4619

Къ вышеприведенной таблицѣ нужно замѣтить, что хотя жители аула „Малый Барханчакъ“ официально и называются тухменами, но общаго съ ними имѣютъ мало, такъ какъ состоятъ изъ выходцевъ казанскихъ татаръ, бѣглыхъ русскихъ и другихъ разнообразныхъ элементовъ, принявшихъ исламъ и имѣющихъ разговорный языкъ казанскихъ татаръ.

Населеніе аула Кучерли составляютъ казыларскіе татары. Казыларцы считаютъ себя потомками калмыковъ Астраханской губерніи Малодербетовскаго аула Шеретова рода, бѣжавшихъ въ Турцію. Въ Турціи они приняли магометанство. Въ ознаменованіе послѣдняго Турецкое правительство назвало ихъ „казыларцами“, т. е. „ангельскимъ“ народомъ.

Изъ Турціи казыларцы возвратились въ Россію и причислились къ Калаусо-Джембойлуковскому приставству, и по уходѣ калаускихъ ногаевъ въ Турцію присоединились въ 1866 году къ трухменамъ*). Въ настоящее время казыларцы совершенно ассимилировались трухменамъ, только языкъ ихъ содержитъ особый акцентъ трухменскаго нарѣчія; костюмъ, обычаи совершенно одинаковы съ трухменами.

Что касается названій ауловъ, то нѣкоторые аулы получили ихъ отъ кочевавшихъ трухменъ, какъ на примѣръ: Чуръ, Едисанъ, Юсупъ. Ауль Куликовы-Копани получилъ свое названіе отъ русскаго крестьянина Кулика, вырывшаго тамъ „копань“ или колодець. Ауль Бучерли получилъ свое названіе отъ балки, на которой онъ расположенъ. Ауль Озекъ-Суанъ названъ по имѣющемуся недалеко отъ него глубокому водопою („Озекъ“ по-трухменски—глубокій, суать-водопой). Ауль Маштакъ-Булакъ получилъ свое названіе отъ неглубокой балки, на которой расположенъ (маштакъ—неглубокій, плоскій, кулакъ—балка). Аулы Эдильбай и Башанта, вѣроятно, названы такъ по мѣстности, на которой расположены: дѣйствительно земля, занимаемая этими аулами, такова, что для земледѣлія она „Эдильбай“ („эдиль“ по-трухменски—большое озеро, бай—богатый) и „Байшанта“ т. е. богатѣйшая. Малый и Большой Барханчакъ получили свое названіе отъ невысокихъ холмовъ „бархановъ“, имѣющихся недалеко отъ этихъ ауловъ. Названіе аула „Айгуръ“, или „Гокъ-Айгуръ“ трухмены объясняютъ такъ. Въ очень давнія времена, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Айгуръ, проѣзжала великанша и разрѣшилась на дорогѣ сыномъ. Мальчикъ росъ такъ скоро, что черезъ часъ сдѣлался могучимъ богатыремъ, котораго послѣ назвали „Айгыръ“. Ло-

*) См. 6-ю страницу сочиненія подполковника Самойлова „Свѣдѣнія объ инородцахъ-магометанахъ Ставропольской губерніи“.

шадь, везшая богатыря, не вынесла его тяжести и на мѣстѣ вышшняго Айгура увязла въ землю. Это мѣсто было названо по имени богатыря „Айгуромъ“ или „Айгыромъ“, какъ и протекающая вблизи его степная рѣчка. Названіе „Шарахалсунъ“, вѣроятно, калмыцкое, такъ какъ въ трухменскомъ языкѣ нѣтъ этого слова и трухмены не могутъ объяснить его.

Кромѣ трухменъ, въ Трухменскихъ степяхъ живетъ 3447 муж. и 2813 жен. пногороднаго населенія, изъ которыхъ около 3000 муж. и 2500 жен. русскихъ (арендаторовъ участковъ и ихъ рабочихъ), а 261 муж. и 223 жен. нѣмцевъ, живущихъ колоніей на арендуемомъ ими трухменскомъ участкѣ № 5; кромѣ того, живетъ нѣсколько семействъ армянъ, занимающихся мелкою торговлею. Авторъ настоящаго очерка имѣетъ въ виду главнымъ образомъ трухменъ-выходцевъ изъ Мангишлака и отчасти казыларскихъ татаръ, трухменъ аула Кучерли.

VI. Физическое развитіе мужчинъ и женщинъ. Языкъ, письменность и религія.

Трухмены принадлежать къ монгольской расѣ, а именно къ турецко-татарской вѣтви ея. Трухмены средняго роста, по сложенію, большею частью, сухощавы; дородство между ними рѣдкость. Цвѣтъ лица смуглый и у большинства какой-то испитый. Форма лица продолговатая, но круглѣе чѣмъ у европейцевъ; средній носъ съ широкими ноздрями, плоскій лобъ и выдающіяся скулы. Иногда встрѣчаются типы съ правильнымъ оваломъ лица, какъ у европейцевъ, высокимъ лбомъ и безъ выдающихся скулъ. Послѣдній типъ, вѣроятно, произошелъ отъ смѣшенія съ болѣе высокою расою. Глаза у трухменъ черные, небольшіе и расположенные немного косо; сѣрыхъ глазъ почти не встрѣчается. Глаза ихъ отличаются

дальнозоркостью, такъ что каждый трухмень можетъ раз-
смотрѣть версты за двѣ и сказать вамъ, находится ли въ
данномъ мѣстѣ мужчина или женщина, молодой или старый
и т. п. Изошрению зрѣнія, конечно, много способствуетъ об-
ширный горизонтъ степей. Уши у трухмень большія и от-
топырены впередъ, какъ будто самою природою приспособлены
для остраго слуха. Трухмены имѣютъ ровные, бѣлые, какъ
снѣгъ, зубы. Такіе зубы у нихъ по природѣ, а отчасти и
потому, что они употребляютъ прѣсную пищу и почти всегда
жуютъ особую смолу, „сакызъ“, играющую въ данномъ слу-
чаѣ роль зубного порошка. У большинства трухмень борода
и усы рѣдки, волосы жестки и чернаго цвѣта. Волосы го-
ловы мужчины бреютъ, нѣкоторые же оставляютъ на макуш-
кѣ длинный чубъ. У большинства мальчиковъ 8—12 лѣтъ
оставляются особая пейсы, „вулфакъ“, на которые привѣ-
шиваются серебряныя и золотыя монеты, бубенчики и раз-
ные амулеты.

Мускулатурой и хорошо развитою грудною клеткою
трухмены похвалиться не могутъ; особенно не развиты у нихъ
мускулы рукъ, что объясняется отсутствіемъ у большинства
физическаго труда, а также вслѣдствіе плохого питанія. Не
обладая хорошо развитою мускулатурой, трухмены не отли-
чаются силою. Крестьяне окрестныхъ селъ знаютъ это хо-
рошо и называютъ трухмень очень характерно „безсильная
татарва“. Это-то безсиліе, слабость организма, замѣтна
въ походкѣ и во всѣхъ ихъ движеніяхъ. Интересно видѣть
трухмена, ѣдущаго верхомъ. На лошади онъ сидитъ съ низко-
опущенными плечами, при среднемъ бѣгѣ трясется всѣмъ
тѣломъ, особенно же сильно размахиваетъ локтями рукъ.
Вообще чувствуется какая-то дряблость въ посадкѣ, и нѣтъ
той красоты, которую приходится наблюдать при верховой
ѣздѣ казаковъ и черкесъ. Скачутъ трухмены съ тѣмъ же
„труханьемъ“ плечей и всего корпуса тѣла.

Муна иппонент,
 Коребука (Сонор, Агвечеба, пова.),
 Рана: невенчано емапука Аггуса, Аману,
 Агас, Нигрду.

The prince, F. Kambobace 1902.

...

Женщины тухменъ по большей части худы. Физическому развитію ихъ много препятствуютъ ранніе браки. Случается, что 12-ти лѣтъ тухменка уже за-мужемъ и имѣетъ годового ребенка. Вслѣдствіе этого иногда послѣ первой же брачной ночи тухменка заболѣваетъ. У тухменокъ нерѣдки выкидыши, а также совершенное безплодіе. Старѣютъ тухменки очень скоро и въ старости очень безобразны. Идеаломъ женской красоты у тухменъ является тонкая талія, сухія руки и небольшія упругія груди. Такъ въ пѣсняхъ поется: „Руки (ея) тоньше камыша, пальцы бѣлѣе серебра... Груды у милой, какъ спѣлыя яблоки... Ростъ она имѣетъ высокій, талію тонкую...“ *). Иногда между тухменками можно встрѣтить настоящихъ красавицъ съ черными блестящими глазами, съ прекраснымъ оваломъ и цвѣтомъ лица и роскошнымъ бюстомъ. Но такіе женскіе типы встрѣчаются очень рѣдко. Въ общемъ тухменки не отличаются красотой.

По складу своего характера тухмены флегматики. Въ разговорѣ замѣчается всегда какая-то вялость, на лицѣ лѣнь и заспанность. При разговорѣ тухменъ употребляетъ характерные жесты. Такъ, для показанія, что чего-нибудь нѣтъ, тухменъ трясетъ среднимъ или же указательнымъ пальцемъ; для показанія понятія о соединеніи, тухменъ показываетъ указательные пальцы обѣихъ рукъ и потомъ складываетъ эти пальцы вмѣстѣ. Эти жесты очень характерны для разговаривающихъ между собою тухменъ.

Языкъ тухменъ тюркскій, отличающійся весьма немного отъ языка казанскихъ татаръ. Къ звуковымъ особенностямъ тухменскаго языка нужно отнести невнятное произношеніе губныхъ звуковъ. Такъ звукъ *н* произносится какъ что-то среднее

*) См. приложенныя въ концѣ пѣсни.

между *б* и *ф*. Также и зубной *р* произносится неясно, подходя болѣе къ *т*. Въ трухменскомъ языкѣ существуютъ еще смягченныя (но нейотаважныя) *а*, *у*, *о*, *ы*, при чемъ смягченный звукъ *о* очень похожъ въ нѣкоторыхъ словахъ на француз. закрытое *eu*, въ большинствѣ же случаевъ онъ имѣетъ глухое произношеніе. Смягченное *ы* есть тождественное малороссійскому „*ы*“ (какъ въ малороссійскихъ словахъ: дывысь, калына и т. д.). Смягченное *у* тождественно съ таковымъ же азербейджанскимъ. Звукъ *л* (лямъ) иногда произносится какъ западно-европейское „*l*“ (калямъ-перо) въ другихъ же случаяхъ „*л*“ произносится твердо, какъ и въ русскомъ языкѣ „*л*“ въ словахъ: лапотъ, лови, луна. Какъ и вообще всѣ тюркскіе языки, трухменскій языкъ не имѣетъ родовыхъ окончаній для существительныхъ и прилагательныхъ, а также члена (article). Сравнительно съ казанско-татарскимъ языкомъ трухменскій гораздо бѣднѣе оборотами рѣчи и словами, выважающими понятія о нѣкоторыхъ предметахъ осѣдлой жизни. Это зависитъ отъ того, что трухмены, какъ кочевой народъ, незнакомы съ предметами обстановки осѣдлой жизни. Свой языкъ трухмены называютъ тюркменскимъ.

Разговорнымъ языкомъ трухменъ съ лицами, не знающими трухменскаго или родственнаго ему языковъ (ногайскаго казанско-татарскаго), служитъ русскій языкъ, все болѣе и болѣе распространяющійся между ними. На произношеніе трухменами русскихъ словъ сильно вліяютъ особенности фонетики и синтаксиса ихъ языка. Напримѣръ, трухмены говорятъ: „малчыгъ“, „большой двора“, „второй жана“ вслѣдствіе того, что трухменскій языкъ не имѣетъ родовыхъ окончаній для существительныхъ и прилагательныхъ, а твердое произношеніе „*л*“ въ словахъ „мальчигъ“ и „большой“ зависитъ отъ того, что каждое слово въ трухменскомъ языкѣ должно состоять или изъ однихъ твердыхъ гласныхъ, или же изъ мягкихъ. При разговорѣ по-русски трухмены употребляютъ

многіе малоросійскіе обороты рѣчи („іхалы до хаты“, „нехай такъ“, „стали вечерять“ и т. п.), что зависитъ отъ того, что окрестныя русскія села населены большею частью малорусами, отъ которыхъ трухмены и заимствуютъ эти обороты.

Большое вліяніе на распространеніе русскаго языка между трухменами имѣютъ находящіяся въ трухменскихъ ставкахъ одноклассныя училища.

Трухмены пишутъ арабскими буквами съ нѣкоторыми къ нимъ добавленіями, причемъ опускаютъ нѣкоторые знаки. Вслѣдствіе этого незнакомому съ ихъ языкомъ читать потрухменски очень трудно.

Письмо арабскими буквами очень распространено между трухменами, такъ что нельзя надѣяться на скорое усвоеніе ими русскаго алфавита.

Трухмены исповѣдуютъ мусульманскую вѣру суннитскаго толка.

Обрядовую сторону мусульманства трухмены соблюдаютъ очень строго, какъ напримѣръ: омовенія, время намаза и т. п. Особенно строго соблюдается постъ. Цѣлый день тогда трухмены не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ. Пища разрешается только больнымъ и беременнымъ. Если время совершенія намаза (молитвы) застанетъ трухмена въ дорогѣ, то онъ слѣзаетъ съ лошади, разстилаетъ свой верхній бешметъ и, вставъ лицомъ къ „кыблу“, усердно молится, низко наклоняясь и произнося: Поклоненіе Всечистѣйшему, Всевышнему Богу! Много трухменъ ѣздитъ каждый годъ въ Мекку на поклоненіе Каабѣ и для полученія почетнаго для мусульманина званія „хаджи“. Но зная обрядовую сторону мусульманства, большинство трухменъ совершенно незнакомы съ догматами своей религіи.

Мулла у трухменъ считается 26 человѣкъ, во главѣ которыхъ стоятъ три кадїа. Муллы ихъ ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ трухменъ: та же грязная оборванная одежда, какъ и у простыхъ трухменъ; то же занятїе и тотъ же дѣтски-наивный взглядъ на окружающїе предметы. Воспитанїе муллы получаютъ въ „мектебе“, имѣющихся при каждой почти мечети. Воспитанїе это состоитъ исключительно въ бессмысленномъ зубренїи „суръ“ корана да арабскомъ письмѣ; кромѣ этого, ничего не проходится. Состоя на службѣ обществу, муллы занимаются скотоводствомъ (у кочевыхъ трухменъ) и отчасти земледѣлїемъ (у поселенныхъ), а иногда лѣченіемъ. Ни жалованья ни пособїи отъ населенїа имъ не выдается. Трухменъ вообще нельзя назвать фанатиками, такъ какъ къ лицамъ, исповѣдывающимъ иную религію, они относятся довольно безразлично. Это, можетъ-быть, происходитъ отъ того, что, сознавая свою малочисленность, они въ силу обстоятельствъ принуждены подавлять въ себѣ чувство нетерпимости къ другимъ націямъ.)

Въ настоящее время есть нѣсколько человѣкъ крещеныхъ трухменъ. Перейдя въ христіанство, нѣкоторые изъ нихъ не тверды въ религіозныхъ убѣжденїяхъ: стоитъ позитъ крещеному трухмену между мусульманами, и при отсутствїи религіозной подготовки и подѣ влиянїемъ прежнихъ привычныхъ для него соціальныхъ условїи жизни номада-азїата, у него получается открытое сочувствїе къ ихъ религіи, вслѣдствїе чего онъ и вовсе отпадаетъ отъ христіанства. Подобный случай былъ въ 1901 году съ крещенымъ трухменомъ, Красноложскимъ, когда послѣдній, поживъ немного между трухменами-магометанами, совершенно отрекся отъ православія.

VII. Жилище, одежда, обувь и пища тухменъ.

Подъѣзжая къ тухменскому аулу, вы не увидите ни кустига древесной растительности ни вѣтряныхъ мельницъ, что обыкновенно встрѣчается въ каждомъ почти русскомъ селѣ. Хаты тухменъ имѣютъ видъ грязныхъ невзрачныхъ лачугъ, съ отпавшей отъ дождей и вѣтра мазкой. Улицы въ аулахъ почти отсутствуютъ, такъ какъ большинство хатъ строится въ безпорядкѣ, кому какъ вздумается. При въѣздѣ въ аулъ на васъ бросается цѣлая стая собакъ. Эти худыя съ лохматой шерстью животныя поднимаютъ своеобразный концертъ, неприятно дѣйствующій на уши пріѣхавшаго. Чтобы не быть покусаннымъ собаками, слѣзть съ экипажа постороннему человѣку можно только тогда, когда кто-нибудь изъ жителей аула крикнетъ на нихъ „чигъ“ и отпустить по ихъ спинамъ раза два толстою палкою. Около хатъ насыпаны кучи сѣрой кизяковой золы, навозъ и разные кухонные отбросы. Кормя грудью грязныхъ ребятъ, изъ сѣней хатъ выглядываютъ дико изъ-подъ „дастара“ тухменки. Скоро пріѣзжаго обступаетъ толпа тухменъ, обсуждая причину пріѣзда незнакомца. „Хабаръ“ (слухъ, извѣстіе) о пріѣзжемъ разносится скоро по всему аулу и доходитъ до старшины, который, одѣвшись почище и надѣвъ свой знакъ, является узнать о причинѣ вашего визита.

Войдемте въ одну изъ хатъ. При входѣ въ хату васъ обдастъ какимъ-то неприятнымъ салнымъ запахомъ. Полы въ хатахъ земляные, стѣны голы и большинство не выбѣлены. Въ хатѣ, впереди, дѣлается изъ глины особое возвышеніе, служащее продолженіемъ пола. Это возвышеніе замѣняетъ собою для хозяевъ и столъ, и стулья, и кровать. Здѣсь всегда увидите сложенные подушки, полсти, чашки для калмыцкаго чаю, расставленные маленькіе сундучки изъ разноцвѣтной жести, служащіе для храненія разнаго мелкаго до-

машного скарба. Мебели въ хатѣ нѣтъ никакой: сидятъ обыкновенно на полу, поджавши ноги и подостлавши полость. Хаты отопляются небольшими печами съ прямыми трубами. Въ печь всегда ввязывается котель, въ которомъ варится калмыцкій чай, „бешбармакъ“ или другія незатѣйливыя кушанья. Свои хаты трухмены называютъ „уй“, что значитъ просто-на-просто жилище.

Не всѣ поселенные трухмены живутъ въ хатахъ, многіе изъ нихъ и зимою предпочитаютъ кибитки. Вслѣдствіе этого аулы трухменъ состоятъ по большей части наполовину изъ хатъ и наполовину изъ кибитокъ, что представляетъ очень оригинальное зрѣлище. Кочевые трухмены живутъ и лѣтомъ и зимою въ кибиткахъ.

Устройство кибитокъ какъ поселенныхъ, такъ и кочевыхъ трухменъ одинаково.

Остовъ кибитки состоитъ изъ особой рѣшетки (тэрмъ), къ которой привязываются особыя палки (укъ); наверху этихъ палокъ придѣлывается деревянный кругъ (туиникъ), похожій на большой обручъ, съ двумя перпендикулярными другъ къ другу дугами, „чагмаракъ“; рѣшетка (тэрмъ) покрывается полстью, называемою „етесхе“; полсть эта обвязывается сверху по краямъ особыми широкими оборками; „укъ“ тоже покрывается полстями, называемыми „дурлыкъ“, поверхъ же „чагмарака“ кладется еще полсть тетыреугольной формы и называется „серфикъ“; послѣдняя особыми веревками отъкрывается и закрывается по желанію. Дверью кибитка всегда ставится на югъ. Дверь двухстворчатая и окрашена въ какіе-нибудь яркіе цвѣта. Зимою поверхъ двери кибитки навѣшивается полсть, предохраняющая отъ холода и вѣтра. При входѣ въ кибитку на васъ неприятно подѣйствуетъ ѣдкій дымъ кизяковъ, поднимающійся столбомъ въ отверстіе наверху кибитки и при сильномъ вѣтрѣ наполняющій все помещеніе. Посреди кибитки всегда стоитъ таганъ,

съ дымящимися подъ нимъ кизяками и стоящимъ около „бумганомъ“ (кувшинномъ). Полъ и стѣны кибитки устилаются полстями, а у зажиточныхъ трухменъ—коврами. Справа отъ входа стоятъ обыкновенно сундуки, обитые разноцвѣтной жестью, а на другой сторонѣ—особая этажерка-столъ. Во всякой кибиткѣ много подушекъ, маленькихъ матрацовъ, на которыхъ сидятъ и спать обитатели ея. Самое почетное мѣсто—это сѣверная сторона, напротивъ входа. Обыкновенно здѣсь сидитъ старшій въ семьѣ, поджавъ подъ себя ноги и апатично сплевывая въ сторону. Дѣти сидятъ недалеко отъ кизяковъ. При входѣ посторонняго лица они прячутся къ матерямъ и исподлобья посматриваютъ на вошедшаго.

Кибитку трухмены называютъ „тэремъ-уй“. Изъ домашней утвари въ кибиткѣ можно встрѣтить металлическій кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, служащій для умыванія. Бумганъ всегда стоитъ около тагана. Изъ посуды еще увидите деревянные чашки-ковши съ ручками для калмыцкаго чаю и большое деревянное блюдо для мяса, скороды, тазы для умовенія. Иногда въ кибиткѣ найдете музыкальный инструментъ (тамдра), похожій на мандолину, но съ болѣе длиннымъ грифомъ; кожаные мѣшки съ мукою и особо выдѣланную и зашитую по краямъ телячью кожу, служащую для храненія воды. У богатыхъ трухменъ имѣются самоваръ, чайные стаканы и блюда, а также вилки и ножи.

Одежда трухменъ на взглядъ европейца не отличается красотою.

Женская одежда состоитъ изъ штановъ, надѣваемыхъ на нагое тѣло, и поверхъ ихъ длинной рубашки съ разрѣзомъ на груди. На рубашку надѣвается бешметъ изъ матеріи яркаго цвѣта. Бешметъ шьется съ узкой таліей и очень длинными рукавами и обшивается галуномъ; грудь бешмета укра-

шается серебряными монетами, съ черными пластинками и поддѣльными цвѣтными камнями. Подпоясывается бешметъ особымъ ремнемъ, украшеннымъ спереди металлическими пластинками, бубенчиками и серебряными монетами; иногда весь „бекликъ“ дѣлается изъ кованыхъ серебряныхъ пластинокъ. Голову замужнія трухменки покрываютъ особымъ узкимъ кускомъ шелковой матеріи (чемберъ), похожимъ немного на капоръ, съ тою только разницею, что „чемберъ“ уже и длиннѣе. На „чемберъ“ надѣваютъ большую шапку изъ мѣха рѣчной выдры или же морского котика. Шапка покрывается особымъ четырехугольнымъ кускомъ шелковой матеріи (дастаръ). „Дастаръ“ замѣняетъ трухменкамъ чадру. „Дастаръ“ бываетъ краснаго, малиноваго и бѣлаго цвѣта и по краямъ обшивается золотымъ галуномъ. Бѣлый дастаръ носятъ пожилыя женщины, а также во время траура близкимъ родственникамъ. Дѣвушки-трухменки носятъ только шапку, не покрываясь дастаромъ. Обувью трухменкамъ служатъ особые мягкіе полусапожки, иногда ярко вышитые разными узорами. Въ носу трухменки носятъ особую серьгу (сергѣ), для чего прокалывается еще маленькимъ правая ноздря. Въ ушахъ тоже носятъ серьгу, называемую „сигѣ“.

Костюмъ мужчинъ состоитъ изъ штановъ и широкой рубашки съ длинными рукавами и прорѣзомъ на груди. Воротъ рубашки съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ. Поверхъ рубашки носятъ бешметъ, подпоясывающійся ремнемъ съ металлическими украшениями. У богатыхъ трухменъ поясъ бываетъ изъ кованыхъ металлическихъ пластинокъ. На бешметъ надѣваютъ широкій, неуклюжій халатъ, у богачей парчевый и бархатный, зеленаго, малиноваго и фіолетоваго цвѣтовъ; у бѣдняковъ халаты шьются изъ простого сѣраго сукна.

Обувь мужчинъ состоитъ изъ кованыхъ сапогъ съ высокими каблуками, а также мягкихъ полусапожекъ, об-

шитыхъ краснымъ и синимъ сафьяномъ. На головѣ трух-
мены носятъ маленькія ермолки съ кистью (кипечъ); на
„кипечъ“ надѣваютъ большую шапку съ суконной или же
атласной тульей. Шапка эта очень велика и каждая въ-
сидитъ не менѣе трехъ фунтовъ. Несмотря на это трухмены
и лѣтомъ, въ самые жаркіе дни, не расстаются съ нею.
Туля шапки бываетъ красного, бѣлаго и черного цвѣтовъ.
Шапки съ красными тульями носятъ холостые, съ бѣлой—
женатые и пожилые люди, а съ черной—во время траура
по близкимъ родственникамъ. Шапка для трухменъ служить
не только для предохраненія головы отъ вѣшнихъ вліяній
природы, но является иногда и мѣстомъ для храненія нѣ-
которыхъ мелкихъ вещей, напримѣръ свичекъ, трубки, порт-
моне и проч.

Бюстмы дѣтей какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ
отличаются отъ одежды взрослыхъ только украшеніями. Грудь
бешметовъ обыкновенно украшается серебряными рублями и
полтинниками, располагаемыми симметрично. На спинахъ
бешметовъ иногда пришиваютъ особыя плоскія подушечки
съ зашитыми въ нихъ молитвами. „Тумары“ обшиваются
галуномъ и украшаются монетами и маленькими бубенчи-
чками, издающими при ходьбѣ своеобразный звонъ. Тульи
дѣтскихъ шапокъ обшиваются галуномъ и наверху украша-
ются особыми шпильями (джига). Дѣтскіе бешметы шьются
изъ яркихъ матерій, большею частью, желтого или зеленого
цвѣта.

Пищу большинства трухменъ составляетъ калмыцкій
чай. Калмыцкій чай, по ихъ убѣжденію, представляетъ не
только питательную пищу, но и лѣкарственное средство отъ
многихъ болѣзней: слабости груди, простуды, ревматизма и
проч. Калмыцкій чай варится такъ. Накрошивъ чай въ

котелокъ и наливъ воды, ставятъ его на огонь. Когда чай вскипитъ, его продѣживаютъ сѣвось сито, а разварившіеся листочки выбрасываютъ. Потомъ кладутъ молока и масла, а также нѣкоторыя изъ слѣдующихъ приправъ: корицы, имбиря, гвоздики, анису. Самымъ лучшимъ по вкусу чаемъ считается тотъ, въ который положены въ извѣстной пропорціи всѣ вышеназванныя приправы.

Когда чай еще разъ вскипитъ, его снимаютъ съ огня, разливаютъ въ чашки и, приправляя солью по желанію, пьютъ съ пышками. Приготовленный такимъ способомъ чай вкусомъ вовсе не похожъ на тотъ, который мы привыкли пить каждый день: калмыцкій чай сворѣе похожъ на ароматическій бульонъ.

Калмыцкій чай трухмены пьютъ раза три-четыре въ день.

Другимъ, наиболѣе любимымъ кушаньемъ является „бешбармакъ“, что по-русски значитъ „пять пальцевъ“. Какъ указываетъ самое названіе кушанья, его ѣдятъ всѣми *пятью пальцами*. Бешбармакъ готовится такъ. Разрубленная на мелкіе кусочки баранина варится въ водѣ; потомъ баранину вынимаютъ, а въ бульонъ кладутъ макароны или же собственнаго приготовленія лапшу. Когда макароны уварятся, ихъ вынимаютъ, бульонъ и макароны ѣдятъ изъ чашекъ, а мясо руками. Сальныя руки облизываютъ или же обтираютъ о сапоги.

Бешбармакъ считается лакомымъ кушаньемъ и готовится только въ особенно торжественныхъ случаяхъ: на свадьбахъ, похоронахъ и т. п.

Трухмены умѣютъ готовить еще слѣдующія кушанья: пловъ (дуги), шашлыкъ (шаровью), казы (лошадиная колбаса).

Трухмены умѣютъ печь только прѣсный хлѣбъ. Замѣсивъ муку съ водою на разостланной на полу кожѣ, трухменка приготовляетъ изъ тѣста большія круглыя пышки, потомъ кладетъ ихъ на сковороду, покрываетъ еще сковородою и зарываетъ въ горячую золу. Черезъ полчаса хлѣбъ готовъ. Такой хлѣбъ у трухменъ называется просто хлѣбомъ. Хлѣбъ, приготовленный на опарѣ, называется „орусъ-етмегъ“, т. е. русскій хлѣбъ.

Трухмены ѣдятъ также нѣкоторыя травы, напримѣръ: чеснокъ, марамыкъ (ягоды вороняжки) и пр. Дикій чеснокъ не ѣдятъ до перваго грома; въ противномъ случаѣ можно заболѣть, какъ думаютъ трухмены.

Изъ напитковъ трухмены приготовляютъ кумысъ. Кумысъ бываетъ хорошъ весною, когда кобылицы питаются цвѣтущими степными травами. Лѣтомъ кумысъ имѣетъ плохой вкусъ и не обладаетъ той цѣлебной силой, слава о которой извѣстна всему міру.

VIII. Препровожденіе свободнаго времени. Танцы. Пѣсни.

Препровожденіе праздниковъ.

Трухмены встаютъ часовъ въ 6—7 утра. Умывшись изъ „кумгана“ и прочитавъ коротенькую молитву, принимаютъ пить свой неизмѣнный калмыцкій чай. Сначала чай пьютъ старшіе, а потомъ дѣти; съ послѣдними пьютъ также и работники. По окончаніи чаепитія каждый чпаетъ про себя установленную молитву. Послѣ чая мужчины отправляются бродить по аулу или же уѣзжаютъ въ другой аулъ на свадьбу, поминки и пр. Въ полдень варится опять чай, а вечеромъ шумонъ изъ баранины, если живутъ зажиточно.

Если случится въ аулѣ свадьба или поминки, то приходитъ безъ всякаго зова все мужеское населеніе аула.

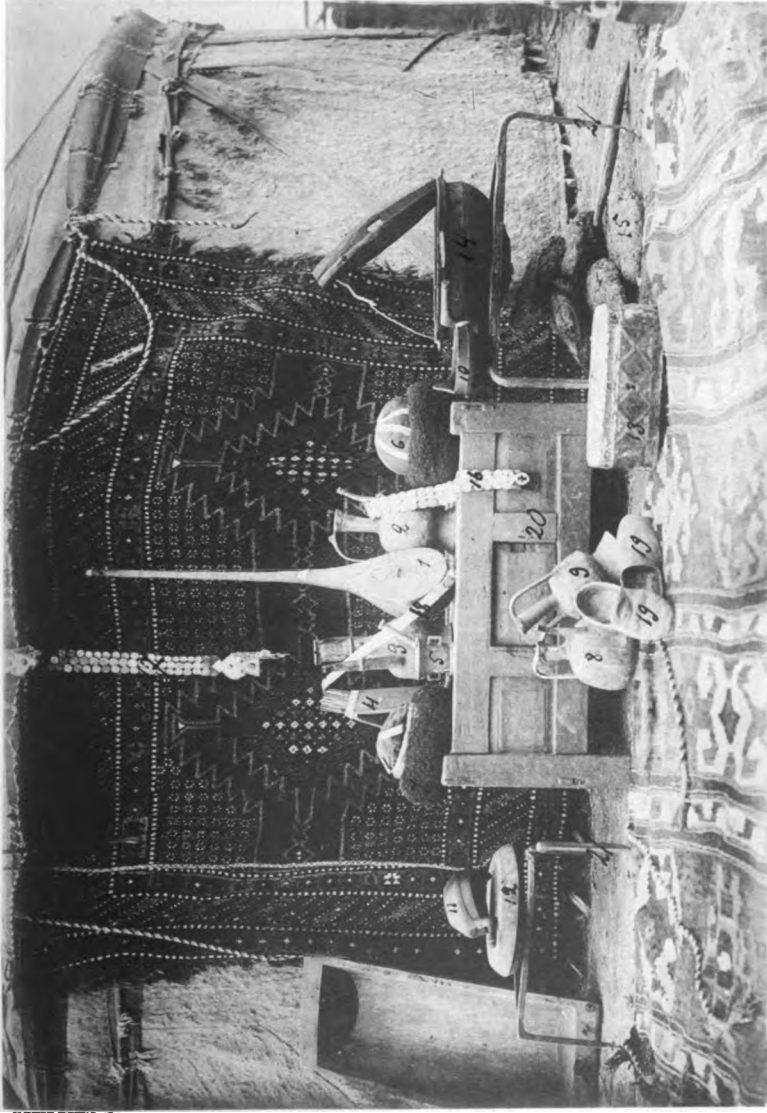
Трухмены любятъ собираться вмѣстѣ и проводить время въ разговорахъ, слушаніи пѣсенъ и танцахъ.

Интересную картину представляетъ кибитка при болѣе или менѣе многолюдномъ собраніи трухменъ. Мужчины сидятъ кружкомъ, поджавши подъ себя ноги и курия трубки; женщины сидятъ въ сторонѣ, накрывшись дастарами и кормя грудью грязныхъ ребятъ; въ котелѣ, на таганѣ, весело кипитъ калмыцкій чай, за которымъ усердно хлопочетъ хозяйка; впереди сидитъ музыкантъ, „тамдрачи“, съ двухструнной „тамдрой“ и подъ ея аккомпанементъ распѣваетъ старинныя пѣсни-былины.

Тамдра по формѣ своей похожа на мандолину, отличаясь болѣе длиннымъ и низкимъ грифомъ. На тамдру натягиваютъ двѣ жильныхъ струны, настраивающихся въ кварту. На концѣ грифа, къ винтамъ, тамдра перевязывается ниткой, которая въ данномъ случаѣ играетъ роль каподостро: съ помощью ея можно повысить строй тамдры, не прибѣгая къ винтамъ.

Поютъ трухмены речитативомъ, съ сильной вибраціей голоса и съ особымъ горловымъ произношеніемъ словъ. Такое пѣніе непріятно дѣйствуетъ на слухъ европейца.

Настроивъ тамдру, музыкантъ беретъ нѣсколько аккордовъ и начинаетъ пѣть. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ трухмены „тамдрачи“, поющего обыкновенно про богатырей: Коръ-оглы, Бегъ-Юсуна и Арсланъ-хана. Присутствующіе криками стараются воодушевить его. Эти восклицанія приводятъ пѣвца въ экзальтацію: ритмъ аккомпанемента становится все быстрѣе и быстрѣе и голосъ болѣе и болѣе гортаннымъ. Разстройство тамдры заставляетъ прекратить пѣніе. Настроивъ тамдру, тамдрачи начинаетъ опять пѣть или же играетъ что-нибудь плясовое. Тогда изъ круга встаетъ трухмень и начинаетъ танцовать.

Трещинные кремневые изделия:

- 1). Шпательный наконечник. "Палеолит", 2, 3, 4 и 9). Кремень (Хайрван) без обработки и шлифовки.
- 2). Шпатель без шлифовки и обработки. 5). Спичка и ножик. 6 и 7). Шлифованные наконечники. 8). Шпатель.
- 3). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 10 и 11). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 12). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 13). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 14). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 15). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 16). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 17). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 18). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 19). Шпатель с шлифовкой и обработкой. 20). Шпатель с шлифовкой и обработкой.

У трухменъ существуютъ слѣдующіе національные танцы: сандадолга, байзги, шелеве и чепкичи. Всѣ эти танцы очень похожи другъ на друга. Танецъ „сандадолгу“ начинаютъ съ четвертой позиціи, топя поочередно каблукими и носками сапогъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ тактъ музыки дѣлаются особыя движенія туловищемъ, руками и шей; потомъ танцующій на мгновенье останавливается и, прижавъ носокъ къ носку, ударяетъ каблукими; затѣмъ быстро обѣгаетъ кругъ и, на секунду остановившись, начинаетъ танецъ снова. „Байзги“ начинается также, какъ и „сандадолга“, но отличается тѣмъ, что кругъ не дѣлается и движенія туловища и рукъ болѣе плавны. Танецъ „шелеве“ танцуютъ только женщины. Танцуютъ его съ низкоопущенными глазами, что считается самую граціозною позою. Движенія рукъ при этомъ танцѣ похожи на жестъ, показывающій верченіе предмета въ вертикальномъ положеніи. Танецъ „чепкичи“ есть небольшое измѣненіе „сандадолги“.

Нужно сказать, что въ трухменскихъ танцахъ есть извѣстная доля граціи. Въ этомъ отношеніи выдѣляется особенно „шелеве“; къ сожалѣнію, „шелеве“ можно видѣть очень рѣдко, такъ какъ при мужчинахъ трухменки не танцуютъ.

Такъ проходитъ у трухменъ большая часть свободнаго времени. Праздники у трухменъ почти ничѣмъ не отличаются отъ будней: нѣтъ ни особыхъ развлеченій ни большого оживленія и праздничнаго разгула.

Праздниковъ у трухменъ два: „Большой Байрамъ“ и „Малый“; пятница же проводится, какъ обыкновенный будничныи день. Предъ праздникомъ „Большой Байрамъ“ у трухменъ, какъ и у всѣхъ мусульманъ, бываетъ постъ, „ураза“. Во время уразы трухмены ѣдятъ по ночамъ, а днемъ по большей части спятъ. Предъ началомъ каждаго „намаза“ (молитвы) аульный мулла, вставъ недалеко отъ мечети или залѣзши на минаретъ, высокимъ монотоннымъ голосомъ рас-

пѣваетъ положенную „суру“. Пѣніе это сопровождается переходами голоса отъ высокихъ нотъ къ болѣе низкимъ.

Черезъ три дня послѣ начала уразы трухменскіе мальчики, а также иногда и взрослые, ходятъ изъ кибитки въ кибитку своего аула съ „шермазаномъ“. „Шермазанъ“ похожъ на малороссійское щедрованье. Содержаніе „шермазана“ состоитъ, во-первыхъ, изъ привѣтствія хозяину и всему его семейству; во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ суръ изъ корана, причѣмъ арабскія слова искажены или же замѣнены туркменскими и сартскими. Вслѣдствіе этого поющіе „шермазанъ“ мало понимаютъ содержаніе его. „Шермазанъ“ поется серьезно, такъ какъ пѣніе его считается дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ молитвою. Всѣ участники „шермазана“ поютъ въ одинъ голосъ, речитативомъ и немного въ носъ. Каждый домохозяинъ даетъ распѣвающимъ „шермазанъ“ или кусокъ пышки, или лошадиной колбасы, или же денегъ. Поблагодаривъ хозяина, распѣвающіе „шермазанъ“ идутъ далѣе.

Передъ праздникомъ, дня за два, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ новой луны. Съ появленіемъ луны „ураза“ прекращается и начинается праздникъ. Наканунъ Байрама въ каждой трухменской семьѣ, имѣющей овецъ, закалывается баранъ, кожа съ котораго поступаетъ въ пользу муллы. Въ день Байрама трухмены, нарядившись въ чистые халаты, идутъ на общественный „намазъ“. Послѣ намаза, выходя изъ мечети, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и расходятся по кибиткамъ. Угощеніемъ въ праздникъ служитъ все тотъ же калмыцкій чай. Послѣ полудня молодежь устраиваетъ скачки. Скачки эти бывають безъ призовъ. Скачутъ обыкновенно верстъ на 5—6 отъ аула. Толпа по-праздничному одѣтая, съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за скачками; неумолкаемые возгласы и крики напутствуютъ наѣздииковъ.

Кромѣ скачекъ, другихъ развлеченій не бываетъ. Вообще трухменскіе праздники мало чѣмъ отличаются отъ будней. Русскіе праздники являются имъ полной противоположностью по своему разгулу и оживленію.

ІХ. Обряды и обычаи трухменъ.

С в а д ъ б а.

За невѣсту трухменами платится „калымъ“, который большею частью дается деньгами съ прибавкою нѣсколькихъ головъ скота: лошадей, верблюдовъ и коровъ; калымъ колеблется отъ 200 до 500 рублей.

Сватаютъ невѣсту люди пожилые, родственники жениха. При входѣ въ кибитку, въ которой живетъ невѣста, сваты обмѣниваются съ хозяиномъ кибитки привѣтствіемъ. Хозяинъ усаживаетъ сватовъ на почетное мѣсто, напротивъ входа. Потомъ подается чай и баранина. При общемъ разговорѣ сваты говорятъ о причинѣ своего прихода. Если отецъ согласенъ выдать свою дочь, то сваты начинаютъ рядиться о калымѣ. Обыкновенно отецъ невѣсты „запрашиваетъ“, а сваты стараются „сбавить“ цѣну. Когда произойдетъ соглашеніе о количествѣ калыма, сваты даютъ задатокъ рублей 20—25 золотыми монетами; монеты эти пробиваютъ и привязываютъ къ волосамъ невѣсты (надъ лбомъ). По этому украшенію въ аулѣ узнаютъ, что дѣвушка просватана. На другой день къ матери невѣсты приходитъ съ нѣкоторыми знакомыми женщинами мать жениха. Она приноситъ въ подарокъ мѣшечекъ „чумандрыковъ“ (особыя четырехугольныя сдобныя лепешки) и цѣлаго зарѣзаннаго барашка. Поговоривъ о разныхъ новостяхъ, женщины договариваются о днѣ, въ который долженъ быть принесенъ весь калымъ. За недѣлю отдачи калыма отецъ жениха устраиваетъ для сбора калыма особую вечеринку, называемую „муиръ берджакъ той“. При-

ходить обыкновенно все жители аула и приносят с собою денег: кто рубль, кто два и больше. Таким образом соборно собирают рублей 100—150. Каждый, приносящий с собою деньги, входя в кибитку, приветствует хозяина; хозяин отвечает теми же словами, только первое слово переставляет на место второго; потом гость говорит: „хайрли болсын!“ т. е. „добро да будет“, на что хозяин отвечает: „Алла разы болсын!“ т. е. „пусть будет такъ с Божьего благословенія“. Затѣмъ хозяинъ приглашает гостя сѣсть; гость садится и отдаетъ принесенныя деньги. Въ благодарность за это хозяинъ подноситъ гостю водки; если же гость не пьетъ спиртныхъ напитковъ, то хозяинъ предлагаетъ чаю или же проситъ взять чего-нибудь съ „дастархана“. „Дастарханомъ“ называется длинное полотенце, на которомъ наложенъ дешевый десертъ: конфеты, орѣхи, халва и мармеладъ. Дастаръ разстилается посреди кибитки на полу.

На „муиръ берджагъ той“ всегда приглашаютъ „тамдрачи“ (музыканта). Послѣдній подъ аккомпанементъ двухструнной тамдры поетъ горловымъ голосомъ пѣсни-былины про Көр-оглы, Бегъ-Юсупа и другихъ народныхъ героев. Иногда музыкантъ заиграетъ веселую „сандадолу“, и подъ ея звуки начинается пляска. Каждый изъ присутствующихъ считаетъ своимъ долгомъ положить въ пользу танцора нѣсколько копеекъ.

Во время собиранія калыма женихъ не присутствуетъ въ кибиткѣ. Обыкновенно онъ или ухаживаетъ за лошадьми прїѣхавшихъ гостей, или же принимаетъ участіе въ танцахъ, устраиваемыхъ его товарищами неподалеку отъ кибитки. Женщины во время „муиръ берджагъ той“ сидятъ въ сторонѣ, а если имѣются двѣ кибитки или хаты, то одно помѣщеніе занимаютъ мужчины, а другое женщины.

Собираніе калыма производится даже богатыми трухменами.

Собранныя на калымъ деньги передають знакомому почетному старику, который и отдаетъ ихъ отцу невѣсты черезъ почетнаго же старика послѣднихъ. Передавая собранныя на калымъ деньги, старикъ говоритъ: „Я тебѣ далъ (столько-то) денегъ?“ Второй старикъ говоритъ, что далъ. Вопросы и отвѣты эти повторяются стариками три раза. Потомъ первый старикъ спрашиваетъ всѣхъ присутствующихъ: „Всѣ вы слышали?“ — „Слышали, слышали!“ отвѣчаетъ толпа.

Свадьба называется „Келинъ аджякъ той“.

Въ условленный день въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ отецъ, мать и родственники жениха, а также знакомые почетные старики. Женихъ остается дома. Пріѣхавшимъ гостямъ подаются калмыцкій чай, бешбармакъ и водка, а также разстилается дастарханъ. Угощаютъ и обслуживаютъ гостямъ приглашенные по этому случаю молодые люди, „аякчи“. Во время угощенія пріѣхавшихъ невѣста сидитъ съ подругами и матерью за особой занавѣской; мать невѣсты обыкновенно тихонько плачетъ. Черезъ нѣкоторое время приглашается мулла. Мулла выбираетъ со стороны жениха и невѣсты по одному свидѣтелю, выходитъ съ ними къ окружающему народу и спрашиваетъ свидѣтеля со стороны невѣсты: „Это (такая-то) ваша дочь? Ты отдалъ ее за (такого-то)?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла обращается къ свидѣтелю со стороны жениха: „Это (такой-то) твой сынъ? Онъ взялъ въ жены (такую-то)?“ Свидѣтель отвѣчаетъ, что такой-то его сынъ и взялъ въ жены такую-то. Вопросы эти повторяются три раза. Потомъ мулла спрашиваетъ у окружающаго народа: „Вы слышали, что они говорили?“ — „Слышали, слышали!“ повторяетъ народъ. Послѣ этого мулла читаетъ установленную молитву, по прочтеніи которой женщины начинаютъ сваряжать и одѣвать въ дорогу невѣсту. Въ это же время выносятся на показъ народа приданое невѣсты, у богатыхъ, напримѣръ, шелковые „дастары“ и беш-

меты, серебряные „беклики“, тазы, кувшины для омовенія, ковры, подушки и т. п. Описаннаго момента съ нетерпѣніемъ ожидаютъ трухменскіе мальчуганы, такъ какъ въ это время кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты бросаетъ въ народъ дешевый десертъ: конфеты, пряники и т. п. Дѣти бросаются за даровыми лакомствами и образуютъ кучу барахтающихся человѣческихъ тѣлъ. Наконецъ приданое складываютъ на верблюдовъ, выходитъ невѣста и приближается къ арбѣ. Въ это время мать невѣсты начинаетъ плакать „айдымъ“. Содержаніе „айдыма“ въ этомъ случаѣ слѣдующее. Въ немъ мать плачетъ о томъ, что ея дочь ее покидаетъ, уходя въ другую сторону, гдѣ ей будетъ все враждебно: и люди и животныя. „Въ чужомъ аулѣ злыя собаки будутъ кусать тебя, дитя мое“, говоритъ мать: „въ чужомъ аулѣ лошади будутъ лягать тебя, дитя мое; въ чужомъ аулѣ коровы будутъ бодать тебя, дитя мое“. Кромѣ того, мать даетъ и нѣкоторые практическіе совѣты; напримѣръ, говоритъ, чтобы дочь ея не смотрѣла въ колодець, когда будетъ доставать воду, такъ какъ можетъ сдѣлаться дурно и можетъ произойти несчастье. „Айдымъ“ плачется протяжно, съ особыми завываніями и много походитъ на плачь русскихъ крестьянокъ по умершимъ родственникамъ. Послѣ окончанія „айдыма“ невѣста садится на верблюда, украшеннаго коврами, металлическими подвѣсками и бубенцами и въ сопровожденіи конныхъ всадниковъ ѣдетъ къ жениху. Приданое везется позади. Не доѣзжая версты до кибитки жениха, мужчины, сопровождающіе невѣсту, устраиваютъ скачку; обогнавшій всѣхъ получаетъ платокъ или аршина два кумачу. Невѣсту по пріѣздѣ уводятъ въ новую кибитку, называемую „агуй“, т. е. „бѣлое жилище“; мужчины отправляются въ другую кибитку. Въ „агуй“ приходятъ женщины и музыкантъ. Здѣсь женщины танцуютъ „шелеве“, ѣдятъ конфеты и пряники съ „дастархана“ и пьютъ чай. Въ дру-

гой же кибиткѣ мужчины пьютъ водгу, танцуютъ и ѣдятъ бешбармакъ.

Когда всѣ улягутся спать, женихъ тихо, словно воръ, приближается къ „агую“, въ которомъ остается только невѣста, да родственница жениха, которая и выходитъ изъ кибитки тотчасъ по прибытіи „молодого“. На родственницѣ этой лежать въ то время слѣдующія обязанности: поддерживать огонь, подавать воду для умовенія и разгонять любопытныхъ. Эта родственница называется „еньга“. Первая брачная ночь называется „шингя“.

На другой день молодые ходятъ по аулу отъ кибитки къ кибиткѣ въ сопровожденіи большой толпы народа. Около каждой кибитки молодые останавливаются и три раза кланяются домохозяину; изъ кибитокъ и хатъ на поклоны кричатъ во слѣдъ молодымъ: „Копъ яшь берсымъ Ходай сога“ (пусть Богъ дастъ вамъ много лѣтъ) или же: „Алла берсынъ! Алла берсынъ! Бахитли болсынъ!“ (Дай Богъ! дай Богъ! Будьте счастливы!).

На третій день молодая идетъ на поклонъ свекрови и свекру, которые къ этому времени готовятъ обѣдъ изъ баранины, телятины, козлятины и конины. Молодая входитъ въ кибитку и, сдѣлавъ одинъ шагъ, кланяется до земли свекрови и свекру, а потомъ цѣлуетъ ихъ. Такъ она продѣлываетъ до трехъ разъ.

Послѣ этого садятся за обѣдъ, которымъ и заканчиваются всѣ обряды, сопровождающіе свадьбу.

П о х о р о н ы .

Предварительно обмывъ тѣло умершаго водою, закрывъ ноздри и уши ватой и надѣвъ бѣлый саванъ, кладутъ умершаго на полъ кибитки, головою на западъ. Въ это время подходятъ родственники и съ дикимъ воемъ плачутъ надъ

нимъ. Мужчины повторяютъ на разные лады слово „Алла“, а женщины плачутъ „айдымъ“. Содержаніе этихъ айдымовъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ „айдымъ“ оплакивается кончина умершаго, вспоминаются нѣкоторыя событія изъ его жизни, его занятія и разговоры. Такъ по умершемъ мужѣ жена приговариваетъ между прочимъ слѣдующее:

Дулда атянъ эдикларинъ. Хакибъ алабъ кейдикларимъ, берга брень суйдикларимъ. Айдымъ анамъ заръ игласынъ... Ойда калды шемшатъ донимъ... Бръ чокира долды канымъ... Ирманъ биянъ чиканъ дисянымъ... Айдымъ анамъ заръ игласынъ... (Въ углу лежали сапоги. Встряхнувши и надѣвши ихъ, ходили вмѣстѣ съ милымъ. О! пусть мать сильнѣе плачетъ! Дома остался донъ*) изъ шемшаша**). Одна яма наполнилась кровью... Безъ меня его душа вышла... О! пусть мать сильнѣе плачетъ).

На этотъ плачъ жители аула толпами бѣгутъ къ кибиткѣ, гдѣ находится умершій. Подходя къ тѣлу умершаго, всѣ воютъ „айдымъ“.

Преданіе тѣла землѣ происходитъ въ скоромъ времени послѣ того, какъ послѣдуетъ смерть; напримѣръ, если трухмень умретъ утромъ, то въ полдень того же дня его уже хоронятъ. Положивъ тѣло умершаго на коверъ или паласъ выносятъ его изъ кабитки головой; несутъ муллы и ихъ помощники. Кочевые трухмены выкапываютъ могилу на „суба“, а поселенные—на кладбищахъ, имѣющихся при каждомъ аулѣ.

Въ могилѣ съ южной стороны дѣлается особая ниша, „лахадъ“. Въ „лахадъ“ кладутъ тѣло умершаго, головою на западъ. Во время преданія тѣла землѣ никто изъ присутствующихъ не плачетъ; но какъ только зароется могила,

*) Въ древности одежда у трухменъ.

***) Шелковая матерія въ видѣ штофа.

всѣ—мужчины и женщины поднимаютъ плачь: первые, повторяя на разные лады слово „Алла“, а вторыя, причитывая „айдымъ“: „Кара ирдынъ балъ таабанъ, кара ирдынъ іолъ таабанъ“ (Въ черной землѣ медь нашель, въ чемлѣ землѣ дорогу нашель), По прибытіи въ аулъ устраиваются поминки, на которыя приходитъ почти все населеніе аула. Къ поминкамъ припасаются груды „чумандрыкъ“ (четыреугольные сдобныя лепешки), цѣлые котлы бешбармака и калмыцкаго чаю. Пришедшіе помянуть садятся около вибитки на постланную солому и, съ серіознымъ выраженіемъ лица ѣдятъ предложенныя кушанья.

Трауръ по умершему близкіе родственники носятъ цѣлый годъ. Трауромъ для близкихъ родственниковъ у мужчинъ служатъ черныя верхъ шапокъ, а для дальнихъ—зеленаго или синяго цвѣта; для женщинъ полагаются бѣлые „дастары“. Близкіе родственники, какъ мужчины, такъ и женщины, въ теченіе цѣлаго года не перемѣняютъ нижняго и верхняго бѣлья.

И долго еще по аулу слышится печальное завываніе: „Алла!.. Кара ирдынъ балъ таабанъ, кара ирдынъ іолъ таабанъ“...

Обряды на проводахъ пилигрима въ Мекку.

Много трухменъ каждый годъ отправляется въ Мекку и Медину для поклоненія Каабѣ и полученія почетнаго для мусульманъ званія „хаджи“. Предъ отъѣздомъ на богомолье у трухменъ совершается особый обрядъ. Наканунъ этого обряда собираются гости, пьютъ у хозяина чай и слушаютъ пѣніе „тамдрачи“, всегда къ этому случаю приглашаемаго. Послѣ чаю каждый изъ гостей даетъ хозяину денегъ на дорогу: кто рубль, кто два и болѣе. На другой день весь дворъ около хаты устилается соломой. Скоро приходитъ все

мужское населеніе аула и садится на солому. Подается калмыцкій чай и бешбармакъ. Выпивъ чай и поѣвши бешбармаку, каждый изъ присутствующихъ говоритъ про себя: Алла ѳкберъ, т. е. „Великъ Богъ!“ Когда всѣ напьются чаю, встаетъ мулла и читаетъ малую молитву. Потомъ встаетъ пилигримъ и старый хаджи читаетъ длинную молитву съ положенными рука́тами. Послѣ молитвы пилигримъ садится на убранныю лошадь и ѣдетъ къ югу. Народъ въ это время кричитъ: „Хайрли болсынъ! Хайрли болсынъ!“ (Будь счастливъ). Проѣхавъ саженой 20—30, пилигримъ возвращается обратно при крикахъ народа: „Хаджи гіетръ!“ (хаджи пріѣхалъ). Пилигримъ, поздоровавшись съ народомъ, спрашиваетъ окружающихъ: „Аманъ дурдынызмы?“ (Счастливо ли живете?). Народъ на это отвѣчаетъ: Алла шекуръ. „Слава Богу!“ Послѣ этого пилигримъ слѣзаетъ съ лошади и говоритъ: „амандру!“ (здравствуйте). Окружающій народъ кричитъ: „Аманъ! Аманъ!“ (здравствуй! здравствуй).

При этомъ обрядѣ дозволяется присутствовать вмѣстѣ съ мужчинами и женщинами. Послѣднія тоже здороваются съ пилигримомъ, произнося: „аманми!“ (здравствуй). Поздоровавшись со всѣми, пилигримъ ведетъ лошадь въ сарай, а присутствующіе расходятся.

Самый день отъѣзда на паломничество бываетъ послѣ описаннаго обряда недѣли черезъ три—четыре. Народъ, окружая отъѣзжающаго пилигрима, говоритъ ему разныя пожеланія на дорогу, напримѣръ: „Якши іолга беръ!“ хорошую дорогу имѣй) и т. п. и провожаетъ версты за три отъ роднаго аула.

Х. Воспитаніе.

Какъ только родится у трухмена ребенокъ, его моютъ въ простой водѣ, а на другой день въ соленой водѣ „для скорого роста“, какъ говорятъ трухмены.

Черезъ семь дней послѣ рожденія дитяти дается имя. Мужскія имена у трухменъ очень оригинальны; напримѣръ, бывають такія имена: „Палта-полать“ (стальной топоръ), „Кылычъ“ (т.е. кинжалъ), „Казанъ“ (т.е. котелъ), „Таганъ-дурды“ (т.е. „Таганъ-стоялъ“), „Бай-джанъ“ (т.е. „Богатая душа“), „Джума“ (т.е. пятница), „Якшембе“ (т.е. воскресенье).

Иногда имена даются въ честь святыхъ, напримѣръ: „Муса“ (Моисей), „Иса“ (Иисусъ), „Гуль-Мухамедъ“ („Цветокъ-Мухамедъ“).

Когда начнутся прорѣзываться зубы, трухменка беретъ сорокъ ложекъ воды и моетъ въ ней дитя. Трухмены думаютъ, что отъ этого зубы будутъ расти бѣлые, чистые и ровные. Если дитя плохо ходитъ, то ноги его связываютъ тоненькимъ ремешкомъ, потомъ приглашается первый встрѣтившійся мальчикъ, который и разрѣзываетъ ремешокъ, получая за это нѣсколько конфетъ и орѣховъ. Вся забота о дѣтяхъ лежитъ исключительно на матери; отецъ же за рѣдкими исключеніями беретъ дитя на руки. Трухменки очень нѣжныя матери. Укладывая дѣтей, онѣ убаюкиваютъ, приговаривая „галалай-галалай“ вмѣсто русскаго „баюшки-баю“. У трухменъ имѣются и колыбельныя пѣсни. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ.

„Дидеси килеръ іолъ быле,
Галалай-галалай!
Бисеси доли хозъ быле,
Галалай-галалай!

Шолъ хозынданъ брмесе,
Узынъ ійбыгъ колга алыпъ,
Хоувалармызъ іюлъ былє,
Галалай-галалай!“

То-есть: Съ дороги идетъ отецъ, галалай-галалай! карманы у него полны орѣховъ, галалай-галалай! Если онъ этихъ орѣховъ намъ не дастъ, то я, взявъ длинную палку, погоню его по дорогѣ, Галалай-галалай!

Есть еще и другія колыбельныя пѣсни.

Какъ только трухменскія дѣти начнутъ ходить и говорить, то цѣлые дни проводятъ внѣ кибитки, играя въ степи и на улицахъ аула безъ всякаго надзора со стороны старшихъ.

Запачканныя въ пыли, невытыя, слюнявыя, покрытыя коростой, дѣти трухмень не производятъ пріятнаго впечатлѣнія. Закаляясь и въ холодѣ и жарѣ, дѣти трухмень воспитываются самою природою переносить всѣ перемѣны климата, что такъ необходимо для номада.

Дѣвочки 3—5-лѣтняго возраста уже находятся въ сторонѣ отъ мальчиковъ. Дѣвочкамъ не позволено ни бѣгать по улицамъ, ни громко говорить: игрушекъ и куколъ у нихъ не имѣется. Такимъ образомъ еще съ дѣтства дѣвочки пріучаются къ монотонной жизни, какую впоследствии ведутъ замужныя трухменскія женщины.

Къ работамъ трухменскіе мальчики не привлекаются очень долго, что является полной противоположностью съ бытомъ русскихъ крестьянъ, у которыхъ мальчуганы 9—10 лѣтъ уже боронятъ, жнутъ и сгребаютъ сѣно. Дѣвочки же съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ разнымъ домашнимъ работамъ: ухаживаютъ за дѣтьми, носятъ изъ копаней воду и т. п.

Игры трухменскихъ дѣтей грубы и по содержанію своему несложны. Изъ игръ распространены слѣдующія: „бырка“, „айчайкычъ“, „ала-кумалакъ“, „биштымбууръ“, „акъ-сьекъ“ и „этекъ-тутумъ“.

„Бырка“ играется такъ. Всѣ играющіе протягиваютъ въ одно мѣсто указательные пальцы, а одинъ быстро говоритъ о томъ, что можетъ летать и что не летаетъ. (Напримѣръ сорока, комаръ могутъ летать, а камень, червякъ, доска не могутъ). Если будетъ сказано о предметахъ, которые могутъ летать, то всѣ играющіе должны поднимать вверхъ указательные пальцы, а если будетъ сказано о предметахъ, которые не летаютъ, то пальцы не поднимаются. Допустившаго ошибку всѣ играющіе мажутъ по одному разу по щекѣ грязью или сажей; отъ этого произошло и названіе игры (быръ=одинъ, кара=черный).

Игра „айчайкычъ“ состоитъ въ слѣдующемъ. Одному мальчугану закрываютъ глаза кипечью и бьютъ по ладони. Закрытому кипечью нужно узнать, кто ударяетъ; если же отвѣтъ послѣдуетъ невѣрный, то игра продолжается тѣмъ же порядкомъ. Игра эта получила названіе отъ словъ „ай“=ладонь и „чайкычъ“=бить.

Игра „ала-кумалакъ“ состоитъ въ томъ, что, взявъ 3 пестрыхъ и 9 черныхъ орѣшковъ овечьего помета, подбираютъ ихъ вверхъ и ловятъ. Ловить можно только „кумалаки“ одного цвѣта, притомъ пестрыхъ обязательно четное число; уронившій кумалаки уступаетъ игру другому.

Слѣдующія игры бывають въ лунныя ночи.

Игра „Биштымбууръ“ состоитъ въ томъ, что играющіе, выбравъ двухъ „хановъ“, отгадываютъ загадки, которыя говорятъ имъ „ханы“. Отгадавшій загадку беретъ плеть и бьетъ ею, за исключеніемъ двухъ хановъ, всѣхъ играющихъ.

Игра „акъ-сьекъ“ состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Каждая партія выбираетъ себѣ

хана. Одинъ ханъ бросаетъ бѣлую кость. Тогда обѣ партіи бѣгутъ за брошенной костью. Нашедшій кость приноситъ ее хану своей партіи, который снова бросаетъ ее, и игра продолжается попережнему.

Болѣе сложная игра это „этекъ-тутумъ“ (держать за полу). Игра эта состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ играющіе, за исключеніемъ одного мальчика, выстраиваются по прямой линіи, каждый держась одною рукою за полу своего сосѣда впереди. Одинъ мальчикъ ловитъ переднихъ изъ строя. Пойманный становится въ сторонѣ. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ бывають переловлены всѣ. Потомъ пойманные выстраиваются въ два ряда и, пропуская между рядовъ двухъ мальчиковъ, спрашиваютъ у одного изъ нихъ: „Канда бардисякъ?“ (куда направляешься?) На это одинъ мальчикъ отвѣчаетъ: „Астраханда бардисякъ“ (въ Астрахань направляемся) и проходитъ далѣе, оставляя своего товарища, котораго играющіе прячутъ между собою. Потомъ первый мальчикъ возвращается и спрашиваетъ, не видѣли ли его верблюда; всѣ играющіе отвѣчаютъ, что не видѣли; мальчикъ опять проходитъ обратно и, возвратившись, спрашиваетъ играющихъ, не видѣли ли они его коровы, телка, лошади и т. д. Количество вопросовъ зависитъ отъ находчивости играющаго. На всѣ эти вопросы играющіе отвѣчаютъ отрицательно. Вслѣдъ за послѣднимъ отвѣтомъ товарищій спрятанный мальчикъ выбѣгаетъ и, подражая крику верблюда или мычанію коровы, ловитъ играющихъ и бьетъ ихъ. Этимъ игра и кончается.

На 8—10 году для трухменскаго мальчика устраивается такъ называемая „атаминдрю“, т. е. „сажаніе на лошадь“ (ать=лошадь, аминдрю=сажать). „Атаминдрю“ является обрядомъ, знаменующимъ собою наступленіе отрочества.

На „атаминдрю“ приглашают гостей, музыканта, покупают водки и пива. Для мальчика отец приобретает лошадь со всем снаряжением, шьет новую одежду, украшая ее галуномъ и монетами. В день „атаминдрю“ послѣ угощенія гостей отецъ мальчика приводит лошадь и сажает на нее сына. Мальчика къ этому времени одѣваютъ въ рваный бешметъ, чтобы народъ не сглазилъ“, и вѣшаютъ ему черезъ плечо сумку съ пришитыми къ ней разноцвѣтными лоскутками и молитвами.

Сажая сына на лошадь, отецъ-трухмень говоритъ: „Хайрли болсынъ!“ (Пусть добро будетъ); мальчикъ отвѣчаетъ: „Аманъ дуръ!“ (Будь здоровъ). Народъ, провожая мальчика, кричитъ: „Авши юлга баръ!“ (Хорошую дорогу имѣй).

Мальчикъ объѣзжаетъ весь аулъ и привѣтствуетъ хозяевъ кибитокъ или хатъ словами: „Аманъ дуръ“. Ему на это отвѣчаютъ: „Хайрли болсынъ!“ и кладутъ въ его сумку конфетъ и пряниковъ, а на гриву лошади привѣшиваютъ мелкія серебряныя монеты. Отъѣзжая отъ кибитки, мальчикъ говоритъ: „Алла разы болсынъ!“ (Пусть Божья благодать будетъ). Объѣхавъ весь аулъ, онъ возвращается домой.

Послѣ „атаминдрю“ нѣкоторые трухмены отдаютъ своихъ дѣтей въ „мектебе“, мусульманскія школы грамоты, или же (въ рѣдкихъ случаяхъ) въ министерскія училища, имѣющіяся на Лѣтней и Зимней Трухменскихъ ставкахъ.

Въ 1-му января 1903 года во всемъ Трухменскомъ приставствѣ было 37 мектебе съ 600 учащимися, какъ видно изъ нижеприложенной таблицы.

Названія ауловъ и фамилии трухменъ, основателей „мектебе“ въ кочевыхъ родахъ	Число школъ	Количество учащихся		
		Мальчи-ковъ	Дѣвочекъ	Всего
Поселенные аулы.				
Еджанъ-гора	1	15	15	30
Малый Барханчакъ	2	65	20	85
Большой Барханчакъ	3	35	15	50
Маштакъ-Кулагъ	1	6	—	6
Кучерли	1	5	3	8
Чуръ	1	10	5	15
Айгуръ	2	30	30	60
Булики	1	35	14	49
Юсупъ-Кулакъ	1	34	7	41
Эдильбай	6	35	15	50
Шарахалсунъ	2	17	—	17
Башанга	6	25	25	50
Озекъ-Суатъ	6	75	—	75
Кочевые роды.				
<i>Чавдуровъ родъ:</i>				
Муса Этей Аджіевъ	1	15	—	15
Шалубай Аманіазовъ	1	9	—	9
<i>Соинъ-Аджіевъ родъ:</i>				
Абдулла Нурмухаметовъ	1	30	—	30
Союндугъ Бегджанъ Эфендіевъ	1	10	—	10
Итого	37	451	149	600

Содержаніе „мектебе“ трухменамъ ничего не стоитъ. Обыкновенно каждое „мектебе“ помѣщается при мечети; учителями состоятъ аульные муллы, получившіе образованіе въ татарскихъ же „мектебе“, но немного начитанные въ мусульманскихъ вѣдѣніяхъ и знающіе кое-что изъ шаріата. За преподаваніе въ „мектебе“ муллы ничего не получаютъ, кромѣ добродѣтельныхъ пожертвованій, которыя бывають очень скудны. Внутри „мектебе“ представляетъ низкую комнату съ глинянымъ поломъ и безъ всякой мебели. Ученики сидятъ на полу, поджавъ по-азіатски ноги. Ни форточекъ ни другихъ какихъ-либо приспособленій для вентиляціи въ „мектебе“ не существуетъ; поэтому зимою въ нихъ духота стоитъ страшная, воздухъ наполненъ какимъ-то специфическимъ запахомъ, весьма непріятно дѣйствующимъ на органы обонянія непривычнаго человѣка. Уроки на домъ не задаются, а заучиваются въ „мектебе“, причемъ „суры“ Корана распѣваются всѣми учениками сразу, отъ чего получается невообразимый гамъ и шумъ.

Разсмотримъ теперь, что и какъ преподается въ этихъ „мектебе“. Поступившему въ „мектебе“ мулла даетъ листъ бумаги съ написанными на немъ арабскими буквами, которыя и заучиваются наизусть. Такъ какъ новичокъ еще не знаетъ условнаго значенія буквъ, то заучиваніе это является вполне механическимъ. Никакихъ предварительныхъ упражненій для письма и чтенія не существуетъ.

Заучиваніе азбуки продолжается болѣе трехъ мѣсяцевъ. Параллельно съ этимъ дѣти упражняются въ письмѣ буквъ. Пишутъ стальными перьями, а иногда особо очиненнымъ тростникомъ, которымъ выводятся болѣе красивыя буквы, чѣмъ обыкновеннымъ перомъ. Послѣ изученія всей азбуки для чтенія дается „Евтіекъ“, содержащій съ себѣ молитвы и нѣкоторыя изреченія изъ Корана. Занятія по „Евтіеку“ ведутся такъ. Открывъ первую страницу, мулла

читаетъ вслухъ каждому новичку строчки двѣ-три и заставляеть за собою повторять. Водя пальцемъ по указанію муллы, ученикъ безсмысленно повторяеть слова молитвы; если ученикъ черезъ нѣкоторое время позабудеть, то мулла снова повторяеть ему. Такъ продолжается до конца изученія каждой молитвы.

Вслѣдствіе такого метода обученія ученики-новички, выучивъ нѣсколько молитвъ, не могутъ прочитатъ отдѣльно взятаго слова.

Приблизительно черезъ годъ „Евтікѣ“ заучивается весь.

Достойно удивленія то обстоятельство, что, несмотря на такой убійственный методъ преподаванія грамоты, большинство учениковъ черезъ годъ кое-какъ можетъ разобрать нѣкоторыя нетрудныя слова, написанныя по-арабски. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ ученики старшаго отдѣленія являются для новичковъ репетиторами, выясняя имъ на примѣрахъ сліяніе звуковъ, связь буквъ и т. п.

На другой годъ обученія для чтенія дается Коранъ. Чтеніе Корана продолжается цѣлый годъ. Обыкновенно въ „мектебе“ трухменскія дѣти учатся не болѣе двухъ лѣтъ.

Желающіе продолжатъ ученіе поступаютъ въ „мектебе“ при мечети Нуръ-Мухамеда, преподаваніе въ которомъ поставлено гораздо рациональнѣе. Но и послѣднее „мектебе“ даетъ мало знаній: изучаются только молитвы, Коранъ и толкованіе вѣры, такъ что, кромѣ развитія фанатизма, оно ничего не приносить.

Единственными разсадницами полезныхъ знаній для трухменъ являются два министерскихъ одноклассныхъ училища: одно на Лѣтней, а другое на Зимней Трухменскихъ ставкахъ.

Первое училище для трухменъ было открыто въ 1861 году. Оно имѣло два зданія: одно на Зимней, а другое на Лѣтней ставкѣ. Учебный годъ начинался на Зимней ставкѣ,

а оканчивался на Лѣтней, потому что зимою всѣ трухмены жили по близости Зимней ставки, а на лѣто перекочевывали въ степи района второй ставки. Такъ продолжалось до 1889 года. Въ 1889 году на обѣихъ ставкахъ для училищъ были построены новыя здація, а съ 1890 года открыты два самостоятельныхъ училища и названы „Трухмено-Александровскими“ въ честь Государя Императора Александра III-го.

Въ настоящее время при каждомъ училищѣ имѣется учитель русскаго языка и „мулла“, учитель трухменскаго языка и арабской письменности. Методъ преподаванія „муллы“ ничѣмъ не отличается отъ преподаванія въ „мектебе“, о которомъ было сказано выше. Мулла преподаетъ на трухменскомъ языкѣ, а учитель—на русскомъ. Трухменскія дѣти, поступающія въ училища, большею частью, совершенно не понимаютъ русской рѣчи. Поэтому въ преподаваніи всѣхъ предметовъ учителю русскаго языка приходится прибѣгать къ такъ называемому натуральному методу.

Содержаніе двухъ училищъ въ 1902 году обошлось въ 4365 р. 61 к., а учащихся было всего 53 человѣка! Такимъ образомъ расходъ на одного учащагося выразится довольно краснорѣчивою цифрою: 82 р. 37 к.! Но несмотря на такія громадныя траты, большая часть трухменъ съ довѣріемъ смотритъ на училища. Въ настоящее время (1905 г.) на Лѣтней стоянкѣ выстроено новое громадное каменное зданіе для училища, въ которомъ будетъ интернатъ и нѣкоторыя мастерскія (слесарная и столярная). Интернатъ будетъ имѣть большое значеніе для развитія поступившихъ учениковъ, при умѣломъ, конечно, руководствѣ завѣдывающаго училищемъ.

XI. Занятія жителей.

Трухмены, живя въ Закаспійской области, занимались исключительно скотоводствомъ. Переселившись въ Прикас-

пійскія степи Россіи, они нашли всѣ благопріятныя условія, необходимыя для номада, а именно: обширность степей, рѣдкость населенія и т. п. Поэтому и здѣсь трухмены стали заниматься почти исключительно скотоводствомъ. Кромѣ скотоводства, трухмены занимались перевозкой на верблюдахъ краснаго товара изъ горъ: Моздока въ горъ Тифлисъ. Въ 1836 году, какъ видно изъ дѣла канцеляріи Трухменскаго приставства, вышло около 1500 верблюдовъ.

Съ теченіемъ времени большая часть верблюдовъ у нихъ перевелась отъ холода и голода, вслѣдствіе чего извозничій промыселъ былъ совершенно заброшенъ.

Скотоводство у трухменъ всегда зависѣло отъ капризовъ природы: въ сравнительно мягкую зиму стада трухменъ, получая въ достаточномъ количествѣ кормъ, увеличивались въ количествѣ и отчасти улучшались и въ качествѣ; въ снѣжныя же холодныя зимы домашнія животныя, разводимыя трухменами, не находя себѣ корма и не имѣя защиты отъ рѣзкихъ вліяній природы, погибали массами. Сѣна трухмены не заготовляли. Въ концѣ концовъ масса трухменъ, потерявъ весь почти свой скотъ, осталась совершенно безъ всякихъ средствъ къ существованію. Терпя страшную нужду и не зная никакихъ ремеслъ, они принуждены были въ силу необходимости просить о надѣлѣ ихъ землю, зная, что земля и безъ ухода за нею дастъ безбѣдное существованіе, если будетъ отдаваться въ аренду или съ третьей. Вотъ причина, почему многіе изъ трухменъ пожелали имѣть земельный надѣлъ. Съ этимъ согласны всѣ лица, хорошо знающія бытъ трухменъ. Между прочимъ, такъ говоритъ объ этомъ бывшій главный приставъ г. Самойловъ (бывш. карсскій военный губернаторъ). „Ошибочно предполагать, что кочевки согласились принять душевой надѣлъ изъ сознанія превосходства осѣдлой жизни передъ кочевой. Совершить этотъ переходъ принудило ихъ уменьшеніе скотоводства, лишившее ихъ воз-

возможности совершать перекочевку на р. Куму, и возникшая отъ того крайняя бѣдность. Къ принятію земли въ опредѣленныхъ границахъ ихъ также понудило пріобрѣтеніе права раздавать землю крестьянамъ подъ распашку, получая $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{5}$ часть сбора, смотря по условію». (См. соч. Самойлова: „Свѣдѣнія объ пнородцахъ-магометанахъ Ставропольской губерніи“, стр. 7).

Въ настоящее время (1903 г.) имѣютъ надѣлъ 13 поселенныхъ ауловъ, остальные же трухмены занимаются исключительно скотоводствомъ. Количество земли у поселенцевъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

№ по ряду	Названія ауловъ	Всего земли десятинъ	Изъ этого количества сдано въ аренду	Въ собствен- номъ распо- ряженіи	Среднее ко- личество на одну душу
1	Едисанъ-Гора	9500	2000	7500	40,,
2	Малый Барханчагъ . .	9750	—	9750	16,,
3	Большой Барханчагъ . .	19456	7253	12203	20,,
4	Маштакъ-Кулакъ . . .	16240	6600	9640	25,,
5	Чуръ	12000	5100	6900	37,,
6	Кучерли	15400	6334	9060	29,,
7	Кулики	12000	4000	8000	22,,
8	Шарахалсунъ	39190	—	39190	50,,
9	Юсупъ-Кулакъ	16600	4000	12600	37,,
10	Айгуръ	18216	4976	13240	37,,
11	Эдильбай	19533	5700	13833	23,,
12	Башанта	19467	4217	15250	25,,
13	Озекъ-Сюанъ	52890	11200	41690	30,,
	Итого	260462	61380	198862	29,,

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, количество земли у трухмень-поселенцевъ громадно: не даромъ имъ завидуютъ крестьяне окружающихъ русскихъ селъ. Но приносятъ ли эта земля ту пользу, которую могла бы принести при умѣломъ владѣнн и пользованн ею? Въ сожалѣнн, множество фактовъ приводятъ къ тому заключенн, что такое обилн земли трухмень служить только во вредъ, развивая въ нихъ лѣнь и извѣстную безпечность о завтрашнемъ днѣ. Большинство поселенныхъ трухмень земледѣлнмъ совершенно не занимается, а стараются продать большую часть своего надѣла на извѣстный срокъ русскимъ крестьянамъ, выговаривая себѣ при этомъ, кромѣ арендныхъ денегъ, съ каждой десятины еще по пуду муки и по возу соломы. Вырученныхъ за землю денегъ трухмену совершенно достаточно на годъ, причемъ не нужно ни работать до пота лица ни болѣть душой за посѣянное. Если бы у трухмень было меньше земли, то въ силу необходимости они должны бы были сами обрабатывать ее, такъ какъ арендной платы было бы недостаточно тогда для прожитн на годъ. Управленн трухменами старалось всевозможными средствами прнхотнть ихъ къ земледѣлню, но ничего не помогло: въ настоящее время большинство поселенныхъ трухмень совершенно не занимается земледѣлнмъ.

Въ Трухменскихъ степяхъ прекрасно произрастаетъ пшеница, овесъ, ячмень и просо; ленъ родится годомъ и даетъ обильный урожай.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся цифровыя данныя, касающнся урожая, сбора и посѣва хлѣбовъ у поселенныхъ трухмень за 1902 годъ.

№ по по- ряду	Названія хлѣбовъ	Посѣяно четвертей	Собрано четвертей	Урожай сажъ
1	Озимая пшеница	20472	92124	4,8
2	Овесь	9106	36424	4
3	Ячмень	3731	37310	10
4	Просо	225	1125	5
5	Льнъ	10238	не уродилъ.	0
Итого . .		43772	166983	3,8

Какъ видно изъ этой таблицы, средній выводъ равенъ 3,8. Такая, сравнительно, малая урожайность хлѣбовъ зависитъ отъ года (не уродилось льна), а также отъ примитивнаго способа обработки земли.

Система сельскаго хозяйства у трухменъ залежная. На цѣлинной землѣ, покрытой ковылемъ и полынью, сѣютъ льнъ. Въ хорошій урожай калмыцкая десятина (4000 кв. саж.) даетъ болѣе 150 пудовъ льна.

Послѣ льна сѣется пшеница или овесъ. Затѣмъ землѣ даютъ отдохнуть года два-три и засѣваютъ снова. Пахутъ трухмены легкимъ желѣзнымъ тиромъ и букаремъ, запрягая 2—4 пары быковъ. Для боронованія употребляется желѣзная борона. Боронятъ землю на скорую руку; поэтому въ посѣвахъ постоянно много разнаго бурьяна.

Хлѣбъ молотятъ особымъ каменнымъ цилиндромъ, который возятъ быки или лошади.

Вотъ въ общихъ чертахъ состояніе земледѣлія у трухменъ въ настоящее время.

Кромѣ земледѣлія, поселенные трухмены занимаются еще скотоводствомъ, которое есть главнѣйшее занятіе кочевыхъ трухменъ.

Обширность пастбищъ, рѣдкость населенія, приспособленность животныхъ къ климату—вотъ благоприятныя условія для развитія скотоводства, имѣющіяся въ распоряженіи трухменъ. Но несмотря на это, скотоводство у нихъ едва-едва достигаетъ цифры 157601 головы всѣхъ видовъ домашнихъ животныхъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы за 1903 годъ.

№ по порядку	Названіе домашнихъ животныхъ	Количество животныхъ	Въ ‰ кь общему числу домашнихъ животныхъ
1	Верблюды	5126	3,2
2	Крупный рогатый скотъ . . .	25285	16,04
3	Овцы	107244	68,04
4	Козы	6968	4,4
5	Лошади	12978	8,2
Итого		157601	—

Какъ видно изъ этой таблицы, у трухменъ разводится болѣе всего овецъ, составляющихъ 68,04 ‰ всѣхъ разводимыхъ домашнихъ животныхъ; лошадей сравнительно мало (8,2 ‰), несмотря на обширность пастбищъ и прекрасный степной кормъ. Рогатаго скота 16,04 ‰, что совершенно достаточно для домашняго обихода. Верблюдовъ и козъ сравнительно мало.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся свѣдѣнія о количествѣ скота по отдѣльнымъ ауламъ и кочевымъ родамъ за 1903 годъ. Свѣдѣнія эти взяты изъ канцеляріи Управленія кочующими инородцами Ставропольской губерніи.

№ по плану	Названія ауловъ и кочевыхъ родовъ	Верблюды.	Лошадей	Крупнаго скота	Козы	Овцы	Всего	Отношеніе въ %/о къ общему количеству скота, разводяго всѣми трухменами
1	{ Кочевые роды { По сезоннымъ ауламъ	1952	5304	2777	1482	23169	34684	22,0
2		1483	3070	2964	1181	28512	37210	23,4
3		1208	771	942	1140	15762	19823	12,5
4		69	184	1074	15	1564	2906	1,8
5		"	91	553	9	444	1097	0,8
6		"	217	1105	"	6025	7347	4,8
7		9	425	1092	100	3086	4712	2,9
8		"	275	1836	199	2157	4467	2,8
9		12	254	913	49	1755	2983	1,8
10		1	317	1496	376	5198	7388	4,8
11		"	304	2393	463	5550	8710	5,5
12		"	150	1118	99	1749	3116	1,9
13		"	131	1162	19	1478	2790	1,7
14		139	570	2111	627	2712	6159	3,9
15		112	598	2293	935	6318	10256	6,5
16		141	317	1456	274	1765	3953	2,8

Какъ видно изъ этой таблицы, 58,1% всего скота принадлежит кочевымъ трухменамъ, а 41,9% — поселеннымъ. Изъ кочевыхъ родовъ больше всѣхъ имѣеть скота Соинъ-Аджіевъ родъ (23,8%), у Игдырова же рода скота меньше въ два раза (12,8%), чѣмъ у Соинъ-Аджіева. Изъ поселенныхъ ауловъ самымъ большимъ количествомъ скота обладаютъ аулы Озекъ-Суать (6,8%) и Шарахалсунъ (5,8%), а самымъ меньшимъ Едисанъ-Гора (0,8%). Необходимо еще замѣтить, что у поселеннымъ трухменъ, какъ видно изъ таблицы, очень мало верблюдовъ и козъ (у нѣкоторыхъ даже вовсе нѣтъ), но зато больше, чѣмъ у кочевыхъ, крупнаго рогатаго скота. Разводимыя трухменами овцы курдючной породы, рогатый скотъ калмыцкой, а лошади „азиатской“ или „степной“ породы. Самымъ драгоценнымъ животнымъ въ жизни трухменъ является овца. Она доставляетъ для нихъ пищу (мясо, сало), одежду (курпен, овчины), освѣщеніе (сало), отопленіе (кизяки) и жилище (полсти, которыми покрываются кибитки). „Имѣя своимъ хозяиномъ кочевника, курдючная овца должна была приспособиться какъ къ далекимъ передвиженіямъ, такъ и къ суровому содержанію, такъ какъ круглый годъ данная овца находится подъ открытымъ небомъ и питается почти однимъ подножнымъ кормомъ. Для далекихъ передвиженій природа надѣляетъ ее длинными, крѣпкими ногами, а для перенесенія голода и холода данная овца имѣеть курдюкъ. Курдюкъ, содержащій избытокъ жира, играетъ въ организмѣ овцы такую же роль, какъ горбъ у верблюда, а именно: въ нуждѣ организмъ заимствуетъ изъ него недостающее въ кормовыхъ веществахъ большее или меньшее количество жира, въ размѣрѣ необходимомъ для полученія потребной животной теплоты*“.

*) Де-Фріу: „Общій обзоръ овцеводства у трухменъ Ставропольской губерніи“ (Отчетъ о состояніи ветеринарной части въ Ставропольской губерніи за 1898 годъ).

ный рогатый скотъ у трухменъ довольно мелкій и невзрачный на видъ. „Разведение производилось и производится безъ всякой системы; скотъ круглый годъ находится подъ открытымъ небомъ, стойчески перенося различныя переменныя погоды“. Хотя масса скота пропадаетъ, „но зато оставшіяся въ живыхъ закалились, обладаютъ желѣзнымъ здоровьемъ и сдѣлались очень выносливы“. Содержание животныхъ у кочующихъ трухменъ тѣсно связано съ кочеваніемъ. Съ зимнихъ кочевій (по р. Кумѣ) трухмены кочуютъ съ срединѣ марта или въ началѣ апрѣля мѣсяца. Передъ кочеваніемъ рѣшетка кибитки складывается, связывается и кладется на верблюда или же на двухколесную арбу вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе громоздкими домашними вещами. Впереди обыкновенно ѣдутъ женщины, сидя на подушкахъ вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми. Въ день проходится верстъ 16—20. Во время кочеванія трухмены живутъ въ шалашахъ (делунахъ). Со своими стадами трухмены располагаются по балкамъ: Чограй, Ангуста, Кучерли и Голуби. Выбравъ подходящее для болѣе или менѣе продолжительной остановки мѣсто, трухмены ставятъ кибитку, а животныхъ разбиваютъ на отдѣльныя стада; каждое стадо обыкновенно состоитъ изъ одного вида животныхъ. Въ стадахъ крупнаго рогатаго скота раздѣленій не дѣлается: вмѣстѣ пасутся дойныя коровы, подтелки, бугаи, нетели. Скотъ отъ „кочевки“ (такъ называется мѣсто, гдѣ стоитъ кибитка) пасется въ 2-3-хъ верстахъ подъ присмотромъ пастуховъ, число которыхъ зависитъ отъ количества головъ въ стадѣ. Крупный рогатый скотъ поится два раза въ сутки: въ 10-11 часовъ дня и въ 7 часовъ вечера, а овцы — одинъ разъ въ сутки (въ 11-22 часовъ дня). Лѣтній уходъ за животными у поселенныхъ трухменъ

*) Де-Фриу: „Общій обзоръ скотоводства у трухменъ Ставропольской губерніи“.

ничѣмъ не отличается отъ таковаго же кочевыхъ трухменъ. Бочевники-трухмены выпасываютъ свои стада исключительно на цѣлинныхъ земляхъ, заросшихъ ковылемъ, пыреемъ, полынью и другими степными травами.

Скотъ поселенцевъ въ началѣ весны бродить близъ ауловъ; когда же весна окончательно установится, скотъ раздѣлится на стада и сначала выпасывается всюду, гдѣ имѣются цѣлины, съ апрѣля же мѣсяца выпасывается на худшихъ цѣлинахъ, а лучшія цѣлины берутся для сѣнокоса. Послѣ уборки хлѣбовъ скотъ выпасывается на жнивьяхъ, потомъ до перваго снѣга — на ближнихъ ставахъ и толокахъ. Зимой скотъ у поселенныхъ трухменъ содержится въ открытыхъ базахъ и кормится соломой и сѣномъ, которыхъ дается понемногу, нѣсколько разъ въ день.

На зиму кочевые трухмены перекочевываютъ на южную сторону степей, въ р. Кумъ. Здѣсь трухмены устраиваютъ небольшіе сараи, въ которые загоняютъ только слабыхъ животныхъ, да болѣе дорогихъ; остальной же скотъ, несмотря на самую ужасную степную метель, всегда находится подъ открытымъ небомъ. Сѣно дается только крупному рогатому скоту и верблюдамъ, остальные же животныя поддерживаютъ свое существованіе исключительно подножными кормомъ. Только во время метелей, глубокихъ снѣговъ сѣно дается и остальнымъ животнымъ. Во время снѣжныхъ метелей скотъ у кочевыхъ трухменъ загоняется въ кумскія заросли тростника, которыя доставляютъ кое-какое прикрытіе отъ сильнаго пронизывающаго вѣтра и бѣшено кружащагося снѣга. Нельзя безъ состраданія смотрѣть въ это время на загнанныхъ въ тростникъ животныхъ: отъ сильнаго вѣтра они трясутся всѣмъ тѣломъ и, какъ дѣти, жалобно смотрятъ на своего хозяина, какъ бы прося укрывать ихъ отъ непогоды. Вѣтеръ въ это время яростно воетъ, морозъ сковываетъ все живое, а снѣгъ засыпаетъ замерзшихъ. Эти степныя вьюги,

„бураны“, много уносятъ скота какъ у кочевыхъ, такъ и поселенныхъ трухменъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся свѣдѣнія о количествѣ крупнаго рогатаго скота и овецъ за 10 лѣтъ. Изъ этой таблицы видно, какая масса скота падаетъ въ сѣвѣжныя холодныя зимы. (Въ данномъ случаѣ холодными зимами отличались 1888 и 1892 г.г.).

Годы	Кочевые трухмены		Поселенные трухмены	
	Количество овецъ	Количество крупнаго рогатаго скота	Количество овецъ	Количество крупнаго рогатаго скота
1888	148540	6365	22431	6884
1889	106615	6165	16639	7406
1890	111220	6562	17129	8437
1891	119639	6822	18909	8416
1892	119848	6221	31068	10281
1893	42471	3765	27532	10675
1894	48493	4042	28772	9754
1895	54818	4636	32461	10960
1896	53466	5044	34041	13868
1897	55001	5184	33253	*

Какъ видно изъ этой таблицы, холодная сѣвѣжная зима 1888—1889 года унесла у кочевыхъ 20,8%, а у поселен-

*) Свѣдѣній не имѣется.

ныхъ 25,8% овецъ; болѣе же холодная и снѣжная зима 1892—1893 года у кочевыхъ трухменъ унесла 41,0% крупнаго рогатаго скота и 65,8% овецъ! Довольно одной такой зимы, и масса трухменъ-кочевиковъ становится бѣдняками. Въ настоящее время благосостояніе кочевыхъ трухменъ распатано въ конецъ. Скотоводствомъ изъ нихъ занимаются болѣе или менѣе успѣшно не болѣе 50-ти семействъ; остальные же кочуютъ по привычкѣ, влача самое жалкое существованіе.

Каждый годъ масса кочевыхъ трухменъ изъявляетъ желаніе приписаться къ обществамъ поселенныхъ трухменъ.

Трухмены, кромѣ скотоводства (а поселенные отчасти и земледѣлія), не знаютъ никакихъ промысловъ, ни ремеслъ: нѣтъ у нихъ ни печниковъ, ни столяровъ, ни кузнецовъ; даже простыхъ хатъ не умѣютъ свлечь, а пользуются для этого услугами и знаніями русскихъ крестьянъ.

По всей вѣроятности не пройдетъ и двухъ десятковъ лѣтъ, какъ всѣ трухмены будутъ осѣдлы и займутся болѣе дѣятельно сельскимъ хозяйствомъ. Трухменамъ по русской пословицѣ „чтобы ѣсть калачи, не придется сидѣть на печи“. Бросить лѣнь заставить нужда; знанія же и опытъ, необходимые для занятія земледѣліемъ, трухмены приобрѣтаютъ у русскихъ крестьянъ Ставропольской губерніи, у которыхъ въ настоящее время имѣются и усовершенствованныя земледѣльческія машины и орудія, и практика, необходимая для всякаго живого дѣла.

XII. Гигіеническое и санитарное состояніе трухменскаго населенія.

На физическое развитіе, здоровье, движеніе населенія у трухменъ имѣютъ большое вліяніе устройство ихъ жи-

лицъ климатъ, экономическое и социальное положеніе. Разсмотримъ же теперь гигиеническія условія, въ которыхъ живутъ тухмены. Хаты поселенныхъ тухменъ очень малы, тѣсны и содержатся въ высшей степени грязно. Воздухъ въ нихъ никогда не провѣтривается, вслѣдствіе чего имѣетъ какой-то сальный тухлый запахъ. Мебели въ хатахъ нѣтъ никакой; вся семья спитъ на полу, подостлавъ рванья полсти, въ которыхъ кишмя кишатъ непріятные паразиты.

Еще хуже дѣло обстоитъ въ кибиткѣ. Отъ тлѣющихъ кизяковъ зимою въ послѣдней всегда дымно и душно. Этотъ дымъ вредно вліяетъ на глаза и дыхательные органы, развивая разныя болѣзни, напримѣръ: гнойное воспаленіе глазъ, катаръ дыхательныхъ органовъ и т. п. Полъ въ кибиткѣ зимою всегда сырой. Вслѣдствіе этого многіе тухмены болѣютъ ревматизмомъ суставовъ и мышцъ, который у нихъ принимаетъ по большей части длительный, хроническій характеръ. Тухмены очень нечистоплотны какъ въ отношеніи одежды, такъ и въ уходѣ за своимъ тѣломъ. Одежда снимается рѣдко и моется небрежно. Къ омыванію тѣла водою они относятся съ какимъ-то особымъ инстинктивнымъ отвращеніемъ. О баняхъ и ваннахъ у тухменъ и помину нѣтъ. Немытые, грязные тухмены страдаютъ разными кожными болѣзнями, коростой и хроническими сыпями. Въ довершеніе всего между поселенными тухменами сильно развита „дурная болѣзнь“, сифилисъ, который между ними свилъ себѣ прочное гнѣздо, найдя для своего развитія всѣ благопріятныя условія: грязь, тѣсноту, отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о борьбѣ съ нимъ и проч. и проч. Въ нѣкоторыхъ аулахъ большихъ сифилисомъ очень много (какъ, напримѣръ, въ аулахъ: Юсупъ-Кулакъ, Чуръ). Къ сожалѣнію, тухмены-сифилитики только тогда обращаются за медицинской помощью, когда этотъ страшный бичъ человѣчества уже успѣетъ

пустить глубокіе корни въ организмѣ, отчего борьба съ нимъ становится очень трудною и почти бесполезною.

Плохое питаніе трухменъ имѣетъ большое вліяніе на развитіе у нихъ разныхъ заболѣваній.

Какъ мы уже видѣли изъ 7-й главы настоящаго очерка, пища трухменъ состоитъ главнымъ образомъ изъ калмыцкаго чая съ прѣснымъ хлѣбомъ (пышкой). Хотя въ чай прибавляютъ молока, но въ такомъ сравнительно маломъ количествѣ къ общему составу смѣси, что говорить о питательности его совершенно не приходится. Вслѣдствіе плохого питанія трухмены худы, изнурены и многіе страдаютъ хроническими катарамъ желудка и кишокъ. Для подтвержденія всего вышеннеложеннаго авторъ считаетъ необходимымъ привести свѣдѣнія о болѣзняхъ, констатированныхъ врачомъ кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи и фельдшерами у трухменъ, обращавшихся за медицинскою помощію въ приемные покои при трухменскихъ ставкахъ. Таблица эта содержитъ данныя свѣдѣнія за три года и взята изъ „дѣлъ“ приемныхъ покоевъ Лѣтней и Зимней ставокъ.

№№ по порядку	Названіе болѣзней	число больныхъ				Въ % къ общему числу больныхъ за 3 года
		За 1899 годъ	За 1900 годъ	За 1901 годъ	За три года	
1	Оспа натуральная	5	—	—	5	0,11
2	Дифтеритъ	5	2	—	7	0,14
3	Крупъ	—	20	—	20	0,4
4	Корь	—	—	73	73	1,3
5	Гриппъ	—	—	23	23	0,44

№№ по порядку	Названіе болѣзней	ЧИСЛО БОЛЬНЫХЪ				
		За 1899 годъ	За 1900 годъ	За 1901 годъ	За три года	Въ % изъ общему числу больныхъ за 3 года
6	Сыпной тифъ	—	29	—	29	0,60
7	Брюшной тифъ	—	13	—	13	0,27
8	Бровавый поносъ	3	—	1	4	0,08
9	Заушница	—	—	2	2	0,04
10	Рожа	—	—	1	1	0,02
11	Гнойное воспаленіе глазъ . .	—	—	20	20	0,4
12	Сифились	3	3	6	12	0,24
13	Венерическія болѣзни (триперъ, мяг. шан.). . .	11	—	2	13	0,27
14	Бугорчатка	—	—	2	2	0,04
15	Малярія	361	303	314	978	20,8
16	Чесотка	15	50	42	107	2,2
17	Глисты	3	2	4	9	0,18
18	Катаръ дыхательн. органовъ	106	104	97	307	6,4
19	Воспаленіе плевры	—	1	1	2	0,04
20	Воспаленіе легкихъ и плевры	4	1	4	9	0,18

№№ по порядку	Название болѣзней	ЧИСЛО БОЛЬНЫХЪ				
		За 1899 годъ	За 1900 годъ	За 1901 годъ	За три года	Въ %/о изъ общему числу болѣзней за 3 года
21	Прочія болѣзни дыхательныхъ органовъ	41	58	47	146	3,0
22	Воспаленіе сердца и его оболочекъ	2	—	—	2	0,06
23	Органическія болѣзни сердца	3	1	2	6	0,12
24	„ „ сосудовъ	4	—	—	4	0,08
25	Ангина	—	22	19	41	0,8
26	Стоматитъ	—	27	26	53	1,1
27	Желудочно-кишечный катаръ	149	203	198	550	11,0
28	Болѣзни желудка	26	16	46	88	1,8
29	„ кишокъ	12	8	23	43	0,9
30	„ печени	1	2	—	3	0,06
31	„ брюшины	1	—	1	2	0,04
32	Воспаленіе мочевыхъ органовъ	3	1	4	8	0,16
33	Брайтова болѣзнь	—	1	1	2	0,04
34	Болѣзни мужскихъ половыхъ органовъ	2	—	1	3	0,06

№ по порядку	Название болѣзней	ЧИСЛО БОЛЬНЫХЪ				
		За 1899 годъ	За 1900 годъ	За 1901 годъ	За три года	Въ % к общему числу болѣзныхъ за 3 года
35	Болѣзни женск. полов. орган.	—	3	4	7	0,14
36	Разстройство умствен. способв	2	1	—	3	0,06
37	Эпилепсія	—	—	3	3	0,06
38	Неврастенія и судорож. болѣзни	39	40	62	141	2,77
39	Апоплексія и параличъ . .	—	—	1	1	0,02
40	Мышечный ревматизмъ . .	28	30	22	80	1,6
41	Хроническія сыни	80	94	136	310	6,77
42	Воспаленіе подкож. клѣтчатки	19	20	22	61	1,2
43	Карбункулъ	17	36	34	87	1,8
44	Глазныя болѣзни	84	85	138	307	6,2
45	Ушныя болѣзни	14	13	9	36	0,77
46	Переломы	12	5	2	19	0,4
47	Костоѣда	25	67	47	139	2,9
48	Сочленовый ревматизмъ . .	61	55	82	198	4,1
49	Болѣзни болѣзныхъ суставовъ	4	6	13	23	0,48
50	Вывихи	—	2	3	5	0,1

№ по порядку	Название болѣзней	Число больныхъ				
		За 1899 годъ	За 1900 годъ	За 1901 годъ	За три года	Въ % къ общему числу больныхъ за 3 года
51	Сведенія	1	—	2	3	0,00
52	Послѣродовыя болѣзни . .	1	2	2	5	0,1
53	Маразмъ и старческій антоновъ огонь	17	—	—	17	0,3
54	Цынга	6	1	1	8	0,16
55	Золотуха	9	5	11	25	0,5
56	Худосочныя язвы	56	46	49	151	3,1
57	Доброкачественныя опухоли .	24	26	21	71	1,4
58	Ушибы	23	17	28	68	1,4
59	Раны	49	52	53	154	3,2
60	Отравленіе алкоголемъ . . .	1	—	—	1	0,02
61	Ожоги	22	16	18	56	1,1
62	Замерзанія	2	—	—	2	0,04
63	Не вошедшія въ эту номенклат.	—	3	3	6	0,12
64	Повторныя	59	—	117	176	3,2
Всего . . .		1410	1497	1843	4750	—

Разсматривая эту таблицу, видимъ, что съ глазами болѣзнями было 6,2%, съ ревматизмомъ (сочленовымъ и мышечнымъ) 5,7%, съ хроническими сынями 6,4%, съ чесоткой 2,2%, а съ желудочно-кишечнымъ катаромъ 11,3%. Всего же болѣе было страдающихъ маляріей—20,3%. Лихорадочною мѣстностью въ Трухменской степи можетъ считаться мѣстность, лежащая около р. Бумы, гдѣ гниющей тростникъ и камышь, а также довольно тихое теченіе этой рѣки способствуютъ развитію маляріи. Вообще, какъ видно изъ этой таблицы, заболѣваемость между трухменами сильна.

Несмотря на эту сильную заболѣваемость, у трухменъ не имѣется лѣчебницы, хотя имѣется огромный общественный капиталъ и большіе доходы съ оброчныхъ статей. Имѣются же только маленькія аптечки при каждой трухменской ставкѣ. Врачъ одинъ для всѣхъ кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи. На долю его приходится громадное пространство—въ 12,401 кв. версту! Конечно, ему нѣтъ никакой физической возможности удовлетворить всѣхъ больныхъ. Большинство трухменъ съ недоувѣріемъ относится къ врачу и фельдшерамъ и предпочитаетъ лѣчиться у своихъ муллъ.

Изъ причинъ, особенно губительно вліяющихъ на движеніе населенія у трухменъ, являются ранніе браки. Нерѣдко случается, что дѣвочка 11—12 лѣтъ, еще неспособная отправлять обязанности жены и матери, выходитъ замужъ за тридцатилѣтняго мужчину. Вслѣдствіе этого многія трухменки послѣ первой же брачной ночи заболѣваютъ и, болѣя потомъ почти цѣлую жизнь, приносятъ впослѣдствіи слабое потомство. Въ настоящее время женщинъ у трухменъ всего 6622 человека, а мужчинъ—9368.

Вслѣдствіе раннихъ браковъ, сифилиса, плохого питанія и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней трухмены выраждаются. Нижеслѣдующая таблица, содержащая въ себѣ свѣдѣнія

о движеніи населенія за 10 лѣтъ (1893—1902 г. г.), показываетъ, что у трухменъ въ каждое десятилѣтіе болѣе умираетъ, чѣмъ нарождается на 63 человѣка. (Свѣдѣнія эти взяты изъ статистическихъ дѣлъ канцеляріи Трухменскаго приставства за 10 лѣтъ).

Годы	Число родившихся			Число умершихъ			Прибавь или убавь (+привавь, --убавь)
	Мужчинъ	Женщинъ	Обоего пола	Мужчинъ	Женщинъ	Обоего пола	
1893	213	188	401	195	159	354	+ 47
1894	151	102	253	109	84	193	+ 60
1895	243	221	464	230	248	478	— 14
1896	143	116	259	120	112	232	+ 27
1897	270	187	457	237	186	423	+ 34
1898	246	186	432	307	229	536	--104
1899	249	215	464	313	246	559	— 95
1900	177	198	375	186	227	413	— 38
1901	302	226	528	278	202	480	+ 48
1902	401	245	646	405	269	674	— 28
Итого	2395	1884	4279	2380	1956	4342	— 63

Разсматривая эту таблицу, видимъ, что самыми неблагопріятными годами были 1898, 1899, 1900 г.г., въ которые умерло на 247 человекъ болѣе, чѣмъ родилось.

На невеселыя думы наводятъ эти цифры: что будетъ съ тухменами черезъ сто-двѣсти лѣтъ? Черезъ извѣстное время тухмены, вѣроятно, всё вымрутъ, и только развалины прежнихъ ауловъ будутъ напоминать, что когда-то жилъ маленькій народецъ, волею судебъ переселившійся изъ Азіи въ Европу и нашедшій въ послѣдней себѣ могилу.

ХІІІ. Краткій историческій обзоръ управленія у тухменъ. Главнѣйшія законоположенія „маслагата“ и „шаріата“. Современный судъ и управленіе у тухменъ.

До принятія тухменами русскаго подданства главными неограниченными властителями ихъ были ханы, управлявшіе ими на деспотическихъ началахъ. Высшими начальниками послѣ хана были особые правители и беки. Обязанность первыхъ была собирать войско, охранять хана и воевать съ непріятелемъ; обязанностью вторыхъ — управлять народомъ. Повинностей какъ первые, такъ и вторые не отправляли; но званіе правителя или бека не могло избавлять навсегда отъ повинностей: это зависѣло отъ хана.

По принятіи тухменами русскаго подданства разборъ судебныхъ дѣлъ производился по большей части кадіями, а административная власть была въ вѣдѣніи „старшинъ“. Большое вліяніе на дѣла управленія имѣли въ это время „тарханы“. Этотъ титулъ давался людямъ почетнымъ, заслужившимъ народное уваженіе. Званіе „тархана“ не было наследственнымъ. Бумагъ на тарханство отъ народа не давалось. Отъ русскаго правительства званіе „тархановъ“ имѣли тухмены Казакчіева рода: Боромбай Дурдыевъ, Термамбедъ Аллабердыевъ, Мереть Кутлымамбетовъ, Гульджи-

манъ Новбатовъ, пожалованное имъ Императрицею Екатериною II за возвращеніе съ 81 семействомъ изъ плѣна киргизъ-гайсаковъ подъ власть русскаго правительства. Званіе это было дано въ 1794 году грамотою, которая потомъ была вовсе уничтожена Уставомъ объ управленіи магометанъ.

Во времена тархановъ главными судебными лицами у трухменъ были кадїи. Кадїи обладали большою властью: такъ, за нѣкоторыя преступленія они могли по своему усмотрѣнію предавать смертной казни или же напротивъ прощать, сообразуясь съ обстоятельствами. Помощниками кадїевъ были имамъ-муллы, контролерами же надъ ихъ дѣйствіями „мухтасипы“. „Мухтасипы“ обязаны были присутствовать при каждомъ рѣшеніи и разбирательствѣ дѣла. Если же „мухтасипъ“ замѣчалъ, что рѣшеніе суда неправильно, то онъ долженъ былъ прочимъ кадїямъ писать по поводу того дѣла; другіе кадїи, рассмотрѣвъ отношеніе мухтасипа, возвращали дѣло со своими заключеніями. Если прочіе кадїи находили мнѣніе мухтасипа согласнымъ съ закономъ, то рѣшеніе перваго кадїя уничтожалось, а мнѣніе приводилось въ исполненіе; при несогласіи же кадїевъ съ мнѣніемъ мухтасипа, рѣшеніе оставалось въ своей силѣ. Если мухтасипъ оставался въ этомъ случаѣ недовольнымъ, то имѣлъ право входить со своими представленіями къ муфтію. Мухтасипъ долженъ былъ находиться при всѣхъ разбирательствахъ и рѣшеніяхъ; въ случаѣ же его отлучки кадїю дозволялось разбирать дѣло одному, но мухтасипъ во всякое время имѣлъ право повѣрять рѣшеніе, хотя бы прошло и много времени.

При разборѣ судебныхъ дѣлъ трухмены руководствовались исключительно устными законами, основанными на шариатѣ и обычаяхъ народа; кодекса же этихъ законовъ не существовало. Эти устные законы переходили (и отчасти и теперь переходятъ) отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вышеназванные законы были собраны по порученію высшаго на-

чаества однимъ изъ трухменскихъ приставовъ и помещены въ дѣлахъ канцеляріи Трухменскаго пристава за 1836 годъ.

Вотъ главнѣйшія правила и законоположенія, которыми руководствовались кадїи первоначально цѣликомъ, а теперь только отчасти при разбирательствѣ тяжущихся:

I. Въ каждомъ случаѣ какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ должны доставить: первый въ доказательство, а второй въ оправданіе — свидѣтелей.

II. Средства къ обвиненію или оправданію должны быть основаны на свидѣтеляхъ и присягѣ.

III. При непимѣнїи ни съ той ни съ другой стороны свидѣтелей присяга возлагается на отвѣтника или назначеннаго сторонняго человѣка (по желанію отвѣтника, назначившаго этого человѣка вести дѣло), лишь бы онъ не былъ врагомъ той или другой стороны. Человѣкъ этотъ долженъ быть хорошаго поведенія и уважаемъ въ обществѣ. Истцу же въ данномъ случаѣ присяга воспрещается; свидѣтели, выставленные имъ, могутъ присягать.

IV. Знаки наружныя не могутъ быть приняты за вѣрное доказательство.

V. Врачъ къ свидѣтельствуванію ни въ какомъ случаѣ не допускается, развѣ только для подачи помощи.

VI. Обязанный въ неважныхъ случаяхъ прїять присягу долженъ вымыть руки и ноги (какъ обыкновенно прїготавливаются къ совершенію молитвы), потомъ взять въ руки коранъ, стать предъ кадїемъ, призвать во свидѣтельство справедливости Имя Божіе, а въ случаѣ несправедливости просить Его наказанія, заклинать жену, дѣтей и пр.

VII. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, чтобы имѣть болѣе успѣха въ чистосердечномъ показаніи, употребляется другого рода присяга. Кадїй или, по порученію его, помощникъ обязаннаго присягать ведетъ на кладбище, гдѣ послѣдній долженъ

такъ же приготовиться, какъ было сказано въ § VI, потомъ долженъ обнять надгробный камень или просто землю, насыпанную надъ прахомъ, и сдѣлать заклинаніе.

VIII. Къ присягѣ допускаются одни сторонніе, честные люди; допускаются и родственники и даже родные братья, если живутъ отдѣльно; малолѣтніе же обоюга пола къ присягѣ не допускаются.

IX. Отецъ за сына и сынъ за отца не могутъ свидѣтельствовать и принимать присягу.

X. Женщины, хотя бы были поведенія хорошаго и сколько бы ихъ числомъ ни было, не могутъ приниматься во свидѣтели, если не выставлены съ ихъ стороны свидѣтелями мужчины.

XI. Истцу только въ одномъ случаѣ дозволяется присяга, если онъ имѣетъ искъ на умершемъ. Тогда, если будетъ имѣть и свидѣтелей, долженъ самъ присягнуть въ томъ, что долга отъ умершаго не получалъ.

XII. Присягу назначаетъ кадій, смотря по обстоятельствамъ.

XIII. Если обвиняемый судомъ черезъ нѣсколько времени доставить неоспоримыя доказательства своей невиновности, то дѣлается вновь разбирательство и рѣшеніе, прежняя присяга свидѣтелей обвинявшаго считается недействительною и допускаются вновь доставленные свидѣтели.

XIV. Свидѣтели обвинявшаго, принявшіе при первомъ разбирательствѣ дѣла присягу, не подвергаются наказанію, хотя бы и были пзобличены во лжи.

XV. По разбирательствѣ въ первый разъ дѣла рѣшеніе не должно оставаться безъ исполненія до доставленія доказательствъ; а если доказательства впоследствии будутъ доставлены и обвиненный прежде окажется правымъ, то прежнее рѣшеніе уничтожается и приводится въ исполненіе новое.

XVI. Каждый свидѣтель долженъ быть приведенъ къ присягѣ при истцѣ и отвѣтчикѣ; устраненіе той или другой стороны принимается только тогда, когда будутъ заслуживающія уваженія причины.

XVII. Выставленный какою-либо стороною свидѣтель прежде привода къ присягѣ спрашивается, можетъ ли свидѣтельствовать, а если онъ откажется, то къ присягѣ не допускается.

XVIII. Свидѣтели во время разбирательства кадіемъ тяжущихся, пока до нихъ не касается дѣло, не должны тамъ находиться.

XIX. Въ свидѣтели принимаются люди честнаго поведенія, совершеннолѣтніе (считая совершеннолѣтіе съ 16-ти лѣтъ) и хорошей нравственности. Малолѣтніе, хотя бы могущіе быть единственными свидѣтелями, не могутъ быть приняты во свидѣтели.

XX. Одинъ свидѣтель ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться достаточнымъ, хотя бы онъ былъ самаго лучшаго поведенія.

XXI. При выборѣ свидѣтелей собираются свѣдѣнія о томъ, чтобы они, т. е. свидѣтели, не были съ той и другой стороны врагами и были честнаго поведенія.

XXII. Одинъ мужчина и двѣ женщины, совершеннолѣтнія и честнаго поведенія, принимаются за двухъ свидѣтелей, исключая показанія о прелюбодѣяннн и смертоубійствѣ.

XXIII. Для улики и обвиненія преступника достаточно двухъ свидѣтелей во всѣхъ случаяхъ, кромѣ нижеизложеннаго въ § XXIX.

XXIV. Не достаточно 2-хъ и 3-хъ свидѣтелей для улики въ блудодѣяннн; необходимо для этого не менѣе 4-хъ свидѣтелей.

XXX. Повальных обысковъ не бываетъ, а достаточнымъ полагается во всѣхъ случаяхъ показаніе двухъ свидѣтелей (кроме блудодѣянія).

XXXI. Чѣмъ болѣе свидѣтелей, тѣмъ болѣе показаніе ихъ признается за дѣйствительность.

XXXII. Люди, наказанные и изобличенные въ ябедахъ, обманахъ и т. п., не могутъ быть свидѣтелями и участвовать въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ.

XXXIII. Дѣти за родителей не могутъ свидѣтельствовать, но дозволяется свидѣтельствовать противъ родителей. Въ этомъ случаѣ свидѣтели должны быть совершеннолѣтними и мужскаго пола.

XXXIV. Дѣти тогда только не могутъ быть допускаемы свидѣтелями противъ родителей, когда имѣютъ споръ съ послѣдними.

XXXV. За отступленіе отъ вѣры и противозаконное ученіе на кадіи лежитъ обязанность дѣлать виновному увѣщаніе; виновный все это время содержится подъ арестомъ. Если же никакія увѣщанія не подѣйствуютъ, полагается смертная казнь безъ всякихъ отлагательствъ.

XXXVI. За несоблюденіе обрядовъ религіи кадіи, смотря по винѣ и раскаянію, наказываетъ плетью отъ 1 до 39 ударовъ (отнюдь не болѣе), повторяя это наказаніе за каждымъ разомъ.

XXXVII. Лицо, изобличенное въ несоблюденіи обрядовъ религіи, не можетъ быть принято свидѣтелемъ ни въ какихъ дѣлахъ и не участвуетъ въ совѣщаніяхъ общества.

XXXVIII. Лица, еще не вступившіе въ бракъ, будучи уличены въ прелюбодѣянніи, наказываются каждый разъ 100 ударами плетей, вродѣ кнута сдѣланныхъ.

XXXIX. Женатый мужчина или же замужняя женщина, уличенные въ прелюбодѣянніи, за первое преступленіе убиваются камнями.

XL. Четыре свидѣтеля, доказывающіе блудодѣяніе какого-либо лица, должны принять присягу въ томъ, что они именно видѣли мужчину съ женщиной во время самого совокупленія.

XLI. Обвиняемый въ прелюбодѣяніи не долженъ быть наказанъ въ томъ случаѣ, если не послѣдовало совокупленія, хотя бы даже свидѣтели видѣли его лежащимъ на женщинѣ.

XLII. При побѣгѣ одного изъ супруговъ на кадія возлагается обязанность дѣлать увѣщаніе.

XLIII. Если жена на мужа будетъ имѣть претензію за неудовлетвореніе ее калымомъ или за неисполненіе условія, сдѣланнаго при совершеніи брака, кадіи долженъ приказать удовлетворить.

XLIV. Жена имѣетъ право просить развода, если мужъ не содержитъ ее прилично и если со времени женитьбы не имѣлъ съ нею совокупленія.

XLV. Мужъ во всякое время имѣетъ право развестись съ женою, хотя бы не было и причинъ.

XLVI. Четыре свидѣтеля, доказавшіе блудодѣяніе, первые должны бросить камни на осужденнаго къ смерти, а за ними уже бросаютъ всѣ присутствующіе при этомъ случаѣ.

XLVII. Если же одинъ изъ свидѣтелей не согласится бросить камни, то обвиняемый остается безъ наказанія, а свидѣтели наказываются 80 ударами плетей и въ свидѣтели и въ совѣщаніяхъ общества не могутъ быть приняты.

XLVIII. За убійство полагается смертная казнь. Казнить убійцу и выбрать оружіе для лишенія его жизни возлагается на родственниковъ убитаго.

XLIX. Прахъ лишеннаго жизни преступника хоронится наравнѣ съ прочими магометанами на одномъ кладбищѣ съ отправленіемъ всѣхъ обрядовъ.

L. Несовершеннолѣтній за убійство долженъ заплатить родственникамъ убитаго 100 верблюдовъ за мужчину и 50 верблюдовъ за женщину. Плата эта должна взнестись всеми родственниками преступника.

LI. Во всѣхъ же прочихъ преступленіяхъ несовершеннолѣтніе не наказываются.

LII. За неповиновеніе, буйство, дерзость и угрозы противъ родителей дѣти наказываются по винѣ отъ 3-хъ до 39-ти ударовъ плетью (но не болѣе). Наказаніе это повторяется при каждой жалобѣ родителей. Удары не могутъ быть прибавляемы свыше 39, сколько бы разъ преступленіе сдѣлано ни было.

LIII. Такимъ же числомъ ударовъ наказываются дѣти, нанесшія побои родителямъ.

LIV. За посягательство на жизнь кадію предоставляется наказывать плетью или же прощать, смотря по обстоятельствамъ.

LV. По жалобамъ родителей на дѣтей свидѣтелей ни въ какомъ случаѣ не требуется.

LVI. За дерзость противу старѣйшихъ и начальниковъ, смотря по обстоятельствамъ, полагается наказаніе плетью и выговоръ отъ кадія.

LVII. За угрозы на жизнь и побои, нанесенные старѣйшинамъ, уважаемымъ въ народѣ, виновные наказываются плетью, но не болѣе 39-ти ударовъ.

LVIII. За воровство на значительную сумму денегъ скота и имущества, проломы сундуковъ и кладовыхъ преступникъ наказывается отрѣзаніемъ кисти правой руки.

LIX. За маловажное же воровство наказывается плетью въ маломъ количествѣ.

LX. Если воръ при воровствѣ кого-нибудь убьетъ, то претендатель удовлетворяется съ имѣнія его, а преступникъ наказывается смертію.

LXI. Убившій преступника на мѣстѣ преступленія или при погонѣ не подвергается никакому наказанію.

XLII. За насиліе при воровствѣ дѣвушки или женщины, если только будетъ доказано, преступникъ убивается камнями.

LXIII. Если воровство было произведено у торговца, подвѣдомственнаго одному и тому же хану или царю, то преступникъ наказывается по тѣмъ же правиламъ.

LXIV. Иновѣрцы противу магометанъ свидѣтельствовать не могутъ.

LXV. Принявшій ложную присягу противу единовѣрца или иновѣрца наказывается одинаково.

LXVI. За обманъ не полагается никакого наказанія; но виновный не долженъ быть принимаемъ нигдѣ во свидѣтели.

LXVII. За мошенничество наказывается, смотря по винѣ, такъ же, какъ и за воровство.

LXVIII. Нарушившій клятву по искамъ подвергается взысканію въ пользу того, кто истецъ, и не принимается нигдѣ во свидѣтели.

LXIX. За неисполненіе обѣщанія виновный не принимается во свидѣтели и лишается довѣрія.

LXX. Родители не имѣютъ права женить сына или выдать дочь безъ ихъ воли.

LXXI. Калыму за невѣсту полагается ни въ какомъ случаѣ не менѣе 7-ми золотниковъ серебра, но болѣе положеннаго можно безъ ограниченія.

LXXII. Дать приданнаго за невѣстой зависитъ отъ воли родителей.

LXXIII. Уплата калыма зависитъ отъ обоюднаго согласія; женихъ можетъ взять къ себѣ невѣсту и, не уплативши сполна калыма, назначая для этого время впоследствии.

LXXIV. Если кто не доплатитъ калыма и будетъ впоследствии отъ него отказываться, а взыскать не съ чего,

тогда бракъ считается недѣйствительнымъ и дозволяется разводъ.

LXXV. Калымъ поступаетъ въ приданое невѣсты.

LXXVI. Если уплата калыма будетъ растрочена, а женихъ между тѣмъ женится и впоследствии отъ уплаты его откажется, обязанность кадія заставить уплатить.

LXXVII. Если уплатить калыма не изъ чего, то дозволяется разводъ, а часть калыма, уплаченного прежде, возвращается обратно въ такомъ только случаѣ, если мужъ съ женою не имѣлъ совокупленія.

LXXVIII. По разводъ мужа съ женою дѣти должны остаться у перваго.

LXXIX. Мужчинѣ дозволяется жениться на 12-мъ году, а дѣвушкѣ выходить замужъ 9-ти лѣтъ, если они въ состояніи исполнять брачныя обязанности.

LXXX. Увозъ дѣвушки тайно по ея согласію, безъ воли родителей, считается приступленіемъ только въ такомъ случаѣ, если она засватана за другого. Преступникъ за это наказывается плетью по усмотрѣнію кадія, но не болѣе 39-ти ударовъ, и оставляются навсегда вмѣстѣ. Убытковъ же не взыскивается.

LXXXI. Увезшій насильно дѣвушку или вдову, хотя бы послѣднія и не были засватаны, наказывается 39-ю ударами плетей. Увезенная же, буде пожелаетъ, возвращается родителямъ. За безчестье ничего не полагается.

LXXXII. Какъ невѣста, такъ и женихъ до совершенія брака могутъ отказаться отъ брака безъ причинъ и калымъ возвращается послѣднему.

LXXXIII. Тогда только женихъ не получаетъ отданнаго калыма, если съ невѣстою уже имѣлъ совокупленіе.

LXXXIV. Всѣ эти иски разрѣшаетъ кадій по правиламъ, предписаннымъ шаріатомъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ.

LXXXV. Распорядителемъ имѣнія долженъ быть изъ ближайшихъ родственниковъ или же изъ стороннихъ по завѣщанію умершаго.

LXXXVI. Имѣніе послѣ смерти каждаго должно поступать дѣтямъ, буде таковыя есть.

LXXXVII. Если послѣ умершаго остаются жена, отецъ, мать и дѣти, то изъ имѣнія отцу и матери выдѣляется 6-ая часть, женѣ 8-ая, а остальное все дѣтямъ.

LXXXVIII. Жена, оставшаяся послѣ смерти мужа безъ дѣтей, получаетъ 4-ю часть имѣнія, мать—3-ю, а остальное отецъ.

LXXXIX. Родственники получаютъ имѣніе послѣ умершаго только тогда, когда нѣтъ ни дѣтей, ни родителей умершаго.

XC. Если послѣ умершаго не осталось отца, матери и дѣтей, а только одна жена, то послѣдняя получаетъ 4-ю часть всего имѣнія, а остальное—братья и сестры.

XCI. Если послѣ умершаго не осталось и жены, имѣніе получаютъ братья и сестры, прочіе же родственники въ раздѣлѣ не участвуютъ.

XCII. Имѣнія наслѣдственное и приобрѣтенное раздѣляются одинаково.

XCIII. Дѣти послѣ смерти родителей получаютъ имѣніе какъ родовое, такъ и приобрѣтенное, хотя бы родители и постарались ихъ устранить.

XCIV. Завѣщанія имѣютъ силу въ такомъ только случаѣ, если они согласны съ закономъ (шаріатомъ), а несогласны—не уважаются.

XCV. Письменное завѣщаніе должно быть написано при свидѣтеляхъ, которые обязаны подписать, иначе завѣщаніе не будетъ имѣть силы.

XCVI. Устное завѣщаніе приводится въ исполненіе только тогда, когда оно будетъ сдѣлано при свидѣтеляхъ.

ХСVII. Умирающій имѣеть право избрать себѣ душеприказчика или распорядителя имѣнія когда захочетъ, даже изъ людей постороннихъ, хотя бы и были ближайшіе родственники.

ХСVIII. Душеприказчикъ или распорядитель имѣнія за растрату ввѣреннаго имѣнія отвѣчаетъ собственностью.

ХСIX. Душеприказчиками могутъ быть лица, имѣющія не менѣе 16 лѣтъ отъ роду.

C. Лишенный умственныхъ способностей не можетъ быть допущенъ къ управленію имѣніемъ на всю жизнь.

CI. Лица, неспособныя къ управленію имѣніями (хотя бы и обладали нормальными умственными способностями), не допускаются къ управленію.

СII. Состоящій подъ управленіемъ душеприказчика безъ воли послѣдняго не можетъ ни продать ни дать; въ противномъ же случаѣ кадій обязанъ отобрать все проданное или отданное отъ того, кто получилъ, а за издержки обремененный удовлетворяется изъ имѣнія продавшаго.

СIII. Женскій полъ остается на счетъ имѣнія на тѣхъ же правахъ.

СIV. Наслѣдники, достигшіе совершеннолѣтняго возраста и имѣющіе нормальныя умственныя способности, получаютъ имѣніе въ свое полное распоряженіе, а душеприказчикъ удаляется.

CV. Ввести въ распоряженіе имѣніями наслѣдниковъ, достигшихъ совершеннолѣтняго возраста, лежить на обязанности кадіа.

CVI. Кадій имѣеть право не допустить душеприказчика, назначеннаго умершимъ, къ управленію имѣніемъ и можетъ назначить душеприказчика отъ себя, лишь бы назначенный душеприказчикъ былъ человѣкъ честный и не былъ бы родственникомъ кадіа.

CVII. На устраненіе душеприказчика, назначеннаго умершимъ, кадѣй долженъ имѣть причины, какъ то: если душеприказчикъ пьяница, развратнаго поведенія и проч.

CVIII. Въ долговыхъ претензіяхъ принимаются расписки или векселя, на каковой бы бумагѣ они ни были написаны.

CIX. Если отвѣтчикъ отрекается отъ расписки или векселя, то требуются свидѣтели.

CX. Заемныя бумаги засвидѣтельствовать нигдѣ не полагается.

CXI. При дачѣ денегъ займа отъ заимодавца зависитъ пригласить свидѣтеля или нѣтъ.

CXII. Каждая словесная претензія принимается такъ же, какъ и письменная, лишь бы были свидѣтели; въ томъ и другомъ случаѣ отвѣтчику дается присяга.

CXIII. Проценты не должны быть взимаемы ни въ какихъ займахъ.

CXIV. За неустойку и неплатежъ въ срокъ отвѣтственности не полагается.

CXV. Поручители за должниковъ отвѣчаютъ собственностью въ такомъ только случаѣ, когда имѣнія должника не достаточно для уплаты.

CXVI. Поручители не должны допускать должниковъ до совершенной растраты имѣнія, а заставляютъ расплатиться тому, кому они поручились.

CXVII. Дѣти за долги родителей не отвѣчаютъ собственностью, также и родители за дѣтей.

CXVIII. Промышлять и дѣлать заклады воспрещается.

CXIX. За неумышленное и невольное убійство, за нанесенія раны и позоръ нечаянно никакого наказанія не полагается, бромъ платежа: за убійство мужчины 100, а женщины 50 верблюдовъ. За нанесенія же раны нечаянно полагается сдѣлать угощеніе.

СХХ. Завладѣвшій собственностью чужого безъ умысла долженъ возвратитъ безъ всякаго наказанія.

СХХІ. Жалобы дѣтей на родителей принимаются только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, какъ то: въ намѣреніи убить, отнять собственность и т. п. Жалобы эти принимаются только въ тѣхъ случаяхъ, если есть свидѣтели.

СХХІІ. Жалобы родственниковъ, опекуновъ, старѣйшинъ и духовныхъ на высшихъ себя принимаются и виновные подвергаются отвѣтственности, судя по важности преступленія.

СХХІІІ. Родители по жалобамъ дѣтей быть наказаны ни въ какомъ случаѣ не могутъ, а только уговариваются кадіемъ; имѣніе, отнятое родителями у дѣтей, возвращается по принадлежности.

СХХІV. Для наблюденія за имѣніемъ и воспитаніемъ дѣтей, оставшихся безъ родителей, если умершій при жизни никого не назначилъ, кадіемъ избирается ближайшій родственникъ сиротъ, а за неимѣніемъ такового посторонній, но поведенія хорошаго и съ правилами.

СХХV. Обязанность опекуна смотрѣть какъ за сиротами, такъ и за имуществомъ ихъ, впредь до совершеннолѣтія.

СХХVІ. За растрату имѣнія сиротъ опекунъ отвѣчаетъ собственностью, а за нарушеніе обязанностей лишается званія опекуна, и на мѣсто его назначается кадіемъ другой опекунъ.

СХХVІІ. Имѣніе, оставшееся послѣ смерти безроднаго и не подаренное послѣднимъ никому, должно поступить въ пользу общества.

СХХVІІІ. Дѣти незаконнорожденные получаютъ имѣніе послѣ смерти родителей только тогда, когда родители ихъ признаютъ при смерти за своихъ дѣтей; въ противномъ же случаѣ пользуются только тѣмъ, что подарено при жизни.

СХХІХ. По достиженіи совершеннолѣтія незаконнорожденные могутъ участвовать въ общихъ совѣщаніяхъ наравнѣ съ прочими, если только поведенія хорошаго.“

Вотъ новыя положенія и правила, которыми руководствовались вадіи, когда приходилось судить тухменъ. Конечно съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ этихъ законоположеній должны были потерять свою силу или же измѣниться, согласно духу времени, чтобы не быть въ противорѣчій съ общенперскими судебными законоположеніями. Въ настоящее время согласно статьи 429 тома II-й части 2 Свода законовъ Россійской имперіи псковыя дѣла у тухменъ разбираются первоначально посредниками и внутреннимъ управленіемъ инородцевъ, на основаніи ихъ обычаевъ и обрядовъ; когда же тяжущіеся недовольны рѣшеніемъ, или если искъ превышаетъ 30 руб., тухмены разбираются въ мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Рѣшенія по симъ дѣламъ постановляются на основаніи законовъ и обычаевъ тухменъ. При недостаткѣ сихъ законовъ прилагаются общія постановленія. Разборъ частныхъ дѣлъ между тухменами въ спорахъ, обидахъ и притязаніяхъ производится по законамъ гражданскаго судопроизводства, а порядокъ уголовного судопроизводства, по преступленіямъ и проступкамъ, опредѣляется соотвѣтствующими законоположеніями.

Для разбора дѣлъ гражданскихъ у тухменъ существуетъ третейскій судъ или „маслахадъ“. Истецъ, желающій разобратъ дѣло по маслахаду, первоначально заявляетъ объ этомъ тухменскому приставу, послѣдній даетъ приказъ на имя старшины того аула, въ которомъ живетъ проситель. Истцу и отвѣтчику дается право выбирать по одинаковому количеству „почетныхъ стариковъ“, которые и разбираютъ дѣло.

„Почетными стариками“ у тухменъ называются лица, бывшія въ должностяхъ, имѣющія награды отъ начальства

и заслужившія уваженіе въ обществѣ. По разсмотрѣніи дѣла почетные старики стараются склонить стороны къ примиренію. По большей части дѣло кончается миромъ. Если же дѣло не кончится миромъ, то истецъ или же отвѣтчикъ подаютъ заявленіе о новомъ разборѣ дѣла. Это происходитъ, по замѣчанію, бывш. главнаго пристава, г. Самойлова, хорошо знавшаго бытъ трухмень, „вслѣдствіе отсутствія всякой организаціи въ устройствѣ общественныхъ судовъ у инородцевъ“, почему послѣдніе и „относятся къ нимъ *безъ должнаго до- вѣрія и уваженія*“. Для разбора дѣлъ бракоразводныхъ, о раздѣлѣ наслѣдства, неустойкѣ въ платежѣ балыма у трухмень существуетъ судъ по шаріату. Судъ по шаріату имѣетъ гражданскій характеръ и соотвѣтствуетъ рѣшенію третейскаго суда. Разборъ дѣлъ по шаріату иногда производится въ присутствіи почетныхъ стариковъ, а иногда и безъ нихъ. Какъ и при разборѣ дѣлъ по „маслахаду“ истецъ и въ этомъ случаѣ первоначально заявляетъ трухменскому приставу, который приказомъ предлагаетъ разобрать дѣло. Дѣла, требующія глубокаго знанія шаріата, должны представляться закавказскому муфтію на заключеніе. (Предписаніе и. д. намѣстника кавказскаго отъ 27-го октября 1862 г. за № 590).

Какъ маслахадный, такъ и судъ по шаріату у трухмень устный. Съ теченіемъ времени маслахадный судъ, нужно полагать, упразднится; но судъ по шаріату будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока трухмены будутъ придерживаться первобытныхъ формъ правовой своей жизни.

Въ настоящее время въ административномъ отношеніи трухменскія степи составляютъ Трухменское приставство. Главнымъ административнымъ лицомъ является приставъ, имѣющій у себя по одному помощнику на Зимней и Лѣтней

ставкахъ. Управление каждымъ ауломъ ввѣрено аульнымъ старшинамъ. Кроме аульныхъ старшинъ, у трухменъ имѣется „голова“. Обязанности „головы“ и старшинъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) они должны имѣть свѣдѣнія о числѣ кибитокъ или семействъ своего вѣдомства и о мѣстахъ ихъ кочевокъ или жительствова; 2) они обязаны слѣдить, чтобы никто изъ ихъ вѣдомства не откочевывалъ на очень дальнее разстояніе или въ земли другого вѣдомства; 3) должны наблюдать за порядкомъ въ своихъ вѣдомствахъ и пресѣкать всѣ несогласія и несправедливыя притязанія какъ между простымъ народомъ, такъ и духовенствомъ; 4) наблюдать за отправленіемъ возложенной на каждого повинности, побуждать ихъ къ исполненію таковой; 5) присутствовать при раскладкѣ повинностей въ аулахъ по семействамъ. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, обязанности „головы“ и старшинъ однѣ и тѣ же; разница только та, что званіе „головы“ является болѣе почетнымъ.

Аульныхъ старшинъ у кочевыхъ трухменъ нѣтъ; избираемые же каждымъ родомъ „акъ-сакалы“ (буквально „обълые бороды“) исполняютъ только обязанности сборщиковъ податей.

Кроме этихъ должностныхъ лицъ, у трухменъ имѣется народный казначей, который по закону долженъ хранить, принимать и расходовать суммы по принадлежности; но такъ какъ эта отчетность очень сложная, то храненіе, пріемъ, расходованіе суммъ и вся сложная отчетность переданы въ вѣдѣніе трухменскаго пристава. Выборъ должностныхъ лицъ изъ народа у трухменъ бываетъ черезъ каждые три года и называется „низамъ“. Последній „низамъ“ былъ въ 1900 году въ июль мѣсяцъ.

Центромъ управленія Трухменскаго приставаства является Лѣтняя Трухменская ставка и отчасти Зимняя. „Зимней“ и „Лѣтней“ ставки названы такъ потому, что на зиму коче-

вые тухмены перекочевываютъ въ районъ первой, а на лѣто—въ районъ второй. Ставки построены одна отъ другой приблизительно на разстояніи 160 — 170 верстъ. На Лѣтней ставкѣ живутъ: тухменскій приставъ, его помощникъ, ветеринарный врачъ, учитель, 2 фельдшера (ветеринарный и медицинскій), писмоводитель, писцы и нѣкоторые изъ переводчиковъ; на Зимней ставкѣ живутъ: второй помощникъ тухменскаго пристава, учитель, фельдшеръ и писцы. Съ виду ставки представляютъ собою благоустроенные небольшіе хуторки, съ чисто выбѣленными домиками, утопающими въ садахъ. Сады при ставкахъ составляютъ довольно пріятное зрѣлище, являясь настоящими оазисами среди безграничной дѣвственной степи.

А. Володинъ.

С. Благодарное.
1905 г.

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

ТРУХМЕНСКАГО ПРИСТАВСТВА

1903 г.

Масштабъ: въ англійск. дюймѣ 20 верстъ.

10 0 20 40 вер.

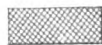
Постоянные жители.

Пришлое население.

Дульняи и
урастовыи

Трухмене выходцы
изъ Мангешлика.

Русскіе.

Губернскія и
областныя.

Трухмене Кугер-
линцы.

Нижны.

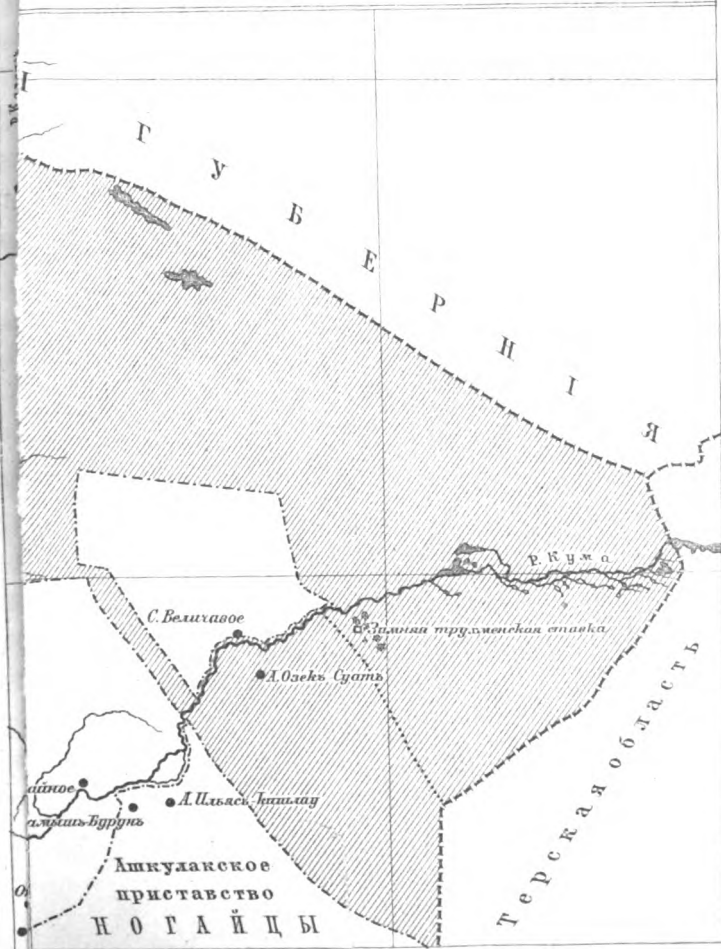
Прочія границы.

Трухмене Казанцы.

Армяне.

Кавказскія легенды объ Эльбрусь.

Эльбрусь является предметомъ легендъ еще съ самой глубокой незапамятной древности. Извѣстна легенда о Прометей, котораго приковали по волѣ Зевса къ скалѣ Эльбруса. Для древнихъ грековъ Прометей былъ однимъ изъ титановъ, побѣжденныхъ Зевсомъ. Съ олимпійскими богами онъ былъ во враждѣ, какъ другъ и покровитель людей, для которыхъ тайно похитилъ огонь съ очага Гефеста на Лемносъ. Такимъ образомъ, Прометей сдѣлался для человечества благодѣтелемъ, такъ какъ знакомство съ употребленіемъ огня дало людямъ возможность развиваться, совершенствоваться. За это онъ и былъ наказанъ отцомъ боговъ. Орелъ Зевса ежедневно терзалъ печень прикованнаго страдальца, пока Гераклъ не убилъ орла. Эта знаменитая греческая легенда о Прометей имѣетъ очень много схожихъ откликовъ въ преданіяхъ объ Эльбрусь.

Исслѣдователю кавказскаго эпоса въ этомъ отношеніи крайне любопытно было бы путемъ сравненія этихъ легендъ и преданій при историческомъ освѣщеніи ихъ рѣшить вопросъ объ источникѣ древне-греческаго преданія. Въ кавказскомъ народномъ эпосѣ роль Прометея играетъ богатырь, смѣло дерзнувшій проникнуть на вершину Эльбруса, чтобы узнать ея вѣковую тайну. Властитель горы, бессмертный Тха, за этотъ дерзкій поступокъ приковалъ смѣльчака длинной и тяжелой цѣпью къ скалѣ. Шли годы за годами, богатырь оставался прикованнымъ. Много лѣтъ прошло и эти годы состарили богатыря. Изъ молодого безусаго юноши

онъ превратился въ старика съ длинной сѣдой бородой, по цвѣту похожей на ледникъ Эльбруса. Согнулось его нѣкогда могучее тѣло, и гордое лицо покрылось морщинами. Тха не удовольствовался этими мученіями его. Подобно Зевсу, онъ послалъ хищную птицу, чтобы она клевала его сердце. Легенда идетъ дальше въ подробностяхъ описанія мученій страдальца, чѣмъ греческое сказаніе о Прометѣѣ. Изъ-подъ ногъ страдальца бѣжитъ родникъ чистой воды. Эта вода имѣетъ чудесную силу; она похожа на «живую» воду нашихъ русскихъ сказокъ. Кто напьется ея, тотъ будетъ жить до конца свѣта. И когда страдалецъ, мучимый жаждой, наклоняется, чтобы испить изъ родника немного воды, хищная птица, предупреждая его желанія, бросается раньше его и выпиваетъ воду.

Богатырь, добавляетъ легенда, не вѣчно будетъ мучаться. Тха, разсердившись на людей, освободитъ богатыря. Горе тогда будетъ грѣшнымъ дѣтямъ Адама. Богатырь отомститъ имъ за свои многовѣковыя страданія. Такова общая схема сказанія, записаннаго Л. Г. Лопатинскимъ. Въ кабардинскихъ и др. легендахъ этотъ сюжетъ варьируется различно, съ нѣкоторыми измѣненіями. Другая легенда, слышанная нами, говоритъ слѣдующее: На свѣговой вершинѣ Эльбруса цѣлыя тысячелѣтія лежатъ громадный камень— скала. На немъ сидитъ старикъ съ длинной до ногъ бородой. Все тѣло его сгорбленное, дряхлое обросло сѣдыми волосами. На рукахъ и ногахъ выросли длинные ногти, похожіе на когти орла. Его прекрасные глаза, когда онъ бодрствуетъ, горятъ какъ угли. Его шею давитъ тяжелая огромная цѣпь, его руки, ноги и тѣло скованы цѣпями. Съ далекой древности онъ сидитъ на скалѣ, прикованнымъ за то, что хотѣлъ свергнуть великаго Бога (Тха). Никто изъ людей не можетъ видѣть страдальца. Всѣ смѣльчаки погибли. Отъ сильныхъ страданій старикъ впалъ въ тяжкое

оцѣпеніе. Иногда онъ пробуждается отъ сна и спрашиваетъ своихъ сторожей: растеть ли на землѣ камышь и родятся ли ягнята? Великанъ осужденъ томиться до тѣхъ поръ, пока будетъ расти на землѣ камышь и родиться будутъ ягнята. Когда стражи отвѣчаютъ ему, что еще на землѣ есть камышь и ягнята, онъ съ отчаяніемъ рветъ на себѣ тяжелыя оковы; земля дрожить отъ его усилий, звукъ цѣпей родитъ громъ и молнію въ горахъ, тяжелое дыханіе узника несется по ущельямъ и склонамъ горъ порывистымъ ураганомъ, стоны вызываютъ подземный гулъ, а изъ слезъ образуется быстрый бурный ручей, который сбѣгаетъ къ подножью Эльбруса. Очевидно этотъ рассказъ тоже измѣненный мифъ о Прометѣе. И въ другихъ легендахъ мы находимъ его же съ нѣкоторыми подробностями.

Въ этихъ легендахъ отразилось державшееся среди народа мнѣніе, что добратся до вершины Эльбруса невысказано. Смѣльчакъ, отважившійся на это дѣло долженъ поплатиться страданіями и смертью. Могущественный властелинъ горы мститъ за это.

Много существуетъ у обывателей Кавказа преданій объ Эльбрусь, кромѣ вышеприведенныхъ. Эльбрусь-великанъ Кавказскихъ горъ, котораго долгое время считали величайшимъ въ мірѣ, издавна привлекалъ вниманіе и взоры кавказскихъ горцевъ. Татары называли его „единственной изъ тысячи горъ“, черкесы-кабардинцы „горой блаженныхъ“, „треномъ Властителя вселенной и царя духовъ“. Уже одни эти названія говорятъ о томъ глубокомъ уваженіи, которое питаютъ кавказскіе жители къ этой горѣ.

Многія сложившіяся въ народѣ преданія записаны и послужили благодаря своей художественности темой для цѣлыхъ поэмъ. Въ памяти кавказскихъ горцевъ сохраняется еще больше никѣмъ не записанныхъ легендъ объ Эльбрусь. На вершинѣ Эльбруса, говоритъ одна изъ подобныхъ легендъ,

живетъ уже много тысячелѣтій огромная сѣрая птица по имени Симургъ. Однимъ своимъ глазомъ она видитъ все прошедшее, другимъ все будущее. Когда она на своихъ огромныхъ крыльяхъ поднимается вверхъ, земля вздрагиваетъ отъ могучихъ взмаховъ, въ горахъ поднимается буря, а море закипаетъ волнами. Когда съ вѣчно-снѣжнаго трона Симурга раздаются жалобные стоны, вся природа выражаетъ сочувствіе: въ лѣсахъ умоляютъ птицы, въ поляхъ цвѣты опускаютъ свои головки, въ каменистыхъ ущельяхъ сердито ропщутъ потоки, и вершина Эльбруса скрывается облаками. Но бываетъ, когда съ вершины горы несутся гармоническіе райскіе звуки, тогда яснѣетъ небо и блещетъ глубокой синевою, на бѣлой вершинѣ Эльбруса брилліантами горятъ солнечные лучи, расцвѣтаютъ полевые цвѣтки, щебечутъ птицы, и весело бѣгутъ горные потоки.

Оригинально осетинскіе преданіе, послужившее темой разсказа для В. С. Соловьева. Пастухъ Бессо, бродя по неприступнымъ горамъ, былъ пораженъ глубокимъ стономъ. Въ это время поднявшійся вихрь перебросилъ его въ пещеру, полную сказочными богатствами. Среди золота, серебра извивался въ мучительныхъ судорогахъ красавецъ, прикованный тяжелой цѣпью къ утесу. Черный громадный коршунъ сидѣлъ у него на ребрахъ, терзая его внутренности. Узникъ старался достать рукой конецъ цѣпи, висѣвшей на противоположной стѣнѣ пещеры, но не могъ... Вѣка, безконечныя вѣка рвался онъ къ ней, чтобы съ ея помощью разорвать оковы и уничтожить злобнаго коршуна. Бессо старается помочь ему: подаетъ цѣпь. Но она оказывается слишкомъ короткой...

Тогда онъ идетъ въ свой аулъ. Цѣлые дни и ночи куетъ цѣпь. Когда послѣдняя была готова, Бессо втихомолку отправляется въ горы. Хитрые осетины, думая, что онъ пришелъ въ горы владѣть, пробираются за нимъ слѣдомъ.

Въ концѣ концовъ они, утомленные долгими странствованіями съ горы на гору, между утесами и скалами, окружаютъ Бессо и съ угрозами требуютъ сейчасъ же показать имъ владѣ.

Бессо, горько плача, ведетъ ихъ къ таинственной пещерѣ.

Въ это время въ горахъ раздается страшный трескъ: скала, къ которой они шли, колеблется и падаетъ въ бездонную пропасть....

Таковы приблизительно и другіе преданія горцевъ объ этой горѣ. У осетинъ же пишущему эти строки приходилось слышать объясненіе причины обваловъ и землетрясеній, основанное на подобной же легендѣ. Къ скаламъ Эльбруса прикованъ громадный великанъ тяжелыми цѣпами. Когда онъ въ припадкѣ отчаянія со всей силою потрясаетъ цѣпами,—дрожать горы, колеблется земля, срушиваются скалы....

По вѣрованію грузинъ, на Эльбрусѣ (груз. Ялбусъ) томится богатырь Амиранъ. Въмѣстѣ съ этимъ узникомъ въ темной пещерѣ находится собака, которая безъ устали лижетъ оковы своего господина.

Въ тѣхъ же грузинскихъ преданіяхъ объ Эльбрусѣ мы находимъ любопытное объясненіе происхожденія двухъ вершинъ Эльбруса. Дѣло въ томъ, что когда по окончаніи потопа стала сбывать вода, плившій ковчегъ Ноя зацѣпился за вершину горы... Ударъ ковчега былъ до того силенъ, что вершина Эльбруса раскололась на-двое.

Подобную же библейскую окраску носить и слышанная нами легенда, что съ вершины Эльбруса можно видѣть рай. Зрѣлище послѣдняго до того прекрасно, что человѣкъ уже не хочетъ послѣ этого глядѣть ни на что земное: онъ теряетъ зрѣніе. Кто будетъ спрашивать его, тому онъ не въ силахъ будетъ разсказать, потому что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ подходящихъ для этого словъ. По кабардинскому преданію,

на Эльбрусѣ обитаетъ Дживъ-падишахъ, царь духовъ и властитель птицъ, который обладаетъ чудеснымъ даромъ предугадывать будущее. Онъ тоже въ чемъ-то провинился предъ Тха и знаетъ, что тотъ, въ наказаніе ему, пришлетъ изъ полочныхъ странъ страшныхъ великановъ, которые покорятъ его мрачное заоблачное царство. Въ мучительной тревогѣ по временамъ съдовласый старецъ поднимается со своего ледяного трона и зоветъ со всѣхъ высей и изъ пропастей Кавказа полчища духовъ противъ этихъ великановъ. Отъ ихъ полета трясется земля, отъ ударовъ крыльевъ поднимается буря, бушуетъ море, вянуть цвѣты, поднимаются потоки, горы одѣваются туманомъ, трясутся и стонутъ скалы, гремитъ громъ и все покрывается туманомъ. Грозный старикъ угрюмо глядитъ со своего трона въ далекое будущее и ждетъ великановъ.

Передъ каждымъ Новымъ годомъ многіе изъ кабардинцевъ считаютъ своей обязанностью итти на поклоненіе къ Дживъ-падишаху. Исполнившаго этотъ обрядъ до слѣдующаго года не будутъ преслѣдовать несчастія. Его не возьметъ ни пуля ни пашка: ему все удастся. Но такъ какъ до Эльбруса добраться нельзя, то ходятъ обыкновенно къ урочищу *Татаръ-тунъ*, на западномъ берегу Терека. Это сказаніе о приходѣ великановъ изъ странъ полуночи имѣетъ свое политическое основаніе. Великаны—это русскіе, которые завоевали Кавказъ. Интересно съ этимъ сказаніемъ сопоставить оригинальное предсказаніе Корана о Гогъ и Магогъ, живущихъ по ту сторону Кавказскихъ горъ, которые вѣкогда перейдутъ черезъ эту стѣну и уничтожатъ царство правовѣрныхъ.

Для мусульманъ Кавказа это предсказаніе уже исполнилось.

Среди мусульманъ же приходилось слышать твердо выраженное убѣжденіе въ томъ, что черезъ ущелья Эльбруса

идуть ворота въ страну духовъ „Джинистанъ“, гдѣ обитають вѣчно юныя очаровательныя дѣвы.

Каждый народъ населялъ Эльбрусъ предметами своей фантазіи. Рассказываютъ про крымскаго хана Шагинъ-Гирея, исторый хотѣлъ побывать на вершинѣ Эльбруса. Когда, послѣ долгаго восхожденія, онъ приближался къ завѣтной цѣли, вѣщій голосъ богатыря, обитателя этой горы, заставилъ его вернуться обратно.

Въ многочисленныхъ преданіяхъ рассказывается объ этомъ вѣщемъ голосѣ, предостерегающемъ людей отъ восхожденія на вершину Эльбруса. Пастухи и охотники являются носителями подобныхъ легендъ. Среди нихъ и до сихъ поръ сохранился культъ этого властелина горы. Онъ владычествуетъ въ своемъ царствѣ, онъ посылаетъ снѣгъ и мятели, низвергаетъ сверху снѣжные и каменные обвалы. Горетѣмъ, кто неосторожно или опрометчиво приблизится къ границѣ его владѣній. Многіе еще и теперь рассказываютъ, что слышали его голосъ...

Карачаевцы (жители верхняго теченія Кубани) рассказываютъ въ своихъ легендахъ, что на Эльбрусѣ выросъ нартъ Генджанешуай. Отецъ его, Алауганъ, уронилъ со своего коня мальчика. Мальчикъ кормился ледяными грудями. Можетъ быть, что послѣдній образъ легенды объясняется тѣмъ, что двойная вершина Эльбруса похожа на женскія груди.... Не одинъ смертный не можетъ безъ вреда для себя проникнуть на вершину этой горы, говорятъ карачаевцы: вершина горы не должна быть попираема ногой человѣка. Всѣ эти легенды имѣють свое основаніе въ тѣхъ громадныхъ трудностяхъ, съ какими сопряжено восхожденіе на Эльбрусъ. Ученая экспедиція, состоящая изъ Куифера, Ленца, Мейера и Менетрію, въ 1829 г., поднималась на вершину горы, но только Ленцъ достигъ высоты 14800 футовъ. Сопровождавшій экспедицію черкесь Кизларъ взошелъ на вершину горы.

Въ июль 1868 г. члены Лондонскаго альпійскаго клуба поднялись на восточный кратеръ Эльбруса.

Русскій топографъ Пастуховъ дважды поднимался на Эльбрусъ, но при этомъ едва не погибъ.

Кабардинцы и черкесы не вѣрятъ этимъ восхожденіямъ и доселѣ скептически утверждаютъ, что это неправда: духъ, владѣтель горы, не допуститъ смертнаго въ свое царство.

Таково убѣжденіе горцевъ-не христіанъ.

Подъ христіанскимъ, очевидно, влияніемъ сложился другой разказъ, что только двое людей, чистыхъ тѣломъ и душою, были на вершинѣ Эльбруса. Одинъ священникъ и его сынъ посѣтили это священное мѣсто, гдѣ пребываетъ самъ Богъ. Отецъ погибъ при возвращеніи, а сынъ вернулся съ кускомъ какого-то невиданнаго дерева, лоскутомъ матеріи отъ шатра Авраама, который разбитъ на вершинѣ горы... Лучше этой матеріи никто не видалъ. Въ шатрѣ—ясли, которыя поддерживаетъ невидимая рука. Въ ясляхъ онъ видѣлъ младенца, а около него лежатъ несмѣтныя сокровища. Около шатра растетъ невиданное дерево и пшеница, зерно которой величюю въ четверть. Нѣсколько такихъ зеренъ и было принесено вернувшимся сыномъ. Подошвы его оказались убранными серебряными монетами, приставшими къ нимъ. Всѣ эти сокровища были отправлены къ царю.

Легенду эту пришлось слышать пишущему эти строки отъ стараго горца. Тотъ же горецъ рассказывалъ, что на верху горы въ недоступныхъ почти мѣстахъ существуютъ таинственные иррачные монастыри, гдѣ жили благочестивые старцы. Много отважныхъ смѣльчаковъ пыталось дойти до нихъ, но лишь только достигали до извѣстной черты, ихъ останавливала невидимая сила, на нихъ нападалъ страхъ, или же поднималась страшная буря, и они должны были вернуться назадъ. Жила одна смѣлая дѣвушка, которая и достигла вырубленныхъ въ скалѣ келій и проникла въ святую

обитель старцевъ. Иноки затворились въ своихъ кельяхъ и не пустили ея, но самый младшій изъ нихъ, не выдержавъ искушенія, впустилъ ее. За это Богъ отнялъ у нихъ даже солнечный лучъ, и долго-долго молились старцы, пока Господь не спалился надъ ними и не взялъ ихъ на небо къ себѣ. Тамъ они засіяли въ созвѣздіи Большой Медвѣдницы, а пещеры, оставшіяся среди вѣчныхъ снѣговъ, глядятъ черными щелями мрачныя, одинокія.

Вышеприведенныя легенды намѣчаютъ нѣсколько типовъ сказаній; объ Эльбрусѣ существуетъ много и другихъ легендъ, которыя интересующемуся этнографу дадутъ цѣлый матеріалъ.

Величественная и грозная природа Кавказа и ея необъяснимыя для ума горцевъ явленія создали множество самыхъ разнообразныхъ сказаній. Почти каждая рѣчка и каждое ущелье имѣютъ своихъ духовъ и богинь; пылкое воображеніе горцевъ населило горы безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ и таинственныхъ обитателей и создало массу легендъ.

Для этнографа Кавказъ даетъ такой богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи, что иногда становится жалко при мысли о томъ, какъ много подобныхъ цѣнныхъ сказаній ускользнуло отъ записи, можетъ-быть, навсегда.

С. Фарфоровскій.

Изъ поѣздокъ по Карсской области.

Во время службы инспекторомъ народныхъ училищъ Карсской области я дѣлалъ свои ревизіонные разъѣзды верхомъ, предпочитая такой способъ передвиженія отчасти изъ желанія уменьшить путевые расходы, обыкновенно весьма чувствительные при скромномъ жалованьи инспектора, отчасти потому, что бездорожье не давало мнѣ возможности добираться до большинства училищъ иначе, какъ только на лошади. Первые свои поѣздки я совершилъ на обывательскихъ лошадяхъ, но горькій опытъ сразу показалъ мнѣ, что ни открытые листы, выданные губернаторомъ, ни содѣйствіе административныхъ чиновъ не въ состояніи избавить меня отъ многочасового сидѣнья въ каждомъ поселкѣ въ ожиданіи новой лошади и отъ непріятной необходимости присутствовать при жестокихъ потасовкахъ, устраиваемыхъ сопровождавшими меня стражниками при добываніи лошади: стражникъ напускается на старшину, старшина бьетъ мужиковъ, за тѣхъ заступаются бабы, а я сижу въ это время гдѣ-нибудь на крышѣ и на всякій случай нащупываю револьверъ въ ожиданіи, что какая-нибудь разъяренная куртинка напустится съ дрючкомъ и на меня, какъ главную причину всѣхъ этихъ непріятностей. Иногда случалось, что послѣ кровавой драки лошадь, наконецъ, отыскивали, но не находили сѣдла, и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ приказать кое-какъ прикрѣпить къ лошади ослиное вьючное сѣдло (паланъ) и на немъ совершить переѣздъ до болѣе счастливаго мѣста. Бъ тому же, въ большинствѣ случаевъ лошадей давали мнѣ никуда

негодныхъ, что тоже составляло весьма чувствительное неудобство при рѣдкости школъ, находившихся на разстояніи 50—100 верстъ одна отъ другой: обыкновенно я добирался до училища, потративъ массу времени и совершенно разбитый. Все это заставило меня позаботиться о приобрѣтеніи собственной лошади, на которой можно было бы въ любой моментъ безъ задержки и безъ огорченій для себя и жителей направляться, куда хочется. Проѣздивъ верхомъ года два, я увлекся мыслью обставить свои поѣздки большими удобствами и весной 1900 года обзавелся легонькими бѣговыми дрожками, на которыхъ рассчитывалъ безъ труда проѣзжать даже по такимъ варварскимъ дорогамъ, которыми такъ богата Карская область. Но первыя мои весеннія поѣздки въ собственномъ экипажѣ были и послѣдними, такъ какъ я безъ конца натерпѣлся душевнаго горя и физическихъ мукъ, увязая въ невылазныхъ снѣгахъ и грязи, разбивая дрожки о каменные глыбы, утопая въ буйныхъ горныхъ рѣчкахъ и замучивъ чуть не до смерти своего брѣвшаго и быстрого коня. Путевыя впечатлѣнія отъ этихъ поѣздокъ весной 1900 года я и хочу предложить здѣсь читателю.

26-го марта я выѣхалъ изъ Карса для осмотра училищъ, лежащихъ вдоль Сарыкамышской дороги. День былъ хотя и облачный, но теплый; шоссеиная дорога въ окрестностяхъ города очистилась отъ снѣга, почему я полагалъ, что мнѣ безпрепятственно удастся доѣхать на своихъ бѣгункахъ до всѣхъ училищъ, вплоть до Бардуса. Дѣйствительно, дорога до Сарыкамыша повсюду была безснѣжная и только въ немногихъ мѣстахъ сырая; мой конь бѣжалъ быстро, тряска таратайки смягчалась пружинными подушками, почему ѣзда казалась неутомительной, и я быстро проѣхалъ 22 версты до армянскаго села Бегли-Ахмеда, гдѣ и остановился на нѣсколько часовъ осмотрѣть училище. На всемъ этомъ пути окрестныя поля были покрыты снѣгомъ, но съ большими

проталинами и лужами, иногда весьма значительныхъ размѣровъ, образовавшимися на сосѣдней съ дорогой равнинѣ. На лежащихъ справа отъ дороги горахъ снѣгъ, большею частью, стоялъ и мѣстами даже появилась травка. На обнаженныхъ отъ снѣга мѣстахъ видѣлось неисчислимое множество подснѣжниковъ, а надъ равниной и болотами летали вороны, аисты, скворцы, коршуны и разные пичуги, придававшіе нѣкоторый оттѣнокъ жизни мертвымъ и непригляднымъ картинамъ. Но чѣмъ дальше отъ Карса, тѣмъ обнаженныхъ отъ снѣга мѣсть становилось меньше; температура замѣтно понижалась, и къ ночи на пути между Бегли-Ахмедомъ и Ново-Селимомъ посыпалъ снѣгъ съ крупой. Въ послѣднее селеніе я въѣхалъ уже ночью. Тутъ стало нѣсколько теплѣе, выглянула изъ-за тучъ луна и свѣтила мнѣ до Чатаха, куда я пріѣхалъ часовъ въ 11 и остановился ночевать. Въ какомъ состояніи находилось живописное ущелье, по которому приходится проѣзжать за Карагамзой, я не могъ видѣть, такъ какъ смотрѣть по сторонамъ мѣшала усталость и излишняя прохлада, да и луна то-и-дѣло скрывалась за тучами. На другой день я могъ видѣть, что всѣ маломальски пригрѣваемые склоны ущелья, начиная съ Чатаха, освободились отъ снѣга, чѣмъ и воспользовались мѣстные жители, выгоняя свою баранту на пастбища. Большая часть ровныхъ мѣсть по ущелью была покрыта снѣгомъ, который за Ягбасаномъ покрывалъ также обращенные на сѣверъ скаты горъ. Дорога, однако, повсюду была свободна отъ снѣга, почему я рассчитывалъ благополучно добраться до Каракурта, куда рѣшилъ сперва съѣздить, не останавливаясь въ Сарыкамышѣ. Расчетъ оказался, однако, далеко невѣрнымъ. Проѣхавъ версты 2—2½, отъ Сарыкамыша отчасти по сухимъ, отчасти по грязнымъ мѣстамъ, я въѣхалъ въ снѣгъ, который прерывался рѣдко гдѣ и то только на ничтожные промежутки. Снѣгъ, большею частью, былъ рыхлый,

толстый и тянулся вплоть до 10-й версты от Каракурта, до начала того ущелья, въ которомъ далеко внизу лежать Мечеты. Крайне утомительна и непріятна ѣзда по снѣгу на колесахъ и особенно при упряжкѣ въ одну лошадь, такъ какъ здѣсь принято ѣздить на двухъ лошадяхъ. Одиночная лошадь старается бѣжать протоптанной колесей, и колеса падаютъ въ мѣста неѣзженныя, вязнуть тамъ и заставляютъ лошадь напрягать значительныя усилія, чтобы тащить сравнительно легонькій экипажъ: Когда лошади наскучить бороться со снѣгомъ, она втаскиваетъ колеса въ колеи и сама начинаетъ бѣжать между колеями, проваливается, спотыкается и скоро снова сворачиваетъ въ колею, а ѣздоку снова приходится балансировать, чтобы удержать равновѣсіе на наклоняющихся то въ одну, то въ другую сторону дрожкахъ. И коню и ѣздоку приходится въ это время въ одинаковой степени скверно. Непріятность этого переѣзда усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что дрожки распрягались чуть не поминутно, благодаря моему неумѣнью прикрѣплять дугу къ оглоблямъ. Эти поминутныя распряжки до того меня измучили, что я проклиналъ и ѣзду на дрожкахъ, и самую ѣзду по обязанностямъ службы, находя такую безполезной и унижительной. На промежуточной станціи, куда я добрался часовъ въ 10 ночи и гдѣ рѣшилъ дать лошади маленькую передышку, мнѣ сказали, что за полчаса передъ этимъ около станціи прошелъ медвѣдь изъ Кяклинскаго ущелья. Завидѣвшіе его стражники земской стражи погнались-было за нимъ, но завязли въ снѣгу въ сосѣдней лощинѣ, черезъ которую медвѣдь успѣлъ уже перейти, потеряли его изъ виду, и медвѣдь такимъ образомъ спасся, уйдя въ лѣсъ на сосѣднія горы, гдѣ на крутыхъ и пригрѣваемыхъ мѣстахъ появились значительныя проталины. Передышка на станціи немного подбодрила меня и коня, мы собрались съ силами, двинулись дальше и одолѣли снѣга. Очистившаяся дорога

пошла замѣтно внизъ, лошадь прибавила шагу, и мы пробѣжали послѣднія 10 верстъ въ какой-нибудь часъ и въ полночь добрались до Баракурта. Какъ пріятно добраться, наконецъ, до теплой комнаты, до чаю и ужина послѣ 8¹/₂— часового сидѣнья на дрожкахъ, послѣ многихъ перепряжекъ и довольно чувствительнаго холода, который донималъ меня всю дорогу.

Баракуртъ далеко ниже Сарыкамыша. Всѣ окрестности его были свободны отъ снѣга; послѣдній видѣлся только на южныхъ возвышенностяхъ, въ сторону Башкея, но это было все такъ далеко, а тутъ сравнительно тепло и свѣтло, птички порхали и пѣли, пчелки на училищной пасѣбѣ жужжали, и выползали изъ земли травка и посѣяныя на огородѣ растенія. Ночью, однако, здѣсь выпалъ дождь, а на другой день, когда я уѣзжалъ изъ Баракурта въ Сарыкамышъ, при сіяніи солнца дулъ сильный и холодный вѣтеръ, который поднималъ на шоссе пыль и крупный песокъ. Поѣздка по сухому шоссе вскорѣ снова замѣнилась снѣгомъ. Но что значить конецъ марта! За два дня передъ этимъ я тащился по снѣгу верстъ 20, а на обратномъ пути дорога успѣла очиститься верстъ на 5—6. Мученье отъ ѣзды значительно поуменьшилось еще и потому, что дорогу во многихъ мѣстахъ стали очищать нанятые для этой цѣли солдаты. Однако, и на обратномъ пути мнѣ пришлось пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ, такъ какъ отвязались пальто и башлыкъ и гдѣ то свалились. Возвращаться назадъ не хотѣлось да, пожалуй, и бесполезно было, если справедлива пословица „что съ воза упало, то пропало“. Пріѣхалъ я въ Сарыкамышъ часа въ 4 пополудни при солнечномъ сіяніи. Но Сарыкамышъ находится въ мѣстности суровой, на высотѣ тысячъ въ семь футовъ. Черезъ часъ пошелъ снѣгъ, который порошилъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ. На другой день, 30

марта, онъ снова пошелъ около полудня и уже болѣе не переставалъ.

Послѣ осмотра Сарыкамышскаго училища мнѣ оставалось или ѣхать въ Абульвартъ и Бардусъ, какъ я раньше намѣтилъ, или возвращаться въ Карсъ, въ виду снѣжности дороги на Абульвартъ. Подумавъ немного, я рѣшилъ отпра-виться на ревизію, пригласилъ съ собою учителя Таслахчева и поѣхалъ. Но вышла, видно, такая незадача съ этой поѣз-дкой. Дорога на Абульвартъ оказалась еще хуже каракурт-ской: снѣгъ начался еще на разстилающейся около Сарыка-мыша равнинѣ, но тутъ онъ прикрывалъ дорогу только мѣстами; отъ входа же въ ущелье, начиная отъ лѣсопиль-наго домика, снѣгъ глубокой и рыхлой лежалъ почти не-прерывно, почему конь успѣлъ выбиться изъ силъ раньше, чѣмъ мы проѣхали три версты. Видя, что отъ этой поѣздки получится только одна мука, я повернулъ назадъ и рѣшилъ вернуться въ Карсъ, куда пріѣхалъ вечеромъ 31-го марта.

Вліяніе весны становилось замѣтнымъ съ каждымъ днемъ. Значительная часть равнины очистилась отъ снѣга; особенно же его стало мало, начиная съ молуканскаго селе-нія Ново-Селима. Около Владикарса снѣгъ на равнинѣ и пригрѣваемыхъ склонахъ лежалъ только болѣе или менѣе значительными клочками, а около Петровки равнина зазеле-нѣла совершенно; зелень появилась на всѣхъ обнаженныхъ мѣстахъ, почему повсюду виденъ былъ пасущійся скотъ, за голодную зиму исхудавшій до послѣдней степени: коровы, лошади и остриженные овцы и козы скорѣе были похожи на мертвецовъ, до того онѣ были измождены и запаршивѣли.

Сидѣнье дома мнѣ вскорѣ опять наскучило и начало давать себя чувствовать сердечными болями, противъ которыхъ могли помочь только разъѣзды, почему я и ухватился за послѣдніе, предвкушая цѣлый рядъ удовольствій, съ которыми обыкновенно бываютъ связаны поѣздки въ весеннее время

года. Однако, апрѣль на высокомъ Карсскомъ плоскогоріи совсѣмъ ужь не такой теплый мѣсяць. Наканунѣ выѣзда моего шелъ ночью дождь, испортившій дорогу; затѣмъ онъ пошелъ тогда, когда я пробирался къ Каракалѣ, а потомъ большую часть дня дулъ сильный и холодный вѣтеръ, отъ котораго коченья руки и развѣвалась во всѣ стороны бурка. Тихихъ и свѣтлыхъ часовъ было немного, но зато въ такіе часы удовольствіе отъ поѣздки пріобрѣтало особенную цѣну и впечатлѣнія получались сильнѣе.

Поѣхалъ я теперь верхомъ, такъ какъ въ предшествующіе дни успѣлъ убѣдиться, что ѣздить въ экипажѣ еще рано. 8 апрѣля я отправился сперва въ армяно-лютеранскій поселокъ Каракалу, находящуюся верстахъ въ 17—20 къ югу отъ Карса на склонахъ Борлоха, а оттуда въ Дигоръ, находящійся верстахъ въ 50 отъ Карса по южную сторону того водораздѣла, который отдѣляетъ Карскій округъ отъ Кагызманскаго.

Съ выѣздомъ изъ Карса дорога долгое время тянется по равнинѣ, почти сплошь обращенной въ пашни, на которыхъ во многихъ мѣстахъ уже были сдѣланы посѣвы и даже мѣстами показались всходы. Тамъ и сямъ видѣлись пахари, хотя ихъ было мало, такъ какъ дождь согналъ ихъ съ полей, гдѣ почва намочла и распашка стала затруднительной; пахали только наиболѣе упорные или сиѣшившіе. На нераспаханныхъ поляхъ трава поднялась довольно замѣтно и окрашивала пріятной зеленью ихъ однообразную темно-сѣрую окраску. Еще болѣе зелени появилось на равнинѣ около Азата и далѣе на склонахъ Учлара и другихъ горъ, которыя поднимаются за Каракалой, а за переваломъ, по которому проходитъ дорога отъ Каракалы къ Яманъ-чаиру, глазамъ ѣдущаго представляется сплошная зеленая степь, прерываемая только скалами или каменными розсыпями. Дорога отъ Каракалы сперва вьется по широкой лощинѣ между горами

Хаджи-Халиль съ запада и Борлохъ на востокъ. Потомъ эта долина понемногу суживается и, наконецъ, совсѣмъ прерывается связкой отроговъ обѣихъ горъ. Часть долины и склоны горъ обращены въ пашни. И тутъ кое-гдѣ видѣлись пахари, ковырявшіе землю своими незамысловатыми брючками-плугами, безъ особаго труда разрыхлявшими прекрасный, мягкій черноземъ, въ которомъ камней имѣется не особенно много, да и тѣ старательно собраны въ кучки или отброшены на края пашень. Мѣсто здѣсь уже настолько высокое, что на пашняхъ еще вѣтъ и признаковъ всходовъ, да и немало снѣга видѣлось еще на сѣверныхъ склонахъ Хаджи-Халила и Учлара. Тутъ еще въ изобиліи попадались подснѣжки, которыхъ какъ-то незамѣтно было на пути изъ Карса до Учлара, гдѣ вмѣсто нихъ цвѣли горные колокольчики, шалфей и многіе другіе цвѣты. Зато трава поднялась замѣтно и покрывала собою все, что только было можно покрыть, особенно склоны Хаджи-Халила, довольно покатые, въ противоположность склонамъ Борлоха, образовавшимъ непрерывный рядъ скалистыхъ обрывовъ и усыпанныхъ камнями сръзовъ, на которыхъ не могла пріютиться даже нетребовательная травка. Обрывы Борлоха представляютъ характерную особенность всѣхъ горъ въ Карсской области, которая почти повсюду образовала на своихъ южныхъ склонахъ крутизны, промоины, обрывы и каменники, тогда какъ сѣверные склоны, большею частью, пологи, если только какой-нибудь потокъ не придалъ и имъ тѣ-же особенности, какія встрѣчаются на южныхъ склонахъ. Особенно много пришлось пересѣчь такихъ каменистыхъ и скалистыхъ овраговъ послѣ того, какъ я переѣхалъ черезъ перевалъ, верстахъ въ 12 отъ Баракалы. Перевальчикъ этотъ небольшой, но съ него открывается обширный видъ къ югу, гдѣ сперва разстилается пересѣченная множествомъ ущелій равнина, за которой вздымается громадная шапка Б. Яглуджи, окруженной цѣлымъ сонмомъ

мелкихъ горъ. Снѣгъ на Ягладжѣ еще держался, а окружающія ея горы совсѣмъ уже освободились отъ этого зимняго наряда и украсились зеленью, особенно пышною на сосѣдней равнинѣ. Что за прелесть этотъ зеленый нарядъ! Особенно яркъ онъ бываетъ, когда солнце выглядываетъ изъ-за тучъ. И чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ этотъ травяной нарядъ становится пышнѣе, а среди зелени показывается множество всякихъ цвѣточковъ,—лютики, дикіе гіацинты, пролѣски, альпійскіе колокольчики, первоцвѣтъ и много другихъ, на которые жаль наступать, когда приходится сворачивать съ дороги. За переваломъ долгое время не приходилось видѣть пашень. Только за незначительнымъ езидскимъ поселкомъ Яманъ-чапромъ люди снова принимаются за земледѣліе, для котораго имѣется обширная плоскость, съ прекрасною почвою, темно-бураго цвѣта, образовавшеюся отъ краснаго цвѣта лавы, обильно усыпающей своими обломками поверхность земли. Обломки собраны въ кучи, безъ числа поднимающіяся среди равнины. Сколько труда положено здѣсь на очистку полей отъ камней и сколько еще будетъ положено его на уборку каменныхъ кучъ съ распахиваемой площади? Правда, все это дѣлается исподволь, безъ особенной натуги, и потому работы хватитъ еще для многихъ поколѣній. Особенно много камней становится на поляхъ, когда приближаешься къ армянскому поселку Аверяку. Мѣстами тутъ каменныхъ кучъ въ 3—4 раза больше да и самыя кучи крупнѣе, и среди этихъ каменныхъ холмовъ видяются со своими брючками пахари, видѣвшіеся во множествѣ на плоской возвышенности. Начиная съ Яманъ-чаира, виды становятся еще болѣе обширными: кромѣ Ягладжи и ближайшихъ къ ней горъ, отсюда можно видѣть цѣлый рядъ небольшихъ горъ, поднимающихся на окраинѣ Карскаго плоскогорія, изъ-за которыхъ видѣются далеко-далеко, на самомъ горизонтѣ, Агридагскія горы, съ цѣлымъ рядомъ снѣговыхъ вершинъ,

замыкающихся на крайнемъ востокѣ Чингиломъ, а еще дальше уходящимъ въ облака Араратомъ. Подъ Агридагомъ, въ одномъ мѣстѣ, видѣется какой-то обгрызокъ,—это кульпинская гора Такальту, совершенно теряющая свое величіе среди безконечно длиннаго, увѣчаннаго снѣговыми громадами, пограничнаго хребта. Къ сѣверу отъ дороги сперва видишь слегка волнистую плоскость съ Базарджикскою равниною, дно которой скрыто отъ глазъ волнистою мѣстностью, а за всѣмъ этимъ поднимается цѣлый рядъ горъ, окружающихъ двухъ великановъ—Тарханъ и Аладжу. Между Акерякомъ и Дигоромъ можно особенно наглядно видѣть, что всѣ поднимающіяся къ югу отъ Тархана горы представляютъ не больше, какъ побочные вулканы, образовавшіеся на склонахъ центрального вулкана, а самые склоны отходятъ отъ него въ видѣ мощныхъ гребней, круто обрывающихся къ Базарджикской равнинѣ и къ Дигоръ-чаю. Я много разъ пересѣкалъ дорогу у подошвы этихъ придатковъ Тархана, но только сегодня имѣлъ возможность наблюдать, что вся эта перепутанная масса горъ находится въ неразрывной связи между собой. Тутъ же, вблизи Акеряка, можно видѣть бездонное ущелье Дигоръ-чая, прорытое рѣкою въ теченіе тысячелѣтій въ вулканическихъ породахъ.

Ночь въ Дигорѣ была бурная; вѣтеръ завывалъ почти до разсвѣта, но затѣмъ пересталъ, и утро и потомъ день выпали очень теплые и тихіе. Въ Дигорѣ зацвѣли почти всѣ деревья: вишни, яблони, груши, сливы, и своимъ пышнымъ нарядомъ и запахомъ ласкали глаза и обоняніе, давно уже отвыкшіе отъ этого за время жизни въ безлѣсномъ, холодномъ Карсѣ, расположенномъ на высотѣ почти въ 6 т. футовъ. Зелени повсюду было еще больше: зеленѣли хлѣбныя поля, зеленѣли бока Дигорскаго ущелья, обыкновенно голые и унылые, зеленѣли виднѣвшіяся вдали горы, и отъ всей этой молодой и яркой зелени становилось и на

душѣ отраднѣй. Въ такомъ приподнятомъ настроеніи я выѣхалъ въ часъ дня изъ Дигора въ Карсъ черезъ Базарджикъ, рассчитывая къ началу ночи проскакать 45 верстъ по зеленой, прекрасной степи.

Рельефъ мѣстности между Карсомъ и Дигоромъ по дорогѣ черезъ Базарджикъ вкратцѣ можно обрисовать такъ. Вблизи Карса дорога идетъ по ровному мѣсту; углоны крайне незначительные и нисколько не нарушаютъ равниннаго характера. Верстахъ въ 5—6 дорога подходит къ первымъ выступамъ той водораздѣльной возвышенности, по которой далѣе проведена граница Карскаго и Кагызманскаго округовъ. Тутъ она начинаетъ то слегка подниматься, то опускаться, на ней все чаще и чаще начинаютъ попадаться камни, пока, наконецъ, верстахъ въ 8—10 отъ города она совсѣмъ не подходитъ къ кряжу, на который и начинаетъ понемногу подниматься. Подъемъ этотъ растянулся на много верстъ и мало похожъ на тѣ крутые подъемы, которые встрѣчаются въ Ольгинскомъ округѣ: послѣ слабой и недлиной крутизны начинается почти ровное мѣсто, а то даже и небольшой спускъ, потомъ опять мало замѣтный, но длинный подъемъ и т. д., пока, наконецъ, не добираешься до плоской равнины, на которой пріютилось небольшое, почти круглое озеро Джала-гель, берега котораго состоятъ изъ скалъ, мѣстами слегка приподнятыхъ надъ водою, мѣстами едва выглядывающихъ изъ почвы. Форма озера напоминаетъ жерло вулкана. Къ югу отъ озера поднимается небольшая гора, а еще далѣе раскинулся громадный Борлохъ. Въ верстѣ за озеромъ дорога покидаетъ равнину и начинаетъ пересѣкать небольшія ущелья склоновъ возвышенности, входящей, вѣроятно, въ систему того же Борлоха. По такой пересѣченной мѣстности она проходитъ версты четыре, пока не доходитъ до довольно большой равнины, на которой расположился Базарджикъ, буртинскій поселокъ. Равнина эта представляетъ

днище бывшего озера, когда-то волновавшагося между Борлохомъ на западѣ, Ботуромъ на югѣ и склонами цѣлой группы горъ на востокѣ. Теперь по равнинѣ протекаетъ нѣсколько незначительныхъ рѣченокъ и потоковъ, изъ совокупности которыхъ образовался Дигоръ-чай, прорывшій себѣ выходъ въ южной части равнины и текущій затѣмъ въ очень глубокомъ и дикомъ ущельѣ, въ отвѣсныхъ скалистыхъ берегахъ. За Базарджикомъ дорога вскорѣ сходитъ съ равнины и начинаетъ виться по склонамъ, то слегка поднимаясь, то снова опускаясь и пересѣкая рѣченки, пока, наконецъ, не доходитъ до сѣдловины, соединяющей горы Зіареть и Экизяръ. Въ безснѣжное время дорога идетъ или по сѣдловинѣ или огибаетъ Экизяръ съ запада, гдѣ она хотя и длиннѣе, но зато лучше. Теперь же длинная дорога была пока заброшена, и вмѣсто нея люди пользовались довольно скверной, каменистой и крутой тропой, огибавшей Экизяръ съ сѣверо-востока. Предъ самымъ Дигоромъ тропинка сходитъ съ разработанной дорогой, по которой и добираешься до самаго училища.

Отъ озера Джала-гель передъ глазами ѣдущаго долгое время поднимается Аладжа и Тарханъ на востокѣ; видѣются вершины Алагеза и показывается Арарать и вся пограничная съ Турціей гряда. Передъ подъемомъ къ Экизяру все это скрывается съ глазъ, но затѣмъ на восточномъ склонѣ этой горы горизонтъ опять открывается и передъ глазами ѣдущаго разстилается уходящая куда-то въ даль Приаракская равнина, дальнія горы около Гокчи, во многихъ мѣстахъ покрытыя еще снѣгомъ, Арарать отъ вершины до самаго низу и Агридагскій хребетъ съ поднимающимися на немъ Бамбухомъ, Чингиломъ, Сычанлу и безконечнымъ рядомъ другихъ горныхъ вершинъ.

Когда я началъ спускаться съ водораздѣла, уже вечерѣло. Солнце вначалѣ ярко играло на вершинахъ дальнихъ

горь, но затѣмъ верхушки ихъ начали краснѣть и мало-помалу тухнуть, и когда онѣ погрузились уже въ сумерки, краснѣла только маковка Борлоха, но затѣмъ и она померкла; надъ всей страной началъ стучаться мракъ, а фіолетовыя окраски неба поднимались все выше и передвигались къ западу.

Населеніе на всемъ этомъ пути очень рѣдкое. Въ первые 20 верстъ около дороги нѣтъ никакихъ поселеній, затѣмъ, уже на южной сторонѣ водораздѣла встрѣчаются три куртинскихъ деревни и виднѣется въ сторонѣ, въ горной труппѣ, одна ездская.

Дальнѣйшую болѣе продолжительную поѣздку я рѣшилъ совершить въ своемъ экипажѣ.

17-го апрѣля я выѣхалъ изъ Барса на осмотръ Гренадерскаго училища, находящагося въ 40 верстахъ къ сѣверовостоку отъ города. До полудня погода была пасмурная и дождливая; около полудня дождь какъ будто пересталъ, но затѣмъ снова пошелъ и мочилъ меня на большей части дороги. Путь вначалѣ шелъ по шоссе, которое отъ дождя не размокаетъ, а потому 18 верстъ были пройдены скоро и безъ затрудненій. Но за духоборскимъ селеніемъ Троицкимъ дорога пошла по проселку, и тутъ сразу стали замѣтны неудобства ѣзды въ экипажѣ, даже въ такомъ легонькомъ, какъ мои бѣгунки: толстые комки грязи облѣпляли колеса и своею тяжестью и липкостью скоро утомили коня. Мѣстность за Троицкимъ крайне монотонная, слегка волнистая: дорога то опускается въ лощину, то вьется по косогору, то тянется по плоской возвышенности и безпрестанно пересѣкаетъ рѣченки или потоки; послѣдніе хотя и стали болѣе многоводны, чѣмъ въ обычное время, но переѣздъ по нимъ не былъ особенно труденъ. На проѣздъ 40 верстъ по раскисшей черноземной почвѣ я потратилъ часовъ 6 и только вечеромъ добрался до Гренадерскаго, гдѣ могъ дать передохнуть своему коню.

Такъ какъ въ Гренадерскомъ училищѣ занятія по случаю весеннихъ работъ уже прекратились и мнѣ дѣлать было нечего, то я рѣшилъ на слѣдующее утро отправиться въ Зурзуну по сокращенной дорогѣ мимо Чалдырскаго озера, рассчитывая безъ особыхъ затрудненій проѣхать въ одинъ день 45 верстъ. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное: я ѣхалъ весь день и захватилъ часть другого до часу времени пополудни. Со мною поѣхалъ въ Зурзуну и смотритель Гренадерскаго училища Ивановъ. При хорошей дорогѣ тяжесть отъ лишняго сѣдока была бы не особенно обременительна для добраго коня, но на той отчаянной дорогѣ, которую намъ пришлось встрѣтить здѣсь, оказалась обременительной не только тяжесть взрослого человѣка, но и одного лишняго фунта; поэтому конь уже черезъ нѣсколько часовъ ѣзды измучился и еле-еле тащился, непрерывно останавливаясь. Значительная часть дороги вдоль восточнаго берега Чалдырскаго озера проходить по сильно пересѣченной мѣстности: безчисленныя ущелья отовсюду направляются къ нему, а по дву ихъ съ шумомъ текутъ рѣки и потоки. Горы окружаютъ озеро отовсюду, образуя то крутые скаты почти у самыхъ береговъ, то небольшія прибрежныя равнины. Дорога повсюду усыпана болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ камней, то мелкихъ, то въ аршинъ и болѣе въ поперечникѣ, а гдѣ бывала свободна отъ камней, тамъ представляла липкую черноземную грязь, дѣлавшую передвиженіе еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ по камнямъ. Поэтому чаще всего и я и конь стремились съѣхать съ дороги, гдѣ къ этому представлялась хоть малѣйшая возможность, и ѣхать сбоку, вляя между камней или прямо переѣзжая черезъ послѣдніе. Но во многихъ мѣстахъ не было никакой возможности ѣхать; тогда поневолѣ приходилось слѣзать и идти рядомъ съ дрожками или, веди коня въ поводу. Въ общемъ на пѣшее хожденіе пришлось не менѣе 20 верстъ. Въ довершеніе этихъ неудобствъ,

при переѣздѣ черезъ одну рѣчку дрожки и заднія ноги коня увязли въ плѣ. Всѣ усилія лошади вытащить дрожки привели только къ тому, что колокъ на лѣвой оглоблѣ сломался, державшійся за него гужъ сползъ, и конь на половину распрягся, а дуга скатилась черезъ его голову впередъ. Въ такомъ положеніи конь совсѣмъ уже не могъ вытащить дрожекъ несмотря на то, что его тащили за черезсѣдельникъ сопровождавшій меня стражникъ и случайный попутчикъ, ветеринарный фельдшеръ. Видя бесполезность дальнѣйшаго истязанія лошади, я полѣзъ въ холодную, почти ледяную воду и сталъ перепрыгать коня. Однако, безъ колена гужъ не держался на оглоблѣ и всякій разъ соскакивалъ съ нея, какъ только конь начиналъ выдергивать изъ тины свои заднія ноги и дрожки. Видя, что и это не помогаетъ, я послалъ всадника въ сосѣднее карапахаское селеніе достать гвоздь, который могъ бы замѣнить сломавшійся колокъ, и призвать людей на помощь. Всадникъ ускакалъ и пропалъ. Долго ли онъ отсутствовалъ, или у меня разстроились нервы, только я не выдержалъ и послалъ съ тѣми же порученіями и ветеринарнаго фельдшера. Послѣдній рѣшилъ перебраться черезъ рѣчку не въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы уже пробѣжали, а немного въ сторонѣ, гдѣ течение было тише; но тамъ тины оказалось еще болѣе; конь увязъ, сталъ барахтаться и собирался уже падать. Много пришлось помучиться фельдшеру, прежде чѣмъ ему удалось выбраться на крѣпкое мѣсто. Когда фельдшеръ ускакалъ, конь мой, наскучивъ стоять въ ледяной водѣ, сталъ дергать и опять распрягся, и я опять долженъ былъ лѣзть въ воду, чтобы привести его въ порядокъ. Наконецъ появились карапахи съ гвоздемъ и молоткомъ; я снова полѣзъ въ воду; забилъ гвоздь въ оглоблю, ухватилъ коня за поводъ, а карапахи стали вытаскивать изъ тины дрожки, и мы, наконецъ, благополучно выбрались изъ рѣки. Пока я

приводилъ упряжь въ порядокъ, вдругъ въ саженьяхъ въ 70 отъ насъ, внизъ по теченію, раздались отчаянные вопли. Оказалось, что черезъ рѣчку перебирался съ вьючнымъ быкомъ какой-то карапахаъ и завязъ; быкъ при этомъ свалился и сталъ тонуть въ тинѣ. Помогавшіе мнѣ карапахаи бросились туда и помогли и человѣку и быку выбраться изъ топкаго мѣста. На дальнѣйшемъ пути мнѣ уже не приходилось попадать въ такія скверныя мѣста; разъ только конь было увязъ, но скоро выбрался, хотя и оторвалъ себѣ въ этомъ мѣстѣ подкову на лѣвой передней ногѣ. Наученный горькимъ опытомъ, я на всемъ остальномъ пути посылалъ впередъ верховыхъ для разслѣдованія, гдѣ можно проѣхать болѣе или менѣе благополучно.

Погода въ первую часть дня стояла дождливая, а около полудня посыпалась крупа, которая затѣмъ обратилась въ густой снѣгъ, донимавшій особенно въ то время, когда мнѣ приходилось стоять въ водѣ и перепрягать увязшую лошадь. Затѣмъ часовъ съ трехъ стало выглядывать изъ-за тучъ солнце и вносить хоть нѣкоторое облегченіе въ ту скуку и утомленіе, которыя обуславливались трудностью пути, унылыми картинками и довольно чувствительнымъ холодомъ. На другой день солнышко тоже выглядывало изъ-за тучъ и отъ времени до времени мѣшало итти дождю. Замѣтивъ на другой день съ окружающихъ съ сѣверной стороны озеро горъ равнину, разстилавшуюся къ востоку отъ Зурауны, я обрадовался и рассчитывалъ найти нѣкоторое облегченіе, когда придется ѣхать по ровному мѣсту, но расчеты мои далеко не оправдались, такъ какъ размокшій черноземъ равнины до того облѣпилъ колеса, что послѣднія обратились въ толстыя жернова, тяжело увязавшіе въ грязи. Коню до того было тяжело тащить дрожки даже тогда, когда мы слѣзали съ нихъ, что онъ поминутно останавливался, а отъ тяжелаго дыханія бока у него ходили какъ бузничные мѣхи, и пѣна клубами валила

изо рта. Чтобы облегчить коня, я выбрался съ дороги на лугъ и ѣхалъ по немъ, гдѣ этому не мѣшали ручьи или зыбкія мѣста. Бъ сожалѣнію, такихъ удобныхъ мѣстъ было немного, но и они доставляли нѣкоторое облегченіе всѣмъ намъ, такъ какъ конь и колеса только слегка вдавались въ дерновую почву, а не вязли въ ней, чего мнѣ не приходилось видѣть съ того времени, какъ я съѣхалъ вблизи Барса съ шоссе на проселокъ. Конецъ всѣмъ этимъ дорожнымъ мучамъ наступилъ только тогда, когда я изъ Зурзуны поѣхалъ въ Ардаганъ по шоссеиной дорогѣ.

Чалдырское озеро—наибольшее изъ имѣющихся въ Барской области. Въ длину оно имѣетъ версть 20, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ версть 10. По формѣ своей оно напоминаетъ сердце, отъ котораго на югъ отходитъ мѣшкообразный заливъ, версты въ 4—5 длиною, отдѣляющійся отъ главной части озера низменнымъ полуостровомъ и косою. Въ заливѣ вода мутная и издали имѣетъ желтоватую окраску; въ самомъ озерѣ она издали кажется спней съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Въ юго-западной части озера видѣется низменный островъ, зарастающій лѣтомъ камышомъ и осокою; въ въ сѣверо-восточной части въ озеро вдается высокой, скалистый полуостровъ, соединяющійся съ сушей низменной и узкой полоской земли. На полуостровѣ видѣются развалины небольшой церкви. Жизни на озерѣ при моемъ проѣздѣ было мало: въ одномъ только мѣстѣ залива видны были рыбаки, тащившіе сѣти, да кое-гдѣ летали утки и чайки въ небольшомъ числѣ. Многіе заливы озера были покрыты неровнымъ льдомъ, состоявшимъ изъ плотно сдвинутыхъ обломковъ, а въ сѣверо-восточной половинѣ озера ледъ оставался не только въ заливахъ, но и тянулся вдаль отъ берега узкой, но длинной, въ нѣсколько верстъ, полосой. Эти массы льда на озерѣ и значительныя площади снѣга, сохранившася до 19-го апрѣля повсюду на скатахъ горъ и въ расщели-

нахъ ихъ вокругъ дороги, выше и ниже ея, а иногда и на самой дорогѣ, указываютъ на значительную высоту мѣстности (озеро лежитъ на высотѣ 6522 футовъ надъ уровнемъ моря). Населеніе вокругъ озера сплошь состоитъ изъ карапаховъ. Послѣдніе занимаютъ главнымъ образомъ земледѣіемъ, но и скотоводство играетъ у нихъ болѣе важную роль, чѣмъ у какого-либо сосѣдняго народа, такъ какъ масса земли ни на что болѣе не годна, какъ только на выпасъ скота. Скупкой и отправкой скота занимаютъ мѣстные богачи карапахи. Одинъ изъ нихъ, Гусейнъ-ага, проживающій въ Уртѣ, селеніи близъ сѣверо-западнаго угла Чалдырскаго озера, скупаетъ скотъ мелкими партіями у своихъ соплеменниковъ и отправляетъ его значительными партіями въ Батумъ, Ахалцахъ, Тифлисъ и даже Баку. Постоянныя сношенія съ культурными центрами измѣнили обычный обликъ карапахи — обитателя медвѣжьяго угла, познакомили его съ почтовыми учрежденіями и заставили даже хлопотать объ открытіи телеграфной станціи въ Зурзуниѣ. По его словамъ, съ открытіемъ станціи онъ быстрѣе станеть обдѣлывать свои дѣла, въ 1—2 дня наводя справки, гдѣ и какое количество требуется убойнаго скота. Такое сознательное отношеніе къ своему дѣлу дай Богъ въ пору не только скотоводамъ карапахамъ, но и торговцамъ болѣе развитыхъ національностей. Сѣютъ карапахи, большею частью, ячмень, какъ болѣе выносливое растеніе, и въ меньшемъ количествѣ пшеницу, которая, по ихъ словамъ, нерѣдко не вызрѣваетъ, а все вмѣстѣ даетъ плохіе урожаи, самъ 2—4. Насколько основательны разказы жителей о плохихъ урожаяхъ и вымерзаніи хлѣбовъ, судить не берусь, но съ своей стороны нахожу возможнымъ отмѣтить, что не менѣе, если не болѣе половины сѣмянъ остается на поверхности, гдѣ они и исклевываются мелкими пичугами и крупными птицами, включая туда гагаръ и журавлей, которыхъ мнѣ приходилось видѣть на

пашняхъ. Обработка земли повсюду ведется стариннымъ тяжеловѣснымъ плугомъ, въ который впрягаютъ по 3—4 пары быковъ. О плугахъ болѣе усовершенствованныхъ нѣкоторые жители слышали, но признаютъ ихъ не подходящими для своего края, указывая на каменистость почвы и на то, что обращеніе и починка ихъ имъ незнакомы. Послѣ распашки жители высѣваютъ сѣмена и выравниваютъ пашню особыми метлами, въ видѣ плетня, прикрѣпленнаго къ палкѣ длиною аршина въ 4—5. Если комковъ или сорныхъ травъ много, то по пашнѣ возятъ борону въ видѣ большихъ граблей, тоже аршина въ 4—5. Землю, по возможности, очищаютъ отъ камней, складывая ихъ обычными въ здѣшнемъ краю небольшими кучками или отбрасывая въ сторону дороги. Пашни разбросаны повсюду, гдѣ только ихъ можно устроить, а такъ какъ пригодныхъ для этого мѣстъ не такъ много, то и пашни имѣютъ видъ черныхъ латокъ среди скалистыхъ или каменистыхъ пространствъ. Огородничество почти отсутствуетъ или находится въ зародышѣ, и климатъ не сулитъ ему развитія. Я только въ Джалѣ видѣлъ два огородика, величиною съ полъ-десятины. Сѣютъ здѣсь картофель, капусту, лукъ и нѣкоторыя другія растенія, но получаютъ они плохого качества, а капуста даже не можетъ завить сносныхъ кочней, и все это въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что для мѣстнаго потребленія жители находятъ необходимымъ закупать овощи въ сосѣднемъ Зарушадскомъ участкѣ. Спросъ на овощи, однако, не великъ, такъ какъ населеніе ведетъ очень простую жизнь и нетребовательно въ пищѣ, которая цѣлкомъ состоитъ изъ молочныхъ продуктовъ и хлѣба и приправляется иногда рыбой, мясомъ или куриными яйцами. Домашнихъ птицъ карапахи разводятъ очень мало, несмотря на сосѣдство озера. Мнѣ приходилось видѣть въ небольшомъ количествѣ куръ, индюковъ и гусей. По словамъ жителей, отсутствіе домашнихъ птицъ объясняется неумѣ-

нѣмъ ухаживать за ними и тѣмъ, что итицу нужно прикармливать, а у нихъ и для себя не хватаетъ хлѣба. Я полагаю, что отсутствіе водяной птицы правильнѣе объяснить не недостаткомъ корма, а нетребовательностью въ пищу карапаховъ, ихъ неподвижностью или нежеланіемъ приложить стараніе поучиться уходу за птицей, такъ какъ во всѣхъ молоканскихъ поселкахъ, расположенныхъ на Гокчѣ или въ Карсской области вблизи рѣчекъ, разводится громадное число гусей и утокъ.

Какой образъ жизни ведутъ карапахи въ семейномъ быту, я не имѣлъ возможности наблюдать. Могу только отмѣтить, что женская половина, какъ и у остальныхъ магометанъ, ведетъ замкнутую жизнь и съ внѣшнимъ міромъ имѣетъ мало сношеній. Когда утромъ 19-го апрѣля я поднялся на крышу одного дома въ с. Джалѣ, чтобы взглянуть на Чалдырское озеро, случайно на улицу вышла молодая бабенка и стала глазѣть на меня или, вѣрнѣе, на мой бинокль. Поднявшійся за мною на крышу старикъ прикрикнулъ на нее, и она разомъ исчезла. Повседневная жизнь женщинъ наполняется заботами о несложномъ хозяйствѣ и тканьемъ ковровъ. Ковры хороши, но цѣны на нихъ здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Эривани.

Дома карапаховъ устраиваются такъ же, какъ и у остальныхъ жителей Карсской области. Это цѣлый лабиринтъ ходовъ и отдѣленій, включая сюда и помѣщеніе для скота. Дома обыкновенно сложены изъ грубыхъ обломковъ камней на грязи и только у немногихъ на извести. Только въ послѣднее время наиболѣе зажиточные изъ карапаховъ стали строить дома, по наружности сходные съ русскими; остальные упорно придерживаются стариннаго типа построекъ. Каждый новый домохозяинъ обыкновенно пристраиваетъ свой домъ къ какому-нибудь боку сосѣда, и, такимъ образомъ, 10—15 домовъ сливаются въ одно цѣлое, гдѣ слегка вы-

пуглыя земляныя крыши обращаются въ улицу для цѣлаго квартала. Въ болѣе богатыхъ домахъ, гдѣ мнѣ приходилось неоднократно ночевать, помѣщеніе для гостей представляло просторную комнату, отдѣленную отъ помѣщенія для скота стѣной. Но такъ какъ передней стѣны обыкновенно нигдѣ не устраиваютъ, то и эта комната не совсѣмъ обособлена отъ скотнаго помѣщенія, и запахъ оттуда можетъ свободно доноситься въ нее. Чистая комната всегда имѣетъ приподнятый на аршинъ и болѣе полъ; кромѣ того, по бокамъ идутъ вары, тоже на аршинъ выше пола. Полъ устилается хорошими войлоками, паласами и коврами, смотря по богатству хозяина. Въ стѣнѣ противъ входа устраиваютъ каминъ, въ которомъ, за неимѣніемъ дровъ, обыкновенно тлѣетъ кизякъ. Около камина, почетнаго мѣста, лежатъ тюфяки и подушки, на которыхъ приходится лежать въ ожиданіи чая или закуски. Потолка обыкновенно не бываетъ; доски и бревна земляной крыши служатъ и потолкомъ. Освѣщеніе комнаты скудное, такъ какъ свѣтъ попадаетъ въ нее черезъ небольшія оконца въ крышѣ. На стѣнахъ въ комнатахъ и на столбахъ, поддерживающихъ крышу, имѣются деревянные колеи, на которыхъ развѣшивается всякое имущество. Вотъ все, что можно сообщить объ устройствѣ лучшей комнаты въ домѣ богатаго барапаха. У небогатаго встрѣтишь то же, но все это побѣднѣй и погрязнѣй и меньше размѣромъ.

При распросахъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ мнѣ всегда приходилось слышать обычныя жалобы, что при турецкомъ владычествѣ жилось лучше, такъ какъ тогда податей было меньше, да и взымались онѣ натурой, а не деньгами. Высказывали они также желаніе переселиться въ Турцію, если только правительство разрѣшитъ имъ переселеніе. Единственнымъ удобствомъ жизни подъ русскимъ владычествомъ они признавали только то, что здѣсь ихъ не берутъ въ солдаты,

тогда какъ при турецкомъ ихъ брали и гоняли иногда въ такія отдаленныя мѣста, какъ Аравія.

Карапапакское населеніе около Чалдырскаго озера появилось сравнительно недавно. Раньше здѣсь жили армяне и грузины, слѣды отъ которыхъ сохранились въ видѣ остатковъ когда-то прекрасныхъ церквей и крѣпостей. Для построекъ церквей и крѣпостей требовалась не только большая степень вилізациі, но и болѣе густое, чѣмъ теперь, населеніе. Удивительно, какъ оно могло существовать въ такой суровой и мало пригодной для земледѣлія странѣ, которая и при нынѣшнемъ населеніи нуждается въ подвозѣ жизненныхъ продуктовъ изъ болѣе теплаго Зарушадскаго участка. Такъ какъ типъ построекъ старыхъ церквей болѣе или менѣе сходенъ вездѣ, то я ограничусь краткимъ описаніемъ только двухъ изъ нихъ, въ семеніяхъ Джалѣ и Уртѣ. Въ Джалѣ старая церковь довольно значительныхъ размѣровъ и сравнительно мало обдерганная. Сильно повреждена только крыша, гдѣ имѣются даже дыры, и восточная сторона, гдѣ вынуты камни и пробиты довольно большія отверстія. Въ остальныхъ частяхъ тесаныхъ камней вынута немного. Вся церковь облицована снаружи и изнутри крупными, гладко обтесанными трахитовыми камнями, а внутреннія части толстыхъ стѣнъ сдѣланы изъ прочно сязанныхъ известью обломковъ. Известь сильно окаменѣла, и потому церковь можетъ простоять еще сотни лѣтъ, хотя вверху, около крыши, стѣна и подверглась разрушительному дѣйствію воды, льда и воздуха настолько, что замѣтны трещины и разрушилась обтесанная сторона камней. Церковь имѣетъ форму корабля, съ небольшими придѣлами, частью уже разрушенными. Въ небольшой нишѣ въ правой сторонѣ церкви имѣется грузинская надпись въ двѣ строки. Къ церкви пристроена небольшая мечеть въ видѣ дома, служащая для надобностей карапапакховъ. Древняя церковь въ Уртѣ обращена теперь въ ме-

четь. Верхняя часть церкви разрушена. Купола на ней, кажется, совсѣмъ не было, такъ какъ нигдѣ не видно основнаго круга. Церковь не особенно большая, сажень въ 5—6 длины и 3—4 ширины, но построена она изъ крупныхъ, гладко обтесанныхъ плитъ и внутри имѣетъ 6 прекрасныхъ толстыхъ колоннъ, по три съ каждой стороны, такъ что получаются боковыя отдѣленія въ родѣ корридоровъ. Въ верхнихъ частяхъ колонны украшены рѣзбой. По бокамъ алтаря были двѣ ризницы, но входъ въ нихъ заложень карапапахами камнями. Надъ лѣвой ризницей вверху есть тоже комнатка, входъ въ которую настолько малъ, что приходится пролѣзать какъ въ дыру. Комнатка эта, должно быть, служила для прятанья во время военной опасности цѣнныхъ вещей. Полъ и мѣстность вокругъ мечети покрыты землей и камнями,—продуктами разрушенія бывшей церкви, такъ что о первоначальной высотѣ послѣдней теперь судить трудно. Говорятъ, что гдѣ-то вверху въ мечети имѣется какая-то надпись, но я не могъ ея видѣть, такъ какъ помѣщается она высоко, а освѣщеніе въ церкви плохое, да и стѣны сильно почернѣли отъ копоти. Такая же, но болѣе разрушенная церковь имѣется въ сосѣднемъ поселкѣ Пеграшенѣ, обращенная какимъ-то расчетливымъ карапапомъ въ сарай для сѣна.

Много разъ уже я собирался осмотрѣть старинную крѣпость около Зурзуны, но въ теченіе ряда лѣтъ мнѣ это не удавалось. Наконецъ, на этотъ разъ выпало свободное время, и я отправился осмотрѣть тотъ остатокъ старины, на который мнѣ много разъ приходилось смотрѣть только издали, съ Ардаганскаго шоссе. Отъ Зурзуны до крѣпости версты три. Пѣшеходъ я плохой и потому, чтобы не терять понапрасну времени и силъ, я сѣлъ на коня и пустился къ крѣпости по проѣзжей дорогѣ, а мои спутники, завѣдующій Зарзунскимъ училищемъ и его ученики, спустились въ ущелье

Карачая и двинулись туда же напрямикъ. Дорога за Зурзуной идетъ сперва по сръзу горъ, вдоль глубокаго ущелья Карачая, но затѣмъ сворачиваетъ вправо и, пересѣкши одинъ-два оврага, приводитъ въ карапахскій поселокъ Рабатъ. Минуть черезъ 20 я добрался до Рабата, поселка обычной для всѣхъ карапахскихъ селеній наружности, т. е. беспорядочно разбросаннаго и въ то же время скученнаго, грязнаго, вонючаго и изобилующаго здоровыми и злющими собаками, по обычаю встрѣчающими заѣзжаго съ остервенѣлою злобой. Въ Рабатѣ пришлось разстаться съ лошадью, такъ какъ, по словамъ карапаховъ, далѣе должна была быть такая дорога, по которой лошадь не пойдетъ, что дѣйствительно и подтвердилось. До самой крѣпости дорога вьется по скалистой лѣвой сторонѣ карачайскаго ущелья на весьма значительной высотѣ. Склоны ущелья почти на всемъ протяженіи страшно круты, а мѣстами и совсѣмъ обрывисты. Но это въ сущности было бы ничего, если бы дорога во многихъ мѣстахъ не была завалена снѣгомъ, въ которомъ остались лишь слабые слѣды прежнихъ пѣшеходовъ. Ступая по такимъ слѣдамъ, скользя и оступаясь на самомъ краю безконечнаго обрыва, невольно начинаешь опасаться возможности поскользнуться и полетѣть внизъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно начинаешь терять увѣренность въ цѣпкости своихъ ногъ, начинаешь забираться въ сторону еще нетронутаго снѣга и тѣмъ еще больше увеличивать возможность покатыться внизъ. Къ счастью, такихъ опасныхъ мѣстъ было немного; чаще дорога хотя была камениста, грязна или снѣжна, но настолько широка, что нога становилась прочно, а въ душу не закрадывалась скверная мысль о возможности раньше времени прекратить свою жизнь. Пройдя по этой дорогѣ версты полторы, мы въ концѣ концовъ благополучно добрались до крѣпости, известной теперь подъ названіемъ Шайтанъ-кала, т. е. Чортова крѣпость. Таково ли было перво-

начальное названіе этой крѣпости, или это, какъ говорить преданіе, передѣлка созвучнаго названіе этой Шахтанъ-кала, т. е. Шахтанова крѣпость, не берусь разбирать, но считаю себя въ правѣ сказать, что она вполне заслужила названіе Чортовой крѣпости, такъ какъ при нынѣшнихъ требованіяхъ къ жизненнымъ удобствамъ скала, на которой построена крѣпость, не вполне годится для поселенія въ ней людей. Представьте себѣ узкое, въ видѣ трещины, ущелье глубиною сажень въ 100, дикое, голое, скалистое, съ жалкими остатками прошлогодней травы и рѣдкихъ кустарниковъ, ютящихся въ расщелинахъ скалъ, съ кипучей и грязной рѣчкой, гуломъ своимъ нарушающей могильное молчаніе мертваго ущелья; рѣчка бьется о скалы и, отлетая отъ одной изъ нихъ къ другой, образуетъ извилистую линію и цѣлый рядъ крутыхъ заворотовъ. Одинъ изъ такихъ заворотовъ достигъ значительной величины и на вдающейся въ такой заворотъ скалѣ задумалось кому-то построить крѣпость. Справа и слѣва надъ этимъ выступомъ громоздятся горы. Онѣ далеко выше крѣпости, что при нынѣшнихъ условіяхъ веденія войны сводило бы значеніе крѣпости къ нулю. Но послѣдняя была построена въ тѣ времена, когда люди истребляли другъ друга только на близкомъ разстояніи, и потому высота окружающихъ горъ не представляла никакой угрозы для крѣпости. Крѣпость, должно быть, служила постояннымъ мѣстопробываніемъ только для владѣтеля, а для населенія временнымъ убѣжищемъ во время войнъ и другихъ бѣдствій. Для постоянной жизни значительнаго количества народа она была слишкомъ мала, да и незначительное количество остатковъ старинныхъ построекъ указываетъ, что въ ней было немного постоянныхъ обитателей. Скалистый полуостровъ, на которомъ построена крѣпость, имѣетъ не болѣе 200 шаговъ въ длину и еще меньше въ ширину. Въ сторону рѣки полуостровъ обрывается страшно круто, и взобраться тутъ могутъ только

отдѣльные наиболѣе цѣпкіе люди. Съ материкомъ полуостровъ соединенъ искусственно углубленной сѣдловиною. Съ этой именно стороны и поднимаются наиболѣе сильныя укрѣпленія, въ видѣ очень высокой и толстой стѣны и ряда башенъ. Со стороны ущелья тоже устроена стѣна, но она низка, аршина въ два, и, повидимому, служила не столько для защиты отъ нападающихъ, сколько для того, чтобы сами обитатели крѣпости не скатывались внизъ въ обычное мирное время. Стѣны и башни построены очень грубо. Онѣ сложены изъ мелкихъ обломковъ, кое-какъ подогнанныхъ другъ къ другу и обильно связанныхъ известью. Строители, повидимому, заботились только о томъ, чтобы крѣпость дѣйствительно была надежнымъ оплотомъ, и вовсе не думали о красотѣ. Такъ же грубо были сооружены и другія крѣпостныя постройки, отъ которыхъ сохранились незначительные остатки частныхъ домовъ, узкихъ, тѣсныхъ и маленькихъ, годныхъ только для того, чтобы въ нихъ прятаться. Тутъ же находится водоемъ и часовня. Водоемъ построенъ изъ кое-какъ пригнанныхъ другъ къ другу обломковъ и частью врытъ въ скалу, частью поднимается надъ нею, аршина на 4. Въ немъ еще сохранилась внутри цементная обмазка. Часовенка четырехугольная и имѣетъ шаговъ 12 въ длину и шаговъ 8 въ ширину. Сложена она изъ обтесанныхъ камней сѣраго и краснаго цвѣта, но камни не одинаковаго размѣра, кривые, кособокіе, и потому ряды ихъ идутъ какъ попало, а не вытянуты въ обычную прямую линію. При этомъ среди сѣрыхъ камней вѣшлены красныя въ видѣ какихъ-то безобразныхъ пятенъ. Видно, что и тутъ объ изяществѣ постройки думали немного. Башни и стѣны были выстроены не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, о чемъ можно судить по цвѣту построекъ и способахъ кладки камней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на башняхъ видны трещины, тянущіяся отъ верху до низу. Часть трещинъ образовалась еще въ тѣ времена, когда крѣ-

пость была обитаема, такъ какъ сохранились слѣды замыванія трещинъ. Сколько вѣковъ пронеслось надъ этою крѣпостцей, сколько разъ трясли ее землетрясенія и медленно, но непрерывно разѣдали всякаго рода разрушители, а она все стоитъ и хоть треснула кое-гдѣ по швамъ, но для полного разрушенія ей потребуется еще не одно столѣтје,— такъ основательно люди строили въ старину! Жаль только, что гигантскій трудъ людей былыхъ временъ пошелъ Богъ знаетъ на что. Глядя на эти величественныя сооруженія, невольно съ грустью думаешь, что за жизнь была въ тѣ времена, когда человѣку приходилось забираться въ недоступныя тущобы, да и эти тущобы огораживать крѣпчайшими стѣнами. Сколько же времени оставалось у людей на болѣе производительный трудъ? Отдѣляющая отъ материка полуостровъ сѣдловина искусственно углублена, а подъемъ изъ нея въ крѣпость укрѣпленъ стѣнами и нѣсколькими воротами, слѣды которыхъ видны еще и теперь, при чемъ извилины подъема такъ расположены, что ихъ можно было обстрѣливать съ башенъ. Словомъ, въ этой крѣпости все было приспособлено такъ, чтобы сдѣлать ее неприступной, каковой она и была по преданію, которое гласитъ, что она была взята хитростью, такъ какъ обычные тогда на войнѣ способы оказались неэффективными. Въ крѣпость вели двѣ дороги: та, по которой я пробрался въ нее по ущелью Карачая, и другая, спускавшаяся съ вершины гребня. Слѣды этой дороги видны еще и теперь. Изъ крѣпости видно все ущелье Карачая, начиная отъ Зурзуны до соединенія съ ущельемъ Куры. Ущелье это страшно дико, но не лишено величавой красоты. Особенно оно можетъ показаться величественнымъ и пожалуй даже привлекательнымъ лѣтомъ, когда растительности бываетъ больше.

Такъ какъ преданіе объ этой вѣрности находится въ связи съ преданіемъ о Чалдырскомъ озерѣ, то я и начну съ послѣдняго.

Въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ, или и того раньше, городъ Чалдырь со своими окрестностями занималъ большую часть земель, на которыхъ теперь волнуется озеро, и весь нынѣшній полуостровъ Агджакалу. Городъ славился въ старину школами, науками, искусствами, промышленностью и представлялъ столицу княжества, зависѣвшаго отъ царей города Ани, бывшихъ тогда язычниками. Чалдырцы пользовались водой изъ нѣсколькихъ родниковъ. Вода изъ всѣхъ родниковъ выпускалась черезъ одинъ общій кранъ, который былъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что въ нѣсколько минутъ орошалъ всѣ окрестности, поля и луга. Князь, правитель города, имѣлъ двухъ дѣтей, сына и дочь, вѣжно любившихъ другъ друга. Задумалъ молодой князь отправиться въ другія страны ради воинскихъ подвиговъ и стяжанія славы, словомъ, какъ говорятъ, людей посмотреть и себя показать. Отсутствіе его продолжалось года два. Сестра его въ этотъ промежутокъ времени скучала одна и всегда почти направлялась для прогулокъ къ колоссальному крану и тамъ пѣла пѣсни, въ которыхъ упоминалось о доблестяхъ брата. Нѣкоторые изъ этихъ пѣсень, говорятъ, и теперь поются татарскими бандуристами (ашиками). Однажды сестра князя по обыкновенію гуляла около крана и для чего-то открыла его. Въ это время ей доложили, что братъ ея вернулся изъ странствій. Бросилась она скорѣе домой и второпяхъ съ радости забыла закрыть кранъ. Только дома она вспомнила объ этомъ и послала людей остановить воду. Но было уже поздно: воды натекло такъ много, что къ крану нельзя было пробраться. Образовалось цѣлое наводненіе, цѣлое озеро воды, то самое, которое теперь называется Чалдырскимъ. Жители города и окрестностей, въ томъ числѣ и князь съ дѣтьми,

сдѣлались жертвами этого наводненія. Есть еще легендарное прибавленіе къ этому преданію, сложившееся въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Однажды зимою жителямъ с. Агджакалы почудились черезъ слой льда на днѣ озера постройки и на одной изъ нихъ, сверху, ясно обрисовывался какой-то металлическій блестящій предметъ. Они разсудили, что постройка—это церковь, а блестящій предметъ—крестъ. Въ преданіи, между тѣмъ, сказано, что чалдырцы были язычники.

Спустя болѣе вѣка послѣ потопленія Чалдырскаго княжества отыскались какіе-то потомки погибшихъ при наводненіи князей города, одинъ изъ которыхъ дерзнулъ даже не выплачивать обычной дани своему владыкѣ, анійскому царю. Князь этотъ водворился въ ущельѣ рѣчки Карачай, избравъ оплотомъ своимъ вышеописанную крѣпость. Царь анійскій возмутился дерзостью своего вассала и поручилъ одному изъ полководцевъ, Шахтанъ-шаху, схватить и доставить ему непокорнаго князя живымъ или мертвымъ. Князь заперся въ крѣпкихъ стѣнахъ крѣпости со своею свитою, семействомъ и защитниками, зная, что сюда не проникнетъ врагъ. Долго продолжалась осада крѣпости, пока не представился, наконецъ, случай взять ее помощью предательства. Въ этомъ предательствѣ замѣшана жена князя. Съ высоты башни часто приходилось ей смотрѣть на непріятельскій лагерь и видѣть самого полководца, Шахтанъ-шаха, въ котораго она подъ конецъ влюбилась. Любовь эта, повидимому, черезчуръ томила ее, такъ какъ она рѣшилась и сама отдаться полководцу вражескаго лагеря и пропустить его съ войскомъ въ крѣпость. Пошли у нея переговоры съ нимъ черезъ вѣрныхъ людей, и предложеніе ея охотно было принято Шахтанъ-шахомъ. Крѣпость была сдана. Защитники ея вмѣстѣ съ княземъ сдѣлались жертвами побѣдителя; какъ это водилось въ старину, всѣ были перерѣзаны. Этой участи не избѣгла,

однако, и предательница крѣпости, жена князя. Не взирая на ея красоту и другія прелести, Шаханъ-шахъ велѣлъ и ее казнить, опасаясь, что подобная же измѣна со стороны ея можетъ повториться и въ отношеніи его самого. Послѣ всего этого онъ разрушилъ крѣпость, усмирилъ народъ, собралъ добычу и отправился во-своихъ къ своему владыкѣ. Отъ имени полководца и крѣпость названа Шаханъ-шахъ-каласы или, въ передѣлкѣ по созвучію на татарскомъ языкѣ, Шайтанъ-кала, т. е. Чортова крѣпость.

Покончивъ съ дѣлами въ Зурзунѣ, я отправился въ Ардаганъ. Дорога туда идетъ шоссейная; поэтому переѣздъ по ней былъ сдѣланъ безъ труда часовъ въ 5. Конь хотя и былъ измученъ прежней поѣздкой, но бѣжалъ бойко и безъ особой усталости пробѣжалъ 43 версты. Первые 28 верствъ дорога проходитъ по сѣвернымъ склонамъ и ущельямъ тѣхъ горъ, которыя окружаютъ Чалдырское озеро съ сѣверной стороны. Мѣстность въ началѣ голая, съ пахотными полями или каменистыми холмами, но за Беграхатунской станціей вскорѣ начинается сосновый лѣсъ, по которому приходится ѣхать верствъ 5—6. Лѣсъ хотя и молодой и довольно щедрый, но и онъ вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ скудную картину окружающей природы. Виды здѣсь вообще печальные и однообразные. Но за лѣсомъ горизонтъ расширяется, мѣстность къ сѣверу отъ дороги понижается и имѣетъ волнистый видъ, а тамъ гдѣ-то вдали на сѣверѣ и западѣ виднѣются высокія, покрытыя снѣгами горы. На западѣ эти горы находятся на границѣ съ Батумской областью, а на сѣверѣ представляютъ Ульгарскій хребетъ, которымъ заканчивается Ардаганское плоскогоріе. Особенно широкій видъ открывается вскорѣ по выходѣ изъ лѣса: отсюда видны отдаленные отроги и ближайшія ущелья и долины рѣчекъ. Все это чернѣло и зеленѣло, такъ какъ снѣгъ повсюду стаялъ. Тамъ и сямъ виднѣлись селенія и стада крупнаго и мелкаго

рогатаго скота, а во многихъ мѣстахъ на поляхъ работали люди, заканчивавшіе свои распахки и посѣвы. Въ воздухѣ носились и пѣли свои пѣсни жаворонки, повсюду летали хищныя птицы, около рѣчекъ и озерковъ вились чайки и гагары, а въ одномъ мѣстѣ бродили даже журавли. Последнихъ, очевидно, не особенно запугиваютъ въ этой мѣстности, такъ какъ они не только не спѣшили уйти, когда я проѣзжалъ недалеко отъ нихъ, но даже затѣяли игру, раскрывая крылья, какъ бы для полета, подпрыгивая на высоту своего роста и гоняясь другъ за другомъ. Гагары, попадавшіяся довольно часто, тоже не спѣшили улетать и подпускали къ себѣ очень близко. Отъ Гюлябертской станціи дорога версты 2—3 слегка поднимается, но затѣмъ начинается спускъ, который и тянется до самаго Ардагана. Дорога здѣсь еще болѣе унылая, чѣмъ раньше. Единственная достопримѣчательность на ней—это небольшое озеро, типъ умирающихъ озеръ, изъ года въ годъ заносимое иломъ и покрытое кочками.

23 апрѣля я выѣхалъ верхомъ изъ Ардагана въ Дигуръ, находящійся верстахъ въ 65—70 къ сѣверу отъ мѣстечка. Это одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Ардаганскаго округа. Изъ всѣхъ моихъ поѣздокъ въ это селеніе это была первая, когда я могъ совершить почти всю дорогу по твердой землѣ, а не по снѣгу и среди тумановъ. Снѣгъ оставался на пути въ очень немногихъ мѣстахъ: на сѣверномъ скатѣ гребня, черезъ который приходится переѣзжать верстахъ въ десяти отъ Ардагана, а затѣмъ на вершинѣ и на сѣверныхъ склонахъ Ульгарскаго хребта. Переѣздъ по первому снѣжному участку былъ не труденъ, хотя снѣгъ и былъ рыхлъ и легко проваливался подъ конемъ, съ котораго при снуеѣ пришлось даже слѣзать. Зато второй снѣжный участокъ, на Ульгарскомъ хребтѣ, имѣлъ протяженіе версты въ три и сильно утомилъ меня. Утомительность поѣздки че-

резъ Ханіорскій перевалъ на Ульгарскомъ хребтѣ зависѣла еще и отъ того, что сперва пришлось выбиться изъ снѣга, карабкаясь вверхъ по очень крутой тропинкѣ, тамъ, гдѣ не было снѣга, затѣмъ взбираться на гору по снѣгу, а подъ конецъ, спускаясь съ перевала по крутой дорожкѣ, гдѣ снѣгъ сильно подтаялъ, легко проваливался и ноги вязли въ немъ чуть не по колѣна. Когда тропинка стала спускаться съ вершины перевала въ ущелье, снѣгъ тутъ былъ еще болѣе рыхлъ и глубокъ. Мѣстами среди снѣга были узнія полосы сильно размоченной земли, сдѣлавшейся настолько скользкой, что я, всячески соблюдая осторожность, все-таки поскользнулся, прокатился нѣсколько шаговъ, съ ногъ до головы вымазался въ грязи и если не сломалъ себѣ ничего, то только потому, что удержался за поводъ уздечки. Подъ конецъ спуска потъ катился съ меня градомъ, сердце усиленно билось, ноги тряслись и стягивались судорогами. Когда обнаженные мѣста стали попадаться чаще, я вскарабкался на коня и рѣшилъ ѣхать, не смущаясь непрерывными каменными россыпями, которыя представляли изъ себя дорогу, и влочкими рыхлаго и глубокаго снѣга, попадавшася вплоть до переѣзда черезъ потокъ на днѣ перваго ущелья. За нѣсколько мѣсяцевъ зимняго покоя я сильно отвыкъ отъ верховой ѣзды. Это обстоятельство, а также и то, что я взялъ въ Ардаганѣ неудобное сѣдло, въ совокупности съ сильнымъ утомленіемъ ногъ при подъемѣ и спускѣ съ перевала, сдѣлали дальнѣйшую мою поѣздку въ Дигуръ крайне утомительной, почему я пріѣхалъ въ училище совершенно разбитымъ и чувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ даже на другой день.

Путь изъ Ардагана до туркменскаго села Сорса проходитъ по плоскимъ возвышенностямъ, мѣстами пересѣкаетъ небольшія лоцины и только передъ с. Вераванакалакевомъ дорога круто спускается въ ущелье, переходитъ черезъ рѣчку

и такъ же бруто снова поднимается на плоскую возвышенность. Изъ Сорса дорога вступаетъ въ большое ущелье р. Багарь-сыхъ-су, которое на дальнѣйшемъ пути соединяется съ нѣсколькими другими такими же ущельями, и все время вьется по дву ихъ, верѣдко въ видѣ ничтожной тропинки съ крутымъ скатомъ въ сторону подмывающей гору гремучей рѣчки. Рѣченка, совершенно скрытая подъ снѣгомъ зимою и, вѣроятно, ничтожная лѣтомъ, въ апрѣлѣ переполняется и съ шумомъ катитъ свои мутныя и пѣнистыя воды черезъ обильно устилающіе дно камни. Перѣздъ въ это время черезъ рѣчки требуетъ къ себѣ большого вниманія и осторожности, такъ какъ конь можетъ оступиться на камняхъ и свалиться, выкупавъ всадника въ ледяной водѣ и придавивъ его, а въ худшемъ случаѣ можетъ переломить ему ногу или даже утопить.

Цѣлый день 23 апрѣля былъ теплый и свѣтлый. Особенно тепло было въ ущельѣ около селеній Верхній и Нижній Гюндашъ и Сейдиверанъ, гдѣ юго-западные скаты горъ густо усыпаны каменными обломками, или представляютъ изъ себя голыя скалы, сильно нагрѣвающіяся отъ солнца. Между тѣмъ тутъ же, на сѣверо-восточныхъ скатахъ того же ущелья снѣгъ лежалъ почти до самаго дна его, и не видно было, чтобы онъ сильно таялъ. Вообще почти на всемъ пути до перевала снѣгъ видѣлся на сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ гребней сперва небольшими влочками, а по мѣрѣ приближенія къ перевалу и сплошными массами, которыя, вѣроятно, держались до половины мая. Зато всѣ освободившіяся отъ снѣга пространства зазеленѣли молодой травкой, на которой паслись изнуренныя зимней голодовкой стада мѣстныхъ жителей-туркменъ; чернѣли распаханныя поля съ работающими на нихъ людьми. Работа кипѣла повсюду, такъ какъ наступило для этого самое подходящее время. На плоскихъ возвышенностяхъ и среди каменниковъ травка была

пока небольшая и рѣдкая; цвѣтовъ здѣсь было мало, хотя мѣстами цѣлыя площадки заросли подсвѣжниками; попадались сивія перелѣски и желтенькіе цвѣточки гусинаго лука. Подсвѣжники бѣлые и блѣдно-розовые иногда встрѣчались очень крупныхъ размѣровъ; особенно они хороши были на мокрыхъ отъ тающаго снѣга мѣстахъ. Наибольшей величины и яркости достигала молодая травка на рѣчныхъ низинахъ, куда мѣстные жители и выгнали свой крупный рогатый скотъ. Тутъ же вдоль рѣчекъ разсѣлись парами гагары, летали разнаго рода мелкія пичужки и пѣли свои любимыя пѣсни кулички, бойко и настойчиво ухаживавшіе другъ за другомъ; верѣдко мелькали хищныя вобчики, для которыхъ на общемъ пирѣ природы находилась порядочная пожива; среди скота бѣгали и посвистывали скворцы, а въ воздухѣ носились и пѣли свои милыя пѣсни жаворонки. Насѣкомыхъ приходилось видѣть только на крутомъ, свободномъ отъ снѣга и сильно пригрѣваемомъ подъемѣ на перевалѣ: тутъ въ травкѣ бѣгали паучки, въ воздухѣ мелькали мошки и летала чертополоховая бабочка, а въ одномъ мѣстѣ въ ущельѣ пришлось увидѣть зеленую ящерицу и нѣсколько штукъ мелкихъ жуужелицъ. Насѣкомыхъ и ящерицъ я нигдѣ не видѣлъ раньше.

Дорога по спускѣ съ Ханіорскаго перевала пошла по лѣсу. Много разъ я ѣздилъ по этой дорогѣ и всякій разъ испытывалъ истинное удовольствіе. Мѣстность здѣсь сильно пересѣчена: овраги, промоины, ущелья виднѣются на каждомъ шагѣ, но дорога идетъ такъ, что пересѣкаетъ ихъ въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, хотя и вьется часто по краямъ глубокихъ и обрывистыхъ, сплошь заросшихъ лѣсомъ, скаловъ. Въ самыхъ верхнихъ частяхъ ущелья лѣсъ состоитъ изъ мелкихъ и кривыхъ березъ, тополя и зарослей рододендрона. Далѣе къ нему присоединяются сосны, потомъ ели и разныя лиственныя деревья, и все это верѣдко достигаетъ

значительныхъ размѣровъ. По мѣрѣ спуска прибавляется все больше и больше лиственныхъ породъ, и хотя онѣ уступаютъ въ числѣ соснамъ и елямъ, тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ замѣтно на каждомъ шагу. Густо-зеленая зимняя окраска хвойныхъ деревьевъ къ 23 апрѣля нѣсколько посвѣтлѣла. Почкі лиственныхъ породъ вблизи перевала пока еще находились въ покоѣ; пониже лѣтнаго казачьяго поста онѣ сильно набухли; далѣе стали показываться листочки и барашки на вербѣ, тополѣ и березѣ; еще ниже все это уже распустилось, а за турецкимъ поселкомъ Аломъ, вблизи р. Посховъ-чая, зацвѣли дикія яблони и алыча. Такимъ образомъ, на трехчасовомъ пути съ Ханиорскаго перевала до Посховъ-чая можно было встрѣтить такіе климатическіе контрасты, которые на безконечной равнинѣ Европейской Россіи возможно видѣть только при переѣздахъ въ нѣсколько тысячъ верстъ съ сѣвера на югъ,—картина любопытная и поучительная. Впрочемъ, тутъ все любопытно: и пробужденіе жизни, и узкія, заросшія лѣсомъ ущелья, и дорога, проходящая по лѣсу, какъ по аллеѣ, и гремящія рѣченки, перескакивающія съ камня на камень по дву ущелій, и широкой видъ на зеленыя горы, раскинувшіяся вдоль лѣвыхъ береговъ Посховъ-чая, за которыми гдѣ-то далеко виднѣется снѣговая гряда горъ Ахалцихскаго уѣзда. Не менѣе красивъ видъ съ балкона училищнаго зданія въ Дигурѣ, турецкомъ поселкѣ, находящемся на скатѣ горъ, къ сѣверу отъ Посховъ-чая. Весь дальній югъ и западъ занятъ волнистой зубчатой линіей горъ съ изорванными склонами, частью круто обрывающимися, частью пологими и сплошь покрытыми снѣгомъ, изъ-подъ котораго только изрѣдка выглядываютъ одинокія скалы. Пониже этихъ снѣговъ чернѣютъ и зеленѣютъ лѣса, занявшіе всѣ мало пригодные для хлѣбопашества мѣста: крутые скаты, глубокіе овраги и обрывы. Пониже лѣсовъ или на одномъ уровнѣ съ ними, гдѣ склоны пологи и удобны

для обработки, раскинулись пашни и села: Сакире, Алъ, Самхлія, Мере и др., и такъ тянется все это до самой рѣки. Овраговъ и ущелій и тутъ много, но зато и плоскихъ мѣстъ немало, да и климатъ настолько теплый, что вызрѣваетъ ячмень и пшеница, а поближе къ рѣкѣ мѣстности, пониже Дигура, сильно пересѣчены и круты, мѣстами образуютъ оползни и потому обработаны только кое-гдѣ; въ большинствѣ же онѣ заросли дубнякомъ и кустарниками. Лѣсъ тутъ не доходить до рѣки и, чтобы попасть въ него, нужно подняться на нѣкоторую высоту, гдѣ, между прочимъ, можно встрѣтить и немало мѣстъ, пригодныхъ для посѣвовъ. Лѣса Посховскаго участка состоятъ главнымъ образомъ изъ сосны, но къ этой преобладающей породѣ присоединяется значительное количество ели, березы, осины и многихъ другихъ лиственныхъ породъ. Число послѣднихъ замѣтно увеличивается по мѣрѣ спуска къ рѣкѣ: тутъ можно видѣть дубы, дикія яблони, барбарисъ. На лѣвомъ берегу Посховъ-чая сосна забралась далеко вверхъ, а поближе къ рѣкѣ поселился дубъ, дикія груши и какіе-то кустарники. Замѣчательно, что нигдѣ здѣсь не увидишь не только мощнаго, но даже маломальски порядочнаго дуба; растеть онъ здѣсь скорѣе кустарникомъ или въ лучшемъ случаѣ деревцомъ вершка въ 3—4 въ поперечникѣ; дубъ здѣсь почти сплошь зимній. Зато сосны, ели и осины достигаютъ почтенной высоты и толщины. На любителя природы здѣшній лѣсъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Изъ Дигура я рѣшилъ пробраться въ Дамавлію, искусственно, но неудачно созданное поселеніе, въ 6 верстахъ къ востоку отъ Дигура, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ для начальника Посховскаго участка и его подчиненныхъ, изъ милціонерскаго поста, духана и нѣсколькихъ домиковъ, принадлежащихъ бывшему начальнику участка, творцу самой Дамавліи. Недалняя дорога еще болѣе укорачивалась

живописными видами. Вьется она по склонамъ горъ, покрытыхъ дубовыми зарослями, среди которыхъ попадались дикія груши, яблони, древовидный можжевельникъ и разнаго рода кустарники, и то ползеть по ровному мѣсту, то опускается въ промоину, то снова быстро поднимается вверхъ. Съ лѣвой стороны отъ дороги поднимаются голыя или только мѣстами покрытыя кустарниками горы. Съ правой стороны мѣстность сильно понижается въ рѣкѣ Посховъ-чаю и также небогата растительностью, но зато отсюда открываются красивые виды, такъ какъ склоны къ рѣкѣ пересѣчены оврагами съ весьма крутыми боками, а иногда и прямо обрывами, а за рѣкой начинаются заросли изъ молодыхъ сосенъ, вскорѣ обращающіяся въ дремучій лѣсъ на красивыхъ и сильно пересѣченныхъ склонахъ Ульгарскаго хребта. Всякій разъ я проѣзжалъ здѣсь, чувствуя большое удовольствіе, и даже начиналъ сожалѣть, когда замѣчалъ близость Дамавліи. Версты за полторы до нея дорога спускается съ холмовъ на прирѣчную, широкую здѣсь долину, по которой можно скакать, не опасаясь утомить коня. Но скакать долго не приходится, такъ какъ быстро подѣзжаешь къ мосту, а за нимъ начинается грязный подъемъ на пригорокъ, на которомъ раскинулись немногочисленные зданія этого страннаго поселка, возникшаго на самой границѣ участка съ Ахалцихскимъ уѣздомъ среди лѣсовъ, гдѣ раньше не было ни одной души. Жить въ этомъ живописномъ поселкѣ далеко не такъ пріятно и удобно, какъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ, такъ какъ на мѣстѣ нельзя ничего купить, за всякой живностью и съѣстными припасами приходится посылать за нѣскольکو верстъ, а посланный считаетъ своею обязанностью исчезнуть на цѣлый день. Кто не привыкъ къ сухоядѣнію, тотъ не продержится тутъ долго и всѣ силы употребить на то, чтобы бѣжать отсюда безъ оглядки. Слушая жалобы одного изъ обывателей на неприглядное житье, мнѣ оставалось только

порадоваться, что я попалъ въ этотъ живописный уголокъ только какъ гость. На другое утро я могъ любоваться съ балкона и на пути прелестными видами, которые становились разнообразнѣе и живописнѣе по мѣрѣ того, какъ я поднимался все выше и выше, направляясь въ Средній Ханагъ, турецкій поселокъ верстахъ въ 40—45 къ югу отъ Дамавли на Ардаганскомъ плоскогоріи. Дорога вначалѣ идетъ по лѣсу и то совсѣмъ скрывается въ немъ, то выходитъ на поляну, то вьется по склону, съ котораго видно глубокое ущелье пограничной съ Ахалцхскимъ уѣздомъ рѣки Джахъсу и горы Ахалцхскаго уѣзда, то лѣсистыя, то голыя, и видѣется вдали начало Аббасъ-Туманскаго ущелья, а за нимъ высокія снѣговыя горы—Сурамскій хребетъ.

Поѣздка въ Ханагъ совершена была лучше, чѣмъ я ожидалъ, такъ какъ снѣгу за этотъ короткій срокъ сильно поубавилось, а тотъ снѣгъ, который остался, уплотнился и ѣхать по немъ было лучше. На всемъ пути въ лѣсу мнѣ пришлось наслаждаться жизнерадостными картинками природы, чистымъ воздухомъ, пѣніемъ и перекликаніемъ сновавшихъ повсюду пчугъ, горлапнокъ, дикихъ голубей, вятюнней, соекъ и разной величины хищныхъ птицъ, звонкій клекотъ которыхъ разносился на далекое разстояніе. Милыя, чудныя картины, изъ-за которыхъ не замѣтно было подъема! Вотъ скоро и вершина Ханіорскаго перевала. Уже издали вдоль ущелья видны были ряды вьючныхъ лошадей и быковъ, группы людей, хлопотавшихъ около нихъ, вереницы коровъ и телятъ и длинныя линіи овецъ и козъ, блеяніе которыхъ разносилось далеко внизъ по ущелью. Позади всѣхъ ползла по снѣгу арбишка съ поклажей, которую съ трудомъ тащили два быка. Быстро нагоняю всю эту медленно двигающуюся рать. Сирашиваю, что за народъ и куда идетъ. Оказывается, переселеніе народа со всѣми чадами и домашними, въ число которыхъ нужно включить и многочис-

ленную мелюзгу народившихся на дняхъ козлятъ и ягняткъ, слѣдовавшихъ на длинненькихъ и толстенненькихъ, но дряблыхъ еще ножкахъ за своими мамашами, облипавшими ихъ тревожнымъ ревомъ, какъ только дѣтище терялось среди прочей мелюзги. Отъ времени до времени сосунки подползали подъ животы своихъ мамашъ и подкрѣпляли свои силы молочкомъ. Вся эта рать передвигалась изъ долины Посховъчая на плоскогорье къ Гюндашу, гдѣ у этихъ туркменъ имѣются кочевки. Сколько труда стоитъ хозяевамъ поднять на гору всю эту новорожденную компанію, но зато сколько удовольствія получить кочевникъ, когда доберется до мѣста! Туркмены народъ хотя и осѣвшій, но живетъ, если можно такъ выразиться, на два дома: лѣтомъ въ домахъ, устроенныхъ на кочевникѣ, а зимой по селеніямъ, которыя на лѣто оставляются всеми, за исключеніемъ караульныхъ, нанимаемыхъ обществомъ. Жизнь на кочевникѣ, по словамъ туркменъ, далеко лучше жизни въ зимнихъ домахъ. Скоро перегнавъ переселяющуюся рать, несмотря на частыя остановки и медленность собственнаго подъема, я, наконецъ, сталъ добираться до перевала. Потъ катился съ меня градомъ, въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ темнѣло, ноги тряслись, а сердце билось такъ, что, кажется, готово было разорваться. Но вотъ и конецъ крутого подъема, а, значить, конецъ и самой трудной части пути. Не обращая вниманія на то, что впереди еще много снѣжной дороги, я сажусь на коня и всецѣло возлагаю на послѣдняго трудъ по передвиженію до того мѣста, гдѣ спускъ слишкомъ крутъ и неудобенъ для всадника и гдѣ лучше всего спуститься пѣшкомъ. Еще нѣскольکو усилій, и я благополучно скатываюсь внизъ, въ глубину ущелья. И слава Богу! Впереди дорога уже не такъ трудна, такъ какъ передвиженіе по косогорамъ, по камнямъ, черезъ шумныя рѣчки и по грязи можно совершать верхомъ на конѣ, что далеко не такъ трудно, какъ подниматься пѣшкомъ

по снѣжной тропѣ, чуть не на самое небо. Вскорѣ мнѣ пришлось оставить дорогу, по которой я пробирался изъ Ардагана въ Дигурь, такъ какъ я собирался осмотрѣть еще Средне-Ханагское училище. Но и на новой дорогѣ картины природы оставались тѣ же. Это слегка волнистая мѣстность, лощины и ущелья которой, большею частью, имѣютъ пологіе бока, почти вплоть до ущелья р. Куры, гдѣ скаты горъ круче и мѣстами скалисты. Вообще вся эта страна, если смотрѣть на нее съ высоты, представляетъ покатую къ югу плоскость, пересѣченную болѣе или менѣе широкими и глубокими лощинами, на склонахъ которыхъ пробиваются въ безконечномъ числѣ родники и текутъ ручьи, а на днѣ мирно или съ шумомъ катятъ свои грязныя воды потоки и рѣчки. Особенно многоводны были рѣчки около Ханага и Нижняго Тивана, гдѣ переѣздъ въ концѣ апрѣля нѣсколько затруднителенъ даже для всадника, такъ какъ рѣчки вздулись, текутъ быстро, а конь не видитъ камней въ ихъ мутныхъ водахъ, спотыкается, скользитъ и можетъ упасть, если не сумѣешь удержать его во-время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на пути попадались небольшіе сосновые лѣсочки, остатки, по словамъ тамальскаго старика-туркмена, тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которые 60—70 лѣтъ тому назадъ покрывали собою всю эту страну и которые лѣтъ уже 30 тому назадъ пожарами, порубками и потравами были уменьшены до настоящихъ размѣровъ.

Скажу нѣсколько словъ о туркменахъ, которые почти сплошь заселяютъ сѣверную часть Ардаганскаго округа. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось останавливаться въ ихъ поселкахъ, и потому я составилъ себѣ приблизительное понятіе объ ихъ жизни. Типъ ихъ построекъ тотъ же, что и у другихъ мѣстныхъ народовъ: это цѣлый лабиринтъ ходовъ и помѣщеній для скота, для домашняго скарба и самыхъ хозяевъ. Кто побогаче, тотъ отдѣляетъ комнату для гостей, сдѣланную по тому же плану, что и у карапаховъ, о которыхъ я

писалъ выше; кто побѣднѣй, тотъ просто отдѣляетъ часть скотнаго помѣщенія, сложивъ изъ каменныхъ осколковъ стѣну четвертой въ пять вышиною, не употребляя при сложеніи ея даже грязи, обычнаго цемента при здѣшнихъ постройкахъ. Тутъ же разстилаются войлоки, на которыхъ можно лежать и спать, и кладутся 1—2 подушки, почти всегда избыліющія паразитами. Во время дня помѣщеніе это освѣщается крохотнымъ оконцемъ въ крышѣ, а ночью зажигается лампочка безъ стекла (чаракъ), которая коптитъ немилосердно, покрываетъ стѣны и вещи сажей и отравляетъ воздухъ, и безъ того испорченный сосѣдними стойлами. Мнѣ приходилось всегда остававляться у людей богатыхъ, но разъ во время зимней поѣздки я долженъ былъ заночевать въ глухой труппѣ у бѣдняковъ и извѣдать всѣ неудобства жизни въ этихъ домахъ: долго не могъ остановить слезъ, которыя градомъ катились у меня изъ глазъ, разѣдаемыхъ насыщавшимъ воздухъ амміакомъ, измазаясь, какъ трубочистъ, о сажу, наплъ ею себѣ полонъ носъ, ротъ и легкія и захватилъ сотни вшей, съ которыми потомъ болѣе недѣли велъ ожесточенную войну. Дѣятельность туркменъ вообще невелика и разнообразна, а зимой она становится еще меньшей, почему туркмены, съ цѣлью скрасить однообразное житье, собираются по вечерамъ и балякаютъ о томъ-о семъ или молчатъ и курятъ. Главный предметъ, около котораго вертятся ихъ несложные разговоры, это скотъ: толкуютъ о кормѣ, о приплодѣ и болѣзняхъ его. Дальше этого кругозоръ туркмена заходитъ рѣдко, такъ какъ выѣзжаютъ они въ села рѣдко, къ нимъ заѣзжаютъ посторонніе тоже не часто, а книгъ и газетъ они не читаютъ. Когда въ селѣ появится новый человекъ, мужчины спѣшатъ забраться въ домъ, гдѣ онъ остановился, и послушать новостей. Входятъ въ комнату они чинно, кланяются заѣзжему, молча садятся и ждутъ, когда съ нимъ начнетъ повѣствованія. Толковать съ ними можно

о чемъ угодно, но вѣрить тому, что они говорятъ, можно не всегда, особенно когда дѣло касается ихъ вѣрованій, о которыхъ они говорятъ вообще неохотно, или ихъ благополучія въ хозяйствѣ, такъ какъ тутъ они всячески стараются выставить себя бѣдняками и неудачниками въ томъ расчетѣ, что завѣщій чиновникъ доведетъ это до свѣдѣнія Государя, а тотъ сниметъ съ нихъ бремя налоговъ. Зато они любятъ послушать рассказы о разныхъ странахъ, потолковать о политикѣ, при чемъ чистосердечно убѣждены, что Турція самое сильное государство въ свѣтѣ. Съ наступленіемъ теплаго времени, т. е. въ апрѣлѣ и маѣ туркмены начинаютъ сѣять ячмень, рожь и пшеницу, а потомъ въ маѣ уходятъ къ Ульгару на кочевку, оставляя въ селѣ только нѣсколько сторожей. У женщинъ, безъ сомнѣнія, кругозоръ еще уже, такъ какъ онѣ всецѣло посвящаютъ время домашнимъ заботамъ: готовятъ пищу, доятъ коровъ и овецъ, дѣлаютъ сыръ и масло, а отъ внѣшняго міра стоятъ еще дальше, чѣмъ мужчины. Манера прятаться отъ постороннихъ мужчинъ у нихъ выражена еще рѣзче, чѣмъ у другихъ магометанъ: завидя меня, женщины убѣгали всегда безъ оглядки, а если скрыться было негдѣ, то отворачивались, садились, нагибались или совсѣмъ ложились другъ на друга. О вѣрѣ туркменъ, которыхъ причисляютъ къ сектѣ али-аллаги, т. е. считающихъ за Бога Алія, зятя Магомета, я не могъ узнать ничего опредѣленнаго, такъ какъ сами они отрицали обоготвореніе Алія и называли себя просто магометанами. На мои вопросы, почему же отъ нихъ сторонятся турки и почему тѣ не признаютъ туркменъ магометанами, они давали увлочивыя объясненія, что не турки, а напротивъ, они, туркмены, не хотятъ якшаться съ турками, такъ какъ тѣ мошенники и разбойники и даютъ деньги подъ проценты, чего они, туркмены, не дѣлаютъ. Указывали они какъ на причину взаимной нелюбви и на то, что турки берутъ за своихъ дѣвухекъ большія деньги и такимъ образомъ дѣлаютъ

бракъ невозможнымъ для бѣдняка, тогда какъ у туркменъ за дѣвушку платится только 50 р.; кромѣ того, турки не признають святости брака и изъ-за пустяковъ разводятся со своими женами, тогда какъ у туркменъ бракъ нерасторжимъ, и женщина никогда не лишится крова и куска хлѣба поприхоти мужа. Турецкій мулла изъ Ханага, въ свою очередь, аттестовалъ передо мною туркменъ съ плохой стороны и обвинялъ ихъ въ свальномъ грѣхѣ во вкусѣ нашихъ прыгуновъ, почему и называлъ ихъ турецкими молоканамп. Наши туркмены явились въ Карсскую область лѣтъ 70-80 тому назадъ. Переселились они изъ-подъ Сиваша, или, какъ они говорятъ, Суваза, города въ Малой Азїи. Духовная связь съ первоначальной родиной у нихъ не прекращается и теперь, такъ какъ къ нимъ ежегодно являются для сбора денегъ шихи, потомки Магомета, которые совершаютъ богослуженіе и устанавливають разные правила, въ родѣ того, напримѣръ, что за невѣсту не слѣдуетъ платить болѣе 50 р. По указаніямъ тѣхъ же шиховъ и по собственнымъ соображеніямъ туркмены иногда ходятъ въ мечети и тамъ молятся съ другими, желая тѣмъ показать, что они такіе же магометане; но какъ они въ дѣйствительности молятся, турки этого не знаютъ и вслѣдствіе этого рассказываютъ разные небылицы и смотрятъ на нихъ какъ на сектантовъ, болѣе даже зловредныхъ, чѣмъ христіане. Въ такихъ понятіяхъ воспитываются и дѣти. Въ устроенное мною при Ханагскомъ училищѣ общежитіе ученики турки, курды и карапахи не пожелали допустить жить съ собою учениковъ-туркменъ, и такъ какъ ихъ не пускали на квартиру и ханагскіе правовѣрные турки, то пришлось поселить ихъ въ корридорѣ при квартирѣ учителя, лишь бы только не оттолкнуть первыхъ пионеровъ русскаго просвѣщенія.

Покончивъ съ дѣлами въ Ханагѣ, я отправился въ Ардаганъ. Ъзда моя по сквернымъ дорогамъ кончилась въ Ха-

нагъ; далѣ пошли болѣе или менѣе удобныя колесныя дороги. Мѣстность между Ханагомъ и Ардаганомъ слегка волнистая, особенно на срединѣ пути, между Н. Диканомъ и Фахрелью, гдѣ сперва приходится подниматься на значительную возвышенность, а потомъ пересѣкать довольно глубокое ущелье. Подъемъ на возвышенность, однако, не тяжелъ, а съ переѣздомъ черезъ ущелье дорога становится порядочной и версты черезъ двѣ совсѣмъ выходитъ на плоскую возвышенность, по которой и добираешься до окружающей Ардаганъ равнины, теряющейся гдѣ-то далеко на западѣ. Равнина окружена горами и представляетъ плоскую чашку, въ былыя времена наполненную водою, которая затѣмъ стекла по нынѣшнему руслу Куры. На равнинѣ и ея окраинахъ расселились теперь люди, — русскіе, турки, греки, течетъ по ней Кура и мелкія рѣчки, часть ея обращена въ пашни, другая представляетъ сѣнокосы. Озерное происхожденіе равнины сказывается не только въ устройствѣ ея поверхности, гладкомъ, какъ столъ, но и въ томъ, что во время таянія снѣговъ немалая часть ея обращается въ болота, ѣзда по которымъ представляетъ истинное наказаніе для того несчастнаго, кого нужда заставитъ пробираться въ томъ или иномъ направленіи по ней. Рано утромъ и въ вечернее время въ хорошую погоду равнина имѣетъ красивый видъ: видишь передъ собою безконечную плоскость, на концахъ которой поднимаются затянутыя легкой дымкой и совершенно покрытыя еще снѣгомъ горы, а у подошвы ихъ чернѣютъ поселенія.

Исправивъ сломавшіяся за предыдущую дорогу нѣкоторыя желѣзныя части въ своихъ бѣговыхъ дрожжахъ, я, 26 апрѣля вечеромъ, выѣхалъ изъ Ардагана въ Михайловку, русское поселеніе, находящееся въ 10 верстахъ отъ мѣстечка. Путь проходитъ по равнинѣ. Въ обычное время на переѣздѣ 10 верстъ до Михайловки требуется не болѣе 1—1¹/₂ часа, но такъ какъ передъ этимъ были здѣсь дожди и дорога

испортилась, то я рассчитывала доѣхать туда часа через 2—2½. Однако, въ Михайловку и пріѣхалъ только через 4 часа, потративъ много силъ, замучивъ коня и сильно рискуя завязнуть въ какомъ-нибудь топкомъ мѣстѣ, если не навсегда, то хоть до слѣдующаго утра. Ночь наступила тогда, когда я былъ еще на главной Ардагано-Ольтинской дорогѣ, представлявшей невылазную черноземную липкую грязь. Передвиженіе по грязи крайне утомляло лошадь, и она поминутно требовала остановокъ. При этомъ я по ошибкѣ свернулъ не на ту проселочную дорогу, которая и привела меня къ водянымъ мельницамъ, около которыхъ вмѣсто явной дороги виднѣлись только немногія колейки, уходившія куда-то вдаль по равнинѣ. Не особенно смущаясь этимъ обстоятельствомъ, я все-таки двигался впередъ, рассчитывая, что колес доведутъ меня до турецкаго поселка М. Джиджероба, а дальше дорога пойдетъ куда слѣдуетъ. Надѣясь, что и я пробѣду тамъ, гдѣ ѣхали другіе, я смѣло шлепалъ по многочисленнымъ и обширнымъ мочежваницамъ, по разливамъ какихъ-то рѣчекъ, потоковъ и канавъ, черезъ самыя канавы и рѣчки, въ одной изъ которыхъ оказалось такъ глубоко, что я набралъ воды полныя сапоги, которыхъ мнѣ пекуда да и некогда было прятать, такъ какъ лошадь шарахнулась и хотѣла повернуть назадъ; въ одномъ мѣстѣ пришлось завязнуть и выбраться съ большимъ трудомъ. Но я все-таки ѣхалъ впередъ и только дивился, что никакъ не могу добраться до Джиджероба. Наконецъ вдали показались огоньки, и я кое-какъ добрался до селенія. Нѣтъ ничего легче, какъ потерять дорогу въ азиатскомъ поселкѣ. Въ этомъ я убѣждался многократно и раньше и въ Джиджеробѣ лишній разъ получилъ подтвержденіе. Азиатскій поселокъ строится безъ всякаго плана, по наитію cadaго желающаго строить, гдѣ вздумается, свои безконечные и однообразные дома. Нужно много разъ пробѣзжать по такому поселку, чтобы запомнить необходимыя закоулки,

но такъ какъ съ Джиджеробомъ я былъ мало знакомъ, то при выѣздѣ и взялъ не то направленіе, какое нужно. Луна свѣтила пзъ-за тучъ очень скудно, а дорога была страшно грязная и тяжелая. Выбиваясь изъ силъ, конь дотащился, наконецъ, до той части Михайловки, которая называется Конкомъ, т. е. не туда, куда мнѣ было нужно. Въ довершеніе этого дорога на улицѣ представляла невылазную грязь, а около рѣчки она была завалена большими камнями, безобразно разбросанными по улицѣ. Конь едва тащился, а дрожки безпрестанно ударялись о камни, переползая черезъ нихъ, и я былъ несказанно радъ, когда выбрался изъ села. Но вотъ и Михайловка, а значить насталъ конецъ и моимъ дорожнымъ мукамъ! Къ огорченію моему, послѣ всѣхъ понесенныхъ трудовъ я нашелъ Михайловское училище безъ учениковъ, которые прекратили хожденіе въ училище по случаю полевыхъ работъ. За два года своихъ разъѣздовъ я не могъ надлежащимъ образомъ приспособиться ни къ выбору времени ни къ способамъ передвиженія: поѣдешь въ февралѣ или мартѣ, встрѣтишь ужасные снѣга; поѣдешь въ апрѣлѣ, встрѣтишь невылазную грязь и инныя училища безъ учениковъ, разошедшихся на помощь родителямъ въ полевыхъ работахъ, какъ это я нашелъ немного раньше въ Гренадерскомъ и теперь въ Михайловкѣ. Мнѣ ничего болѣе не оставилось, какъ пуститься въ Окамъ за 22 версты. По выѣздѣ изъ Михайловки снова потянулись грустныя картины: видѣлись болота, рѣчки и пзгибы Куры. Смотрѣть въ сущности было не на что, да и некогда, такъ какъ вязкая грязь стала допимать меня съ первыхъ же шаговъ пути. Во многихъ мѣстахъ дорога, сдѣланная пзъ чернозема, до того раскисла, что колеса увязали по ступицу, а конь дѣлалъ такія усилія, какъ будто бы тащилъ тяжело нагруженный возъ. Приходилось, гдѣ можно, съѣзжать съ дороги и громыхать по камнямъ, выглядывавшимъ на каждомъ шагу пзъ

почвы. Какъ ни скверно было ѣхать по камнямъ, но это было все-таки лучше, чѣмъ ѣхать по дорогѣ. Испытывая на такъ называемой стратегической Ардагано-Ольтинской дорогѣ мученія, я въ то же время стыдился, что въ такомъ большомъ государствѣ, какъ Россія, дѣлаются дороги, по которымъ въ распутицу нѣтъ возможности проѣхать. Такая дорога тянулась болѣе 20 верстъ, почти до греческаго поселка Тахтакрана, гдѣ земля была суше, а потому и движеніе по ней легче. За 22-23 версты пути и 7¹/₂, часовъ непрерывной ѣзды конь мой до того измучился, что даже заболѣлъ, и я сталъ опасаться за возможность дальнѣйшей поѣздки. Мѣстность отъ Михайловки до Гельской равнины, гдѣ находится Огамъ, гористая; дорога все время вьется среди пзгибовъ горъ, переваливаясь съ одной лоцины въ другую, и, наконецъ, недалеко отъ Тахтакрана входитъ въ узкое ущелье, по которому катить свои мутныя воды Кура. Пологіе склоны лежащихъ на пути горъ мѣстами обросли лѣсомъ, мѣстами обращены въ пашни, а чаще представляютъ степи, покрытыя рѣдкой травой и усыпанныя камнями. Повсюду изъ почвы просачивалась вода, образуя ручьи и потоки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болота. Распашка полей въ этомъ краю, болшею частью, уже закончилась, и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ крестьяне еще продолжали работу. Посѣвъ производится здѣсь инымъ способомъ: сперва разбрасываютъ сѣмена, а затѣмъ запахиваютъ ихъ небольшою сошкой. Въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ ущелья Куры образовалась долина, около полуверсты шириною и версти въ 1¹/₂, длиною, частью залитая водою, частью покрытая ласкавшею глаза молодою зеленью. Кое-гдѣ на ней пасся скотъ, летали чибисы и разгуливало нѣсколько паръ журавлей, то-и-дѣло заигрывавшихъ другъ съ другомъ. Журавлей и здѣсь, должно быть, не безнокоятъ, такъ какъ они безбоязненно подпускали меня шаговъ на 200. Тутъ же за рѣкой, на вершинѣ

крутого, скалистаго ската, видѣется башня, остатокъ безпокойной старины, а около дороги, на холмѣ, стоитъ небольшая и простенькая полуразрушенная церковь, одно изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ люди когда-то молили Бога о милости, и которое пришло теперь въ полное запустѣніе, обратившись въ мѣсто загона скота на ночь и въ непогоду.

Въ Окамѣ я отдохнулъ немного. Утро слѣдующаго дня было чудное, свѣтлое и теплое. Эти ли обстоятельства, или просто дѣйствовала окружающая природа, но только я съ наслажденіемъ любовался обширвой, гладкой, какъ столъ, равниной, верстѣ въ 20 длины и въ 15 ширины, покрытой ярко зеленой травой и окруженной, какъ кольцомъ, снѣжными горами. Видѣть совершенно гладкую, обширную равнину въ гористой Карсской области приходится не такъ часто. Поэтому если кто изъ тамошнихъ жителей желаетъ насладиться широкимъ горизонтомъ, подышать чистымъ воздухомъ горной равнины, лежащей на высотѣ шести съ половиной тысячъ футовъ, тому я совѣтую поѣхать въ маѣ въ Окамъ. При взглядѣ на равнину, забываются всѣ невзгоды, на душѣ становится легко, и она стремится куда-то въ даль. Кажется, будь возможность, сѣлъ бы на быстрого коня и мчался бы по равнинѣ до самаго конца утопающей гдѣ-то за горизонтомъ дали. Чувствуя особенный притокъ бодрости, я рѣшилъ двинуться послѣ обѣда за 50 верстѣ на осмотръ Арсенякскаго училища въ Ольтянскомъ округѣ. Предстояло пересѣчь всю Гельскую равнину, переѣхать черезъ Мерденекскій перевалъ и опуститься съ него въ глубокое Пенякское ущелье, откуда снова подняться на высокія горы, на которыхъ расположился греческій поселокъ Арсенякъ. Кромѣ бодрости духа, побуждало меня къ выѣзду, несмотря на позднее время, также и опасеніе, что ночью можетъ пойти дождь, и дорога на равнинѣ, и безъ того безобразная, сдѣлается совершенно непроѣзжей. Застрять же

въ Окамѣ, глухомъ куртинскомъ поселкѣ, у меня не было ни малѣйшей охоты; поэтому я и рѣшилъ двинуться, пользуясь и хорошей погодой и бодримъ, веселымъ настроеніемъ духа. Эта бодрость не ослаблялась даже тѣмъ, что половина дороги на равнинѣ была очень плоха, кочковата или грязна. Съ обѣихъ сторонъ дороги канавы обратились въ многоводныя и шумныя рѣчки, сильно подмывавшія дорогу. Повсюду виднѣлись болота и разлившіяся рѣчки, съ шумомъ катившія свои воды въ сторону Тахтакрана въ Буру, представляющую здѣсь незначительную рѣчку. Среди ярко зеленой травы пестрѣли въ изобиліи подсиѣжники и желтые цвѣты; въ довольно значительномъ количествѣ летали и расхаживали чибисы, утки, гагары, журавли. За Мерденекомъ, греческимъ поселкомъ, равнина заканчивается, и дорога сначала вьется по унылой лощинѣ, затѣмъ взбирается на небольшой перевалъ, съ котораго вступаетъ въ лѣсъ, откуда начинается спускъ къ с. Агундиру, въ ущелье Пеиякъ-чая. Дорога на перевалѣ и особенно въ лѣсу представляла невылазную, липкую грязь, такъ какъ она и здѣсь была сооружена изъ того же матеріала, что и раньше, т. е. просто изъ чернозема или глины. Въ лѣсу она вьется по скату горы, дѣлая петли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится быстро спускаться къ дну ущелья. Взда была крайне утомительная. Трудность еще болѣе увеличивалась непроглядной тьмою отъ наступившей ночи и густого лѣса. На одномъ изъ длинныхъ заворотовъ я рѣшилъ сократить дорогу и спустился по знакомой мнѣ лѣсной тропѣ на дно ущелья, гдѣ нужно было немного проѣхать по каменному руслу потока, чтобы опять выбраться на дорогу на другой, солнечной сторонѣ ущелья, гдѣ земля по моимъ соображеніямъ должна была быть суше. Но это сокращеніе дороги вмѣсто облегченія доставило мнѣ рядъ непріятностей. Переѣзжая черезъ потокъ, я попалъ на такой крутой каменный косо-

горь, что дрожки мои опрокинулись и покатались внизъ, таща за собою коня. Я тоже повалился съ дрожекъ и безъ особеннаго ущерба докатился до дна, гдѣ и ростянулся среди крупныхъ камней. Конь собирался-было бѣжать, но я быстро вскочилъ, удержалъ его и сталъ поднимать свой экипажъ. Дрожекъ, однако, мнѣ не удалось сразу поднять, а тѣмъ временемъ конь, получившій ли толчокъ отъ оглобли, или испугавшійся необычной обстановки пребыванія въ темную ночь среди глухого лѣса, рванулся впередъ, опрокинулъ дрожки и пустился бѣжать во весь духъ сперва черезъ рѣчку, потомъ выскочилъ на дорогу и скоро скрылся съ глазъ гдѣ-то за поворотомъ. Ухвативъ кое-какія свалившіяся вещи, я пустился бѣгомъ за конемъ на угадъ, не зная, убѣжалъ ли онъ внизъ по дорогѣ, или завернулъ вверхъ по первому попавшемуся изгибу ея. Пустившись внизъ, я черезъ полверсты увидѣлъ своего коня мирно шагающимъ по дорогѣ съ тянущимися за нимъ опрокинутыми дрожками, которыя послѣ осмотра оказались сильно искалѣченными: оглобля сломана, подножка сломана и утеряна, желѣзные скрѣпы сломаны, подушка истрепана, передокъ согнутъ и сломанъ. Видя, что въ утерянной подножкѣ вся сила, я оставилъ коня на дорогѣ, а самъ пустился назадъ, внимательно вглядываясь въ дорогу, но все мои старанія отыскать утерянную часть экипажа были напрасны. Пришлось возвратиться ни съ чѣмъ. Укрѣпивъ кое-какъ передокъ дрожекъ и ось ремнями и веревками, я рядомъ съ конемъ пошелъ въ Агундиръ отыскивать себѣ убѣжище на препогоной разговной станціи, гдѣ и нашелъ себѣ пріютъ въ большомъ сараѣ, среди всякихъ запаховъ сосѣднихъ стойлъ и прокислаго пота спавшихъ здѣсь ямщиковъ. На другой день я кое-какъ исправилъ съ помощью случайно зашедшаго въ Агундиръ кузнеца свои дрожки и часа въ три пополудни отправился въ Арсенякъ.

До станці Косоръ приходилось ѣхать по Пенякскому ущелью почтовой дорогой, затѣмъ свернуть налево въ горы. Путь изъ Агундира на Косоръ былъ совершенъ мною быстро и безъ хлопотъ, такъ какъ дорога была сухая и по большей части добропорядочная. Дорога отъ Косора къ Арсеняку на разстояніи 10—12 верстъ идетъ проселкомъ и, какъ путь передвиженія, неудовлетворительна, такъ какъ очень крута и въ большинствѣ случаевъ усыпана камнями. Ызда по ней и верхомъ утомительна; въ экипажѣ затрудненія чувствуются еще сильнѣе, что особенно увеличивалось наступившими сумерками съ дождемъ и туманомъ. Я неоднократно рисковалъ опрокинуться, едва различая окранны крутыхъ скатовъ. То и дѣло приходилось слѣзать съ дрожекъ и вести коня подъ уздцы. Дорога изъ ущелья Пеняка быстро поднимается въ гору. Подъемъ настолько великъ, что уже верстахъ въ 6 отъ ущелья можно видѣть себя выше тѣхъ скалъ, которыя кажутся такъ недосыгаемо величественными около Косорской станціи. Мѣстность здѣсь очень живописная, пересѣченная ущельями, съ поднимающимися повсюду высокими горами, обросшими сосновымъ и ардучевымъ лѣсомъ. На пути у меня лежалъ Арсенякъ-турецкій. Въ село это я въѣхалъ въ полной темнотѣ. Ызда по туземнымъ поселкамъ, какъ я уже и раньше говорилъ, никогда не можетъ обойтись безъ неприятныхъ приключеній, такъ какъ всѣ дома одной стороной врыты въ землю, земляныя крыши ихъ находятся на уровнѣ дороги и ничѣмъ не отличаются отъ послѣдней, а потому даже днемъ можно взлѣзать на крышу, а съ ней рискуешь провалиться въ середину дома на головы хозяевъ. Ночью въ этомъ отношеніи рискъ еще больше. Во избѣжаніе этого я попросилъ случайно вышедшаго изъ дому турка освѣтить дорогу лучинами и перевести меня на другую сторону села. Не будь этого турка, я едва ли бы выбрался благополучно изъ Арсеняка, такъ какъ пришлось колесить среди кривыхъ

закоулковъ съ такими крутыми спусками, что на одномъ изъ нихъ конь мой буквально такъ съѣхалъ на сидѣннн. Но вотъ и конецъ села! Еще нѣсколько усилий при подъемѣ по крутой и очень сѣверной, похожей на канаву, грязной и усыпанной камнями дорогѣ, и я, наконецъ, доѣхалъ до Арсеняка-греческаго, ничтожнаго поселка, затеряннаго среди горъ. Но и тутъ еще дѣло не могло кончиться благополучно, такъ какъ я едва могъ проѣздить черезъ узкій проходъ между домовъ и заборовъ, выходъ изъ котораго былъ загражденъ лежавшей поперекъ арбой; пришлось переѣзжать черезъ арбу, и только послѣ этого я могъ подъѣхать къ училищу среди гробовой тишины заснувшаго села. Черезъ полчаса дождь пересталъ итти, выглянула изъ-за тучъ луна и наступила ясная, тихая, теплая ночь въ горахъ, среди лѣсовъ, способная настроить на поэтическій ладъ даже доведеннаго до изнеможенія путешественника.

1-го мая я отправился за 60 верстъ изъ Арсеняка въ Олоръ, главное селеніе въ Таускерскомъ участкѣ, въ сѣверной части Ольтинскаго округа. Въ попутчики себѣ я пригласилъ смотрителя Арсенякскаго училища. Снова начался безконечный спускъ въ Пенякское ущелье, каменистый и грязный и крайне утомительный для коня. Поэтому мой попутчикъ вскорѣ долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пройти большую часть спуска пѣшкомъ, да и мнѣ немалую часть пути пришлось не ѣхать, а итти и вести коня въ поводу, что было въ меньшей степени непріятно, какъ и приспособляться на всѣ лады къ ѣздѣ на непрерывно наклоняющемся то въ одну, то въ другую сторону экипажѣ. Хорошо еще было, что день былъ довольно свѣтлый и дорога живописная; это хоть немного смягчало боль отъ толчковъ и усталость.

Дорога, начиная съ Арсеняка-турецкаго, идетъ вдоль большого ущелья, по правому скату его, затѣмъ отклоняется

вправо отъ него, пересѣкаетъ вершину пологого гребня и подходитъ къ другому небольшому ущелью, слѣва отъ котораго она и вьется. Оба ущелья мѣстами очень круты и повсюду покрыты ардучевымъ лѣсомъ, издающимъ сильный запахъ, который на непривычнаго человѣка дѣйствуетъ удушающимъ образомъ. Такое удушье чувствовалъ и я, когда мнѣ приходилось проѣзжать въ первый разъ по лѣсу, но затѣмъ я привыкъ, и теперь запахъ ардуча мнѣ былъ даже пріятенъ. Древоидный можжевельникъ, по-турецки ардучъ, представляетъ цѣлыя деревья, со стволами до полуаршина толщины и 2-3 саж. вышины. Тутъ же стелется и обыкновенный можжевельникъ и разные бустарники, въ нижнихъ частяхъ пути покрышіеся листьями и цвѣтамп. Изъ плодовыхъ деревьевъ приходилось видѣть всего 2 дикихъ груши. Это признакъ, что и здѣсь могло бы расти кое-что изъ плодовыхъ деревьевъ, но въ настоящее время ихъ нигдѣ не найдешь вплоть до самаго ущелья Пенякъ-чая, гдѣ жители развели курагу, туту, яблони, груши, вишни, крупный орѣхъ и пирамидальные тополя. При переѣздѣ черезъ Пенякъ-чай, около Косора, мнѣ пришлось наблюдать слѣдующую сцену: юноша-курдъ везъ на арбѣ навозъ черезъ плохенькій бревенчатый мостикъ. На серединѣ моста одинъ быкъ защемилъ ногу между бревнами. Я и мой спутникъ бросились помогать курду, но ничего не могли подѣлать и стали звать на помощь изъ сосѣдняго куртинскаго села Косора, откуда тотчасъ же прибѣжала куртинка, очевидно, родственница того парня, что везъ навозъ. вмѣсто того чтобы помочь намъ или сбѣгать за топоромъ, какъ ей было сказано, куртинка стала бѣгать около арбы, при чемъ пронзительно вопила и таскала себя за волосы. Мои понуканія нисколько на нее не дѣйствовали. Тогда мы стали кричать, чтобы жители принесли топоръ. Послѣдній былъ скоро принесенъ, защемившее ногу бревно перерублено и быкъ поднятъ. Видно,

что неожиданная бѣда сбиваетъ съ толку и искусившихся во всякихъ бѣдахъ курдовъ не меньше, чѣмъ нашего брата, горожанина.

Изъ Косора дорога пошла по шоссе, ѣзда по которому облегчила передвиженіе, но, къ сожалѣнію, не надолго, такъ какъ по выходѣ изъ Пенякского ущелья дорога изъ шоссированной стала грунтовой; къ тому же полилъ сильный дождь, обратившій въ липкую грязь глинистую почву дороги. Ѣзда снова стала затруднительной. Конь сталъ сильно уставать и требовать отдыха; расшатанныя его на камняхъ ноги начинали отказываться отъ работы, а между тѣмъ такъ или иначе приходилось спѣшить съ переѣздомъ черезъ рѣку Ольту, которая, какъ и всѣ горныя рѣки, черезъ какой-нибудь часъ могла переполниться водой и сдѣлаться совершенно непроѣзжей. Сколько, однако, мы ни спѣшили, но непріятности избѣжать не могли: многочисленныя развѣтвленія рѣки, черезъ которыя всегда приходится переѣзжать въ бродъ передъ станціей Соляныя промыслы, къ этому времени переполнились мутной водой. Послѣдняя съ шумомъ и значительной быстротой катилась внизъ, заливъ почти всѣ острова и сгладивъ всѣ слѣды пути, по которому совершается въ обычное время переѣздъ. Я со своимъ спутникомъ метнулся въ разныя стороны, отыскивая слѣды и благополучно переѣзжая отъ одной отмели до другой, пока мы, наконецъ, не добрались до главнаго рукава. Одинъ уже видъ этого рукава не внушалъ къ себѣ довѣрія, до того онъ былъ широкъ и бурливъ. Но дѣлать было нечего: приходилось или ѣхать впередъ, или сидѣть на отмели, что казалось еще худшимъ, чѣмъ перебираться черезъ стремнину. Поэтому я, безъ долгаго раздумья, направилъ коня наискось теченію и сразу попалъ въ глубокое мѣсто, гдѣ моя линейка погрузилась настолько, что я и мой попутчикъ оказались сидящими въ водѣ по грудь. Коня быстро подхватило теченіемъ и потащило внизъ, несмотря на

всѣ мои усилія повернуть его къ берегу. Въ довершеніе бѣды, меня начало сносить съ дрожекъ, такъ какъ ноги мои скользили по мокрымъ оглоблямъ и не могли найти достаточнаго упора. Удержался я исключительно благодаря тому, что за меня уцѣпился сидящій сзади мой спутникъ. Положеніе было крайне непріятное: вокругъ, сколько глазъ хваталъ, клокотала грязная масса, конь стремительно двигался по теченію, и встрѣтятся намъ гдѣ-нибудь глубокое мѣсто или крупный камень, дрожки наши обязательно опрокинулись бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились бы шансы на гибель, которая и безъ того была уже недалеко. Наконецъ, намъ посчастливилось. Отчасти мои усилія повернуть коня къ берегу, а главнымъ образомъ само теченіе на заворотѣ рѣки выбросило насъ на болѣе мелкое мѣсто, откуда намъ и удалось, наконецъ, выбраться изъ рѣки, отдѣлавшись только купаньемъ въ грязной и холодной водѣ и подмочкой бѣлья и платья въ корзинѣ, привязанной къ дрожкамъ. А могло быть и хуже, такъ какъ, по рассказамъ, наканунѣ на той же переправѣ кто-то утонулъ. Послѣ этого купанья дождь намъ былъ совсѣмъ нестрашенъ, а потому мы шагкомъ и безъ всякаго спѣха отправились на виднѣвшуюся въ полуверстѣ станцію попить чайку, закусить и покормить коня передъ отъѣздомъ въ Олоръ—цѣль нашей поѣздки. Купанье въ рѣкѣ смутило насъ мало: мы шутили надъ приключеніемъ и даже находили въ немъ нѣкоторую пикантность, придающую своеобразную прелесть путешествію. Переодѣваться было не во что, да и ни одинъ изъ насъ не считалъ это особенно нужнымъ, такъ какъ мы рассчитывали скоро проѣхать остающіяся 30 верстъ и заночевать послѣ плотнаго ужина въ тепломъ помѣщеніи Олорскаго училища. Но видно была ужъ такая незадача: мы не могли добраться до Олора и вынуждены были заночевать верстахъ въ 3 отъ него на открытомъ воздухѣ, на ложѣ изъ обломковъ камней и въ

сыромъ платьѣ, не успѣвшемъ просохнуть на нашемъ тѣлѣ за нѣсколько часовъ ѣзды. Эта неожиданная остановка была вызвана необычнымъ разливомъ Панаскертъ-чая, заливаго послѣ дождя дорогу водою, стремительно, съ грохотомъ, каскадами и водопадами летѣвшею внизъ по теченію. Главный рукавъ рѣки бушевалъ съ такою силой, какой я даже не могъ предположить въ ничтожной въ обычное время рѣчкѣ, и съ шумомъ катилъ по дну своему камни. Бросивъ нѣсколько камней въ воду и видя, что они успѣваютъ унестиcя чуть не на аршинъ внизъ по теченію прежде, чѣмъ утонуть, я отказался отъ всякой попытки переѣхать потокъ, тѣмъ болѣе что такіе же многократные переѣзды предвидѣлись еще въ Олорскомъ ущельѣ, а время было позднее, и луна тускло свѣтила изъ-за облаковъ. Ъхать назадъ и думать было нечего, такъ какъ конь страшно усталъ, селенія вблизи не было, да и къ тому же въ туземныхъ поселкахъ ночью все-равно не достучишься, такъ какъ мѣстные жители во всякомъ ночномъ странникѣ видятъ разбойника, а потому я примирился съ мыслью переночевать въ ущельѣ въ компаніи аждарцевъ и турокъ чарвадаровъ (вьючныхъ извозчиковъ), остановившихся тутъ по тѣмъ же причинамъ, что и мы. Распрягши коня, я бросилъ дрожки со всѣмъ добромъ на дорогѣ, рассчитывая, что въ такое время никто не станетъ шататься по ней, а потому все останется въ цѣлости, захватилъ только коня, который могъ убѣжать куда-нибудь со скуки, и спустился къ чарвадарамъ, у которыхъ видѣлся огонекъ почти у самой рѣчки, гдѣ и нашелъ себѣ радушный пріемъ въ видѣ мѣста у костра и клочка ряднушки, разостланной тутъ же. Не спалъ только одинъ чарвадаръ, который и похлопоталъ о нашихъ удобствахъ; остальная компанія посапывала и похрапывала на всѣ лады. Повѣсивъ коню на морду торбу съ бывшемъ у меня въ запасѣ ячменемъ и поболтавъ немного съ чарва-

даромъ о завтрашнемъ переѣздѣ черезъ рѣку, я растянулся на своемъ жесткомъ ложѣ, долго ворочался съ одного бока на другой, то-и-дѣло вытаскивалъ изъ-подъ ряда камня, больно впивавшіеся мнѣ въ тѣло, прислушивался къ шуму воды и грохоту катившихся по дну камней, думалъ о неудобствахъ своей апрѣльской поѣздки и отъ времени до времени засыпалъ. Но совѣ былъ безпокойный: я помпнутво просыпался, такъ какъ камни, холодъ и промоченные насквозь сапоги и пальто не могли способствовать снатью. Послѣ каждаго пробужденія я спѣшилъ пододвинуть свои ноги къ костру, на которомъ слабо тѣли отсырѣвшія вѣтки держи-дерева, укрывалъ ноги мѣшечкомъ отъ самана, отодвигался отъ ногъ соннаго чарвадара, протягивавшаго ихъ ко мнѣ чуть не къ самому лицу, смотрѣлъ, какъ мой несмыкавшій глазъ спутникъ дрожить отъ холода, и снова предавался дремотѣ и грустнымъ думамъ, пока, наконецъ, не наступило утро и не поднялась вся наша компанія. Чарвадары навьючили своихъ лошадей, мы запрягли свою и двинулись къ рѣкѣ, вода въ которой, по наведеннымъ раньше справкамъ, сильно опала. Начался переѣздъ. Черезъ одинъ рукавъ мы перешли благополучно, но въ другомъ попали въ тинистое и глубокое мѣсто, изъ котораго выбрались съ трудомъ, предварительно набравши полныя сапоги воды. На подмочку ногъ я уже давно пересталъ обращать вниманіе; поэтому нисколько не смутился тѣмъ обстоятельствомъ, что въ небольшомъ, но тѣсномъ и пересѣченномъ рѣчкой Олорскомъ ущельѣ мнѣ пришлось еще разъ десять перебираться черезъ воду, ведя коня въ поводу, такъ какъ перебираться черезъ камни и прыгивать въ рѣчку, подмывшую себѣ берега, можно было только идя рядомъ съ конемъ, а не сидя на дрожкахъ, которыя и безъ того потребовали капитальнаго ремонта по приѣздѣ въ Олоръ. Наконецъ мы пересѣкли всѣ изгибы мутной, дрянной рѣчки, переѣхали всѣ камни и добрался до длиннаго и

очень крутого подъема въ Олоръ. Много было пролито поту на этомъ подъемѣ и нами и конемъ, много разъ пришлось останавливаться, чтобы перевести духъ и набраться силъ, но, наконецъ, мы поднялись-таки на вершину, гдѣ сѣли на дрожки и поѣхали мѣсить уличную грязь турецкаго поселка, привлекая вниманіе обитателей своимъ невиданнымъ экипажемъ и грязнымъ, затасканнымъ видомъ.

Теперь вернусь назадъ и скажу нѣсколько словъ о природѣ того края, по которому только что пролегалъ мой путь:

Ущелье Пенякъ-чая во многихъ мѣстахъ дѣйствительно походить на щель: до того оно бываетъ узко и сдавлено нависшими скалами; въ такихъ мѣстахъ проходятъ только дорога и рѣка, и больше не остается почти ни шагу. Въ другихъ мѣстахъ ущелье нѣсколько шире, горы немного отступаютъ и образуютъ, особенно на правомъ берегу, пологіе скаты, на которыхъ пріютились немногочисленные здѣсь поселки курдовъ и турокъ, ихъ пашни и сады. Тамъ и сямъ виднѣлись близъ дороги одинокія алычевыя деревья, обильно покрытыя цвѣтами, кусты барбариса, шиповника и голая съ едва только распустившимися почками крушина, а около рѣчки мѣстами растутъ верба, но не образуетъ здѣсь такихъ густыхъ зарослей, какія приходится видѣть вдоль Бардусъ-чая. Травы на горахъ мало, да и самыя горы по правому теченію рѣки образуютъ настолько крутые обрывы, что трудно пріютиться не только дереву, но и травѣ. Горы здѣсь составлены изъ разнообразной величины обломковъ, отъ горошины до глыбъ аршина въ два величины, крѣпко соединенныхъ землистыми продуктами, уплотнившимися до твердости камня. Эти обломочныя образованія высоко поднимаются надъ дорогой, и чѣмъ дальше ѣдешь отъ Агундпра, тѣмъ они становятся величественнѣй. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они подходятъ къ дорогѣ, то-и-дѣло видишь колонны, шапки, острореберные утесы, разнообразные изгибы, какія-то

темныя дыры, вѣроятно, входы въ пещеры. Конгломераты то опускаются своею подошвой до самой дороги, то всползаютъ на подстилающія ихъ породы, то отходятъ отъ дороги и становятся совсѣмъ невидимыми съ нея, то изорваны потоками и образуютъ узкія, крутыя и усыпанныя камнями ущелья. Подстилающія материнскія породы то-и-дѣло выглядываютъ изъ-подъ конгломератовъ, образуя выглаженные или даже отполированные скалы и простираясь иногда непрерывной линіей версты на двѣ, иногда же появляясь въ видѣ влива, быстро исчезающаго подъ конгломератами.

На всемъ пути отъ Агундира до Косора нѣтъ нигдѣ слоистыхъ образованій; только около Косора вершины утесовъ пронизаны желтыми слоями неопредѣленныхъ очертаній. Съ Косора дорога идетъ по ущелью, иногда расширяющемуся и образующему небольшія поляны, занятыя пашнями и садами, иногда сдавленному настолько, что для дороги пришлось прорубить мѣсто въ сосѣднихъ скалахъ. Составъ горъ тотъ же, что и раньше, только каменные обломки становятся все мельче по мѣрѣ приближенія къ выходу изъ ущелья.

Горы здѣсь такъ же величественны, какъ и раньше, но меньше изорваны и не образуютъ уже тѣхъ пиковъ, столбовъ, украшенныхъ шапками, и причудливыхъ скалъ, которыя нерѣдко попадались повыше Косора. Растительностью онѣ такъ же бѣдны: тамъ и сямъ прорастаетъ клочками трава, кусты астрагала и одинокія деревья и кустарники, — вотъ и все, что видишь справа отъ дороги. Налѣво зелені больше, но и тутъ глазъ не порадуется ни ярко зелеными полянами, ни веселыми группами деревьевъ. Такъ тянется до выхода изъ ущелья за с. Пенякомъ, гдѣ начинается болѣе широкое и ровное мѣсто, особенно къ сѣверу, вдоль притока Пенякъ-чая, Канлы-су. Тамъ и сямъ вздымаются холмы, въ первое время, слѣва отъ дороги, составленные изъ мелкихъ, часто съ горошину, камешковъ,

связанныхъ между вобою землистыми продуками, а далѣе изъ глины разныхъ цвѣтовъ,—зеленаго, желтаго, сѣраго, кофейнаго, но чаще съ преобладаніемъ краснаго и бурога. Холмы образуютъ конусообразныя вершины, скаты ихъ голы и безжизненны, нерѣдко безъ всякихъ признаковъ растительности, и потому унылы до послѣдней степени. Глазъ можетъ отдохнуть только на пшеничныхъ поляхъ и ярко зеленѣющей, вьющейся среди горъ, долинь рѣки Канлы-су. Долина эта довольно широка и видѣется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, уходя куда-то въ даль и скрываясь за холмами.

По выходѣ изъ ущелья дорога вьется среди неприглядныхъ холмовъ бурога цвѣта, которые то отступаютъ отъ Пенякъ-чая и образуютъ небольшія прирѣчныя долины, то снова сближаются и заставляютъ путника колесить среди нихъ, пока, наконецъ, онъ не доберется до р. Ольты. Послѣдняя передъ станціей Соляные промыслы разлилась почти на три четверти версты, разбившись на множество рукавовъ, безпрестанно переплетающихся между собой и разъединяющихся низменными островками, состоящими изъ илу, песку и камней, безъ всякихъ признаковъ растительности. Такихъ разливовъ встрѣчается очень много по всему теченію рѣки, бѣснующейся во время половодья и постоянно подмывающей и уносящей плодородныя участки земли на ея берегахъ. Вблизи станціи Соляные промыслы мѣстность представляетъ небольшую равнину, окруженную съ юга бурыми и красными, а съ сѣвера желтыми, сѣрыми и зеленоватыми горами, въ которыхъ хранятся неисчислимыя богатства каменной соли, разработка которой пока ведется въ скромныхъ размѣрахъ. Такой же равнинный характеръ имѣетъ страна вплоть до Ольты, при чемъ равнина то суживается, то расширяется, то пересѣкается небольшими безжизненными, совершенно лишенными растительности, конусообразными хол-

мами и гребнями разныхъ цвѣтовъ, преимущественно бурога и ярко-краснаго, съ которыхъ почва смывается дождями, а вода уходитъ далеко отъ поверхности. Вообще виды вдоль дороги крайне унылы, и глазъ можетъ отдыхать только на виднѣющихся на югѣ высотахъ Абусаръ-дага, гдѣ темнѣютъ зеленые лѣса и видны поляны, покрытыя ярко-зеленой травой. Зато совсѣмъ другія картины ожидаютъ путника, когда онъ отъ Соляннхъ промысловъ отправляется внизъ по теченію рѣки Ольты въ Таускерскій участокъ. Горы здѣсь на-двигаются на рѣку, которая вѣтся объ ихъ подножія то съ правой, то съ лѣвой стороны. Вблизи станціи горы сильно приподняты и скалисты, такъ что для дороги пришлось прорубить въ нихъ мѣсто, и только верстахъ въ 5 отъ нея онѣ немного разступаются и образуютъ на лѣвомъ берегу рѣки небольшую равнину. На равнинѣ этой возвышается небольшая известковая скала, а на вершинѣ скалы сохранились остатки церкви, окруженные остатками когда-то высокой стѣны. Тутъ же по правую сторону рѣки Ольты, въ мѣстѣ ея сліянія съ Пенякъ-чаемъ, видна крѣпость, башни которой расположены на вершинѣ утеса, а стѣны опускаются по очень крутому обрыву къ р. Ольтѣ; у подножія скалы, уже внѣ стѣны, видны остатки 2—3 довольно большихъ зданій. Форма крѣпостцы совершенно нелѣпа по нынѣшнимъ военнымъ понятіямъ, но въ былыя времена, когда люди сражались въ рукопашную, она могла служить надежнымъ убѣжищемъ для засѣвшихъ въ ней. Верстахъ въ 3 отсюда ущелье опять суживается и заставляетъ рѣку течь по узкому руслу, гдѣ она шумитъ, прыгаетъ черезъ камни, обильно устилающіе ея дно, и быстро катитъ своп совершенно мутныя желтовато-сѣрыя воды. Сколько камней, илу и песку уносить въ половодье незначительная въ лѣтнее время рѣка Ольта! Какую работу совершаютъ въ это время всѣ ея притоки, обыкновенно маловодные и прозрачныя лѣтомъ и зи-

мою! Вопросами этими никто здѣсь не занимался, и потому для будущихъ нашихъ преемниковъ отбывается широкое поле для научныхъ работъ. Для такихъ работъ найдется здѣсь много матеріала и геологу, и этнографу, и археологу. Для перваго интересны будутъ горы, составъ которыхъ и разнообразіе въ ихъ очертаніяхъ рѣзко отличается отъ однообразія высокаго карскаго и ардаганскаго нагорья. Склоны Сіамбера и другихъ хребтовъ круто обрываются въ сторону рѣки, прорывшей въ нихъ для себя проходъ; они сѣзаны узкими скалистыми, верѣдко величественными и вмѣстѣ съ тѣмъ печальными и безжизненными ущельями, и изобилуютъ разнообразными окрасками: темно-зелеными, синими, бурыми, сѣрыми, желтыми, пепельными и ярко-красными. Особенно яркъ одинъ утесъ за небольшимъ куртинскимъ селеніемъ Эгрикилисой. Утесъ этотъ броваво-краснаго цвѣта, величиной съ небольшую комнату, какъ-то безъ связи съ окружающими породами выдвигается наружу на крутомъ скатѣ горы; окруженный буровато-сѣрыми массаи, онъ самъ налегаетъ на желтоватую породу. Окраски быстро смѣняются одна другою и въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, громоздясь другъ на другъ и мѣстами подстилая, мѣстами налегая на ту-же породу, или неожиданно исчезая совсѣмъ или появляясь на свѣтъ на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи. Горныя породы преимущественно осадочныя, безъ всякихъ признаковъ слоистости, но во многихъ мѣстахъ онѣ прорѣзаны значительными массаи разнообразныхъ кристаллическихъ породъ. Кромѣ того, на вершину одного скалистаго выступа изъ сѣраго гранита, по которому проходитъ дорога на лѣвомъ берегу Ольты-чая, налегаетъ значительная толща, составленная изъ крѣпко связанныхъ между собою обкатанныхъ камней разнообразной величины,—признакъ, по которому можно судить, насколько рѣка Ольта, шумящая теперь саженьхъ въ 6 внизу, была когда-то выше.

Слоистыя осадочныя породы въ видѣ известняковъ появляются только при выходѣ въ Панаскертское ущелье: отроги горъ, направляющихся здѣсь къ Панаскертъ-чаю и Ольтычаю, достигаютъ значительной высоты и круто обрываются къ обѣимъ рѣкамъ, но повсюду, гдѣ только они не завалены собственными обломками или не прикрыты землею, видно ихъ слоистое строеніе. Слои разной мощности, отъ вершка и менѣе до полуаршина толщиной, и имѣютъ паденіе къ сѣверу, изгибаясь и образуя небольшія складки на всемъ пути по Панаскертскому ущелью. Но особенно разнообразны изгибы известняковъ въ Олорскомъ ущельѣ, гдѣ горы обрываются отвѣсными стѣнами во много сажень высоты. Слои образуютъ причудливыя кривыя линіи, иногда изогнутыя въ видѣ колѣвъ; тутъ же мѣстами известняки размыты и образуютъ конусообразныя столбы, украшенные сверху каменными шапками, спящими на сравнительно тонкихъ шейкахъ. Известняки изобилуютъ отпечатками аммонитовъ; попадаются также белемниты, обломки крупныхъ раковинъ и отпечатки мохообразныхъ растений. Эти слоистыя известняки тянутся непрерывно по всему Олорскому и Панаскертскому ущельямъ. Другихъ горныхъ породъ здѣсь не увидишь, и, чтобы ихъ отыскать, нужно подвинуться дальше къ сѣверу отъ Олора, гдѣ опять начинается путаница черныхъ песчаниковъ, бѣлыхъ известняковъ, разнообразно окрашенныхъ массивныхъ осадочныхъ и кристаллическихъ породъ.

Климатъ низменныхъ частей Ольтинскаго округа теплый. Зима наступаетъ въ половинѣ декабря и оканчивается въ половинѣ февраля, при чемъ сильныхъ морозовъ нигдѣ не бываетъ. Потому въ будущемъ эти части округа обратятся въ сады съ разнообразными плодовыми деревьями. Сады и теперь встрѣчаются повсюду, и особенно ихъ много по Ольтычаю, пониже впаденія Панаскертъ-чая. Климатъ здѣсь на-

столько теплый, что нѣтъ надобности на зиму зарывать въ землю виноградъ, и послѣдній во многихъ мѣстахъ пускаютъ прямо на деревья. Самая топографія мѣстности способствуетъ развитію садоводства, такъ какъ мѣстность здѣсь очень гористая, для земледѣлія ровныхъ мѣстъ мало, а воды для поливки садовъ имѣется достаточно. Получаемые плоды и теперь охотно раскупаются; ихъ сбываютъ частью въ сыромъ, частью въ сушеномъ видѣ ольтинскимъ торговцамъ и скупщикамъ, прїѣзжающимъ сюда изъ Ардагана и Карса. Яблони, груши, айва, гранаты, сливы, шипши и орѣхи здѣсь дѣйствительно очень хороши; виноградъ хорошъ, но хуже ариванскаго. Изъ дикихъ растений по горамъ растутъ сосны, ардучъ, по скаламъ дикій миндаль, по ущельямъ дубнякъ, крушина, алыча, верба, гребенчукъ, а вдоль Ольты-чая въ большомъ количествѣ растетъ барбарисъ, образуя мѣстами очень густыя, перевитыя ломоносомъ заросли, аршинъ въ 6 высоты, часто перемѣшавшіяся съ рослыми кустами шиповника и гребенчука и высокими стеблями камыша, а также заросли печальнаго держи-дерева, которое не только не краситъ мѣстности, но еще болѣе придаетъ ей безотраднѣйшій видъ. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая кусты барбариса сплошь усыпаны желтыми кисточками цвѣтовъ, среди которыхъ выглядываютъ яркіе цвѣты шиповника. Ароматъ слышенъ на далекое разстояніе, ласкаетъ обоняніе ѣдущаго и въ изобиліи привлекаетъ пчелъ, шмелей, мухъ и бабочекъ. Но несмотря на благопріятныя климатическія условія для развитія пышной древесной растительности, ольтинскій край небогатъ ею, и глазамъ ѣдущаго чаще всего приходится видѣть мрачныя скалы, скудно покрытыя зеленью поляны и невыразимо бѣдные растеніями разноцвѣтные глиняные холмы.

Нынѣшнее немногочисленное населеніе Ольтинскаго округа считаетъ себя турками, или, вѣрнѣе, мусульманами, такъ какъ отъ названія турокъ народъ повсюду отказывается,

какъ отъ имени ему незнакомаго. Среди турокъ въ этомъ краѣ попадаетея немало и курдовъ, Богъ знаетъ когда и при какихъ условіяхъ переселившихся сюда изъ своей первоначальной родины. О своемъ происхожденіи отъ грузинъ, равно какъ и о прежней вѣрѣ своихъ отцовъ—о христіанствѣ народъ забылъ совсѣмъ, но и отъ магометанства онъ усвоилъ только обрядовую сторону, немного зная о самой сущности ученія, такъ какъ его учителя-муллы по образованію мало чѣмъ стоятъ выше окружающей ихъ крестьянской массы. Не думаю, чтобы уровень развитія народа и во времена христіанства былъ особенно высокъ, такъ какъ времена тогда были безпоекойныя, жизнь и имущество каждаго были обезпечены еще менѣе, чѣмъ теперь, а край былъ посѣщаемъ посторонними людьми едва ли чаще нынѣшняго, потому что бездорожье дѣлало переѣзды возможными только верхомъ, да и они не были обезпечены отъ хищничества мелкихъ владѣтелей, крѣпостцы которыхъ виднѣются тамъ и сямъ на утесахъ, съ которыхъ можно обозрѣвать въ разныхъ направленіяхъ доступныя для проѣзда ущелья. Одна такая крѣпостца, какъ я уже говорилъ выше, имѣется верстахъ въ пяти отъ Солянскихъ промысловъ, другая при впаденіи Панаскертъ-чая въ Ольты-чай, высокія башни и стѣны которой до сихъ поръ гордо красуются на высокомъ, малодоступномъ утесѣ. Проѣхать мимо этихъ крѣпостей незамѣченнымъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ, а, значитъ, приходилось считаться со всякимъ, кто ими владѣлъ. Обособленность этого края отъ остальныхъ грузинскихъ земель сдѣлала его легкой добычей мусульманства, которое безслѣдно стерло къ настоящему времени и христіанскую вѣру и грузинскую національность. Послѣдняя еще смутно держится въ Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ, поднимающихся къ сѣверу и сѣверо-западу, съ ущельями, выходящими въ земли съ христіанскимъ грузинскимъ населеніемъ и дававшими

возможность магометанившемуся населенію такъ или иначе поддерживать сношенія съ родственными по языку гурійцами и имеретивами и, такимъ образомъ, сохранить воспоминаніе о своемъ первоначальномъ происхожденіи; а въ Таускерскомъ и Ольтинскомъ участкахъ, отрѣзанныхъ отъ остального грузинскаго міра высокими и мало доступными горами, съ ущельями, открывающимися къ юго-востоку, въ сторону магометанскаго міра, ни христіанство ни грузинскій языкъ не могли долго удержаться подъ напоромъ турецкихъ завоевателей, и потому стерлись почти совсѣмъ, оставивъ по себѣ жалкіе слѣды только въ видѣ наименованій мѣстностей да развалины когда-то красивыхъ и обширныхъ церквей. Постройка всѣхъ этихъ церквей возможна была только при наличности значительнаго, набожнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и закрѣпощеннаго населенія, которое можно было сгонять на египетскую работу, не жалѣя ни времени его ни средствъ. Когда-то красивые и многочисленные храмы, постройка которыхъ стоила населенію безконечной затраты силъ, послѣ завоеванія края турками стали мало-по-малу приходить въ запустѣніе и разрушаться, народъ сталъ впадать въ апатію и мѣстами съ теченіемъ времени совсѣмъ одичалъ. Мнѣ приходилось слышать отъ строителя дороги изъ Ардагана въ Ольты, избравшаго для нея новое направленіе, вмѣсто Панчуретскаго перевала по Пенякскому ущелью, что населеніе возстало противъ дороги и настойчиво, хотя и безуспѣшно, просило губернатора Томича не проводить ее по ихъ ущелью, ссылаясь главнымъ образомъ на то, что ѣзда въ экипажахъ будетъ беспокоить ихъ и что проѣзжающіе будутъ смотрѣть на ихъ женщинъ. Просьбы не были уважены. Томичъ разругалъ просителей и приказалъ провести дорогу, и теперь ущелье обратилось въ лучшую и самую живописную часть пути между Ардаганомъ и Ольтами. Полагаю, что и само населеніе довольно теперь тѣмъ, что просьба ихъ отцовъ не

была уважена. Такъ, и въ глухой трущобѣ Карсской области, какъ и въ болѣе знаменитыхъ историческихъ центрахъ, шла смѣна цивилизацій, національностей и исповѣданій, пчезавшихъ безслѣдно или поглощавшихся болѣе жизнеспособными народностями. Что-то будетъ въ дальнѣйшемъ? Турки ослабли, магометанство продолжаетъ копаться въ схоластикѣ и обрядностяхъ и, хотя пустило корни въ народѣ, но вѣдь на сцену выступаютъ новыя политическія и экономическія условія жизни, которыя могутъ окатить холодной водой застывшее населеніе и выдвинуть его или въ роли самостоятельнаго дѣятеля, или употребить его какъ матеріалъ для постройки новаго зданія жизни.

Скажу нѣсколько словъ о памятникахъ старины, встрѣчавшихся мнѣ на пути изъ Арсеняка въ Олоръ.

При выходѣ изъ Пенякского ущелья въ расщелинѣ скалы, доступъ къ которой возможенъ только по головоломной тропинкѣ, виднѣются постройки въ видѣ домовъ, частью сдѣланныхъ изъ рваного камня на извести, частью изъ теса-наго. По словамъ мѣстныхъ турукъ, это остатки древняго монастыря. И дѣйствительно, тутъ могли жить только отшельники, а не обыкновенные мирные жители.

По выходѣ изъ ущелья, на равнинѣ р. Кавлы-су, на холмѣ, гордо поднимаетъ остатки своихъ разрушенныхъ сводовъ громадная церковь любопытнаго стиля, обозначенная на 5-верстной картѣ соборомъ Архангела Михаила. Это былъ очень большой храмъ, служившій, повидимому, одновременно и крѣпостью. Объ этомъ можно судить по двойной стѣнѣ его, изъ которыхъ наружная была круглая и соединялась съ настоящей стѣной храма сводомъ, отчего получался внутренній крытый круглый корридоръ, охватившій церковь почти что кругомъ. Въ настоящее, печальное для храма, время сохранились эти корридоры только по бокамъ, такъ какъ задняя часть храма, за исключеніемъ наружной стѣны, раз-

рушена. Наружная круглая стѣна была первоначально устроена со множествомъ огромныхъ оконъ или дверей, но потомъ обстоятельства измѣнились и заставили людей заложить эти окна-двери камнями, рѣзко выдѣляющимися на общемъ фонѣ хотя и сильно попорченной, но не потерявшей еще своего изящества постройки. Внутренняя часть церкви имѣла крестообразную форму и въ мѣстахъ, соотвѣтствовавшихъ ризницамъ, имѣла нѣсколько комнатъ въ три этажа, пробраться въ которыя теперь мудрено, такъ какъ основанія нижнихъ комнатъ завалены обломками, а ведущихъ когда-то вверхъ лѣстницъ я не замѣтилъ. Отъ бывшихъ въ церкви многочисленныхъ колоннъ сохранились очень немногія и притомъ самыя мелкія. Рѣзба тоже сильно попорчена и видна только кое-гдѣ внутри и снаружи церкви. Отъ средняго купола ничего не сохранилось; имѣется только надъ алтаремъ половина свода, который, вѣроятно, упирался въ срединный куполъ. Вся внутренность церкви и наружныя ея части завалены крупными обломками, сильно затрудняющими ходьбу и мѣшающими составить вполне опредѣленное представленіе о былой высотѣ этого великолѣпнаго сооруженія. Съ грустью смотришь на этотъ остатокъ сѣдой старины, созданный умирающей народностью въ то отдаленное время, когда она была еще сильна и многочисленна.

Напротивъ устья Пенякъ-чая имѣются два остатка старины, о которыхъ я уже вкратцѣ упоминалъ раньше: одинъ изъ нихъ на лѣвомъ берегу Ольты чая, другой на правомъ, на весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Осмотрѣть мнѣ удалось только лѣвобережный памятникъ. Тутъ среди равнины возвышается крутой известковый холмъ, на вершинѣ котораго когда-то люди соорудили церковь и обвели вокругъ всей вершины просто, но прочно ностроенную стѣну. Церковь небольшая, сажени 4 въ длину, сажени 3 въ ширину и не болѣе 4 саж. высоты въ куполѣ. Въ настоящее

время она сильно попорчена: вмѣсто купола осталась узкая дуга, вмѣсто дверей—двѣ дыры, въ западной и южной сторонахъ. Три маленькихъ окна въ передней и боковыхъ стѣнахъ тоже попорчены и напоминаютъ дыры. Церковь имѣла видъ корабля. Насколько она была привлекательна въ давнопрошедшія времена, трудно сказать, такъ какъ въ настоящее время она представляетъ неприглядную развалину, съ незначительными остатками штукатурки и едва замѣтными на послѣдней изображеніями святыхъ. Построена она, какъ и защитная стѣна, изъ обломковъ, кое-какъ пригнанныхъ другъ къ другу, но зато обильно смазанныхъ известью. Стѣна имѣетъ до 2 аршинъ толщины и видна только при осмотрѣ холма съ наружной стороны, откуда она кажется отъ 1 до 2 сажень высоты; внутри же крѣпости стѣны сравнены съ землею или возвышаются надъ нею на $\frac{1}{2}$ —1 арш. Предъ церковью видны остатки водоема. Другихъ признаковъ какихъ-бы то ни было прежнихъ жилищъ не замѣтно, хотя скала впереди церкви нѣсколько расширяется и представляетъ ровную площадку. Общее впечатлѣніе отъ этого остатка старины получается какое-то неопредѣленное, но зато взобравшійся на скалу можетъ полюбоваться обширной панорамой, развертывающейся передъ нимъ въ разнообразныхъ направленіяхъ: отсюда видно на значительное разстояніе ущелье р. Ольты, вверхъ и внизъ по теченію, и ущелье Пенякъ-чая, а также тѣснящіеся другъ на друга горные гребни вдоль этихъ ущелій и замыкающія ихъ свѣговья вершины на востокъ и югъ.

На другой сторонѣ Ольты-чая виднѣтся другой остатокъ, но тамъ люди не молились, а дрались, защищая свою жалкую звѣриную жизнь отъ такихъ же звѣрей-людей, какъ и сами они. Это крѣпость, внутренность которой я не могъ осмотрѣть, но могу сказать нѣсколько словъ о вѣншности, во многомъ отличающей ее отъ такихъ же укрѣпленій древ-

няго міра. Обыкновенно люди окружали стѣной какую-нибудь и безъ того трудно доступную вершину утеса, надстраивали одну или нѣсколько башенъ и на этомъ останавливались. При сооруженіи же этой крѣпости строители нашли необходимымъ провести еще стѣну внизъ по очень крутому, почти отвѣсному склону скалы, вслѣдствіе чего сидѣвшіе на ней защитники должны были оставаться совершенно открытыми для мечущихъ стрѣлы съ другой стороны рѣки. Служила ли эта стѣна для защиты отъ нападающихъ, или она только прикрывала спускающихся къ рѣкѣ по бывшимъ тропинкамъ на обрывѣ, не могу сказать, но во всякомъ случаѣ нахожу необходимымъ отмѣтить, что такой странной постройки крѣпости мнѣ не приходилось встрѣчать нигдѣ. Въ стѣнѣ видны остатки какихъ-то построекъ. Самая вершина скалы занята рядомъ прислоненныхъ одна къ другой башенъ, защищавшихъ доступъ къ крѣпости со стороны покатого склона горы, уходящей далеко въ высь. Тѣснота должно быть была страшная, но зато крѣпость представляла въ свое время неодолимую твердыню, потерявшую свое значеніе съ введеніемъ въ дѣло ружей и пушекъ. Стѣна и башни хорошо уцѣлѣли, такъ какъ попорчены въ очень немногихъ мѣстахъ и на незначительную высоту. Построены онѣ, какъ и большинство встрѣчающихся въ этой странѣ остатковъ старины, изъ обломковъ, щедро связанныхъ известью, отъ чего все сооруженіе кажется желто-бѣлымъ. Съ теченіемъ вѣковъ камни и известь обратились въ одну сплошную массу, способную выдерживать всяческія невзгоды еще много столѣтій. Но и первоначально крѣпость была построена очень прочно: иначе очень тонкая стѣна на страшно крутомъ спускѣ со скалы къ рѣкѣ не выдержала бы и рухнула бы, какъ это часто случается съ нашими постройками.

На обратномъ пути изъ Олора я вознамѣрился осмотрѣть крѣпостцу, поднимающуюся на утесѣ вблизи соедине-

нія Ольты-чая и Папаскертъ-чая. Давно я уже посматривалъ на эту твердыню, горделиво поднимающуюся надъ дорогой на высокомъ утесѣ, но все не хватало времени, чтобы добраться до нея.

Со стороны дороги взобраться на утесъ трудно, и возможно это только для пѣшаго, а я плохой ходокъ по горамъ и потому рѣшилъ объѣхать верхомъ скалу съ южной стороны. Тропинка тамъ тоже плохая, но по ней все-таки можно въѣхать на вершину гребня, что я и выполнялъ, сильно исцарапавшись о крючки держи-дерева. Тутъ пришлось привязать коня къ кусту и пуститься дальше пѣшкомъ. Утесъ, на которомъ построена крѣпость, отдѣляется отъ гребня глубокой перемычкой, углубленной повидимому искусственно съ цѣлью затруднить доступъ къ мало доступной и безъ того скалѣ. Изъ этой перемычки приходится карабкаться, постоянно пуская въ ходъ и руки, а при спускѣ въ нее на всѣ лады цѣпляться ногами и руками и поминутно присѣдать на камни, чтобы уменьшить возможность сорваться и полетѣть туда, гдѣ въ лучшемъ случаѣ отдѣлаешься увѣчемъ. Понесенный трудъ при подъемѣ на гребень и карабканьи въ крѣпость не выкупаются удовольствіемъ осмотра памятника старины. Вершина утеса весьма скромныхъ размѣровъ, и потому и сама крѣпостца не велика, сажень съ 6—7 въ поперечникѣ. Она состоитъ изъ стѣны, въ 2—3 саж. высоты и четвертей въ 5 толщины, и башни со стороны гребня, какъ наиболѣе угрожаемой части. Башня построена не съ краю стѣны, какъ это обыкновенно дѣлается, а въ срединѣ крѣпостцы. Высотой она не болѣе 3—3½ саж. Стѣны башни построены крайне просто: изъ обломковъ, грубо обколотыхъ и кое-какъ пригнанныхъ другъ къ другу. Камни въ стѣнѣ мелки, а въ башнѣ со стороны гребня крупнѣе, до аршина величиной. Все это, какъ вообще во всѣхъ старинныхъ постройкахъ, обильно смазано сваружи и изнутри

известью, съ теченіемъ времени окаменѣвшей и обратившей постройку въ монолитъ, способный продержаться еще рядъ вѣковъ. Стѣны и башня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрушены. Крѣпостца, вѣроятно, въ былыя времена служила наблюдательнымъ пунктомъ за проходящими по Ольтинскому и Панаскертскому ущельямъ, такъ какъ для постоянной жизни въ ней было мало мѣста, да и убѣжищемъ для населенія въ тревожныя времена она не могла служить, потому что была для этого слишкомъ тѣсна. Слѣдовъ какихъ бы то ни было строеній въ крѣпости нѣтъ; имѣется только что-то въ видѣ небольшого подвала между башней и стѣной, въ который ведетъ небольшое отверстіе сверху, можетъ-быть, пробитое глadioискателями въ позднѣйшія времена. Башня имѣла когда-то два этажа, но отъ бывшаго потолка между первымъ и вторымъ этажами остались теперь только дыры въ стѣнахъ. Какъ ни проста постройка крѣпостцы, но, Боже мой, сколько должно было быть потрачено труда на ея сооруженіе, такъ какъ приходилось воздвигать стѣны на самомъ краю обрывовъ и таскать значительныя тяжести по такому крутому подъему, гдѣ и съ пустыми руками рискуешь свернуть себѣ голову. Только вѣчный страхъ смерти отъ непріятеля и полная зависимость отъ мѣстнаго князька могли заставить населеніе соорудить эту твердыню, до которой теперь случайно добираются пастухи да заѣзжіе любители старины, не останавливающіеся передъ пролитіемъ пота при подъемѣ на страшную крутизну. Со стѣнъ крѣпости открывается не особенно обширный, но зато величественный видъ: съ сѣвера, за рѣкой Ольтой, раскинулся голый, желтаго цвѣта хребетъ Ахъ-дагъ; съ юго-запада чернѣютъ отроги Сіямбера, внизу голые или покрытые скудною растительностью, а вверху украшенные лѣсами и остатками снѣга; съ юга, по правому берегу Ольты-чая, выдаются изорванные и голые или скудно прикрытые кустарниками горы, а

внизу между всѣми этими гребнями и утесами катяты свои мутныя воды рѣки Ольта и Панаскертъ. Въ общемъ получается картина величественная, но это величіе пустыни, безъ всякихъ признаковъ пышности, свойственной теплымъ и богато орощаемымъ странамъ.

На пути изъ Олора въ Ольты я хотѣлъ захватить въ такъ называемое Кабанское ущелье осмотрѣть заложенный тамъ единственный пока въ Карсской области мѣдный рудникъ. День съ утра былъ свѣтлый и очень теплый. Вначалѣ потянулись давно уже знакомыя картины Олорскаго, Панаскертскаго и Ольтинскаго ущелій: бѣлыя известковыя горы, часто обрывающіяся къ дорогѣ слонстыми отвѣсами или засыпанныя на склонахъ обломками, въ большинствѣ голыя, съ незначительными порослями тощей травы и съ кое-гдѣ укоренившимися кустарниками, только слегка окрашивавшими, благодаря свѣжей зелени своей листвы, величественную, но крайне печальную мѣстность. Только у устья Панаскертъ-чая стали попадаться зеленыя поля и цвѣтушія деревья первобытныхъ турецкихъ садовъ и понемногу оживлять убогія картины. Вдоль Ольты-чая мѣстность стала замѣтно оживляться: тамъ и сямъ видѣлись зеленыя поля, кое-гдѣ копошились люди, дикихъ деревьевъ и кустарниковъ тоже было больше, и горы стали болѣе разноцвѣтныя—то синія, то красныя, то черныя, сѣрыя или темно-бурыя. Онѣ были сильнѣе изорваны и болѣе величественны, но такъ же голы, какъ и вдоль Панаскертъ-чая. Послѣ продолжительныхъ поѣздокъ по снѣгамъ и грязнымъ дорогамъ плоскогорій, поѣздокъ крайне утомительныхъ и непріятныхъ, яркій солнечный свѣтъ и тепло поднимали духъ и заставляли видѣть только одно хорошее въ окружающей мѣстности и даже въ этихъ голыхъ, безжизненныхъ горахъ, способныхъ при другихъ обстоятельствахъ навести на душу удручающую тоску. Поэтому не успѣлъ я замѣтить, какъ уже проѣхалъ верстъ 10 и при-

шлось завернуть за Эгрикилпсой влѣво, къ цѣли своего путешествія. Кабанское ущелье похоже на множество такихъ же ущелій вдоль Ольты чая: тѣ же известковыя безжизненные горы, только сильнѣе изорванныя и потому болѣе величественныя; та же невыразимая скудость растительности на нихъ и тотъ же печальный, однообразный желто-бурый цвѣтъ. Ущелье узкое и мѣстами обращается совсѣмъ въ трещину. Дно его занято рѣчными ложемъ, но рѣчка течетъ только во время сильныхъ дождей; во время же моего проѣзда она текла въ видѣ ничтожнаго ручейка и то не по всей длинѣ ущелья, такъ какъ терялась въ песокъ уже передъ кабанскими садами. Подпочвенная вода, однако, повидному, недалеко, такъ какъ по дну ущелья и отчасти по склонамъ горъ во множествѣ росли кустарники и деревца, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ дубнякъ—растеніе довольно рѣдкое въ Карсской области. Тамъ, гдѣ можно было видѣть верхнія части горъ, видѣлись кусты ардуча и зеленѣла клочковатая трава. Послѣ нѣсколькихъ верстъ ѣзды по этой печальной мѣстности мы неожиданно для себя встрѣтили сады кабанцевъ, поселившихся гдѣ-то въ верхнихъ частяхъ ущелья. Садовъ не особенно много, но они заняли всѣ ровныя мѣста около рѣчки и ближайшіе скаты и представляютъ милую картину среди пустынной мѣстности. Виноградъ пуцень прямо на деревья; лозы его достигаютъ трехъ вершковъ въ поперечникѣ, образуя вверху густыя заросли, отъ которыхъ едва ли можно ожидать много пользы. За садами мѣстность принимаетъ еще болѣе величественный видъ: по обѣимъ сторонамъ дороги плп, правильнѣе, рѣчного ложа поднимаются отвѣсными стѣнами гигантскіе утесы, составленные изъ какой-то изверженной крупнозернистой породы. Эта порода образовала пятиугольные столбы, извивающіеся въ разныхъ направленіяхъ, начиная съ вертикальнаго до горизонтальнаго и дугообразнаго. Столбы внизу утеса достигаютъ

$\frac{3}{4}$ аршина толщины, а вверху, особенно по лѣвую сторону дороги, довольно тонки, но въ этомъ именно мѣстѣ они и изгибаются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Утесы имѣютъ весьма значительную высоту. Чтобы видѣть ихъ верхнія части, нужно отойти въ сторону, но и тутъ приходится поднимать голову такъ, что вскорѣ начинаетъ болѣть шея. Наблюдая издали, можно видѣть, что у самой вершины праваго утеса какой-то хищникъ свилъ себѣ грубое, но очень большое гнѣздо. Видно, что птицы съ младенчества не страдаютъ головокруженіемъ, тогда какъ едва ли среди людей найдется такой смѣльчакъ, который сумѣлъ бы устоять на незначительномъ выступѣ и смотрѣть въ бездну во много десятковъ сажень. Лѣвый утесъ не такъ крутъ и образуетъ нѣсколько уступовъ, а у подножія заросъ держи-деревомъ, дубнякомъ и всяческимъ кустарникомъ и засыпанъ безчисленными обломками. Оба столбчатые утеса какъ-то неожиданно показываются среди известковыхъ породъ и такъ же неожиданно теряются, такъ какъ на дальнѣйшемъ пути начинаютъ преобладать известняки, гипсы и другія осадочныя породы. За утесами ущелье снова немного раздвигается, но вида своего не мѣняетъ, и потому опять приходится колесить съ версту по дну потока, усыпаннаго безъ числа мелкими известковыми обломками. Далѣе горы по лѣвую сторону становятся нѣсколько болѣе пологими, но не менѣе прежняго изорванными, и тутъ-то въ одномъ мѣстѣ и находится мѣдный рудникъ, куда мы и направлялись. Мѣстность около рудника еще болѣе печальная, такъ какъ земля имѣетъ или неприятный буро-ржавый или сѣро-синій цвѣтъ, а гдѣ она и бѣлѣетъ отъ извести, то и эта бѣлизна ничуть не радуетъ взора. Подъемъ до первой шахты небольшой, но для непривычнаго къ хожденію по горамъ человѣка онъ утомителенъ. Не менѣе плохи и дорожки, ведущія отъ этой шахты къ слѣдующимъ. По нимъ можно только ходить да и то съ

оглядкой и со здоровыми легкими, а перетаскивать тяжести дѣло довольно мудреное. Хорошо, что теперь нечего носить, такъ какъ во всѣхъ шахтахъ ведутся только развѣдки вдоль породъ съ ничтожнымъ содержаніемъ колчедана, а настоящихъ мѣсторожденій пока не нашли. Въ верхнихъ частяхъ всѣхъ шахтъ на стѣнахъ скопилось значительное количество какой-то бѣлой соли, мѣстами обращенной въ желтый или синій отъ купороса цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ просачивающаяся изъ стѣнъ вода образовала лужи; въ одной изъ такихъ лужъ набросаны палки, а на палкахъ насади сневатые кристаллы, которые при высыханіи, однако, теряютъ свой синій цвѣтъ и становятся бѣлыми. Шахты въ большинствѣ случаевъ проложены въ весьма плотной породѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля рыхлая; она состоитъ, кажется, изъ гипса и глины, и потому пришлось дѣлать подпорки сверху и съ боковъ. Стѣнки такихъ выработокъ сплошь покрыты бѣлымъ налетомъ или цѣлой корой, а въ одной наиболѣе длинной и опускающейся на значительную глубину шахтѣ стѣны на всемъ протяженіи покрыты толстымъ палетомъ въ видѣ азбестовыхъ волоконъ, но легко распадающихся при нажимѣ или растираніи пальцами. Составъ солей неизвѣстенъ хозяевамъ рудника, и потому онѣ не имѣютъ никакого значенія въ разработкѣ. Хозяевами рудника является грекъ Рамбиди и нѣсколько елисаветпольскихъ армянъ. На развѣдки затрачено имп уже нѣсколько тысячъ рублей и нѣсколько лѣтъ времени, но пользы пока еще не было видно, и если такъ же и въ будущемъ пойдетъ дѣло скупо по отпуску денегъ и слишкомъ щедро на трату времени, то едва ли скоро дождемся мы изготовленной изъ добытой въ Карсской области мѣди посуды, а владѣльцы рудника подождутъ тѣхъ милліоновъ, о которыхъ они мечтаютъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Пробираясь въ Ольты, я заѣхалъ на соляные промыслы, мимо которыхъ до сихъ поръ проскакивалъ безъ остановки.

Въ Каресской области имѣется нѣсколько мѣсторожденій каменной соли, но разработка ихъ ведется только въ Кагызманъ и не доѣзжая 20 верстъ до Ольтъ, немного въ сторонѣ отъ почтовой станціи Соляные промысла. Насколько значительны мѣсторожденія и какъ велика въ нихъ ежегодная добыча соли, я не могъ узнать отъ смотрителя промысловъ, но, повидимому, выработка не велика, такъ какъ имѣется всего одна довольно короткая шахта съ нѣсколькими незначительными боковыми забоями. Соль начинается недалеко отъ поверхности земли. Какъ и въ другихъ мѣсторожденіяхъ, она имѣетъ слоистое строеніе, при чемъ болѣе крупныя прослойки земли находятся на разстояніи 4—5 вершковъ другъ отъ друга. Соль грязнѣе кагызманской; болѣе чистые куски мелки и попадаютъ рѣдко. Выемка соли ведется съ помощью взрывовъ пороха или отколкой кирками кусковъ обычной для соли формы усѣченной пирамиды. Новая шахта соединяется со старой, проложенной еще во время турецкаго владычества. Турки, повидимому, вначалѣ ломали соль, удаляя съ поверхности землю, но затѣмъ нашли такой способъ неудобнымъ и заложили шахту. Слѣдъ старой шахты виденъ и въ другомъ мѣстѣ, но когда велась тамъ выработка, неизвѣстно, равно какъ ничего никому изъ служащихъ неизвѣстно, съ какихъ поръ начата разработка соли на этомъ промыслѣ и какъ она велась раньше. На соль налегаетъ слой глины и гипса, нанесенный сюда съ возвышающихся на сѣверной сторонѣ горъ. Холмы и горы чаще всего окрашены въ сѣро-желтый цвѣтъ и въ главной своей массѣ совершенно пустынный, чему, вѣроятно, способствуетъ не составъ самой почвы, а ея пористость и высыханіе съ ранней весны на значительную глубину. Растя на такой почвѣ могутъ только самыя нетребовательныя къ водѣ растенія, все

же остальное погибает; даже на болѣе ровномъ мѣстѣ, около дома завѣдывающего соляными промыслами, разведеніе деревьевъ и нѣкоторыхъ овощей удается очень туго, такъ какъ участокъ земли нуждается въ усиленной полпвкѣ, а воды-то, этого оживителя пустыни, имѣется въ этой спальной солнцемъ странѣ слишкомъ мало. Повыше промысловъ имѣется родникъ, вода отъ котораго, проведенная по трубамъ къ дому смотрителя, покрываетъ его насущныя потребности. Съ оголенностью прилегающихъ къ солянымъ промысламъ горъ могутъ поспорить только холмы на пути къ Ольтамъ. Холмы эти примыкаютъ къ дорогѣ и окрашены въ разные цвѣта, преимущественно красные, бурые и темные. Съ поверхности холмы эти засыпаны слоемъ рыхлой зернистой земли, на которой не ютится ни одно растеніе. Передъ невыразимую бѣдностью такихъ коническихъ холмовъ даже прилегающія къ промысламъ холмы и горы кажутся богато одѣтыми растительностью.

Изъ Ольты я долженъ былъ съѣздить верхомъ въ Джуджурсъ, армянскій поселокъ, находящійся верстахъ въ 5—7 къ западу отъ Ольты. Дорога вблизи мѣстечка идетъ по рѣчной долинѣ. Почва—буро-желтая глина, продуктъ сноса съ сосѣднихъ горъ. Мѣстность слегка понижается къ Ольты-чаю и представляетъ пашни, перерезанныя крупной канавой, высоко приподнятой на искусственной насыпи. Вдоль главной канавы и отводковъ отъ нея тамъ и сямъ разсажены пирамидальные тополя, толстыя, дуплистыя ивы, а вдоль пашень попадаются насажденія обльпихи, шиповника и другихъ кустарниковъ, служащихъ ненадежной живой изгородью, такъ какъ насажены они не сплошь, а случайными участками. Вся эта площадь пашень съ большею пользою могла бы быть обращена въ сады; да, говорятъ, она такую и была до выселенія ольтинскихъ магометанъ въ Турцію, послѣ ухода которыхъ необерегаемые сады были вырублены

на дрова всякимъ, кто не стѣснялся въ обращеніи съ чужою собственностью.

Вскорѣ дорога сворачиваетъ на западъ, и путнику предстоитъ на выборъ ѣхать по какому-то ущелью въ обходъ, или перебираться прямо черезъ горы, чтобы тѣмъ сократить себѣ путь версты на двѣ-три. Я выбралъ послѣднее, хотя и не ѣздилъ еще ни разу по этой тропинкѣ и не былъ увѣренъ, что она приведетъ меня, куда слѣдуетъ. Передъ глазами видѣлась только тропа, быстро поднимающаяся на горы и затѣмъ гдѣ-то исчезающая. А сами горы носили типичный характеръ пустыни: это были каменные осыпи, изъ-подъ которыхъ выглядывали материнскія плотныя породы, сперва буро-желтаго цвѣта, и затѣмъ сѣро-синяго, синева котораго мѣстами усиливалась и переходила въ сине-зеленый цвѣтъ. Эти синія горы составляютъ основную породу того края, черезъ который я перебирался, такъ какъ почти не прерываются нигдѣ на пути и имѣютъ значительныя обнаженія по ту сторону края. Порода состоитъ изъ мелкихъ слоевъ, имѣющихъ наклонъ къ сѣверу подъ угломъ приблизительно отъ 30 до 40° и легко обращаются въ песокъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ вся поверхность присыпана имъ. Кромѣ этого порошка, поверхность горъ во многихъ мѣстахъ сплошь усыпана буро-черными камнями, обломками кристаллической породы, мощныя толщи которой видны къ сѣверу отъ дороги. На горахъ почти нѣтъ никакой растительности: кое-гдѣ видны кустики астрагаловъ и какого-то бурьяна, и это видишь въ началѣ весны, когда влаги бываетъ достаточно. Что же бываетъ здѣсь среди лѣта, гдѣ солнце жжетъ немилосердно, а дожди не бываетъ ни капли? Да и не одиѣ эти горы таковы. Преобладающее большинство невысокихъ горъ сходно съ описываемыми: куда ни глянешь, вездѣ видишь голь или приземистую полынку, такую же сѣренькую или бурую, какъ и почва, и замѣтную только по сплывшему ар-

мату, который бывает слышенъ уже издали. Съ переходомъ черезъ горы, спускаешься на дно каменистой лоцины, по которой въ это время года протекалъ небольшой мутный потокъ. Но ѣхать по ней долго не приходится; скоро лоцину оставляешь влѣво отъ себя и начинаешь понемногу подниматься къ Джуджурусу по слегка пологому подъему, обращенному въ пашни. Около дороги попадаютъ вербы, алыча и дикія груши, образующія непроницаемыя броды. А еще далѣе начинаются сады и, наконецъ, въѣзжаешь въ армянскій поселекъ, устроившійся въ 2—3 верстахъ отъ границы у подножія пограничныхъ горъ. Что это за горы?! Голь перекатная, на которыхъ видишь только обнаженные бока и мѣстами какіе-то зародыши растительности. Травяныя площади попадаютъ, должно быть, на вершинахъ или въ лоцинахъ, но только не на склонахъ, обращенныхъ къ селу. Вообще, ближайшія къ селу горы представляютъ мало утѣшительнаго, но зато общій видъ изъ Джуджуруса красивъ и величественъ, такъ какъ охватываетъ обширную площадь къ югу и востоку. Отсюда виденъ Абусаръ-дагъ, покрытый вверху снѣгами; видны покрывающіе его склоны лѣса, многочисленныя промолны на склонахъ и скалистые гребни у подножія со стороны Бахчаджукъ и Наримана; видны турецкія горы, совершенно такія же, какъ и наши, усыпанныя сверху снѣгомъ, съ незначительнымъ лѣсомъ на склонахъ и съ многочисленными промолнами, тянущимися отъ вершины до самого низу. На склонахъ Абусара и ближайшаго къ рѣкѣ рѣкѣ Ольтъ Тамли-дага видны Бахчаджукъ, Беджукли, Тарнинка и другія селенія и зеленѣютъ пашни на ровныхъ площадяхъ, иногда отовсюду окруженныхъ скалистыми гребнями. Все это мѣста теплыя, съ достаточнымъ количествомъ годной для обработки земли и воды для орошенія. Турки, живущіе въ этихъ поселкахъ, желаютъ, однако, переселиться въ Турцію, но ихъ почему-то не отпускаютъ.

На обратномъ пути въ Ольты при перевалѣ черезъ горы по тропинкѣ пришлось лучше разсмотрѣть одну часть проѣзжаемыхъ горъ со стороны Джуджурса. На томъ скатѣ пришлось видѣть разнообразіе красокъ почвъ, скопленное на незначительномъ участкѣ: свѣтло-синія окраски быстро смѣнялись спне-зелеными, а за ними бѣлѣла зеленовато-бѣлая масса и тутъ же громоздились желтые слоистые выступы. Все это было переѣшаво въ такомъ видѣ, что трудно было подмѣтить связь между частями породы одной и той же окраски. Оставалось только предположить, что участокъ этотъ представляетъ рядъ складокъ, сильно разрушенныхъ временемъ, рыхлыя части которыхъ смыты, а оставшіяся плотныя представляютъ безсвязные влочки. Къ такому предположенію приходишь еще и потому, что тутъ же повыше выглядываютъ и кристаллическія массы, которыя, при выходѣ на свѣтъ, могли взять осадочныя породы, а потому усыпали ихъ своими обломками, когда на нихъ всѣхъ начало дѣйствовать всеокрушающее время.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я побывалъ на источникахъ буры въ окрестностяхъ мѣстечка Ольты. Источники эти почему-то въ настоящее время не разрабатываются. Ъхать къ нимъ приходится по Нарманской дорогѣ, по лѣвому берегу Ольты-чая. Верстахъ въ 3-хъ отъ мѣстечка имѣется въ горахъ небольшая котловина, приблизительно въ полверсты въ поперечникѣ, въ южной части которой поднимаются холмы спяго, краснаго и буро-желтаго цвѣта. Если проѣхать справа отъ ближайшаго къ вѣзду въ котловину холма, то въ глаза скоро бросится мѣсто, гдѣ появляются на свѣтъ буровые источники. Три ближайшіе источника пробиваются другъ около друга на скатѣ совершенно голой туфової скалы. Если немного подвѣяться повыше, то можно видѣть новый, болѣе значительный, источникъ, вокругъ котораго мѣсто нѣсколько расчищено, вѣроятно, бывшими когда-

то предпринимателями по добыванію буры. Вытекающая изъ скалы вода скопляется въ небольшихъ ямахъ, но тутъ же въ нихъ и пропадаетъ, просачиваясь черезъ рыхлую землю, а потомъ снова вскорѣ появляется на свѣтъ и течетъ по дну оврага въ видѣ ручья. Повыше этого источника вода нигдѣ уже не пробивается наружу, но на присутствіе ея во многихъ мѣстахъ указываютъ сырыя или усыпанные порошкомъ большія пятна; почва въ мѣстахъ появленія бурового раствора или бѣлаго налета вездѣ состоитъ изъ известкового туфа и его обломковъ. Туфъ виденъ и на весьма значительной высотѣ въ видѣ большихъ скалъ и, вѣроятно, представляетъ продуктъ многовѣковой дѣятельности источниковъ буры, не прекратившейся и въ настоящее время, такъ какъ высыхающей на склонахъ и на днѣ оврага растворъ оставляетъ послѣ себя плотную, каменную кору желто-грязнаго цвѣта и бѣлый, легко смываемый порошокъ буры. Туфовыя складки видны только вправо отъ оврага; по лѣвую же сторону земля рыхлая и окрашена въ красноватый цвѣтъ; на ней больше растительности, состоящей изъ ардуча, какого-то кустарника, травы и безчисленнаго множества, похожихъ на громадныхъ ежей, астрагаловъ, болѣе аршина въ поперечникѣ. На туфовыхъ скалахъ растительности далеко меньше, но и эта скудность является настоящимъ богатствомъ передъ оголенностью склоновъ синихъ горъ и поднимающагося въ серединѣ котловины синяго холма, на которыхъ нерѣдко можно видѣть значительныя пространства, совершенно лишеныя какой бы то ни было растительности, а на остальныхъ хотя таковая и имѣется, но такая чахлая и невзрачная, что ее едва можно замѣтить. Не болѣе богата растительностью и котловина. Только крохотный уголокъ ея обращенъ въ пашню, а все остальное представляетъ голую каменную или песчаную равнину, съ кое-гдѣ проросшими среди камней чахлыми кустами и жесткой клочковатой травкой.

Покончивъ съ дѣлами въ Ольтахъ, я снова началъ путешествіе въ экипажѣ и отправился въ Бахчаджукъ, селеніе, лежащее верстахъ въ 5—6 къ юго-востоку отъ мѣстечка. День былъ ясный, дорога сравнительно добропорядочная, а потому переѣздъ не былъ связанъ съ злоключеніями, которые одолѣвали меня раньше на каждомъ шагу при ѣздѣ въ экипажѣ. Дорога все время вьется по склонамъ горъ, а затѣмъ около Бахчаджука по небольшой равнинѣ. Горы здѣсь, какъ и вообще въ прилегающихъ къ мѣстечку окрестностяхъ, страшно пустынные и представляютъ сперва слоистые известняки, высоко поднимающіеся около Ольтъ, а затѣмъ глины разныхъ цвѣтовъ—красныя, буряя, желтыя, каштановыя и п сине-зеленыя, занимающія повсюду болѣе или менѣе значительныя пространства то сплошными массами, то налетая другъ на друга, то выходя наружу въ мѣстахъ размыва. Къ этимъ глинамъ въблизи Бахчаджука прибавляются кристаллическаго строенія скалы темнаго цвѣта, сильно изорванныя и изъѣденныя вѣтрами, почти безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ растительности. Последняя, впрочемъ, повсюду очень скудна,—это большею частью безсмертники, сѣрая полынь и еще кое-какія невзрачныя травки, не радующія взора; ярко зеленѣютъ только цвѣтушіе астрагалы. Какъ и скалы, безжизненны также красныя глиняныя холмы, издали кажущіеся бархатными. Скалы этихъ холмовъ гладки и нигдѣ не образуютъ изорванной поверхности, но на ихъ крутыхъ бокахъ, покрытыхъ тонкимъ легко обсыпающимся рыхлымъ слоемъ, нѣтъ пріюта для растительности, и последняя виднѣется только на мѣстахъ болѣе пологихъ, гдѣ вода въ почвѣ можетъ задерживаться на болѣе продолжительный срокъ. Но и здѣсь, надо полагать, лѣтомъ все выгораетъ до тла, и горы, пустынные и теперь, въ дождливое время года, утрачиваютъ тогда всякіе признаки жизни. Лѣсъ виденъ съ дороги на отдаленныхъ высотахъ Абусар-дага.

Бахчаджукъ — небольшой турецкій посёлокъ. Въ немъ имѣется нѣсколько садовъ съ разнообразными фруктовыми деревьями. Въ общемъ, однако, садовъ немного, хотя условія для развитія садоводства вполне благоприятны.

Изъ Бахчаджука путь мой шелъ на Бардусъ, оттуда на Абульвартъ, а затѣмъ на Карсъ, гдѣ я могъ рассчитывать отдохнуть отъ трудовъ и неудобствъ. Но до Карса было еще далеко, а путь пролегалъ по мѣстамъ совсѣмъ неудобнымъ для ѣзды въ экипажѣ, особенно въ дождливое время, какимъ оказался копецъ апрѣля и начало мая. Въ ночь съ 6 на 7 мая пошелъ дождь и сильно размочилъ дорогу, которая на много верстъ круто поднимается изъ Бахчаджука по склонамъ Абусаръ-дага. Глинистая почва прилипла къ колесамъ и еще болѣе отягощала безконечный подъемъ, и моему бѣдному коню снова пришлось напрягать всѣ свои силы, чтобы тащить леговый экипажъ, съ котораго я долженъ былъ поминутно слѣзать, чтобы удержать равновѣсiе или чтобы облегчить работу коня.

Дорога изъ Бахчаджука до Дагирскаго поста почти безпрерывно идетъ въ гору, извиваясь вначалѣ по безобразнымъ промоинамъ среди угрюмыхъ скалъ, то-и-дѣло круто поднимаясь въ гору по камнямъ, обильно устилающимъ ее во многихъ мѣстахъ; затѣмъ, выйдя изъ первыхъ промоинъ, она вьется по склону одного отрога, вдоль глубокаго ущелья, на днѣ котораго шумитъ потокъ, образующій въ верхнихъ частяхъ ущелья рядъ красивыхъ водопадовъ. Склоны Абусаръ-дага состоятъ изъ глины каштановаго и бурога цвѣта; мѣстами они совсѣмъ свободны отъ камней, мѣстами обильно усыпаны ими. Растительность вначалѣ скудная, а иногда ея и совсѣмъ нѣтъ; но по мѣрѣ подъема она становится богаче: къ травамъ начинаютъ присоединяться мелкіе кустарники и ардучъ, затѣмъ примѣшиваются деревья, а далѣе какъ-то незамѣтно въѣзжаешь въ лѣсъ, въ которомъ

сперва попадаются разныя листовныя породы—цвѣтущій барбарисъ, алыча, груша и черешня, потомъ начинаютъ преобладать ардучи съ высокими и толстыми стволами, до $\frac{3}{4}$ аршина въ поперечникѣ, чего я раньше нигдѣ не наблюдалъ, и наконецъ появляется сосна, которая, чѣмъ выше, тѣмъ падается чаще, пока совсѣмъ не вытѣсняетъ всѣ остальные древесныя породы за исключеніемъ можжевельника, кусты котораго попадаются и на самомъ верху лѣса. На опушкахъ лѣса и полянахъ попадаются въ значительномъ количествѣ цвѣты; особенно обильны лютики, желтые вѣнчики которыхъ тысячами украшаютъ полянки; изъ-подъ кустовъ и расщелинъ выглядываютъ желтыя кисти первоцвѣта; синіе цвѣточки незабудки усыпаютъ открытыя сырыя площадки; множество другихъ цвѣтовъ тянется отовсюду къ теплу и свѣту и доставляетъ путнику то особенное духовное наслажденіе, котораго онъ бываетъ лишень тамъ внизу, около Ольтъ и Бахчаджукъ; гдѣ солнце печетъ сильно, а вода не держится въ почвѣ, и жизнь замираетъ, не успѣвая, какъ слѣдуетъ, проявить себя. Это обиліе растительности на склонахъ Абусаръ-дага еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе стъ величія и красоты дороги, которая то изгибается по склонамъ, то пересѣкаетъ скалистыя выступы сѣрой кристаллической породы, спускающейся въ видѣ громадныхъ и толстыхъ стѣнъ. Эти каменные стѣны обнаруживаются только въ первой половинѣ пути, скатываясь внизъ поперекъ ущелья и затѣмъ исчезая подъ склономъ другого гребня. Одна стѣна какъ-то неожиданно появляется въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога прорублена между нею и каменнымъ склономъ гребня горы, и становится замѣтной только тогда, когда отъѣдешь немного вверхъ отъ этого прохода; тутъ же по содѣйствию съ этой стѣной видѣется 2—3 другихъ, тоже поперекъ ущелья. Возможно, что такія же образованія имѣются и въ другихъ мѣстахъ, но при подъемѣ они стали за-

мѣстаѣ потому, что вода, промывая ущелье по трещинамъ и рыхлымъ продуктамъ скатовъ горъ, опускающихся въ сторону Бахчаджика, встрѣтила поперечныя каменные стѣны и разрушила ихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отличались меньшей устойчивостью; болѣе же плотныя части уцѣлѣли и стоятъ теперь поперекъ широкаго и глубокаго ущелья, какъ памятники былой вулканической дѣятельности Абусаръ-дага. На дальнѣйшемъ пути такихъ образованій уже не встрѣчается, хотя промоины, овраги и ущелья виднѣются и вблизи самой дороги и недалеко по обѣимъ сторонамъ ея. Дорога въ нѣсколькихъ мѣстахъ взбирается на вершины отроговъ, откуда открываются широкіе виды на русскія и турецкія земли. Отсюда можно видѣть, какъ страба образуетъ впадину по Ольты-чаю, обрѣзленную отовсюду горами; какъ жѣстность понижается въ сторону Наримана, образуя довольно значительную равнину, изрѣзанную по всѣмъ направленіямъ лощинами, вѣроятно, кажущимися тамъ на мѣстѣ широкими и глубокими ущельями. Отсюда же, съ дороги, можно видѣть группы русскихъ и турецкихъ горъ, вполне сходныхъ между собою по окраскамъ сѣрой, желтой, бурой или пепельной, по безжизненности и разбросанности ихъ, въ которой глазъ не подмѣчаетъ никакого порядка, столь ясно замѣтнаго въ горахъ Карскаго или Ардаганскаго плоскогорья: тутъ горы вздымаются какъ и гдѣ попало, разъединяясь ущельями, или громоздясь другъ на друга безъ замѣтной послѣдовательности въ повышеніяхъ и пониженіяхъ страны. Снѣгъ сошелъ съ этихъ горъ почти повсюду; его можно было видѣть только на наиболѣе выдающихся возвышенностяхъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ или полосъ, спускающихся по слабо нагрѣваемымъ впадинамъ. Видъ горъ хотя и величественъ, а мѣстами и живописенъ, но въ общемъ унылъ и безжизненъ; вызываемое имъ грустное чувство становится еще болѣе ощутительнымъ съ мѣстъ наблю-

денія, окруженныхъ лѣсомъ и безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, по которымъ шныряютъ бабочки, шмели, жучки; слышатся воркованіе горлинокъ, звонкое посвистываніе мелкихъ пичугъ и пронзительные крики хищныхъ птицъ, находящихся здѣсь и безопасный пріютъ и поживу. Какъ-то невольно сопоставляешь окружающую тебя жизнь и ту смерть, которая виднѣется тамъ вдали на неприглядныхъ горахъ. Лѣсовъ вдали нигдѣ не видно, и только кое-гдѣ чернѣютъ ардучевые кусты—вотъ и все, что можетъ замѣтить глазъ.

Дорога, между тѣмъ, непрерывно идетъ въ гору, изгибаясь среди промоянъ и овраговъ; переходя на юго-восточную сторону Абусар-дага, она выходитъ изъ лѣсу. Вотъ еще нѣсколько изгибовъ, мелкихъ подъёмовъ и спусковъ, и она, наконецъ, попадаетъ на небольшую плоскую возвышенность—самую верхнюю часть Дагирскаго перевала, тысячь въ 6½ фут. высоты, гдѣ можно отдохнуть отъ утомительнаго пути и посмотрѣть на турецкія земли, которыя съ этого мѣста непрерывно видны путнику почти до Бардуса. Смотрѣть, однако, не на что, такъ какъ горы однообразной темной окраски, покрыты неважной травкой и почти оголены отъ лѣса, варварски истребленнаго населеніемъ, которое не сдерживается никакими лѣсохранительными законами и не думаетъ о нуждахъ ближайшихъ поколѣній. Такая же судьба, безъ сомнѣнія, постигла бы и ольтинскіе лѣса, если бы на спасеніе свое они не перешли подъ покровительство хотя и часто попираемыхъ, но тѣмъ не менѣе заботливыхъ русскихъ лѣсохранительныхъ законовъ. На всемъ пути до Бардуса мнѣ пришлось видѣть сосновыя рощи въ турецкой землѣ только въ 3—4 мѣстахъ, да и то по такимъ трупобамъ, откуда мудрено что-нибудь вытащить. Съ перевала лѣсная растительность и на русскихъ земляхъ становится бѣдной, а мѣстами и совсѣмъ исчезаетъ, появляясь только вдоль пограничныхъ рѣчекъ, Думбруль-арасы и Бардус-чая, въ видѣ

зарослей пвняка, барбариса, облѣпихи, и около Бардуса, гдѣ начинается сосновый и ардучевый лѣсъ; но ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ лѣсъ не достигаетъ той мощности и живописности, которыя онъ выказываетъ при подъемѣ.

Съ площадки передъ Дагирскимъ пограничнымъ постомъ, вблизи абхазскаго селенія Дагиръ, дорога начинаетъ постепенно опускаться, но спускъ этотъ маскируется непрерывными подъемами, спусками и заворотами по ущельямъ и отрогамъ Абусаръ-дага. Дорога здѣсь хороша для всадника, но плоха, какъ колесный путь, такъ какъ колейки протоптаны и прорублены не по горизонталямъ, а другъ надъ другомъ. Кромѣ того, дорога довольно часто и стремительно скатывается на дно овраговъ, а оттуда также круто взвивается вверхъ и въ придачу усыпана крупными камнями, выползающими изъ почвы въ видѣ цѣлыхъ глыбъ, черезъ которыя съ трескомъ и грохотомъ перелеталъ мой экипажъ; на днѣ овраговъ то-и-дѣло попадались мутные потоки, съ каменистымъ или тинистымъ русломъ, что въ меньшей степени неудобно для ѣзды въ экипажѣ. Всадникъ же можетъ безпрепятственно проскакать большую часть этой дороги, гдѣ для ногъ лошади вполне достаточно протоптанныхъ колеекъ, и сбережъ и время и силы, такъ безбожно затрачиваемыя при попыткахъ ѣздить въ экипажѣ по варварскимъ дорогамъ Карсской области. Первая часть спуска, однако, еще не такъ плоха, какъ та, которая начинается недалеко отъ Тарлянскаго пограничнаго поста. Спускъ тутъ очень крутъ, страшно каменистъ и имѣетъ множество рѣзкихъ поворотовъ, между которыми приходится вилять съ большою осмотрительностью, чтобы не опрокинуться и не разбить о каменную глыбу колеса или оси, что повлечетъ за собою одинаково скверныя послѣдствія въ этой глухой, безлюдной и недоступной труппѣ. Во избѣжаніе крупныхъ неприятностей на большей части спуска пришлось итти рядомъ

съ дрожками и осторожно сводить коня внизъ. Только когда дорога доходить до рѣчки Домбруль-арасы, наконецъ, тутъ ужъ можешь считать главную часть трудовъ поконченной; можешь большую часть дороги ѣхать, слѣзая только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится переводить лошадь по узенькимъ и крохотнымъ мостикамъ, переброшеннымъ черезъ многочисленныя канавки, отведенныя отъ бурной рѣчки отчасти съ цѣлью орошенія, отчасти на водяныя мельницы; можешь насладиться видомъ высокихъ скалъ и обильной растительности, съ которою пришлось распрощаться съ самаго начала безобразнаго спуска къ Тарпянскому посту. Чѣмъ далѣе спускаешься по ущелью, тѣмъ послѣднее становится шире; чаще и чаще начинаютъ появляться ровныя прирѣчныя площадки, покрытыя ивнякомъ и густою травой; на склонахъ подножій горъ появляются въ громадномъ количествѣ желтые и фиолетовые касатики. Горы на всемъ пути опускаются къ ущелью. Мѣстами подножя ихъ засыпаны обломками, мѣстами и этого нѣтъ, и голые утесы гордо вздымаются на десятки сажень вверхъ, давая пріютъ скудной растительности только въ своихъ расщелинахъ. По дну ущелья съ шумомъ катитъ свои бѣловатая воды Домбруль-арасы, безпрерывно перескакивая съ одной стороны ущелья на другую. Мѣстами, гдѣ прирѣчная долинка слишкомъ тѣсна, дорогу прорубили на склонахъ, но такъ ловко, что при переѣздахъ по этимъ мѣстамъ то-и-дѣло приходилось слѣзать съ дрожекъ и вести коня, чтобы уменьшить шансы кувырнуться прямо въ грохочущую рѣчку. За версту до впаденія этой рѣчки въ Бардусъ-чай ущелье расширяется, густыя заросли облѣпихи, ивняка и гребенцяка становятся почти сплошными и наполняютъ воздухъ своимъ сладковатымъ ароматомъ. Это лучшая часть ущелья. Наконецъ показывается и Бардусъ-чай. Рѣка съ шумомъ катится къ нему, а самъ Бардусъ-чай переполнился мутной водой, залилъ всѣ островки на

своёмъ руслѣ и стремительно несется къ сѣверу, какъ бы въ ногою за какой-то невѣдомой добычей. Объ обычномъ переѣздѣ въ бродъ черезъ Бардусъ и думать было нечего. Поэтому я свернулъ внизъ по теченію, гдѣ долженъ былъ быть мостикъ, но, прежде чѣмъ добраться до него, долженъ былъ съ большимъ трудомъ перебраться черезъ нѣсколько болотъ и канавъ. Мостомъ, очевидно, никто не пользовался для колесной ѣзды, о чемъ можно было судить по невозможному спуску, по которому я могъ свести коня и дрожки только послѣ цѣлаго ряда мученій. Но я надѣялся, что съ переѣздомъ черезъ рѣку должны были закончиться самыя непріятныя изъ моихъ злоключеній, такъ какъ впереди оставалась наиболѣе удобная часть дороги на всемъ пути отъ Бахчаджука до Бардуса. Однако, расчеты мои оказались вначалѣ далеко невѣрными. Порядочная дорога начиналась только отъ переправы въ бродъ черезъ Бардусъ-чай, а до этого мѣста отъ моста она разработана плохо, узка и идетъ по крутому скату. Это было бы ничего, если бы мѣстами она не была завалена скатившимися обломками, дѣлавшими изъ нея тропинку въ полъ-аршина шириной. Переѣздъ по такимъ мѣстамъ, не особенно затруднительный для всадника, былъ крайне непріятенъ и хлопотливъ при переводѣ черезъ нихъ коня и экипажа. Приходилось сперва проводить коня, потомъ вскарабкиваться на камни и изо всѣхъ силъ тянуть къ себѣ дрожки, когда онѣ проходили надъ обрывомъ. Въ одномъ мѣстѣ онѣ уже было скатились наполовину въ kloчущій внизу протокъ Бардусъ-чая, но я во время стегнулъ коня, послѣдній рванулся и вытащилъ дрожки на дорогу. Вздохнуть свободно я могъ, только выбравшись на болѣе укатанную часть дороги, гдѣ и конь также почувствовалъ себя бодрѣе и безъ особыхъ понуканій бѣжалъ вездѣ, гдѣ къ тому представлялась хоть какая-нибудь возможность. За предъидущій переѣздъ я такъ уже научился балансировать на

безпрерывно наклоняющихся въ разныя стороны дрожкахъ, что, нѣсколько не стѣсняясь, гналъ лошадь по крутымъ и узкимъ срѣзамъ, у подножія которыхъ ревла рѣка. Дорога то шла по рѣчной равнинѣ, то изгибалась по склонамъ, то вскарабкивалась на гору, гдѣ рѣка подмывала берегъ, то опять сползала къ рѣкѣ, а около Ахилисинскаго поста даже пересѣкала въ двухъ мѣстахъ рѣчные рукава, обыкновенно очень мелководные или совсѣмъ пересыхающіе, а теперь шумные и глубокіе настолько, что я опять набралъ себѣ полные сапоги воды. За промежуточнымъ потокомъ она перенеслась еще разъ черезъ притокъ, а затѣмъ повсюду пошла по сухому пути, и грязь встрѣтилась только при подъемѣ въ Бардусъ, гдѣ разлились канавы и горный потокъ. Съ переѣздомъ черезъ Бардусъ-чай, дорога все время идетъ по русской землѣ, тогда какъ раньше приходилось перебираться и въ Турцію. Теперь Турція остается за рѣкой и по своей природѣ ни въ чемъ не отличается отъ нашей земли. Какъ турецкія, такъ и наши горы большею частью круто опускаются къ рѣкѣ, мѣстами упираясь въ послѣднюю отвѣсными утесами. И тѣ и другія горы по большей части голы; особенно пустынные русскія горы, обращенныя къ солнцу, которое жжетъ ихъ немилосердно въ теченіе ряда лѣтнихъ мѣсяцевъ и губитъ все, что мало-мальски нуждается въ водѣ. Въ апрѣлѣ и маѣ на нихъ еще растетъ кое-какая скудная травка, нѣсколько не измѣняющая разноцвѣтной окраски горъ, но лѣтомъ все это выгораетъ: остаются только живучіе кустистые и шарообразные астрагалы, мелкіе ардучи, рѣдко сидящіе на склонахъ, да какіе-то вустарники, на которыхъ жители любятъ навязывать лоскутки своихъ платьевъ. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ, въ боковыхъ ущельяхъ, виднѣются сосновыя рощи, очевидно, остатки тѣхъ лѣсовъ, которые когда-то покрывали всѣ эти горы. Составъ горныхъ породъ здѣсь разнообразенъ, судя по окраскамъ

сѣрымъ, бурымъ, блестяще-чернымъ, желтымъ и синимъ. Всѣ эти окраски, какъ и въ мѣстностяхъ по Ольты-чаю, не имѣютъ опредѣленнаго направленія и положенія, — то ихъ видишь сверху, то снизу какой-нибудь породы, то въ видѣ какого-то пятна неопредѣленныхъ очертаній внизу или вверху горъ, то онѣ появляются небольшими участками на небольшомъ протяженіи и потомъ куда-то скрываются съ тѣмъ, чтобы появиться въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи или небольшими блоками, или мощными скалами, продолжающимися дальше за рѣкой на турецкой землѣ. Преобладаютъ породы осадочныя, но безъ признаковъ слоистости, а передъ Ахкилисинскимъ постомъ выклиниваются въ двухъ мѣстахъ значительныя площади сѣраго гранита. Известняки слонстаго строенія можно видѣть только въ Турціи, если пойти отъ турецкаго поста Гамаза въ селеніе того же наименованія, да при подъемѣ въ Бардусъ появляются темно-бурые песчаники съ толстыми слоями, имѣющими паденіе къ сѣверу. Повыше Бардуса окраска видимыхъ горныхъ породъ повсюду становится однообразно темно-бурой отъ преобладанія базальта, но зато горы образуютъ гигантскія скалистыя ступени, засыпанныя у своего основанія продуктами распаденія самихъ же скалъ. Особенно величественна здѣсь сѣверная гора, которая отъ самой вершины до шумящаго гдѣ то далеко внизу Бардусъ-чая образуетъ рядъ исполинскихъ ступеней. Эти ступени видны также и на томъ крутомъ спускѣ, которымъ заканчивается передъ Бардусомъ Карское плоскогорье, приподнявшееся здѣсь въ видѣ Саганлугскаго хребта съ его многочисленными вершинами.

Вся прирѣчная низина Бурдусъ-чая сплошь заросла ивой, облѣпихой, гребенчукомъ, и только изрѣдка попадаются на ней небольшія пашни и солдатскія огороды; но такихъ обработанныхъ мѣстъ мало, а большая часть представляетъ веселые прирѣчные лѣсочки, по которымъ ѣдешь съ боль-

шимъ удовольствіемъ и которые представляютъ настоящій рай для разводныхъ на постахъ свиней, для дичихъ курочекъ, сорокъ, горлинокъ и разныхъ мелкихъ пичугъ.

На всемъ пути отъ Бахчаджуга до Бардуса на дорогѣ попадается только незначительный турецкій поселокъ Терпенъ, или, какъ говорятъ пограничные солдаты, Тарпянка. Другихъ людскихъ поселеній около дороги, если не считать таковыми русскіе и турецкіе пограничные посты, здѣсь нѣтъ. Правда, условія для бойкой людской жизни здѣсь не особенно благоприятны, но мелкіе поселки, въ видѣ хуторовъ, тутъ могли бы существовать, такъ какъ вдоль Бардусъ-чая попадаются много полянъ, да и садоводствомъ можно было бы заниматься, такъ какъ ущелье это теплое, а вода въ Бардусъ-чаѣ имѣется всегда. Здѣсь когда-то, очевидно, жизнь была бойчѣе, такъ какъ на известковой скалѣ противъ турецкаго поста Гамаза имѣются остатки значительнаго замка, другая крѣпостца въ Бардусѣ, гораздо лучше сохранившаяся, а третья за Ханскимъ переваломъ около Сырбасана и извѣстная подъ названіемъ крѣпости Керъ-оглы. Сооруженіе этихъ крѣпостей требовало наличности значительнаго числа рабочихъ рукъ и возможно было только въ мѣстности, болѣе или менѣе людной и имѣвшей существенное значеніе для тогдашняго государства. Но все это бывшее давно уже былѣемъ поросло, а въ настоящее время и на турецкой и русской сторонѣ Бардусъ-чая и его притока населеніе крайне рѣдко и малокультурно и состоитъ изъ турокъ и кое-гдѣ изъ грековъ, явившихся сюда изъ Турціи на опустѣвшія мѣста послѣ выселенія магометанъ въ Турцію. И тѣ и другіе занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ и почти никто садоводствомъ, такъ какъ зародыши садоводства можно найти только въ Бардусѣ, гдѣ имѣются два незначительныхъ сада.

Въ Бардусѣ я воспользовался случаемъ и отправился осмотрѣть кислый источникъ. Чтобы добраться до него, при-

шло спуститься на Ольгинскую гору, перейти через мостъ на Бардусь-чаѣ и потомъ завернуть въ сосѣднее ущелье. Въ этомъ послѣднемъ приходится идти по песчаному руслу небольшого потока, совершенно высыхающаго въ лѣтнее время, и послѣ ходьбы минутъ въ 10 добраться до минеральнаго источника. Источникъ незначительный. Онъ представляетъ ямку въ $\frac{1}{4}$ арш. глубины и арш. $1\frac{1}{2}$ ширины, въ которую вода просачивается со дна въ 6—7 мѣстахъ, о чемъ можно судить по выдѣляющимся въ этихъ мѣстахъ пузырькамъ газа. Вода имѣетъ слабый кислый и желѣзистый вкусъ. Вытекая изъ ямки по направленію къ ручью прѣсной воды, минеральная вода образуетъ на днѣ красный осадокъ, а по бокамъ нефтяныя пятна. Болѣе слабое выдѣленіе такой же минеральной воды замѣтно немного повыше родника и красноватое, мокрое пятно на скалѣ, по лѣвую сторону прѣснаго потока. Въ нѣсколькихъ шагахъ повыше источника поднимается утесъ изъ известковаго туфа, сбоку котораго въ значительномъ количествѣ имѣется бѣлый налетъ какой-то соли. Если пройти еще немного повыше по ущелью, то на правой его сторонѣ можно видѣть значительныя отложенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были заросли моха. Просачивающаяся здѣсь вода имѣетъ едва замѣтный кисловатый вкусъ. Ни водой минеральнаго источника, ни отложеніями соли никто не пользуется. Правда, воду пьютъ, но не ради лѣченія, а такъ, случайно, только потому, что вода эта не простая, а минеральная; о значеніи же соли никто никакого понятія не имѣетъ, да едва ли многіе ее и замѣтили. Ущелье, гдѣ находится источникъ, ведетъ въ глубь горъ и во многомъ схоже съ другими здѣшними ущельями: оно узко, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напоминаетъ промоину и окаймлено высокими, вверху скалистыми горами, преимущественно грязно-желтаго цвѣта, хотя и другія окраски бываютъ замѣтны то вверху, то внизу. Бока ущелья во многихъ мѣстахъ голы, но гдѣ

они не особенно круты, тамъ появляются кустарники и трава въ видѣ жесткихъ великорослыхъ злаковъ.

Покончивъ съ дѣлами, я 9 мая отправился въ Абуль-вартъ, греческое селеніе Кагызманскаго округа, для осмотра тамошняго училища. Путь мой пролегалъ все время проселкомъ и потому сулилъ мнѣ очень мало хорошаго. И дѣйствительно, поднявшись немного изъ Бардуса и пройдя версты полторы по довольно ровному мѣсту, дорога начинаетъ ползти вверхъ по ущелью на вершину Ханскаго перевала въ 6—6½ высоты. Послѣ отчаянныхъ дорогъ, по которымъ я ѣздилъ раньше, подъемъ на перевалъ можно было признать сноснымъ, такъ какъ крутыхъ мѣстъ было мало, камней тоже не особенно много, и при ѣздѣ не приходилось балансировать такъ часто, какъ раньше. За переваломъ, однако, дорога была похуже, часто пересѣкалась ручьями и потоками, мѣстами была сильно усыпана камнями, которые въ изобиліи валялись почти на всемъ пути до Еникея, а черноземная почва раскисла и представляла или жидкій кисель, или липкую грязь, обращающую легенькій экипажъ въ тяжеловѣсную ношу, вытягивавшую послѣднія силы изъ изнуреннаго коня и заставлявшую меня слѣзать и идти рядомъ и испытывать не меньшее утомленіе, чѣмъ испытывалъ мой бѣдный конь. Ради облегченія послѣдняго приходилось съѣзжать съ дороги, гдѣ это только было возможно, и ѣхать по камнямъ, гдѣ дрожки съ трескомъ и грохотомъ перескакивали черезъ глыбы и поминутно грозили сломаться, но зато не вязли въ густой грязи и не обращались въ непосильную тяжесть. Только съ выѣздомъ изъ Еникея, небольшого греческаго поселка, земля стала суше, а камней меньше и ѣзда отсюда стала полегче до самой рѣчки Зивинъ-су. Я уже неоднократно переѣзжалъ послѣднюю въ бродъ, но на этотъ разъ не захотѣлъ рисковать переѣздомъ черезъ переполнившуюся водой и камнями рѣчку и потому долженъ былъ завернуть нѣсколько въ сто-

рону, переѣхать черезъ мостъ на шоссейной дорогѣ и потомъ вскарабкаться на высочій косогоръ, откуда благополучно добрался до Абульварта, пересѣвши небольшое, но крутое ущелье. Только съ выѣздомъ на другой день изъ Абульварта на шоссейную дорогу я могъ получить увѣренность, что дальнѣйшій путь до Карса въ 92 версты будетъ сдѣланъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, въ достаточной—таки степени надѣвшихъ мнѣ при поѣздкѣ по Ардаганскому и Ольтинскому округамъ. Этотъ переѣздъ до Карса дѣйствительно былъ совершенъ почти благополучно, если не считать того факта, что не доѣзжая версть 30 до Карса дрожки мои сломались въ шестой и послѣдній разъ. Пришлось снять съ нихъ всю поклажу, сложить ее на первый попавшійся молдавскій фургоны, а сломанныя части стянуть толстой веревкой, сѣсть на самый задокъ дрожекъ, чтобы въ такомъ инвалидномъ видѣ добраться домой.

Скажу теперь нѣсколько словъ о пути отъ Бардуса до Карса.

Отъ самаго Бардуса до вершины Ханскаго перевала по обѣимъ сторонамъ дороги горизонтъ сдавленъ склонами узкаго ущелья, съ лѣвой стороны, большею частью, скалистаго или каменистаго, а съ правой болѣе пологоаго. Растительность слѣва отъ дороги небогатая; сначала попадаются барбарисъ, шиповникъ, кусты ардуча и стелящагося можжевельника, но вскорѣ они всѣ исчезли и замѣнились скудною травянистою растительностью, не прикрывавшей многочисленныхъ валяющихся на склонахъ обломковъ базальта; вправо отъ дороги внизу часто были видны сосны, можжевельникъ и ардучъ, а вверху осиновыя кусты, не успѣвшіе еще распустить своихъ почекъ; травы здѣсь было гораздо больше, скаты зеленѣли и голыхъ мѣстъ было мало, но въ общемъ и здѣсь картины были невеселыя, и потому приходилось спѣшить скорѣе добраться до вершины перевала, откуда открывается

широкая панорама окрестныхъ странъ. Къ непривлекательнымъ картинамъ пути по ущелью прибавлялся еще сѣгъ, лежащій на дорогѣ значительными участками; сѣгъ былъ грязенъ, но уплотнялся такъ, что ни конь ни дрожки нигдѣ не увязали. Съ перевала можно видѣть страну на далекое разстояніе. На сѣверѣ виднѣются изорванныя разноцвѣтныя, беспорядочно погроможденныя другъ на друга горы Ольтинскаго округа. Съ востока страна представляетъ волнистую возвышенность, на которой одна за другой поднимается рядъ высокихъ шапкообразныхъ горъ, подходящихъ къ самому перевалу и заходящихъ даже къ западу отъ него. Всѣ эти горы и волнистая возвышенность составляютъ Соганлаугскій хребетъ, на склонахъ своихъ покрытый прекрасными сосновыми лѣсами, а на вершинахъ представляющій степь, въ лѣтнее время покрытую роскошною травой. На югъ отъ Ханскаго перевала страна замѣтно понижается, образуя широкую треугольную равнину вдоль Зивинъ-су, ограниченную хребтами съ востока и запада и уходящую въ турецкую землю, въ сторону Эрзерума. Но равниной вся эта страна представляется только при взглядѣ на нее со значительной высоты перевала; вблизи же она кажется покрытой высокими горами, такъ какъ образуетъ нѣсколько уступовъ въ сторону рѣчки Зивинъ-су (она же и Ускяндаръ-су) и пересѣкается значительнымъ количествомъ лощинъ, постепенно сливающихся между собою, по мѣрѣ приближенія къ этой рѣчкѣ. Почва въ верхнихъ частяхъ этого треугольника черноземная, но во многихъ мѣстахъ она такъ густо усыпана каменными обломками, что становится пригодной только для пастбища. По мѣрѣ спуска къ Еникею камней становится меньше, черноземъ замѣняется желто-бурой глиной, и вся земля около этого поселка и сосѣдняго съ нимъ села Сырбасана обращена въ пашни, на которыхъ только мѣстами 9 мая виднѣлась мелкая хлѣбная поросль, а большая часть

была совсѣмъ еще черная, что указываетъ на значительную высоту мѣстности. Когда приходится ѣхать изъ Абульварта въ сторону Сарыкамыша по ущелью Ускандаръ-су, то съ дороги кажется, что ѣдешь по глубокому ущелью, окруженному высокими скалистыми горами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ на разстояніи 8—10 верстъ ѣдешь по глубокой рѣчной промоинѣ, образовавшейся на довольно плоскомъ склонѣ Соганлугскаго хребта, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ общую покатость къ юго-западу. Только далѣе къ дорогѣ начинаютъ подступать горы, на скатахъ которыхъ образовалось много ущелій, соединяющихся съ тѣмъ, по которому проходитъ шоссе. Особенно крупны эти боковыя ущелья около Саганлугской почтовой станціи, одно съ сѣверной, а другое съ южной стороны. Ущелье въ началѣ голое, хотя и величественное; по склонамъ его растетъ скудная трава, не распустившіяся еще приземистые кусты шиповника и еще какіе-то кустарники, укореившіяся повсюду, гдѣ только почва не завалена камнями или не сносится потоками, а на небольшихъ лужайкахъ зеленѣла мелкая травка. Но по мѣрѣ углубленія въ ущелье количество кустарниковъ становится больше, пока, наконецъ, верстахъ въ 24 отъ Сарыкамыша не появляются молодыя сосновыя деревца, вскорѣ превращающіяся въ лѣсъ, сопровождающій затѣмъ путника почти вплоть до 4—5-ой версты по ущелью, ведущему изъ Сарыкамыша въ Карсъ, мѣстами прерываясь, мѣстами надвигаясь къ самой дорогѣ. Последню даже пришлось прорубить въ лѣсу на всемъ Хандаринскомъ перевалѣ. Перевалъ этотъ проходитъ черезъ одну изъ южныхъ вѣтвей Соганлуга. Подъемъ на него съ западной стороны растянулся на много верстъ и потому мало замѣтенъ. Только за селеніемъ Хандары дорога дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ для того, чтобы добраться до вершины перевала, откуда начинается непрерывный спускъ на многіе десятки верстъ, до самаго Карса, съ

самыми незначительными подъемами между Новоселимомъ и Владикарсомъ, такъ какъ страна имѣетъ непрерывное пониженіе къ востоку. Съ самаго перевала отърывается широкой видъ на югъ, юго-востокъ и юго-западъ. Во всѣ эти стороны видны горы, покрытыя лѣсами и пересѣченныя по всѣмъ направленіямъ ущельями. Надъ всѣми этими каменными волнами и задумчивыми сосновыми лѣсами на югъ поднимается покрытая снѣгами безлѣсная вершина Крестовой горы (Сурбхача) въ $9\frac{1}{2}$ т. ф. высоты, а на юго-востокѣ обширныя снѣжныя громады хребта Ахъ-бабы. Снѣгъ покрывалъ не только эти мощныя вершины, но и цѣлый рядъ другихъ, поднимающихся во всѣхъ направленіяхъ; онъ уцѣлѣлъ и на Хандаринскомъ перевалѣ въ видѣ небольшихъ влчковъ на сѣверныхъ склонахъ гребней, заросшихъ лѣсомъ. Тутъ снова пришлось увидѣть своихъ старыхъ знакомыхъ — перелѣски и подснѣжники, которыя попадались только на Ханскомъ перевалѣ да на высококомъ Ардаганскомъ нагорьѣ. Широкой видъ, пышная лѣсная зелень повсюду, гдѣ только видитъ глазъ, отдаленныя снѣжныя вершины, свѣжій живительный воздухъ и яркая, солнечная погода дѣйствовали возвышающимъ и ободряющимъ душу образомъ. При такой обстановкѣ какъ-то невольно забываешь всѣ пережитыя невзгоды и жаждешь унести въ эти лѣса, въ эту безконечную синюю даль.

Изъ Сарыкамыша приходится ѣхать по ущелью. Давно уже было знакомо мнѣ это ущелье, но я почти всегда ѣздилъ по немъ съ удовольствіемъ. Съ обѣихъ сторонъ дороги поднимаются высокіе бока ущелья, заканчивающіеся вверху скалами и усыпанные на склонахъ обломками. Сперва вправо отъ дороги виднѣется сосновый лѣсъ, потомъ онъ скоро прекращается и приходится видѣть на склонахъ только неважную траву, но зато самые склоны становятся величественнѣй и выше, а самое ущелье болѣе извилистымъ. Особенно красиво ущелье между Ягбасаномъ и Чатахомъ, гдѣ

оно дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, а скалы видѣются гдѣ-то далеко надъ дорогой. Дно ущелья то расширяется и обращается въ лугъ, то суживается настолько, что по дну его шумить только рѣченка да проложена дорога, за которыми тотчасъ же начинаются крутые каменные бока скатовъ, которые заканчиваются многосаженной скалой, тянущейся въ видѣ непрерывной стѣны. Такъ тянется до Елгечмаза, за которымъ дорога выходитъ на равнину и тянется по ней безъ конца. Ѣзда по ущелью всегда пріятна, тѣмъ болѣе что и самая дорога хороша и всегда оживлена, такъ какъ то-и-дѣло попадаются пѣшеходы, всадники и экипажи и приходится переѣзжать черезъ 4 людныя поселенія. Видно, что жить въ ущельѣ, вблизи котораго разстилаются обширныя черноземныя равнины и по которому проходить шоссе, удобно. Да тутъ, кажется, и всегда жизнь была ключомъ, судя по названію лезгинскаго поселка Едди-килиса (7 церквей), въ которомъ и въ окрестностяхъ сохранились остатки нѣсколькихъ церквей, и по остаткамъ нѣсколькихъ небольшихъ крѣпостей, около Едди-килисы и Чатаха. Сооруженіе этихъ крѣпостей и церквей возможно было только въ мѣстности людной и плодородной. За Елгечмазомъ горы опускаются и раздвигаются; мѣстность обращается въ слегка волнистую, а мѣстами и совершенно гладкую равнину, на которой когда-то волновалось обширное озеро. Отъ Чатаха до Бегли-Ахмеда я проѣхалъ ночью, большую часть дороги почти ничего не видя за дождемъ и туманомъ въ полусотнѣ сажень отъ себя. Но за Ново-Селимомъ мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ и освѣтилъ ближайшія окрестности: большая часть ихъ была обращена съ осени въ пашни, чернѣвшія при тускломъ лунномъ свѣтѣ и терпящіяся гдѣ-то далеко въ туманной дали. Все это становилось еще сумрачнѣй, когда туча на время прикрывала мѣсяцъ. Вокругъ было все тихо; не слышно было ни людей ни жи-

вотныхъ; даже неугомонныя собаки и тѣ молчали, и на душу ѣдущаго попеременно опускался то полный покой, гармонизировавшій съ окружающею тишиною, то тоскливое чувство одиночества среди безконечной молчаливой пустыни.

Пользуясь остановкою въ Чатахъ, я осмотрѣлъ развалины древней крѣпости около этого селенія. Расположена она на вершинѣ выступа, искусственно отдѣленнаго отъ остальнаго плоскогорья небольшимъ оврагомъ, затруднявшимъ къ ней доступъ. Отъ крѣпостной стѣны сохранилось только основаніе. Стѣна шла по изгибамъ выступа и потому имѣетъ неправильную, кругловатую форму съ сохранившимися на ней основаніями башенъ, которыя когда-то располагались на всѣхъ выступающихъ углахъ. Стѣна была толщиною отъ 3 до 4 аршинъ, судя по основанію. Облицована она была крупными, кое-какъ обтесанными камнями, а внутри сложена изъ разнообразной величины обломковъ. Во всей стѣнѣ нигдѣ не видно употребленія извести, а связующимъ для камней цементомъ служила земля. Это указываетъ на весьма значительную древность постройки, сооруженной въ тѣ отдаленныя времена, когда мѣстное населеніе не было еще знакомо съ употребленіемъ извести. Такой же способъ постройки и форма ея имѣется въ другой, сосѣдней съ Чатахомъ крѣпостцѣ и около с. Караглы, верстахъ въ 17 къ югу отъ Карса на склонахъ Борлоха. Крѣпостца имѣетъ въ поперечникѣ шаговъ 70—80. Служила она, вѣроятно, убѣжищемъ въ опасныя моменты жизни окрестнаго населенія. Въ серединѣ ея видны остатки крайне первобытныхъ построекъ, сложенныхъ изъ совершенно не подогнанныхъ другъ къ другу крупныхъ обломковъ. Отъ нихъ сохранились остатки только нижнихъ частей стѣнъ, сложенныхъ, какъ и крѣпость, на грязи, такъ какъ извести нигдѣ не видно. Въ началѣ спуска отъ этихъ построекъ въ сторону Чатаха имѣется входъ въ подземелье, заваленный крупными камен-

ными обломками и потому неудобный для прохода, особенно рослому человѣку. Мнѣ удалось пролѣзть только на небольшую глубину, и потому осталась неизвѣстной величина этой норы и ея назначеніе. Возможно, что она тянулась къ самымъ постройкамъ, такъ какъ проложена въ рыхломъ туфовомъ слоѣ, лежащемъ подъ прикрывающей его долеритовой лавой аршинъ въ 6 толщины.

Немного отдохнувъ, я снова выѣхалъ изъ Карса на осмотръ училищъ. На этотъ разъ я отказался отъ мысли ѣздить на ревизію въ экипажѣ и потому пустился въ путь верхомъ, какъ это дѣлалъ и раньше, и дѣйствительно сдѣлалъ хорошо, такъ какъ ежедневно въ послѣобѣденное время шелъ дождь, черноземная почва повсюду обратилась въ грязь, и моему бѣдному коню пришлось бы въ упряжкѣ совсѣмъ плохо какъ отъ этой грязи, такъ и отъ каменистой дороги, которая особенно была бы тяжела между Олухами, Джамушлами и Н. Кимерлинской станціей, гдѣ мѣстность сильно пересѣчена и дорога непрерывно то поднимается, то опускается по каменистымъ или грязнымъ ущельямъ. Наученный горькимъ опытомъ предыдущей поѣздки въ экипажѣ, я теперь внимательно слѣдилъ за дорогой и многократно убѣждался, какъ трудна должна быть ѣзда въ экипажѣ тамъ, гдѣ всадникъ пробирается безъ особеннаго риска и напряженія силъ.

Путь мой изъ Карса шелъ сперва на Олухлы, потомъ Джамушлы, а отсюда черезъ Кетагъ выходилъ на шоссе и въ Кагызманъ. Первые 22 версты пришлось ѣхать по шоссе, затѣмъ многія десятки по проселочнымъ дорогамъ, сперва на плоскогорьѣ, а затѣмъ за Ортакеемъ по ущельямъ на склонахъ плоскогорья, постоянно переплетающимися съ главнымъ ущельемъ, по которому течетъ Араксъ. Картины природы плоскогорья и ущелій рѣзко разнятся между собой. Плоскогорье сплошь покрылось пышной зеленью травъ и хлѣ-

бовъ, разукрасилось цвѣтами, а бока ущелій остались по-прежнему скалисты и каменисты, со сравнительно бѣдной травянистой растительностью, но зато съ болѣе разнообразными и пышными цвѣтами; при спускѣ же изъ Джамушловъ, въ сторону Аракскаго ущелья южные скаты лишены и такого скуднаго зеленого покрова, и стоятъ совершенно голыми, точь-въ-точь какъ на пути между Соляными промыслами и Ольтами, на каковыя горы они вполнѣ похожи по окраскѣ и составу и, вѣроятно, имѣютъ съ ними непосредственную связь подъ прикрывающими ихъ изверженными базальтами и трахитами плоскогорій Карскаго и Ардаганскаго округовъ.

Мѣстность отъ Карса до Ортакея слегка волнистая, горы попадаются не часто и, притомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея. Такъ, вдали на сѣверѣ виднѣется Чалгаурскій хребетъ на границѣ Карскаго и Гельскаго участковъ; недалеко отъ Владикарса и Новомихайловки, къ юго-востоку отъ дороги, поднимаются многочисленныя вершины Ахъ-бабы, на самой высокой изъ которыхъ построена греками часовня; затѣмъ между Берной и Олухлами постоянно на востокѣ виднѣется двуглавый Ага-дава и отдаленныя горныя вершины Нахичеванскаго участка, а на западѣ многочисленныя разноименныя вершины хребта Ахъ-бабы, и, наконецъ, на югъ отъ Тихниса постоянно виднѣются высоты хребта Алла-дага и отдаленныхъ, пограничныхъ съ Турціей, горъ Кагызманскаго округа. Въ промежуткахъ же между всѣми этими возвышенностями мѣстность только слегка волнистая, пересѣбается неглубокими и извилистыми лощинами, по дну которыхъ текутъ ручьи и рѣченки, изливающія свои воды на всемъ пути до Олухловъ въ Карсъ-чай, а отъ Ортакея въ Араксъ и его притоки. На этой плоской возвышенности вдоль Карсъ-чая, давшей приютъ разноплеменному населенію: русскимъ, туркменамъ, армянамъ, грекамъ, восточ-

цамъ и нѣцамъ, въ отдаленныя времена волновались воды двухъ обширныхъ горныхъ озеръ—одного, простиравшагося отъ выхода изъ Сарыкамышскаго ущелья, отъ вышшняго села Елгечмазъ до Карсчайской почтовой станціи, и другого, находившагося къ востоку отъ небольшого гребня за этой станціей и доходившаго почти до самаго Карса, отъ котораго оно снова отдѣлялось небольшимъ гребнемъ, гдѣ Карсчай прорылъ себѣ узкій выходъ далѣе на востокъ. Оба озера въ свое время имѣли рядъ расходящихся въ разныя стороны заливовъ и, можетъ-быть, даже соединялись между собою поверхъ той плоской и невысокой возвышенности, что тянется между Бегли-Ахмедомъ и Карсчайской станціей, въ которой теперь Карсчай течетъ по короткому и узкому скалисту ущелью. Воды ближайшаго къ Карсу озера имѣли, вѣроятно, не менѣе 10—12 сажень глубины, оставивъ по себѣ слѣды на 20-ой верстѣ отъ Карса, въ видѣ рыхлыхъ слоевъ, содержащихъ безчисленное множество мелкихъ сильно попорченныхъ раковинокъ. Оставивъ въ сторонѣ это отдаленное прошлое и взглянувъ на настоящее, мы видимъ теперь вмѣсто озеръ прекрасныя изумрудныя равнины, по окраинамъ которыхъ расселились люди, мѣстами обратили ихъ въ хлѣбныя поля, а больше всего собираютъ съ нихъ сѣно, въ общемъ очень хорошаго, хотя и съ ясно выраженными признаками лугового характера, почему и уступающаго по качествамъ горному сѣну.

Почва на плоскогорьѣ повсюду черноземная и въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ усыпана каменными обломками, нерѣдко до полуаршина и болѣе величиной. Сколько труда и настойчивости должно было быть затрачено владѣльцами этихъ пашень, чтобы очистить ихъ отъ валяющихся на поверхности и увязшихъ въ землю камней! И дѣйствительно, повсюду видишь кучи и значительныя кучи камней и длинныя ряды ихъ на окраинахъ пашень, и тѣмъ не ме-

нѣе на поляхъ все-таки виднѣется множество мелкихъ камней, уборка которыхъ доставить работу еще на много лѣтъ. Удивительно, что люди разрабатывали здѣсь землю исполонъ вѣку и тѣмъ не менѣе не могли убрать за этотъ срокъ камней. Надо полагать, что это обуславливалось малокультурностью населенія и тѣми тяжелыми условіями, въ которыхъ оно проводило свою жизнь, когда всякое усиліе доставляло пользу не тому, кто работалъ, а тому, кто имѣлъ власть надъ простолюдиномъ или не стѣснялся въ средствахъ обирать темную народную массу. Какъ ни камениста почва, тѣмъ не менѣе плоскогорье повсюду болѣе пригодно для земледѣлія, чѣмъ всѣ ущелья и склоны плоскогорья. Уже при спускѣ въ ущелье рѣчки Баянъ-су, притока Аракса, недалеко отъ туркменскаго селенія Пуруть, начинаешь убѣждаться, какъ мало встрѣчается здѣсь удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ во всѣхъ этихъ ущельяхъ и котловинахъ вплоть до Аракса: вся мѣстность крайне пересѣченная, то съ крутыми скатами, то съ высоко поднимающимися скалами и каменными розсыпями, то съ совершенно голыми и малодоступными обрывами. Поэтому здѣсь уже не увидишь тѣхъ широко раскинутыхъ хлѣбныхъ полей, которыя тянутся безъ перерыва цѣлыми верстами вдоль дорогъ на плоскогорьѣ; тутъ пашни, какъ и въ Посховскомъ участкѣ, большею частью попадаютъ полосками и пятнами только на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ возможенъ доступъ безъ крайняго напряженія силъ: свѣжую заколосившуюся зелень видишь то на плоскомъ гребнѣ, то на косогорьѣ, то во впадинкѣ, а иногда и на такомъ крутомъ склонѣ ущелья, что остается только удивляться предприимчивости пахавшаго. Въ общемъ же пашни въ количественномъ отношеніи уступаютъ пустырямъ, и, безъ сомнѣнія, пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ магометанское населеніе этого края пробудится отъ вѣковой спячки и примется за усиленную разработку тѣхъ

земельныхъ угодій, которыя лежать теперь впустѣ и наводятъ уныніе на случайнаго проѣзжаго, которому передъ этимъ приходилось видѣть на плоскогорьѣ пышную, утопающую вдали зелень полей и болѣе заботливое отношеніе населенія къ своей землѣ. Земледѣіе по всѣмъ склонамъ спуска съ плоскогорья едва ли когда-либо особенно сильно разовьется, но зато большую будущность имѣетъ здѣсь садоводство, такъ какъ климатъ здѣсь теплый, теплѣе чѣмъ въ Кагызманѣ, въ виду того что склоны обращены къ югу, воды во многихъ мѣстахъ въ рѣчкахъ и родникахъ достаточно, а сады можно разводить и на такихъ склонахъ, гдѣ распашка крайне затруднительна или даже невысима; сбытъ же фруктовъ всегда обезпеченъ среди нагорнаго населенія. Конечно, это наступитъ не такъ еще скоро, и въ этомъ наступленіи сыграютъ не послѣднюю роль сельскія училища, несмотря на кажущуюся теперь ихъ скромную роль въ жизни населенія. Въ настоящее время въ лежащихъ на дорогѣ селеніяхъ: Пурутѣ, Джамушлахъ и Кетакѣ древесныя насажденія напминаютъ скорѣе первые опыты садоводства, но опыты вполнѣ удачныя, такъ какъ крупный орѣхъ, абрикось, яблоки и шпаты пошли хорошо и, по словамъ жителей, даютъ вполнѣ порядочныя плоды. Садовъ пока еще очень мало, занимаютъ они ничтожныя участки и состоятъ главнымъ образомъ изъ насажденій кураги, какъ наименѣе требовательной въ уходѣ и дающей наибольшіе урожаи плодовъ, находящихъ себѣ немедленный сбытъ. Огородничество тоже имѣетъ будущность, но теперь огороды встрѣчаются только недалеко отъ Кагызмана, около шоссеиной дороги. Засѣваются здѣсь большею частью огурцы, арбузы и дыни, которые сбываются въ Кагызманѣ и Карсѣ и всегда предлагаются для продажи проѣзжающимъ по дорогѣ.

Населеніе въ приаракскихъ ущельяхъ въ настоящее время почти сплошь магометанское и состоитъ изъ турокъ, кур-

довъ, и туркменъ и въ вѣдучительномъ числѣ армянъ и грековъ. Турки, туркмены, греки и армяне переселенцы сравнительно недавніе; курды же живутъ изстари, такъ какъ переселившіеся сюда лѣтъ 80—90 тому назадъ изъ Сурмалинскаго уѣзда Эриванской губерніи турки-сунниты застали ихъ здѣсь и сильно терпѣли отъ ихъ грабежей и всяческихъ насилій вплоть до присоединенія этого края къ Россіи. Переселеніе турокъ изъ Сурмалинскаго уѣзда было вынуждено постоянными разгромами и насиліями надъ ними шінтовъ и состоялось незадолго до завоеванія того края русскими, но и на новыхъ мѣстахъ переселенцамъ жилось не сладко, такъ какъ турецкое правительство было безсильно обуздать своеволіе курдовъ, которые отнимали у турокъ и туркменъ все сколько-нибудь цѣннѣе: лошадей, буйволовъ, быковъ, дѣвушекъ и т. п. Жалобы на разбои курдовъ не приносили никакой пользы, такъ какъ оставались безъ всякихъ послѣдствій; если же и грабителя иногда и сажали въ тюрьму, то родственники и друзья посаженнаго приходили на другой-третій день къ жалобщику, сжигали его саманъ, угоняли скотъ и всячески преслѣдовали его, такъ что послѣдному ничего болѣе не оставалось, какъ слѣзнуть къ чиновнику съ просьбой выпустить грабителя на волю, и тѣмъ избавить его, турка, отъ опасности быть искалѣченнымъ или убитымъ. Такое положеніе длѣ закончилось только съ присоединеніемъ этого края къ Россіи, когда масса курдовъ ушла въ Турцію, а оставшіеся были испуганы могущими быть разнаго рода репрессіями. Курды теперь смирились, и туркамъ стало жить легче, но послѣдніе все-таки не прикрѣплены къ Россіи, такъ какъ ихъ смущаетъ и то обстоятельство, что они подчиняются немагометанскому царю, и то, что съ нихъ берутъ теперь подати не натурой, а деньгами, и что, вѣроятно, станутъ брать въ солдаты. Относительно послѣдняго пункта въ массѣ турецкаго населенія распространены самыя

нелѣпыя слухи, въ чемъ въ немалой степени повинны армяне и греки, надѣющіеся такимъ путемъ побудить турокъ къ выселенію въ Турцію и потомъ занять ихъ мѣста. Между прочимъ ихъ убѣдили въ томъ, что взятыхъ въ солдаты турокъ будутъ ставить во время сраженія впереди и такимъ образомъ заставлятъ турецкихъ солдатъ не стрѣлять въ нашихъ и сдавать крѣпости безъ боя.

На мои вопросы, почему турки боятся солдатчины, когда ихъ уже приучили къ ней во время турецкаго владычества, они объявили, что тамъ они служили единовѣрному съ нимъ султану, что въ турецкомъ войскѣ и они сами и ихъ понимали, что тамъ ихъ могли заставить воевать съ христіанами, а тутъ, напротивъ, заставляютъ воевать съ единовѣрцами, что противно ихъ религіи. Эта солдатчина пугаетъ ихъ больше всего, и потому они не скрываютъ, что уйдутъ въ Турцію, какъ только ихъ станутъ брать въ солдаты. Конечно, всѣ они въ Турцію не уйдутъ, часть останется и такъ или иначе примирится съ необходимостью отбывать воинскую повинность въ русскихъ полкахъ, но если бы и всѣ магометане переселились, то и тогда русское государство ничего бы не потеряло, такъ какъ на освободившихся земляхъ можно было бы поселить русскихъ крестьянъ и такимъ путемъ заложить ядрѣ болѣе надежнымъ и близкимъ всему русскому элементу, чѣмъ тотъ, который представляетъ изъ себя разноплеменное и одинаково чуждое всему русскому населенію этого края, я выносилъ общее впечатлѣніе, что оно до сихъ поръ не освоилось съ русскимъ владычествомъ. Курды, турки и туркмены въ равной мѣрѣ сторонятся всего русскаго, но и между собою живутъ совсѣмъ недружно; на первыхъ турки смотрятъ какъ на хищниковъ и не любятъ ихъ главнымъ образомъ по старой памяти, а на вторыхъ смотрятъ чуть ли не хуже, чѣмъ на христіанъ, распространяя объ

ихъ вѣрѣ нелѣпые слухи. Турмены, гонимые какъ сектанты, сторонятся отъ тѣхъ и другихъ, а курды смотрятъ на турокъ и туркменъ, какъ на низшую расу, и почитаютъ за оскорбленіе, что ихъ лишилъ права грабить и тѣснить этотъ трусливый народъ. Магометанство только до нѣкоторой степени сблизило разноплеменное и разнохарактерное населеніе, но это сближеніе еще далеко отъ полного сліянія ихъ, такъ какъ немного нужно, чтобы старая племенная рознь снова всплыла наружу и заставила людей всячески сторониться и опасаться другъ друга.

Во время остановокъ въ Джалушлинскомъ училищѣ мнѣ неоднократно приходилось вести бесѣды съ муллою, законоучителемъ и преподавателемъ турецкаго языка, и курдомъ Эюбомъ Шамшадиновымъ, почетнымъ блюстителемъ училища. Разговоры часто касались отношеній и понятій турокъ и курдовъ, а также недалекой старины этого края. Взглядъ турокъ на курдовъ далеко не лестный: по ихъ мнѣнію Богъ создалъ курдовъ для того, чтобы горы не оставались пустыми; главное занятіе курда быть пастухомъ и воромъ, а то разбойникомъ; курдъ безнадежно дикій человѣкъ, такъ какъ живетъ въ недоступныхъ трущобахъ и до него не доходитъ ничего добраго и смягчающаго. Нелюбовь къ курдамъ выразилась у муллы, даже въ такихъ мелочахъ, какъ выборъ матеріала для диктовки ученикамъ, напр. „собака, курдъ и волкъ товарищи и всегда вмѣстѣ“. Когда я обратилъ его вниманіе на щекотливость выбраннаго имъ матеріала, то, чтобы смягчить впечатлѣніе отъ такого сопоставленія, мулла такимъ образомъ объяснялъ безобидность своего каламбура: курдъ-пастухъ живетъ на горахъ и нуждается въ услугахъ собаки, которая всегда съ нимъ, а за барантой курда всегда слѣдитъ волкъ и находится вблизи. Необузданность турецкихъ курдовъ турки объясняли не слабостью турецкой власти, а дикостью курдовъ, которые увле-

жаются оружіемъ, съ 15 лѣтъ надѣваютъ на себя по 2—3 патронташа и за почетъ считаютъ грабежи и убійства изъ-за всякой маловажной причины. Обуздать ихъ турецкое правительство могло бы только поголовнымъ истребленіемъ, но подобный пріемъ воспрещенъ кораномъ, почему правительство и заботится теперь привлечь ихъ къ мирной жизни разными способами, а какими именно, они не могли объяснить мнѣ, но надѣются, что оно успѣетъ въ своихъ стремленіяхъ и курды мало-по-малу успокоятся. Если это такъ, то я пожелаю отъ себя успѣха этимъ благимъ начинаніямъ, такъ какъ, судя по разсказамъ турокъ и курда Эюба Шамшадінова, курды не привыкли съ уваженіемъ относиться къ чужой собственности, и переходъ къ трудовой жизни едва ли будетъ для нихъ по вкусу, въ какомъ бы видѣ этотъ переходъ ни преподносился. По словамъ Шамшадінова, до присоединенія области къ Россіи, курдамъ жилось въ ней, какъ въ раю: каждый курдь считалъ своею собственностью все то, что онъ замѣчалъ порядочнаго у турка, туркмена или армянина; отнималъ лошадей, коровъ, овецъ, вещи, дѣвокъ, дома, и никто не смѣлъ никому пожаловаться изъ опасенія быть за это убитымъ. Администрація или вовсе ничего не знала объ этихъ насиліяхъ, или не могла съ ними бороться. Отецъ или дѣдъ Эюба захватилъ два армянскихъ села, Зибны и Зирчи, и на правахъ помѣщика бралъ съ армянъ всѣ необходимыя сельско-хозяйственныя припасы. Этихъ селеній отецъ его лишился только послѣ завоеванія нами этого края, когда на долю курдовъ выпали тяжелыя времена и никто изъ жителей не только ничего не давалъ имъ, но еще и самъ всячески старался изобидѣть: ихъ били, ругали, плевали, при случаѣ отнимали у нихъ добро, а то и убивали. Курды на первыхъ порахъ не успѣли присмотрѣться къ нашимъ администраторамъ, и потому они казались имъ настолько грозными, что немногіе рѣшались практико-

вать старые приемы въ отношеніи не-курдовъ, а большинство подобрало пожитки и поспѣшило уйти въ Турцію. Ушелъ туда же и отецъ Эюба съ родичами и соплеменниками, но, проболтавшись тамъ два года, рѣшилъ вернуться въ Россію. Къ этому возврату побудило его то, что земли ему были отведены плохія, годъ былъ неурожайный и 2000 головъ его скота прокормить было совсѣмъ нельзя. Часть изъ рода Шамшадпновыхъ осталась въ Турціи, а часть вернулась назадъ и расселилась на склонахъ плоскогорья. Возвратившіеся курды хоть и успокоились немного и за 20-лѣтній срокъ попривыкли къ болѣе мирной жизни, но воспоминанія о быломъ приводятъ и до сихъ поръ держатся въ народѣ, а такая ничѣмъ несдерживаемая жизнь по понятіямъ курда идеальна. Когда вопросъ касался ученья, то мулла объяснялъ причину того, что магометане крайне туго идутъ въ училище, не религіозной нетерпимостью, а вреднымъ вліяніемъ бековъ, которые заинтересованы, чтобы народъ остался темнымъ, и такимъ образомъ было бы легче держать его въ своихъ рукахъ, что эти беки думаютъ только о своихъ выгодахъ настоящей минуты и нисколько не заглядываютъ въ будущее; что благодаря этому же своекорыстію они только при чиновникахъ говорятъ народу, что нужно учиться, а за глаза всячески отклоняютъ людей отъ посылки дѣтей въ училище; что если бы беки не на словахъ, а на дѣлѣ были сторонниками просвѣщенія, то они посылали бы въ школу своихъ дѣтей, а народъ, глядя на нихъ, сдѣлалъ бы то же самое, такъ какъ каждый бекъ вліятельнѣе среди народа въ 10 разъ всякаго муллы. Отъ Эюба же мнѣ пришлось слышать объясненіе, что магометане потому не посылаютъ своихъ дѣтей учиться, что они народъ дикій и что на нихъ можно дѣйствовать не разговорами, а силой, и что онъ, Эюбъ-ага, могъ бы сразу переполнить училище, если бы получилъ на то приказъ отъ начальства. Кто ихъ разберетъ, кто изъ

нихъ правъ. Нужно думать, что оба они до известной степени правы и оба также ошибаются, упуская изъ виду влияніе религіи. А послѣдняя глубоко проникла въ массу народа и не хорошими своими сторонами, а нетерпимостью и мыслью о грѣховности всего того, что выходитъ изъ рамокъ обыденной жизни и что заставляетъ шевелить мозгами. Тотъ же мулла, который выставлялъ себя сторонникомъ просвѣщенія, находилъ нехорошимъ и даже гибильнымъ для души дѣломъ затрагивать вопросъ, виноваты ли люди въ томъ, что не могутъ разобрать, гдѣ находится истина въ религіозной путаницѣ. Населеніе не сохранило преданій о былой мѣстной жизни. А, между тѣмъ, нынѣшнія пустынные ущелья имѣютъ свое прошлое, такъ какъ на одной изъ скалъ вблизи Кетавской станціи видны остатки крѣпости, съ неизбѣжными башнями и крѣпкими стѣнами изъ крупныхъ обломковъ камней, обильно смазанныхъ известью. Осмотрѣть крѣпость мнѣ не удалось, но по рассказамъ да и по видимымъ остаткамъ замокъ былъ значительныхъ размѣровъ. Эти остатки старины указываютъ, что жизнь здѣсь была далеко бойчѣе нынѣшней и что ущелье, по которому, до проведенія шоссейной дороги, ѣздили только рѣдкіе мѣстные жители по скверной тропинкѣ и при постоянномъ опасеніи быть ограбленнымъ въ глухой и безлюдной тущобѣ, когда-то имѣло важное значеніе, какъ путь, по которому велось сообщеніе между жителями Кагызмана и нагорной полосы. Съ этой крѣпости можно было наблюдать не только за тѣмъ ущельемъ, гдѣ теперь проведена шоссейная дорога, и за другимъ ущельемъ, по которому течетъ рѣчка отъ селенія Пурутъ, но и за лежащей къ югу горной котловиной, гдѣ имѣется достаточно простора для людскихъ поселеній. А что помимо существующихъ теперь селеній были и другія, это видно по остаткамъ христіанскаго кладбища на безлюдномъ мѣстѣ при спускѣ изъ Джамушловъ на шоссейную дорогу, по другому кладбищу около Ортакая съ

пздѣліямъ бронзоваго вѣка и по остаткамъ пещерныхъ церквей, верстахъ въ 2 выше с. Пурута. Церкви эти небольшія, высѣчены въ песчаникѣ и большею частью обвалились. Въ болѣе сохранившемся видѣ имѣется только одна церковь, на сводѣ которой виденъ значительныхъ размѣровъ крестъ, высѣченный въ песчаникѣ. Внутренность этой церкви была оштукатурена и чѣмъ-то окрашена въ темный цвѣтъ; мѣстами штукатурка сохранилась и затвердѣла, какъ камень. На стѣнахъ видны ярмянскія надписи, повидиму сдѣланныя кѣмъ-нибудь сравнительно недавно. Такая же полусохранившаяся надпись видна и на одной изъ наружныхъ стѣнокъ этой же церкви. Слѣдовъ живописи ни въ этой ни въ другихъ полуобвалившихся церквахъ не видно. Единственная краска, которая здѣсь была когда-то въ ходу, это красная, которою окрашенъ крестъ на сводѣ и, кажется, крестъ и карнизы въ предѣлахъ. Последнихъ имѣется въ сохранившейся церкви три, два съ лѣвой стороны и одинъ съ правой; быть-можетъ, былъ и четвертый предѣлъ, но обвалился, такъ какъ съ этой стороны имѣется теперь обрывъ сажени въ 2. Предѣлы небольшіе, для 5—7 человекъ. Украшеній въ нихъ никакихъ не видно; имѣется только на сводѣ по высѣченному кресту, да въ передней стѣнѣ по столбу, арш. въ 1¹/₂, высоты, высѣченному изъ песчаника и составлявшему часть стѣны. Остальныя церкви, какъ сказано выше, сохранились плохо; значительныя части ихъ въ большинствѣ случаевъ обвалились, и судить о томъ, что это дѣйствительно были церкви, можно по тому, что въ сохранившихся частяхъ можно разобрать куполы церквей, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны и высѣченные кресты. Церкви эти были всѣ небольшія и меньше той, которая сохранилась теперь лучше другихъ. Кто сооружалъ церкви и почему люди выбрали для монастыря каменистое, унылое и неприглядное ущелье, у меня нѣтъ никакихъ данныхъ.

Изъ Кагызмана я отправился версть за 50 на западъ по патрульной дорогѣ черезъ Зарабхану. Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не ѣздилъ по этой дорогѣ, и потому отъ поѣздки получилось впечатлѣнiе новизны, хотя я немало и помнилъ прежнiя дорожныя впечатлѣнiя.

Не желая спускаться по безконечнымъ изгибамъ шоссейной дороги къ кагызманскимъ солянымъ промысламъ, откуда начинается колесная дорога вдоль Аракса на западъ, я пустился напрямикъ, черезъ преымающiй съ запада къ Кагызману оврагъ и затѣмъ черезъ гору, что сокращало дорогу версты на три. Оврагъ не глубоки, да и дорога черезъ него проходитъ порядочная, и потому не успѣешь оглянуться, какъ ужъ начинаешь взбираться на гору. Гора—обычный типъ мѣстныхъ горъ: это голь отъ верху до низу съ безчисленными обломками известковыхъ камней, устилающихъ глиняную почву; растительность, скудная и въ лучшую пору года, теперь состояла почти изъ одной приземистой полыни. Размокшая глина обратилась отъ утренняго холода въ кочки и усиливала трудности подъема, но эти трудности не только не уменьшились, когда пришлось спускаться, но еще увеличились. Съѣздъ съ горы тянулся безъ конца, такъ какъ приходилось спускаться почти до уровня Аракса, дѣлая часто весьма крутые спуски и постоянно виляя среди безчисленныхъ каменныхъ обломковъ. Слева отъ дороги тянулся безконечный глубоки оврагъ, бока котораго были совершенно голы и состояли изъ красно-бурой глины. Эта глина составляетъ здѣсь основную породу, раскинувшуюся на многiя версты и имѣющую повидимому продолженiе и по лѣвому берегу Аракса, такъ какъ и тамъ во многихъ мѣстахъ видны были значительныя обнаженiя совершенно лишенной растительности бурой глины. Кромѣ главнаго оврага влѣво отъ дороги, справа къ ней подходили многочисленныя мелкие, крутыми и пологими боками и постоянно переполненные

камнями. Видно, что работа воды здѣсь дѣлаетъ болѣе ощутительныя перемены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Бромѣ овраговъ, вода заставляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ползти значительные участки земли, шероховатая, сгорбленная поверхность которыхъ еще болѣе придаетъ унылой мѣстности безобразный видъ. Проходить почти 50 минутъ по выѣздѣ изъ училища прежде, чѣмъ удастся спуститься на примыкающую къ Араксу равнину. Тутъ сядишь на коня и пользуешься удобнымъ случаемъ, чтобы проскакать хоть съ полверсты. Дорога долго тянется по такимъ равнинкамъ, пересѣкаемымъ или рѣчными оврагами или каменными выступами, простирающимися почти до самаго Аракса, который удаленъ къ подножію горъ на его лѣвомъ берегу. Прирѣчныя равнинки мѣстами обращены въ пашни, но далеко не всегда, что, пожалуй, обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ склоны Агридага образовали обширную площадь, болѣе пригодную для обработки, чѣмъ низины около рѣчки, съ иловатою и солоноватою почвой, требующею большаго ухода и поливки, для которой нигдѣ не проведены каналы. Этотъ пологій скатъ Агридага можно видѣть только при спускѣ съ горы, которая находится къ западу отъ Багыз-мана; отъ рѣчки же мѣстность скрыта, такъ какъ круто обрывается къ прирѣчнымъ низинамъ, глядя съ которыхъ можешь видѣть крутые и каменистые бока какихъ-то холмовъ и совсѣмъ не подозревать, что эти холмы есть окончаніе обширной пологости. На другой сторонѣ рѣчки видъ ничуть не лучше: скаты плоскогорья обильно усыпаны обломками вулканической породы и имѣютъ однообразной черно-сѣрой цвѣтъ, прерываемой только участками красно-бурой глины, голыми до послѣдней степени, да кое-гдѣ бѣлыми пятнами, почти подъ самыми скалами вверху скатовъ, представляющими повидимому бѣлый вулканическій песокъ, сходный съ тѣмъ, что обнажается около Пурута и Чалаха-

новъ. Есть ли тамъ какая-нибудь растительность, трудно сказать, но даже если и есть, то это будетъ полынка, ютящаяся на скатахъ со скудною почвой и ничуть не скрашивающая ихъ. Признаковъ жизни было очень мало: попадались изрѣдка турки и курды, гнавшіе въ городъ ословъ и лошадей съ вьюками дровъ, да кое-гдѣ виднѣлся дымокъ отъ пріютившихся въ верхнихъ ущельяхъ Агридага незначительныхъ куртинскихъ поселковъ. Что когда-то люди жили и на берегу Аракса, можно было судить по кладбищу вблизи дороги и какому-то полуразрушенному зданію, похожему на тѣ круглые шатры-часовенки, которые магометане иногда строятъ надъ своими богатыми покойниками. Первымъ крупнымъ признакомъ жизни человѣка былъ пограничный постъ Тоданъ. Около него бродили солдаты съ неизбѣжными на постахъ собаками, считающими своею обязанностью хватать коня за ноги и проѣзжающаго за бурку, а также свиньями и другими домашними тварями. Разсажено было нѣсколько вербъ, которыя немного скрашивали обстановку, сдѣлавшуюся еще болѣе неприглядной, чѣмъ на прежнемъ пути: тотчасъ за рѣкой поднимались совершенно голые, способные навести тоску, пепельно-сѣраго цвѣта обрывы, а напротивъ поста раскинулись препоганые скаты Агридага. Далѣе за постомъ дорога нѣкоторое время идетъ почти по самому берегу Аракса, подмывающаго берега и уносящаго тѣ наносы, которыя скоплялись здѣсь цѣлыми вѣками. Но затѣмъ наносы исчезаютъ и на берегъ рѣки надвигаются известковыя скалы, которыя тянутся многія версты и придаютъ мѣстности хотя и болѣе величественный, но совсѣмъ не живописный видъ. Известковыя скалы и горы поднимаются далеко вверхъ къ главному гребню Агридага и сильно изорваны ущельями и промоинами во всевозможныхъ направленіяхъ. Растительности на нихъ хотя и больше, чѣмъ на глиняныхъ холмахъ, но въ общемъ немного, и она нигдѣ не прикрываетъ поверхности;

зато на таких холмах чаще поднимаются мелкие кусты ардуча, которых совсѣмъ не было видно на глиняных холмахъ, и кое-какой мелкій кустарникъ. На лѣвомъ берегу рѣки горы остаются попрежнему печальными и голыми или покрытыми скудной травянистой растительностью. Большая часть патрульной дороги идетъ вдоль скалъ, иногда даже вырублена въ нихъ, и содержится довольно недурно; изрѣдка только приходится дѣлать крутой подъемъ на выступъ или такой же спускъ въ промоину, но эти крутизны какъ-то теряются среди хорошей разработки и не оставляютъ посебѣ непріятнаго воспоминавія. Въ настоящее время намѣчено нѣсколько иное направленіе новой болѣе широкой и болѣе удобной дороги, для которой сдѣлано много выемокъ и сръзовъ на склонахъ. Но это направленіе пока обозначено только вчернѣ, и потому имъ никто еще не пользуется; когда же дорога будетъ закончена, то она пожалуй будетъ лучше, чѣмъ многіе изъ главныхъ дорогъ во внутреннихъ губерніяхъ. Верстахъ въ 5 отъ поста Тодака находится другой постъ Кулъ-оглы, а около послѣдняго турецко-куртинскій поселокъ того же имени. Поселокъ крохотный, лежитъ нѣсколько въ сторонѣ, въ боковомъ ущельѣ, и о присутствіи его узнаешь только по дыму и по небольшой кучкѣ вербъ, насаженныхъ вдоль рѣчки. Далѣе присутствіе людей замѣтно только на двухъ пограничныхъ постахъ и на крохотномъ зимовникѣ, не обозначенномъ даже на 5-верстной картѣ, и потому верстѣ 15 приходится ѣхать по безлюдной мѣстности, среди унылыхъ известковыхъ скалъ, то у самыхъ обрывовъ, подъ которыми шумитъ Араксъ, то по рѣчвымъ низинкамъ, образовавшимся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Араксъ отступилъ къ подножію горъ на своемъ лѣвомъ берегу.

Характеръ мѣстности остается тотъ же: справа постоянно видишь голые или покрытые скудной травой скаты Алладага, окрашенные по преимуществу въ темно сѣрые цвѣ-

та, среди которых обнаруживаются то кроваво-красные, далеко вверху, то черно-красные, почти у самого берега, то пепельные, совершенно голые обрывы. Все это породы осадочныя, но мѣстами приходится видѣть на самомъ верху и изверженныя породы: такъ, по проѣздѣ за Желѣзный постъ, видишь за рѣчкой высоко поднимающуюся гору, вершина которой образовала громадныя обрывы со столбами, сходными съ базальтовыми; осколками этой породы обильно усыпаны всѣ склоны горы. Иногда скаты горъ на лѣвомъ берегу до того изорваны и такъ безобразно обсыпаны ржаваго цвѣта камнями, что даже короткое время смотрѣть на нихъ непріятно, а не то, что жить постоянно рядомъ съ ними. Въ душу прямо-таки заградывается тоска. Слева отъ дороги мѣстность тоже попрежнему печальна: тѣ же скалы, по преимуществу известковыя, голыя или покрытыя жидкими порослями ардуча и травъ. Скалы эти большею частью на-двигаются къ самой рѣкѣ, иногда отступаютъ отъ нея и образуютъ маленькія низинки, лѣтомъ обыкновенно покрытыя хорошей травой. Берега Аракса рѣдко гдѣ обрастали деревьями или кустарниками: большею частью они голы и пустыньны, какъ и окружающіе ихъ горы. Здѣсь нигдѣ не увидишь тѣхъ веселыхъ зарослей, какъ вдоль Бардусъ-чая и нѣкоторыхъ другихъ рѣчекъ Ольгинскаго округа. Одноко или небольшими кучками растутъ вербы, крушина, барбарисъ, пшаты (лохъ); чаще всего попадается крушина, достигающая здѣсь высоты $1\frac{1}{2}$ —2 сажень. Барбарисъ рѣдокъ, хотя повидному мѣстный климатъ не вреденъ ему, такъ какъ стволы достигаютъ вершка толщины и до 5—6 арш. высоты. Не оттого ли онъ рѣдокъ, что подвергается поломкамъ и порубкамъ во время созрѣванія ягодъ? За немѣнемъ другихъ плодовъ, и плоды барбариса служатъ здѣсь лакомствомъ и тщательно собираются прохожими.

Недалеко отъ Зорабъ-ханы дорога оставляетъ Араксъ и

уходить на его притокъ; самъ же Араксъ круто заворачиваетъ къ сѣверу и вскорѣ исчезаетъ съ глазъ за скалистыми выступами, среди которыхъ онъ прорылъ себѣ дорогу. Вдоль притока раскинулась значительная равнина съ глинистою почвою буро-каштановаго цвѣта, обращенная мѣстными курдами въ пашни. Горизонтъ здѣсь значительно расширяется, что вмѣстѣ съ увеличившеюся легкостью передвиженія по ровному мѣсту придаетъ бодрости и всаднику и коню, достаточно утомленнымъ непрерывною 5-часовою ѣздой.

Зорабъ-хана неизбѣжное мѣсто отдыха. Живущіе въ этомъ селеніи курды занимаются частью скотоводствомъ, частью земледѣіемъ, при чемъ въ посѣвахъ пока не пошли дальше ячменя и пшеницы. Сѣютъ, однако, столько, что хватаетъ не только для себя, но и для продажи. Изъ скота разводятъ главнымъ образомъ овецъ, а потомъ и коровъ; коневодство носить обычный крестьянскій характеръ, т. е. отъ домашнихъ рабочихъ влячъ-кобылъ получается такой же невзрачный приплодъ, покрывающій скромные нужды мужика-курда. Домъ и обстановка жилищнаго курда мало чѣмъ съ вѣшной да пожалуй и внутренней стороны отличается отъ дома зауряднаго курда, такъ какъ сдѣланъ изъ обломковъ камней, связанныхъ грязью, прикрытъ земляной куполообразной крышей и задней своей стороною врытъ въ косогоръ. Парадный подъѣздъ сдѣланъ такъ широко, чтобы въ него можно было въѣхать съ арбой, или ввести навьюченнаго быка или лошадь. Домъ устраивается такъ, чтобы онъ представлялъ изъ себя одно цѣлое съ конюшней, скотнымъ хлѣвомъ и съ жилыми комнатами, которыя въ свою очередь служатъ и складомъ всякаго домашняго скарба. Если хозяинъ жилищечень, то онъ отдѣляетъ одну комнату для гостей, въ которой, однако, въ свободное время валяется вся мужская половина семьи хозяина. По одну или обѣ стороны комнаты устраиваются нары для сидѣнья и спанья; третья сторона

отводится для устройства печки и стѣнныхъ шкафовъ, а передняя открыта и соединяется съ проходомъ на дворъ съ одной стороны и конюшней съ другой. Полъ въ такой комнатѣ обыкновенно бываетъ приподнятъ на $\frac{1}{2}$,—1 арш. Украшеній въ комнатѣ мало: это или цвѣтные кружки и розетки, или вовсе ничего не бываетъ. Гости, если онъ чиновный, встрѣчаютъ и принимаютъ привѣтливо и не отказываютъ въ посильномъ угощеніи чаемъ, хлѣбомъ, сыромъ, масломъ, а нерѣдко и мяснымъ и отъ платы отказываются, хотя при настойчивомъ предложеніи все-таки берутъ деньги. Берутъ, впрочемъ, отъ мало и совѣмъ незнакомыхъ, но и это усвоено, вѣроятно, въ послѣднее время, подъ влияніемъ новыхъ взглядовъ, когда гостепріимство начинаетъ утрачивать атрибуты священной обязанности хозяина. Впрочемъ, наши курды понемногу начинаютъ мѣнять свой обликъ и въ другихъ отношеніяхъ: они начали заниматься земледѣліемъ, а кое-гдѣ пытаются разводить и наиболѣе неприхотливыя плодовые и простыя деревья. Но самая главная перемѣна въ русскомъ курдѣ—это умпротвореніе хщныхъ инстинктовъ, которыми такъ славятся турецкіе ихъ соплеменники: въ массѣ своей русскіе курды мирные мужики, которые, правда, не сочтутъ за большой грѣхъ стащить при удобномъ случаѣ, но это просто мелкое воровство, а не грабежъ и разбой, на которые могутъ рѣшиться только единичныя личности изъ потерявшихъ подъ собою почву по тѣмъ или другимъ причинамъ. Это умпротвореніе главнымъ образомъ обусловливалось въ теченіе всего срока русскаго владычества въ Карсской области угрозой тюрьмы, ссылки и т. п. за всякій проступокъ противъ чужого добра и жизни. Кромѣ того, курдовъ здѣсь немного, и ихъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ иноплеменики, греки, армяне, турки, вовсе незаинтересованные въ потакательствѣ разнымъ темнымъ выходкамъ курдовъ. Эти двѣ причины повлекли за собою мало-по-малу ос-

лабленіе хищническихъ замашекъ, и курды понемногу начинаютъ становиться мирнымъ гражданиномъ. Другихъ умиротворяющихъ причинъ я не знаю, такъ какъ бурдовъ въ солдаты не берутъ, и потому имъ не приходится дисциплинироваться въ полкахъ, а училищъ они избѣгаютъ, хотя бы таковыя находились въ ихъ селеніи, и потому школа не имѣла и не имѣетъ никакого вліянія на жизнь и нравы бурдовъ. Въ одномъ только, бажется, курды не измѣнили своимъ старымъ привычкамъ къ беззаконію: это проносъ контрабанды изъ Турціи. Говорятъ, что нѣтъ такого курда, который бы не приносилъ, не продавалъ или не укрывалъ контрабанднаго чая, фесокъ, шелковыхъ и суконныхъ матерій. Но тутъ вѣдь обкрадывается казна, а казну развѣ только одни курды обкрадываютъ?

Изъ Зарабъ-ханы я направился въ Армутлы. До Армутловъ всего верстъ 10—12, но на ѣзду приходится тратить часа два. Селеніе это лежитъ на одномъ изъ уступовъ плоскогорья, до котораго приходится карабкаться версты 4. Подъемъ вначалѣ не особенно крутъ, и потому можно свободно смотрѣть на все то, что находится по сторонамъ. Вокругъ видишь глиняные холмы съ массою валяющихся на нихъ каменныхъ обломковъ. Между холмами тянутся глубокіе овраги. Кое гдѣ земля обращена въ нивы, а въ другихъ мѣстахъ торчатъ клочковатая трава. Древесной растительности нѣтъ нигдѣ. Вскорѣ, однако, дорога начинаетъ дѣлать крутой подъемъ, который приводитъ дорожку въ каменистое ущелье, начпнающееся у самаго плоскогорья. Справа отъ ущелья поднимаются утесы, поржавѣвшіе отъ времени и совершенно голые, съ подножьями, засыпанными обломками и землей. Видъ ущелья крайне скучный, и изъ него охотно-бы убрался поскорѣе, если бы это было возможно. Но послѣднее удается только послѣ крайняго напряженія силъ и значительной потери времени. И конь и сѣдло обливаются при

этомъ подъемѣ потомъ; конь, кромѣ того, задыхается, а сѣдокъ начинаетъ раздражаться, и оба съ облегченіемъ вздыхаютъ, только выбравшись на плоскогорье. Дальше до Армутловъ дорога идетъ по волнистой мѣстности и то опускается въ оврагъ, то снова поднимается на вершину плоской возвышенности. Почва вездѣ—глина, окрашенная въ темный цвѣтъ перегноемъ, и большею частью обращена въ пашни. Тутъ ужъ царство земледѣлія, такъ какъ населеніе почти сплошь христіанское, для котораго разведеніе скота составляетъ занятіе второстепенное. Садоводствомъ никто, однако, здѣсь не занимается, да и простыя вербы насажены въ крайне ограниченномъ количествѣ въ каждомъ селеніи. Мѣстность же эта вовсе не холодная. Я полагаю, что тутъ во всѣхъ армянскихъ поселкахъ свободно могли бы расти многія плодовые деревья и кустарники, но населеніе совершенно чуждо этой отрасли хозяйства и занято только посѣвами пшеницы и ячменя. Мѣстность эта мало интересна и легко сглаживается изъ памяти проѣзжающаго. Такое же однообразіе впечатлѣній ожидаетъ путника и на пути изъ Армутловъ въ Башкей, куда почти всю дорогу версегъ въ 5 приходится ѣхать по лощинѣ р. Чурукъ-су. Справа постоянно видишь какіе-то голые скаты, повсюду усыпанные мелкими скалами какой-то изверженной породы, а слѣва, за рѣчкой, пологіе бока плоской возвышенности, поднимающейся къ югу. Вдоль рѣчки стоитъ нѣсколько водяныхъ мельницъ, къ которымъ дороги хорошо наѣзжены: видно, что тутъ есть что молотъ, а не то, что въ злополучныхъ трущобахъ Ардаганскаго округа, гдѣ къ мельницамъ чаще всего ведутъ незначительныя тропинки, протоптанныя вьючными животными.

Покончивъ съ дѣлами въ армянскихъ поселкахъ Армутлахъ и Башкей, я пустился въ Каракуртъ, оттуда въ Мечетлы, затѣмъ въ Сарыкамышъ.

Изъ Бекшея сперва приходится подниматься версты 4,

затѣмъ начинается длинный спускъ въ Каракурту, по мѣстности однообразной, большею частью обращенной въ пашни. Съ возвышенной части шоссеиной дороги, которая проведена недавно изъ Каракурта въ Бакшей, можно видѣть черные склоны приаракскихъ ущелій, въ глубинѣ которыхъ приютился и Каракуртъ. За этими склонами видны горы, по которымъ нужно было пробираться въ Сарыкамышъ и на которыхъ раскинулись хвойные лѣса съ ихъ почти черною зеленью. Но это все было гдѣ-то далеко, до чего я могъ добраться только черезъ день, покончивъ съ дѣлами въ Каракуртѣ, который виденъ былъ совсѣмъ близко на днѣ глубокаго ущелья. Близость, однако, была только кажущаяся: много верстъ было сдѣлано раньше по многочисленнымъ изгибамъ шоссе и по сокращеннымъ тропинкамъ въ оврагахъ прежде, чѣмъ дорога привела къ мосту на Араксъ. Тутъ ужъ было дѣйствительно рукой подать до селенія. Проворно сядишься на коня и пускаешься вскачь мимо стоящихъ на караулѣ у моста пограничныхъ солдатъ. Всѣ помыслы направлены къ Каракурту, хотя селеніе это само по себѣ только тѣмъ и отличается отъ другихъ греческихъ поселковъ, что въ немъ есть нѣсколько крупныхъ зданій, принадлежащихъ военному ведомству, и находится училище, почта, разгонная станція и участковое управленіе, а во всемъ остальномъ это такой же медвѣжій уголокъ, какъ и другія туземныя селенія.

Хороша дорога между Каракуртомъ и Сарыкамышемъ на протяженіи почти 32 верстъ. Верстахъ въ 2 отъ Сарыкамыша въѣзжаешь въ сосновый лѣсъ, по которому и пробираешься верстъ 25, то въѣзжая въ лѣсныя заросли, то пробираясь по полямъ, то имѣя его нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, около которой раскинулись пашни. Мѣстность то ровная, то пересѣченная оврагами и ущельями, по склонамъ которыхъ проведена дорога. Верстахъ въ 8—9 отъ Сарыка-

мышья видѣется глубокое ущелье р. Кявлика, со скалистыми обрывами; верстахъ въ 3 отъ Промежуточной станціи тянется другое безконечное ущелье, а за Мечетлами третье ущелье, которое подходитъ къ самому Каракурту. Каждое изъ этихъ ущелій имѣетъ свою прелесть: Кявликское ущелье дикое и живописное, сплошь заросшее лѣсомъ; второе ущелье обращено въ сплошныя поля, а Каракуртское радуетъ взоры ѣдущаго мягкими очертаніями прилегающихъ горъ, заросшихъ лѣсомъ или отдѣльными группами; а со склоновъ всѣхъ этихъ ущелій открывается широкій видъ: съ востока поднимаетъ свою снѣговую вершину Алла-дагъ, съ юга проходитъ силошною зубчатою стѣною пограничный съ Турціей Агридагскій хребетъ, на которомъ возвышается громадный и очень крутой конусъ Кеса-дага, видный со многихъ мѣстностей южнаго конца Карскаго плоскогорья, а на западъ поднимается среди многочисленной горной братіи снѣговая вершина Крестовой горы. Эти виды на дальнія горы, этотъ придорожный лѣсъ и хорошая шоссеиная дорога дѣлаетъ поѣздку въ Каракуртъ пріятной, особенно въ средней части пути. Только передъ Каракуртомъ ущелье становится голымъ, горы усыпаны безчисленными обломками чернаго обсидиана или состоятъ изъ чернаго слонстаго песчаника и изъ какой-то бѣловатой грубо-зернистой породы, вѣроятно, вулканическаго песка. Кромѣ того, тутъ почти всегда какъ-то особенно непріятно печетъ солнце или дуетъ вѣтеръ и мететъ пыль и песокъ. Поэтому, путникъ почти всегда старается проѣхать это мѣсто, какъ можно скорѣе, спѣшить ли онъ въ Каракуртъ, или выѣзжаетъ оттуда со свѣжими силами.

Пользуясь остановкой на 9-ой верстѣ отъ Сарыкамышя, я рѣшилъ взглянуть въ Кявликское ущелье, въ которое я спускался всякій разъ съ большимъ удовольствіемъ, и осмотрѣть тамъ памятники старины. Ущелье весьма узкое и обружено отвѣсными скалами, съ весьма немногими доступ-

ными для спуска мѣстамп; но и эти доступныя мѣста таковы, что рискуешь скатиться внизъ и переломать себѣ ноги. Ущелье весьма короткое и образовалось какъ-то вдругъ, такъ какъ сразу начинается обрывомъ сажень въ 15. При этомъ образовалась рѣдкая игра природы: временный потокъ, который, безъ сомнѣнія, долженъ быть тамъ надъ обрывомъ, и работающій только во время спльныхъ дождей или таянія снѣга, пробуравилъ горную породу не съ самаго края обрыва, а аршинахъ въ 2—3 отъ него, почему получилось окно, которое, если смотрѣть снизу, имѣетъ яйцевидную форму, футовъ въ 10 длины и футовъ 6 ширины, и отдѣляющееся отъ обрыва висячимъ, каменнымъ мостомъ, слегка треснувшимъ. Стекающая изъ окна вода размыла подъ нимъ породу, которая образовала здѣсь отвѣсную стѣну, совершенно голую; бока же ущелья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты травой; тутъ же съ восточной стороны изъ скалы, почти съ самаго верха, просачивается вода, образующая на двѣ ущелья крохотный ручеекъ, постепенно увеличивающійся по мѣрѣ приближенія къ рѣчкѣ Кякликъ. Мѣстная горная порода обнаруживаетъ склонность къ образованію пещеръ, каковыхъ замѣчено было мною 3 или 4. Насколько угрюмы отвѣсныя скалы, настолько же переполнено растеніями дно ущелья, покрытое густою чащей кустарниковъ, деревцовъ и травъ. Помимо того удовольствія, которое вообще испытываешь, попавши въ густыя, сочныя заросли, въ лѣтніе мѣсяцы можешь еще наслаждаться въ изобиліи растущей здѣсь красной и черной смородиной, малиной, рябиной, калиной и крыжовникомъ. Алчущій и жаждущій найдутъ здѣсь себѣ полное удовольствіе. Тишина въ ущельѣ невозмутимая; пзрѣдка пропищитъ какая-нибудь пичужка или проворкуютъ дикіе голуби, а затѣмъ опять все смолкнетъ на долгое время. Эта тишина, это обиліе растительности внизу и величіе природы вверху производятъ умиротворяющее вліяніе на душу

человѣка; сидя въ самомъ ли низу, или на одномъ изъ карнизовъ, испытываешь затишье на душѣ; мысли не только бурныя, но и вообще никакія не копошатся въ головѣ, и попавшій въ ущелье живетъ такою же мирной жизнью, какъ и окружающія его разнообразныя растенія.

Немного пониже заброшеннаго милиціонерскаго поста около вынѣшней шоссейной дороги горы образуютъ обрывистый скалистый мысъ, доступъ къ которому довольно затруднителенъ, а во многихъ мѣстахъ со стороны Кякликскаго ущелья и совсѣмъ невозможенъ. На самыхъ педоступныхъ утесахъ была когда-то крѣпость, вывѣ заброшенная и съ остатками стѣнъ, частью разрушенныхъ временемъ, частью былыми непріятельскими нашествіями. Стѣны крѣпости достигали до 1½ арш. толщины снаружи, облицованы грубо обтесаннымъ, некрупнымъ камнемъ, а внутри сложены изъ мелкихъ обломковъ, и все это щедро цементировано известью. Стѣна шла, сообразуясь съ направленіемъ обрыва, и потому имѣетъ крайне неправильную форму. На небольшой площадкѣ, внѣ крѣпости, окруженной съ двухъ сторонъ обрывомъ, а съ третьей стороны, нѣсколько пологой, видно что-то въ родѣ основаній нѣсколькихъ небольшихъ жилищъ, имѣется небольшая часовенка или мечетка изъ тесанаго камня, съ уцѣлѣвшими боками, но безъ крыши, а съ доступной къ крѣпости стороны имѣется небольшая, плохо уцѣлѣвшая постройка, въ родѣ башенки, которая, вѣроятно, защищала доступъ къ этой части. Тропа, ведущая къ рупнѣ, очень плохая, и потому крѣпостца теперь рѣдко кѣмъ посѣщается. Можетъ-быть, бойкій когда-то центръ былой жизни теперь обратился въ мертвую пустыню, заросшую старыми арду-чами, смородиной и крыжовникомъ и наводящій грустныя мысли на случайно посѣщающаго его путника.

Перейду теперь къ путевымъ замѣткамъ своей поѣздки изъ Кагызмана въ Дигоръ и далѣе. Такъ какъ мнѣ пред-

стоялъ еще рядъ осмотровъ училищъ, то я пробрался въ Кагызманъ сокращенными тропами и, осмотрѣвъ тамъ училище, отправился за 50 верстъ въ Дигоръ, селеніе съ татаро-армянскимъ населеніемъ въ нагорной полосѣ восточной части Кагызманскаго округа.

Для выѣзда изъ Кагызмана и выбралъ сокращенную дорогу черезъ ущелье. Начало дороги представляетъ лучшую часть пути, такъ какъ приходится ѣхать среди садовъ и наслаждаться ароматомъ цвѣтушихъ деревьевъ: боярышника, орѣха, пшата и множества другихъ, нѣжный запахъ которыхъ ласкаетъ обоняніе, а разнообразная и пышная зелень радуетъ глазъ, чего бываешь лишень, живя на высокомъ Карскомъ нагорьѣ. Путь по садамъ тянется версты двѣ. Сперва на окраинѣ Кагызмана приходится пересѣзать глубокое ущелье, а затѣмъ ѣхать по плоской покатой къ Араксу равнинѣ, среди узкихъ, извилистыхъ закоулковъ, которые составляютъ необходимую принадлежность всякаго стараго азіатскаго поселенія. Насколько уныла и непріятна ѣзда по такимъ улицамъ въ селеніяхъ высокаго нагорья, лишенныхъ какой-бы то ни было древесной растительности, загаженныхъ навозомъ и всякой нечистью, настолько она пріятна здѣсь, такъ какъ деревья отовсюду выступаютъ на улицу, вѣтви ихъ широко развѣшиваются надъ нею и заставляютъ всадника то-и-дѣло наклоняться къ сѣдлу, чтобы увернуться отъ длинныхъ, усыпанныхъ листьями сучьевъ, стремящихся стащить съ него фуражку. Ёдешь какъ бы по аллеѣ, любишься зеленью, вдыхаешь въ себя ароматъ, слышишь шумное журчаніе текущей воды въ канавахъ, крики и пѣсни разныхъ птицъ, и не чувствуешь за всѣмъ этимъ ни малѣйшей усталости отъ длиннаго и мѣстами крутого спуска и таковаго же подъема. Но вотъ, наконецъ, сады отступаютъ отъ дороги, уходятъ куда-то внизъ къ Араксу, и дорога начинаетъ виться сперва по плоской по-

катости, а затѣмъ среди холмовъ и лоцинь, опускаясь все ниже и ниже, пока, наконецъ, не доходитъ до шоссе, съ которымъ и сливается верстахъ въ 6 отъ Кагызмана. Лоциньны прорыты въ теченіе вѣковъ на плоскомъ склонѣ Агридага и въ началѣ пути достигаютъ значительной глубины; поэтому при ѣздѣ по нимъ о рельефѣ мѣстности составляешь неправильное понятіе, — кажется, будто бы вся она состоитъ изъ ряда горъ, съ усыпанными камнями крутыми склонами. Незадолго до соединенія проселка съ шоссеиной дорогой, ведущей въ Эриванскую губернію, путь проходитъ по ровному мѣсту съ обширнымъ видомъ во всѣ стороны, и потому ѣдущій можетъ судить объ устройствѣ поверхности и природѣ какъ тѣхъ мѣсть, по которымъ только-что приходилось проѣзжать, такъ и окружающей страны. Вся эта мѣстность представляетъ непрерывный спускъ къ Араксу отъ пограничнаго съ Турціей Агридага, во многихъ мѣстахъ сильно изорваннаго, съ выступающими во множествѣ скалами и утесами, а иногда и пикамп; изъ послѣднихъ одинъ особенно великъ и по своему наружному виду напоминаетъ находящуюся около Кульпъ коническую гору Такяльту, но меньшихъ размѣровъ. Эти утесы виднѣются только въ верхнихъ частяхъ гребня, съ середины же замѣчаются изборожденные оврагами и ущельями скалы, покрытые въ это время года зеленой травой, пріятно ласкающей взоры ѣдущаго. Растительность вблизи дороги, напротивъ, скудна и плохо прикрываетъ каменистые скаты овраговъ и почву ровныхъ мѣсть. Послѣднія большею частью распаханы, хлѣбъ на пашняхъ зазеленѣлъ и мѣстами сталъ колоситься, но тамъ, гдѣ нѣтъ пашень, тамъ голо или плохо прикрыто полынью, какими-то сѣрыми травами и кустистымъ бурьяномъ, оставающимъ широкія каменистыя прогалины. Видишь эту убогую травку и какъ-то невольно начинаешь опасаться, что благодѣтельное солнце вскорѣ сыграетъ здѣсь плохую шутку,

пригрѣтъ посильнѣе, и все это скудное растительное богатство высохнетъ и пропадетъ безслѣдно, а голые скаты и равнины покажутся во всей своей неприглядной наготѣ и будутъ наводить уныніе на путника и заставлятъ его спѣшить поскорѣе выбратъся изъ этого печальнаго царства смерти. Это горькое чувство унынія и теперь всецѣло овладѣвало бы вѣдущимъ, не будь съ юга живописнаго вида на пограничныя горы, среди которыхъ вдаль виднѣются спѣжныя вершины или одинокія полосы снѣга, залегшаго въ глубинахъ, слабо пригрѣваемыхъ лощинахъ, а съ сѣвера вида на гребень и скаты Карскаго плоскогорья, живописные и зеленые издали.

Карское плоскогорье круто обрывается на югъ и образуетъ на протяженіи многихъ верстъ черныя, отвѣсныя уступы во много сажень высоты. Издали этотъ обрывъ кажется скалистымъ, чернымъ гребнемъ, и потому на картѣ онъ обозначенъ подъ названіемъ хребта Карадагъ (черный хребетъ); въ дѣйствительности же здѣсь хребта никакого нѣтъ, а только вулканическія породы, разстилающіяся по поверхности плоскогорья, вдругъ обрываются отвѣсомъ во много десятковъ сажень высоты, изъ-подъ котораго выходятъ на свѣтъ Божій разноцвѣтныя осадочныя породы, съ преобладаніемъ цвѣтовъ бурога и краснаго. Эти породы имѣютъ паденіе къ сѣверу. Свать къ Араксу мѣстами ровень, но на большей своей части онъ исполосованъ оврагами, а мѣстами покрытъ круто обрывающимися утесами и горками. Вблизи Кагызмана эти промоины не такъ обильны, и потому на скатѣ во множествѣ видны поля, селенія и сады, зелѣный трава, а широко разлившійся Араксъ шумитъ на просторѣ въ пологихъ берегахъ. Но затѣмъ картина какъ то быстро мѣняется: съ обѣихъ сторонъ скаты подходятъ къ самой рѣкѣ въ видѣ крутыхъ и голыхъ холмовъ, особенно, неприглядныхъ на лѣвомъ берегу. Склоны плоскогорья здѣсь

совершенно похожи на оползень, до того все это свалено въ въ какую-то хаотическую кучу; камни и глина, бурая, желтая и кроваво красная, перемѣшались и не покрыты даже скуднымъ бурьяномъ, и мѣстность получаетъ еще болѣе унылый видъ. Особенно непріятное впечатлѣніе производитъ красная глина, выступающая на многихъ крутыхъ склонахъ въ видѣ кровавыхъ пятенъ. Воображеніе невольно настраивается такъ, что начинаешь представлять себѣ на этихъ мѣстахъ побойща массъ народа, обagrившихъ цѣлыми потоками своей крови эти унылыя холмы; тѣла убранны, вещи унесены, а отъ жестокихъ дѣлъ остались на память обширныя кровавыя пятна, не высыхающія на солнцѣ и не смываемыя дождемъ. Около Ахчайской почтовой станціи прирѣчная долина опять немного расширяется, снова показываются хлѣбныя поля и хорошая трава, а на береговыхъ полянкахъ около Аракса появляются одинокія кусты или цѣлыя группы гребенчука и ивняка. Холмы съ обѣихъ сторонъ немного отступаютъ отъ береговъ. Во многихъ мѣстахъ виднѣются ущелья, изъ которыхъ два самыхъ большихъ находятся почти другъ противъ друга. Въ концѣ правобережнаго ущелья поселились молжаване, переселенцы изъ Еленовки и Александровки, селеній около Гокчи, и разныхъ молжаванскихъ селеній Карскаго округа, а вдоль лѣвобережнаго ущелья расселился курды. Эти вѣковѣчные кочевники хотя и уходятъ лѣтомъ на кочевки на сосѣднія горы, но и зимовниковъ не бросаютъ на это время, такъ какъ всѣ мало-мальски удобныя мѣста распаханы ими подъ пашни и бостаны, а около селеній появились довольно значительныя насажденія вербы, кураги и пшата. Миѣ постоянно приходилось ѣздить только по лѣвому ущелью на пути изъ Кагызмана въ Дигоръ или обратно. Ущелье это длинно и уныло. Плоскогорье отступаетъ здѣсь на далекое разстояніе къ сѣверу, изорвано и образуетъ цѣлый рядъ выступовъ и расщелинь, круто обрывающихся въ

своихъ верхнихъ частяхъ въ видѣ многосаженныхъ утесовъ, подъ которыми на болѣе сокращенной дорогѣ, отходящей въ боковое ущелье выступаютъ конические известковые утесы, во многихъ мѣстахъ насквозь пропитанные мелкими, обкатанными обломками краснаго и чернаго обсидіана. Ниже этихъ известковыхъ скалъ, подстилающихъ изверженныя породы, вплоть до Аракса разстилаются породы того же состава и вида, какія встрѣчались во всей низинѣ, на всемъ пути отъ Джамушловъ; это глины и гипсы разнообразныхъ окрасокъ, преимущественно бурыхъ или красныхъ, мѣстами каштановыхъ или желтыхъ и сѣрыхъ. Видъ въ мѣстахъ съ такою почвою большею частью крайне унылъ: скаты горъ около дороги мѣстами совсѣмъ голы, мѣстами покрыты скудной травой, среди которой валяется множество разбросанныхъ камней, занесенныхъ сверху, а также мѣстнаго происхожденія, такъ какъ изъ-подъ земляныхъ продуктовъ выглядываютъ каменные слои, обломки отъ которыхъ не обладаютъ необходимой плотностью и потому легко разрушаются водой и вѣтромъ, обращаясь къ небольшіе куски и земляную массу. Дорога особенно уныла внизу до въѣзда въ куртинскій поселокъ Пивикъ; далѣе она немного оживляется, такъ какъ вокругъ нея идутъ или хлѣбныя поля или обильно орошаемыя поляны, покрытыя густою сочною травой, а по дну лоцинь текутъ потоки и ручьи. При подъемѣ на плоскогорье, выше куртинскихъ селеній, снова начинаются усыпанные мелкими камнями и скудно покрытые травкой или совсѣмъ голые скаты. Дорога становится еще болѣе унылой и это уныніе усугубляется также крутыми подъемами, обильно усыпанными краснымъ и чернымъ обсидіаномъ, на которые конь взбирается хрипя и обливаясь потомъ, а потому чувствуешь истинное удовольствіе, когда видишь, что остается только одинъ подъемъ на плоскогорье, гдѣ должны закончиться мученія коня, а самъ можешь полюбоваться об-

ширной панорамой Карскаго плоскогорья, Эриванской равнины и дальнихъ горъ, между которыми высоко поднимаются снѣжныя вершины богатырей Арарата и Алагеза. Но вотъ и конецъ подъема, конецъ утомительной ѣзды шагомъ. Дальше можно пуститься вскачь и немного поразмяться, что и производишь немедленно въ исполненіе; конь мчится по мягкой дорогѣ, а всадникъ можетъ дышать полной грудью ароматныхъ воздухонъ и вглядываться въ окрестную страну. Последняя имѣетъ общее паденіе къ югу-востоку отъ длинной цѣпи горъ: Кизиль-Магара, Б. и М. Ягуджа, Катилгъ и цѣлаго ряда другихъ, которыя заканчиваются на сѣверѣ, около Ани, широко раскинувшейся Аладжой. Въ южной части эта цѣпь горъ отступаетъ на значительное разстояніе къ западу отъ Арпачая, а на сѣверѣ подходитъ къ нему очень близко. Къ востоку отъ этой цѣпи вздымаются тоже горы, но стоятъ онѣ одиноко и нигдѣ не достигаютъ тѣхъ мощныхъ размѣровъ, какъ ихъ сестры, лежація немного къ западу. Это паденіе страны къ юго-востоку продолжается и далѣе, уже въ предѣлахъ Эриванской губерніи, отъ которой область отдѣлена глубокой расщелиной, по дну которой течетъ Арпачай, притокъ Аракса. Почва на плоскогорьѣ повсюду черноземная, мѣстами она совершенно свободна отъ камней, но это бываетъ рѣдко; чаще же камни густо усыпаютъ пашни, пастбища и дороги. На пашняхъ повсюду видишь кучки и большія кучи камней, украшенныя сверху нѣсколькими крупными камнями, такъ что издали придаютъ полю видъ, будто на немъ повсюду ходятъ люди. Но несмотря на собранное громадное количество камней, рѣдко какая пашня остается свободна отъ нихъ, и, безъ сомнѣнія, пройдетъ еще очень много времени и положено будетъ много труда, прежде чѣмъ пашни окончательно очистятся отъ камней. Камни—обломки лавы, такъ какъ верхній пластъ здѣсь представляютъ изверженныя породы, преимущественно сѣраго и темнаго цвѣта,

и только склоны Катилга и Порта покрыты обломками красного цвѣта, отъ разрушенія которыхъ и сама почва стала темно-красной. Вблизи Дигора горы состоятъ изъ уплотнившейся смѣси пемзы, мелкихъ камешковъ и сѣраго вулканическаго песка. Напротивъ Дигорскаго участкаго управленія эта порода сильно размыта и на склонахъ горы поднимается цѣлый рядъ приземистыхъ конусовъ, свидѣтельствующихъ о прежней высотѣ данной мѣстности. Характеръ мѣстности мало отлпчается и на дальнѣйшемъ пути, между Дигоромъ и развалинами Ани на разстоянн версть 25. Это та же слегка волнистая страна, понижающаяся къ Арпачаю и примыкающая на западѣ къ высокимъ и широко раскинувшимся горамъ, тѣсно соединеннымъ своими основаніями. Между этими горами наибольшія Тарханъ и Аладжа. Справа отъ дороги, какъ и на пути до Дигора, поднимаются горы, но онѣ незначительны въ сравненн съ сосѣдними западными горами, и потому болѣе похожими на холмы, чѣмъ на горы; таковы Кармиръ-буевъ справа отъ сел. Дашникъ, и г. Алямъ около селенія того-же имени. На склонахъ какъ большихъ, такъ и малыхъ горъ повсюду выступаютъ материнскія породы темнаго и темно-сѣраго цвѣта то въ видѣ крупныхъ обломковъ, то цѣлыми скалами, а на равнинахъ почва прикрыта толстымъ слоемъ чернозема, на которомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на плоскогорьѣ, валяются мелкіе обломки камней; уборка послѣднихъ на пашняхъ производится тѣмъ же способомъ и отнимаетъ у людей столько же силъ и времени, какъ и въ другихъ мѣстахъ области. Полей, однако, на пути было не особенно много; большая же часть земли представляла или настибшныя мѣста, или заброшенныя пашни, обработка которыхъ не могла состояться въ этомъ году потому, что скотъ былъ изнуренъ зимней безкормицей и оказался не въ силахъ выполнить обычныя полевыя работы. На такихъ мѣстахъ земля покрылась густою травой, видъ ко-

торой для глазъ болѣе пріятенъ, чѣмъ отъ мелкой и рѣдкой поросли плохо засѣянныхъ хлѣбныхъ полей. Населеніе между Дигоромъ и Ани не особенно многолюдное и состоитъ изъ езидовъ, курдовъ и карапаховъ, образовавшихъ здѣсь нѣсколько крупныхъ поселковъ и цѣлый рядъ незначительныхъ зимовниковъ, носящихъ обычную непривѣтливую наружность временныхъ поселеній: деревья въ совершенно нѣтъ, дома врыты въ землю, стѣны поднимаются только аршина на 2—2½, и построены изъ необтесанныхъ каменныхъ обломковъ, въ безпорядкѣ сложенныхъ на грязи. Повсюду около такихъ поселеній видишь множество овецъ, отдѣльныя партіи ягнятъ и козлятъ и сравнительно небольшое количество крупнаго рогатаго скота; около всего этого ходятъ и лежатъ пастухи. Милѣе пастушества курды, кажется, не можетъ представить себѣ занятія, и потому вездѣ видишь и старыхъ и малыхъ пастуховъ. Барановъ большею частью пасутъ дѣти, но нерѣдко можно видѣть съ хворостинной въ рукахъ около ягнятъ и взрослыхъ мужчинъ и почтенныхъ старцевъ, одѣтыхъ вовсе не бѣдно и вышедшихъ въ поле только на время ради того только, чтобы вспомнить дѣтство и юность и насладиться хоть часокъ своимъ любимымъ занятіемъ. Курды и карапахи стародавніе обитатели страны и ревностные мусульмане. Но въ неособенно отдаленныя времена населеніе здѣсь было христіанское. Были ли это армяне, какъ утверждаютъ армянскіе историки, или подвластные имъ люди другой народности, трудно сказать, но что это были христіане, объ этомъ можно судить по остаткамъ церквей, сохранившихся до настоящаго времени въ Дигорѣ, Бешъ-килисъ, Алямѣ и цѣломъ рядѣ другихъ мѣстностей. Особенно обильна была церквами бывшая по сосѣдству армянская столица Ани, развалины которой становятся видными, какъ только подвигнешься на самую высшую точку того небольшого перевала, который сое-

диняетъ подошвы горъ Тарханъ и Алямъ. Съ этого мѣста развалины кажутся очень близкими. Кагъ-то неволью стремишься поскорѣе добраться до нихъ, но проходить не менѣе часа, прежде чѣмъ вскарабкаешься на вершину плоской возвышенности, на которой былъ расположенъ городъ, такъ какъ мѣстность здѣсь сильно пересѣченная, отъ склоновъ Тархана и Аладжи отходятъ глубокіе овраги, достигающіе наибольшей глубины и ширины вблизи развалинъ, а дорога то-и-дѣло пересѣкаетъ ихъ. Начиная отъ куртинскаго зимовника Магасперта, лежащаго верстахъ въ 3—4 отъ Ани, изъ котораго видно прекрасно сохранившееся зданіе стариннаго замка, мѣстность почти ровная и только около Ани она пересѣкается очень глубокими и обрывистыми оврагами. Трава здѣсь еще лучше, чѣмъ на предшествующемъ пути, и камней среди ней валяется не особенно много. Материнскіе породы мѣняютъ здѣсь свой составъ и состоятъ изъ вулканическаго туфа чернаго, темно-бурого или краснаго цвѣта, достигающаго наиболѣе яркой краски въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога начинаетъ спускаться въ ущелье передъ самыми развалинами. Подъ этими туфами лежитъ мощный слой, составленный изъ сѣро-пепельнаго вулканическаго песка, съ громаднымъ количествомъ мелкихъ обломковъ шелковистой пемзы, рѣдко гдѣ достигающихъ болѣе 5—6 вершковъ въ поперечникѣ. Порода эта имѣетъ значительное распространѣніе, вакъ какъ она видна на склонахъ воѣхъ окрестныхъ съ городомъ овраговъ. На прикрывающіе туфы въ южной части развалинъ города налегли изверженныя породы, образовавшія, обычныя на плоскогорьѣ, скалистые обрывы, поднимающіеся въ видѣ нѣсколькихъ гигантскихъ ступеней, засыпанныхъ у своихъ основаній обломками и землею. Эти скалы видны по обѣимъ сторонамъ треугольника, гдѣ былъ расположенъ городъ, вакъ со стороны оврага, такъ и со стороны Арпа-чая, и послужили поводомъ къ выбору мѣста

для города, богатый и прекрасный матеріалъ для сооруженія котораго дакъ туфъ, изъ котораго построены стѣны и всѣ лучшія зданія. Въ пепельномъ слоѣ, весьма мягкомъ и поддающемся дѣйствию даже ногтей, находила пріютъ вся городская бѣдвота, выдолбившая въ немъ пещеры въ видѣ небольшихъ комнатъ, съ разнаго рода немудреными украшеніями на стѣнахъ; въ немъ же помѣщались небольшія лавки и даже видны кое-гдѣ церкви, съ оштукатуренными стѣнами и съ рисунками свитыхъ, сильно попорченными временемъ. Большая часть этихъ пещерныхъ построекъ обвалилась, доступъ ко многимъ оставшимся сдѣлался крайне труденъ или даже невозможенъ, но еще и до сихъ поръ на всѣхъ склонахъ сосѣднихъ съ городомъ овраговъ видно множество пещеръ. Наибольше уцѣлѣвшими изъ нихъ теперь пользовались армяне изъ селенія Аразъ-оглы, арендовавшіе земли въ развалинахъ города и его окрестностяхъ и перебравшіеся сюда на кочевку чуть не цѣлымъ селомъ, съ семьями и скотомъ. Приспособленій для житія потребовалось не особенно много: тамъ видишь небольшую стѣнку, сложенную изъ обломковъ передъ входомъ въ пещеру, тамъ поставлена дверь или закрыта лишняя дыра, вотъ и все, что сдѣлано новыми временными обитателями этихъ пещеръ, жизненныя потребности которыхъ ушли, пожалуй, не особенно далеко отъ строителей ихъ. О развалинахъ долго говорить не стану, такъ какъ объ этомъ было писано уже много. Скажу только, что здѣсь есть нѣчто посмотреть. Многія постройки сохранились настолько хорошо, что можно судить и о стилѣ того времени, объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ армянъ. Лучше всего сохранились стѣны и башни, церкви, царскія или княжескія палаты и крупныя казенныя зданія; дома же простыхъ и небогатыхъ людей пришли въ полное разрушеніе, и отъ нихъ остались кучи камней и земли или видны фундаменты, да и то не вездѣ, такъ какъ густая и высокая трава разро-

слась теперь всюду, гдѣ когда-то мучились люди въ никогда не прерывающейся борьбѣ за жалкое существованіе. Развалины обнимаютъ обширную площадь, хожденіе по которой сильно утомляетъ и еще болѣе усугубляетъ и безъ того грустное впечатлѣніе. Глядишь на эти гладко облицованныя стѣны и башни, на тщательную приговку каменныхъ глыбъ, иногда во многіе десятки пудовъ вѣсу, на узорчатую и со вкусомъ сдѣланную рѣзьбу большихъ домовъ и церквей, поддающихся всеокрушающему дѣйствию вѣтровъ; на уцѣлѣвшія церкви, въ изобиліи построенныя во всей городской чертѣ, гдѣ когда-то люди молились и приносили жертвы— глядишь и съ грустью думаешь, зачѣмъ все это было, зачѣмъ существуемъ теперь и мы, такіе же страдальцы, какъ и прежніе люди; зачѣмъ существуетъ и самая жизнь и будетъ ли хоть сколько-нибудь легче жить не только ближайшимъ нашимъ потомкамъ чевезъ 400—500 лѣтъ, но и черезъ срокъ въ тысячу разъ болѣшій. Эти грустные мысли и утомительная ходьба гонять проѣзжаго изъ города, и на душѣ становится легче только послѣ того, какъ отъѣдешь отъ развалинъ верстъ 15, гдѣ придорожная зелень полей, видъ на Алагезъ и на людскія поселенія нѣсколько разсвѣаютъ тоскливое чувство.

Всѣ остатки древняго города считаются казеннымъ достояніемъ и находится подъ охраной закона. Сомнительно только, чтобы эта охрана была сильна въ сѣверныхъ частяхъ города, примыкающихъ къ равнинѣ, гдѣ жители окрестныхъ деревень тайно растаскиваютъ обтесанные камни. Болѣе дѣйствительную охрану составляетъ малодоступность многихъ мѣстъ, гдѣ остатки древнихъ сооружений разрушаются только временемъ да случайными любителями позабавиться видомъ катящихся внизъ камней, которые, при своемъ паденіи, увлекаютъ за собою другіе и въ видѣ цѣлой лавины одлетаютъ до два ущелій, дѣлая отчаянные прыжки, раз-

таясь вдребезги или разбивая на куски другіе камни. Но такія лавины за недоступностью можно устранять не во всякомъ мѣстѣ. Особенно трудно съ непривычки добраться до развалинъ Дѣвичей крѣпости, которая воздвигнута на крайнемъ южномъ мысу: приходится огвбать со стороны Арпачая скалы по узкому засыпанному землей и камнями карнизу, вдоль многосаженного обрыва, на днѣ котораго съ шумомъ катить свои грязныя воды Арпачай. Кто не привыкъ ходить на окраинахъ обрывовъ, тотъ пусть лучше не ходитъ къ этимъ развалинамъ, а если ужъ пойдетъ, то пусть не смотритъ въ пропасть: иначе сознаніе возможности свалиться заставитъ его отшатываться поближе къ скалѣ, гдѣ почва болѣе скользка, и тѣмъ еще болѣе увеличится опасность полетѣть внизъ, куда долетишь только въ видѣ безформеннаго куска мяса. Но если проберешься по этому карнизу, то на вершинѣ трахитовой скалы найдешь развалины большой церкви, остатки высокой башни и основанія стѣнъ, построенныхъ съ западной, болѣе доступной части этого мыса. Глядя на эти крутизны, доступъ къ которымъ былъ не на много лучше и въ былыя времена, невольно поражаешься той громадностью труда, который былъ затраченъ при сооружеіи всѣхъ этихъ мощныхъ построекъ. Жизнь въ то время была звѣрпная, приходилось пускать въ ходъ всѣ средства, чтобы защищаться отъ вражескихъ нападений, и потому постройка крѣпостныхъ стѣнъ была неизбежна. Но удивительно то, что стѣны эти воздвигались не изъ кое-какъ обколотыхъ камней, а рѣшительно во всѣхъ частяхъ города онѣ облицованы снаружи и изнутри гладко обтесанными камнями, обдѣлка которыхъ сдѣлана болѣе старательно, чѣмъ у большинства современныхъ частныхъ и казенныхъ зданій. Старательная пригонка камней и щедрая смазка ихъ известью сдѣлали то, что вѣка совмѣстной разрушительной дѣятельности людей, землетрясеній, воды, воздуха и солнца не могли сломить

этой твердыни, и эта послѣдняя смѣло продержится еще цѣлыя вѣка, если только ею не воспользуются для сооруженія новыхъ человѣческихъ жилищъ.

Сѣверная часть развалинъ упирается въ равнину. Послѣдняя разстигается далеко къ сѣверу и востоку и уходитъ въ Эриванскую губернію, на границѣ съ которой она пересѣкается тѣмъ же Арпачаемъ, прорывшимъ въ теченіе тысячелѣтій узкое, но очень глубокое ущелье, мѣстами до 50 сажень глубиною, съ врытыми, иногда отвѣсными ступенчатыми скалами. Горы видѣются только къ западу отъ дороги и только между Аразомъ и Мовракомъ пересѣкаютъ ее поперекъ въ видѣ трехъ холмовъ, обозначенныхъ на картѣ подъ названіемъ Учъ-Тапаляръ (три холма). За Учъ-Тапаляромъ на пути въ Кизилъ-Чахчахъ горы можно видѣть и справа отъ дороги, но ни западныя ни восточныя не достигаютъ нигдѣ значительныхъ размѣровъ и скорѣе похожи на холмы, одиноко поднимающіеся среди слегка волнистой равнины, пересѣченной небольшими лощинами, по дну которыхъ текутъ ручьи или незначительныя рѣченки. Подъемы и спуски большею частью незначительныя, а мѣстами страна и совсѣмъ ровная. Только вблизи с. Пирвали приходится пересѣкать довольно широкую лощину, по дну которой течетъ Карсъ-чай. Моста на рѣкѣ нѣтъ, и потому необходимо переходить ее вбродъ, что во второй половинѣ мая не совсѣмъ удобно и безъ указанія мѣстныхъ жителей даже рискованно. Даже на самомъ мелкомъ мѣстѣ брода вода поднимается четвертей на 5—5¹/₂, и шумно катится внизъ на стремнины. Коня приходится придерживать покрѣпче, а ноги поднимать повыше, но это мало помогаетъ, и будущему приходится не разъ зачерпнуть воды въ сапоги и намочить бурку, пока онъ успеетъ выбраться на противоположный берегъ рѣки. Сдѣлавъ за селомъ 1—2 версты въ гору, пересѣкаешь небольшой хребтикъ и затѣмъ спускаешься на равнину.

нину, по которой ѣдешь потомъ до самаго Кизиль-Чахчаха, оставляя слѣва отъ себя небольшую возвышенность, въ которой Карсъ-чай прорылъ дикое, но величественное ущелье. Общее впечатлѣніе отъ страны на всемъ переѣздѣ отъ развалинъ Ани до Кизиль-Чахчаха неопредѣленное. На пути нѣтъ ничего бросающагося въ глаза: татарскіе и армянскіе поселки обычной для всѣхъ здѣшнихъ туземныхъ селеній наружности, съ незначительными насажденіями ивы и пирамидальнаго тополя; почва черноземъ или сѣрватая глина, на которой разстилаются безъ конца пашви; травяныхъ полей немного, да и на тѣхъ трава неважная; материнскія породы большею частью скрыты подъ землястыми продуктами, и потому трудно судить объ ихъ составѣ; только вблизи Моврака и Пирвали появляется на поверхности черный базальтовый туфъ, а немного къ сѣверо-западу отъ пирвалинскихъ каменоломенъ простираются обширныя обнаженія раковистаго известняка съ безчисленнымъ множествомъ мелкихъ раковинъ. Туфъ здѣсь выходитъ на поверхность въ видѣ мощнаго слоя и составляетъ, вѣроятно, обрывокъ того значительнаго пространства туфовыхъ отложений, которыя съ небольшими перерывами прикрываютъ собою все остальныя горныя породы на большей части Шурагельскаго и Ахбабинскаго участковъ Карскаго округа. Тамъ, гдѣ туфъ уцѣлѣлъ, страна совершенно ровная, а въ мѣстахъ размыва туфъ образовалъ скалистые уступы въ нѣсколько сажень толщины, на которые можно подняться не во всякомъ мѣстѣ. Вотъ и все, что можно сказать о томъ, что выносишь при проѣздѣ 35—40 верстъ отъ Ани до Кизиль-Чахчаха. Можно, пожалуй, добавить, что повсюду виденъ Алагезъ и свѣжная вершина Арарата, видны свѣжныя вершины горъ Чалдырскаго участка и та гряда, которая проходитъ на сѣверѣ Александропольскаго уѣзда, а мѣстами виденъ и самъ Александрополь.

Изъ Кизиль-Чахчаха мнѣ оставалось еще съѣздить за

35 вер. въ Амасію, карапахахскій поселекъ, находящійся въ сѣверной части Ахбабинскаго участка. Для поѣздки я выбралъ такой путь: М. и Б. Кимлы, Гюллибулагъ и затѣмъ мимо Карачанты въ Амасію. На обратномъ пути я немного сбился съ дороги и изъ Гюллибулага попалъ въ Карамамедъ, оттуда въ Ахбулагъ, Мекюзъ и Кизилъ-Чахчахъ. Характеръ всей этой страны вполне сходенъ съ только-что пройденной. Это та же слегка волнистая мѣстность, постепенно понижающаяся къ востоку, въ сторону Арпачая, на западѣ ограниченная группою горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Ахбаба, съ цѣлымъ рядомъ тянущихся съ сѣвера на югъ вершинъ, а въ серединѣ пересѣченныхъ многочисленными лощинами, по дну которыхъ текутъ ручьи и потоки, изливающихіе свои воды на югъ въ Караханчай, а на сѣверѣ въ Арпачай. Горы въ началѣ пути видѣлись гдѣ-то вдали на сѣверо-западѣ, но со середины дороги онѣ стали надвигаться къ Арпачаю и, наконецъ, около Амасіи совсѣмъ почти подходятъ къ послѣднему; вмѣстѣ съ тѣмъ и со стороны Эриванской губерніи надвигаются горы и мѣстность около дороги обращается въ незначительную узкую равнину, разсѣченную глубокой и крутой трещиной, на днѣ которой течетъ рѣка Арпачай. Карскія и Эриванскія горы не блещутъ ни красотой ни величіемъ: склоны ихъ пологи и слегка размыты; нигдѣ глазъ не увидитъ ни скалъ, ни пропастей, ни обширныхъ каменныхъ розсыпей; все покрыто землистыми продуктами и заросло травой или обращено въ пашни. На ровныхъ мѣстахъ глазъ повсюду видитъ хлѣбныя поля, отдыхающія пашни, заросшія травой, съ почвою большею частью темныхъ окрасокъ, глинистой или черноземной, и только мѣстами желтой или свѣтло-сѣрой, со значительнымъ числомъ мелкихъ раковинъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что это мѣсто когда-то было залито водою. Сѣнокосовъ на дорогѣ почти не встрѣчалось да, вѣроятно, ихъ и вовсе нѣтъ, такъ какъ населе-

ніе на лѣто угоняеть свой скоть на сосѣднія горы, а всѣ удобныя земли распахиваеть. Населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ карапаховъ и въ небольшомъ количествѣ армянъ, образъ жизни которыхъ ничѣмъ не отличается отъ жизни ихъ соплеменниковъ въ другихъ частяхъ области. Единственное, что я только могъ замѣтить въ Б. Кимлахъ и Гюллубулагѣ это то, что въ этихъ селеніяхъ замѣтно стремленіе карапаховъ строить дома не только по характерному для всей Каресской области образцу, но и по типу городскихъ зданій, каковое обстоятельство можно объяснить отчасти сосѣдствомъ Александрополя, виднѣющагося невдалекѣ, отчасти обиліемъ краснаго и чернаго базальтоваго туфа, который въ этихъ мѣстахъ составляетъ почти повсюду верхній слой материнскихъ породъ и представляетъ продолженіе тѣхъ туфовыхъ отложеній, которыя покрываютъ окрестную съ Александрополемъ обширную страну. Во всѣхъ этихъ селахъ туфы рѣдко гдѣ выходятъ на самую поверхность; большею же частью они покрыты слоемъ рыхлой почвы и становятся видными только по склонамъ овраговъ. Мѣста съ туфовой подпочвой отличаются рѣзко бросающеюся въ глаза особенностью: они гладки какъ столъ. Это больше всего замѣтно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Арпачаю и вообще къ Александрополю, гдѣ иногда цѣлыя версты приходится пробѣжать по гладкой равнинѣ, отъ времени до времени только пересѣкая рѣчные овраги. Если смотрѣть изъ Александрополя на эти части Каресской области и на окрестную страну, то даже при поверхностномъ обзорѣ видно, что онѣ составляютъ одну непрерывную равнину, образовавшуюся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же причинъ, нанесшихъ сюда вулканическаго пепла и выравнявшихъ всѣ бывшія шероховатости. Съ теченіемъ тысячелѣтій равнина была изрыта Арпачаемъ и его притоками, особенно обильными съ правой стороны рѣки, но характера равнины она все-таки не утратила и глазъ наблюдателя ви-

дить обширное ровное поле, какъ бы кольцомъ охваченное съ сѣвера горами Ахбабинскаго участка и Александропольскаго уѣзда и уходящее куда-то въ даль, въ южныя части Шуратальскаго участка. Равнина повышается въ сѣверу, но подъемъ этотъ не ощутителенъ для ѣдущаго верхомъ и становится замѣтнымъ только по полному отсутствію древесныхъ насажденій, которыя совсѣмъ не удаются около Амасіа. Въ послѣднемъ селеніи не удастся даже посадка и такихъ огородныхъ растеній, какъ картофель и капуста, въ общемъ весьма неприхотливыхъ въ смыслѣ тепла и почвы. Поэтому на всемъ пути изъ Кизиль-Чахчаха въ Амасію взору представляются только поля и травянистыя степи, ѣзда по которымъ скучна и однообразна въ концѣ лѣта, но зато пріятна въ концѣ мая, когда солнце жжетъ не сильно, воздухъ насыщенъ запахомъ разнообразныхъ цвѣтовъ и повсюду раздаются звонкія пѣсни жаворонковъ, то утопающихъ гдѣ-то въ небесной лазури, то заливающихъ гдѣ-нибудь на камешкѣ въблизи своихъ крохотныхъ дѣтокъ. Поѣздка въ это время доставляетъ полное удовольствіе, тѣмъ болѣе что въ этихъ мѣстахъ при передвиженіи не встрѣчаешь никакихъ затрудненій.

Въ такой же степени легка и пріятна въ это время года поѣздка изъ Кизиль-Чахчаха въ Карсъ на разстояніи 50 верстъ. Обыкновенно при верховой ѣздѣ выбирается проселочная дорога, черезъ Палдырванъ мимо озера Мшко, затѣмъ мимо сел. Халифъ-огды черезъ отроги М. Ягновъ прямо въ Карсъ. Это значительно сокращаетъ дорогу сравнительно съ тѣмъ, что пришлось бы сдѣлать, если бы ѣхать по шоссе. Сокращенная дорога въ хорошую погоду неутомительна для лошади и даже, пожалуй, лучше шоссеиной, такъ какъ мягче ея и большею частью совсѣмъ свободна отъ камней, которыми такъ изобилуютъ проселочныя дороги другихъ частей области. Подъемы есть только на склонѣ г. Кабахъ-тапа

и затѣмъ М. Ягновъ, но подъемы эти сильно растянуты и потому неутомительны для лошади. Спускъ со склона М. Ягновъ тоже пологъ и совершенно не мѣшаетъ быстрой ѣздѣ. Въ остальныхъ же мѣстахъ дорога вьется почти по плоской, только слегка волнистой равнинѣ, на которой нигдѣ нѣтъ глубокихъ и многочисленныхъ лоцанъ, которыя пересѣкали бы дорогу на пути изъ Кизилъ-Чахчаха въ Амасію. Почва повсюду здѣсь черноземная и почти вездѣ обращена въ пашни, которыя тянутся иногда непрерывной полосой на цѣлыя версты. На этихъ пашняхъ камней не особенно много, а иногда ихъ совсѣмъ не видно. Изобилуютъ камнями только тѣ пашни, которыя расположены по бокамъ лоцанъ, отходящихъ отъ склоновъ Кабахъ-тапы и М. Ягновъ. Здѣсь можно увидѣть тѣ же картины, что и во многихъ другихъ мѣстахъ на плоскогорьѣ, т. е. камни собраны въ небольшія кучки, на которыхъ возведены небольшіе столбы изъ нѣсколькихъ камней, что придаетъ полю видъ мѣстности, по которой будто бы ходятъ люди. И здѣсь, очевидно, придется крестьянамъ поработать немало, прежде чѣмъ они очистятъ свои пашни отъ заваливающихъ ихъ камней. Пашни не встрѣчаются только на высокихъ частяхъ перевала, на склонѣ М. Ягновъ да около озера Мшко ихъ сравнительно немного, что обусловливается значительною высотой мѣстности. Зато такіе свободныя отъ пашенъ мѣста заросли прекрасною травой. Последняя въ концѣ мая еще не достигаетъ полнаго развитія, но этой травы вполне достаточно, чтобы растянуться на ней съ истиннымъ наслажденіемъ и, лежа среди ароматныхъ цвѣтовъ, хоть на минуту забыть про свои дѣла и заботы.

Со склона М. Ягновъ открывается почти во всѣ стороны обширный видъ. Къ сѣверу и востоку видишь постепенное пониженіе страны, принимающей подъ конецъ видъ равнины, служащей продолженіемъ обширной плоскости, начинающейся очень далеко на западѣ, у склоновъ Соганлугскаго хребта, и

затѣмъ уходящей далѣе на востокъ на соединеніе съ плоской равниной Александропольскаго уѣзда. На сѣверѣ равнина упирается въ горныя группы и хребты, находящіяся на границѣ Карскаго и Ардаганскаго округовъ, а на югѣ въ водораздѣлъ, по которому проходитъ граница Карскаго и Кагызманскаго округовъ; конечныя возвышенности водораздѣла, въ родѣ Б. и М. Ягновъ, Кизилъ-тапы и Караяла, уходятъ далеко на сѣверъ и стоятъ какъ-то обособленно отъ той цѣпи горъ, которая начинается на сѣверѣ Аладжей, а на югѣ заканчивается цѣлымъ рядомъ горъ, расположившихся на окраинѣ плоскогорья. На этой равнинѣ когда-то расположено было цѣлый рядъ озеръ, повыше Сарыкамыша, около Ново-Селима, Владикарса, Гренадерскаго, воды которыхъ постепенно прорыли себѣ выходы и стекли по нынѣшнему руслу Карсчая, а отъ нихъ остались только гладкія, какъ столъ, равнины. Но и въ настоящее время эта мѣстность имѣетъ еще рядъ небольшихъ озеръ, 3 или 4 изъ которыхъ можно видѣть со склоновъ М. Ягновъ, а около одного по имени Мшко, находящагося около западныхъ склоновъ г. Кабахъ-тапа, приходится даже проѣзжать. Большія изъ этихъ озеръ достигаютъ не болѣе 1½, версты длины и до полуверсты ширины, меньшія озера еще меньше; только Палдыварское озеро, находящееся верстахъ въ 3 къ сѣверу отъ Башкадыклярской жел.-дор. станціи, имѣетъ до 3 верстъ въ длину и до версты въ ширину. Всѣ эти озера, и большія и малыя, обречены на вымирание. О томъ, что дни ихъ сочтены, можно судить по безконечнымъ зарослямъ водяныхъ травъ, которыя съ конца мая въ мелкихъ мѣстахъ закрываютъ большую часть водной поверхности пышнымъ зеленымъ покровомъ. Конечно, это умирание озеръ затянется еще на сотни лѣтъ, но тѣмъ не менѣе и имъ наступитъ конецъ, какъ онъ наступилъ для несравненно большихъ озеръ, когда-то волновавшихся въ западной и сѣверной части равнины. Въ насто-

ящее же время эти альпійскія озера привлекають къ себѣ немалую часть населенія восточной части равнины, которое является сюда на лѣто со своими стадами, для которыхъ есть здѣсь обширныя и прекрасныя пастбища, совершенно отсутствующія въ болѣе низкихъ частяхъ равнины, обращенной почти въ сплошную пашню. Эти пастбищныя мѣста обратились какъ бы въ дачи для сельскаго люда, понастроившаго себѣ около озеръ поселки, обычнаго въ области вида и весело проводящаго здѣсь 3—4 мѣсяца. Но съ наступленіемъ осенняго ненастья шумные поселки пустѣютъ, и, проѣзжая мимо нихъ зимою, не увидишь ни человѣка ни животнаго, входы въ дома завалены камнями, а весь поселокъ засыпанъ толстымъ слоемъ снѣга, часто дѣлающимъ его мало замѣтнымъ для глазъ даже на близкомъ разстояніи. Зато съ наступленіемъ мая жизнь снова начинается на берегахъ этихъ озеръ, снова появляются люди со своими стадами, а еще раньше налетаетъ всякая водяная птица: утки, чирки, гагары, лысухи, чайки, нырки, кулики, которые частью улетають потомъ дальше, частью остаются тутъ же и находятъ себѣ достаточно корма и удобныхъ мѣстъ для вывода птенцовъ, такъ какъ на озерахъ лодокъ нѣтъ, да и охотниковъ наѣзжаетъ сюда немного, а жители, пожалуй, и совсѣмъ не охотятся. Хотя дикихъ птицъ здѣсь и не особенно беспокояють, тѣмъ не менѣе горькій опытъ, пріобрѣтенный ими при перелетѣ, научилъ ихъ осторожности въ присутствіи человѣка, и потому едва ли для охотника будетъ здѣсь большая пожива, если онъ не обзаведется хорошей собакой, которая могла бы ему вытаскивать дичь изъ середины озера, куда та обыкновенно уходитъ при приближеніи подозрительной опасности.

Со склоновъ М. Ягновъ можно видѣть и Карсъ и его укрѣпленія. Городъ бѣлѣеть у склоновъ плоскихъ возвышенностей, на вершинахъ которыхъ поднимаются укрѣпленія; вид-

на также и цитадель. Но ни укрѣвленія ни цитадель, эти грозныя твердыни, не производятъ съ мѣста наблюденія никакого впечатлѣнія; гораздо больше бросается въ глаза городъ, раскинувшійся у подножья горъ, съ его крупными зданіями и правильными улицами, совершенно необычными въ людскихъ поселеніяхъ Карсской области, большая часть которыхъ преднамѣренно построена такъ, чтобы не было никакого порядка, а дома казались бы каменными кучами съ насыпанными на нихъ земляными буграми.

По мѣрѣ спуска со склоновъ М. Ягновъ начинаютъ появляться хлѣбныя поля и замѣмъ, когда дорога сходитъ на почти ровное мѣсто, простирающееся до самого города, пашни съ засѣянными хлѣбомъ прерываются только полями подъ зеленымъ паромъ, заросшими высокой травой, со множествомъ щавеля и сплошными зарослями цвѣтущихъ растеній изъ сем. крестоцвѣтныхъ. Близость города становится замѣтной по бродящимъ тамъ и сямъ кучкамъ людей, занятыхъ собираніемъ съѣдобныхъ травъ, которыми они набиваютъ себѣ фартуки и мѣшки; сгорбленные подъ ихъ тяжестью, они тянутся въ городъ по дорогѣ и тропинкамъ. Вскорѣ дорога подходит къ форту, расположенному на холмикѣ, а изъ-за него показывается вокзалъ, съ его обычнымъ шумомъ и дѣятельностью, и наконецъ, въѣзжаешь въ городъ, хоть и небольшой, но тѣмъ не менѣе совершенно отличный по укладу своей жизни отъ тѣхъ деревенскихъ картинъ, среди которыхъ мнѣ пришлось пробыть почти непрерывно съ 26-го марта по 29-е мая.

В. Дьвицкій.

ОТДѢЛЪ II.

Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Наурской, Терской области *).

Главная роль въ бытѣ наурцевъ въ области эстетическаго удовольствія принадлежитъ музыкѣ и пѣнію. Музыку наурцы очень любятъ.

Въ станицѣ существуютъ духовой и струнный оркестры. Самыми распространенными изъ духовыхъ инструментовъ являются: корнетъ, кларнетъ, флейта, баритонъ, тромбонъ, зурна, свирель, дудки разныя; струнные инструменты распространены слѣдующія: скрипка, гитара, балалайка, мандолина, цитра и др.; изъ ударныхъ—литавры, бубны, барабанъ.

Пѣсни, поющіяся наурцами, почти всѣ хоровыя; одногласныя встрѣчаются рѣдко, а хороводныхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ казачьи станичныя пѣсни поются на родственные другъ другу мотивы. Последніе довольно своеобразны и оригинальны. Они ничега общаго не имѣютъ, напр. съ сѣверно-русскими общими пѣснями или съ мотивами, напр., современныхъ романсовъ. Текстъ пѣсни во время пѣнія обыкновенно растягивается и удлиняется, причемъ онъ принимаетъ множество частицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ смыслу. Вставочными частицами въ большинствѣ случаевъ бываетъ: ой, ай, дѣлалай, гей, овсеныса, ой-да, та-ли и т. п. Иногда мотивъ пѣсни усна-

*) См. статью того же автора „Станица Наурская, Терской области, Сб. мат. в. XXXIII, о. II, стр. 102 и ст. В. Пятирублева „Станица Наурская, Грозненскаго округа“, в. XV, о. I, стр. 141.

щается обильными повторениями отдельных стиховъ, словъ и даже слоговъ. Въ произношеніи словъ иногда встрѣчаются большія измѣненія; въ данномъ случаѣ наурцы, какъ нельзя лучше, оправдываютъ свою всегдашнюю поговорку: „языкъ — не быкъ: какъ захочешь, такъ и поворишь“.

Измѣненія въ произношеніи словъ особенно часто встрѣчаются въ области гласныхъ звуковъ (моего-маво); измѣненія же въ области согласныхъ встрѣчаются только съ шипящими: ж, ч, ш, щ и нѣкоторыми губными. Окончаніе „щій“ въ говорѣ наурцевъ почти всегда слышится какъ „шшій“ (работяшшій и т. п.); „все“ слышится въ произношеніи какъ „фсе“ и т. п. Подобныхъ фонетическихъ особенностей въ говорѣ наурцевъ очень много, но я при записываніи текста пѣсень буду держаться общепринятой орфографіи.

Многія пѣсни (свадебныя, бытовыя, военныя), поющіяся въ ст. Наурской, уже помѣщены въ „Сборникъ матеріаловъ по описанію мѣстностей и племенъ Кавказа“; мнѣ извѣстны мотивы лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ; эти мотивы я и имѣю цѣлью сообщить въ настоящемъ своемъ очеркѣ. Мотивы нѣкоторыхъ пѣсень тоже напечатаны въ „Сборникѣ“, но ихъ я не касаюсь, развѣ только вариантовъ ихъ.

Свадебныя пѣсни.

Изъ бытовыхъ пѣсень особеннаго вниманія заслуживаютъ свадебныя. Свадьба въ казачьемъ быту составляетъ весьма важное событіе, поэтому у наурцевъ особенно много пѣсень поется во время совершенія разныхъ обрядностей и церемоній при свадьбѣ.

Послѣ того какъ между молодыми парнемъ и дѣвушкой состоится соглашеніе соединиться узами брака, въ домѣ невѣсты подруги устраиваютъ дѣвичникъ. На увеселеніе собираются родственники и подруги невѣсты, послѣ чего товарищи и родня жениха, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обряд-

ностей, тоже готовятся идти къ невѣстѣ. Женихъ идетъ впереди всѣхъ. Женщины-родственницы и товарищи жениха поютъ на улицѣ:

1. Слова въ „Сборн. мат.“ вып XV, стр. 145, (напѣвъ № 1).

Послѣ этой пѣсни мужчины въ отдѣльности поютъ обще-извѣстную русскую пѣсню: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Поется она на общеупотребительный мотивъ, но казаки дѣлаютъ въ ней все-таки кое-какія измѣненія на свой ладъ, подъ общій характеръ казачьихъ пѣсень. Кромѣ этой пѣсни, дорогою до двора невѣсты мужчины и женщины поютъ „Выйду я на гору“ (слова въ вып. XV, стр. 170) и „Какъ на горѣ жито“ (стр. 172); обѣ эти пѣсни поются подъ одинъ напѣвъ (№ 2).

Потомъ мужчины смѣняютъ женщинъ; она поютъ различныя пѣсни, приуроченныя къ данной обрядности, т. е. къ дѣвичнику. Передъ дворомъ невѣсты парни поютъ „Ой, вы сѣни, мои сѣни“ (вып. XV, стр. 147) на общерусскій мотивъ, а женщины во дворѣ невѣсты въ это же время начинаютъ пѣсню „Селеникъ-меленикъ“ (вып. XV, стр. 148); поется она на мотивъ № 3.

Въ сторонѣ отъ замужнихъ женщинъ дѣвушки поютъ:

2. Въ саду дѣвушка гуляла,
Со травы цвѣточки рвали,
Вѣвочки плели:
На вѣнкахъ онѣ гадали,
Въ быстрый Терекъ ихъ пускали:
Чей вѣвочекъ поплыветъ,
Ту и милый вспоминаетъ.
— А мой вѣвочекъ утонулъ,
Вѣрно милый обманулъ.

Послѣ дѣвушекъ замужнія женщины обращаются къ жениху и поютъ:

3. Охъ ты, голубъ мой, голубъ сизенькй,
Голубъ сизенькй, сизокрыленькй,
Ужъ и гдѣ ты, голубъ, былъ,
Гдѣ, голубчикъ, побывалъ?

Товарищи жениха подхватываютъ:

4. Ужъ я былъ-побывалъ,
Былъ у душеньки, у Катюшеньки.

Женщины: „Да и чѣмъ тебя, голубъ,
Катя потчивала?

Товар. жениха: Меня Батя виномъ,
Васильевна чихиремъ“.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ перекиваний изъ дома
выходитъ съ родителями сама невѣства; она поетъ:

5. Я во садикъ была
Въ зеленомъ гуляла;
Я казинушку ломала,
Въ пучечки вязала.

Продолженіе въ вып. XV, стр. 150 (№ 4).

Вслѣдъ за невѣстой поютъ ея подруги (напѣвъ № 5):

6. Выйду-ль я изъ гореньки,
Посмотрю на зорепьку:
Не идетъ ли мой сердечный
Сердечный другъ прежній.
Мимо горницы прошелъ
И въ окошко не взглянулъ,
А на этомъ на окошкѣ
Были два предмета:
Первый предметъ не увидѣлъ—
Винограда вѣтку,
Второй предметъ не увидѣлъ—
Соловья и клѣтку.

Соловей мой, соловей,
Банареечка моя,
Ты спой пѣсеньку свою
Про плохую жизнь мою.
Охъ, болить мое сердечко,
Я не знаю, какъ и быть:
Чи дружка забыть, погннуть,
Чи другого полюбить.
Если бъ я дружка не знала,
Съ нимъ знакома не была,
Мое бъ сердце не страдало,
Я бъ спокойнѣе жила.
Скажи, моя милая,
Съ какихъ поръ любишь меня?
— „Съ тѣхъ поръ я люблю тебя,
Какъ въ саду гуляла.
Я во садикъ гуляла,
Два яблочка сорвала,
Одинъ изъ нихъ раскусила—
Тебя, милый, полюбила“.

Послѣ пѣнія этой пѣсни и др. подобныхъ женихъ и его товарищи входятъ во дворъ невѣсты и подходятъ къ крыльцу.

Невѣста же и подруги входятъ въ домъ и запираютъ за собою сѣни; здѣсь онѣ поютъ пріуроченныя къ данному моменту пѣсни (см. „Сборникъ“ вып. XV). Между прочимъ, невѣста одна или съ помощью двухъ-трехъ подругъ поетъ:

7. Выйду я на Терекъ, на песокъ,
И спущу съ головушки вѣнокъ:
Тонетъ ли, не тонетъ мой вѣнокъ,
Тужить ли, не тужить мой дружокъ

На чужой далекой сторонушкѣ,
Въ Великомъ славномъ Новѣгородѣ,
Во матушкѣ, во Россеюшкѣ?
Сталъ по Тереку вѣночекъ мой всплывать,
Самъ меня мой милый вспоминать
На чужой далекой сторонѣ,
Въ Великомъ славномъ Новѣгородѣ,
Во матушкѣ, во Россеюшкѣ.

Товарищи жениха поютъ у крыльца (напѣвъ № 5):

8. Шелъ милый по бережку,
Шелъ милый по крутому—
Терекомъ-рѣкою:
Ой переходъ милый искалъ—
Переходъ милый искалъ.
Шапочка пуховая,
Черкесочка новая
На немъ—бѣлевая
(Ой) перва-лучшаго сукна.
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тонкую
Ее надъ водою,
И вдоль по жердочкѣ пошелъ.
Жердочка сломилася,
Шапочка свалилася
Съ его русыхъ волосъ,
Съ его буйной головы.
Увидала дѣвица,
Увидала красная
Его изъ окошка,
Съ высокаго терема.

Брала ведры дѣвица,
Брала коромыслица,
Ко рѣкѣ сбѣжала,
Парню помощь подала.

Ахъ ты мой, казаченька,
Ахъ ты мой, молоденькій,
Я въ тебя влюбилась,
Выйду замужъ за тебя.

Выходила дѣвица,
Выходила красная
За добраго молодца
Вышла замужъ за него.

Послѣ нѣкоторыхъ обрядностей (вып. XV, стр. 152) жениха съ товарищами впускаютъ въ домъ, и здѣсь молодежь остается веселится, а старики и старухи уходятъ.

На дѣвичникѣ парни и дѣвушки веселятся, играютъ, поютъ, ѣдятъ, поютъ пѣсни; пѣсни бываютъ разнообразнаго содержанія, но въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣтъ цѣлью восхвалить жениха и невѣсту, обрисовать ихъ будущую жизнь; между прочимъ, поютъ здѣсь и пѣсню „Какъ на дубчикѣ“, напечатанную на страницахъ Сборника въ вып. XV, стр. 184. (напѣвъ № 6).

Послѣ нѣкотораго времени приходятъ на дѣвичникъ пожилые родственники жениха и невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ женихъ и невѣста въ сопровожденіи другой молодежи; старики и молодые начинаютъ пѣть въ перемежку: „Ужъ ты, голубь мой“, а потомъ вмѣстѣ подхватываютъ новую пѣсню:

9. Слова въ вып. XV, стр. 233 (напѣвъ № 7).

Съ приходомъ на дѣвичникъ стариковъ-родственниковъ жениха и невѣсты накрываютъ столъ и всѣ усаживаются.

Среди наурцевъ принято первые тосты при всякихъ увеселеніяхъ пить за здоровье Царствующаго Дома. Всѣ мужчины наливаютъ полные бокалы, встаютъ и поютъ:

10. Выпьемъ первый бокаль
За здоровье Царя!
Онъ, родимый, удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря.
Ура! Ура! Ура!
А второй-то бокаль
За хозяйку его,
Что бѣ непослалъ Богъ
На счастье всего.
Ура! ура! ура!
А ужъ третій бокаль
За сына-молодца—
Чтобы росъ да мужалъ
Цѣлый вѣкъ, безъ конца!
Ура! ура! ура!
А четвертый бокаль
Наливай черезъ край,
Будемъ пить до конца
За родимый нашъ край!
Ура! ура! ура!

Послѣ каждаго тоста наступаетъ пауза, во время которой всѣ опорожняють свои бокалы и снова ихъ наполняютъ. Потомъ идутъ тосты за жениха, невѣсту и многочисленныхъ родственниковъ и гостей. Скоро молодые отдѣляются отъ стариковъ и образуютъ свой столъ. Начинается пѣніе; поютъ сначала однѣ дѣвушки:

11. По улицѣ мостовой,
По широкой столбовой
Шла казачка за водой,
За холодной ключевой;
За ней парень молодой,

Неженатый-холостой;
Кричитъ: „Дѣвица, стой!
На единый часокъ, красавица, обожди“.
— Ужъ ты, парень молодой,
Въ тебѣ разумъ ще глупой;
Не кричи на весь народъ:
Мой папаша у воротъ,
Зоветь меня въ огородъ
Чесночку-лучку полоть.

Вслѣдъ за дѣвушками старики поютъ:

12. „Балинушку“. Слова въ вып. VII, стр. 93 (напѣвъ № 8).

Поздно ночью дѣвичникъ оканчивается; всѣ старики расходятся по домамъ, а молодежь остается еще, чтобы потанцевать.

Въ день свадьбы бываетъ выкупъ невѣсты (стр. 154, вып. XV) и благословеніе, прежде чѣмъ молодымъ идти въ церковь.

По уходѣ жениха и невѣсты въ церковь для вѣнчанія (ихъ сопровождаютъ товарищи жениха и подружки невѣсты) женщины-родственницы какъ съ той, такъ и съ другой стороны и нѣкоторые изъ пожилыхъ мужчинъ забираютъ приданое невѣсты и несутъ его съ крикомъ и пѣснями въ домъ жениха, при чемъ дорогою поютъ:

13. Слова въ вып. XV, стр. 156 (напѣвъ № 9).

При пѣвнн этой пѣснн въ концѣ каждаго куплета перины и подушки подбрасываются на воздухъ съ выкрикиваніемъ: „ай“.

Дорогою же поютъ и „Терень, терень зеленой“, помѣщенную на 167 стр. „Сборника“ вып. XV. Эту пѣсню поютъ обыкновенно на Троицу. Въ данный моментъ тоже, какъ и на Троицу впереди процессіи бѣжать наряженные мальчикъ и дѣвочка въ лохмотьяхъ. Напѣвъ пѣсни такой же, какъ

и „Селенигъ-меленигъ“ (см. выше), только темпъ значительно ускоряется и нѣкоторыя четвертныя ноты переходять въ двѣ восьмыхъ.

Придя съ приданымъ въ домъ жениха, женщины поютъ (напѣвъ № 10):

14. Да вы, куры мои—
Буры да вы кочеточки!
Красны на васъ гребешочки!
Да зачѣмъ-то зачѣмъ,
Буры, рано провричали,
Милому вы спать не давали.

Бытовья пѣсни.

1. Не бѣлая березонька съ березкой свивалась,
Не кудрявая къ землѣ приклонялась,
Не сизой-то голубь съ голубкой слетались—
Молодой парень съ дѣвушкой свыкались.
Совыкались-то они ровно три годочка,
Разставались-то они только три часочка,
Совыканьце у нихъ было подъ бѣлой березой,
Разставаньце у нихъ было подъ горькой осинной;
Совыканьце у нихъ было тайно,
Разставаньце у нихъ было явно.

2. Акъ ты, дѣвка, дѣвка красная,
Не ходи, дѣвка, молода замужъ,
Ты спроси дѣвка отца-матери,
Отца-матери, роду-племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданаго.

3. Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой,
Грустно, грустно разставаться,
Грустно будто бы съ душой;
Буде лучше меня найдешь—
 Позабудешь;
Если хуже меня найдешь—
 Вспомянешь.
-
4. Не велять дѣвушкамъ за рѣченьку ходить,
Не велять красной молодчика любить,
А не даромъ парень къ дѣвушкамъ ходилъ:
Дорогой онъ ей платочекъ подарилъ.
По садочку дорожка пролегла...
Кто жъ дорожку-ту по травѣ проторилъ?
Виновата въ этомъ дѣвушка была,
Да и холостъ парень къ дѣвушкамъ ходилъ.
Не велять дѣвицѣ за рѣченьку ходить,
Не велять красной молодчика любить,
А у дѣвушки заплаканы глаза,
А и долюшка у дѣвушекъ горька.
-
5. Скрылось солнце за горою,
Стоитъ казачка у воротъ
И въ дальній путь глядитъ съ тоскою
И льются слезы изъ очей.
— О чемъ, о чемъ, казачка, плачешь,
О чемъ, голубушка, грустишь?
— „Одна бѣда всему виною:
Велять мнѣ милаго забыть.
Но нѣтъ! его я не забуду,
Онъ къ намъ на родину придетъ,

Въ живыхъ меня онъ не застанеть,
Тоска во гробъ меня сведеть“.

А мать казачку утѣшала:

„Не плачь, родная дочь моя,
Тебѣ женихъ уже готовый;
Ты будешь въ золотѣ ходить,
Собою онъ статный, бравый,
И ты должна его любить“.

— Я буду, маменька, покорна,
Исполню это для тебя,
Потомъ ты будешь виновата,
Несчастной сдѣлавши меня.

Поутру съ горькими слезами,
Ведутъ казачку подъ вѣнецъ,
Она дрожащими руками
Себѣ назначила конецъ.

Казакъ промчался въ чистомъ полѣ
На ворономъ своемъ конѣ,
Съ другой казачкой обвинчался
Въ своей родимой сторонѣ.

6. Какъ въ полѣ верба,

Подъ вербою вода—

Дѣвчочка воду брала
Сама-собою молода.

— Ты, дѣвчочка моя,
Моего напой коня.

— „Не великій и ты панъ,
Ты напоишь коня самъ“.

— Ты, дѣвчочка моя.

Моего сѣдай коня—

Мы поѣдемъ въ ту кранву,
До моего до двора,

— „У твоего у двора
Нѣтъ ни хаты ни кола,
Только выросла калина
И та давно не цвѣла“.

— Ты, калинушка моя,
Что жъ ты давно не цвѣла?

— „Зима была съ морозами—
Оттого я не цвѣла“.

— Ты, дѣвчочка моя,
Зачѣмъ замужъ не пошла?

— „Всю станицу псходила,
Себѣ друга не нашла;
Ты жъ, казачекъ молодой
Зачѣмъ долго не женать?“

-- Я во службѣ просрочился—
Затѣмъ долго не женать.

-
7. Прощайте, ласковые взоры;
Прощай, мой милый, дорогой;
Раздѣлять насъ долины, горы:
Врозь будемъ жить тецерь съ тобой.
Прольются слезы поневолѣ,
Когда пробьетъ разлукн часъ;
Одна останусь въ чистомъ полѣ,
Улыбка скроется отъ глазъ.
Отдалъ кольцо тебѣ я въ руки,
Скажу: „прощай, любезный мой,
Ты сохрани его въ разлукѣ
И принеси его домой“
— Не плачь! услышь мои моленья!
Богъ дастъ, увидимся оцять,
Оцять пойдемъ по воскресеньямъ

Съ тобой въ зеленый садъ гулять;
Въ зеленомъ садикѣ прекрасномъ,
Тамъ, на возвышенномъ холмѣ,
Гдѣ на горѣ — счастливой, ясной
Склонялась ты на грудь ко мнѣ.

8. Дорогіе денечки проходятъ—
Скрылось солнышко изъ глазъ;
Нѣтъ веселья ни на часъ.
Во слезахъ млада заснула,
Друга видѣла во снѣ:
Будто милый другъ почтенный
Разлюбилъ меня совсѣмъ;
Пробуждаюсь я въ тоскѣ.
Я съ той тоски-бручинушки
Пойду млада, прохожуся,
Не найду ли ручеекъ?
На томъ мѣстѣ становлюся,
Здѣсь умоюся, утруся,
Нарумянюсь, набѣлюся,
Сама себя украшу
И въ зеркальце погляжу:
Что, счастливъ ли выходъ мой?....
Стоялъ милый предо мной,
Разговаривалъ со мной:
— „Подарю тебѣ колечко,
А на шею алу шаль“.
— Не дари меня дарами,
Подарися самъ собой,
Что бь я сердцемъ не страдала.
Жизнь покойнѣе бь была.
-

9. Слова въ вып. XV, стр. 174 (напѣвъ № 11).

10. Собрался казакъ на службу,
Прощался съ женой:
Прощай, жена молодая,
Будешь ли вѣрна?
— „Вѣрна буду до могилы“,
Сказала жена.
Три года казакъ на службѣ;
Онъ дрался съ врагомъ,
Сражалъ казакъ супостата
Копьемъ и мечомъ.
Окончивши, казакъ, службу,
Поѣхалъ домой,
Навстрѣчь ему по дорогѣ
Родитель родной:
„Здоровъ, здоровъ, мой сыночекъ,
Здоровъ, сынъ родной,
Съ болючею тебя раной,
Съ крестомъ золотымъ.
При твоёмъ сынокъ отъѣздѣ
Случилась бѣда:
Жена твоя молодая
Сынка родила“.
Сынъ отцу тогда ни слова,
Поѣхалъ домой,
Зашелъ, Богу помолился,
Иконамъ святымъ;
А еще онъ поклонился
Матери родной.
Мать его сидитъ на лавкѣ,
Сама во слезахъ,

Жена его молодая
 Лежить во ногахъ;
Мать сына тогда просила:
 „Прости, сынъ, женѣ“.
— Тебѣ, маменька, прощаю,
 Женѣ никогда!
Заблестѣла востра шашка
 Въ рукахъ казака,
Покатилась съ плечъ головка
 Съ невѣрной жены...
Остается сынъ-малютка
 Круглый сирота (напѣвъ № 12).

11. Ты глубоко его полюбила,
Ты все счастье ему отдала,
Какъ цвѣтокъ ароматный весною
Для него одного разцвѣла. } 2 раза.
 Онъ поклялся любить тебя вѣчно,
 Какъ игрушку тебя онъ разбилъ,
 Надъ тобой насмѣялся безпечно
 И, смѣясь, твою жизнь загубилъ.
И какъ срѣзанный колосъ ты пала
Подъ его безопаднымъ серпомъ;
Ты его, погибая, ласкала,
Умирая, молилась о немъ.
 И ты такъ, умирая, молила:
 „О, приди, повидайся со мной“,
 Но, другую безумно лаская,
 Онъ смѣялся тогда надъ тобой.
Вотъ могила твоя одинока,
Онъ молиться надъ ней не придетъ,

Въ полдень жаркое солнце высоко
Надъ крестомъ твоимъ бѣлымъ взойдетъ
.....
(напѣвъ № 13).

12. Не вчера ли въ хороводѣ
Ты со мной, дружокъ, гулялъ?
Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?
 А сегодня ты коварный
 Про меня ужъ позабылъ
 И другую за богатство
 Ты, невѣрный, любилъ.
Я не такъ, дружокъ, богата,
Какъ соперница моя:
Нѣтъ ни жемчуга ни злата,
Но неужель безъ сердца я.
 Веселись, про то я знаю,
 Веселись, мой дружокъ,
 Веселись, а я страдаю—
 Земля отплатить, отомстить Богъ.
Я жъ люблю тебя, сердечный,
Буду вѣкъ тебя любить:
Бто полюбить, тотъ, конечно,
Уже не въ силахъ разлюбить (напѣвъ № 14).

13. Чтѣ ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.
 Сквозь румянецъ твоей щечки алой
 Пробивается легкій пушокъ,
 Изъ-подъ бровки твоей полукруглой
 Смотрить бойкій лукавый глазокъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ—
На тебя, подбоченясь красиво, -
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь;
Вьется алая лента
Въ волосахъ твоихъ темныхъ, какъ ночь.

(напѣвъ № 15)

14. Кольцо души дѣвицы

Я въ море уронилъ,
И съ тѣмъ кольцомъ все счастье
Земное погубилъ.

Съ тѣхъ поръ мы, какъ чужіе:

Приду къ ней—не глядитъ.

Съ тѣхъ поръ мое веселье

На днѣ морскомъ лежитъ, и т. д.

(напѣвъ № 16).

Стих. Жуковского.

15. Прекрасна Божія заря,

Она на радость намъ дана;

Ты, милый другъ, взгляни вокругъ:

Встаетъ заря—проснется мать.

Не проклинай ты, мать моя,

Не проклинай ты дочь свою:

Вѣдь ты стара, вѣдь ты сѣда,

А я стройна и молода;

Я жить хочу, я жизнь люблю,

А жизнь на радость намъ дана.

16. Запрягу я тройку борзыхъ,
Темныхъ карихъ лошадей
И помчуся въ ночь морозну
Прямо къ милочкѣ своей.
По привычкѣ кони знаютъ,
Гдѣ сударушка живетъ,
Сягъ копытами взбиваютъ,
Ящичкъ пѣсенки поетъ:
Эй! вы, други дорогіе,
Мчитесь совола быстрѣй,
Не теряйте добрыхъ дней—
Ихъ немного въ жизни сей.
Пока сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить,
Пока кудри въ кольца вьются —
Будемъ дѣвушекъ любить.

17. Ночь тиха. Лови минуты!
А стѣна тюрьмы крѣпка:
У воротъ ея замкнуты
Два тяжелые замка.
И блеститъ вдоль коридора
Огонекъ сторожевой,
И, звеня о шпору шпорой.
Ходитъ мѣрно часовой.
— Часовой! — Чтѣ, баринъ, надо?
Притворись, какъ будто спишь,
Я же вмигъ черезъ ограду
Тѣнью быстрою промчусь,
Край родной провѣдать надо,
Жену, дѣтей расцѣловать,
А потомъ ужъ въ лѣсъ зеленый,
Въ лѣсъ зеленый умирать.

—Радъ помочь, куда не шло-бы!
Развѣ нѣтъ у насъ ружья—
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюсь я ваторжья.

Отдадутъ подъ судъ военный
Или въ ваторгу сошлютъ,
Или трупъ окровавленный
На кладбище повезутъ (напѣвъ № 17).

-
18. Не пей вина, голубчикъ мой,
И не шатайся по трактирамъ;
Ты формуляръ загадишь свой,
Родное имя обезславишь!
Не пей, не пей, не пей вина,
Голубчикъ мой!
Не пей вина, ты все пропьешь
И безъ рубашки насъ оставишь;
Жену, дѣтей ты въ гробъ сведешь,
Или пошлешь кормиться міромъ.
Не пей, не пей вина—
Ты все пропьешь!
Не пей вина, сынокъ растеть
И въ десять лѣтъ читать не знаетъ;
Онъ говоритъ: „Отецъ мой пьетъ,
А мать его не уважаетъ“.
Не пей, не пей, не пей вина—
Сынокъ растеть!
А я, смотри, хоть молода,
Но за работой постарѣла,
Тебя любила я всегда,
А нынче сердце охладѣло.

Не пей, не пей, не пей вина,
Голубчикъ мой! (напѣвъ № 18).

19. Бѣдный прапорщикъ армейскій
Сталъ ухаживать за мной:
Мое сердце разгорѣлось
Къ нему страстью роковой;
Моя маменька узнала,
Что онъ свататься не прочь,
И, призвавъ къ себѣ, сказала:
„Слушай, миленькая дочь,
Бѣдный прапорщикъ армейскій
Хочетъ тебя обмануть,
Отъ его руки злодѣйской
Трудно будетъ ускользнуть“...
— Нѣтъ ни сахару ни чаю,
Нѣтъ ни пива ни вина!
Вотъ тогда-то я узнала,
Что я бѣднаго жена (напѣвъ № 19)
-

20. Мазай Настенькой плѣнился,
Онъ лестилъ ее казной,
Разложилъ онъ миллионы —
Много злата-серебра.
Разожегъ онъ ея сердце,
Та сказала: „Вся твоя“.
— Съ милымъ въ рожицѣ гуляла
И всю ночьку провела...
Чай пила я, сладко ѣла
И ходила при часахъ;
На мнѣ кольца золотыя
И браслеты на рубахъ...

— Мы съ тобой, милый, гуляемъ,
А твоя дома жена,
Тяжелехонько вздыхаетъ,
Слезно плачется она.
— „Ты умрешь, Настя, въ обманѣ,
Пострадаешь чрезъ меня:
Жена тысячи теряетъ,
Погубить хочетъ тебя.“
— На мнѣ платье шумить вихремъ
И бурнусъ по саму земь....
Подъ кусточкомъ жизнь теряла,
Сердце кровью облилось.....

* * *
Мазай узналъ, всплеснулъ руками,
Люди начали кричать...
И мой милый, другъ любимый
Въ Терекъ бросился искать (напѣвъ № 20).

Происхожденіе этой пѣсни таково:

Нѣкто молоканинъ Мазаевъ, землевладѣлецъ, богачъ, (живетъ въ отдѣльномъ хуторѣ противъ Наура, по ту сторону Терека) влюбился въ свою горничную Настю, дѣвushку рѣдкой красоты, на которую тратилъ большія деньги. Укоры жены не дѣйствовали на Мазаева, и онъ продолжалъ жить по-прежнему. Но вотъ въ головѣ жены Мазаева созрѣлъ планъ мести. При помощи подкупленныхъ людей связала она Настю, привязала къ шеѣ тяжелый камень и бросила въ Терекъ. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ злополучной Насти, рѣшили искать ее еще въ Терекѣ. Долго ее искали рыбаки при помощи своихъ рыболовныхъ снастей на днѣ рѣчномъ, наконецъ нашли совершенно обезображенный трупъ.

Немного спустя, появилась и пѣсня, которую въ свое время пѣлъ каждый улчный мальчикъ.

21. Пропала надія, забылося сердце,
Заплакалы очи мой:
Любывъ я дивчynu, тай та изминыла.
Ой, горенько въ свити минни!
Колы бь вона знала любовь мою шыру,
Она бь не цуралась минне,
Любыла бь, бохала, якъ маты дитыну,
Ще бь сердце минни оддала.
Она тамъ далеко съ другымы гарцуе,
Про мене забыла згадать,
А я сиротина сыжу да сумую—
Не мало прійдется страдать.
Верныся серденько, верныся голубко,
Возрадуј минне хотя разъ;
Хоть очи заплачуть, хоть руки обнимуть,
Хоть сердце забьется въ минни (напѣвъ № 21).
-

22. Гей пидь горою, пидь перевозомъ
Стояла дивчыпа съ своимъ обозомъ.
Казакъ дивчynu зостривъ зъ бандурой:
— Добрый днь, Гапко, ягъ соби маешь,
Позычь въ (sic!) бандуры, що сама граешь.
— „Ходы, казаче, до моей хаты,
Тоби дамъ бандуру увись днь граты“.
Казакъ послухавъ, пійшовъ до хаты,
Тай почавъ съ Гапкой винъ танцуваты.
— „Ой, маты, маты, казакъ у хаты;
Все винъ гарцуе, не даетъ спаты,“.
— Гей, доню, доню, не будь дурною,

Бій яго, голубко, хоть кочиргою.
— „Боюся, маты, щобъ не плакаты;
Ой, звелы, матинько, поціловаты“.
Ой, тай бандура, що наробыла—
Дивчына казака тай полюбыла.

23. Ой ты, дивчына, зарученая
Чего жъ ты ходышь замученая?
— О, якъ же мени смутній не быты:
Бого я люблю, трудно забыты.
Ой ты, дивчына, словами блудышь,
Сама не знаешь, кого ты любышь.
— Ой, знаю, знаю, кого кохаю,
Тольки не маю, съ кимъ жыты буду.
Ой ты, дивчына, чаровниченько,
Прычаровала мое серденько;
Прычаровала ты мою душу,
Теперь до тебе ходыты буду,
Ой ты, дивчына, чорныи очи,
И день все журишь и не спышь въ вочи;
Чорныи очи, прынадудалы,
Душу и тѣло вразъ оны взяли (напѣвъ № 22).

24. Бину кужиль на полицю,
Сама пиду на вулицю—
Нехай мыши въ кужиль трубать,
А я буду съ хлопцемъ гулять.
Въ охвыцера вдывылася,
А въ казака влюбылася:
Полюбыла гультя.
Така доля моя!
Полюбыла я Ивана,

Вышла замужъ за Романа,
Я жь думала кучерявый,—
А же чуба нема!
Хоть бы тришки, тришки, тришки
Булы кучеры—
Та вжешъ мини шолудивы
Не догучылы! (напѣвъ № 23).

25. Какъ весело въ полѣ, гдѣ птички поютъ,
Летаютъ по волѣ, пшеничку влютъ!
А тамъ на вершинѣ сидитъ соловей—
Вонъ тамъ на вершинѣ сидитъ соловей!
Тихонько идите, чтобъ онъ не слетѣлъ
И пѣсню хвалите, чтобъ дольше онъ пѣлъ!
Куда онъ дѣвался, куда онъ пропалъ?
Знать онъ испугался; зачѣмъ ты свисталъ?
(напѣвъ № 24).

26. Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою,
Прощаюсь съ счастьемъ моимъ!
Увы! я принужденъ судьбою
Подъ кровомъ неба жить одинъ.
Насталъ послѣдній часъ разлуки—
Прости, душа моя, прости—
Въ печали, въ горести и скукѣ
Я долженъ дни свои вести.
Заря меня не нарумянитъ,
Роса меня не освѣжитъ,
Лучъ солнца грѣтъ меня не станетъ
И ночь меня не усыпитъ.
На что же намъ слюбиться дали,
Бъ чему увидѣлъ я тебя?

На то ль, чтобъ дни твои въ печали,
Чтобъ вѣчно мучалъ я тебя!
Ахъ, вѣтъ, прости! я не жалью,
Что дни свои съ тобой гублю.
Пускай я отъ любви истлѣю,
Умру съ словами: „я люблю“.
Люблю, любить тебя я буду
Въ какой бы ни былъ я странѣ;
Тебя вовѣки не забуду,
Съ тобою здѣсь я и вездѣ (напѣвъ № 25).

27. Слова въ вып. XV, стр. 187 (напѣвъ № 26).

28. Слова въ вып. XV, стр. 183 (напѣвъ № 27).

29. Слова въ вып. XV, стр. 178 (напѣвъ № 28).

На этотъ же мотивъ поется и пѣсня „Дорогіе денечки
проходить“ (см. выше № 8). Троицкая пѣсня „Бурганъ, мой
курганчикъ“ (вып. XV, стр. 168) поется такъ же, какъ и
„Селеникъ-меленикъ“ или „Теревъ терень зеленой“.

30. Слова въ вып. XV, стр. 181 (напѣвъ № 29).

31. Гдѣ ты доля, моя доля,
Доля-долюшка моя?
Исходилъ бы, разспросилъ бы
Всѣ сторонки, всѣ края.
Али въ полѣ, при долинь,
Дикимъ розаномъ цвѣтешь?
Аль букушкою букушь?
Аль соловушкомъ поешь?

Али въ небѣ ты гуляешь
По летучимъ облакамъ
И расчесываешь вудри
Красну солнцу и звѣздамъ?
Но вибакъ не допытаюсь,
Не отыщу я тебя!
Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
Доля-долюшка моя? (напѣвъ № 30).

32. Слова въ вып. XV, стр. 317 (напѣвъ № 31).

33. Казакъ пьетъ: у казака деньги есть;
За нимъ мать его старушка идетъ,
Слезы льетъ:
Гой ты, сынъ мой, дѣтина мой,
Да не пей ты водочку бѣлую:
Ты сойдешь съ ума!
— Нѣтъ, я водочки напьюся,
Съ нея ума наберуся:
Не буду жить съ своей женой!

34. Мать съ сыномъ гуляла,
Мать сына пытала:
Скажи, скажи, мой сынокъ:
Кто изъ трехъ милѣ:
Или жена, или теща,
Или мать родная?
Слова въ вып. XV, стр. 265, съ 15 строки (напѣвъ № 8).

35. Слова въ вып. XV, стр. 189, пѣсня 5 (напѣвъ № 32).

36. Да горѣла горѣлочка—
Воску яраго свѣча!
Да ждала-ждала дѣвица
Удалого къ себѣ молодца.
Не дождавшись, красная
Ложилася спать одна,
А на утренней зоренькѣ
Вдоль по улицѣ милый прошелъ,
Да любимую пѣсенку
На свисточекъ ее просвисталъ:
— „Да ты спишь, лежишь, дѣвица,
На умѣ кого держишь?
— Нѣтъ, я спать не сплю, молодецъ,
На умѣ тебя держу:
Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, миленькій,
Поздно вечеръ ко мнѣ не пришелъ?
— „Да зачѣмъ, зачѣмъ, дѣвица:
Призамѣшкался въ дому,
Какъ съ ревнивою женушкой
Въ побраночкахъ съ нею былъ.
Мнѣ ревнивая женушка
Она сына вчера родила
И при вашей при бесѣдушкѣ
Незаконнымъ его назвала.
— Ужъ давно, давно миленькій,
Давно тебѣ я говорю:
Ты убей, убей, молодецъ,
Ты убей угрюмую жену!
Да ты, милый, храбрый молодецъ,
Ты убей, убей свою жену!
— „Ахъ, ты, глупая дѣвчоночка,
Неразумнаго отца ты дочь!
Мнѣ съ угрюмою женушкой

Цѣлый вѣкъ съ нею вѣковать,
А съ тобою, красна дѣвица,
Одну ночь только вочевать (напѣвъ № 33).

Множество пѣсень, поющихя въ Наурѣ, сложены самими паурцами или другими какими-нибудь личностями, известными среди казаковъ вообще. Слѣдующія три пѣсни сочинены урядникомъ Слодкинымъ, который убилъ изъ ревности свою жену. За преступленіе онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но умеръ во Владикавказскомъ военномъ госпиталѣ. Пѣсни написалъ онъ, будучи въ тюрьмѣ; всѣ три имѣютъ характеръ письма, обращеннаго къ женѣ, дочери и дѣвушкамъ.

Къ умершей женѣ.

37. Мой падшій ангелъ, спи спокойно
И не ропщи на жребій свой,
Ты по грѣхамъ своимъ достойно
(Моей погублена рукой).
Какъ ангелъ чистый, непорочный
Ты мнѣ вѣрна была пять лѣтъ;
Навѣрно, часъ пробилъ урочный,
И ты нарушила обѣтъ.
Тебѣ простить вину такую
Хотя хотѣлъ я, но не могъ,
И Бога заповѣдь шестую
Тогда невольно прибрегъ.
Я твой окончилъ путь грѣховный,
Въ началѣ зло искоренилъ
И, какъ преступникъ уголовный,
Въ награду цѣпи получилъ.
Въ неволѣ мнѣ хотя и трудно,

Но повинуюсь я судьбѣ;
Одно лишь въ жизни непріятно—
Грустить и плакать о тебѣ.

Къ дочери *)).

38. Еще въ младенчествѣ лишилась
Ты ласки матери своей,
Чужою грудью вскармилась:
Въ живыхъ ужъ нѣтъ семьи твоей!
Какъ возрастешь, тебя коснется
Людей правдивая молва,
И грусть на сердцѣ отзовется;
Тогда услышишь ты слова:
Что мать твоя давно въ могилѣ—
Моей погублена рукой,
Что я на каторгѣ въ Сибири
Живой страдаю подъ землей;
Тогда оставь свое жилище
И незамѣтно отъ людей
Иди на общее кладбище,
Къ могилѣ матери своей,
И тамъ въ виду предъ небесами
Отъ чистой пламенной души,
Поплакавъ горькими слезами,
Молитву теплую сверши.
И въ этомъ пламенномъ моленѣ
Ты не забудь молить Творца,
Что бѣ Онъ простилъ за прегрѣшенье
Твоего несчастнаго отца.

*) Эта пѣсня напечатана въ книгѣ Ржевускаго „Терцы“.

Къ дѣвицѣ.

39. Нѣтъ прелестнѣе дѣвицы
Ни въ красѣ ни въ добротѣ!
Пожалѣй меня въ темницѣ
Хоть при горькой нищетѣ.
Не суди меня такъ строго,
Обо мнѣ ты пожалѣй:
Мы идемъ по волѣ Бога
Всякъ дорогою своей.
Какъ я гнался за чинами,
Искалъ славы, орденовъ,
А теперь гремлю цѣпями
И въ Сибирь идти готовъ.
Тамъ я буду подъ землею
Рыться въ грудахъ золотыхъ,
Добывать буду киркою,
Но не буду воленъ въ нихъ.
Но, быть-можетъ, изъ той крошки,
Что добуду я киркой,
Носить будешь ты сережки
Или перстень дорогой.

40. Надъ Теребомъ садъ цвѣтетъ,
А въ саду дорожка;
На нее я все глядѣлъ,
Сидя у окошка.
Тамъ съ кувшиномъ за водой
Таня проходила,
Томный взоръ свой потупивъ,
Со мной говорила.
Таня, Таня, молвилъ я:

Будь моей женою:
Я люблю, любимъ ли я,
Милая, тобою?
Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой обвитое.
Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла,
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла.
Сладкій мигъ утрачу я,
Съ Теремомъ прощаюсь;
Ахъ нигдѣ ужъ, никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!

41. Прощай, Кавказъ, прощай, прекрасный,
Прощай ты, родина моя;
Навѣкъ остался я несчастный
И погибаю навсегда.
Меня дѣвчончка сгубила,
Я много денегъ промоталъ,
И за свое я поведенье
Въ Сибирь на каторгу попалъ:
Надѣнуть на руки браслеты,
Обрѣютъ правый мой високъ;
Не буду ѣсть я щи, котлеты,
А только хлѣбушекъ съ водой.

42. Ой у поля жыто
Копытамы сбыто:
Пидъ билою березою

Казачоѣ убытый;
Червоною китаечкой
Лычыѣ прыкрыто,
Тай прыкрыты ножки,
Ще прыкрыты ручки бѣлы,
Ще каріи очи.
Ой прышла дивчына
Съ карымы очамы,
Прыподняла китаечку,
Тай заголосыла.
Вотъ прышла другая,
Зовсимъ не такая,
Прыподняла китаечку,
Тай поціловала.
Вотъ прышла и третья
Изъ новыи хаты:
„Было бѣ тоби, вражій сыну,
Меня не кохаты,
Меня не любыты;
Теперь будешь, вражій сыну,
Въ сырой зими жыты.

43. Мамаша дочь бранила:
Зачѣмъ ты, дочь, грустна?
— Сама про то я знаю,
Въ кого я влюблена;
Люблю дружка милого,
Люблю его душой,
А онъ злодѣй смѣется,
Смѣется надо мной.
Не смѣйся, злой мучитель,
Не смѣйся надо мной:

Господь тебя накажетъ
Несчастною судьбой,
Коварною женой.

Поется эта пѣсня на мотивъ „Кольцо души дѣвицы“
(см. пѣсня № 16).

44. Куда, Ваня, ѣдешь,
Куда отъѣзжаешь,
На кого ты, Ваня,
Меня покидаешь?
— Да я ѣду, ѣду,
Въ дальнюю дорогу,
Тебя покидаю
Единому Богу (напѣвъ № 34).

45. Хасъ-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя,
Золотою казной я осыплю тебя;
Бѣдну саклю твою разукрашу кругомъ,
Стѣны въ ней обобью я персидскимъ ковромъ;
Галуномъ твой бешметъ по краямъ разошью,
И тебѣ пистолетъ свой завѣтный отдамъ;
Дамъ и шашку тебѣ съ дагестанскимъ клеймомъ
И лихого коня съ кабардинскимъ сѣдломъ (тавромъ);
Дамъ кинжалъ золотой и винтовку свою,
А за это за все ты отдай мнѣ жену:
Тихо было вездѣ, свѣтилъ мѣсяцъ златой,
Я вчера во саду былъ съ твоею женой;
Она мнѣ отдалась до послѣдняго дня
И Аллахомъ клялась, что не любить тебя.
Ты ужъ старъ, ты ужъ сѣдъ, ей съ тобой не
житье,

На зарѣ юныхъ лѣтъ ты погубишь ее.

— „Князь, рассказъ дивень твой, но напрасно мнѣ
рекъ:

Я съ моею женой васъ вдвоемъ подстерегъ.

Мѣсяць плылъ въ небесахъ; подъ чинарой густой

Вы сидѣли вдвоемъ передъ шумной рѣкой...

Береги, князь, казну и владѣй ею самъ,

А невѣрну жену тебѣ даромъ отдамъ;

Полюбуйся, пойди надъ невѣстой своей:

Спитъ съ кинжаломъ въ груди въ бѣдной сани
моей.

Я убилъ ее самъ, утопая въ слезахъ,

Поцѣлуй мой застылъ у нея на устахъ“.

Голосъ смолкъ старика и поникъ онъ головой,

Лишь шумѣла рѣка перекатной волной.

(напѣвъ № 35).

46. Только станеть смеркаться немножко,

Буду ждать, не пробьетъ ли звонокъ:

Приходи ко мнѣ, милая крошка,

Приходи посидѣть вечерокъ.

Засвѣчу передъ зеркаломъ свѣчи,

Расстоплю я каминъ добѣла,

Буду слушать веселыя рѣчи,

Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила.

На зарѣ осторожной рукою

Твой платокъ я узломъ повяжу

И вдоль стѣнъ, освѣщенныхъ луною,

Я тебя до воротъ провожу (напѣвъ № 36).

47. Я вефөръ съ мплымъ повидалася,

Золотымъ кольцомъ помѣнялася;

Онъ держалъ мою ручку правую,
Цѣловалъ мою щечку алую:
— Не цѣлуй меня, не упрасивай,
Не хочешь любить, не обманывай!
— Когда я любилъ, я счастливый былъ,
Любить пересталъ, разнесчастный сталъ.

Разнесчастный сталъ
И въ тюрьму попалъ;
Я въ тюрьмѣ сижу,
Въ окошко гляжу:
Не идетъ ли кто,
Не несетъ ли что?
Тамъ-то шла-прошла
Любовь прежняя,
А въ рукахъ несла
Цвѣты алые.
Какъ къ тюрьмѣ-то шла,
Все смѣялася,
А тюрьму прошла
Слезно плакала (напѣвъ № 37).

48. Темный лѣсъ, крутыя горы
Разлучать на долго насъ.
Ахъ, о чемъ ты, дѣва, плачешь
И вздыхаешь тяжело?
Или тебѣ дружка жалко?
Забывай ты про него.
— Я тогда дружка забуду,
Какъ закроются глаза.
Глаза мои закроются,
Я не буду вѣкъ видать;
Руки мои отнимутся,

Я не буду обнимать;
Уста мои запекутся,
Я не буду цѣловать.
Вырывайте мнѣ могилу
Во зеленомъ во саду,
Гдѣ я съ миленькимъ гуляла,
На моемъ частомъ слѣду.
Одна я розочку садила,
Одна я буду поливать,
Я одна дружка любила,
Одна и буду забывать (напѣвъ № 38).

49. Загоралась въ полѣ ковылка,
Замирало у молодца сердце,
На чужую жену-шельму глядя.
Чужи жены хороши-пригожи,
Моя жена-стерва некорыстна,
На работу она не завистна.
Люди въ поле, моя жена дома,
Дома-дома, будто нездорова,
Полюбила парня молодова.
Ходи, Дуня, ходи хорошенько,
Носи, Дуня, платьице бѣленько,
А на ножкахъ чулки, полсапожки!
(напѣвъ № 39).

50. Ни на что я ни взидала,
Какъ на этотъ большой домъ;
Не по комъ я не страдала,
Какъ по миленькомъ своемъ.
Милъ уѣхалъ, меня бросилъ,
Дочь-малютка на рубахъ;

Да возьму я ту малютку,
Понесу къ сестрѣ родной.
Ты, сестрица, мать родная,
Воспитай мое дитя,
А я выйду на крылечко,
Посмотрю своего дружка.
Я не долго тамъ стояла:
Гляжу—миленькій идетъ,
Бросилась къ нему на груди,
Назвала его дружкомъ.
— Не зови меня дружочкомъ,
Я теперя другъ не твой,
Я теперя другъ не твой—
Я женился на другой.
Я женился, перемѣнился,
Не въ по праву жену взялъ—
Не по праву, не по мысли,
Не по сердцу своему.
Гдѣ мой миленькій гулялъ,
Тамъ цвѣточекъ выросталъ;
Я сорву этотъ цвѣточекъ,
Посажу передъ окномъ.
Тамъ я часто вечерами
Все сидѣла съ нимъ вдвоемъ,
Улещала милый словами,
А я вѣрила ему.
Пойду млада утоплюся
Супротивъ его дворца,
Пускай миленькій посмотритъ,
Какъ я буду утопать (напѣвъ № 40).

51. Кругомъ, кругомъ осиротѣла,
Кругомъ я стала сиротой;
Съ тобой все счастье улетѣло,
Но ты не вернешься назадъ;
Вернись, вернись, мой ненаглядный,
Вернись къ дѣвчонкѣ молодой!...
Какъ ангелъ онъ ко мнѣ явился,
На сердцѣ милѣй его нѣтъ.
Сказалъ: гуляй, моя милая,
Но не влюбляйся ни въ кого:
Въ твоихъ годахъ любить опасно,
И ты завянешь какъ трава.
И ты завянешь, ты заблекнешь,
Разцвѣсть не можешь никогда.
Когда та роза разцвѣтаетъ,
То всякъ старается сорвать;
Когда же роза опадаетъ,
То всякъ старается помять.
Когда дѣвчоночка молодая,
То всякъ старается любить;
Когда жъ дѣвчоночка постарѣеть,
То всякъ старается забыть (напѣвъ № 41).

52. Люблю я страстно, люблю ужасно,
Люблю и сердцемъ и душой;
Но это будетъ все напрасно:
Онъ-то нылаетъ все къ другой.
— Охъ, не могу я притворяться
Вездѣ, всегда, душа моя!
Но не велятъ съ тобою знаться:
Забудь меня, забудь меня!
Забудь меня, но безъ упреку,

Въ послѣдній разъ дай руку мнѣ,
А послѣ... въ мѣрѣ одиноко
Я буду плакать о тебѣ.

О, какъ жестоко, какъ сурово
Со мной измѣнникъ поступилъ!
Его любила я такъ страстно,
За это мнѣ онъ измѣнилъ.
И по какой же все причинѣ
Онъ рѣшилъ меня забыть?
Неблагодарные мужчины,
Вы насъ не можете любить,
Вы мужчины, вы мужчины,
Разстерзала бы я васъ:
Вы бранитесь безъ причины,
Сами хуже во сто разъ.
О, какъ безумны дни разлуки!
И только кто ихъ испыталъ,
Тотъ вѣрно видѣлъ много муки
И много также испыталъ (напѣвъ № 42).

53. О, цвѣточекъ полевой,
Глазъ моихъ отрада,
Скоро, скоро намъ съ тобой
Вѣдь разстаться надо.
Обнажилися лѣса,
И померкла вся краса
Нивъ, луговъ и сада.
Дай тебя пересадить
Въ темный уголочекъ,
Чтобы жизнь твою продлить,
Аленькій цвѣточекъ.
Но не будешь ли тужить,

Что не могъ ты вѣкъ дожить
Тамъ гдѣ цвѣлъ, дружочекъ?
Но зачѣмъ же мнѣ грустить
Надъ твоей могилой?
Вѣдь воскреснешь ты къ веснѣ
Съ прежней новой силой.
Такъ, прощаяся съ тобой,
Хоть не безъ роптанья,
Я скажу въ часъ роковой,
Другъ мой, до свиданья!
Отчего же мнѣ слеза
Отуманила глаза
Въ мигъ сей упованья?

54. Тега гуси, тега, сѣрые, домой.
Не пора ли вамъ наплаваться,
А молодой-то мнѣ наплакаться?
Мнѣ навстрѣчу офицерикъ молодой:
„Сдѣлай милость, не заигрывай со мной,
У меня личико разгорчивое,
У меня маменька догадливая;
Она сразу догадается,
Съ чего личко разгорается (напѣвъ № 43).
-

55. Стихотвореніе Жуковскаго: „Кончень, кончень даль-
ный путь...“ (напѣвъ № 44).

56. Видъ прелестный, чудный взоръ,
Ты скрываешься отъ глазъ;
Рѣки, и лѣса, и горы
Разлучать надолго насъ.
— Сладко было спознаваться
Мнѣ, сударушка, съ тобой,

Скучно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой (вап'въ № 44).

• Слѣдующая исповѣдь казака ст. Червленной, Фролова.
бывшаго разбойника, тоже вошла въ составъ пѣсенъ:

57. Я знаю самъ, что умираю
Позорной смертію на дняхъ;
О, други! сжальтесь, умоляю,
Простите грѣшника въ цѣпяхъ.

Вотъ необдуманность какая
Меня заставила страдать!

Я долженъ съ горечью, вздыхая,
Теперь всю правду вамъ сказать:

Давно въ груди моей пылала
Къ злодѣйству огненная страсть,
Къ тому жъ съ младенчества напасть
Великая меня всегда встрѣчала.

Съ рѣшительностью моей враждебной
Я жаждалъ вольности искать,
Надеждой въ томъ предубѣжденный,
Бѣжать въ Чечню и проживать.

Меня чеченцы тамъ приняли
Въ наѣзды всадникомъ лихимъ
И каждый разъ съ собою брали
На воровство къ берегамъ роднымъ.

Я былъ въ довѣренности полной,
Старался извергамъ служить,
При ихъ привѣтливости скромной
Не сталъ по родниѣ тужить.

Тогда съ моими кунаками
Я самъ ужъ бѣгалъ воровать
И перестрѣлку съ казаками
Началъ на Терекъ давать.

Мое желанье тутъ свершилось:

Я бралъ и скоть и лошадей,

А гдѣ оказія случалась,

Тамъ было рѣзалъ и людей.

Хоть совѣсть мучила порой

На нашихъ руки подымать,

Но я вѣдь былъ между ордой—

Нельзя пощады оказать.

Кто попадался, тотъ несчастный

Отъ рукъ злодѣйскихъ умиралъ;

Конецъ его тогда извѣстный,

И онъ напрасно умолялъ.

Ни жалости ни сожалѣнья

Никто въ душѣ не ощущалъ,

И каждый былъ виѣ умиленья:

Себя убійствомъ утѣшалъ.

Сидимъ, бывало, надъ рѣкою

И сумерекъ съ заботой ждемъ:

Чуть освѣтится брегъ луною,

Тотчасъ мы въ Терекъ, и плывемъ.

Однажды, чувствуя усталость,

Немного вздумалъ отдохнуть,

Но наказалъ Творецъ за шалость:

Я вѣрнѣе долженъ былъ заснуть.

Затѣмъ... Куда мой духъ дѣвался?

Очнулся, былъ уже въ рукахъ;

Тогда я съ вольностью разстался

И вотъ сижу теперь въ цѣпяхъ.

Прощай, страдалецъ одинокій,

Казакъ удалый гребенской;

Молись, ужъ близокъ рокъ жестокий,

Ужъ смерть витаетъ надъ тобой.

О, Боже мой! какъ ночь темна,
По казамату холодъ вѣетъ,
Тускнѣетъ на-небѣ луна
И ночь все болѣе темнѣетъ.

Скорѣй бы свѣтъ! Не даромъ страхъ
Меня таинственный смущаетъ;
То слезы градомъ на глазахъ,
То будто сердце замираетъ.

Иди, Фроловъ! послѣдній разъ
Ты долженъ съ жизнью проститься;
Насталъ ужъ твой смертельный часъ:
Сегодня казнь твоя свершится.

Прощайся, узникъ, поскорѣе!
Ужъ вотъ готово воздаянье,
Взгляни на плачущихъ людей,
Всѣ ждуть увидѣть наказанье.

И бѣдный узникъ вотъ идетъ,
Завидѣвъ столбъ, вблизи стоящій,
Онъ сталъ къ нему; удара ждетъ...

.

Тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находится мѣстное населеніе, заставляетъ казаковъ часто прибѣгать къ заработкамъ на сторонѣ отъ станицы: въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Отхожіе промыслы сдѣлались удѣломъ многихъ жителей, а слѣдствіемъ этого само собою вытекло появленіе въ станицѣ такъ наз. фабричныхъ пѣсенъ, которыя своимъ содержаніемъ и своеобразнымъ мотивомъ существенно разнятся отъ станичныхъ. Появился особый видъ романса, который, по справедливости, можно назвать фабричнымъ, напр.:

58. Я помню сѣмячки вы грызли,
А я сидѣлъ супротивъ васъ;

Вы о любви мнѣ говорили,
Я тихо, тихо слухалъ васъ.
Я помню пряничекъ вы ѣли
И разломилъ пополамъ:
Одинъ кусочекъ сами съѣли,
Другой кусочекъ мнѣ дали.

Изъ другихъ пѣсень, на которыхъ отразилось фабричное
вліяніе, особою распространенностью пользуются:

59. Понапрасну мальчикъ ходишь,
Понапрасну ноги бьешь и т. д., а также:

60. Когда я мальчикъ былъ свободенъ,
Не зналъ я горя ни нужды и т. д.

Большое вліяніе на пѣсенный репертуаръ наурцевъ про-
изводятъ также т. в. „арфянки“, нѣмки-арфистки, которыя
въ большомъ количествѣ наѣзжаютъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ на
мѣстную ярмарку. Пѣсни ихъ самаго безшабашнаго напра-
вленія и всѣ почти съ неприличными ресторанными мотивами.
Какъ примѣръ можно привести слѣдующую пѣсню:

61. Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятяхъ ночной тишины;
Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо,
Только видѣть тебя, милый мой;
Только видѣть тебя, безконечно,
Любоваться твоей красотой;
Но, увы! коротки наши встрѣчи:
Ты спишишь на свиданье съ другой.
Ну иди же, пускай я страдаю,

Пусть напрасно волнуется грудь;
Для кого жъ я жила и страдала
И кому я всю жизнь отдала?
Ты поклялся любить меня вѣчно,
Какъ голубку меня ты ласкалъ,
Надо мной насмѣялся безопасно
И, смѣясь, мою жизнь загубилъ.

Отъ „арфянокъ“ же заимствована наурцами и пѣсня
„Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю“ и общезвѣстная
„Пѣсня цыганки“ „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“.

Шуточные пѣсни.

1. Ванька парень былъ пригожій,
 Не дурень собой,
А Матрена была тоже
 Баба ой, ой, ой.
Разъ Ванюха, брадучись,
 Матрену поймалъ,
А она его толкнула:
 Уходи, болванъ!
Ой, Ванька, Ванька, Ванька,
 Ванька, не шали!
А Ванюха ближе, ближе,
 Все къ ней подходилъ
И Матрену Ермолавну
 Очень разсердилъ.
— Ты смотри, Ванюха, дьяволь,
 Я те въ зубы дамъ.
— Врешь, Матрена, шельма баба,
 Сдачи дамъ вѣдь самъ.

— Ой, Ванька, Ванька, Ванька,
Ванька не шали!

— Не бѣги, постой немного,
Милая моя,

Я скажу тебѣ два слова,
Хоть прибей меня.

Сядь сюда со мною рядомъ,
Свою руку дай;

Ты давно мнѣ приглянулась:
Вотъ что ты узнай.

— Ой, Ванька, Ванька и т. д.

Боль тебѣ я приглянулась,
Ты на мнѣ женись,

А что женишься навѣрно,
Въ томъ мнѣ побожись.

Вотъ тогда любить я буду,
Ты ужъ не взыщи,

А погоди походи-ка,
Дуру попси.

Ой, Ванька, Ванька .. и т. д.

— На такой, какъ ты-то, дѣвкѣ
Я жениться радъ,

Для меня такая баба
Настоящій кладъ.

И Ванюха тутъ Матрону
Зачалъ цѣловать,

А она, къ нему ласкаясь,
Зачала шептать:

Ой, Ванька, Ванька, Ванька,
Ванька не шали!

Пѣсни военныя и военно-историческія.

1. Ну, ребята, маршъ домой!
Вольно! въ разсыпную...
Службу кончили и пой—
Гаркнемъ удадюю.
Было время, Царь смотрѣлъ,
Молвилъ намъ: „Спасибо“,
Въ битвахъ полкъ нашъ не робѣлъ,
Въ нуждахъ ракъ былъ рыба.
Громче музыка гуди,
Весело съ тобою!
Слышь! ретивое въ груди
Словно рвется къ бою.
По пути намъ сталъ народъ,
Съ оконъ смотрять лица—
Казакъ русскій не уродъ,
Взгляни, молодица!
Ну, ребята, что дремать,
Живо да дружиѣ,
Время кашу, щи хлебать
Съ дна погорячѣ!.

Память о Слѣпцовѣ, Круговскомъ и др. выдающихся военныхъ дѣятеляхъ глубоко засѣла въ душу казаковъ, и потому они не только въ прежнее время славили, но и теперь славятъ своихъ начальниковъ, командировъ во множествѣ разсказовъ, пѣсняхъ, гдѣ воспѣваютъ геройскіе ихъ подвиги и лучшія качества ихъ характера. Нужно замѣтить, что казаки очень любятъ своихъ руководителей по военной службѣ, начиная съ вахмистра, хорунжаго и кончая главнокомандующимъ. Еще не такъ давно наурцы всей станицей,

съ большою торжественностью встрѣчали каждую военную личность—хорунжаго, эсаула, какъ только узнавали, что это лицо ѣдетъ въ Науръ, не говоря уже про высшихъ казачьихъ военачальниковъ или Августѣйшихъ своихъ Вождей. Широкая „Золотая улица“ Наура представляла въ этихъ случаяхъ чарующую картину. При въѣздѣ въ станицу воздвигались зеленыя триумфальныя арки, у которыхъ толпились гостеприимные, исполненные восторженной радости, казаки во главѣ съ атаманомъ. Всѣ привѣтствуютъ гостя. Съ церковной колокольни несется несмолгаемый колокольный звонъ, а духовенство въ праздничныхъ одеждахъ, съ хоругвями и церковнымъ пѣснопѣніемъ, сопровождается представителями отъ станицы, выходитъ навстрѣчу дорогому гостю. По обѣимъ сторонамъ улицы живописными группами стоятъ красавицы-казачки, одѣтыя въ праздничныя національныя костюмы, а передъ ними фигурируютъ молодые казаки, подростки, звеня своими хазырями, кинжалами, тесемками на расшитыхъ галуномъ черкескахъ.

Въ подобныхъ обыкновенно случаяхъ въ станицѣ составлялась и пѣсня на пріѣздъ высокопоставленнаго лица.

Большинство старинныхъ пѣсень Терскихъ казаковъ напечатана въ книгѣ „Терцы“—Сборникъ свѣдѣній о терскомъ казачьемъ войскѣ, составленной А. Ржевускимъ и посвященной Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, нынѣ царствующему Государю Императору Николаю Александровичу. Тамъ же помѣщена пѣсня „На пріѣздъ на Кавказскую линію въ Бозѣ почившаго Государя Александра II, въ бытность Его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 1850 г. Тамъ же напечатана пѣсня „На освященіе въ 1868 году георгіевскаго штандарта, Всемилостивѣйше пожалованнаго Лейбъ-Гвардіи Терскому казачьему эскадрону собственнаго Его Величества конвоя: „Полнымъ сердцемъ торжествуя“. Въ той же книгѣ записаны

вообще многія пѣсни, поющіяся въ Наурѣ: „Пыль клубится“, „На смерть Слѣпцова“, „За Аргуномъ-за рѣкою“, „Привѣтъ Терскихъ казаковъ Государю Императору Всероссійскому“, „Ура Царю, Владыкѣ трона“, „Съ Богомъ, терцы, не робѣя“ и др. Послѣдняя пѣсня составлена Булебягинымъ по поводу Слова въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, обращеннаго къ эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя, 12 апрѣля 1877 года: „Благодарю васъ за молодецкую службу при мнѣ; поручаю вамъ брата, берегите Его, а когда Онъ пуститъ васъ въ дѣло, то, надѣюсь, будете молодцами и не посрамите славы вашихъ отцовъ“.

2. Генералу Бруковскому.

Сбор. мат., вып. XV, текстъ 109, (вапѣвъ № 48).

3. Веселитесь, ребята,
Нашъ веселый командиръ:
Мы разбили супостата,
Славы намъ на цѣлый миръ.
Нашъ отецъ впередъ отряда,
Бережетъ своихъ дѣтей,
Онъ глядитъ орлинымъ взглядомъ,
Чѣмъ попотчивать гостей.
Пусть пожалуютъ къ намъ гости:
Валять словно саранча!
Унесутъ ли они кости,
Какъ ударимъ мы плеча?
Съ бѣлымъ крестикомъ на шеѣ
Нашъ Барятинскій впередъ,
И казакамъ веселѣе,
Какъ начальнигъ самъ идетъ.
Изъ-за черной изъ-за тучи

Приударить русскій громъ...
Разметаемъ вражьи кучи,
Себѣ славу раздобьемъ.

4. Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ,
Наши храбрые линейцы
Со ученьица идутъ.
Они идутъ, маршируютъ,
Промежь собой говорятъ:
Трудно, трудно, ребятушки,
Намъ Варшаву-городъ взять,
А еще труднѣе будетъ
Намъ подъ пушки подбѣжать...
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали всѣ „ура!“
Предводитель графъ Паскевичъ
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Братцы, бейте, не робѣйте,
Подается ляхъ назадъ“.
Вы лихіе, вы поляки,
Покоритесь вы намъ!
Что за счеты, что за драки,
За морями знаютъ насъ.
Если намъ не покоритесь,
Пропадете, какъ трава,
Наша Матушка Россія
Всему свѣту голова!

5. Хорошо, братцы, было въ отрядѣ
Съ Бруковскимъ, братцы, молодымъ;
Онъ идетъ съ своимъ отрядомъ

Въ черной шапкѣ впереди.
Въ горы круты мы поидемъ,
Горы круты мы пройдемъ,
Здѣсь Шамиля подождемъ,
Въ атаковѣхъ постоимъ.
Пули три Шамиль пустилъ,
Князя съ лошади не сбиль;
Какъ съ четвертаго удара
Князь на землю-мать упалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
— Ужъ вы, братцы-казаки,
Не покиньте вы меня
На поруганъ подлецамъ;
Вы возьмите мое тѣло
На бурочку на мою,
Повесите мое тѣло
На кладбище Мартанское.

6. Въ горахъ было высокихъ,
Три ущельица глубовихъ,
Тамъ лежалъ казакъ убитый,
Землею присыпанный,
Камушками заложанный.
Изъ-водъ горячаго камушка
Травка выростала,
Съ сторонушки родимой
Пташка прилетела,
Жалобнеховько о немъ
Она распѣвала:
Ты встань, проснись, добрый молодець,
Зимушка у насъ проходить,
Весна наступаетъ,

Жена твоя молодая
Въ бесѣдѣ гуляетъ,
Друга выбираетъ;
Глазами она разводитъ,
Замужъ все выходитъ.
Твоя маменька родная
Плачетъ и рыдаетъ,
Сына милаго она вспоминаетъ:
„Дитя мое, дитятко,
Чадо мое милое,
Положилъ ты головушку,
Въ чужой сторонушкѣ,
На Текинской землѣ.

7. Сб. мат., вып. XV, 324 (напѣвъ № 49).

8. Да намъ весело жить,
Да намъ нечего тужить
Казакамъ молодымъ—
Намъ линейцамъ удалымъ.
Да мы службицу всю знаемъ,
Щеголяемъ, гдѣ хотимъ,
Намъ сударушки знакомы,
Всегда въ гости насъ зовутъ.
Они насъ зовутъ, зовутъ,
Много потчиваютъ;
Да и вся наша бѣда—
Весной въ лагерѣ стоять,
По утру рано вставать
И головушки чесать,
Чубы на бобѣ заводитъ,
На ученье выходитъ.

Хоть ученье тяжело,
Но все для насъ ничего:
Стой прямо, гляди браво,
Шашкой дѣлай хорошо;
Съ ноги на ногу ступай,
Поворачивайся;
Что спросить, отвѣчай,
Головою не качай.
Двадцать пятаго апрѣля
Намъ казакамъ молодымъ
Объявили, чтобъ не медля
Съ полуночи во походъ.

9. Остался „вьюношъ“ сиротою,
Ходилъ онъ въ полуночь глухую
На кладбище каждый разъ.
Кругомъ могилы зеленѣютъ деревья,
Въ саду виноградъ.
А кто лежитъ въ той могилѣ?..
Лежать отецъ и мать моя...
Тотчасъ же съ ними я простился,
Поѣхалъ въ битву на Кавказъ;
Побилъ черкесовъ много лютыхъ,
Опять вернулся я домой.
Близко къ дому подѣзжаю,
А въ домѣ тихо, какъ во мглѣ;
Проворно двери отворяю—
Лежить гробъ черный на столѣ
А кто лежитъ въ этомъ гробѣ?...
Лежить мой братецъ убитой.
Ахъ, сколько слезъ я проливаю
За родителей своихъ,

А еще жъ я проливаю
И за братца своего.
Не для меня весна настанетъ,
Не для меня въ саду плоды,
Ни сердце радостно забьется,
Настанетъ часъ не для меня.

10. Изъ лѣсовъ дремучихъ
Казаченьки идутъ,
На своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.

Носилки не простыя—
Изъ ружей онѣ сложены,
А поперегъ стальные
Мечи положены.

На нихъ лежитъ сраженный
Линеецъ молодой,
Онъ весь скровавленный
Съ разбитой головой.

И кровь лилась изъ раны,
Въ груди его печать,
Два мѣткихъ пистолета
За поясомъ торчать.

Отъ этихъ пистолетовъ
Швурочки до земли висятъ,
Кинжалъ и шашочка булатны
Въ ногахъ его лежатъ.

Бъ могилѣ подносили
Сраженно тѣло казака,
Легонько опускали
Въ могилу мертвеца (напѣвъ № 50).

11. Эхъ, ливейцы холостые,
Свою жизнь мы вспомняемъ,
Не завидна наша доля,
Словно въ каторгѣ живемъ.
Сколько хлопотъ и превратностей
Даже по службѣ самой,
Сколько обидъ, непріятностей
Встрѣтить нашъ братъ холостой.
Какъ ни трудишься, какъ ни стараешься,
Все не хотять замѣчать;
Въ нашихъ способностяхъ всягъ сомнѣвается:
Онъ, говорить, не женать.

12. Привѣтъ Августѣйшему Атаману (Наслѣднику Цесаревичу) казачьихъ войскъ. Слова въ вып. XV, стр. 110 (папѣвъ № 51).

-
13. Ты калина моя,
Размалинушка,
Ты не стой, не стой
Подъ горой крутой,
Надъ рѣчкой быстрой,
Не бросай свой листь густой
Во сиве море.
По сплю морю
Корабликъ плыветь,
Ажъ вода реветъ.
Какъ во томъ корабль
Два полка казаковъ,
Удалыхъ молодцовъ.
Офицеръ-маерь
Богу молится,
Строевой-то казакъ

Домой просится:
— Офицеръ-маеръ,
Отпусти меня домой
Бъ маменькѣ родной,
Бъ женѣ молодой,
Бъ малымъ дѣтушкамъ,
Бъ сиротушкамъ.
У меня на дому
Все несчастьице:
Родитель родной
Во гробу лежитъ

14. Слова въ вып. XV, стр. 75. (напѣвъ № 52).
15. Слова въ вып. XV, стр. 194. (напѣвъ № 53).
-

16. Въ вечеръ зимній непогодный
По ущельямъ и горамъ
Вѣтерокъ свисталъ холодный,
Шель дождь съ снѣгомъ пополамъ.
По брегамъ рѣки холмистымъ,
Шляхъ-дороженька лежитъ,
Той дорожкой проѣзжалъ
Секретъ братскій казаковъ;
Черны бурочки мелькали
И бѣлѣлись башлычки;
Ихъ догналъ казакъ съ приказомъ:
„Взять турецкіе посты“.
Турки всѣ небрежно спали
Имъ не снилось про войну,
А, проснувшись, узнали:
Очутилися въ плѣну.
-

17. Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Не дубравушка въ полѣ шумить;
Что не сизые орлы во полѣ вьются,
По поднебесью орлы летучи;
Что не сѣрые гусюшки гогочутъ,
По надъ бережкомъ гуси сидючи:
То расплакались младые казаченьки,
Передъ Бѣлымъ Царемъ стоячи:
Ужъ ты, Батюшка ты нашъ, Царь-надежа,
Православный ты нашъ Государь,
Не вели казнить, вѣшати,
Вели рѣчи говорить;
Какъ бывало ты, нашъ Царь-надежа,
Много дарилъ насъ и жаловалъ,
А теперь ты, нашъ Царь-надежа,
Никого изъ насъ ты не пожаловалъ;
Только жаловалъ ты насъ, Царь-надежа
Быстрымъ Терекомъ со притоками.

18. Не косицами сине море взволновалось,
Не два сокола изъ дубравушки вылетали,
То два корабличка изъ Царь-града выплывали.
На кораблицахъ сидятъ мазурушки, храбрые злые
турки,
Покрашенными веселочками они загибаютъ,
Позлащенными рулечками управляютъ.
На носу-то корабля стоять знамя распущенное,
На кормѣ-то сидитъ нашъ батюшка—стрѣлецкій
атаманъ,
Ужъ рѣчь-то онъ говорить,
Словно какъ въ трубу трубить золоченую:

.....

19. Пей, друзья, пока мѣсть пьется,
Въ жизни горе забывай,
На Кавказѣ такъ ведется,
Пей, ума не пропивай.

Можетъ—завтра, въ эту пору
Пушки громомъ загремятъ,
Пули съ свистомъ, ядра съ шумомъ
Бѣ намъ въ станицу прилетятъ,
Можетъ—завтра, въ эту пору
Бѣ намъ товарищи придуть,
Передъ смертью распростятся,
Со слезами прочь уйдуть.

Можетъ—завтра, въ эту пору
Насъ на буркахъ повесутъ
И опустятъ въ мрачну яму,
Вѣчну память пропоютъ.

20. Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блестала,
И непрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ буряхъ бушевали.
Любовью къ славѣ страстно дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ берегѣ Иртыша,
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его съ трудовъ
Побѣды, громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
— Вы спите, милые герои,
Друзья, подъ бурю ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздался мой

На славу и на смерть зовущій.
Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ долженъ думать лишь о ней,
За Русь святую умирая.
Смерть намъ не можетъ быть страшна:
Свое мы дѣло совершили,
Сибирь Царю покорена,
И мы не праздно въ мірѣ жили.
Кучумъ, презрѣнный царь Сибири,
Пробрался тайною тропой:
И пала грозная въ бою,
Не обнажа мечей, дружина.
Ермакъ воспрянулъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега челны.
Иртышъ волнуется сильнѣй,
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
Рукой могучею своей
Сѣдя волвы разсѣбаетъ.
Тяжелый панцырь, даръ царя,
Былъ гибели его виною,
И бурны волны Иртыша
Укрыли на-вѣки героя.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
Вдали чуть слышно громъ гремѣлъ,
А Ермака уже не стало.

-
21. Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой?

Ты добычи не дождешься:
Черный воронъ, я не твой.
Для чего ты расправляешь
Остры когти вадо мной?
Ты добычи ожидаешь:
Черный воронъ, я не твой.
Загляни за кустъ зеленый,
Черный воронъ молодой,
Пистолеть мой заряженный:
Черный воронъ, я не твой.
Завяжу свою я рану
Подареннымъ мнѣ платкомъ,
Говорить съ тобой я стану
О родимыхъ, кой-о-комъ.
Ты снеси платокъ кровавый
Дорогой моей женѣ
И скажи, была бь покойна:
Я женился на другой.
Взялъ невѣсту тиху, скромну
Въ чистомъ полѣ подь кустомъ:
Сестра шашка была сваха,
Славно угощала всехъ (напѣвъ № 54).

-
22. За горами, братцы, насъ было не видно,
Бакову мы, братцы, службицу несемъ;
Солнце сядетъ, братцы, мѣсяцъ возсіяетъ,
Барабанъ зорю, братцы, давно пробьетъ.
Писарь съ спискомъ ходить, да онъ повѣряетъ,
Насъ къ походу, братцы, да онъ снаряжаетъ,
Инспекторъ ходить, да онъ провѣряетъ,
Насъ съ походомъ, братцы, онъ поздравляетъ.
На-ковъ сѣли братцы, пѣсенки запѣли.

Прослезили, братцы, да мы весь народъ;
Никого же, братцы, такъ не прослезили,
Какъ отцовъ своихъ да мы матерей.
Наши жены-стервы стоятъ наряжены,
Насъ не чають, братцы, въ походъ проводить.
День и ночь-то, братцы, онѣ Бога молятъ,
Чтобъ назадъ намъ, братцы, домой не придти.
Богъ Творецъ небесный да онъ съ нами будетъ,
Да нигдѣ же, братцы, мы не пропадемъ,
Окончивши службицу, всѣ домой придемъ.

23. За Тереконъ за рѣкой,
Въ сторонѣ чеченской,
Мирно двинулся фронтъ нашъ въ ходъ
Въ свѣтлый день крещенскій.
Тамъ казакъ-то нашъ гулялъ,
Онъ коника попасалъ,
Суху травушку срывалъ,
Онъ въ огонь ее бросалъ,
Засушивать ее сталъ,
Свои раны засыпалъ.
— Ужъ вы раны, мои раны,
Да вы болючія!
Мнѣ до сердца вы дошли.
Ужъ ты, конь-то мой, конь,
Конь вороненькій!
Облومي ты, мой конь,
Болъ дубовенькій;
Оборви ты, мой конь,
Узду шелковую,
Побѣжи ты, мой конь,
Къ отцу, къ матери;

Расскажи имъ ты, мой конь,
Что несчастье надо мной —
Я женился на другой.
А женила меня пуля быстрая,
Перевѣнчала меня сабля острая,
Матерью была дубова доска,
А жена-то была — мать-сыра земля.

Учитель Герюсинскаго нормальнаго
училища *П. Востриковъ*.

№1.

Тамъ у бро-ду, тамъ у бро-ду бра-ла дѣв-
чо-ноч-ка во-ду ой
ка-за-чень-ка да ко-ня на по-ва-еть,
съмъ съдѣвчон-ной раз-мол-вля-еть.

№2.

СОПРАНО

АЛТО

Вый-ду я на го-ру, вый-ду на кру-
ту-ю. Пос-мо-трю я по-ди-влю-ся на быс-тру-ю во-ду.

I

II

ту-ю. Пос-мо-трю я по-ди-влю-ся на быс-тру-ю во-ду.

№3.

Се-ле-никъ ме-ле-никъ, на у-

ли - цѣ до - жднкѣ, ой - тв лю - ли лю -
ли, на у - ли - цѣ до - жднкѣ.

№4

Я во са - ди - кѣ бы - ла въ зе - ле - номъ гу -
ля - - ла, я на - ли - нуш - ку ло -
ма - ла въ пу - чеч - ки вя - за - ла.

№5

Вый - дуль я изъ го - рень - ки,
по - смо - трю на зо - рень - ку, не и - деть ли
мой сер - деч - ный, сер - деч - ный другъ прежній мой.

Moderato.

№6

Шель ми - лый по бе - реж - ку, шель ми - лый по кру - то - му

Те-ре-комь рь-ко-ю: Ой - - пе-ре-ходь ми-лый ис -

наль.

Протяжно.

17. SOPRANO

ALTO

Какъ на дуб - чи нѣ два го луб чи на

цѣ - ло - ва - ли ся. ми - ло - ва - ли - ся.

18. Allegro.

У - кор - ми - ли у - по - и - ли прі - у - пот - чи - ва - ли,

подъ груши - цей зе - ле - но - ю спать по - ло - жи - ли ме - ня;

ой лю - ли лю - ли лю - ли лю - ли.

№9. *Allegro.*

По-са-жу я ка-ли нушку на крута бере - же - чекъ;
ты стой рас-ти ка-ли-нуш-ка, рас-ти не ша - тай-ся.

№10.

Сес-три - цы, сес-три - цы по -
друж-ки, не - си - те по душ-ки мяг-ки
лу-хо - вы-я съго - ру вы-со - ні - я, ай.

№11. *Moderato.*

Да вы, ку - ры мо-и, ку-ры да вы
ко-че - то ко-чв-точ-ки
кра-сны на васъ гре-бе-шо... гре-бе-шоч-ки.

Moderato.

№12.

SOPRANO

Да и что э - то за са - дикъ за зв -

ALTO

ле - нень - кий та - кой, да и что э -

то за маль - чикъ, за кра - са - вчикъ до - ро - гой.

Moderato.

№13.

SOPRANO

Соб - рал - ся на - закъ на слу - жбу про -

ALTO

щал - ся съ же-ной: Прощай, же-на

мо - ло - де - я, бу - дешь - ли вёр - на?

№14.

Ты глу - бо - ко е - го по - лю - би - ла, ты все

сча - стье е - му от - да - ла, Какъ цветонъ а -

ро - мат - ный вес - но - ю для не - го одно - го разцвѣла.

№15.

Не вче - ра ли въ хо - ро - во - дѣ ты со

мною дружокъ гу - лялъ? Не вче - ра ли при на ро -

дѣ на - зы - валь те - ня сво - ей?

Медленно.

№16. Что ты жд - но гля - дишь на до - ро - гу въ сто -

ро - нѣ отъ ве - се - лыхъ подругъ? зная за - би - ло сердеч -

ко тре - во - гу, все ли - цо тво - е вспыхнуло вдругъ.

№17. Коль - цо ду - ши дѣ - ви - цы я въ мо -

ре у - ро - нилъ. И съ тѣмъ коль - цомъ

все сча - стье зем - но - е по - гу - билъ.

№18. Ночь ти - ха, ло - ви ми - ну - ты! А съ -

на тюръ - мы крѣпка: у воротъ е - я зам - кну -

ты два тя - же - лы - я зам - ка .

№19.

Не пей ви - на, го - луб - чикъ мой, и не ша - тай - ся

по трак - ти рамъ; ты фор - му лярь за га дишь

свой, род - но - е и - тя о - без - сла - вишь; не

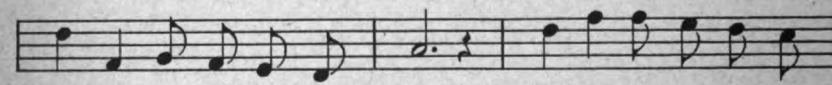

пей не пей не пей ви - на, го - луб - чикъ мой.

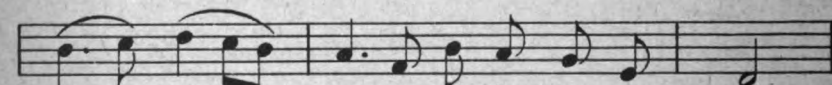
№20.

Бѣд - ный пра - пор - щикъ ар - мей - скій

сталъ у - ха - жи - вать за мной. Мо - е сердце раз - го -

рѣ - лось къ не - му страстью ро - ко - вой.

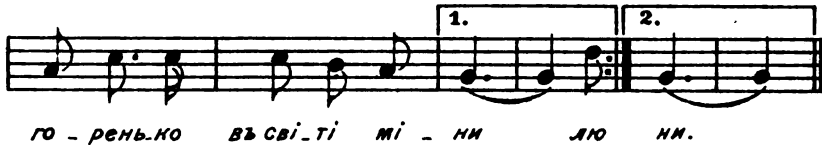
№21.

Ма - зай На - стенькой плѣнил - ся, онъ ле - стилъ

Про - па - ла на - ді - я, за - бл - ло - ся

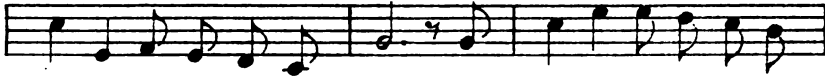
Ой ты дів - чи - на за - ру - че - на я,

Про-ща-юсь, а́н-гель мой, съто-бо-ю, про-

ща-юсь с сча-сти-емъ то-имъ; у-вы я при-нужденъ судь-

бо-ю подь кро-вошь не-ба жить о-динъ.

За-го-ра-лась во по-ль ко-

выл - ка, за-ми - ра - ла

у мо-лод-ца сер - дце.

Вый-ду за во-ро-та, вый-ду

за но-вы - я. гля-ну въ ту сто-

ро-нуш-ку, гдѣ ми-лый жи-ветъ.

№29.

Какъ де - не - чекъ про - хо - дитъ,

ве - че - ро - чекъ на - сту - па - етъ .

№30.

Дѣ - ви - ца по са - ди - ку гу - ля - ла,

кра - сна - я кра пи вуш - ку жа - ла .

№31.

Гдѣ ты гдѣ ты мо - я до - ля до - ля до - лющ -

ка мо - я? Ис - хо - дилъ бы, рас - про -

силъ бы всѣ сто - рон - ки, всѣ кра - я .

№32.

На - что ме - ня мать на свѣтъ ро - ди - ла,

ко - гда мнѣ сча - стья не да - ла? Лю - ди ро - дят - ся

ве - се - лят - ся, а я все въ го - рѣ да въ тос - кѣ.

Мать съсы - номъ

гу - ля -

ла, мать сы - на пы - та - - - ла.

Мой мужъ до - мой ъ - деть, постылый до мой ъ деть:

не ку - да друж - ка деть, не ку - да схо - ро - нить.

Да - го - рѣ - ла го - рѣ - лоч - ка

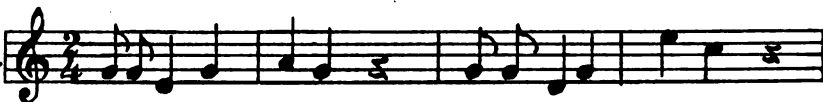
вос - ку я - ро - ва свѣ - ча 1. Вос - ку я - ро -
2. У - дя - ло - ва

ва свѣ - ча Да ждала жда - ла
къ себѣ мо - лод - ца Не дождав - ши - ся

дѣ - ви - ца у да ло ва къ се бѣ мо лод ца
дѣ - ви - ца, ло - ни - ла - ся спать од - на.

№36.

Ку-да, Ва-ня, ъ-дешь, ку-да уѣ - жешь,

на ка - го ты, Ва-ня, ме-ня по-ки - да - ешь.

№37.

Хас-Бу-латъ у - да - лой, бѣд-ня св-кая тво-я,

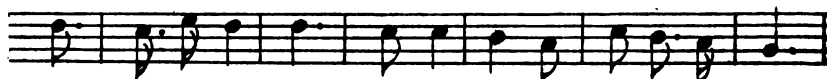

Зо - ло - то - ю кыз - ной я о - сып - лю те - бя.

№38.

Толь-ко ста-неть смернат.ся не - мно - ж - ко, бу - ду

ждать, не про бьеть ли зво - нокъ: при - хо - ди ко мнѣ, ми -

ла - я крош-ка, при - хо - ди по - си - дѣть ве - че - рокъ.

№39.

Я ве - чорь съ ми - лы мь по - ви - да - ла - ся,

зо - ло - ты мь ноль - цомъ по - мѣ - ня - ла - ся.

№40.

Тем - ный лѣсь, кру - ты - я

го - ры раз - лу - чать на дол - го насъ.

№41.

За - го - ра - лась во по - лѣ ко - выл - на

за - ми - ра - ло у мо - лод - ца сер - дце.

№42.

Ни на что я не взи - ра - ла,

какъ на э - тотъ большой дождь; ни по комъ я

не стра - да - ла, какъ по ми - лень - комъ сво - емъ.

Кру - гомъ кру - гомъ о - си - ро - ть - ла, кру -

гомъ я ста - ла си - ро - той. Все сча - стье съ то -

бой у - ле - ть - ло и ты не .. вер - нишь - ся на - задъ.

Люб - лю я стра - стно, люблю у - жас - но,

люблю я серд - цемъ и ду - шой. Но э - то бу детъ -

все на - пра - сно онъ то пы - ла - етъ все къ дру - гой.

Въ од - ной зна - ко - мой у - ли - цъ я

пом - ню ста - рый домъ съ вы - со - кой твм - ной

лѣс - тни - цей, съ за - вѣ - шан - нымъ ок - номъ.

№46.

Те - га гу - см, те - га сѣ - ры - е до -
мой; не по - ра - ли вамъ на пла - вать - ся,
* Ой, не по - ра - ли вамъ на пла - вать -
ся, а мла - дой - то мнѣ на пла - вать - ся.

№47.

Кон - чень кончень дальній путь, ви - жу край ро - ди - мый,
слад - ко бу - деть от - дох - нуть мнѣ съподруж - кой ми - лой.
Слад - ко бу деть от - дох - нуть мнѣ съподруж - кой ми - лой.

Скоро.

SOPRANO
№48.

Видь пре - лес - тный, чуд - ный взоръ, ты скры -

БАСЬ!

Медленно.

ва - ешь - ся отъ глазъ рѣ - ки

и лѣ - ся и

го - ры раз - лу -

1. чать на дол - го насъ

2. насъ.

№49

По на - прас - ну мальчикъ хо - дишь, по на -

пра - сну но - ги бьешь, ни че - го ты

не по - лу - чишь, ду - ра - номъ до - мой. пой - дешь.

№ 50. Ког - да я маль - чикъ былъ сво бо день,

не зная я го - ря ни нуж - ды;

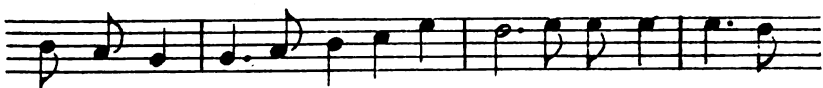
ме - ня род - ны - е все лю - би - ли

и ба - ло - ва - ли, какъ ди - тя .

№ 51. Чуд - ный мѣ - сяцъ плы.веть надъ рѣ - ко - ю

все въобъять - яхъ ноч - ной ти - шим - ны, ни че - го мнѣ на

свѣ - тѣ не на - до, только ви - дѣть те - бя, милый мой.

Медленно.

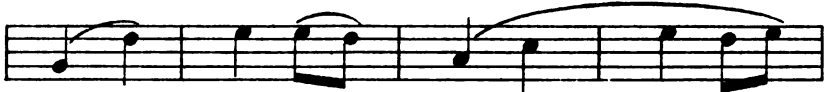
№52.

Вдруг у - да - рилъ громъ изъ

лу - шенъ, три дня сря -

ду ту - манъ былъ.

Подъ за - ва - лы под - сту - па -

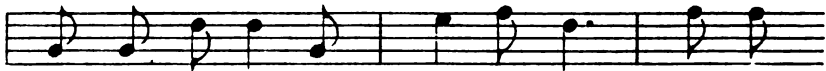

ли; ой да ге - не - раль Кру - ков - ский былъ.

№53.

О чемъ за - ду - мал - ся слу - жи - вый,

о чемъ вздыхаешь тя - же - ло? иль те -

бъ слу - жба на - до - в - ла иль

за - бо - лель твой доб - рый конь.

№54.

Изъ лѣ-совъ дре-му - чихъ на - за -

чень - ки и - дуть, на ру - нахъ мо -

гу - чихъ то - ва - ри - ща не - суть.

№55.

Те - бя мы жда-ли кру-глый годъ и жда -

ли съ сильнымъ не - тер - пѣ - ні - емъ, такъ

сынъ от - ца нѣсе бѣ неждеть, съ та -

кимъ не встрѣ-титъ вос-хи - щенъ-емъ.

Съ одушевлениемъ

СОПРАНО

№56.

Пол - но вамъ, снѣ - жочки, на зем-лѣ ле -

жать, по-лю-лямъ, ка-за-чень-ки, го-ре го-ре вать.

№ 57.

Сна-ря-жай ты, ма-ту-шка, сна-ря-

жай, ро-ди-ма-я, ме-ня до-бра

мо-лод-ца на слу-жбу ца-рю!

За не-го за бя-тю-шку всю кровь мо-ло-дец-ку-ю

я пролить ра-де-ше-некъ на смер-тномъ бо-ю.

№ 58.

I

Чер-ный во-ронъ что ты вьешь-ся надъ то-

II

е - ю го - ло - вой? ты до - бы - чи

не дож - дешься, чер - ный во - ронъ я не твой!

Аѣсша іа лоу ажа ѣраѣуа.

1. Азѣі амцеі еібарѣіт.
 2. Уалà іхѣàs дѣхѣазеіт, ѣала іхѣàs деіѣанхѣеіт.
 3. Мшѣѣ аһра заѣз ѣѣѣѣ рхѣ хѣссет.
 4. Раѣ дѣзѣам ѣба зһѣѣоуам.
 5. Уа бѣла іумѣоуа ухаһауам.
 6. Аѣма зѣѣзѣз амшѣѣ іѣѣзѣ.
 7. Ауаа ірѣѣмѣѣу Анѣаѣѣ дѣѣѣмѣѣуѣ.
 8. Аѣѣ ізѣн атѣша зѣѣз, іара дѣаһаіт.
 9. Уан бѣла дѣубѣазар аѣѣ іан дѣумѣѣһан.
 10. ѣѣалà іаауа ѣѣалà іѣѣіт.
-

Абхазскія пословицы.

1. Огонь водою тушится.
2. Разоренный врагами разбогатѣлъ вновь, а кого разорили друзья, тотъ навсегда остался нищимъ.
3. Получившій господство на день со ста челсѣѣѣъ головы свялъ.
4. Пароходъ безъ араба не бываетъ.
5. Чего пожалѣешь для друга, то пользы не принесетъ.
6. У кого пропалъ возель, у того и день пропалъ (въ поискахъ).
7. Кого люди не уважають, въ тому и Богъ не благоволитъ.
8. Кто для другого яму вырылъ, самъ въ нее попалъ.
9. Если любишь свою мать, не брани мать другого человека.
10. Кто плохо началъ, тотъ плохо и кончитъ.

11. Аудæ бааѣсѹ іѣмзѣ дѹуп.
 12. Мазарæ аһрѹп.
 13. Аѣабѹрг уһар аѣсѹ даргѹлоит.
 14. Аѣѹцга азааѣа ірѹхуарѣоуп.
 15. Акутѹ іаѣшоо акутаѣѹуп.
 16. Зѹбѣларæ узѹмдѹруа, іѣѣгара уалаһауеит.
 17. Азѹкут ахѣһ агѹдѣа, іаахар бѣлоуп, іамаахар, ахѣһ ахѣһ іаѣлап, азѹкут аѣѹзѣа ірѹѣлап.
 18. `Адаѣѣгѹ азѹ сѹзѣѹу зеѣгѹ іреіһаһдаз аһудіт.
 19. Цѣа ігѹлаз цѣа дѹрѣеит.
 20. Шакуа іѣіѣа іѣаргѹ іуамѹзт, іааргѹ іуамѹзт.
 21. Адамрæ чаѣаѣѹ дамрæ імѹт.
 22. `Аѣма уһѹрѣгѹ аѣла ааѣшуеит.
 23. Малæ ѣарæ аѣѣѣс, малæ һѹѹара еіѣіуп.
-

11. У ничтожнаго человѣка большое самолюбіе.
12. Богатство—господство.
13. Истина воскресигъ и мертваго.
14. Отговорка для семьи пригодится.
15. Курица только и можетъ что яйцо снести.
16. Отъ кого не знаешь добра, съ тѣмъ попадешь въ несчастье.
17. Брось камень въ дикую утку, попадешь—хорошо, не попадешь—камень прибавится къ камнямъ, а утка присоединится къ уткамъ.
18. И лягушка хочеть, чтобы ея болото было больше всѣхъ водъ.
19. Кто чисто умѣлъ стоять, того чисто посадили.
20. Шакуа, увидѣвши воровъ, и уйти имъ не позволялъ и къ себѣ не подпускалъ.
21. Умершій гробовщикъ безъ гроба остался.
22. Козла зарѣжь, глаза глядятъ.
23. Чѣмъ по пусту сидѣть, лучше по пусту ходить.

24. Ухн ззахуу үмгуагв изахуу.
 25. Амса іаша узвнцѣлам ацкѣс, узвнцѣлоу амса хуахуа ааигѣуп.
 26. Асас дүцгархѣгүуп.
 27. Обанчааа адвуней ізуібарзомүзт.
 28. Аандан ідүргѣлаз агуза дѣалт.
 29. Лүмшара дїароп.
 30. Атү абла анду аїгүмш іабуан.
 31. Алѣж ахш адүржуам.
 32. Ауаѣв данхучүу арацагв іфѣт.
 33. цїа дүччаѣуп.
 34. Ажжуа іреїцѣз абѣра азүнхвейт.
 35. Нхаѣцѣс вүрүв, аамүсѣцѣс вүрѣф.
 36. Аћа дү ішѣвргүацїуаз ала ірквїт.
 37. Зүбзарѣ ѣейм, іцїсрагв ѣейм.
-

24. Кто уважаетъ тебя и желудку твоему оказываетъ уваженіе?
25. Знакомая врывая дорога ближе, чѣмъ незнакомый прямой путь.
26. Гость недостатковъ сразу замѣчаетъ.
27. Тѣсенъ былъ міръ для двухъ карликовъ.
28. Поставленный въ сторонѣ очутился по срединѣ.
29. Слабый поневолѣ добръ.
30. Сова, получивши глаза, просила брови (дать ей).
31. Старую собаку молокомъ не кормятъ.
32. Когда человекъ малъ, онъ и угли кушаетъ.
33. Глупый—смѣшливъ.
34. Наихудшей коровѣ достался хлѣвъ.
35. Кто работаетъ по-крестьянски, тотъ будетъ ѣсть по-дворянски.
36. Большой кабанъ пугалъ собакъ, а онѣ его поймали.
37. У плохой жизни и конецъ плохой.

38. Ашә іцәша адә іалагвуам.
 39. Уарә учәв мчлә ішуанда, сарә сәв настьла.
 40. Ікәһауа ізхарә кәһара ідуам.
 41. Увуцайв гуәзану ушаву еіцвх.
 42. Амвщ ізаазәз іцһаіт.
 43. Ажә бжарәһа дубжуам.
 44. Цгү царзә іахүбаам.
 45. Ашара вцәу аһә зү хуашүмзар ззә азүжуам.
 46. Мчүмхара куашароуп.
 47. Асү-жкві, ас-еєі рөіцш еібагвөт.
 48. Ауаө-әга іхү еіошавү ідүрбуан.
 49. Ац зхуацшүз әбла зүіхвіт.
 50. Сарә сүужар ацйүс жәк жанү іааугәр акү іүхуап.
-

38. Крови, которая должна выйти, не удержишь.
39. Счастливый скакунъ сильного обгоняетъ.
40. Упавшій въ борьбѣ хочетъ еще бороться.
41. Вытягивай ноги, посмотривъ на свое одѣяло ¹⁾.
42. Медвѣдь укусилъ воспитавшаго его.
43. Его не исправилъ, какъ зайца не приручилъ.
44. Кошкѣ постель не воспрещается (т. е. лежать на постели).
45. Свинья, у которой есть поросята, никогда не можетъ напиться чистой воды.
46. По принужденію и танцовать станешь.
47. Ушли вмѣстѣ, какъ старый снѣгъ съ новымъ.
48. У глупаго половину возьми,—не замѣтитъ.
49. Посмотрѣлъ быкъ (на труса), а тотъ ему (отъ страха) глаза выкололъ.
50. Чѣмъ меня обманывать, лучше бы ты обманулъ зайца и привелъ къ себѣ,—пригодился бы къ чему-нибудь.

¹⁾ По одѣжкѣ протягивай ножки.

51. Аѡеімаһулаца ашүрвә ажә рзәлүмцеит.
 52. `Ацла кәһар аихә змәуғү, айгүщ змәуғү азәѡеуеит.
 53. Царәк ішүоу ахәһ хуҗүуоит.
 54. Аләж әшүш акүуоит.
 55. Угүла іңһүс улабжоща уңһүс ілүрцә.
 56. щәүк ідүрцдо щәүк дүрцсдуп.
 57. Ажәк ѡнһт іуһар аѡү гәит.
 58. Пәк ѡкакәнк аҗүцазом.
 59. Уахүла ауаә іреісіуі алә іреіцәуі.
 60. Ухү іазүууа аҗә іүзіуам.
 61. Уаҗтүі акут-ацкүс, ехәтүі акутәҗ.
 62. Ачадә аҗар іанахадүргүла аңах іцдон.
 63. `Ашеж ішацхнүслаз шүбжаанза дшацхнүслон.
 64. Губазәә реихә ахвәһаз реігүщүв вәрүҗт.
-

51. Два свояка не могли изъ проса зайца выгнать.
52. Когда упадетъ дерево, всѣ, у кого есть топоръ и цалди, бѣгутъ къ нему.
53. Лежащій камень мхомъ покрывается.
54. Старая собака сумѣетъ поросенка поймать.
55. Давай наставленіе сосѣдкѣ, чтобы научить свою жену.
56. Кого бранять сто человекѣ, тотъ стоитъ ста человекѣ.
57. Одно слово два раза скажешь,—оно вонять будетъ ¹⁾).
58. У одной свиньи два орѣха во рту не помѣщается.
59. Ночью наихудшая собака—наилучшій человекѣ (сторожѣ).
60. Врагъ не нанесетъ такого вреда, какъ самъ (человекѣ) себѣ.
61. Дай лучше сегодня яйцо, чѣмъ завтра курицу.
62. Поставили осла въ ячменю, а онъ перешелъ въ половѣ.
63. Кто спотыкнулся утромъ, тотъ спотыкался до полудня.
64. Губазіевы бросили свои цалди туда, куда упалъ топоръ.

¹⁾ Надеждливое слово—непріятно.

65. Азъ ахъишъраа ицди.
66. Азъ иаанагоуа ацша иагди.
67. Ахъ иаквуа ауарба иагди.
68. Абжадуаа иреигузнъ зъаца зуррудъ.
69. Уенѣаша сѣкуашашоу.
70. Агуагъ ахъ зду.
71. Аѣсан иахаиз аѣсан дахацъит.
72. Ацъитъба иахълзеицду дгуарѣо дцди, иахълзеицду дѣуа дцди.
73. Ауао-хъмхуа адгил хъмхуа дѣугулоит.
74. Бгъ Хусен аднѣа дѣрѣуан, иара аонѣуцѣа дѣонаѣалуан.
75. Керѣмаа аанда рѣшѣуан аѣуцъаца ирѣди.
76. Адле Кѣпа ѣла дѣан, ѣла даит.

-
65. Вода въ старому руслу идетъ (ищетъ).
 66. Что принесетъ вода, то унесетъ вѣтеръ ¹⁾.
 67. Ястребъ поймаетъ, а коршунъ у него отнимаетъ.
 68. Понадѣявшись на абжаквинцевъ, постригъ себѣ усы ²⁾.
 69. Какъ ты бьешь въ ладоши, такъ я и танцую.
 70. И въ Сухумѣ есть золото (но трудно достать его).
 71. Кто на колышкѣ родился—на колышкѣ умираетъ.
 72. Дѣвушка съ радостью идетъ (замужъ) туда, гдѣ для нея хуже, а со слезами, гдѣ для нея лучше.
 73. Гдѣ и сильному трудно, туда слабый лѣзетъ.
 74. Бгъ Хусенъ заставляли прыгать въ дворъ, а онъ въ домъ прыгнулъ.
 75. Керимовы загораживали заборъ, а дѣволъ разгораживалъ.
 76. Адлей Бина верхомъ поѣхалъ, верхомъ и прѣѣхалъ ³⁾.

¹⁾ Что легко приобрѣтается, то еще легче проживается.

²⁾ Въ напрасной надеждѣ, что его будутъ угощать кислымъ молокомъ, а усы помѣшаютъ ѣсть.

³⁾ Т. е., ни съ чѣмъ.

77. Алà зш'вз ит'шеишет.
 78. Аешадараз'н амба шаqà г'удвзевлаз.
 79. 'Асаси ас'уси.
 80. Аг'у и'з'оу а'с'в'н иа'п'ш'в'нх'алоит.
 81. Ац'н'с б'с'ла лх'а'ца м'в'он'н'ф и'з'ах'нм.
 82. 'Ада'ф аз'ж'н иана'нах'уа сар'г'н уа'х' амш'на'х' с'царац'в' с'з'ах'нн а'н'еит.
 83. Ау'а'па qа'цара'н з'в'м'д'руаз, аз'н лаад'д'ругу'ан.
 84. Алà е'г'-з'в'м'ф'аз (ак'г'н з'в'м'ф'аз) аха'с'в'н ш'а'ла и'т'н.
 85. А'з'в'нх'а д'в'з'ма'м'в'з амба шаqà г'уд'в'ив'лон.
 86. Ас'н'с з'в'б'з ха'ау иа'ин'ву'г'в'н е'ин'в'м'м'г'в'н ау'д'ит.
 87. Ау'а'ф-б'с'ла д'в'з'в'ни'д ао'с'в'н ц'с'в'н и'ха'на'у'е'ит.
 88. Ис'п'ар а'н д'в'ц'су'е'т, и'с'vм'п'ар а'н'ку'аж.
 89. 'Ар и'р'н'в'ми'аз д'ха'ца-бу'зу'ан.
-

77. Кто убилъ собаку, тотъ и въ яму ее потянулъ.
78. Кто не им'лъ брата,—коль обнялъ.
79. Гость (долженъ быть) какъ ягненокъ.
80. Что въ сердц'хъ хранится, то на лиц'хъ отражается.
81. Лягушка, когда ее потащила вода, сказала: „я сама желала пойти въ море“.
82. Мужъ хорошей женщины не нуждается въ дорожныхъ запасахъ.
83. Не ум'ла бурку валять—заставили ее воду таскать.
84. Собака ничего не ѣла, а морда въ крови.
85. Кто не им'лъ близкаго родственника, обнялъ когъ.
86. Ягненокъ со сладкимъ языкомъ сосетъ двухъ матерей.
87. Встр'б'тася съ хорошимъ челов'комъ, приоб'р'тешъ челов'ческую душу. (Хорошее знакомство къ прибыли намъ).
88. Если скажу—господинъ умретъ, если не скажу—госпожа умретъ.
89. Кто на войн'хъ не былъ храбръ.

90. Ао̀у̇ іа̇ш̇у̇а̇ гу̇ара̇ і̇за̇х̇у̇м̇ (і̇ха̇ла̇ д̇ва̇на̇у̇е̇і̇т̇).
91. Іа̇н̇у̇д̇у̇а̇ д̇ас̇у̇ і̇ца̇ д̇ас̇у̇е̇т̇.
92. `А̇н̇ іо̀у̇на̇на̇ д̇у̇ц̇су̇а̇ да̇на̇ла̇га̇, са̇н̇ о̀у̇на̇на̇ д̇і̇а̇у̇р̇г̇м̇ба̇ да̇ш̇ш̇у̇а̇н̇.
93. Д̇ас̇у̇ і̇бла̇ т̇а̇ба̇а̇ д̇і̇бла̇ т̇у̇ї̇ї̇о̇у̇п̇.
94. `А̇ша̇а̇-о̇о̇ а̇е̇у̇-о̇о̇ д̇у̇і̇х̇у̇ч̇о̇н̇.
95. З̇г̇у̇ ш̇а̇з̇ і̇на̇с̇у̇ц̇ї̇г̇у̇ ц̇е̇і̇т̇.
96. А̇х̇у̇ з̇ма̇р̇да̇з̇ а̇л̇ї̇м̇на̇ і̇ф̇е̇т̇.
97. `А̇б̇за̇м̇у̇а̇ а̇к̇ї̇ а̇н̇ї̇м̇бо̇ д̇о̇ї̇ш̇у̇п̇.
98. А̇з̇у̇ і̇з̇у̇ і̇а̇ца̇, у̇ха̇з̇у̇ і̇ца̇.
99. `А̇ма̇за̇ро̇ і̇ц̇е̇у̇с̇ а̇а̇л̇ї̇а̇о̇у̇ у̇ї̇ц̇ша̇.
100. `А̇б̇за̇м̇у̇а̇ д̇г̇у̇в̇о̇у̇п̇.
101. А̇у̇а̇о̀у̇ і̇г̇у̇ а̇х̇у̇м̇б̇лу̇а̇ і̇ла̇з̇у̇р̇з̇ а̇а̇у̇а̇м̇.

-
90. Пьяного не нужно толкать (самъ упадетъ).
 91. Когда громъ гремитъ, каждый въ свой кукурузникъ стучитъ ¹⁾).
 92. Царскій виночерпій умирая плакалъ не о смерти своей, а о томъ, что некъмъ будетъ его замѣнить.
 93. Для своихъ и косою—весьма зрячій.
 94. Пѣшій надъ коннымъ насмѣхался.
 95. Кто струсилъ, отъ того и счастье отойдетъ.
 96. Кому поручили голову, тотъ отбѣлъ уши.
 97. Умень дуракъ, когда молчитъ.
 98. Дѣлай для другого, учись для себя.
 99. Бойся не того, кто много грозить, а того, кто быстро дѣйствуетъ.
 100. Глупый на всѣхъ надѣется.
 101. Гдѣ у человѣка не горитъ сердце, тамъ и слеза у него не капнетъ. (Гдѣ нѣтъ сочувствія, тамъ и слезы не покажутся)

¹⁾ Стукъ въ кукурузникъ во время перваго грома весною производится, чтобы былъ хорошій урожай кукурузы.

102. 'Ащ-ѣч лвасѹ блѣт анѹрѣа лхѹ лнапѹ-булѣуан.
 103. Аѡв ззѡз ах дѣгуревѣт.
 104. Ацгѹ ікѣуа атѣвѣс імкѣуа еіѡѡп.
 105. Аһаѣхѹж іѣѡу умбѣвуа уахѹмвччан.
 106. 'Аѣга звуагѹ іхазѹ, абзѣа звуагѹ іхазѹ.
 107. Тѹі млашѹвѣ еібадѹруам.
 108. 'Ізша ауаѡѹ қаабжѹ іаһауѣм.
 109. 'Хапѣ фѹ асуам, хѣзѹ царѣа ілахом.
 110. цѣхтѹ зууам.
 111. Зѣа дѹмѣсѹц уѣа дѹіумврѣуан.
 112. Гуас Ѣерѣан іхѹлѣа ахѹрумгаз дѹѡуаѣ.
 113. Баѣа Мѹшмаѣз зѣуала іааганѹ мгуала іфѣт.
 114. 'Аж ашапѹ аһѣс ашѹѣм.
-

102. Когда сказали, что у укравшей сыр горить покрывало, виновная схватилась за голову.
103. Воровавшего вино на гуцѣ поймали.
104. Молчаливая кошка опаснѣе крикливой (для мышей).
105. Не насмѣхайся надъ плохимъ бурдюкомъ, не зная, что въ немъ.
106. Кто зло дѣлаеть,—для себя дѣлаеть; кто добро дѣлаеть,—для себя дѣлаеть.
107. Сытый голоднаго не понимаетъ.
108. Кому суждено погибнуть, тотъ и крика не услышитъ.
109. Въ грабовое дерево молнія не бьетъ, слава въ постели не остается.
110. Спрятанное не пропадетъ.
111. Не позволяй оплакивать своего сына тому, у кого сынъ не умираетъ.
112. Гуасъ Керкѣнъ бѣжалъ туда, куда его шапѣу не брали.
113. Мишматъ Баѣа спиною тащилъ, а животомъ съѣлъ.
114. Корова брыканіемъ не убьетъ своего теленка.

115. Ацшà сам̀ргарг̀аруанда егег̀в̀ с̀тр̀ц̀сарв̀н а̀н̀ет а̀ц̀ла.
 116. Агуц̀ма шнàрцос уас-к̀иàц̀ уас-к̀иàц̀ алуан.
 117. Абга-хуч̀в̀ кут̀в̀ж̀ уфар̀в̀ма ан̀р̀на а̀ч̀а iакуан.
 118. Абзàра ун̀ аз̀в̀ iаз̀, а̀ц̀га ун̀ а̀в̀в̀ iахат̀а.
 119. А̀в̀з̀з̀ѐик р̀в̀б̀ж̀ара а̀хуц̀на д̀в̀б̀ж̀ац̀с̀в̀it.
 120. Ас̀в̀ шкуàкоуп iц̀шз̀òуп, а̀хà уо̀о д̀а̀б̀в̀луует.
 121. А̀в̀н̀ца iла̀на̀а д̀q̀iш̀ует.
 122. `Ац̀га з̀гуà а̀бжа iарà iт̀у̀п.
 123. А̀х̀ча б̀з̀iа ц̀ш̀в̀б̀л̀ак iх̀òуп.
 124. А̀ш̀оуп̀хà з̀ц̀в̀з̀аз хàц̀у̀ц̀ла iш̀òн.
 125. А̀з̀в̀ц̀hài а̀ц̀цеi.
 126. Рац̀ха ièт̀з̀з̀vз ак̀у̀ку ц̀с̀vit.
 127. `Ац̀ла ià̀л̀в̀ор̀vз а̀маз̀ iц̀hàit.

115. Дерево сказало: если бы меня не шаталъ вѣтеръ, то я разрослось бы широко.
 116. За волкомъ гнались, а онъ просилъ бараній курдюкъ.
 117. Пойманный шакалъ на вопросъ, будетъ ли онъ еще ѣсть курицу, въ отвѣтъ только размѣялся.
 118. Добро сдѣлалъ—въ воду бросилъ, зло сдѣлалъ—на шесть поставилъ (т. е. добро легко забывается, а зло у всѣхъ на глазахъ).
 119. Между двумя мамками ребенка заморили.
 120. Снѣгъ бѣлъ и красивъ, но человекъ жжетъ.
 121. Кто въ грязь упадетъ, тотъ запачкается.
 122. Кто дѣлаетъ зло, тотъ участникъ (и въ расплатѣ).
 123. У хорошаго пастуха четыре глаза.
 124. Кто уважалъ (любилъ) колбасы, тотъ раздавалъ ихъ зубами.
 125. Дѣвица—что стаканъ (дѣвица должна быть чиста и охраняема, какъ стаканъ).
 126. Кукушка, которая первая крикнула (весною), издохла.
 127. Человекъ, упавшаго съ дерева, змѣя укусила.

128. `Ацґа ацґа айґоуп, абслара абслара айґоуп.
 129. Амазареи анасупуи еицум.
 130. Мамзара цадарһроуп.
 131. `Ацха хаауп, аха изгуамцхоги дґоуп.
 132. Знґ ажша звмдрвз оґнґ идґржуан.
 133. Абаандаоґ сзґшциуазеи анґиґа уцґа ахвґецаґоу азґ
аупґа iarheit.
 134. `Амвш зииз дадґа дацґхон.
 135. Аззґеи цґа аоґнґ амцґун данааи дццпавуан.
 136. Азґ изаґауа дбааздиг.
 137. Сґчкунра зумбац сажра имбандаз иґеит аґаґмада.
 138. Аеґ цґшшалґк ацоуп, аха ишацхнґслот.
 139. Аґа цсґлоуп, аха зегигґв ирфом.
 140. Акаґан зумцдоу ара-аґнґ аґаґуа азнеиует.
-

128. За зломъ зло послѣдуетъ, за добромъ — добро.
129. Богатство и счастье одному не дается.
130. Бѣдность усы скручиваетъ.
131. Медъ сладокъ, но не всѣ его любятъ.
132. Кто разъ не сумѣлъ выпить, того заставили два раза выпить.
133. Плѣнникъ спрашивалъ, зачѣмъ меня продаете; ему отвѣтили: потому, что у тебя усы кривые.
134. Побѣжденный медвѣдемъ сталъ называть его отцомъ.
135. Дурная кормилица (уйдя изъ дому, забыла про ребенка, а только по возвращеніи); приближаясь къ дому, заспѣшила.
136. Упавшій въ воду промокнетъ.
137. Кто молодымъ меня не видѣлъ, сказалъ старикъ, пусть лучше не видитъ меня въ старости.
138. Лошадь о четырехъ ногахъ, но спотыкается.
139. Свиныя жирна, но не всякій ее ѣстъ.
140. Гдѣ валяются орѣхи, туда и свиньи сбѣгаютъ.

141. Шақазатұла агуара узъшвшуам.
 142. Азъ амца ацралаз ізла-урцаргзеі?
 143. Абсамвгу дърамзар ақұш квр іззоуадаз?
 144. Аһънацъ акълһара ізкълсуамвзт амқұба ацранабон.
 145. Ахъ қазар ахълца ахалоит.
 146. Ацгъ хумаруан аһънацъ цсуан.
 147. Ацца абжъ мгакуа іцъеуам.
 148. Анаді амаһмъз азахъуу.
 149. Акамбайш ахъл абон ашвш абдмвзт.
 150. Аеъ маръ ірһафхот.
 151. Мвжда дврһафъп, мшъ дчафъп.
 152. Ала швуёт, аеъ һуоит.
 153. Аеъ цсър адъ азвнхот, ауафъ двцсър іажа ізвнхот.
 154. Алу згозгъ дгъуан, алъхуза згозгъ дгъуан.
-

141. Однимъ коломъ нельзя изгородь огородить.
142. Если бы загорѣлась вода, то чѣмъ ее тушить?
143. Если бы не было дурака, то отъ кого бы поживился умный?
144. Мышь и сама не могла пролѣзть въ щель, а захотѣла протащить цѣлую тыеву.
145. Была бы голова, а шапка будетъ.
146. Кошка забавлялась, а мышь умирала.
147. Стаканъ не разобьется безъ звона.
148. Для лѣнливой лошади всегда нужны шпоры.
149. Буйволъ видѣлъ брюкву, а забора не замѣчалъ.
150. Близорукая лошадь пуглива.
151. Несчастный зарабатываетъ, а счастливый пользуется.
152. Собака лаетъ, а лошадь пасется.
153. Лошадь издохнетъ—поле останется, человекъ умретъ—слово его останется.
154. Одинъ несъ жерновъ и стоналъ, а другой сито—и также стоналъ.

170. Аҕу іхүлүца іхүх, уарà утв уоҕцрақ.
171. Аоһу іахуарҕамвз алà шарàцара іргуан.
172. цгеі бәіеі рүшхуа еівцџуп.
173. Дасуу іцсàдгіл шам еіцш ібоіт.
174. Хабж іацха хабж уаоҕ ізһџм.
175. Алаба-қам іахнуулавгв уақішгуеіт.
176. Бзіара зцаарà азахүм.
177. 'Аелүрї амүц анїцџа Чілоуаа друцгушуан.
178. Ғауаажүк бүж-цузак лүгухаан, ларà уаоҕ двігуала-щомүзт.
179. Күр здүра ічһара дүп.
180. Ае дүу аһарха дүп.
181. Узүі, сүзі еішцџуп.
182. Лацан іумһоо, бцан іүзһџм.

-
170. У другого шапку сними, а свою за пазухою держи.
 171. И дома собака никуда не годная, а ее взяли на охоту.
 172. Добро и зло изъ одной пятви.
 173. Каждый на свою родину какъ на святню смотреть.
 174. Раньше паршиваго „паршивый“ не скажешь.
 175. Грязная палка, за какой конецъ ни возьмешь ее, все мараетъ.
 176. О добромъ дѣлѣ и спрашивать не надо. (На добро разрѣшенія не надо).
 177. Медвѣдь укусилъ Илорца (жителя равнины), а онъ гнѣвался на Чиловцевъ (жителей нагорной части).
 178. Старуха о всѣхъ безпокоилась, а о ней никто не помнилъ.
 179. У разумнаго большое терпѣніе.
 180. У большой лошади большая выносливость.
 181. „Возьми“, „давай“ одинъ за другимъ слѣдуютъ.
 182. Чего не сказалъ во время посѣва, того не скажешь во время жатвы.

196. Өҗца бзіа еібабуа бұк еіцнҗузоіт.
 197. Ацгү ахуарза іанҗзәмла ехә хашдуп аһуән.
 198. Ачә іузәанза іукуаһәроуп, мамзәр іауәм.
 199. Ацгү ікІуа аһүнаҗ азкуәм.
 200. Алшәра амәзара іаҗуп.
 201. Ціра алаба кшанү дҗуән.
 202. Інәрмҗшҗуаз ләк іцүн.
 203. `Аһ аеҗ ізіуән, аеҗхча іуәмҗт.
 204. Азү іахуаеҗз азү іеәртоуан.
 205. Мамгудү еҗда шәпрәһа.
 206. Амхү змәмҗз әккла дәшҗан.
 207. `Ац, змәмҗз іәрбаҗ цабуара ігауән.
 208. `Ахуҗ ахнҗрхуа аҗҗкац җтаднршудіт.
-

196. Два друга на одной доскѣ могут помѣститься.
197. Котъ не могъ залѣзть въ корзину (съ мясомъ) и сказалъ: нѣтъ, сегодня среда (постный день).
198. Прежде вымѣси, а потомъ испеки.
199. Крикливая кошка мыши не поймаеть.
200. Сила зависитъ отъ богатства.
201. Цира была другихъ палкою, а сама плакала.
202. Въ домъ не пускали, а онъ приходилъ еще съ собакой.
203. Господинъ дарилъ лошадь, а конюхъ не хотѣлъ.
204. Утопленика еще водою обкачиваютъ.
205. Бѣдный все величается: у него и лошади нѣтъ, а ногу подымаетъ (въ стремя).
206. Пахотной земли у него не было, а онъ ходилъ добывать сѣмена.
207. Бѣдный, не имѣвшій быка, тащилъ своего пѣтуха, чтобы пахать полосу.
208. Гдѣ вырываютъ лѣкарственныя травы, тамъ владутъ соль (мѣстный обычай).

220. ǝ̀v̄k ɔʻeataǝk ʒaʒōm.
221. Aǝc̄ī dv̄zɣuabl̄m̄v̄z dv̄ɕav̄ʒa d̄ib̄ōn.
222. `Aga iho qalòg.
223. Ayaɔʻ n̄v̄ʒm̄zar av̄ḡv̄ darɣv̄uam.
224. Dm̄v̄ɕavūa ɕx̄v̄z iβet.
225. `Amc̄ aǝv̄v̄c̄ amaanā.
226. `An aǝh̄a d̄lab̄ʒon, aǝh̄a am̄ɕvūa lv̄ɕx̄azōn.
227. M̄iǝ ɣ̄lan m̄iǝ av̄īt.
228. Uara aǝv̄c̄ uʒv̄az̄ar, sara naɕk̄iela izv̄ūēīt.
229. ɔʒak̄ īr̄v̄īɕalaz av̄ḡv̄ iz̄vm̄v̄īt.
230. Sv̄zv̄n̄q̄az aǝv̄c̄v̄c̄ sv̄zv̄n̄ɕ̄az eīɕax̄v̄et.
231. Lv̄x̄v̄ɕalā az̄v̄ xarā iuz̄ḡōm.
232. Ayaɔʻ av̄c̄ iyan̄ aɔv̄c̄ɕaa dv̄ix̄v̄c̄hōn.
233. Ala ub̄ar̄ alaβā uɣualaʒōīt.
234. `Aya βzam̄v̄qū eīh̄a, aʒā q̄v̄ʒ d̄βīut.

-
220. Въ одинъ ротъ два куска не входятъ.
221. Чужой мертвецъ спящимъ кажется.
222. Что глупый скажетъ, то и сбудется.
223. Человѣка, кромѣ земли, ничто не насытитъ.
224. Не спавшій увидѣлъ сонъ.
225. Хитрость сильнѣе силы.
226. Мать давала наставленіе дочери, а дочь мухъ считала.
227. Со страннымъ всегда необыкновенное случается.
228. Застрѣли птицу, а я ее на своемъ мизинцѣ изжарю.
229. Кто погнался за двумя зайцами, ни одного не поймалъ.
230. Не тамъ плохо, гдѣ ударишься, а тамъ—гдѣ отско-
чить приходится.
231. Ситомъ далеко не унесешь воды.
232. Человѣкъ трудился, а дьяволъ насмѣхался.
233. Собаку какъ увидишь, такъ и палку вспомнишь.
234. Лучше имѣть умнаго врага, чѣмъ глупаго друга.

235. Ац̄һӣс уагінлүрх̄д̄ит, уаг̄іхлүр̄ц̄от.
236. Ащ̄а̄ѣ̄ еі̄цоу а̄з̄ь дац̄ц̄д̄ит, еі̄ца̄м щ̄о̄н̄к.
237. Ача̄д̄а ахаз̄ь ача̄д̄а қанац̄д̄от, а̄з̄ь із̄ь аг̄ӯж̄.
238. Ац̄а̄ғара ац̄а̄ғара қанац̄д̄ит.
239. Ац̄ьхуа з̄ма̄м̄з̄ а̄ж̄ ац̄ьхуа з̄ма̄з̄ а̄м̄ц̄ а̄қунац̄д̄он.
240. Алүбура̄ѣ̄н̄ ам̄х̄ь лаз̄ц̄д̄оз̄ і̄а̄вум̄з̄т̄ і̄бзам̄ц̄қ̄уз̄, і̄ц̄лаз̄ц̄оз̄ і̄а̄вун.
241. Із̄ц̄н̄гі ам̄қ̄уба а̄з̄ь аанаг̄ом.
242. Авуза̄ѣ̄ ц̄е̄н̄р̄ іузеі̄б̄ӯзом.
243. Агамба̄ш̄ іа̄вуц̄аз̄ а̄ц̄ а̄т̄ьѡа х̄ж̄ет̄.
244. Аоумса̄г̄ ѣ̄н̄ц̄ а̄он̄ь а̄ц̄усс̄д̄т.
245. Ае̄н̄ ац̄ьхуа ук̄ьр̄ а̄з̄ь ұрнаг̄от, ала̄ ац̄ьхуа ук̄ьр̄ а̄з̄ь ӯзана̄ж̄уеі̄г.
246. Ац̄ь̄ ац̄ла і̄вуц̄алан̄ь а̄ху р̄ш̄д̄н.
247. Ауа̄ѡ̄ь хуахуеі̄ алаба̄ хуахуеі̄.

-
235. Жена и обогатить семью и разрушить ее.
236. Заряженного ружья боится одинъ, а незаряженного— сто человекъ.
237. Осель для себя осла рождаетъ, для другихъ ватера.
238. Гордость—гордость родить.
239. Безхвостая корова отъ коровы съ хвостомъ отгоняла.
240. Не тотъ дуракъ, кто на чердакѣ ниву сѣялъ, а тотъ, кто ему помогаль.
241. Не всегда тыква будетъ воду носить.
242. Разбитое яйцо цѣлымъ не сдѣлаешь.
243. У быка, боровшагося съ буйволомъ, рогъ сломался.
244. Новая метла хорошо домъ мететь.
245. Возьмешься за хвостъ лошади—переправить черезъ рѣку, возьмешься за хвостъ собаки—бросить въ воду.
246. Куница еще на деревѣ, а внизу за нее ужъ цѣну назначаютъ.
247. Кривой человекъ точно кривая палка.

248. 'Амц ашапὺ йафуп.
249. Аіаша ймоа збаауп.
350. Алà ашубж̄ іаігдуп-һа умѳвн, арба бж̄т хардупһа
умаанцасвн.
351. Арà бг̄т қақопһа уатамгүлан, аһà бг̄т ссодупһа уатү-
мцүн.
252. 'Ашүі ззахүз ймоа ірқудн.
253. Макана іужша азүх̄ ахү-цнамхүц.
254. Ззүзщ̄à үзүмдүруа азібж̄т үазүмзүрѳвн.
255. Абѳат̄н ѳн̄т іѳн̄аз абѳат̄н ц̄үмаз ігхвет.
256. 'Азбадүу қазц̄аз акалаз қазц̄аз дц̄еішон.
257. 'Азба із̄аз сц̄омһа амүзгүз дахінһалон.
-

248. У лжи ноги коротки.
249. У правды дорога широкая.
250. Не бѣги на лай собакъ, думая, что близко (селеніе).
Услышавъ пѣніе пѣтуха, не останавливайся, думая,
что далеко.
251. Не прячься подъ орѣховое дерево, полагая, что его
листья широки (достаточно для того, чтобы укрыть
тебя отъ дождя). Не уходи изъ подъ груши, думая,
что листья ея мелки.
252. Кто хотѣлъ, чтобы всѣ проклинали его, загородилъ
дорогу.
253. Пока для тебя и родникъ, изъ котораго ты будешь
пить, не показывался.
254. Не узнавъ, въ чемъ дѣло, не слушай голоса брани.
255. Жившій въ мѣдномъ домѣ, нуждался въ мѣдныхъ гвоз-
дяхъ.
256. Строившій большой пароходъ, удивлялся тому, кто
сплелъ корзину.
257. Сидѣвшій на пароходѣ, не желая дальше ѣхать, хва-
тался за мачту.

272. Iyiaiyu aguàra yalaishvshuoiť.
273. Axshw̄ z̄du am̄goup.
274. `Asac acac̄ dv̄içv̄m̄b̄v̄n, āç̄ma aov̄ç̄aiv̄ içv̄m̄b̄v̄n.
275. Ish̄vd̄v̄duya eç̄sh̄ aguà ayam̄.
276. `Apap (āç̄sh̄aov̄) īb̄az̄ iç̄sh̄eiť.
277. Aeeiv̄yà leiç̄hà ç̄da am̄oup.
278. `Abz̄am̄v̄qu iz̄v̄ iz̄ç̄inaiv̄ m̄sh̄aç̄v̄p.
279. Alà iç̄h̄az̄ aev̄ç̄a eīsh̄v̄uan.
280. Alà x̄aga aç̄aç̄ eīguç̄v̄uan.
281. `Am̄ç̄v̄haov̄ iov̄n̄ bl̄v̄it.
282. `Aç̄ha iav̄ç̄aāsh̄az̄ d̄aç̄naç̄vet.
283. Ad̄aḡya iz̄v̄n̄ ov̄n̄t̄ adaul̄ ad̄v̄r̄h̄om̄.
284. Āç̄s̄r̄a iav̄ç̄h̄az̄ ayaā sh̄v̄b̄az̄ iaç̄v̄r̄j̄v̄ȳaz̄ dneit̄.

-
272. Кто сильнѣе тебя, тотъ тебя въ заборъ заплететь.
273. Умъ въ животѣ (т. е. когда человѣкъ голодаетъ, то онъ плохо размышляетъ).
274. Гость гостя не уважалъ, а хозяинъ обоихъ не уважалъ.
275. Столько дождя не будетъ, сколько грома (т. е. если грома много, то дождя мало).
276. Священникъ что увидѣлъ, то и освятилъ (благословилъ).
277. Вороняя лошадь особыя привычки имѣетъ.
278. Для глупаго всегда Пасха.
279. Испугавшаяся собака на звѣзды лаяла.
280. Глупая собака ожидала „хача пури“ (чурекъ съ сыромъ).
281. У луна домъ сторѣлъ и никто ему не помогъ, потому что его крикамъ о помощи не повѣрили.
282. Кто до моста пойти полѣнился, того рѣка потянула подъ мостъ.
283. Для глухого второй разъ въ барабаны не бьютъ.
284. Кто, смерти боясь, убѣжалъ, явился въ такое мѣсто, гдѣ живыхъ людей хоронили.

285. Ачада ахіштра адрует.
286. Звуга угод уш длаглоп.
287. Ачада алмна хрїон, завзеі на іцаауан.
288. Ауасца баацсв абна данлалаг ащацнїацзвва зеїв зї-
зоїт.
289. Амадаїв ажуїмаїв іадруоїт.
290. Ахучв думїуавуа іан авка іїаїкуам.
291. `Амаз звїрївуа абзасоуп.
292. `Ана азїц еїалоїт, ах-зїц еїалоїт, абз зїц еїа-
луом.
293. Кутїш зїмазвз іацїа ібеїт.
294. Азавуаж іқунїлїов арбаї абга іагвїт.
295. `Ацха звїшуаїв імаца алїшеїт.
-

285. Осель знаетъ обратный путь.
286. Про кого дурное говоришь, тотъ стоитъ у дверей.
287. У осла ухо рїзали, а онъ спрашивалъ: „въ чемъ дїло?“
288. Когда плохой плотникъ войдетъ въ лїсї, всї деревья
дрожать.
289. И волкъ довїренное ему сбережетъ.
290. Пока ребеногъ не заплачетъ, мать ему соски не по-
дасть.
291. Змїю изъ-за языка убиваютъ ¹⁾.
292. Отъ пашви рана заживетъ и отъ пули заживетъ, а
языкомъ нанесенная рана никогда не заживетъ.
293. Кто не уважалъ бїлой курицы, предъ тїмъ она и
оказалась.
294. Называла старуха пїтуха маленькимъ, а шакаль ута-
щилъ его (не берегла и осталась ни съ чїмъ).
295. Кто изъ улья медъ достаетъ, тотъ и палецъ въ него
первымъ обмакиваетъ.

¹⁾ Народъ думаетъ, что змїя жалитъ языкомъ (жало—по-русски).

320. Амѹжда аѹхвн агуабанаѹ игуашнуп, азвн агѹж.
321. Азѹ уѹалаанза уехѹумтн.
322. Аѹгуаша ззѹмдрѹз ихѹ цѹйевит.
323. Авѹ згѹз игѹз идѹруан, ѿба згѹз игѹз издѹруамвѹт аѹаа.
дѹрхѹччон.
324. Аѹа ѹрѹаанѹ алѹ зшѹз.
325. Ашѹшѹамс амѹѹжѿа анѹулаѹѹ иѹхасѹзахѹѹит.
326. Авѿа маѹа ѹѿ дагѹѹит.
327. Узѹахѹу угрѹ уѿѹѹѹа иѹѿѹѹѹит, узѹмаѹѹу ѹшѹѹаѹ иѹѹѹит.
328. Азѹ іагуѹ дѹчѹѹѹит.
329. Агурѿа змѹмѹз ішѹпѹ цѹанѹ гурѿѿс іѹѹѹѹѹан.
330. Азѹ іашѹѹѹз ѹмаѹ дѹмѹасѹуан.

-
320. Несчастному лѣтомъ агуабанаѹ¹⁾ достается, а зимою
катеръ (т. е. мулъ).
321. Въ воду пова не войдешъ, не обнажайся.
322. Кто плакать не умѣлъ, — голову разбилъ²⁾.
323. Человѣкъ, имѣвшій одинъ недостатокъ, сознавалъ, а
другой, имѣвшій два недостатка, не сознавалъ, а по-
дымалъ всѣхъ на смѣхъ.
324. Заставилъ кричать свинью, а убилъ собаку.
325. Когда муравей сдѣлается крылатымъ, значить — скоро
пропадетъ.
326. Скрываемая болѣзнь погубить человѣка.
327. Кто уважаетъ тебя — въ лицо тебѣ скажетъ о твоихъ
недостаткахъ, а врагъ — позади тебя.
328. Утопаетъ, а смѣется.
329. У кого не было печали, поранилъ ногу и о томъ пе-
чалился.
330. Утопающій за змѣю хватается.

¹⁾ Черкеска съ пуговицами, сдѣланная изъ бурки, — самая теплая одежда.

²⁾ Оплакивая покойника, бьютъ себя по лицу и головѣ.

³⁾ Т. е. обманулъ тѣхъ, кого звалъ на пирь.

345. 'Амѹжда адуарà бжàра-ѳѹ ігухлѹеіт.
346. 'Анасѹѹда іж мхѳеіт.
347. Адуш ілхалаг̃ іѳѹ іѹабзлахоіт.
348. Абѳеіа іѹа іла ѹшздуц.
349. 'Ац ѳàн àж гѹлеіт, àж ѳàн ац гѹлеіт.
350. Нанѹу лгуанѹла дгуашуàн, ізѳеінѹшѹмѹѹазеіѳа дгуàауан
351. 'Аб бзіа аѹà бзіа діàуам.
352. Адуàб іѹàз àмазеі зѹмѳàшаз аѹà іѹàз дахѹбаауан.
353. Алà ѹга іаг̃àѳомѹзт, іаг̃àзѹіуамѹзт.
354. Зѹзхарà-ѳанѹ іqаз іѳѹзѹагѹ рѹзхарà-ѳанѹ іqаз ѹїішуан.
355. Ачѹнча абѹмбѹл іанѹладѹрѳа абѹѳж іàлгуан.

-
345. Въ междурѳчѳѹ застигла ночь несчастнаго (т. е. на такомъ мѣстѣ, которое окружено со всѣхъ сторонъ рѣкою и не имѣетъ травы, а сплошь покрыто камнями)
346. У несчастнаго корова не отелилась.
347. Чтò бы умный ни сказалъ,—хорошимъ вается.
348. У сына богача глаза красивые (т. е. веселые).
349. Быкъ легъ—корова поднялась, корова легла—быкъ всталъ.
350. Померещилось (представилось) бабушкѣ, что она танцуетъ,—стала она сердиться, почему для нея въ ладоши не бьютъ ¹⁾).
351. У хорошаго отца хорошаго сына не бываетъ.
352. Готовой пищи изъ котла не могъ сѣсть, а запасную изъ амбара ужъ никому не давалъ.
353. Злая собака сама не ѣла и другимъ ѣсть не давала.
354. Досыта наѣвшійся человекъ думалъ, что и товарищи его сыты.
355. Синичеу посадили на пуховую постель, а она все просилась въ кустарникъ.

¹⁾ Танцы происходятъ подъ отбиваніе такта руками.

356. 'Арз шѣдз акуамца кашѣит.
357. Цѣа зумбац бзіара издѣршам.
358. Ачѣн баапцсѣ ацѣрцзу дуухвоит.
359. Аһацѣшѣ қазцѣа іахвіѣаху амаа айѣвуеит.
360. Рра ірумгашаз іанцѣоз ачѣнѣ іарһуан.
361. Аѣѣ іуааһца ашхаца іруцѣшуан.
362. Мвцһа іцѣа гѣрѣа дагѣеит.
363. 'Айѣуа зшамвз, еіѣуа вѣлѣа двіхѣччуан.
364. Ціра ацагѣн даблѣуан, ахшашагѣн.
365. Дѣбра анѣж ацѣрцзу дврқудуан.
366. Ач-дѣ бачазѣвз.
367. Ақуарѣ іагѣдврцаз авучѣш іѣѣуеит.

-
356. Зрѣлый (плодъ) еще виситъ, а зеленый ужъ упалъ.
357. Кто дурного не увидалъ, тотъ хорошаго не пойметъ.
358. У плохой кобылицы бываетъ густая грива.
359. Кто дѣлаетъ кувшинъ, тотъ придѣлываетъ къ нему ручѣу, гдѣ ему вздумается.
360. Въ день похода извѣстили того, кого не хотѣли съ собою брать.
361. Пригласилъ на работу, а самъ все подговаривалъ на горы смотрѣть ¹⁾.
362. Сынъ лгуна отъ радости умеръ.
363. Не имѣвшій шароваръ насмѣхался надъ имѣвшимъ дырявые.
364. Циру и горячее жгло и холодное жгло.
365. Добрѣ (имя лошади) остригли гриву, когда состарилась.
366. Большую лошадь превратили въ бѣчу (стриженая иноходная лошадь).
367. Что бросили въ курицу, попало въ цыпленка.

¹⁾ Хозяинъ пригласилъ сосѣдей помочь ему работою и самъ же отвлекъ ихъ отъ дѣла разговорами.

368. Аѣнѣс бааѣсѣ лѣхѣ дѣухѣоит.
369. Аѣнѣс ааша лѣмшшара раѣахѣоіе.
370. Зѣмѣ маѣчу-іѣз раѣахѣоит.
371. Абаандаѣ дѣзкѣуа бѣла дѣіѣуѣоит.
372. Ахунаа ѣа дрѣун, агара рѣѣуіт.
373. Іѣцаѣвз іѣа дѣаѣхѣѣіт.
374. Алу ѣааба іѣгарѣн лагара агѣхѣуам.
375. Агѣр захрамзар авѣн алшуам.
376. Іѣѣѣ лаѣурѣ іѣуам.
377. Аѣѣ зѣамѣз арѣудѣѣ іѣуіѣѣѣѣ.
378. Аѣгѣ аѣа аѣнѣаѣ авѣуѣоит.
379. Гѣі шамѣі авѣуам.
380. Аѣѣа зѣрѣуѣѣ—ѣурѣѣѣѣ-ѣа іѣрѣуѣѣ, іѣаѣнѣ-ѣѣага аѣаѣнѣ ѣѣѣурѣѣѣѣ-ѣа іѣіѣуѣѣѣ.
381. Абзамѣѣу іѣбѣѣа дѣіѣѣѣмаѣѣуѣѣ.
-

368. У плохой женщины—длинная коса.
369. У лѣнивой женщины—постоянно запретные дни.
370. У кого мало силъ, у того болтливый языкъ.
371. Арестантъ уважаетъ того, кто его задержалъ.
372. У живущихъ на холмѣ родился сынъ, а колыбели не достали.
373. Кто поспѣшилъ, у того сынъ ослѣпъ.
374. Жернова хотъ въ каабу попадутъ, и тамъ ихъ молотъ заставятъ.
375. Иголка только шить можетъ.
376. Сидящій за столомъ не замѣчаетъ потолка.
377. Не имѣвшій лошади обѣщаль стригуна.
378. Сынъ кошки мышей ловитъ.
379. Сердце и колѣно не старѣются.
380. Холостилъ ословъ за пятачокъ, а на гривенникъ покупалъ мыло—руки отмылъ.
381. Глупый ненавидитъ дающаго ему наставленіе.

10. Уахцалăґ іуцву, ўқапалпа қазпуа, хуарзас зх̀н̀ ўзвмзуа.
(Агага).
11. `Афвсзаа ата-рхн̀ амца адрейтеит. (Азвз̀нн).

`А ж а - р в ц ц а к ѣ у а.

1. Ху-һн̀һн ху-махуоаґ ір̀н̀дзутуоп, хуба-хуба цаца р̀н̀цо-уп, р̀н̀маһ амаху аза д̀н̀дзутуоп.
2. `Амвщ, ах̀нщ, ац̀нщ, аґнщ, ац̀нщпапк.
3. `Арлана ран лалтарра.
4. Камліа-Кумлеі іц̀һнс Цн̀хчаннм, зун-цун Асца н̀рц, ацсуа іалһаз аґд̀руазар?
5. `Аһ іһаіхаһа аґ іхн̀аһаһаіт.
6. `Ухуба с̀хуба, ўц̀нба с̀нцунба, ўхца с̀хца, ўоба с̀оба, уаґ сак.

-
10. Куда ни пойдете—вездѣ съ вами; что вы не сдѣлаете, и онъ подражаетъ, а никакой помощи никогда не окажетъ. (Тѣнь).
11. Самъ чортъ сѣно скосилъ, фитилемъ подпалилъ. (Табакъ).

Скороговорки.

1. 5 голубей сидятъ на 5 сухихъ вѣткахъ, у каждого по 5 голубятъ, а зять ихъ сидитъ на сырой вѣтѣ.
2. Медвѣдь, форточка, морда, губы, четыре ноги.
3. Ольховая роца, принадлежащая матери Арланіевыхъ.
4. Знаете ли вы, что сказала абхазцу жена Камлія-Кумлея, Цн̀хчаннмъ, когда брали ленъ, за рѣкою Аспа.
5. Съѣла корова всю привитую господскую грушу, а дивій стволъ остался.
6. Твоя 5—моя 5, твоя 4—моя 4, твоя 3—моя 3, твоя 2—моя 2, твоя 1—моя 1.

Замѣтка.

Первая по времени запись абхазскихъ пословицъ сдѣлана была Георгіемъ Курцикидзе и напечатана въ книгѣ „Абхазскій букварь“, изданной Бартоломеевскою комиссіею въ 1865 г. Въ запись Курцикидзе вошло 89 пословицъ. Съ тѣхъ поръ никто не заботился о собираніи этихъ памятниковъ народной мудрости, и многіе изъ нихъ, навѣрное, въ настоящее время уже забыты вмѣстѣ со старинными абхазскими пѣснями и сказками. Составитель настоящаго сборника, Д. Гулія, работавшій вмѣстѣ съ К. Д. Мачавариани надъ составленіемъ абхазскаго букваря и переводомъ молитвъ на абхазскій языкъ, старался сообщить своему новому труду возможную полноту. Съ этою цѣлью онъ старательно собралъ пословицы въ Кодорскомъ и Гудаутскомъ участкахъ и тѣмъ не менѣе далекъ отъ мысли утверждать, что имъ собраны всѣ пословицы и поговорки абхазскаго народа. Въ отдаленныхъ уголкахъ Абхазіи, навѣрное, найдется много употребляемыхъ народомъ пословицъ, оставшихся ему неизвѣстными; нѣкоторую часть пословицъ, впрочемъ очень незначительную, авторъ умышленно не ввелъ въ свой сборникъ, назначенный для чтенія въ народныхъ школахъ,—въ виду ихъ содержанія; кромѣ того, народное творчество абхазцевъ, по глубокому убѣжденію автора, не изсякло, и народъ, забывая старое, не только заимствуетъ новое у сосѣдей, но и самъ творитъ вновь. Свой трудъ авторъ желалъ бы считать лишь первою попыткою въ дѣлѣ собиранія произведеній народной мудрости абхазцевъ и будетъ счастливъ, если его примѣръ побудитъ другихъ его сородичей, среди которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ число образованныхъ людей, дополнить настоящее собраніе и продолжить начатое дѣло записью народныхъ пѣсенъ, сказокъ, заклинаній, молитвъ и т. под. Старина умираетъ быстро, если она не увѣковѣчивается въ записи. И въ настоящее время въ Абхазіи старики помнятъ многія пѣсни,

которыхъ уже не знаетъ молодежь. Нужно сохранить народу памятники его мудрости—произведенія народной словесности. Они важны и цѣнны во многихъ отношеніяхъ: на нихъ воспитывается любовь къ своему народу, пониманіе его духа и стремленій; при помощи этихъ памятниковъ можно разбираться въ прошедшемъ народа—въ его исторіи, опредѣлять источники и степень тѣхъ вліяній сосѣднихъ народовъ, которыя народъ переживалъ въ прошломъ. Исторія абхазскаго народа пока не существуетъ, и собраніе произведеній народной мудрости должно дать для нея цѣнный бытовой матеріаль. Народная словесность абхазцевъ не обширна, тѣмъ болѣе она заслуживаетъ быть увѣковѣченною, пока различныя, съ каждымъ годомъ растущія, постороннія вліянія не уничтожили ея памятниковъ.

Абхазскія скороговорки едва ли въ состояніи будутъ произнести кто-либо, кромѣ абхазцевъ: народъ умышленно подобралъ въ нихъ самыя трудныя звуковыя сочетанія, и достаточно выслушать хоть одну изъ нихъ въ чисто абхазскомъ произношеніи, чтобы убѣдиться въ невозможности воспроизведенія этого ряда неумовимыхъ словъ. Скороговорки эти, какъ и русскія, составлены исключительно для испытанія ловкости въ произношеніи звуковъ и ихъ сочетаній: искать смысла во многихъ изъ нихъ было бы напраснымъ трудомъ. Въ большинствѣ это просто безсвязный наборъ словъ. Но слова подобраны такъ, что малѣйшая обмолвка ужъ создаетъ совсѣмъ иное сочетаніе звуковъ, новья, и въ большинствѣ, считаемя неприличными выраженія, вызывающія со стороны слушателей насмѣшки и издѣвательства надъ неудачнымъ говоруномъ.

С. А. Алферовъ.

Сухумъ.
18 іюня 1907 года.

Нѣкоторыя своеобразныя и малопонятныя слова, вошедшія въ говоръ населенія станицъ Сѣвернаго Кавказа; пословицы и поговорки съ примѣчаніями, объясняющими значеніе нѣкоторыхъ словъ.

Особенности говора.

Въ личномъ мѣстоименіи мужскаго рода начальный гласный облеченъ звукомъ *й* = „ѣнъ“; въ женскомъ же и среднемъ родѣ гласный остается безъ измѣненія = „она“, „оно“. Окончаніе именъ прилагательныхъ „ий“ произносится какъ „ай“, напр. *длиннай, чернай*. Окончаніе „ій“, когда ему предшествуетъ звукъ „к“, переходитъ въ „ай“, напр. *силай, силенкый, коротенькый*.

То же самое и въ именахъ существительныхъ: *маменька, тетенька, сиротинка, Митья, Машка* и т. п.

Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется иногда чрезъ прибавленіе слова „дюжа“, напр. *дюжа большой*; обыкновенно же превосходная степень узнается чрезъ протяженіе гласнаго въ окончаніи слова, напр. *больш-о-о-й, маленька-а-ай*.

Прилагательныя въ именительномъ падежѣ множественнаго числа во всѣхъ трехъ родахъ имѣютъ окончаніе *ья, ія*, напр.: *острыя шашки, широкія поля, добрыя кони*.

Иногда имена существительныя *средняго* рода въ винительномъ падежѣ склоняются какъ существительныя *женскаго* рода, напр. „не сатани (не раздражай) мою азіятскую сердцу“. „Енъ вдарилъ (выстрѣлилъ) у самая середину“.

Вообще, существительныя *средняго* рода принимаютъ

въ говорѣ форму женскаго рода и склоняются, какъ существительныя рода женскаго.

Очень часто при существительномъ средняго рода ставится прилагательное непременно въ женскомъ, напр. *си-няя море, добрая дѣло*.

Въ глаголахъ настоящаго времени 3-го лица единств. числа мѣстоим. указатель *тѣ* отбрасывается, при чемъ предшествующій гласный переходитъ въ *я*; напр. *читаетъ, ходитъ* = *ѣнѣ читая, ходя*.

Вмѣсто предлога „въ“ является „у“, причемъ „ѣ“ въ предложномъ падежѣ замѣняется буквою „и“, напр. *у церкви—въ церкви, у школы—въ школѣ*.

Нѣкоторыя слова сокращаются чрезъ выбрасываніе начальнаго гласнаго или цѣлаго слога: *мянины—мянины, возмѣ—зли, подлѣ—дли*; въ другихъ же словахъ, напротивъ, прибавляется въ началѣ гласный *а*, особенно, гдѣ встрѣчается сочетаніе двухъ согласныхъ, напр. *громадный—агромадный*; то же бываетъ, если слово начинается согласнымъ „л“, напр. *лимонъ—алимонъ, лыча—алыча*.

С л о в а .

А.

Арѣація—авація.

Арѣачиться—упрямиться.

Ахнуть—выпить водки.

Агромаднай—огромный.

Арѣаровець—пройдоха.

Арѣюха—удалый.

Абманатъ—обманщикъ, плутъ.

Б.

Бабай—разиня.

Бурькалы—глаза.

Блошница — цвѣтная женская сорочка.

Бубка, бубочка — ягода.

Бѣбехи — внутренности.

В.

Вдѣрить — выстрѣлить.

Видѣхи — глаза.

„Вдѣвушка“ — водка.

Внавѣ — на яву.

Г.

Головѣтай — умный.

Гѣлая бѣрыня — косушка водки.

Гѣлмесь — иногородный, мужикъ.

Д.

Долбануть }
Дерѣбнуть } — выпить (водки).

Дѣрнуть — выпить изъ большой рюмки.

Джигить — удалецъ.

Дли — для.

Дѣжа — очень.

Дурака валѣть — притворяться, дурачиться.

Дыхало — горло (Адамово яблоко).

З.

Закѣбритъ — запить запоемъ.

Закѣтатъ — запереть, заереть.

Закѣтка — небольшой хлѣвъ.

Закрутка — заклатіе посредствомъ закрученныхъ особеннымъ образомъ колосьевъ хлѣба. (См. примѣчаніе).

Запуерить — сильно ударить кого.

Зли — воля.

Зѣньки — глаза.

Задаваться — хвастать.

Затопить — пуститься быстро бѣжать.

Зелье — водка.

Запрокѣнуть — выпить.

Закружиться — запить запоемъ надолго.

Завалѣщій — ненужный.

Заваривать соняшницы — особый способъ лѣченія тошноты и лихорадочнаго состоянія. (См. примѣчаніе).

И.

Играть пѣсни — пѣть.

Игозить — хитрить.

Икрѣнай — денежный, богатый.

Идрѣнай — крупный.

К.

Кѣбрить — пьянствовать.

Кубаристый — вертлявый.

Кувардѣшить — буянить.

Кулемѣсить — дѣлать или говорить вздоръ.

Клѣкать — кричать въ истерическомъ состояніи во время Херувимской пѣсни, у обѣдни.

Кликѣша — женщина, кричащая въ истерикѣ.

Кумгѣнъ — кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ (слово татарское, вошедшее въ станичный говоръ).

Кстить — вкрестить дитя.

Кстины — вкрестины.

Кѣбыть — какъ будто.

Капернаѣмъ, клубъ — кабаекъ.

Кулѣвнуть, влѣвнуть — выпить (водки).

Кочерѣжиться — важничать, упрямиться, гордиться.

Косѣя шѣльма — косушка.

Кѣзырь — щеголь.

Л.

- Лахфа — счастье, удача.
Ловкѣчь — ловкій.
Лапнуть — пощупать.
Лядѣха — лѣнивый, негодный.
Лизёртнай — резервный.
Ломать цикорій — буянить.
Лясвать — болтать вздоръ.

М.

- Матусить — видаться безъ толку.
Мозговать — думать, мыслить.
Мозговатый — умный.
Мазнуть, смазать кого — ударить.
Мазуль — секретная болѣзнь — шанкръ.
Мордасы — щеки.
Мордасить (кого) — бить по щекамъ.
Махоръ — вистъ.
Масоль — еость.
Маханъ — падаль.
Мызыкать — говорить вяло, мямлить.
Махлевать — обманывать.
Модѣства — проститутка.
Махина — нѣчто громадное.

Н.

- Нанька — старшая сестра.
Неумытай — сатана.
Нѣхало — носъ.
Навалить фѣру, нагрузиться, набудыкаться — напиться до-
пьяна.
„Навидать горшкой“ — особый способъ дѣченія живота. (См.
примѣчаніе).

Набузовать — наполнить доверху.

Навь — наяву.

Нагрѣть (кого) — надуть.

Наклепать кому шею — побить.

Намѣтарить — наплутовать.

Насатанить кого — сильно разозлить, довести до бѣлаго ка-
ленія.

Насѣхарить (кому) — польстить.

Не замѣй — не трогай.

О.

Окунуть душу — выпить.

Облепѣшить (кого) — обмануть.

Осатанѣть — взбѣситься.

Обротать (кого) — надуть.

Охаживать — склонять на любовную связь (парень дѣвцу).

Оглушить (кого) — поставить втупикъ, оглушить ударомъ.

Оснѣдки — остатки отъ обѣда.

Опохобить (кого) — обругать.

Осерѣжить — одурачить.

П.

Притѣва — приколъ.

Притынь — засада изъ караульныхъ казаковъ.

Пряжка — поясъ съ наборомъ.

Пунька — маленькая плетеная владовка.

Пасть — ротъ.

Подшиться (къ кому-либо) — поддѣлаться, войти въ довѣріе.

Пѣрсть — короткій сучокъ.

Посмотрѣть, откуда у тещи ноги растутъ — выпить изъ гор-
лышка бутылки, опрокинувъ вверхъ дномъ.

Промочить пасть — выпить.

Поль-Федора — поль-ведра.

Р.

Разлұпать — разсмотрѣть.

Распатрѣнить — разругать.

Рѣзануть — крѣпко напиться.

Раздавить шельму — распить бутылку.

С.

Слѣзнить — украсть.

Слимонить — украсть.

Секлитея Ивановна — полубутылка водки.

Сдѣлать, чтобъ чертамъ было тошно — выпить до тошноты.

Сахарь-медовичъ — льстивый.

Смазать кого по рожѣ — ударить по лицу.

Снѣдать — обѣдать.

Т.

Тѣхта-тѣхта — стой, замолчи, обожди (татарск.).

Тычанка — разведенная съ мужемъ жена.

Тунда? — понимаешь? (Слово китайское, вошедшее въ говоръ съ русско-японской войны).

Теплұшка — маленькая комната съ русской печью.

Тяпнуть — выпить.

У.

Удостоить (кого) — удовлетворить.

Убить муху — выпить.

Усобороваться — упиться до состоянія невмѣняемости.

Увидѣть тещу — напиться до тошноты.

Ф.

Финтить — хитрить.

Фу, ты — ну, ты — полуштофъ.

Х.

Хайло, хало—горло.

Хабурь-чабурь—рухлядь, ненужный хламь.

Хмельё—дрожжи.

Хватить чорта за уши—напиться до чортиковъ.

Ч.

Чапля—ухватъ.

Чабурахнуть—выпить.

Чихнуть чорту въ хвостъ—загулять, запить запоемъ.

Читель—учитель.

Ш.

Шелáva—потаскушка, развратная женщина.

Поговорки, присказки и присловья.

1. Нѡня (нынче) атамáнь, а вѡвтра ямáнь. (Сегодня богачъ, а завтра станетъ бѣднякомъ).
2. Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ. (Гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ).
3. Ляскать, ляскай (мели, болтай вздоръ) да не забрѣхивайся (не заговаривайся).
4. Выпить, чтобы дома не журились.
5. Водку пей, жану бей, будетъ теплѣй и веселѣй.
6. Жану избилъ, посуду разбилъ, зато пузо сабѣ налилъ.
7. Жанѣ, лошади и собацѣ не вѣрь: первая „змѣнитъ“ (измѣнитъ), вторая скинетъ, третья укуситъ.
8. Закубрилъ (запилъ запоемъ) и ворота забилъ. (Запилъ запоемъ и всѣ дѣла бросилъ).
9. Иванъ у дудочку грáя (играетъ), а Марья съ голоду пропадáя (пропадаетъ).
10. Кумушка-кума, оксти (окрести) мое дитя, а потомъ не знай мавд двора.

11. Иванъ заробилъ, Иванъ пропилъ.
12. Какъ ты мнѣ кумъ, такъ лучше бы дѣти мои не крещены были.
13. Какъ выпьешь, такъ и разбогатѣешь (воображаемо).
14. Курица невелика птица, да пьетъ, а казаку и Богъ велѣлъ (выпить).
15. И курица птица, а и *приказный* (ефрейторъ) не послѣдняя спица въ колесницѣ.
16. Какъ выпьешь, такъ и на животъ здорово, и дома благополучно. (Какъ напьешься, такъ и самому весело и воображаешь, что дома недостатка нѣтъ и все хорошо).
17. Усть (всѣ) люди, какъ люди—одинъ чортъ въ колпакѣ.
18. Галмеси (иногородные мужики) у (въ) церковь идутъ, а наши казачьи у духанъ пруть.
19. Вѣдмедь (медвѣдь) силенъ, а все же кольцо въ носу нѣся (носить).
20. Нѣтъ хуже на свѣтѣ, какъ злая *хозяйка* (жена), тупая бритва и лихой сусѣда (сосѣдь).
21. Пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ.
22. Пьянъ, такъ проспится, а дуракъ—никогда (не сдѣлается умнѣе).
23. Попъ у (въ) церковь зоветъ, а неумытай (чортъ) казава у (въ) духанъ преть.
24. Связочкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.
25. Слава казачья, а жизнь собачья.
26. Выпить, чтобъ ажъ чертямъ тошно было.
27. Тамъ ему жаба цыцьку дастъ. (Тамъ ужъ онъ навѣрное погибнетъ. Такъ говорятъ, напр., о ссылаемыхъ въ наказаніе въ дисциплинарный баталіонъ).
28. Кабы учераея (вчера) цижорій не ломалъ (не буянилъ въ пьяномъ видѣ), такъ нѣня (нынче) бы не горевалъ.
29. Усоборовалъ, какъ чортъ черепаху. (Наполнилъ до положенія ризъ, до невмѣняемости).

30. У насъ фатера (квартира) важная: внизу—мыши; мы немного выше, а чердакъ отдаемъ голубямъ внаемъ.
31. Хоть хлѣба нема (нѣтъ), зато вволю накушался вина.
32. Волчьи зеньки (глаза), попа хало (хайло—гърло), что увидить все бы жрало.

Божба: Чарнѣй зямли! (чтобы я сталъ чернѣе земли, если это невѣрно).

Угроза: А вотъ, погоди, я на твоихъ зубахъ поджигитую (побью) и бебехи изъ пуза (внутренности изъ живота) выпущу!

Загадка: Сидить подъ хворостомъ съ длиннымъ хвостомъ и соли просить? (Огурецъ).

Примѣчаніе къ словамъ, требующимъ нѣкоторыхъ объясненій.

Закрутки. Рассказываютъ, что съ наступленіемъ жатвы, на нѣкоторыхъ хлѣбныхъ поляхъ можно замѣтить пучки колосевъ, связанныхъ вмѣстѣ и торчащихъ то тамъ-то сямъ на нивѣ. Эти пучки колосевъ, какъ увѣряютъ жители, связаны колдунами и вѣдьмами, желающими навести порчу на хозяина посѣва, и представляютъ собою „страшныя закрутки“. Боже упаси, если кто, не замѣтивъ коварную „закрутку“, скосить ее или сожнетъ. На такого человѣка обрушатся всякаго рода несчастія: его самого и членовъ его семьи будутъ корчить постоянныя судороги; скотъ и овцы будутъ падать; хозяину ни въ чемъ и никогда не будетъ удачи, и онъ черезъ годъ, много черезъ два, изъ здороваго и зажиточнаго превратится въ больного бѣдняка, погибающаго отъ невѣдомой болѣзни. Понятно, что суевѣрное населеніе страшно боится появленія ихъ на полѣ и готовы дать, что угодно тому, кто можетъ уничто-

жить ихъ силу. Этимъ страхомъ „закрутокъ“ пользуются вѣдуны, эксплуатируя своихъ одностаничниковъ. Но какъ всякій ядъ имѣетъ свое противоядіе, такъ и для „ужасныхъ закутокъ“ существуетъ средство ихъ уничтоженія. Средство это состоитъ въ слѣдующемъ: нужно рано на зарѣ, въ одинъ изъ постныхъ дней, обойти поле, на которомъ закутки, идя задомъ, и три раза прочитать „Отче нашъ“, читая каждое слово наизнанку, начиная съ конца, такъ: „оавакулъ то самъ ивабзи онъ; еінешукси овъ самъ идѣвенъ“ и т. д. Продѣлавшій все это можетъ безнаказанно сорвать и уничтожить заклятіе.

Накидать горшки. Когда у кого-нибудь изъ членовъ семьи заболитъ животъ и средства, отпущенныя фельдшеромъ изъ станичной аптеки, не производятъ желаемого дѣйствія и боль все усиливается, тогда старшіе члены семьи, обыкновенно бабушка или дѣдъ рѣшаютъ, что или „хфершалъ“ далъ не того лѣварствія, либо ничаго самъ не понимающій, и зовутъ знахарку. Послѣдняя, прійдя въ домъ больного, прежде всего владеть предъ „божницей“ три поклона и затѣмъ приступаетъ къ осмотру пациента, а потомъ сообщаетъ роднымъ, что тутъ дѣло не такъ просто, какъ кажется, а что болѣзнь „наслана“ злымъ человекомъ и больной принялъ это „посланіе злого человека“ внутрь, испивъ воды, и что тутъ не лѣварство аптечное нужно, а „молитва“ (наговоръ) и необходимо „накинуть горшокъ“. Разругавъ фельдшера и всѣхъ „дохтуровъ“, знахарка, таинственно шепча, и крестясь, принимается за лѣченіе, которое состоитъ въ слѣдующемъ: обнажаютъ больному животъ и приставивъ на него горшокъ, быстро просовываютъ подъ него зажженную паялу и, подержавъ тамъ нѣсколько мгновений, такъ же быстро вынимаютъ паялу, а горшокъ придавливаютъ поплотнѣе къ животу. Отъ этой операціи весь животъ и внутренности втягиваются въ горшокъ, больной

реветъ отъ боли, а знахарка радуется, сообщая присутствующимъ, что „*это ничаю... это боль въ горшокъ входитъ*“. Нужно удивляться, какъ такую боль переноситъ пациентъ, и какъ покровы живота не лопнутъ отъ страшнаго всасыванія ихъ въ горшокъ.

— Я думалъ, что душу у меня съ „бебехами“ вытянетъ въ горшокъ, говорилъ пишущему эти строки урядникъ Б., подвергнутый знахаркой этому варварскому лѣчению; я думалъ, продолжалъ онъ, содрогаясь отъ одного воспоминанія, что меня съ постелью и съ хатой прямо въ царство небесное потянетъ... И какъ только живъ остался—не понимаю!...

Соняшницы. Тошнота и лихорадочное состояніе. Эта болѣзнь знахарками признается насланной „по вѣтру“ и лѣчится слѣдующимъ образомъ: берутъ глиняную чашку, наливаютъ до краевъ обыкновенною водою и подливаютъ немного воды „богоявленской“, т. е. такую, которая освящена въ день Богоявленія; затѣмъ, положивъ больного навзничъ, знахарка ставитъ этотъ сосудъ больному на обнаженный животъ, и взявъ изъ печи три кусочка глины и два угля, заворачиваетъ въ пучокъ пакли и, прошептавъ свои заклинанія, зажигаетъ паялю и бросаетъ въ миску съ водою. Потомъ, продолжая нашептывать и крестить миску съ водою, заставляетъ больного три раза сплюнуть, при чемъ и сама плюетъ три раза и, вынувъ паялю изъ воды, поитъ ею больного. Эту воду, слитую въ сосудъ, продолжаютъ давать больному въ продолженіе трехъ дней натошакъ. Это лѣченіе и называется *завариваніемъ соняшницъ*.

Л. К. Розенбергъ.

Изъ трухменской народной поэзіи.

А. ПѢСНИ.

آيم قيراط كونيم قيراط
هر ياغنگده قوشه قانت
سنی منكان طاپان مراد
اوينه جان قيراطيم اوينه

*
**

آيانك اوستنكه منكنده
تمر دونيني كيكنده
اوستنكا راحتيم ياغنده
اوينه جان قيراطيم اوينه

*
**

سنی منسام قاشيپ خارماپ
چارح اوروپ دورت ياغنگ قاراب
قنيملار گزار ياس برله
اوينه جان قيراطيم اوينه

Мѣсяць Кирать! Солнце Кирать! На вѣждомъ боку
у тебя пара крыльевъ. На тебѣ сидитъ тотъ, кто искалъ
тебя и нашель.

Играй, душа, мой Кирать, играй!

*
* *

Надѣвъ на себя желѣзный панцырь, на тебя съѣлъ хо-
зяинь, покрывшій тебя попоной.

Играй, душа, мой Киратъ, играй!

*
* *

Если я на тебя сяду и, посмотрѣвъ кругомъ и погла-
дивъ, ударю тебя по тѣлу, то враги раступятся со злобою.

Играй, душа, мой Киратъ, играй!

Эта пѣсня взята изъ цикла пѣсенъ о Кѳръ-оглы. У
Кѳръ-оглы была чудесная крылатая лошадь, Киратъ. Од-
нажды Киратъ былъ украденъ врагами Кѳръ-оглы и въ
желѣзныхъ цѣпяхъ приведенъ на площадь на показъ на-
роду. Никто не рѣшался сѣсть на Кирата, несмотря на
большое вознагражденіе, которое ханъ обѣщаль смѣльчаку.
Вдругъ изъ толпы выходитъ оборванный нищій и изъявля-
етъ желаніе сѣсть на Кирата. Это былъ самъ Кѳръ-оглы.
Сѣвъ на Кирата, Кѳръ-оглы запѣлъ вышеприведенную пѣ-
сню и, ударивъ Кирата плетью, на глазахъ у всѣхъ при-
сутствующихъ, усакалъ изъ города.

Предъ исполненіемъ этой пѣсни трухменскій музы-
кантъ-пѣвецъ обыкновенно сначала рассказываетъ вышеиз-
ложенную исторію о Киратѣ, а потомъ уже приступаетъ
въ пѣнію.

ها يارانلر موسلمانلر
بزي درده قويان گلر
بر کوردکله آدم حيران
کورنگز عاشيق دويان گلر
قول لاری نازيکت قاميشدن

بارماغی صافدر کومیشدن
لباری دولی ایشدن
بالا غندای غیان کلر
قولن موینه صالحالی
سیناسی نازلی آمالی
کورن عاشیق قول بولمالی
صبریم آلن جوان کلر

О, несравненные мусульмане! Вотъ идетъ заставившая насъ тосковать. Каждый придетъ въ восхищеніе, если хоть разъ увидитъ ее. Смотрите: вотъ идетъ она, полная здоровья; у нея руки тоньше камыша, пальцы бѣлѣ серебра и тѣло, словно наполненное вишминомъ. Идя, какъ птеничекъ, красавица положила руки на шею; груди у пей какъ наливные яблоки. Смотря на нее, всякій рабомъ ея становится. О! терпѣніе пропало! юноша идетъ!

بو اوتوز طوقز یاشمده
ناحیاللز کلدی منکا
دیدیم ناحیال بار باشمده
کونیم جواب بردی منکا
صو الريم آنا بیلندن
صونک سورت انا کلنده
دنیا یاننده اوشاق آد تویدیلر منکا
اونده آجديم ايکي کوزيم
يغلاديم جيقدي اوزيم
بش ياشده دانيدم اوزيم
کلدی شیطان کيردی منکا

کلنده یدی یاشمه
حساب اتسام هر ایشمه
یتشکنده اون یاشمه
بش فرضنی بیوردی منکا
اؤل شیخ عادت یل دیدی
ایکنجی نماز قیل دیدی
اوچنجی اورازا یوت دیدی
دورتنجی حاجقه کیت دیدی
بشنجی زکات بر دیدی
شونده بول آیردی منکا
یگرمی یاشمه کلدیم
اونده عقل لالیق اولدیم
حلال حرامی آبردیم
قرانی کزرگزدی منکا
آلتمش یاشمه کلنده
دنیا ننگ حالن بلنده
دینم توقاین دیکنده
قوتیم آز بولدی منکا
یتمشده انکایدی بیلیم
سکسانده قالمدی جانیم
طوقسانده اهل عیالیم
قبرمینگک ابجی قری یاریم
لکدیم دار بولدی منکا

Въ эти тридцать девять лѣтъ какое раздумье напало на меня. Говорю про себя: „Какія мысли у меня?“ Жизнь отвѣтила мнѣ: „Отецъ взялъ изъ чреслъ своихъ воды; по-

слѣ этого его подобіе стало во чревѣ матери, и передъ всѣмъ свѣтомъ названіе ребенка дали мнѣ. Тогда открылъ я свои два глаза, заплакалъ, и явился у меня голосъ. Въ пять лѣтъ позналъ я себя, (тогда) пришелъ соблазнъ и овладѣлъ мною. Достигши семилѣтняго возраста, я сталъ разбираться въ своихъ поступкахъ. Въ десять лѣтъ мнѣ было преподано исполнять пять правилъ: во-первыхъ, повиноваться законамъ свѣта, во-вторыхъ, совершать молитву, въ-третьихъ, соблюдать постъ, въ-четвертыхъ, совершить паломничество, въ-пятыхъ, дѣлать зеяты (*). Тогда народъ выдѣлилъ меня. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста сталъ я умнѣе: чистое отъ нечистаго сталъ различать. На коранъ было показано мнѣ. Достигши шестидесятилѣтняго возраста узналъ я, какъ на свѣтѣ жить. Я хотѣлъ держаться (предписаній) своей вѣры, но силъ оказалось мало у меня. Въ семьдесятъ лѣтъ (у меня) сторбилась спина, въ восемьдесятъ—не стало силъ. Въ девяносто лѣтъ въ яму зарыли. Въ могилѣ, въ полтора локтя, лахадъ**) мнѣ оказался тѣснымъ.

Б. Загадки.

(ماتالار)

ياستغنىك آستى يارتى اتمك

Подъ подушкой моей половина хлѣба. (Мѣсяць).

موندان اوران قلجيم باحارده چنگلار

Здѣсь ударю, тамъ будетъ кинжаломъ звенѣть. (Ружье).

*) Зеяты—вносъ въ пользу бѣдныхъ въ общественную казну. Примѣчаніе редакціи.

**) Лахадъ—гробъ, подголовье.

اواق داشيم يفتاب بلخدم آغر صارمام حانيب بلخدم

Мелкіе камни считалъ—не сосчиталъ, тяжелый покровъ встряхнуть не могъ. (Звѣзды и небо).

كوك كنچى شه بوغوب كواكا سلام يبردم

Зеленое тряпье завязавъ, небу поздравленіе послалъ. (Дымъ).

آرماز دالمار آربادن قالمز

Не устаетъ, не останавливается и отъ арбы не отстаетъ (Тѣнь).

يول اوستنده مايلمى قابش

На дорогъ сальный ремень (лежитъ). (Змѣя).

يول اوستنده اولى باى باى

На дорогъ великій бай-бай. (Могила).

يول اوستنده ترابقراج قاينايدور

На дорогъ черный бакрачъ (черепокъ) выпить. (Муравейникъ).

دربن دربى قول بولب تيراک قالای بتميدور

داغ بالى اوکوز بولب موينوز قالای بتميدور

Глубокій-глубокій колодець, а дерево не растеть? Какъ гора, быкъ, а рога не растутъ? (Верблюды).

بر تباده یدى دشىک

Въ одномъ курганъ семь дыръ. (Голова).

بر تباده جالوبجن

На одномъ курганъ тонкое сѣно растеть. (Волосы на головѣ).

کيجه قسر کوندوز بوغاز

Ночью тоньше, днемъ толще. (Сапоги).

من اوبده سنکيم قرده

И дома, а изображение мое на дворѣ. (Калоши и слѣдъ).

جالغان ياتيرابن اورتاسن باتيرابن

Навзничъ брошу, въ середину вступлю. (Калоши).

ارتير بلان تورابن کوک چونطیغی یره اورابن

Утромъ встану, зеленого куцаго о землю брошу. (Плевокъ, кашель).

ارتير تورابن ابرمه بول منابن

Утромъ встану, въ раздвляющіяся дороги влѣзу. (Штаны, брюки).

يوکره يوکره ايزم يوق . طايان ماغه ديزم يوق

Бѣгу-бѣгу — слѣду нѣтъ; остановиться — колѣнокъ нѣтъ. (Перекати-поле).

۱۳. Пословицы.

بر آدم کشي که جوهر قازسه اوزی دوشار

Человѣкъ, копающій другому человѣку яму, самъ въ нее упадетъ.

آلسی بلمدیک یاوغی دابلمز یادی بلمدیک دوغانبی بلمز

Если дальняго не знаешь, то и близкаго не узнаешь; не зная чужихъ, родственниковъ не узнаешь.

اوقیک آوسینی کورمدیک ملطقدان حورقدز

Отъ пули болѣзни не видѣвши, ружья не побоишься.

كچكنى صيلامدېق اولكاندىن حور قمز

Маленькимъ не будучи воспитанъ, большого не постыдишься.

صسیدن اغزنى يتقان صو اوبقنى اوبروب ايجار

Горячимъ можно ротъ обжечь; остудивъ, холодное можно пить.

صوقرلقنى كورمکان يغلاجى بلمز

Не видѣвшій слѣпоты слезъ не знаетъ.

آقنى كورمکان قرانى طانيماز

Не видя блага, чернаго не различишь.

فوط عقل بولغاندىن كوراءكده نصين بولسون

На имѣющійся пудъ ума пусть будетъ хоть фунтъ счастья.

خيرسىز منك تنك دن خيرلى بر نك بولسون

И тысяча рублей можетъ быть безъ пользы; пусть одна копейка счастье принесетъ.

هر ذاتنى حور توتسانك اونكه دار بولارسون

Если ничего не будешь беречь, то ничего у тебя и не будетъ.

داغ داغى اولشماز آدم آدمه اولشار

Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.

قوش قاناتى بلان اوجار قويروغى بلان قونار

Птица съ крыломъ будетъ летать, а съ хвостомъ — садиться.

بەكشى بىرىنچە يامان عاشىغار

Добро даешь, плохого не встрѣтишь.

بەلەدىكەت دەمىردە بىر كۆمىردە بىر

Для дурака желѣзо и уголь одно и то же.

بولىجاق اوغلان اون بىشندە باش بولر بولمز اوغلان

يگرين بىشندە ياش بولر

Умный сынъ пятнадцати лѣтъ—человѣкъ съ головой,
а глупый и въ двадцать пять лѣтъ дитя.

А. Володинъ.

ОТДѢЛЪ III.

Digitized by Google

Замѣтки о кавказскихъ языкахъ.

Ф. Борка.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаю читателямъ „Сборника“ переводъ очень интересной статьи Ферд. Борка: „Beiträge zur Kaukasischen Sprachwissenschaft“¹⁾.

Эта статья показываетъ съизнова, какъ важно изученіе кавказскихъ языковъ, о чемъ я, впрочемъ, неоднократно говорилъ въ своихъ работахъ.

Жаль, что авторъ для большинства языковъ могъ пользоваться только книгою Эркерта, которая, какъ извѣстно, изобилуетъ неточностями. Я исправилъ вездѣ правописаніе кавказскихъ словъ²⁾ и нѣкоторыя изъ нихъ выпустилъ, такъ какъ они были слишкомъ сомнительны.

I.

О повтореніи (итераціи) въ кавказскихъ языкахъ.

Хюркилинскій яз. Въ своей статьѣ „Zur elamischen Iteration“ (Or. Lit. Ztg. III Sp. 8 ff.) я указалъ на то, что итерація не чужда кавказскимъ языкамъ. Она встрѣчается

¹⁾ Кёнигсбергъ. 1907.

²⁾ Самъ авторъ говорить, что онъ не могъ обратить большого вниманія на правописаніе кавказскихъ словъ.

даже довольно часто. Такъ, напр., раздѣлительныя числительныя грузинскаго, абхазскаго, чеченскаго, тушскаго, лавскаго, хюркилинскаго, кюринскаго, аварскаго, вѣроятно¹⁾, и другихъ языковъ образуются повтореніемъ количественныхъ. Менѣе ясно, чѣмъ въ числительныхъ, это явленіе наблюдается въ существительныхъ и въ глаголахъ, такъ какъ въ теченіе времени старый простой законъ подвергся разнообразнымъ вліяніямъ. Воишь надежныя примѣры итерациі въ хюркилинскомъ, напр., *huphur* уздечка, *qirqir* скупой, *ɟinaɟina* па кусочки; менѣе надежныя слѣдующіе: *wawa* цвѣтокъ, *qaqa* тѣснота (*qaqal* тѣсный), *tutu* разбросанность (*tutul* разбросанный), *kukū* громъ (казик. *kkū*, авар. *ɟuɟaj*, абх. *дуд*), *tuti* виноградъ (уд. *ту-л*), *ɟaɟa-l* твердый, жесткій, *kaik* спина, *qaq* остріе скалы. Послѣдніе два примѣра показываютъ, что въ хюркил. также и вторая часть повтор. слова можетъ подвергаться извѣстнымъ измѣненіямъ. Важнымъ доказательствомъ этого служитъ слово: *хамха* осель, позаимствованное изъ арабскаго *hamār* (حمار), которое, какъ это доказываетъ аварск. *hama*, происходитъ, вѣроятно, отъ **хам-ха(м)*. Получается такимъ образомъ законъ, что послѣдній согласный выпадаетъ во второй половинѣ повтор. слова. Этому закону подверглось значительное количество словъ, какъ: *гал-га* дерево, *ɟaw-ɟa* ссора, *hær-hæ* пуля, *kar-ka* камень (лавск. *чару*), *hæwæl-hæwæ* коса (для косьбы), *qar-qa-la* (лак. *ханха*) тѣло. Формы, какъ *hæwæn-hæ*, множ. *kwænkwæ-wi* носъ, *hæwærfi* множ. *hæwærfiwædiš*, *hæwærfi-il* и *hæwærfi-wæd* медленный наводятъ на мысль, что также *кум-к* легкомысленный, *ɟir-ɟ* саранча и *ɟini-ɟ* зеленый (стр. туш. *сеи*) повторенн. формы. Въ словъ *qa-qri-la* улица (авар. *qoat*), кажется, первая часть слова измѣнилась.

Глагольная итерација (*verbale Iteration*) въ кавказскихъ

¹⁾ Авторъ правъ. Это явленіе встрѣчается также въ агульскомъ, андійскомъ, арчинскомъ и проч. языкахъ. (Зам. перев.).

языкахъ, насколько она еще существуетъ, основана на склонности кавк. языковъ образовывать сложные глаголы (Verbalkomposita). Если эламскій языкъ находится дѣйстви- тельно въ связи съ кавказскими¹⁾, въ чемъ сегодня уже нельзя сомнѣваться, то мы должны найти сходные типы итерации въ томъ и въ другихъ. Эламскій глаголъ имѣеть два ряда формъ, сродныхъ между собою, подчиняющихся одному и тому же морфологическому закону и различаю- щихся между собою, вѣроятно, только второстепенными эле- ментами, какъ-то удареніемъ, а именно: 1) формы, гдѣ ко- ренные гласные вполне сохранены въ обѣихъ половинахъ compositum'a, напр. hutta-hut (рядомъ съ hutta), taha-taha- š-ne (рядомъ съ taha-š-ne) и 2) формы, въ которыхъ выпу- скается конечный согласный первой половины, чтобы избѣ- гнуть накопленія согласныхъ, такъ какъ во второй поло- винѣ коренной гласный выпадаетъ, напр.: re-pti-p (вм. *ret- pti-p, рядомъ съ peti-p), ku-kši-š-ta (вм. kuš-kši-š-ta, рядомъ съ kuši-š-ta) и пр. Само собою разумѣется, что теперь въ кавказскихъ языкахъ мы находимъ именно эти, болѣе иско- верканныя формы, соответствующія второму эламскому ти- пу; ихъ уже немного, точно такъ же, какъ въ цахурскомъ языкѣ находятся еще слѣды эламской конструкціи родитель- наго²⁾. Но если намъ удастся доказать, что эти остатки

¹⁾ Ср. Heinr. Winkler, Die sprache der zweiten columne der dreisprachigen inschriften und das altaische. Breslau (6. ч.)—G. Hüsing. Zur Structur des Elamischen. Or. Lit. Zeitg. VIII. Sp. 50 ff.—Того же: Zur Elamischen Genitivconstruction. (Тамъ же: Sp. 549 ff.).

²⁾ Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, въ чемъ дѣло. Начну съ грузинскаго языка: **меце кведан-іса** = царь земли (мира). Здѣсь **кведаніса** родительный отъ **кведана**. Но этотъ «родительный» можетъ принимать еще другіе суффиксы, если только **gegens** (въ нашемъ примѣрѣ **меце**) стоитъ во множ. ч. или въ одномъ изъ косв. падежей. Такъ, напр.: цари земли = **меце-ні кведаніса-ні** (ні суфф. множ. ч.). Родительный, слѣдовательно, имѣеть характеръ прилагательнаго. Въ цахурскомъ языкѣ

старыхъ формъ образуютъ въ какомъ-нибудь языкѣ особую морфологическую категорію глагола, то они будутъ имѣть для насъ тѣмъ большую важность, что мы можемъ предположить, что въ пра-кавказскомъ (Urkaukasisch) итерация играла такую же морфологическую роль, какъ въ эламскомъ. Если намъ удастся установить это, то мы имѣемъ новое доказательство родства эламскаго и кавказскихъ языковъ. Съ другой стороны, слѣды такой категоріи въ какомъ-нибудь изъ теперешнихъ языковъ помогли бы намъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, какое именно значеніе имѣла эламская итерация.

Счастливымъ случай сохранилъ все, что намъ нужно. Хюркилинскій языкъ имѣетъ два ряда глаголовъ: глаголы единичнаго и глаголы продолженнаго вида. Формы второго ряда почти всѣ длиннѣе и болѣе сложны, чѣмъ глаголы перваго ряда, но трудно уловить законъ ихъ образованія. Самой древней формой продолженнаго вида считаю я ру-рг-іс (единичный—і-рг-w-іс или wa-рг-w-іс отъ $\sqrt{\text{руг}}$) завернуть, завертывать и ру-рѣ-ѣс (единичный—і-рѣ-ѣс) выучивать, выучить. Они весьма похожи на вышеупомянутыя эламскія формы, и какъ въ этихъ, такъ и въ тѣхъ хюркилинскихъ формахъ мы имѣемъ дѣло съ итерацией. Здѣсь нельзя предполагать редупликацію, такъ какъ редупликаціей трудно объяснить разницу въ образованіи другихъ формъ продолженнаго вида.

Характерная черта этихъ двухъ продолженныхъ видовъ

находимъ слѣдующее (Эркертъ II, стр. 23): jak-bi dekhk-in-bi, гдѣ -bi суфф. множ. ч., а in (въ dekhk-in) суфф. родительнаго (приблиз. топоры отц-ов-ы). Подобное же явленіе встрѣчается въ андійской группѣ. Есть два суфф. родительнаго: (ш)у- и ѣі-, причѣмъ суффиксы -у-, -шу-, свойственные только разумнымъ существамъ, которые принимаютъ клас. элементы, напр. іму- или імапу- отца (отъ іма), ілу- матери (отъ іла), һонѣі селенія (отъ һон). Эти родительные падежи, собственно говоря, прилагательныя (подробности въ моемъ очеркѣ андійскаго языка). Такія же явленія встрѣчаются въ ново-эламскомъ языкѣ. (Зам. перев.).

та, что въ нихъ встрѣчается основа въ чистой формѣ, ибо 1) нѣтъ въ нихъ (какъ и въ другихъ случаяхъ) того w, которое въ единичномъ видѣ слѣдуетъ за основой, и которое, можетъ-быть, соответствуетъ грузинскому элементу настоящаго времени -в, -б, -м и 2) нѣтъ въ началѣ продолженныхъ видовъ классныхъ элементовъ w, д, в, такъ часто встрѣчающихся у единичныхъ.

Оба примѣра глагольной итерациі отступаютъ въ одномъ довольно важномъ пунктѣ отъ итерациі существительныхъ, а именно въ томъ, что коренной гласный выпадаетъ во второй половинѣ итерованнаго слова. Это то же самое явленіе, какъ въ эламскомъ, гдѣ накопленіе трехъ согласныхъ привело къ выпаденію одного—перваго (*ругрг-іс >руг-іс). Вслѣдствіе этого внѣшняя форма этихъ словъ немнога странная. Въ то время какъ законъ образованія этихъ формъ ослабѣлъ, а внутренняя разница между единичными и продолженными дѣйствіями продолжала существовать, языкъ искалъ новыхъ средствъ, чтобы выразить разницу между обѣими категоріями. Такимъ образомъ, возникло множество новыхъ способовъ выражать это различіе. Такъ, напр., случайное отсутствіе классныхъ элементовъ въ продолженномъ видѣ послужило исходнымъ пунктомъ новаго развитія. Опуская итерацию, извѣстное количество глаголовъ, начинающихся на лу-, образовало продолженную, тождественную съ основной (коренной) формою, между тѣмъ какъ единичная различается отъ продолженной классными элементами. Ср. лус-іс (единичн. wі-лс-іс) прясть, лу-қ-іс (единичн. ілқ-w-іс) писать, луѣ-ас (един. і-л-‘ас) считать, лут-іс (един. і-лт-іс) ошипать, лум-іс (един. і-лп-іс) вѣлать, и также луѣ-іс (един. ѣ-іс) дать.

Кажется, впрочемъ, что иногда начальное р или д (также л по аналогіи) выпало, потому что его ошибочно приняли за классный элементъ. Такимъ образомъ объясня-

сти новый принципъ для образованія аналогичныхъ формъ, а именно, посредствомъ вставки *р* или *д* въ основу (корень) глагола. Лингвистическое чутье (*das sprachliche Empfinden*) придало этимъ вторгнувшимся элементамъ продолженное значеніе, имѣвшее уже вначалѣ болѣе длинныя формы, но придало имъ также характеръ классныхъ элементовъ, котораго они не имѣютъ, напр.: *i-rt-ic*, *d-i-rt-ic*, *v-i-rt-ic* надождать (един. *i-t-ic*, *d-i-t-ic*, *v-i-t-ic* опротивить). Другіе примѣры у Шиффера § 81. Другой способъ объяснить эти формы читатель найдетъ ниже (Объ игерациі въ картвельскихъ языкахъ).

Подъ вліяніемъ классныхъ элементовъ могутъ, конечно, образоваться въ единичномъ видѣ другіе гласные, чѣмъ въ продолженномъ, въ которомъ первоначально такихъ класс. элементовъ не было (ср. *warwic* и *irgwis* рядомъ съ *rup-ic*), и вполне понятно, что развивающійся языкъ, удаляющійся все болѣе и болѣе отъ первоначальнаго типа, пользовался этимъ способомъ различенія. По Шифферу (§ 80) почти половина всѣхъ продолженныхъ глаголовъ слѣдуетъ этому закону. Приведу нѣсколько примѣровъ: *i-vk-ic* (един. *a-vk-ic*) отпирать, открывать, *i-c-ic* (един. *a-c-ic*) покупать, *i-q-ic* (един. *w-æq-ic*) дѣлать, *u-rc-ic* (един. *a-rc-ic*) летать.

Впрочемъ, не считаю невозможнымъ, что другое явленіе, происшедшее на томъ же основаніи, на которомъ образовались „указатели направленія“ грузинскихъ глаголовъ (*v-a-zin-eb* усыпляю, *v-i-zin-eb* засыпаю; *v-icer* пишу, *v-i-icer* пишу для себя) вмѣшалось въ образованіе вышеупомянутыхъ хюркилинскихъ формъ.

Само собою разумѣется, что въ этихъ формахъ, въ сущности не вполне понятныхъ, обозначеніе классовъ утвердилось въ продолженныхъ глаголахъ. Это не что иное, какъ попытка уничтожить продолженный видъ какъ особую морфологическую категорію,—попытка, которая въ дру-

гихъ языкахъ, кажется, увѣнчалась болѣе полнымъ успѣхомъ. Но даже въ хюркилинскомъ языкѣ есть дюжина глаголовъ, не показывающихъ никакой морфологической разницы между обѣими категоріями (§ 81); это — конечные члены продолженнаго развитія.

Но возвратимся еще разъ къ нашему явленію, къ тому именно, что вопреки всѣмъ усиліямъ въ очень многихъ случаяхъ продолженный видъ не принимаетъ классныхъ элементовъ. Причину этого мы должны искать, съ одной стороны, въ значеніи продолженнаго вида, съ другой — въ характерѣ классныхъ элементовъ. Въ своей богатой мысли ми клигѣ „*Weiteres zur Sprachgeschichte*“ (Берлинъ, 1889) Гейприхъ Винклеръ говоритъ о значеніи родовъ (классовъ) въ сѣверо-кавказскихъ (восточно-кавказскихъ) языкахъ и пришелъ приблизительно къ слѣдующимъ выводамъ. Роды въ кавказскихъ языкахъ различаются существенно отъ того же явленія въ индо-германскихъ и семитическихъ языкахъ, потому что они не происходятъ отъ грамматическихъ категорій, въ которыхъ понятіе о родѣ (*Geschlechtsbegriff*) существуетъ *eo ipso*, но потому, что они употребляются только для того, чтобы достичь болѣе ясной и опредѣленности и потому, что въ обозначеніи классовъ проявляются также извѣстныя категоріи; такъ, напр., существа разумныя и неразумныя, оживленныя и неоживленныя. Эти категоріи господствовали первоначально въ сказанныхъ языкахъ, различіе же половъ составляетъ второстепенное явленіе ¹⁾.

¹⁾ Ср. мою статью «О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ» въ «Сборн. мат., в. XXXVII». Я ознакомился съ книгою Винклера только недавно, когда моя статья была уже напечатана, но я могу констатировать, что мы съ Винклеромъ пришли почти къ тѣмъ же самымъ выводамъ. Вотъ, что авторъ говоритъ на стр. 28 своей книги „*Weiteres zur Sprachgeschichte*“: все говоритъ въ пользу того, что различіе половъ составляетъ вообще второстепенное явленіе; первоначально господствовала одна классификація по высшимъ и низшимъ существамъ въ разныхъ категоріяхъ, образовавшихся въ этихъ педантичныхъ, въ этомъ отношеніи, языкахъ (именно кавказ-

Я не стану говорить здѣсь о происхожденіи обозначенія классовъ въ кавказскихъ языкахъ (можетъ-быть, здѣсь дѣйствовало вліяніе индо-германскихъ языковъ). Я хотѣлъ бы заняться вопросомъ, почему классные элементы кавказскихъ языковъ префиксуются въ этихъ суффилирующихъ языкахъ. Я думаю, что лучше всего выбрать исходнымъ пунктомъ абхазское мѣстоименіе. Вполнѣ индифферентному слогу ара префигируются здѣсь во 2-мъ лицѣ муж. пола ед. ч. у-, женск. пола б-, въ 3-мъ лицѣ муж. j-, женск. л-, а въ neutr. abs. д-. Значить, родовые элементы различаются по лицамъ. То тогда это не родовые элементы, по остатки въ первоначальномъ своемъ видѣ разныхъ прономинальныхъ элементовъ различныхъ категорій, которые комбинируются съ -ара, подобно лат. hi-c, haе-c, ho-c. Классные элементы глагола тогда не что иное, какъ окаменѣлыя Subjectspronomina, которыя, какъ этого требуетъ духъ языка, указываютъ на подлежащее. Классификація вещей, лежащая въ натурѣ этихъ языковъ, привела въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тому, что забыли о прономинальномъ характерѣ этихъ глагольныхъ префиксовъ и въ то же самое время развилось половое значеніе родовъ. Когда развитіе родовъ достигло извѣстной опредѣленности, различіе по лицамъ не стало болѣе нужнымъ и упростился весь аппаратъ родовыхъ префиксовъ, смотря по количеству существующихъ категорій. Такимъ образомъ разница въ классныхъ элементахъ второй категоріи, напр. (i, j, д. Винклеръ, стр. 28)

скихъ); классификація широко распространена во многихъ лингвистическихъ типахъ. Само собою разумѣется, что высшее существо—это мужское, но, очень характерно, только въ своемъ качествѣ совершеннаго индивидуума муж. пола (nur in seiner Qualität als volle männliche Potenz), которому противопоставляется какъ низшее существо—лицо женскаго пола; впоследствии классифицировались также другія вещества....». Впрочемъ, я вскорѣ переведу для Сборника ту часть книги Винклера, которая относится къ кавказскимъ языкамъ. (Замъ перев.).

объясняется выборомъ разныхъ элементовъ изъ всего ряда элементовъ, имѣющихъ въ началѣ одинаковое значеніе. Для мужеск. рода употребляется почти вездѣ у или w, которое я сопоставляю съ эламск. у, митанн. у и груз. в=я. По моему, въ эламск. u hutta-h я сдѣлалъ, въ грузинск. в-ар есмь, митанн. ара-у я далъ и въ хюркилинск. w-a-illa я достигъ, заключается тотъ же самый элементъ: у, в, w=я. Нѣтъ ничего болѣе естественнаго, чѣмъ выбрать самое субъективное мѣстоименіе, а именно я, чтобы обозначать самую разумную категорію или категорію существъ мужескаго пола.

Но, спрашивается, почему еще сегодня нѣтъ въ продолженномъ видѣ классныхъ элементовъ? Едва ли намъ удастся найти причину этого явленія въ современныхъ языкахъ; она павѣрно до-историческая. Причина эта лежитъ несомнѣнно въ натурѣ продолженнаго вида и въ субъективно-личномъ характерѣ классныхъ элементовъ. Само собою разумѣется, что въ предложеніи, въ которомъ находится глаголъ единичнаго значенія, идея подлежащаго (Subjctsbegriff) играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ въ предложеніи съ глаголомъ продолженнаго вида. Тамъ „подлежащее“ играетъ такую же важную роль, какъ и глаголъ, и характеръ кавказскихъ языковъ требуетъ, чтобы на него намекали посредствомъ прономинальныхъ элементовъ. Конструкціи какъ „дѣти-отець-хлѣбъ-онъ-имъ-даетъ“ на своемъ мѣстѣ. Съ другой стороны, легко объясняется, почему въ такихъ случаяхъ прономинальные элементы утверждаютъ на своемъ мѣстѣ передъ глаголомъ и сливаются съ нимъ, какъ это часто встрѣчается въ кавказскихъ языкахъ.

Но дѣло обстоитъ иначе, когда мы имѣемъ передъ собою продолженный глаголъ. Въ такихъ предложеніяхъ главное — это идея, выражаемая глаголомъ, продолжительность дѣйствія. Глаголъ стоитъ на первомъ планѣ, „подле-

жащее“ отступаетъ. И такъ какъ въ предложениі только одна главная идея, то нѣтъ никакой надобности намекать на остальные. И такъ, мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы передъ продолженнымъ видомъ утверждались проном. элементы.

Теперь спрашивается, какое значеніе имѣетъ итерациа въ эламскомъ глаголѣ, существованіе которой доказана Хюзингомъ (Hüsing)¹⁾. Устное сообщеніе Хюзинга, что здѣсь дѣло только въ продолженіи, повтореніи или въ постепенномъ совершеніи дѣйствія, вѣроятно оправдывается. Правда, что не совсѣмъ цѣлесообразно ссылаться на ахаманидскій эламскій языкъ, который подвергся сильнымъ чуждымъ вліяніямъ, но есть и здѣсь случаи, которые блистательно оправдываютъ его мнѣніе. Въ предложениі „^makka-ri ^mKomatta-tora-ka inne li-lma-k, kuš и šinni ket“ (Bg. I, 40) = „никто не осмѣливался сдѣлать что-нибудь противъ Гаутаму, пока я не пришелъ“ итерациа li-lma-k, безъ сомнѣнія, — продолженное дѣйствіе, а šinni ket — новое и, слѣдовательно, единичное дѣйствіе. Глаголъ kuti означаетъ *нести*; его итеративная форма — продолженное пошеніе, а также храненіе, сохраненіе. Вотъ примѣръ: anka ^{as}tippi hi čija-n-ti hinnakkani-ma, [āk inne arpin ki(?)] ri-ñ-ti, sar innippeta čila ku-ktan-ta, ^{na}Oramašta ^mnin Kane-š-ne (Bg. III, 85 сл.) = „Если ты видишь (увидишь, единич.) эту надпись на стѣнѣ и не разрушишь (единич.) ея, но если ты будешь хранить (продолж. — оттуда ku-ktan-ta) ее, пока ты живъ(?), да посѣтитъ тебя Ахурамазда (какъ друж. божество)“. Рядомъ съ единичнымъ ^mni akka meššin ^{as}tippi hi čija-n-ti (Bg. III, 85) = „ты, который увидишь послѣ эту надпись“ встрѣчающаеся въ другомъ мѣстѣ (Bg. III, 66 сл.), но въ томъ же самомъ контекстѣ, re-pra-n-ti, можетъ-быть, означаетъ вторичное чтеніе, изученіе. Думаю, что re-pti-p означаетъ „они отпа-

¹⁾ Въ разныхъ статьяхъ Orient. Litteraturzeitung и въ W. Z. K. M.

дали одинъ за другимъ“, а ре-рта-ѣ „онъ мало-по-малу заставлялъ отпадать“, „онъ возмущалъ“.

Я говорилъ объ этихъ эламскихъ явленіяхъ, чтобы доказать совершенное сходство съ явленіями хюркил. языка, и это бросаетъ новый яркій свѣтъ на родство эламскаго съ кавказскими языками.

Въ *аварскомъ* языкѣ многократный видъ образуется посредствомъ итерациіи, отъ те-зе лить, сорвать получается те-те-зе обрывать, рвать, отъ қанц-ізе прыгнуть, қанц-қанц-ізе дѣлать прыжки и т. п. Классической примѣръ—гал-ізе говорить, рядомъ съ гар-гар молва, говоръ. Въ существительныхъ встрѣчается иногда итеративная форма рядомъ съ простой, напр. коас шерсть, коаскоас вата.

Лакскій. Итерация встрѣчается также въ лакск. языкѣ. Несомнѣнную итерацию находимъ, напр., въ бал-за разговоръ (ср. авар. гал-ізе), туті виноградная кисть (удин. тул виноградная ягода). Кроме того, есть цѣлый рядъ глаголовъ, въ которыхъ первые два согласнаго корня одинаковы, напр.: тїті-н открывать, шаша-н ткать, шаша-н варить, чічі-н писать, баба-н ломать, хјахја-н расти, хаха-н дуться, сердиться, кайка-н видѣть, смотрѣть, қуқи-н рѣзать, қақа-н сушить. Есть и Nomina, какъ, напр., ёуёу (авар. кеке) сосокъ, каки желтый, блѣдный, ханха тѣло, қјанқја твердый, жесткій, қуқлу мягкій, қјарқјі грязь, куркі круглый, қақарі горло, халахі игла, қунқур котелъ, зіміз муха и пр.

Эти примѣры въ концѣ концовъ ничего не доказываютъ, но въ глаголѣ есть еще многочисленные слѣды итеративныхъ категорій. У Шифнера находятся (§ 85) самые интересные: шана-ша-р отъ шана-н спать, заиа-за-р отъ заиа-н ходить, кана-ка-р отъ кана-н дѣлаться, вана-ва-р отъ вана-н ѣсть, на-на-р отъ на-н ходить, итти. Кроме послѣдняго, это корни съ двумя согласными. Но итерация не ограничивается таковыми корнями; такъ, напр. отъ глагола ула-н,

дулла-н, булла-н образуется существ. уллалла-бу (§ 102), отъ ту-н сказать (тра говорю) получается повелит. туту; отъ кја-н смѣяться образуется помен verbale кја-бу или кјакја-бу, и повелит. кјакју; по-н жать хлѣбъ—имѣетъ настоящее по-ра, отъ чун полоть: чуч-ра и пр.

Другой способъ образованія итеративныхъ формъ—при посредствѣ инфикса лу, напр. у-ва, у-лу-ва дѣлай, насу: налусу иди (§ 81). Но и здѣсь старый законъ сохранилъ свою силу, что видно изъ извѣстныхъ формъ глагола $\sqrt{\text{и}}$ быть, остаться. Изъ него образуется иқл, что означаетъ: быть или оставаться вторично, продолжительно, и отъ иқл получается помен verbale иқл-а-қа-бу (дѣла-қа-бу, бѣла-қа-бу).

Южно-кавказскіе (картвельскіе) языки. Сравненіе формъ какъ лакск. бал-ба съ авар. гал-ізе, лакск. шана-ша-р отъ шан-ан и хюрк. кар-ка съ лакск. чару знакомятъ насъ съ особеннымъ, довольно часто встрѣчающимся, типомъ итерации, главный признакъ котораго состоитъ въ выпаденіи послѣдняго радикала во второмъ итерит. слогѣ. Возвратимся однако къ $\sqrt{\text{гал}}$. Онъ встрѣчается въ чистой формѣ только въ будухскомъ бара(-кари)¹⁾: во всѣхъ другихъ языкахъ въ итерат. формѣ, особенно въ агульскомъ: гор-га-с²⁾ и въ южно-кавказскихъ языкахъ: сван. (лі)гер-га(лі), лав. (го)гар-га-(лу), (у)-гар-га-(ла). Эти примѣры доказываютъ существованіе глагольной итерации въ картвельскихъ языкахъ. Но прежде чѣмъ говорить подробнѣе объ этомъ, я долженъ заняться другими формами $\sqrt{\text{гал}}$, такъ какъ подробное изученіе этихъ формъ даетъ намъ важныя свидѣтельства другого рода. Рутульское ал-г-(у)н и табасс. ул-х-уб (улх-уз) навѣрно не что иное, какъ итер. формы типа гал-га, упро-

¹⁾ Въ моихъ матеріалахъ нарақарі. (Замѣч. перев.).

²⁾ Собств. бурѣв-ас дѣпр. прош. буѣ-уна. (См. мою агульскую грамматику).

щенные въ началѣ слова ¹⁾ (ср. кюр. лѣкъ-ўн, мингр. раг-ад). Такимъ образомъ *итерат. формъ иногда не что иное, какъ перевернутый корень* (So wird die iterierte Form zu einer einfachen Umkehrung des Stammes). Есть основаніе думать, что это явленіе встрѣчается особенно въ корняхъ, оканчивающихся на р или л. Такъ часто встрѣчающаяся въ кавк. языкахъ перестановка р и л навѣрно имѣетъ свою причину въ итерациі, теперь уже болѣе не узнаваемой (я здѣсь не говорю объ аналогичныхъ формахъ). Если мы, напр., находимъ лазск. кра, ингил. қаж, груз. рқа (=рогъ), то мы можемъ предположить, что послѣднее произошло изъ *кар-ка, между тѣмъ какъ лазское слово сохранило чистый корень. Такимъ же образомъ грузинск. вла итти образовалось изъ чистаго корня (анд. вулінну ²⁾), лаз. олга изъ итер. корня.

II.

Н е б о.

Кавказскія слова, означающія „небо“, производятъ, вопреки кажущемуся различію, впечатлѣніе, что они родственны между собою. Южно-кавказскія формы ца, цај, за (рядомъ съ лазск. ча и ка) вѣжутся очень исковерканными (abgeschliffen). Замѣчательно сван. дец, которое указываетъ на *дека. Разница въ современномъ словѣ также здѣсь объясняется удареніемъ: *дка > ца, *дека > дец. Подъ вліяніемъ

¹⁾ Таб. ұлх-уз навѣрно стоитъ вмѣстѣ һулх-уз, булх-уз или подобной формы; ұ произносится (какъ и а) со сжатой гортанью, что указываетъ на выпаденіе гортаннаго, такъ что авторъ вполне правъ, сопоставляя табасс. ұлх- съ гал. Рутульск. адг-ўн говоритъ навѣрно также принадлежитъ къ этому корню, только рутульцы видятъ въ л этого слова классный элементъ и замѣняютъ его звукомъ р въ формахъ, относящихся къ «подлежащему» женскаго рода. Такъ, напр. мужчина скажетъ: зм а-л-г-ара я говорю, а женщина зм р-а-р-г-ара. Повелительное будетъ алга, соотн рарга! (Замѣч. перев.).

²⁾ Корень -л. См. мою анд. грамм. Впрочемъ, возможно, что андійцы увидѣли въ корнѣ *вул, *вл, классный элементъ в. (Зам. перев.).

д звукъ к перешелъ не въ ц, а въ з, откуда формы, какъ акуш. цувне, хюрк. зуврі, табас. зав, агул. заw, буд. заw, джек. зow, хинал. зов, авар. зоб, лак. сау, ласк. заа, жа. Въ чеченскомъ языкѣ д сохранилось другимъ нѣскольکو способомъ: тамъ образовалось вслѣдствіе перестановки стігил, стігла- (рядомъ съ сегил); решін же (анд. и кар.) производится изъ формы *леку-н, которая, въ свою очередь, указываетъ на форму *леку-н. Но въ этомъ не все еще ясно. Третій согласный корня былъ (на что указываютъ замѣняющіе его чеченск. г, агульск. w, аварск. б, варк. пп (цуппи), двугласный *кв. Въ пользу этого предположенія говорятъ еще, очевидно, довольно старинныя формы абхазскаго языка (а)-ж'г'ан, (а)-з-х'ан (< *д-гугван соотн. д-г-хван), а также другіе перестановочныя формы (а)жзмвхіан (< *д-г-у-вхан) и (а)жзвн'уан, (а)жзуванд¹). Черкесскія нарѣчія, сродныя съ абхазскимъ, выбрасываютъ первый коренной согласный и производятъ это слово изъ формы *(г)вакв(а): шапсуг. (в)уаз'ѳе, (в)уашо, абадз. (в)уаше, кабард. уафе (< *уаша?). Черкесскія формы вмѣстѣ съ абхазскими важны потому, что имѣютъ послѣ второго коренного гласнаго в, котораго нѣтъ въ другихъ языкахъ. Мы получаемъ, такимъ образомъ, два прототипа: 1) даквевва + согласный и 2) дакеква + согласный. Отъ перваго происходитъ абх.-черк. группа, отъ втораго всѣ остальные.

Конечный согласный въ хюркил. р²), также въ кайт. цірбе (перестановка изъ *керве, *кергве, *кегвре); въ чеченскомъ (стігил) и въ рутульскомъ (х'ал) л, можетъ-быть также въ кабард. (оала)³), въ абхазск., акуш., андійск. и

¹) Усларъ (и съ нимъ Шифнеръ) изъ всѣхъ этихъ формъ знаютъ только одну ж'г'ан, а-ж'г'ан. Другія взяты авторомъ у Эркерта. (Зам. перев.).

²) Авторъ прибавляетъ: въ агульск. и табасс. Это—не точно, формы завар (агульск. и табасс. рядомъ съ зов, зав) авторъ черпалъ изъ Эркерта, но это просто множ. число отъ зав.

³) Л. Г. Лопатинскій не знаетъ этого слова. (Замѣч. перев.).

карат. -н. Такъ какъ л и н очень часто замѣняютъ другъ друга, я думаю, что въ старинныхъ словахъ стояло р.

Я не говорилъ о дид. ас и не обращалъ никакого вниманія на позаимствованныя изъ турецкаго и арабскаго языковъ слова въ удинск. и арчинск.¹⁾ (См. сравн. таблицу ниже).

III.

Ж е л ѣ з о.

Эркертъ объясняетъ груз. ркіна = желѣзо изъ армянск. еркат. Онъ былъ бы вполне правъ, если бы нельзя было объяснить этого слова посредствомъ кавказскихъ языковъ. Настолько мнѣ извѣстно, никто не пробовалъ сдѣлать этого. Я думаю, что табасс. руд²⁾ и подобныя ему формы другихъ языковъ: вюр. рад, агульск. руд, рут. һілаг, джек. ілѣнг, абх. ејха (а-ејха) стоятъ очень близко къ груз. ркіна. Что конечный слогъ имѣетъ то л, то и нисколько не мѣшаетъ, потому что въ кавказскихъ языкахъ, даже въ одномъ и томъ же, н и л, н и р очень часто замѣняютъ другъ друга. (Ср. Эрк. II, стр. 294). Почти всѣ другіе языки бросили это -л, -на, такъ что можно думать, что это не что иное, какъ произв. суффиксъ. Теперь мы можемъ также сказать, что еркатъ позаимствовано изъ кавказск. языковъ. Конечный тъ произошелъ, вѣроятно, изъ д, а это изъ л.

Корень (основа) этого слова имѣлъ, вѣроятно, больше двухъ согласныхъ. За это говорятъ сван. береж, хин. ура (= *вра), хюрк. мірн. Близко къ этому послѣднему стоитъ множество другихъ формъ, въ которыхъ р выпало; такъ авар. мах, лакск. ме^с, вурк. міх, кубач. міх, кайт. мех,

¹⁾ У Эркерта «небо» по-арчински дуніл что означаетъ: вселенная. Говорятъ наѣдутъ дуніл синяя вселенная=небо. (Зам. перев.).

²⁾ У автора рудел (по Эркерту, который даетъ еще форму руд). (Зам. перев.).

меј, агуш. ме. Выпаденіе р передъ гортаннымъ объясняется тѣмъ, что оно перешло въ ʒ. За это говорятъ черкескія формы: каб. ʒуѣ, шапс. и абадз. ʒуче, которыя палатазируютъ слѣдующее за р—к, и чеченскія формы (перестановочныя) еѳиг (туш. ајѳѣ), чѳ, еѳк.

Перестановкой, но безъ палатализаціи, объясняется дид. гер. Я не буду говорить о формахъ (данныхъ Э.'омъ): кар. ʒуб(а)¹⁾, арч. лауѳ и удинск. зѳдо.

Итакъ, прототипъ нашихъ словъ, вѣроятно, *баркіл или *варкіл.

Южно-кавказскія формы отбрасываютъ начальное *б, соотн. *в, вѣроятно, подъ влияніемъ падающаго на конецъ слова ударенія. Подобное явленіе встрѣчается въ ингл. и груз. аѳ(і) рядомъ съ віѳ, міѳа-то, гіѳу-д²⁾ и т. п. другихъ языкахъ; начальное *гв выпало въ ингл., груз. и сванск. языкахъ. Въ лаз.-мингр. языкѣ сохранилось *гв, тамъ 10 = віѳ(і). Предыдущее ш дольше сохраняетъ *к передъ в, но оно отбрасывается очень энергично въ груз. и въ ингл.; такъ, напр. мингр. шѳвіѳі 7, груз. швіѳі, ингл. шѳді, шѳд. Сванскій языкъ занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто: онъ имѣетъ ішгвѳд.

Между тѣмъ какъ въ груз. и въ нѣкоторыхъ другихъ южно-кавказскихъ языкахъ первый коренной согласный выпалъ, онъ сохранился въ сванскомъ подъ видомъ б. Это немножко странно, такъ какъ сванскій обыкновенно поступаетъ такъ, какъ груз. языкъ. Еще болѣе страннымъ оказывается фактъ, что третій согласный палатализованъ, чего нѣтъ въ другихъ картвельскихъ языкахъ. Можно слѣдова-

¹⁾ Анд. ʒуб, болл. и год. ʒубі, кар. куан, тинд. ʒуба. Къ гер относится, вѣроятно, хвар. ʒыл, капуч. ʒіл. (Зам. перев.).

²⁾ гіѳуд по Эрк. 10 въ рутульск. языкѣ. У меня записано јіѳ'уд. Зато нѣкоторыя андійскія формы имѣютъ н въ началѣ (изъ *г, *к?), напр. анд. һоѳо — болл. һаѳа — кар. һаѳѳа — тинд. һаѳѳа — (Зам. перев.).

тельно предполагать, что сванскій языкъ позаимствовалъ родственную, но все-таки некавказскую форму. Это едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, чѣмъ ассир. *barzillu* (барзіллу, евр. ברזל). Я даже считаю возможнымъ, что оно вошло въ сван. прямо изъ ассирійскаго, если, впрочемъ, южные кавказцы дѣйствительно когда-то сидѣли южнѣе, чѣмъ теперь. За это говорятъ также картв. слова, означающія „вирпичъ“: груз. агурі, сван. ангурі, мингр. ангура, абх. (позаимств.) ангур. Другіе кавказскіе языки употребляютъ турецкія слова.

Мы еще не знаемъ подробно, какъ выговаривалось ассир. *z* и евр. *z*. Хюзингъ въ своей диссертациі („Die iranischen Eigennamen“, Königsberg, 1897, стр. 4 и 5) замѣчаетъ, что *z* представляетъ собою аффрикату, а именно дж, можетъ-быть — ж. То же самое, вѣроятно, съ евр. *z*. По крайней мѣрѣ въ одномъ нагѣвѣ псалма написано разъ *לרזשן* (пс. LIX. 10) вмѣсто *לרזשן* (тамъ же, 18), ашам-мѣрāh вм. ажам-мѣрāh. Если, слѣдовательно, въ ассир. произносилось барзіллу или барціллу, то сван. береж не представляетъ ничего страннаго.

Я уже выше намекалъ на то, что кавказ. прототипъ *баркіл или *варкіл такъ похожъ на ассир. барзіллу (евр. ברזל), что нельзя сомнѣваться въ генеалогической связи между ними. Но кавказская форма навѣрно старѣе семитическихъ. Въ такомъ случаѣ мы должны искать родину нашего слова не въ Месопотаміи, хотя оно тамъ существуетъ приблиз. съ 1500 г. до Р. Хр., а на сѣверѣ — у предковъ нынѣшнихъ кавказцевъ. Можетъ-быть, среди нихъ были народы, живущіе южнѣе другихъ, которые палатализовали *k* и отъ которыхъ происходитъ прототипъ старыхъ семитическихъ формъ.

ІХ.

Два кавказскихъ числительныхъ.

„1“. Формы числительнаго 1 въ лезг. и чеч. языкахъ такъ похожи, что не трудно найти ихъ первоначальную форму. Они: цо, ца, це, са, се, сі, ос, нос. Въ груз. ца тоже можетъ быть отмѣчено. Правда, оно вытѣснено другими формами: лав.-мингр. ар(тї), инг.-груз. ер(тї). Спрашивается еще, принадлежит ли сюда сванск. ешху—ешхві? и, особенно передъ т или д, въ сванскомъ, кажется, стоитъ вмѣсто стараго небнаго р (ср. сванск. мешхе, хин. міча, чеч. бержіц, шапс. вруце, каб. фѣце черный; можетъ-быть, сюда относятся также анд. бече-дїр¹), арч. бехе-т-, удинск. м'аін (маїн)). Такимъ образомъ теперь повятепъ переходъ отъ *е-р-(хві) и южно-кавк. ер, ар до еш(хві). Но -хві, (ху) остается пока невыясненнымъ. Я думаю, что оно сродно съ абхазск. (а)-к, а-кү. Въ этомъ языкѣ есть еще второе числительное для разумныхъ существъ; (а)-дзвү, которое стоитъ довольно близко къ черк. формамъ зе, зі, зы, зы, зы.

Если, такимъ образомъ, хві сванской формы составляетъ особый элементъ, то нельзя не видѣть въ -ві особаго второстепеннаго элемента, какъ въ іер-ві=2, такъ что все слово состоитъ изъ двухъ элементовъ, означающихъ „одинъ“ въ другихъ кавказскихъ языкахъ: *еR + х, къ которымъ прибавлено еще окончаніе ві. Если не принять во вниманіе черк. языки, мы находимъ слѣдовательно во всемъ Кавказѣ одинаковые элементы: -к, -ке, х, цо, ца, це, са, се, сі, происходящіе всѣ отъ прототипа *ке + ? Позволяю себѣ указать на эламск. кі-р, кі-к(ві) (Винклеръ и Хювингъ!), которое прямо является прототипомъ всѣхъ другихъ формъ.

¹) Основа анд. слова -чедїр—бе классный элементъ 3-го класса. Точно также во всѣхъ андійскихъ нарѣчіяхъ: андійцы, быть-можетъ, увидѣли въ началѣ слова типа *бек- классный элементъ. (Зам. перев.).

Рядомъ съ этой группой есть еще другая, а именно *eRu, главные представители которой сванск. еш-(хви), абх. (а)дзву, абадз. зе, зv, каб. ззм, шапс. зі, зм, инг. ер(т), груз. ер-ті, мингр. ар(ті), лаз. ар, арч. ос. Сохранились слѣды синтаксическаго различія обѣихъ группъ. Оно основывается на классификаціи всѣхъ понятій по личности и предметности (persönlich и sächlich). Первый Винклеръ (Weiteres zur Sprachgeschichte, стр. 21—30) указалъ на существованіе этого различія въ кавк. языкахъ, а затѣмъ Хюзингъ (Zur Structur des Elamischen. Or. Lit. Ztg. 1905. Sp. 50—54 и „Zur elamischen Genitivconstruction“ Sp. 549—553) сдѣлалъ то же самое для эламскаго языка. До него Винклеръ сдѣлалъ первую, увѣнчанную успѣхомъ, попытку освѣтить тьму, въ которой лежалъ эламскій языкъ. Научное изслѣдованіе эламскаго начинается его книгою „Die sprache der zweiten columne der dreisprachigen inschriften und das altaische“.

„З“ Ни одно числительное такъ ясно не показываетъ, съ одной стороны, генеалогической связи между отдѣльными кавказск. языками, а, съ другой стороны, разные пути ихъ развитія, какъ числительное „З“. Мнѣ кажется, что самая старинная форма начиналась на небное х (h̄). Отъ этого пункта есть три пути:

1) Посредствомъ латерализаціи получается η. Сюда принадлежатъ: авар. цаб-го, анд. цоб-гу, кар. цаб-да, дид. цоно, арч. цаба-у¹⁾.

2) Если артикуляц. базисъ двигается назадъ, получается: х, х̄, h (последнее можетъ выпадать), хв. Сюда относятся уд. хіб, рут.-каит. хаба-л, акуш. хабо-л, хюрк. бѣвал, варк. ав, кубач. ав, ев, аб (лучше ѳв), абх. х-ца

¹⁾ Я упрощаю. У автора находится, напр. дид. цоно=з (по Эрк.). Не думаю, чтобы подобная форма существовала. (Зам. перев.).

и чеч. кyoй¹⁾. Вслѣдствіе передвиженія ударенія отъ начала къ концу слова образовались формы, какъ вюр. *пуд*.

Перемѣна *h* въ *m* произвела табас. *шѣбу-*, буд. и джек. *шѣбу-д*, лавск. *шам-ма*, *шан-ба* (-ва-да). Перестановка (а не *Vorschlag*, какъ предполагаетъ Эркертъ) находится въ хинал. *пшва*²⁾. Похожи на лавск. *шам-*, *шан* южно-кавказскіе: мингр. *шумі*, *сумі*, лавск. *жум*, *сум*, ингил. *сам*, груз. *самі*, сван. *семі*. Черкесскія формы довольно значительно удаляются отъ предыдущихъ: абадз. *шші*, *ше*, *ші*, каб. *см*, шапс. *ші*, *с(ш)і*.

Какъ видно изъ только-что приведенныхъ словъ, второй коренной согласный сохранился подъ формою *m*, *b*, *v* (въ *кубач.*, *варк.* и чеч.). Пока я отмѣчаю *w*. Гласный коренного слова, вѣроятно, *i*, такъ какъ трудно предположить, чтобы въ рутульскомъ, агульскомъ и удинскомъ замѣнился задній гласный переднимъ при гутурализаціи **h*³⁾. Но легко понятно, что подъ влияніемъ слѣдующаго губнаго *i* перешло черезъ *e* въ другіе гласные (*ö*, *a*, *y*). Такимъ образомъ, прототипомъ будетъ приблизительно **hiw* + гласн.

V.

Объ одной южно-кавказской перемѣнѣ звуковъ.

Эркертъ даетъ въ своихъ грамматическихъ замѣткахъ о южно-кавказскихъ языкахъ генеалогическое древо этой группы, которое, конечно, подвергнуто извѣстнымъ оговоркамъ. Во всякомъ случаѣ нельзя видѣть въ лазо-мингрель-

¹⁾ Я поправилъ транскрипцію почти всѣхъ словъ. Авторъ прибавляетъ еще рут. и агул. *хибу-д*, цах. *хебу-д*. Но они плохо записаны у Эрк. У меня есть (см. Агульскую грамм.: рут. *hiб-уд*, цах. *heб-*, агул. *hiб-уд*). Слѣдовательно, они принадлежатъ къ первому типу. (Зам. перев.).

²⁾ Я вижу въ этомъ окаменѣлый классный префиксъ *b* (8-го кл.). Какъ таковой, оно находится также въ другихъ словахъ. (Зам. перев.).

³⁾ Только удинскій языкъ изъ этихъ трехъ гутурализировалъ **h* (Зам. переводчика).

скомъ языкѣ отрасли ново-грузинскаго: груз. самі, мингр. шумі 3, груз. цхра: мингр. чхоро 9, груз. асулі: мингр. осурі дочь, груз. оді: мингр. ечі 20, груз. шен: мингр. сі ты и др. не допускають подобнаго предположенія. Развѣтвленіе картвельскихъ языковъ гораздо старше. Въ частности сванскій языкъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ отрасли древне-грузинскаго.

Сванскій языкъ часто сохраняетъ ш передъ т и д, каковое явленіе исчезло въ другихъ идіомахъ той же группы. Покажу это посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ: 4 сван. оштѣх, воштѣхв, груз. и мингр. отѣхі. Сравните арч. ебе-q-а-ту, которое сохранило начало и конецъ второй сванской формы¹⁾ и ласкск. муq-ба, муq-ва и ир. Прототипъ приблизительно *e(в)ештѣв.

5: Прототипъ: *веквіРт

сван. вохвішд (охушт)

чеч. пхij

черк. тѣфу (тѣху)

хин. цху

груз. т

мингр. ху тi

Кабард. тѣху и чеч. пх(ij) заставляють насъ думать, что сванскому ш соотвѣтствовало въ пра-кавказскомъ (irkaukasisch) языкѣ R (? перев.) какъ это выходитъ изъ другихъ сравненій, напр. сладкій:

сванск. г-āмашт

пра-груз. *са-амовлт (ново-груз. саамовнот съ переходомъ л въ н)

мингр. г-емуо-кі²⁾.

¹⁾ Всѣ арчинскія числительныя за исключеніемъ ос (=1) принимаютъ окончаніе тѣу. Оно, слѣдовательно, не принадлежитъ къ корню. (Зам. перев.).

²⁾ Все это крайне сомнительно. Не понимаю, почему авторъ отдѣляетъ г отъ остальнаго слова (гемі груз. =вкусъ); саамовнот означаетъ пріятный; оно надежъ на ит(а) отъ саамовно пріятный. (Зам. перев.).

6: Сванская форма также здѣсь очень близко стоитъ къ пра-кавказской.

Прототипъ:	*всікварТ	
сванск.	ус	гванд
хюрк.	уріга	л
кюр.	руґу	д
арчин.	діґа	ту
чеч.	јах	
груз.	е қв сі (Р' подь формою с)	
ингил.	ō қ с	
мингр.	а м ш-ві (Р подь формою ш какъ въ сванскомъ) ¹⁾ .	

10: Сванск. ешт, ешд соотвѣтствуетъ груз. аті, мингр. віті. Древность начальнаго в происходить изъ другихъ языковъ, напр. арч. віц-ату, кубач. віц, рут. жіц-уд и пр. Характерная переменна звуковъ шт, т̣=ц находится также въ слѣдующемъ примѣрѣ: сван. дошту-л, дошд мѣсяць, луна=лазо-мингр. тута, груз. тве, т̣тве. Сванск. гласный о, лазо-мингр. у указываютъ на онѣмѣвшее (verstumntes) в. Если груз. т̣тве существуетъ или существовало, то мы имѣемъ дѣло съ итераціею *твар-тва(р). Этой формою объясняются анд. борці, кюр. варз, варк., кайт. и кубач. бац, можетъ-быть, и рутул. ваз, хотя возможно, что здѣсь замѣчается иранское вліяніе. Можетъ-быть, Р измѣнило *т въ *к. Изъ формы *тват объясняется чеч. бут.

Медведь. Сванск. даштві соотвѣтствуетъ груз. датві, лазск. туті, мингр. тунті (н < *л). Кажется, были двѣ древнія формы *таРтві и *тваРтві. Изъ первой, по моему, происходитъ груз. и ингил. формы, изъ второй лазо-мингрельскія. Начало слова упростилось когда-нибудь, оттуда арч.

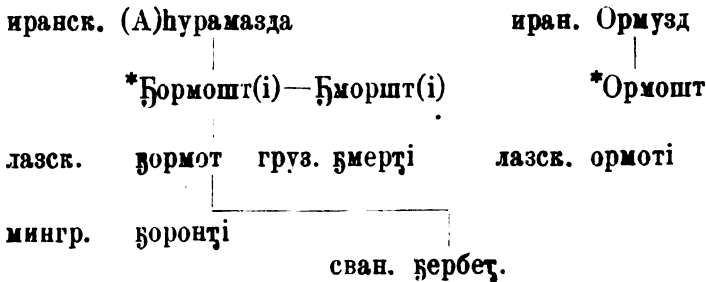
¹⁾ Я долженъ сдѣлать автору слѣдующія замѣчанія. Въ хюркил. всѣ числит. отъ 1—10 имѣютъ суфф. (а)л (за исключ. па 1), въ кюринск. оканч. -д, въ арчинск. -ту. (Зам. перев.).

борх¹⁾, черк. мысе, амшв (каб. мысе) и пр. Въ черкесскихъ языкахъ *Р перешло въ ш; тв упростилось въ в.

Изъ прототипа *тваРтві вышла форма *кваркві, изъ котораго посредствомъ перемѣны р > л > н (часто встрѣчается въ кавк.) образовалось *кванкві. Оттуда, навѣрно, кайт.-акуш.-хюрк. сінка, кубач. сінка, варк. сика и т. п. Изъ *ваРтві черезъ *ванкві образовалось, вѣроятно, агул. банкі-ш и съ переставкою багніш. Генеалогич. древо слова ниже.

Мышь (крыса). Сванск. штуга (<*Ртвга) соотвѣтствуетъ лазск. тугі (<*твга) и груз. тагві (<*тагві); ср. чеч. дахга, каб. змѣо.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, во всѣхъ южно-кавказск. (картвельскихъ) языкахъ, за исключеніемъ сванскаго, ш выпало передъ т̣ и д. Когда это случилось, будущее намъ покажетъ. Для рѣшенія этого вопроса имѣемъ однако важный фактъ, а именно иранское слово, означающее „богъ“, которое ввелось на Кавказѣ передъ водвореніемъ этой перемѣны звуковъ и передалось въ Сванетію послѣ утраты ш. Дѣло, впрочемъ, не такъ просто. Мы имѣемъ двѣ группы формъ, происходящихъ изъ двухъ разныхъ иранскихъ типовъ; самый древній сильно измѣнился:

¹⁾ борх отнюдь не означаетъ «медвѣдь», а «туръ». Медвѣдь по-арч.— хамс. (Зам. перев.).

Таблица 1-ая.

* дзвгварі

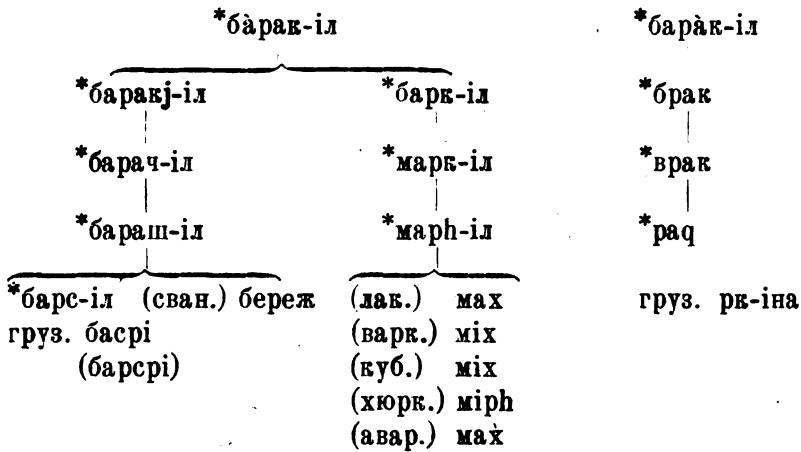
черкеск.	абхазск.	чеченск.	лезг. яз.	эламыск.	картвельск.
* гвагвалі	* д'г'гвалі	* ктегвалі	* дгагварі	* ксгварі	* дсгва
(абвдз.) (в)уаше (шпс.) (в)уашо (в)уазуе	ж'г'ан	стігіл	(агуш.) цувне (хюрк.) зуврі (тэб.) з'ав (агул.) заш (буд.) заш (хин.) зов (авар.) зоб	(кайт.) цірбе (вуб.) цаба (вэрк.) цуппі (хин.) цо (лак.) саг, сау (юж.-элам.) (сван.) дец буббі	* дка (лак.) з'а
(каб.) уафе				(юж.-элам.) бікка	(груз.) ца (лак.) ка
				(кайт.) зак	
				(цэх.) х'ау (кюр.) цав (рут.) х'ал	

твартві

* таштві	* твантві	* кьв(н)кві	* варкві	* ваштві
(сван.) даштв (инг.) дашт (груз.) даштв	(мингр.) тунтї (лаз.) тутї (хюрк.)	(кайт.) (акуш.) сінка (хюрк.) сюр.) сев (руб.) сїкка (варк.) сїка	(лак.) чуша (уд.) шуе (хпн.) цсм (буд.) сор (рут.) сї (дид.) зеј (анд.) феј (кар.) фїј (ав.) ці	ча (чеч.) ча (тунш.) чал (черк.) мнше (каб.) мнфе (агул.) багніш

Прибавленіе. Въ своемъ рефератѣ о книгѣ *Delattre* „Le peuple et l'Empire des Mèdes jusqu' à la fin du rigne de Сузахарте“ *Hommel* уже больше 20 лѣтъ тому назадъ указалъ на то, что „das sogenannte Medische steht nämlich im engsten Zusammenhange mit der bisher ziemlich isoliert dagestandenen georgischen Sprachgruppe“.

Въ только-что появившейся въ печати статьѣ „Eisen und Kupfer im Kaukasischen“ ¹⁾ Хюзингъ предполагаетъ слѣдующее генеалогическое древо:

Изъ предполагаемой формы *барс или *берс, говоритъ Хюзингъ, арійцы, позаимствовавшіе и слово и вещь, сдѣлали бы навѣрно *берс-ом. Извѣстно, что лат. ferrum производятъ отъ *fersum, *bherzom. Хоммель уже указалъ на это, приводя еще лит. gelzo, бабил. girzânum и пр. Можно, слѣдовательно, заключить, что существовало еще *гварак-іл, отъ котораго произвелось *гарсіл, рядомъ съ *барсіл. Итакъ, въ кавказскомъ существовало слово, означающее „желѣзо“, которое такъ походило на семитическое слово, что нельзя отрицать родства этихъ словъ. Кавказскіе же формы ука-

¹⁾ Memnon, Bd. I. Lief. II.

зываютъ на болѣ древнія, еще не палатализованныя. Изъ семитической формы же (барзіллу) выходитъ, что палатализація произошла въ одномъ изъ южно-кавказскихъ языковъ, а то семитич. форма была бы *барзіллу.

А. М. Дарръ.

Суффиксы русскаго языка.

Вліяніе кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе ¹⁾.

4. Суффиксъ -ар-.

Въ арійскихъ языкахъ болѣе распространены суффиксы тар (дар), тор, тер (тель), гар или кар, служащіе для обозначенія дѣйствующихъ лицъ ²⁾, но ихъ можно считать сложнымъ образованіемъ = т (д), і + ар (ор, ер), напр. да-т-аг δω τ-ήρ da-t-or да-т-ель, др.-инд. jé-t-ag побѣдитель, сѣр-д-ѣр начальникъ, хѣзнѣ-д-ар казначей, зер-і-ар (перс.) золотыхъ дѣлъ мастеръ, ахан-і-ар кузнецъ, берде-г-ор носитель (евр.-тат.), гуна-к-ар грѣшникъ (курд.). Поэтому я имѣю въ виду только его суффиксальный прототипъ -ар- (ер), тоже служащій для образованія именъ, обозначающихъ *дѣйствующее лицо, дѣйствителя* ³⁾.

Суффиксъ этотъ и въ своей первоначальной формѣ имѣетъ весьма значительное распространеніе въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Въ латинскомъ языкѣ онъ употребляется, главнымъ образомъ, въ производныхъ именахъ, съ нарощеніемъ наставки us: argent-āri-us серебряникъ, osti-ārius привратникъ, advers-ārius противникъ, ēmiss-ārius шпионъ.

¹⁾ Продолженіе статьи, напечатанной въ XXXI выпускѣ Сборника матеріаловъ.

²⁾ Имена, обозначающія *родство*, оставлены пока въ сторонѣ.

³⁾ Значеніе этого именного суффикса выражено у Миклошича полнѣе: das ausführend, was das verbalthema besagt, und mit dem beschäftigt, was das nominalthema bezeichnet. Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, II, стр. 89.

Въ литовскомъ языкѣ употребленіе его довольно ограничено и примыкаетъ по характеру въ латинскому образованію, но съ переменной *a* въ *o*: власт-орі-ус обманщикъ, гаспад-брі-ус хозяинъ.

Весьма широко его распространеніе въ германскихъ языкахъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ онъ является въ формѣ *er*, происшедшей отъ *arja*, др.-в.-нѣм. *āri*, ср.-в.-нѣм. *aere*, гот. *ageis* (изъ *arjis*, *arjas*)¹⁾: *Frei-er* женихъ, *Neid-er* завистникъ, *Zauber-er* волшебникъ, *Schweiz-er* швейцарець. Кромѣ того, есть цѣлый рядъ словъ, образовавшихся при посредствѣ суфф. *-aga* и означающихъ животныхъ (*Widder*, *Eber*) или вообще нарицательныя имена (*Acker*, *Finger*), не говоря о словахъ съ суфф. *-tra*, означающихъ средство или орудіе (*Bohrer*, *Leuchter*)²⁾.

Въ славянскихъ языкахъ его распространеніе хотя и не столь обширно, какъ въ германскихъ, но все же значительно³⁾; въ церк.-слав. и русскомъ: пах-ар-ь, боув-ар-ь грамотей, лѣс-ар-ь лѣсникъ, мыт-ар-ь, рыб-ар-ь, лѣв-ар-ь, пс-ар-ь; въ польскомъ: *piek-agz* пек-ар-ь, *pis-agz* пис-ар-ь, *mal-agz* маляр-ь; въ чешскомъ: *kov-áĝ* кузнецъ, *svin-áĝ* свинопасъ, *řezb-áĝ* ваятель, *truhl-áĝ* столяр-ь; въ сербскомъ: врат-ар; въ болгарскомъ: писар, крѣчмар кабатчикъ, гуведар пастухъ воловъ (говяд).

Изъ языковъ иранской группы—въ осетинскомъ онъ встрѣчается чаще при образованіи именъ прилагательныхъ: хал-ар преданный, фід-ар крѣпкій, сіз-ār сирота⁴⁾; въ курд-

¹⁾ По Миклошичу (*ibid.*) готическое *arjas* произошло отъ латинскаго *ārius*.

²⁾ Heyse, *Deutsche Grammatik*, 1893, стр. 172.

³⁾ Миклошичъ (*ibid.*) высказываетъ предположеніе, что этотъ суффиксъ заимствованъ, въ свою очередь, славянами у нѣмцевъ: *das suffix arĝ ist nicht ursprünglich slavisch, sondern wahrscheinlich deutsch.*

⁴⁾ Осетинскіе этюды, В. Мюллера, I.

скомъ языкѣ, напр. цін-ар сосѣдь ¹⁾ и въ современномъ персидскомъ, напр. бахтиј-ар богатый, бедід-ар ясный.

Въ армянскомъ языкѣ существуютъ словообразованія на ар-ар; напр. казм-арар переплетчикъ, бар-ерар благодѣтель (съ переходомъ а въ е), чар-ерар злодѣй, хашт-арар примиряющій, но арар есть собственно причастная форма отъ глаг. *սնել* дѣлать—въ знач. *дѣлающій* ²⁾). Такимъ образомъ, только вторая составная часть -ар—причастный суффиксъ, аналогиченъ съ нашимъ -ар. Кроме того, пбші-на *agentis* въ армянскомъ языкѣ образуются съ суффиксомъ -ан, который можно поставить въ связь съ персидскимъ *ان* *ān* этотъ ³⁾).

Оставляю въ сторонѣ семитическіе языки, въ которыхъ суфф. -ар служитъ для образования отвлеченныхъ понятій, напр. араб. *iftij-ār* свободная воля, *iztir-ār* необходимость и перехожу къ западно-кавказскимъ языкамъ, а прежде всего къ картской группѣ языковъ.

Въ мингрельскомъ языкѣ встрѣчаются слѣдующія словообразованія: сум-ар-і (стум-ал-і) гость, нт-ер-і врагъ, сун-ел-і сумасшедшій (съ замѣной р—л), марг-ал-і мингрелецъ ⁴⁾; въ сванскомъ: метхв-ар охотникъ, мыдг-ар мертвый, лув-ар живой; въ грузинскомъ языкѣ: мхд-ар-і исхудалый, м-качв-ар-і косарь ⁵⁾). Сюда же можно отнести и причастныя формы на -ар-і (-ал-і), -ар-е: мдзін-ар-і спящій, момѳер-ал-і поющій (отъ мѳера).

¹⁾ Краткій курманджійско-русскій словарь, С. А. Егіазарова.

²⁾ *անո՛ւ* въ томъ же значеніи—новое слово.

³⁾ Если предположеніе о связи арм. суффикса -ан съ перс. мѣстоименіемъ вѣрно, то это подтверждаетъ и дальнѣйшіе мои выводы.

⁴⁾ Цагарели, Мингрельскіе этюды, II, 53.

⁵⁾ М. Г. Джанашивили, Картвельскій языкъ и славяно-русскій (Сборн. мат., в. XXXI). Уважаемый авторъ ставитъ въ связь этотъ суффиксъ съ корнемъ гл. быть *Ⴑ*; связь несомнѣнно есть, если взглянуть глубже въ сущность этого корня. Въ груз. языкѣ суфф. -ар- нашель примѣненіе и въ глагольныхъ флексіяхъ.

Остановлюсь подробнѣе на языкѣ адыгскомъ (черкесскомъ), въ которомъ суффиксъ -р, съ предшествующимъ ему гласнымъ, имѣетъ такое же широкое примѣненіе, какъ и въ языкахъ германскихъ и славянскихъ.

Въ языкѣ адыгскомъ суффиксъ этотъ употребляется въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ для означенія того, что на известномъ словѣ останавливается рѣчь или что на него указывается. При посредствѣ того же суффикса выдвигается подлежащее изъ числа другихъ членовъ предложенія, и потому русское прямое дополненіе, дѣлаясь въ адыгскомъ языкѣ, вслѣдствіе построенія предложенія въ страдательномъ оборотѣ, подлежащимъ, получаетъ суфф. -р; напр.: ми-цѣхъ-м ji-хуне-р дахе-с домъ этого человѣка красивъ; ссе дыбуасе ми-цѣхъ-хе-р с-ѣабу'аѣ вчера я видѣлъ этихъ людей. Подвижное свойство суффикса -р въ адыгскомъ языкѣ подходитъ въ такому же свойству родового окончанія нѣмецкаго прилагательнаго, которое къ нему переходитъ отъ недостающаго указателя (напр. grosse-г Мапп).

Но суфф. -р въ адыгскомъ языкѣ обязательно наставляется въ причастныхъ формахъ: въ прич. наст. вр.: зы-ѣабу-р видящій, и съ предшествующимъ глас. 'а въ прич. прош. вр.: зы-ѣабу-'аѣр видѣвшій. Въ послѣдней формѣ 'а расчленяется на 'а + а; первое составляетъ корень вспомоgetельнаго гл. ji-'а-н имѣть (отъ 'а=рука), а второе—это составная часть, а именно первая, мѣстоименія 3 лица ha-р. Вотъ откуда получается долгое а̄, привлекающее къ себѣ вслѣдствіе долготы удареніе.

Часто въ адыгскомъ языкѣ слова съ суфф. -р (иногда съ евфоническимъ е) приобрѣтаютъ самостоятельное значеніе pōminis agentis.

Приведу примѣры: ѣраѣ-р исправный, жиг-ер рьяный, пхаѣ-р столяръ, хунаѣ-р домостроитель, фендиреѣ-р бондарь, мезхум-ер лѣсничій, кажист-ер наемщикъ, шхиваѣ-р

поварь, лаз-ер рабочий, каз-ер скряга, кыпеу-ер соперникъ, де-р швея, ɟа-р невольникъ, теко-'а̄р побѣдитель, змтеко-'а̄р побѣжденный, деху-'а̄р изгнанникъ, jithal-'а̄р утопленникъ ¹⁾).

При такомъ широкомъ употребленіи въ адыгскомъ языкѣ суффикса -(а)р слѣдовало бы въ томъ же языкѣ искать и болѣе самостоятельнаго его значенія. Какъ отдѣльное слово онъ употребляется только въ значеніи мѣстоименія 3 лица ha-р. Не могу не замѣтить, что въ этой своей формѣ ha-р совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. ег (болѣе древ. ig), совр. пѣм. er.

Что же въ такомъ случаѣ могутъ означать словообразованія съ наставкой -(а)р?

Если взять, напр., адыгское лаз-ер рабочий, то по расчлененіи на составныя части получается: работа + онъ; въ словѣ теко-'а̄р побѣдитель, по расчлененіи -'а̄р = 'а-(h)ар: побѣда + имѣть ('ан) + онъ. По аналогіи съ адыгскимъ въ германскихъ и славянскихъ словообразованіяхъ получается: Neid-er ²⁾ = зависть + онъ; лѣк-ар-ь = лѣкарство + онъ. Изъ этого видно, что обѣ составныя части этихъ словообразованій выражаютъ отношеніе лица къ дѣйствию глагола, обозначая въ своей совокупности *дѣйствующее лицо—дѣйствительность*.

Если суфф. -ар- въ адыгскомъ языкѣ уже снизошелъ до роли замѣнителя существительнаго—мѣстоименія, то въ

¹⁾ Въ абхазскомъ языкѣ, родственномъ черкесскому, суфф. -ра служитъ, подобно -ар въ арабскомъ языкѣ, для образованія отвлеченныхъ понятій: а́чча-ра смѣхъ; въ адыгскомъ языкѣ отвлеченныя понятія образуются при посредствѣ суфф. -а-ɟа: ɟогунш-а-ɟа бездорожье, 'изъннш-а-ɟа запрещеніе. Суфф. -ɟа употребляется весьма часто и стоитъ въ несомнѣнной связи съ абхазскимъ -ра.

²⁾ Вругманъ допускаетъ, что др.-герм. -ēg слѣлалось въ гот. -ag (напр. гот. svist-ar), и что вообще индо-герм. -er переходило въ неударяемыхъ слогахъ въ -ag (Вругм. II, 590).

нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ онъ еще, повидимому, сохранилъ свое первоначальное значеніе. Такъ, въ др.-инд. языкѣ *p-ár* означаетъ *мужъ*; точно также греч. *άν-ερ-* и лат. *(m)-a(s)g*, а равно и оскское и умбрійское *p-er*¹⁾. Въ армянскомъ языкѣ *ար* тоже означаетъ *мужъ, мужчина, человекъ*, но слово это не нашло въ немъ примѣненія какъ суффиксъ. Въ древ.-ир. яз. *p-er-t* употребляется въ значеніи *сила*²⁾.

Что таково можетъ быть значеніе мѣстоименныхъ корней, предполагалъ еще Шлейхеръ³⁾ относительно *-ша я*, ставя его связь съ глаг. корнемъ *-ша мѣрить, думать*, означающимъ также *человѣкъ* (древ.-инд. *шапу-*, гот. *ша-п*). Здѣсь само собою напрашивается сравненіе съ пѣмецкимъ словообразованіемъ: *Land-шапп* (=поле + мужъ). Въ адыгскомъ языкѣ, гдѣ суфф. *-(а)р* уже не употребляется въ этомъ значеніи, аналогичныя словообразованія встрѣчаются со словомъ *лѣм* *человѣкъ*: *мезн-лѣм* *лѣсной человекъ*, *пѣм-лѣм* *рабъ*. Идея образованія *pōminis agentis* (и причастныхъ формъ), въ соединеніи со словомъ, означающимъ *мужъ, человекъ*, находитъ свое примѣненіе и въ абхазскомъ языкѣ, въ которомъ въ соединеніи съ корнемъ *aw(y)*, означающимъ съ представочными гласными (собств. указателемъ), свойственными этому языку — *a(o)-aw* = *человѣкъ*, образуются *pōmina agentis* и причастныя и прилагат. формы⁴⁾: *aw-aw* *писецъ*, *abl-aw* *поджигатель*, *arha-aw* *пугливый*.

И въ тюркскихъ языкахъ встрѣчается суффиксъ *-ар*, но онъ служитъ для образованія причастныхъ формъ; напр. въ османскомъ: *сев-ер* *полюбившій*, *чык-ар* *вышедшій*; въ

¹⁾ Meyer, *Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache*, Berlin, 1882.

²⁾ Съ этимъ словомъ можно сопоставить сѣв.-кавк. нарѣ богатърь.

³⁾ Schleicher, *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, стр. 626.

⁴⁾ Усларъ, *Абхазскій языкъ*, стр. 69, 96.

казанско-татарскомъ: алнр имѣющій взять; въ урянхайскомъ: кѣцѣр имѣющій переправиться, ойнар имѣющій играть, санар имѣющій считать, сѣглѣр имѣющій говорить, турар имѣющій стоять; въ сартскомъ: бир-ар дающій; въ азербейджанскомъ: ахар текущій, бахар смотрящій и т. д. Вообще же -р, въ соединеніи съ именами и глаголами имѣетъ въ тюркскихъ языкахъ широкое примѣненіе, хотя онъ, большею частію, имѣетъ другое происхожденіе ¹⁾.

Быть-можетъ, суфф. -ар можно поставить въ связь съ самостоятельнымъ словомъ: ер, ѣр (ір) въ значеніи *мужъ*, но для образованія *pōmipis agentis* оно въ знач. суффикса не употребляется. Единственное слово, въ которомъ -ар снизошло до значенія суффикса, это кѣч-ѣр кочевникъ. Въ Средней Азии я слышалъ слово беј-ар въ знач. *богатый, знатный* ²⁾. Если допустить возможность этой роли суффикса -ар въ тюркскихъ языкахъ, то это можетъ относиться только къ отдаленному прошлому, такъ какъ въ историческое время, когда турки вошли въ соприкосновеніе съ аварами, онъ былъ замѣненъ суффиксомъ -чі, о чемъ была рѣчь въ первой моей статьѣ ³⁾.

Сопоставляя суфф. -ар- одного изъ кавказскихъ языковъ съ таковымъ же суффиксомъ, встрѣчающимся въ германскихъ и славянскихъ языкахъ, я имѣлъ въ виду установить фактъ бывшаго между языками обѣихъ этихъ группъ взаимодѣйствія. Взаимодѣйствіе между ними можно допустить не только въ доисторическую эпоху, о которой мы пока ничего не знаемъ, но и въ періодъ выступленія адыговъ или языговъ, а равно и другихъ адыгскихъ племенъ,

¹⁾ Müller, Türkische Grammatik, Berlin 1889. Катановъ, Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка, Казань 1903 г. Воскресенскій, Русско-тат. словарь, Казань 1894 г. Наливкинъ, Русс.-сарт. словарь, Казань 1884 г.

²⁾ Повидимому, русское слово *боляринъ* тюркскаго происхожденія.

³⁾ Сборн. мат., вып. XXXI.

подъ названіемъ печенѣговъ¹⁾, вабаровъ²⁾ и черкасовъ на аретѣ исторіи. Адыги или языги оставили глубокіе слѣды своего пребыванія какъ на югѣ Россіи, такъ и далѣе къ западу въ топографической номенклатурѣ этихъ мѣстъ. Замѣшествованіе могло послѣдовать еще въ тотъ отдаленный періодъ, когда усвоенныя чуждымъ народомъ слова, потерявъ свое самостоятельное значеніе, омертвѣли и снизошли до роли служебныхъ частей сложнаго слова.

Въ заключеніе, я не могу не упомянуть о томъ, что суфф. -ар (ер) служитъ для образованія множественнаго числа, означая вообще коллективность, въ кюринскомъ³⁾ языкѣ (вах-ар сестры, бі-л-ер руки) и другихъ языкахъ этой группы (рутульскомъ, цахурскомъ, агульскомъ, табасаранскомъ)⁴⁾, въ чеч. (ингушскомъ), а также въ одномъ изъ картскихъ языковъ—сванскомъ: (адхнег-ар товарищи). Тотъ же суффикъ, въ комбинаціи съ суффиксомъ л, служитъ для той же цѣли въ языкѣ мингрельскомъ l-ер (и въ нѣкоторыхъ словахъ въ вышеупомянутомъ рутульскомъ языкѣ).

Сюда же примыкаетъ и суфф. множ. числа въ тюркскихъ языкахъ: л-ар, л-ер—ев-л-ер дома, даъ-л-ар горы.

Первая составная часть это итерація согласнаго звука суффикса -ар, съ переходомъ р въ l⁵⁾; стало-быть, l-ар = *люди*.

Въ той же роли суфф. -ар, въ формѣ игї, встрѣчается въ румынскомъ языкѣ, отъ котораго перешло и въ болгар-

¹⁾ Въ названіи *печенѣги* я вижу составныя части адыгскаго языка. *паче-негү* = усь-щека = усачь.

²⁾ Кабары одно изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ мадыарской націи.

³⁾ Усларь, Кюринскій языкъ, стр. 31.

⁴⁾ Erekert, die Sprachen des Kaukasischen Stammes.

⁵⁾ Но звукъ л, l какъ въ мингрельскомъ, такъ и въ тюркскомъ языкахъ можетъ быть объясненъ вліяніемъ языка аварскаго, гдѣ онъ служитъ суффиксомъ множ. числа: вац братъ—вац-а-л.

скій: шевурня. Подобнымъ же образомъ и въ новоармянскомъ языкѣ образовался суфф. множ. числа (н)әр или -ер (въ односложныхъ именахъ): напр.: сезан-(н)әр столы, цар-ер деревья, пат-ер стѣны ¹⁾).

5. Суффиксъ -б-, -о(ба), -(е)ба.

Суфф. -б-, -о(ба), -(е)ба употребляется для обозначенія *отвлеченныхъ* понятій въ двухъ группахъ языковъ различного происхожденія: литовско-славянской арійскаго корня и въ картвельской группѣ семьи кавказскихъ языковъ. Въ картвельскихъ языкахъ его употребленіе весьма обширно, примѣняясь не только къ отвлеченнымъ именамъ, но также и въ глагольныхъ флексіяхъ. Для объясненія его настоящаго значенія приходится прибѣгать къ языкамъ другой группы той же кавказской семьи языковъ, хотя онъ и въ картвельской группѣ сохранилъ отчасти свое значеніе.

Буду разсматривать этотъ суффиксъ въ обѣихъ группахъ параллельно.

Въ грузинскомъ языкѣ, какъ самомъ яркомъ представителѣ картвельской группы, при посредствѣ этого суффикса образуются: а) отвлеченныя понятія: шави черный—шав-о-ба чернота, сами три—сам-е-ба Троица; б) обозначенія общности: христіан-о-ба христіанство, рус-о-ба Русь; в) обозначенія времени: вард-о-ба время розъ; г) названія празднествъ: елі-о-ба праздникъ св. Ильи, барбал-о-ба праздникъ св. Варвары; д) безчисленные отглагольныя существительныя, неопредѣленныя наклоненія и начинательныя глаголы: √ шен строить—шен-о-ба постройка, √ муша—муша-о-ба работать, шави—шав-е-ба чернѣть, пеша дерево—пеш-е-ба одеревенѣть, каци мужчина—кац-е-ба возмужать ²⁾).

¹⁾ Мое изслѣдованіе объ образованіи множ. числа появится въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

²⁾ Dirr, Gramm. der modernen grus. Sprache, Wien.

Сюда же отношу и суфф. о-б-и, служащій для обозначенія мѣстности: дадл-о-б-и низменность, маул-о-б-и возвышенность, квишр-о-б-и песчаное мѣсто (отъ квиши песокъ) ¹⁾.

Этотъ суффиксъ употребляется также въ наст. и буд. врем. глагола: кеѣ-е-ба дѣлать, ва-кеѣ-е-б я дѣлаю, га-ва-кеѣ-е-б я сдѣлаю.

Замѣчу, что abstracta образуются, подобно грузинскому языку, также и въ тушинскомъ (вонечно, подъ вліяніемъ грузинскаго, тогда какъ въ чеченскомъ языкѣ для этой цѣли служить суфф. -ар), а также и въ лавскомъ языкѣ: њо-ш-і-бу зло, кін-ш-і-бу добро.

Множественное число въ грузинскомъ языкѣ образуется отъ суффикса е-б-и (напр. мама отецъ—мам-е-б-и) ²⁾, который Дирръ ставитъ въ связь съ предыдущимъ е-б-а, служащимъ для образованія отвлеченныхъ понятій, съ чѣмъ нельзя не согласиться ³⁾. Я склоненъ думать, что объясненіе происхожденія какъ суффикса множ. числа, такъ и отвлеченныхъ понятій, слѣдуетъ искать въ корнѣ, означающемъ понятіе о *множествѣ*, а именно въ -б- ⁴⁾. Корень этотъ входитъ въ составъ словъ: ве-е-б-и великій, громада, большой; бе-в-ри много, множество. Въ болѣе чистой формѣ этотъ корень встрѣчается въ адыгскомъ языкѣ, гдѣ *бе*, какъ самостоятельное слово, означаетъ *много*, хотя для образованія множ. числа въ этомъ языкѣ употребляется *хе*, означающее *море*, стало-быть, множество воды, обиліе. Но самостоятельное слово *бе* и въ адыгскомъ языкѣ послужило для образованія предметовъ, означающихъ обиліе, и изрѣдка

¹⁾ Ibid., стр. 12.

²⁾ Въ лавскомъ языкѣ при образованіи множественнаго числа соединились элементы мингрельскаго и грузинскаго языковъ: ле+пе (пе-бе).

³⁾ Ibid., стр. 26.

⁴⁾ Джанашвили, Картв. языкъ и слав.-русскій, 14; Сбор. мат. XXXI, отд. IV, 14.

для отвлеченныхъ понятій: Псѣ-бе, Псѣ-ба-і (много воды) мѣстности въ Кубанской обл., пѣаду р-бе бортъ (много досокъ). хуа-бе тепло (много движенія), јіј-бе, наѣм-бе большинство.

Корень этотъ встрѣчается въ томъ же значеніи также въ абхазскомъ языкѣ: аѣк-па (п=б) много.

Для образованія множественнаго числа этотъ суффиксъ употребляется и въ другихъ кавказскихъ языкахъ (иногда въ соединеніи съ другимъ суффиксомъ): въ языкахъ кюринской группы—рутульскомъ, цахурскомъ и арчинскомъ, въ некоторыхъ нарѣчіяхъ даргинскаго языка, въ аварскомъ, авдійскомъ и дидойскомъ языкахъ, а равно и въ тушинскомъ языкѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ грузинскаго ¹⁾.

Перейду теперь къ арійскимъ языкамъ.

Въ этихъ языкахъ суфф. -bho- -bhā- служитъ для образованія отвлеченныхъ понятій, главнымъ образомъ въ языкахъ славянскихъ и литовскомъ.

Въ славянскихъ языкахъ: др.-сл. борь-б-а ²⁾, жтр-о-б-а, сждь-б-а, орат-ь-ба; русс. жениг-ь-б-а, служ-б-а; серб. жен-б-а; болг. съд-б-ь; чеш. han-ba; польск. licz-ba.

Въ латышскомъ языкѣ: гаус-и-б-а изобиліе, тиззиба вѣра, мазиба ученіе; въ литовскомъ: аукштыбе вышина—аугстиба, јауныбе молодость—јауниба, кантрыбе—терпѣніе, гівіба жизнь.

Въ германскихъ языкахъ остались только небольшіе слѣды употребленія этого суффикса: гот. ubilaba зло и въ прилаг. baitraba горькій, agluba тяжелый ³⁾. Такъ же ни-

¹⁾ Erckert, Sprachen des kaukasischen Stammes.

²⁾ Относительно слав. -ба Миклошичъ (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, II. 214) говоритъ слѣдующее: Das suffix ba scheint dem aind. mā zu entstprechen.

³⁾ Онъ входитъ также въ составъ сложнаго суфф. -schaft (Freundschaft дружба) др.-верх.-нѣм. scaft, образовавшагося изъ sca-b и мѣстоимен. корня t.

чтожны слѣды его употребленія въ языкахъ лат. (*mor-bu-s* болѣзнь) и греческ. (*ἔδα-φο-ς* основаніе, *χορυ-φή* вершина, *κόλαφος* пощечина) ¹⁾.

Вышеупомянутый суффт. *-bho -bhā-* можно поставить въ связь ²⁾ также и съ суффиксомъ **bhū-ō* (*bheu* дѣлаться), легшимъ въ основу глагола *быть* (*бы*), нѣмецкаго *bin* (изъ *b-in- b-im -bū*), латинскаго *fuī*, греческаго *ἔφ-ου* и сложныхъ глагольн. формъ въ лат. языкѣ: *calē-bō*, *ferē-bam*, *vidē-bam*, др.-нр. *bū fīo*, *sum*, *ro-bá fuī*, inf. *buith esse*, по *chagub* (изъ **caḡā-bō*) буду любить, *dolēciub* оставляю ³⁾. Сюда примыкаютъ формы лит. *bū-vēs*, др.-слав. *бы-въ*, др.-ирл. *ro bōi fuit* ⁴⁾.

Съ предыдущими соприкасается этимологически суффиксъ **-bhi*, встрѣчающійся въ падежныхъ формахъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій: др.-ар. *dat.*, *abl.*, *instr.*, *dual.*, *ašvā-bhyām*, *dat.*, *abl.*, *plūr.* *ašvā-bhyas*, *instr. plūr.*, *ašvā-bhiš* отъ *ašvā equa*, *dat. tūbhy-am tibi*, *asmā-bhyam nō-bī-s*, др.-сл. *dat. loc. те-бѣ*, *instr. то-бои-ж* отъ ты. Кромѣ падежныхъ суффиксовъ съ *bh*, сюда относятся также и нѣкоторые элементы языка, которые уже не имѣютъ функцій падежей. Суффт. *-φι* отъ *σ-φι* *σφратό-φι* мы встрѣчаемъ въ *ἄμ-φί*, а съ этимъ можно сопоставить *ἄμ-φω ambō оба*, др.-ин. *u-bhāú*, гот. *bái* и, можетъ-быть, также др.-ин. *sa-bhā* собраніе, мѣсто собра-

¹⁾ Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, 1, 204.

²⁾ Миклошичъ приводитъ (ibid.) мнѣніе Швейцера-Зидлера: Schweizer-Sidler knüpft an lat. *cibus. morbus* an und denkt an eine zusammensetzung mit der wurzel *bhū. fu.* Zeitschrift 3. 347. Относительно слав. *бы* см. его же Etymologisches Wörterbuch der slav. Sprachen, стр. 26.

³⁾ Brugmann, II, 2, стр. 892, 960, 1267, 1338. Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie, стр. 305.

⁴⁾ Brugmann, стр. 1210.

нія, гот. *si-b-ja* „Sippe“. Въ армянскомъ языкѣ суфф. *-bhi* является въ формѣ *-b*, а послѣ гласныхъ *-v*: *akam·b* отъ *akn* око, *maḡ·b* отъ *maḡ* мать, *dster·b* отъ *dustḡ* дочь, *gailo·v* отъ *gail* волкъ¹⁾.

Бругманъ говоритъ, что этотъ суфф., какъ это явствуется изъ двойственного ч. **bhōc̄ *bhō*, произошелъ отъ понятія о содружествѣ или двойственности (*Geraartheit*)²⁾, откуда легко могло развиться и понятіе множества, со-вмѣстности и совокупности.

Возможно, что съ этимъ суффиксомъ находится въ родствѣ также нѣмец. представка *be* (гот. *bi*, др.-в.-н. *bi*, ср.-в.-н. *be*) и предлогъ *bei* при (др.-в.-н. *bi*)³⁾, а также персидскіе предлоги: *be* бѣ съ, *be* бѣ въ.

Какъ изъ этого видно, одинъ и тотъ же суффиксъ или нѣсколько видоизмѣненный послужилъ въ языкахъ двухъ различныхъ семействъ не только для образованія отвлеченныхъ понятій, но и для именныхъ и глагольныхъ флексій, исходя отъ понятія множества до понятія о нахожденіи вмѣстѣ и существованія: послѣднимъ понятіемъ опредѣляется и понятіе отвлеченности, такъ какъ они покрываютъ другъ друга и взаимно пополняютъ.

Кто у кого заимствовалъ: карты ли еще въ тотъ періодъ, когда они жили по сосѣдству со славяно-литовскими (и германскими) племенами, или, наоборотъ, послѣдніе отъ первыхъ? Скорѣе можно предположить вліяніе, шедшее съ Востока на Сѣверо-Западъ, въ виду того что въ грузинскомъ языкѣ употребленіе этого суффикса сохранило еще болѣе живучести, пользуясь болѣе широкимъ примѣненіемъ,

¹⁾ K. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Gramm. der indogerm. Spr. II, 626, 636. Schleicher, Compendium der vergl. Gramm. der indogerm. Sprachen, стр. 562.

²⁾ Brugmann, стр. 626, 520.

³⁾ Heyse, Deutsche Grammatik, стр. 175. Kluge, Etymol. Wörterbuch der deutschen Sprache, стр. 36.

да и пониманіе его истиннаго значенія еще не вполне утеряно. То обстоятельство, что въ своемъ чистомъ видѣ, какъ самостоятельное слово, оно сохранилось только въ адыгскомъ языкѣ нисколько не говоритъ противъ этого утвержденія, если принять во вниманіе территориальную близость обоихъ этихъ племенъ. Впрочемъ, можно допустить также, что адыгскій языкъ, занимая между языками обѣихъ разсматриваемыхъ группъ центральное положеніе, былъ тѣмъ общимъ источникомъ, откуда черпали, съ одной стороны, народы аrio-европейской семьи, а, съ другой—картвельской, а также отдѣльные народы дагестанской группы языковъ.

Л. Л.

6 января 1908 г.
Тифлисъ.

Слова великорусскаго нарѣчія, записанныя въ стан. Михайловской, Кубанской области.

—

А надѣсь. Надѣсь. Нарѣч. 1) Вчера. 2) На дняхъ.

Бесѣда, ы, ж. Родные и знакомые, присутствующіе на
свадьбѣ.

Бойринь, м. Пріятель, товарищъ жениха, ѣдущій съ нимъ
въ церковь.

Брехѡвка, ж. Врунья.

Бѣлотурка, ж. Яровая пшеница, „американка“.

Вѣлекченный. Холощенный.

Въ (предл.) имѣетъ значеніе предл. за. Лѣто въ работѣ
провелъ.

Виждѣць, а, м. Вывихъ, переломъ спины у маленькаго
ребенка.

Влѣ (нескл.). См. оцѣ.

Васѣтка. Ласкат. отъ сл. Василій.

Вечерѡкъ, м. Посидѣлки, на которыя собираются дѣвуш-
ки и парни.

Гей (нескл.). Такъ говорятъ, когда прогоняютъ коровъ.

Гараська, Гарась, Гарася—ласкат. и уменьш. отъ Гера-
симъ.

Гѡнка, и. Бычачья надкопытная кость, налитая свинцомъ.

Гѡни, ж. Мѣра земли: 120×20 саж., или 240×10 саж.,
или 480×5 саж.

Дежа, ж. Кадушка, въ которой мѣсятъ тѣсто; дѣлается
обычно на три пуда муки: на три „всхода“.

Довуль (нарѣч.). До какихъ поръ.

Дружокъ. См. свашка.

Дрыжать, дрыжу. Дрыгать.

Дѣвовать, дѣвую. 1) Быть дѣвкой (дѣвицей). 2) Прово-
дить время въ дѣвическихъ забавахъ.

Дѣдъ. „Стоитъ дѣдъ надъ кручей, затѣпута ж...а онучей“.
(Загадка—труба).

Жйжа, ж. Огонь (въ разговорѣ съ маленькими дѣтьми).

За (предл.). Въ значеніи предл. въ. За всё лѣто дождя не
было!

Загата, ж. Стѣнка, заборчикъ, дѣлаемый изъ соломы.

Загнѣтка, ж. Мѣсто въ печи. въ началѣ устья.

Задѣвовать. Начать дѣвовать. (См. сл.).

Закѣта, закѣтка, ж. Маленькій сарай.

Замозголовить. Начать мозголовить. (См. сл.).

Запивать. См. „столовые деньги“ и „пропой“.

Затишко, а. Ср. затишье.

Зачукывать. См. чукивать.

Засапожничать. Начать сапожничать.

Засолодоваться. Завозиться, возиться долго.

Захомутаться. Завозиться, возиться долго.

Звиздануть. Сильно ударить. (Майконъ).

Звѣрьё, ья. Собир. звѣри.

Здуховина? У мерина ногъ возлѣ здуховины пятно:

Зелёный парь—пастбищный парь.

Земляной. Подземный. Земляной ключъ.

Издѣвовать, дѣвую. Провести свой вѣкъ дѣвкой (дѣви-

цей). „Ты, видно, у насъ издѣвуешь: больно ужъ ты разборчива“.

Каверзѣть. Итти спотыкаясь.

Кадыкъ. Въ выраженіи: „Теперь ему кадыкъ“ — конецъ, капуть.

Казанѣкъ, нка. Надкопытная кость животнаго.

Кйшка — кошка.

Кось. Кричатъ на жеребенка, прогоняя его.

Копнѣ, ж. 60 сноповъ, положенные въ кучу.

Кѡпка — то же значеніе.

Ковать. Подносить (на свадьбѣ) водку, угощать водкой.

Кѡтомъ (нарѣч.). Катясь. „Пустилъ казанѣкъ котомъ“.

Крестцы, овъ. 15 сноповъ, положенныхъ на-крестъ.

Кубыть (нарѣч.). Какъ будто.

Лошадь. См. сосунокъ.

Ласый (прил.). Охочій до чего-либо. „Лежитъ ласа, простеглася: какъ встанеть, небо достанеть“ (Загадка — дорѡга).

Мозголовить, влю, вять. Морочить голову, дурачить.

Максимъ. „Сухой Максимъ далеко сцить“ (Загадка — ружье).

Морѡкъ, сущ. м. р. Кто морочить кого-либо. „Ахъ ты, морокъ этакій!“

Мйла, ы, ж. р. Милая, милка. „Здравствуй, мила!“

На (предл.). Въ знач. въ. „На селу былъ“.

На (предл.). Въ знач. для. „На няво работаль“.

На (предл.). Въ знач. за. „На табѣ долгъ е“.

Надысь См. анадысь.

Навсегда (нарѣч.). Всегда.

Напудить. О дѣтяхъ: помочиться (отъ сл. моча).

Навилить, а, м. р. Что можно заразъ взять на вилы.

Нѣвина, н, ж. р. Сборъ зерна, производимый духовенствомъ послѣ уборки хлѣба.

Ночевля, и, ж. р. Ночевка.

Нанимать (гл. перех.). Отдавать въ наймы. (Майкопъ).

Обсыкать. Обмачивать мочой.

Объ. Предл. въ знач. въ, при обозначеніи времени: „Объ эту пору“.

Обиходъ, а, м. р. Обычай.

Оберёмокъ, мка, м. р. Оберёмочекъ, чка (уменьш.). Что можно взять заразъ въ охапку.

Омётъ, а, м. р. Что можно сразу взять на вилы.

Однокъ, нка, м. р. Снопъ, положенные звѣздообразно, зерномъ въ середину.

Ожерёлокъ, лка, м. р. Воротникъ.

Олё. См. оцё.

Отъёмышъ, а, м. р. Жеребенокъ, отнятый отъ матери.

Оцё. Такъ кричать на поросенка, прогоняя его. Олё—кричать на свинью.

Подъ. Предл. въ, см. наканунѣ. „Былъ у васъ подъ Покровъ“.

При. Предл. въ, см. за. „Онъ при дѣлахъ“.

Про. Предл. въ, см. для. „Не про тебя готовили“.

Паць. Такъ зовутъ поросенка.

Пунька, и, ж. р. Помѣщеніе безъ оковъ для храненія чего-либо.

Подъ, а. Дно русской печи.

Полдвникъ, а. Мѣсто, куда ссыпаютъ полову.

Па́па, м. Въ разговорѣ съ маленькими дѣтьми: хлѣбъ.

Пи́и. Огонь (въ разговорѣ съ маленькими дѣтьми).

Полукрёстье, ѡя, ср. р. Время передъ Пасхой, когда пройдетъ уже половина поста; въ это время изъ тѣста пекутъ кресты.

Пырь. Такъ кричатъ на овцу, прогоняя ее.

Полукопна́, м; полукѡпка, м. 30 сноповъ, положенныхъ вмѣстѣ.

Пѡползѣи (нарѣч.). Ползкомъ. „Казанокъ идетъ поползѣи“.

Покоситъся. Покосить. Покосился до обѣда,—на севодни буде.

Порубь, м. Порубка.

Посмѣтница, м. Жаворонокъ.

Пѡмины, ѡ. Поминки.

Похорѡнка, м. Запрятаніе.

Простегнѣтъся. Протянуться, распростереться.

Приколъ, а. Колъ, вбитый въ землю для привязыванія.
„Стоять кони на приколѣ—не пьютъ, не ядятъ, всё гладіе стоятъ. (Загадка—плетень).“

Пропѡй, я. Пирушка, устраиваемая въ честь просватанія дѣвушки. Глаголь: Пропива́ть.

Преобража́тъся. Сниться. „Онъ мнѣ во снѣ преобразился“.

Пяткѣи, овъ. Снопы, сложенные такъ: три внизу, на нихъ—два, одинъ сверху.

Развиднѣлось (безлич.). Стало свѣтло.

Рогачь, а. Приспособленіе, сдѣланное изъ желѣза, не набитое на ручку, для доставанія чугуна изъ печи.

Рогачильня, м. Ручка, на которую набивается рогачь.

Рукомесло, а. Ремесло. Прилаг.: рукомѣслый.

Рушникъ, а. Полотенце.

Съ. Предл. имѣющ. знач. предлога отъ. „Съ чего заболѣлъ“.

Святой уголь—тотъ уголь, гдѣ икона.

Свѣчки. Канунъ крещенія.

Свѣшка. Невѣстина родственница, либо подруга, указывающая, гдѣ какіе „обиходы“ вести во время свадьбы. У жениха—дружка.

Сметѣ, ья. Соръ.

Смолякъ, а. Корень сосноваго дерева.

Сосункъ—лошадь 1-го года; стрижакъ—лошадь 2-хъ лѣтъ, ибо на 2-мъ годѣ её стригутъ; третьякъ—лошадь 3-хъ лѣтъ; лошадь—вонь 4-хъ лѣтъ.

Солодоваться. Прохлаждаться, возиться. „Чево солодуешься!“

Сотсуля (нарѣч.). Отсюда.

Спокидѣть, сповинуть. Покидать.

Столбья деньги. Деньги, которыя берутъ съ жениха, когда запиваютъ невѣсту; деньги передаютъ старостѣ.

Старостѣ. См. сходатай.

Сурло, а. Полное лицо.

Сѣрякъ, а. Зипунъ.

Сѣвокъ, вка. Кто свѣтъ что-либо.

Сходатай, старостѣ—тотъ, кто идетъ сватать невѣсту; такимъ берутъ человѣка опытнаго, умѣющаго хорошо говорить, „дѣлать разные предлоги“.

Терникъ. Мѣсто, заросшее тёрномъ.

Типъ. Кричатъ такъ на щенка, когда его прогоняютъ.

Токовѣще. Мѣсто, на которомъ уже молотили хлѣбъ. Заброшенный токъ.

Торопнѣться. Шелохнуться (объ одушевл. предметѣ).

Третьякъ. См. сосунокъ.

Трынкѣчь. Любитель играть въ трынку (карточная игра).

Хѣта. Жилая изба.

Хомутѣться. Шататься, ходить безъ толку.

Чѣпельникъ. Приспособленіе, сдѣланное изъ желѣза (безъ ручки) для доставанія изъ печи сковороды.

Чѣпля, и. То же, но набитое на ручку.

Чѣплейка. То же—либо набитое, либо не набитое на ручку.

Чукѣкать. Подбрасывать ребенка на рукахъ.

Чухъ. Такъ кричать, зова свинью.

Ше. Такъ кричать на жеребенка, прогоняя его.

Шпоровать. Мазать стѣны избы глиной.

В. Водарскій.

Оглавление трехъ послѣднихъ выпусковъ Сборника.

ВЫП. XXXV. Предисловіе Л. Г. Лопатинскаго. ОТД. I. Зармскій монастырь, его реставрація и фрески. Фрески Зармского монастыря. Остатки церковной утвари Зармы, сохранившіеся въ Шемокмеди. Заключение о Зармскомъ монастырѣ. Сафарскій монастырь, его надписи и остатки стѣнной росписи. Монастырь Дчулеби и остатки его стѣнной росписи. Окросцихе. Надписи церкви въ деревнѣ Смада. Надпись о крестѣ въ Уртхисъубани и свѣдѣнія о другихъ памятникахъ къ западу отъ Зармы. Надпись на церкви въ деревнѣ Баладжури. *Е. С. Такайшвили.*—Картлисъ-Цховреба—Жизнь Грузин. I. Общія свѣдѣнія о Картлисъ-Цховреба и ея источникахъ. II. Легенды и преданія Картлисъ-Цховреба о начальномъ періодѣ грузинской исторіи. III. Языкъ Картлисъ-Цховреба. IV. Искаженія и упущенія, замѣчаемыя въ Картлисъ-Цховреба. V. Объ издателяхъ Картлисъ-Цховреба. *М. Г. Джамашвили.*—Древности Посховскаго участка. *В. И. Довицкиаго.*—Замѣтка *Е. С. Такайшвили.*—Поѣздка къ верховьямъ Большой Діахвы и Ксанки (лѣтомъ 1808 г.). *К. Ѡ. Гани.* **ОТД. II.** Предисловіе съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ. *А. А. Богоявленскаго.*—Темиргоевскія сказки. 1. Сказка о Темирбекѣ. 2. Сказка о Каирбекѣ. 3. Сказка объ Анзаурѣ. 4. Сказка о черепѣ. Записаль *В. В. Васильковъ.*—Татарскія дѣтскія сказки, записанныя въ гор. Нухѣ. 1. Царевичъ. 2. Благородный и низкій. 3. Приключенія мальчика. 4. Лиса и Армуданбекъ. 5. Сонъ. 6. Неспособный сынъ. 7. Кого Вогъ держитъ, тотъ не погинець. Записаль *С. Абдурахманъ.*—Изъ грузинской народной словесности. 1. Значеніе хлѣба-соли и безсердечію архангеловъ Михаила и Гавріила. 2. Горе царя Джумджума. Записаль *И. Степановъ.*—3. Сологъ. Записаль *М. Рамизовъ.* **ОТД. III.** Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка, съ предисловіемъ, текстами и сборникомъ словъ. *А. М. Дицца.*—Рисунки.

ВЫП. XXXVI. Предисловіе Л. Г. Лопатинскаго. ОТД. I. Описаніе рукописей библиотеки «Общества распространія грамотности среди грузинскаго населенія». *Е. С. Такайшвили.*—Лаки. Ихъ прошлое и бытъ. *Саида Габіева.* **ОТД. II.** Изъ области Кавказской этнографіи. 1. Свадьба въ Абхазіи. 2. Изъ жизни армянскихъ армянь. *Н. С. Державина.*—Свадебные обряды и пѣсни г. Ейска. *М. А. Харламова.*—Свадьба въ станицѣ Прочнокопской. *Павлова.*—Народные обычаи казаковъ станицы Бекешевской. *В. В. Василькова.*—Похоронные обычаи въ Верхней Сванетіи. *Д. Червенакова.* **ОТД. III.** Сартскія сказки. 1. Джековой-палванъ. 2. Рыбакъ, сдѣлавшійся царемъ. 3. Дильрома. 4. Два волшебника: Михтарбадъ и Ка-

макъ. *Н. И. Остроумова*. ОТД. IV. Краткій грамматическій очеркъ андійскаго языка. *А. М. Дирра*.

ВЫП. XXXVII. Предисловіе Л. Г. Лопатинскаго. ОТД. I. Описаніе рукописей бібліотеки «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». *Е. С. Такайшвили*.—Абхазія въ этнографическомъ отношеніи. *Н. С. Державина*. ОТД. II. Повѣрья, примѣты и суевѣрные обычаи наурцевъ. *П. Вострикова*. ОТД. III. Двѣ статьи о современномъ состояніи кавказовѣдѣнія. I. Новѣйшіе взгляды на отношенія кавказскихъ языковъ къ другимъ. II. Закавказье, какъ родина арійцевъ. *А. М. Дирра*.—Опытъ рѣшенія ванскаго (урартскаго) вопроса. *А. Е. Глейе*.—Къ прансторіи сѣверно-кавказскихъ языковъ. *А. Е. Глейе*.—О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ. *А. М. Дирра*.—Говоръ гребенскихъ казаковъ. Слова, заимствованныя изъ турецко-татарскихъ нарѣчій. *Н. А. Бараулова*.—Агульскій языкъ. Грамматическій очеркъ, тексты, сборникъ агульскихъ словъ съ русскимъ къ нему указателемъ. *А. М. Дирра*.
